МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

научно-правовой журнал

№ 10 октябрь 2026 год

Учредитель:

Грудцына Людмила Юрьевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2013 г.

Издатель: Издательство "ЮРКОМПАНИ"

Журнал основан в 2012 году

Сетевое издание зарегистрировано в Национальном центре ISSN (Свидетельство о регистрации ISSN 2782-3849 от 13 декабря 2021 г.)

Выходит один раз в месяц

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-49715 от 4 мая 2012 г.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

сетевой научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический научный журнал, посвященный актуальным проблемам юридической науки и практики, а также законотворческой и правоприменительной деятельности, вопросам образования, социологии и педагогики

Главный редактор:

Владимир Евгеньевич Усанов

Первый заместитель главного редактора:

Марат Селирович Шайхуллин

Заместитель главного редактора:

Валерий Борисович Рыжов

Корректор: **Вера Анатольевна Козлова**

Компьютерная верстка: **Юлия Дмитриевна Дребезгова**

Дизайн: **Роман Александрович Ерцев**

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес офиса редакции:

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис В 218. Этаж 2.

Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: www.r.law-books.ru

E-mail: mail@law-books.ru

WhatsApp: +7-903-672-55-88

Многоканальный: +8-800-700-45-88

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Международный научный вестник» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Усанов Владимир Евгеньевич,**

академик Российской академии образования (РАО), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

Первый заместитель главного редактора: **Шайхуллин Марат Селирович**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: **Рыжов Валерий Борисович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

- **Специальность: 5.1.4.** – Уголовно-правовые науки (юридические науки)
- **Алферова Елена Васильевна** – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом правоведения ИНИОН РАН
- **Гримальская Светлана Александровна** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
- **Усанов Владимир Евгеньевич** – академик Российской академии образования (РАО), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
- **Исраелян Валентин Борисович** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю.М. Лужкова
- **Булаков Олег Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания России
- **Грудцына Людмила Юрьевна** – доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН
- **Специальность: 5.1.5.** – Международно-правовые науки (юридические науки)
- **Андреева Любовь Васильевна** – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА имени О.Е. Кутафина
- **Иванова Светлана Анатольевна** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

- **Стригунова Дина Павловна** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

- **Дорская Александра Андреевна** – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Usanov Vladimir Evgenievich,**

academician of the Russian Academy of Education (RAO), doctor of law, Professor, professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

First Deputy Editor-in-Chief: **Shaikhullin Marat Selyovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Law Problems

Deputy Editor-in-Chief: **Ryzhov Valery Borisovich**, Ph.D., associate professor, associate professor, Department of state and municipal administration, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

- **Specialty: 5.1.4.** – Criminal law sciences (legal sciences)
- **Alferova Elena Vasilievna** – candidate of Law, leading researcher, Head of the Department of Law, INION RAS
- **Grimalskaya Svetlana Aleksandrovna** – Ph.D., associate professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation
- **Usanov Vladimir Evgenievich** – academician of the Russian Academy of Education (RAO), doctor of law, Professor, professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov
- **Israelyan Valentin Borisovich** – candidate of Law, associate professor, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu.M. Luzhkov
- **Bulakov Oleg Nikolaevich** – doctor of Law, professor, Head of the Department of Constitutional and International Law the Russian State Humanities University, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of Russia
- **Grudtsyna Lyudmila Yurievna** – doctor of Law, professor, professor of FSBEI HE «Russian State Academy of Intellectual Property,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences
- **Specialty: 5.1.5.** – International legal sciences (legal sciences)
- **Andreeva Lyubov Vasilievna** – doctor of Law, professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafina
- **Ivanova Svetlana Anatolyevna** – doctor of Law, professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- **Strigunova Dina Pavlovna** – doctor of Law, associate professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation»

• **Dorskaya Alexandra Andreevna** – doctor of Law, professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justise

РУБРИКИ ЖУРНАЛА

Специальность: 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

- ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
- УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
- КРИМИНОЛОГИЯ
- ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
- КРИМИНАЛИСТИКА
- ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Специальность: 5.1.5. – Международно-правовые науки (юридические науки)

- ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО
- МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

JOURNAL HEADINGS

Specialty: 5.1.4. – Criminal Law Sciences (Law Sciences)

- THEORY OF CRIMINAL LAW
- CRIMINAL LAW AND PROCESS
- CRIMINOLOGY
- CRIME AND PUNISHMENT
- FORENSICS
- PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
- OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Specialty: 5.1.5. - International legal sciences (legal sciences)

- HUMAN RIGHTS IN THE WORLD
- INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS
- INTERNATIONAL LAW MAKING
- PUBLIC INTERNATIONAL LAW
- INTERNATIONAL ECONOMIC LAW
- INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

научных статей, направленных в редакцию научно-правового журнала «Международный научный вестник»

1. Общие положения

1.1. Под рецензированием понимается процедура рассмотрения членами редакционной коллегии научно-правового журнала «Международный научный вестник», а также привлеченными специалистами по тематике рецензируемых материалов из других организаций, научных статей, отражающих основные результаты исследования, проведенного автором (авторами), (далее – статей), представляемых для опубликования в научно-правовом журнале «Международный научный вестник» (далее – Журнал), до публикации.

1.2. Журнал осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Рецензия должна обеспечивать всестороннюю и объективную оценку, анализ достоинств и недостатков представленной статьи.

1.3. Цель рецензирования – повышение научного уровня материалов, публикуемых в Журнале, и обеспечение качества статьи, соответствующее международным правилам, принятым в авторитетных реферативных базах научного цитирования.

1.4. К рецензированию привлекаются как члены редакционного совета Журнала, так и сторонние рецензенты, имеющие ученую степень доктора или кандидата наук (либо их зарубежный эквивалент), обладающие достаточным опытом научной работы по заявленному в статье научному направлению, знакомые с требованиями, предъявляемыми редакцией Журнала к публикуемым материалам. Все рецензенты имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

1.5. Как правило, рецензент не должен работать в одной организации с автором (авторами) статьи. Редакция делает все возможное и стремится к исключению «конфликта интересов» между авторами и рецензентами.

1.6. Объем рецензии не регламентируется, но, как правило, должен укладываться в 1–2 страницы компьютерного набора текста (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал – полуторный, кегль – 12).

1.7. При поступлении рукописи статьи в редакцию все авторы предупреждаются о процедуре обязательного рецензирования. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

1.8. При отрицательном отзыве либо наличии серьезных замечаний к статье со стороны рецензента работа, как правило, отправляется на дополнительное рецензирование. Более одного рецензента обязательно назначается в случаях, когда статья выполнена на «стыке» наук или научных направлений.

1.9. Окончательное решение о возможности опубликования статьи принимает редакционный совет с учетом полученной рецензии (рецензий), а также мотивированного ответа автора (авторов) статьи.

1.10. При положительной рецензии автору направляется уведомление о принятии статьи к рассмотрению редсоветом. Авторам, которым отказано в публикации статьи, направляется мотивированный отказ.

1.11. Оригиналы рецензий или их копии в электронном виде хранятся в редакции пять лет с момента подписания рецензентом.

Правила рецензирования

2.1. Рецензирование организует главный редактор или заместитель главного редактора Журнала. Выбор экспертов-рецензентов относится к полномочиям редакционного совета. Рецензент назначается в зависимости от его специализации и квалификации с учетом тематики представленной в редакцию научной статьи.

2.2. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются результатами интеллектуальной деятельности, способными к правовой охране, и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.3. Все рукописи проходят двойное слепое рецензирование (рецензент не знает автора рукописи, автор рукописи не знает рецензента).

2.4. Рецензирование осуществляется в срок до 30 дней.

2.5. В рецензии отражаются следующие вопросы:

соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

соответствует ли статья современным достижениям научно-теоретической мысли;

присутствует ли научная новизна в рассматриваемой статье;

доступна ли статья читателям, которым она адресована, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и проч.;

целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу научной литературы;

в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

являются ли метаданные к статье полным информативным отражением содержания статьи и отвечают ли они требованиям к метаданным, принятым в Журнале;

может ли аннотация статьи послужить подтверждением научной ценности представленного на рецензирование материала и привлечь читателей к рассматриваемой проблеме, участию в дальнейшей дискуссии;

вывод о возможности опубликования данной статьи в Журнале: «рекомендуется» (положительная рецензия), «рекомендуется при условии исправления отмеченных рецензентом недостатков» (доработка) или «не рекомендуется» (отрицательная рецензия).

2.6. Рецензия направляется редакцией на электронный адрес автора. Автору не сообщаются сведения о рецензенте.

2.7. При наличии замечаний рецензента автор статьи вносит в нее соответствующие изменения и присылает ее повторно. Автору рекомендуется также дать письменный комментарий относительно учета замечаний рецензента. Срок представления автором исправленной статьи ограничен одним месяцем. Если статья не прислана автором в указанный срок, она снимается с рассмотрения.

2.8. При незначительных замечаниях рецензента, требующих только редакторских правок, и с согласия автора может быть принято решение о приеме статьи без дополнительной авторской доработки.

2.9. В случае мотивированного несогласия автора с мнением рецензента решение по статье принимает редакционный совет.

2.10. Содержание рецензии рассматривается редакционным советом при утверждении статьи к опубликованию, который принимает одно из решений:

- принять статью к опубликованию без исправлений;
- направить статью на дополнительное рецензирование;
- вернуть статью автору для исправления по замечаниям рецензента;
- отклонить статью (с обязательной мотивацией).

Содержание:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ
Гулиева М.М., Цороева Т.М. * Правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и зарубежных странах. 14
Царькова Д.В. * Механизмы защиты права на семью в универсальной и региональных системах прав человека. 18
Химеденова Д.Н., Тарыкин В.К. * Проблемы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в современной России. 22
ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
Гаврилин Е.С. * Формы соучастия в преступлении. 27
Таймасханова Х.З. * Личность экономического преступника в сфере реализации национальных проектов. 31
Тарасов А.А. * Эволюция научных и правовых подходов к защите юридического лица от виктимизации: состояние проблематики и перспективы развития. 35
Рахимов С.С. * Принципы уголовного права Российской Федерации и Республики Таджикистан: доктринальные и правоприменительные аспекты. 41
Долгополов К.А. * Сравнительно-правовой анализ моделей обратной силы уголовного закона в странах постсоветского пространства: проблемы гармонизации и рецепции. 49
Волченко А.В., Шелякин А.В. * Тайна переписки в мессенджерах в цифровой среде: процессуальные гарантии от произвольного доступа государства. 58
Бодяков В.Н., Морозов Р.М., Владимиров С.В. * Современные цифровые инструменты в противодействии пенитенциарной преступности. 63
Кухтяева Е.А., Гермесов Г.А., Арслангереева С.А. * Критерии разграничения убеждения и принуждения в уголовно-процессуальной деятельности: теоретико-правовой анализ. 67
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС
Краснорукая Т.А. * Проблемы реализации права дознавателя на обжалование указаний начальника органа дознания. 72
Надоненко О.Н. * Эксперт и специалист как субъекты оценки научной достоверности заключения эксперта в уголовном процессе. 77
Скороделова Е.И. * Организация взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных аппаратов при расследовании убийств. 83
Мартынов Р.А. * Следственные действия: практические проблемы при производстве. 88
Коробкова Е.Е., Антонов М.Е., Константинов Е.Е. * Общая характеристика принципов взаимодействия следователя и органа дознания при производстве по уголовным делам. 91
Бодяков В.Н., Морозов Р.М., Владимиров С.В. * Основные направления цифровизации учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: состояние, проблемы и перспективы. . 97
Вареница К.А. * Дематериализация предмета хищения в уголовном праве России: законодательные новеллы и судебная практика в отношении цифровой валюты. 102
Чередниченко А.В. * Злоупотребление правом на защиту в уголовном судопроизводстве: критерии выявления и пределы процессуального реагирования. 111
Карпова А.В., Клочко Ю.В. * Интеграция когнитивно-ориентированных подходов в тактику допроса: лингвистический аспект. 120
Алиева Ф.Б. * Соотношение субъекта преступления и личности преступника: проблема разграничения уголовно-правового и криминологического подходов. 127
Овчаренко Б.Д. * Нарушение принципа состязательности в судебной практике: постановка проблемы. 133
Табаков С.А. * Применение принуждения в отношении субъектов, не являющихся преследуемыми лицами, в ходе производства следственных действий. 136
Дмитриева М.К., Григоряк А.В., Щербаков А.В.* Законодательное регулирование режима в системе исправления спецконтингента. 140
ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Шестак В.А., Бельдинов В.А. * Организация прокурорского надзора за соблюдением отдельных прав и свобод военнослужащих в условиях проведения специальной военной операции. 146
Третьяков С.О. * Цифровизация сделок с жильем и защита добросовестного приобретателя: новые вызовы 2026 года. 151
Гаврилин Е.С. * Специфика отдельных видов обязательств. 162

Бутба А.Э. * Особенности правового регулирования телемедицины в Российской Федерации. . . . 167
Попова О.В., Каверина Э.Ю. * Судебная практика применения налоговой реконструкции в 2021–2026 гг.: противоречия и тест умысла. 171
Мартынов Р.А., Туркина П.Р. * К вопросу о причинении вреда в состоянии мнимой обороны. 177
Федоров А.А. * Исполнительский сбор: доктринальные и законодательные аспекты. 181
Ахметзянов И.И. * Специфика организации и проведения антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов как средства профилактики коррупции в Республике Татарстан. 187
Спирица Е.В. * Профайлинг: разграничение предметных областей и пределов обоснованного вывода 198

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Гужвий В.В. * Объективные признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом за самовольное оставление части. 209
Кухтяева Е.А., Юсупов Ю.М., Дадашева Д.А. * Виктимологическая профилактика жестокого обращения с детьми: субъекты, меры и критерии эффективности. 214
Емельянова А.А. * Подделка и оборот поддельных официальных документов об отсутствии заболеваний (ст. 235.2 УК РФ): проблемы квалификации и разграничения со смежными составами. 219
Чередниченко А.В. * Понятие «вмешательство» в составе преступления, предусмотренного статьей 294 УК РФ: проблемы толкования и судебной практики. 227
Золотухин А.В., Синяева М.И., Труфанова А.Ю.* Проблемы дифференциации уголовной ответственности за коммерческий подкуп и направления совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации. 236

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Жукова Е.Н. * Международно-правовые источники обеспечения информационной безопасности в современном международном праве. 245
Фокина С.П. * Организация воспитательной работы с осужденными к лишению свободы: актуальные зарубежные практики и инициативы. 250
Катунина М.В. * Современные направления развития международно-правового регулирования информации под влиянием передовых технологий. 255

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Умаров К.А., Магомедова А.М., Залибеков Р.П. * Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации насильственных действий сотрудников органов внутренних дел при превышении должностных полномочий (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ). 260

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Попова О.В., Каверина Э.Ю. * Налоговая реконструкция: понятие, методы и принципы в свете практики Верховного Суда Российской Федерации и зарубежного опыта. 272
Кудрявцева К.Р. * Социально-правовая природа незаконной миграции: вызовы и перспективы уголовно-правового регулирования в странах Латинской Америки. 278

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Кудрявцева К.Р. * Исторические аспекты и современное состояние уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в Латинской Америке. 288

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Горгидзе Г.М. * Особенности образования норм международного экономического права и роль международных межправительственных организаций в этом процессе. 297

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Батыгов З.О., Барахоева Е.А., Батыгова М.З. * Межпредметные связи образовательного права с гражданским правом. 303

ИННОВАЦИИ

Керимова М.М. * Цифровая валюта как средство совершения преступления: проблемы квалификации. 312
Карпова А.В., Клочко Ю.В., Сухоруков В.А. * Лингвистические и психолингвистические критерии оценки достоверности показаний в следственной работе. 322
Игошин В.Г., Пантелеев В.А., Рачков Л.В. * Искусственный интеллект в системах видеонаблюдения пенитенциарных учреждений: технологическая трансформация и правовые вызовы. 328

Content:

HUMAN RIGHTS IN THE WORLD
Gulieva M.M., Tsoroeva T.M. * Legal status of the commissioner for human rights in the Russian Federation and foreign countries. . . . 14
Tsarkova D.V. * The mechanisms of protection of the right to a family in the universal and regional human rights systems. . . . 18
Khimedenova D.N., Tarikin V.K. * Problems of social adaptation of persons released from places of deprivation of liberty in modern Russia. . . . 22
CRIMINAL LAW THEORY
Gavrilin E.S.* Forms of complicity in a crime. . . . 27
Taimaskhanova Kh.Z. * The personality of an economic offender in the sphere of implementing national projects. . . . 31
Tarasov A.A. * Evolution of scientific and legal approaches to protecting a legal entity from victimization: the state of the issue and development prospects. . . . 35
Rakhimov S.S. * Principles of criminal law in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan: doctrinal and law-enforcement aspects. . . . 41
Dolgopolov K.A. * Comparative legal analysis of models of retroactive effect of criminal law in post-soviet countries: problems of harmonization and reception. . . . 49
Volchenko A.V., Shelyakin A.V. * Secrecy of correspondence in messengers in the digital environment: procedural guarantees against arbitrary access of the state. . . . 58
Bodyakov V.N., Morozov R.M., Vladimirov S.V. * Modern digital tools in combating penitentiary crime. . 63
Kukhtyaeva E.A., Germesov G.A., Arslangereeva S.A. * Criteria for distinguishing between persuasion and coercion in criminal procedure activities: theoretical and legal analysis. . . . 67
CRIMINAL LAW AND PROCESS
Krasnorutskaya T.A. * Problems related to the exercise of an investigator's right to appeal against the instructions of the head of the investigative body. . . . 72
Nadonenko Olga N. * The expert and the specialist as subjects assessing the scientific reliability of an expert's conclusion in criminal proceedings. . . . 77
Skorodelova E.I. * Organization of interaction between an investigator and members of operational units during human rights investigations. . . . 83
Martynov R.A. * Investigative actions: practical problems in production. . . . 88
Korobkova E.E., Antonov M.E., Konstantinov E.E. * General description of the principles of interaction between the investigator and the inquiry body in criminal proceedings. . . . 91
Bodyakov V.N., Morozov R.M., Vladimirov S.V. * The main directions of digitalization of institutions of the penal system of the Russian Federation: current state, problems, and prospects. . . . 97
Varenitsa K.A. * Dematerialization of the object of larceny in Russian criminal law: legislative novelties and judicial practice regarding digital currency. . . . 102
Cherednichenko A.V. * Abuse of the right to protection in criminal proceedings: criteria for identification and the limits of procedural response. . . . 111
Karpova A.V., Klochko Yu.V. * Integrating cognition-oriented approaches into interrogation tactics: a linguistic perspective. . . . 120
Alieva F.B. * The relationship between the subject of a crime and the personality of the offender: the problem of distinguishing criminal law and criminological approaches. . . . 127
Ovcharenko B.D. * Violation of the adversarial principl in judicial practice: defining the problem. . . . 133
Tabakov S.A. * Use of coercion against entities other than persecuted persons in the course of investigative actions. . . . 136
Dmitrieva M.K., Grigoryak A.V., Shcherbakov A.V. * Legislative regulation of the special contingent correction system. . . . 140
PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION
Shestak V.A., Beldinov V.A. * Organization of prosecutorial supervision over the compliance with certain rights and freedoms of military personnel during a special military operation. . . . 146
Tretyakov S.O. * Digitalization of housing transactions and protection of the bona fide purchaser: new challenges of 2026. . . . 151
Gavrilin E.S. * Specificity of certain types of obligations. . . . 162
Butba A.E. * Features of legal regulation of telemedicine in the Russian Federation. . . . 167

Popova O., Kaverina E. * Judicial practice of tax reconstruction in 2021–2026: contradictions and the intent test. 171
Martynov R.A., Turkina P.R. * On the issue of causing harm in the state of imminent defense. 177
Fedorov A.A. * The enforcement fee: doctrinal and legislative aspects. 181
Akhmetzyanov I.I. * Specific features of organizing and conducting anti-corruption expert review of municipal regulatory legal acts and draft municipal regulatory legal acts as a means of corruption prevention in the Republic of Tatarstan. 187
Spiritsa E.V. * Profiling: delimiting the subject areas and the limits of a warranted conclusion. 198
CRIME AND PUNISHMENT
Guzhviy V.V. * Objective signs of corpus delicti provided for by the criminal code for unauthorized abandonment of a military unit. 209
Kukhtyaeva E.A., Yusupov YU.M., Dadasheva D.A. * Victimological prevention of child maltreatment: subjects, measures and performance criteria. 214
Emelyanova A.A. * Forgery and circulation of forged official documents certifying the absence of diseases (article 235.2 of the criminal code of the Russian Federation): problems of qualification and delimitation from related offences. 219
Cherednichenko A.V.* The concept of “interference” in the composition of the crime provided for in article 294 of the criminal code of the Russian Federation: problems of interpretation and judicial practice. 227
Zolotukhin A.V., Sinyaeva M.I., Trufanova A.Yu. * Problems of differentiation of criminal liability for commercial bribery and areas of improvement of criminal legislation of the Russian Federation. 236
INTERNATIONAL JURISPRUDENCE
Zhukova E.N. * International legal sources ensuring information security in modern international law. . . 245
Fokina S.P. * Organization of educational work with inmates: current foreign practices and initiatives. . . 250
Katunina M.V. * Modern directions of development of international legal regulation of information under the influence of advanced technologies. 255
OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES
Umarov K.A., Magomedova A.M., Zalibekov R.P. * Criminal-legal characteristics and problems of qualification of violent actions of internal affairs officers exceeding official powers (item "a" part 3 of art. 286 of the criminal code of the Russian Federation). 260
INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS
Popova O., Kaverina E. * Tax reconstruction: concept, methods and principles in the light of the case law of the Supreme Court of the Russian Federation and foreign experience. 272
Kudryavtseva K.R. * Socio-legal nature of illegal migration: challenges and prospects of criminal-law regulation in Latin American countries. 278
INTERNATIONAL PUBLIC LAW
Kudryavtseva K.R. * Historical aspects and current state of criminal law mechanisms for countering international crimes in Latin America. 288
INTERNATIONAL ECONOMIC LAW
Gorgidze G.M. * Specific features of the formation of international economic law norms and the role of international intergovernmental organizations in this process. 297
EDUCATION AND LAW
Batygov Z.O., Barakhoeva E.A., Batygova M.Z. * Interdisciplinary relationships between educational law and civil law. 303
INNOVATION
Kerimova M.M. * Digital currency as a means of committing a crime: problems of qualification. 312
Karpova A.V., Klochko Yu.V., Sukhorukov V.A. * Linguistic criteria for assessing the credibility of testimony in investigative work. 322
Igoshin V.G., Panteleev V.A., Rachkov L.V. * Artificial intelligence in penitentiary video surveillance systems: technological transformation and legal challenges. 328

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-14-17

ГУЛИЕВА Малика Магомедовна,
кандидат политических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЦОРОЕВА Танзила Магомедхановна,
Магистрант ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности правового статуса уполномоченного по правам человека в области применения конституционного и административного права, а также уделяется особое внимание специфике его деятельности и принципам, на которые должна основываться его правозащитная дипломатия в условиях многополярного мира и построения новой международной системы защиты прав человека. Наряду с этим, делается акцент на правовом статусе омбудсменов зарубежных стран и перечню их полномочий в области защиты прав человека.*

Ключевые слова: *Уполномоченный по правам человека, Конституция РФ, Федеральный конституционный закон, правовой статус омбудсмена, защита прав человека, права и обязанности омбудсмена.*

GULIEVA Malika Magomedovna,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Ingush State University Magas, Russia

TSOROEVA Tanzila Magomedkhanovna,
Master's Student Ingush State University Magas, Russia

LEGAL STATUS OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. *This article examines the legal status of the Commissioner for Human Rights regarding the application of constitutional and administrative law. It pays particular attention to the specifics of the Commissioner's activities and the principles underpinning their human rights diplomacy within the context of a multipolar world and the construction of a new international human rights protection system. Additionally, the article highlights the legal status of ombudsmen in foreign countries and the scope of their powers in the field of human rights protection.*

Key words: *Commissioner for Human Rights, Constitution of the Russian Federation, federal constitutional law, legal status of the ombudsman, protection of human rights, rights and duties of the ombudsman.*

В любом правовом государстве одно из ключевых мест занимают механизмы защиты прав и свобод человека, к которым в первую очередь относится институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмен). Данный институт функционирует во многих зарубежных странах и по действующей международной классификации его можно отнести к национальным системам особых учреждений, связанных с защитой прав и свобод.

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации берет свое начало от базового международного стандарта, утвержденного Генеральной Ассамблеей ООН в 1993 году и определившего ключевые принципы работы национальных правозащитных струк-

тур. В целях имплементации указанных норм на внутригосударственном уровне в России был принят Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ, закрепивший за омбудсменом статус особого государственного механизма, призванного гарантировать защиту прав и свобод личности, а также обеспечивать их неукоснительное соблюдение представителями власти всех уровней, как муниципальными органами, так и должностными лицами.

В экспертном сообществе правоведов-конституционалистов доминирует позиция, в соответствии с которой данный орган имеет фундаментальную государственно-правовую природу, поскольку его функционирование напрямую санкционировано Конституцией РФ. Именно поэтому исследование правового положения российского омбудсмена сохраняет высокую теоретическую и практическую значимость в контексте развития современного конституционного и административного права.

Целью исследования данной статьи является анализ правового статуса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и зарубежных странах.

Методологическая база включает формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а в качестве материалов исследования послужили нормативно-правовые акты, международные документы и труды ученых-конституционалистов.

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее – Уполномоченный) представляет собой целостную общегосударственную систему правозащиты, включающая в себя совокупность федеральных и региональных уполномоченных, а также специализированных правозащитных ведомств (например, омбудсмены по защите прав детей), объединенных едиными задачами, методами работы и нормативными принципами, нацеленными на практическое обеспечение и превентивную защиту конституционных свобод человека и гражданина.

Роль государственного защитника прав человека в международном сотрудничестве закреплена как в международно-правовых, так и в национальных документах государств, где также созданы и действуют институты омбудсменов. Вместе с тем, в российском законодательстве на настоящий момент отсутствует четкое определение понятия уполномоченного по правам человека. Так, по мнению Авакьяна С. А.: «Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации – это назначаемое Государственной Думой государственное должностное лицо, призванное рассматривать жалобы граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства на решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и государственных служащих, если ранее заявитель обжаловал эти решения или действия в судебном либо административном порядке, но не согласен с принятыми решениями»[1, с. 113].

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (далее – Закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ) должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждается в соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Статья 45 Конституции РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в РФ, а статья 103 наделяет парламент правом назначения на должность и освобождения от должности Уполномоченного по правам человека. Уполномоченный по правам человека в РФ назначается на должность и освобождается от должности Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

В соответствии со ст. 2 Закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам. В своей деятельности Уполномоченный руководствуется Конституцией РФ, настоящим Федеральным конституционным законом, законодательством Российской Федерации, а также общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации.

К принципам, на которые должна основываться правозащитная дипломатия государственного защитника прав человека в условиях полицентричности и построения новой международной системы защиты прав человека, относятся:

политическая нейтральность;

вариативность правозащитных механизмов;

равноправие и взаимное уважение интересов государств – участников международных правозащитных организаций;

максимальное представительство, включающее коллективное решение наиболее значимых вопросов;

развитие практики двустороннего международного сотрудничества в защите прав человека (поощрение развития двустороннего взаимодействия национальных органов и структур, осуществляющих защиту прав человека).

Деятельность омбудсмена определяется соответствующим федеральным или региональным законодательством. Основными направлениями работы Уполномоченного являются:

прием и рассмотрение жалоб граждан на действия или бездействие органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц;

проверка обстоятельств жалобы путем направления запросов о предоставлении документов и объяснений у государственных органов, посещение учреждений, опрос должностных лиц;

обращение в суд с иском в защиту нарушенных прав, а также в прокуратуру для проверки законности решений;

направление заключений и рекомендаций органам власти по устранению нарушений прав граждан;

правовое просвещение, заключающееся в разъяснении гражданам их прав и способов защиты, публикации методических материалов и докладов;

подготовка и направление в органы законодательной власти ежегодного доклада о состоянии прав человека;

инициирование изменений в законодательстве путем системного анализа поступающих жалоб;

обеспечение взаимодействия с международными правозащитными структурами и омбудсменами других государств.

Институт Уполномоченного по правам человека создан для охраны прав граждан, для содействия реализации и восстановлению нарушенных прав человека с целью обеспечения надлежащего государственного управления со стороны публичной администрации, а также для привлечения к уголовной дисциплинарной и административной ответственности чиновников за совершенные ими противоправные действия.

Надо отметить, что согласно п. 44 Указа Президента РФ от 14.11.2024 г. № 974 «О государственных должностях Российской Федерации» Уполномоченный по правам человека относится к лицам, замещающим государственную должность. И. В. Зернов в своих работах относит данный институт к публично-правовым образованиям. Он считает, что правоспособность публично-правовых образований связана с представительством, когда государство в лице определенных органов обеспечивает механизм защиты прав человека [4, с. 10].

Институт омбудсмена (уполномоченного по правам человека) в зарубежных странах является ключевым элементом системы «сдержек и противовесов», который дополняет традиционные административные и судебные механизмы защиты прав граждан.

В мировой практике на основе способов учреждения и подотчетности, согласно исследованиям Дёминой Е. П., Созаева А. С. и Орлова А. Г., выделяют три базовые модели омбудсменов:

парламентская модель (классическая Скандинавская — Швеция, Финляндия). Омбудсмен назначается парламентом, полностью независим от исполнительной власти и выступает в качестве органа парламентского контроля;

исполнительная (правительственная) модель. Уполномоченный назначается главой государства или правительством (характерно для ряда стран Африки и Азии);

смешанная (полупарламентская) модель. В назначении участвуют несколько ветвей власти (например, Франция) [2, с. 83].

Организационная структура Уполномоченного (омбудсмена) может быть:

единоличной – один генеральный уполномоченный, имеющий централизованный аппарат;

коллегиальной (плюралистической) – ярким примером служит Швеция, где действуют четыре парламентских омбудсмена справедливости, возглавляемые Шеф-омбудсменом. Каждый из них курирует строго определенные сферы (правосудие, полицию, налоги, социальное обеспечение).

Современные исследователи, на примере Джунусовой Д. Н., отмечают усложнение структуры омбудсмена за счет создания специализированных служб: по правам детей (Португалия), делам военнослужащих (Германия), защите информации и равенства полов (Канада) [3, с.31].

Говоря о направлениях деятельности омбудсменов, то согласно современным исследованиям сравнительного права, в частности Павлова Е. Я., деятельность зарубежных омбудсменов делит на два магистральных направления:

рассмотрение индивидуальных жалоб граждан. Институт характеризуется максимальной доступностью: отсутствие жестких формальных требований, возможность подачи устных или электронных обращений, отсутствие пошлин и обязательного адвокатского представительства (например, специализированные «горячие линии» в Португалии);

инициативные расследования (Proprio motu). Омбудсмен имеет право начать проверку по собственной инициативе на основе публикаций в СМИ или системных жалоб [5, с. 64].

К основным формам реагирования и полномочиям омбудсменов относятся:

инспекционная деятельность, выражающаяся в беспрепятственном доступе в любые государственные органы, включая места лишения свободы (пенитенциарные омбудсмены Великобритании, США);

правотворческая инициатива, заключаю-

щаяся в подготовке рекомендаций по изменению дефектных нормативных актов;

ежегодные и специальные доклады: предание огласке фактов бюрократического произвола перед парламентом и общественностью.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что основная специфика решений Уполномоченного заключается в их рекомендательном характере, где главными инструментами выступают общественный авторитет, гласность и юридическая аргументация. Ученые подчеркивают, что внедрение этой должности во многих странах стало ключевым шагом на пути укрепления правового государства, так как омбудсмен выступает независимым посредником между гражданином и бюрократическим аппаратом, сглаживая неизбежные социальные конфликты.

Список литературы:

[1] Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С. А. Авакьян. – 8-е изд., перераб. и доп. Текст: непосредственный – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 456 с.;.

[2] Дёмина Е. П., Созаев А. С. Организация деятельности и правовой статус омбудсменов в зарубежных странах (на примере Швеции, Германии и Англии). Текст: непосредственный // Журнал Евразийская адвокатура – 2021 – № 6 (55) – С. 83-89;.

[3] Джунусова Д. Н. Становление и развитие института омбудсмена в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ. Текст: непосредственный // Журнал Современное право – 2022 – № 5-2022 – С. 30-41;.

[4] Зернов И. В. Полномочия органов публично-правовых образований по защите прав человека. Текст: непосредственный // Пролог: Журнал о праве – 2020 – № 3 – С. 4-30;.

[5] Орлов А. Г., Славкина Н. А., Павлов Е. Я. Омбудсман в зарубежных странах: коллективная монография. МГИМО-Университет. Текст: непосредственный – Москва, 2014. – 187 с.

References:

[1] Avakyan S. A. Constitutional law of Russia: training course: in 2 volumes / S. A. Avakyan. - 8th ed., Revised and additional Text: direct - Moscow: Norm: INFRA-M, 2024. - 456 p.;.

[2] Demina E.P., Sozaev A.S. Organization of activities and legal status of ombudsmen in foreign countries (on the example of Sweden, Germany and England). Text: direct // Journal Eurasian Advocacy - 2021 - No. 6 (55) - S. 83-89;.

[3] Dzhunusova D.N. Formation and development of the ombudsman institution in foreign countries: comparative legal analysis. Text: direct // Journal Modern Law - 2022 - No. 5-2022 - S. 30-41;.

[4] Zernov I. V. Powers of bodies of public legal entities to protect human rights. Text: direct // Prologue: Journal of Law - 2020 - No. 3 - S. 4-30;.

[5] Orlov A. G., Slavkina N. A., Pavlov E. Ya. Ombudsman in foreign countries: collective monograph. MGIMO-University. Text: direct - Moscow, 2014. - 187 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-18-21

ЦАРЬКОВА Дарья Владимировна,
аспирант 2 курса кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена,
e-mail: darya.tss@mail.ru

Научный руководитель:
ДОРСКАЯ Александра Андреевна,
доктор юридических наук, профессор кафедры
международного права Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена,
e-mail: adorskaya@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА СЕМЬЮ В УНИВЕРСАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. *Обзор существующих механизмов защиты права на семью в универсальной и региональных системах права позволит выявить проблемные аспекты, а также углубиться в категории семейных правоотношений, которые требуют повышенной защиты со стороны международного сообщества и государства. Данная статья направлена на разграничение существующих механизмов защиты на универсальном и региональных уровнях. Универсальная система прав человека представлена совокупностью правовых институтов, специально созданных органов и документов под эгидой Организации Объединенных Наций. Региональные системы прав человека рассматриваются на примере европейской, межамериканской и африканской систем прав человека.*

Ключевые слова: *защита семьи, право на семью, универсальная система права, региональная система права, права человека.*

TSARKOVA Daria Vladimirovna,
Postgraduate Student, Department of International Law, Herzen State
Pedagogical University of Russia

Academic Supervisor:
DORSKAYA Aleksandra Andreevna,
Doctor of Law, Professor of the Department of International Law at
the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

THE MECHANISMS OF PROTECTION OF THE RIGHT TO A FAMILY IN THE UNIVERSAL AND REGIONAL HUMAN RIGHTS SYSTEMS

Annotation. *The family, as the foundation of any existing society, is subject to all kinds of changes. A review of existing mechanisms for protecting the right to family in universal and regional legal systems will help identify problematic aspects and delve deeper into the categories of family legal relations that require enhanced protection from the international community and the state. This article aims to distinguish between existing protection mechanisms at the universal and regional levels. The universal human rights system is represented by a set of legal institutions, specially created bodies, and documents under the auspices of the United Nations. Regional human rights systems are examined using the European, Inter-American, and African human rights systems as examples.*

Key words: *protection of the family, right to the family, universal legal system, regional legal system, human rights.*

Этимология слова «механизм» берет свое начало в далеком прошлом, имея греческие корни и представляя собой изначальный перевод такой, как «орудие, приспособление, машина». Для каждой отрасли профессиональной или общественной жизни данное понятие будет иметь свою сущностную природу. Любая правовая категория имеет свой собственный механизм защиты, право на семью как особая категория прав человека не исключение. Механизм защиты представляет собой систему, состоящую из правовых норм и направленную на восстановление нарушенного права [1].

Разбирая механизм защиты прав человека стоит отметить его структуру, которая состоит из взаимосвязанных элементов и инструментов восстановления нарушенных прав.

Если провести аналогию с любым бытовым прибором, которыми мы пользуемся каждый день, то сам прибор это механизм защиты, а его составные части это то, что понимается под стадиями, подходами механизма защиты, которые работают на результат - защиту прав человека. Прежде чем переходить к детальному разбору, каким образом осуществляется механизм защиты права на семью в региональной и универсальной системе прав человека стоит определить природу данного термина.

Первое упоминание терминологии в международном сообществе появилось задолго до его юридически-правового обозначения. От античного социального института к современному понятию как носителю определённых прав прошла эволюция длинной в тысячелетия. Потребовалось действительно много времени для того, чтобы понятие «семья» рассматривалась как категория прав человека, а значит и входило в сферу регулирования публичного международного права. В обществе под семьей может пониматься ячейка общества, которая имеет общие цели и действует исходя из общих интересов. Семья, как одна из основных категорий сильно подвержена изменениям, развивающиеся новые формы взаимодействия в обществе влияют на привычное восприятие данной категории семейных правоотношений.

XX век был веком продвижения и развития прав человека, право на семью нашло свое закрепление и приобрело международно-правовой статус всего лишь столетие назад. Послужил этому ряд принятых документов, например, ст. 16 Всеобщей декларации прав человека закрепила семью как субъект права и объект защиты, а ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах содержит норму о том, что семья является естественной и основной ячейкой общества и должна быть под защитой государства.

Но не смотря на существующие нормы в международных документах, общепринятого термина «семья» не существует. В научном сообщите ведутся споры о необходимости признания данного термина общепризнанным, ведь в каждом национальном законодательстве есть свои особенности исходя из исторического, социального, экономического и даже религиозного контекста.

По мнению К.А. Гущиной, неотъемлемым элементом всеобщего признания семьи как основной ячейки общества, имеющей право защиту и помощь является право единства семьи [5].

В целом на универсальном уровне Организация Объединенных Наций (далее ООН) является основным правовым механизмом реализации прав, а также в частности права на семью. Составной частью данного механизма являются специально созданные специализированные учреждения (комитеты ООН) и принятые международные договоры.

Нормы о семье, содержащиеся в основных документах под эгидой ООН, таких как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП 1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), а также специализированные международные договоры: Конвенция о правах ребенка (1989г.), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), устанавливают правовые стандарты механизма защиты права на семью, а также конкретизируют и усиливают защиту для уязвимых групп населения. Например, Конвенция о правах ребенка (1989г.) детализирует общие принципы о правах ребенка и превращает их в конкретные, описывая что именно подлежит защите и при каких обстоятельствах. На данный момент большинство государств ратифицировали договор, который напрямую связан с реализацией и защитой права на семью. Механизмом защиты норм данной конвенции является Комитет по правам ребенка (КПР) в функции которого входят:

Рассмотрение докладов государств-участников, диалог с делегацией и заключение с рекомендациями.

Рассмотрение индивидуальных жалоб;

Замечания общего порядка: публикация разъяснений по отдельным статьям КПР.

Нормы о правах человека находят применение в реальной жизни при использовании их договорными и судебными органами. Так, Европейский суд по правам человека установил, что понятие «семейная жизнь», закрепленное в статье 8 Европейской конвенции прав человека, шире по своему толкованию, чем норма о праве вступать в брак, закреплённая статьей 12 ЕКПЧ.

В универсальной системе прав человека возможность рассмотрения индивидуальных

жалоб реализуется через Комитет по правам человека (КПЧ), в который входит группа независимых экспертов, следящих за соблюдением государствами МПГПП. Данная инстанция проверят жалобу гражданина на соответствие решения национального суда норме МПГПП.

Также есть специальные механизмы защиты права на семью. Таким является Универсальный периодический обзор (УПО). Уникальность данного механизма защиты состоит в том, что, являясь по факту профилактическим органом, в рамках которого государства – члены ООН проходят коллегиальную проверку раз в 5 лет своего национального положения в области прав человека и меняя тем самым нормы, которые в последующем будут применяться на практике и подлежат имплементации.

Существующие европейская, межамериканская и африканская региональные системы строятся на базовых принципах ООН, но применяют адаптированно к существующим реалиям национального характера и тем самым создают действенный механизм защиты через правоприменительную практику региональных судов. Тем самым закрепляя специальные принципы определенного вида семейных отношений, тем самым регулируя порядок осуществления прав и обязанностей субъектов международного публичного права [8]. Безусловно, говоря о механизмах защиты необходимо понимать, что существующие иерархичность создает определенную классификацию. Сложность и многоуровневость реализации права на семью в международном праве создает необходимость дополнительных региональных механизмов.

Региональные правовые системы имеют существенные различия исходя их национального приоритета наиболее уязвимых категорий семейных правоотношений. Основные акты, которые дополняют и развивают общие принципы и основные идеи в сфере защиты прав человека в региональных системах являются: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [6]; Американская конвенция о правах человека 1969 г. [2]; Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. [3].

Европейская система защиты права на семью основывается на статье 8 ЕКПЧ, где гарантируется право на уважение частной и семейной жизни. Уникальностью обладает само осуществление механизма защиты права на семью [9]. В Европейский суд по правам человека может обратиться любое лицо, общественная организация или государство-участник после того как исчерпаны средства национальной защиты нарушенного права, если государство входит в Совет Европы [7]. Решение суда являются обязательными для всех государств-ответчиков, за исполнениями решений следит Комитет министров Совета Европы. Также ЕСПЧ занимается вопросами толкования статьей Конвенции, тем самым создавая дополнительную развитую нормативную базу принимаемых затем протоколов, которые расширяют список защищаемых прав.

В межамериканской региональной системе главным документом является Американская конвенция о правах человека 1969 г. На основе положений хартии была организована Межамериканская комиссия по правам человека и долгое время являлась лишь временным политическим органом, изменив свой статус для действительного восстановления прав человека. Таким образом, Межамериканская комиссия по правам человека хоть и рассматривает обращения органов по обеспечению вынесенных решений, но не обладает публично-властными функциями для непосредственной защиты прав граждан.

Данные функции есть у Межамериканского суда по правам человека, который по факту реализует положения Американской конвенции о правах человека. Суд проводит отдельные сессии и занимается разрешением споров, которые ранее были рассмотрены Межамериканской комиссией, но не нашедшими разрешения. Рассмотрение дела происходит семью судьями из стран, ратифицировавших Конвенцию и признающих обязательную компетенцию Суда, таких государств в 2026 году – 19. Еще три государства – Соединенные Штаты Америки, Барбадос и Доминикана признают Американскую конвенцию о правах человека с оговорками, тем самым лишаясь автоматического признания юрисдикции суда в конкретных делах.

До конца XX в. проблема защиты основных прав и свобод человека была предметом обсуждением в рамках стран Африканского союза. Полномочия и цели комиссии это продвижение прав человека и народов, толкование положений Хартии, а также рассмотрение докладов государств-участников, сбор материалов и исследование проблем прав человека в Африке, организация конференций и рассмотрение заявлений государств о нарушении положений Хартии [4].

Одним из органов африканской системы прав человека является Африканский суд по правам человека и народов. Основной задачей которого является рассмотрение дел, связанных с нарушениями прав человека, а также представление консультативных заключений по юридическим вопросам, которые имеют отношение к Хартии, и рассмотрение дел о применении Хартии. По сравнению с европейской и межамериканской системой прав человека африканская система имеет существенный недостаток, это невозможность обратиться в имеющиеся органы с индивидуальной жалобой на нарушение прав и свобод.

Рассмотренные механизмы защиты права на семью в универсальной и региональных системах прав человека создают единую систему международной защиты. Хоть право человека на семью еще не завершило процесс своего становления в международном праве прав человека, но существующие основные положения в принятых международных документах универсальной системы права находят свою практическую реализацию в региональных системах, а значит иметь способы защиты при нарушении.

Международный механизм защиты права на семью — это совокупность юридических норм, контрольных органов (комитетов и судов) и процедур, созданных на универсальном (ООН) и региональном уровнях. Их цель — не просто провозгласить семью «ячейкой общества», а обеспечить реальную возможность человека жить в своей семье, общаться с родственниками и воссоединяться с ними, а также обязать государства исправлять нарушения, если они произошли. Механизм в каждой правовой системе рассматривается под определенные категории нарушения права на семью. Данная статья делает обзор в целом возможных механизмов защиты права на семью в универсальной и региональных системах права.

Список литературы:

[1] Абашидзе, А. Х. Региональные системы защиты прав человека : учебное пособие / А. Х. Абашидзе ; [А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисиевич, А. М. Солнцев]; под ред. А. Х. Абашидзе. – Москва: Российский ун-т дружбы народов, 2012. – 395 с. – ISBN 978-5-209-04194-8. – EDN QSJATR.

[2] Американская конвенция о правах человека (Заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Изд. 2.- М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. - С. 867 – 886.

[3] Африканская хартия прав человека и народов (Принята в г. Найроби 26.06.1981) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. Изд. 2.- М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. - С. 887 – 899).

[4] Африканская система защиты прав человека / А. Х. Абашидзе, А. Е. Конева, С. Диалло, А. М. Солнцев // Африка и международное право. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – С. 159-172. – EDN KDXLWZ;.

[5] Гущина К. А. Семья как объект международно-правовой защиты // Социально-политические науки. 2016. - № 4.

[6] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров, N 3, 2001.

[7] Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. - Акад. правовой ун-т, Ин-т государства и права Рос. акад. наук. - 2. изд., перераб. и доп. - М. : БЕК, 2000. – 432 с.

[8] Международное публичное право / Под ред. Бекяшева К.А. - 4-е изд., перераб. и доп. изд. - М.: Проспект, 2005. - С. 741.

[9] Певцова И. Е. Защита семейной жизни Европейским Судом по правам человека / И. Е. Певцова // Юридический мир. – 2014. – № 8. – С. 48-52.

References:

[1] Abashidze, A. Kh. Regional human rights protection systems: a textbook / A. Kh. Abashidze; [A. Kh. Abashidze, E. S. Alisievich, A. M. Solntsev]; ed. A. Kh. Abashidze. - Moscow: Russian University of Friendship of Peoples, 2012. - 395 p. - ISBN 978-5-209-04194-8. – EDN QSJATR.

[2] American Convention on Human Rights (Concluded in San Jose 22.11.1969) // International Human Rights Acts. Collection of documents. Ed. 2. - M.: Norma-INFRA-M, 2002. - S. 867-886.

[3] African Charter on Human and Peoples' Rights (Adopted in Nairobi 26.06.1981) // International Human Rights Instruments. Collection of documents. Ed. 2. - M.: Norma-INFRA-M, 2002. - S. 887-899).

[4] African system of human rights protection/ A. Kh. Abashidze, A. E. Koneva, S. Diallo, A. M. Solntsev // Africa and international law. - Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2020. - S. 159-172. – EDN KDXLWZ;.

[5] Gushchina K. A. Family as an object of international legal protection // Socio-political sciences. 2016. - № 4.

[6] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome 04.11.1950) // Bulletin of International Treaties, No. 3, 2001.

[7] Lukashuk I.I. International law. General part: Students. for Juris students. fac. and universities. - Acad. legal university, Institute of State and Law Ros. acad. sciences. - 2. ed., revised. and add. - M.: BECK, 2000. - 432 s.

[8] International Public Law / Ed. Bekyasheva K.A. - 4th ed., Revised. and add. ed. - M.: Prospect, 2005. - S. 741.

[9] Pevtsova I. E. Protection of Family Life by the European Court of Human Rights/I. E. Pevtsova // Legal World. – 2014. – № 8. - S. 48-52.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-22-26

ХИМЕДЕНОВА Дина Николаевна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета,
e-mail: dina.0206@mail.ru

ТАРЫКИН Владимир Константинович,
доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета,
e-mail: tarykin.vladimir@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В данной статье рассматривается современная проблематика организации социальной адаптации в отношении лиц, покинувших исправительные учреждения и имеющие значительные трудности в ресоциализации. Анализируются основные социально-экономические, правовые, психологические и организационные факторы, препятствующие их успешной адаптации, включая отсутствие документов и постоянного места жительства, низкую конкурентоспособность на рынке труда, стигматизацию, ослабление социальных связей и недостаточную координацию деятельности уполномоченных органов. В исследовании применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и аналитический методы. Предлагаются изменения в законодательство Российской Федерации, направленные на расширение категорий граждан, имеющих право на социальную помощь и содействие в занятости. Сделан вывод о том, что реализация предложенных мер будет способствовать устойчивой социальной интеграции рассматриваемой категории лиц, снижению риска повторной социальной дезадаптации и предупреждению рецидивной преступности.*

Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2026 год № 075-03-2026-489.

Ключевые слова: *осужденные, освобождение, исправительные учреждения, места лишения свободы, стигматизация, трудоустройство, социальная адаптация, взаимодействие.*

KHIMEDENOVA Dina Nikolaevna,
PhD in Law, Associate Professor of the Criminal Law Department Southwestern State University

TARIKIN Vladimir Konstantinovich,
Associate Professor of the Criminal Law Department Southwestern State University

PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION OF PERSONS RELEASED FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY IN MODERN RUSSIA

Annotation. *This article examines contemporary issues surrounding the social adaptation of individuals released from correctional institutions who face significant challenges in the resocialization process. It analyzes key socio-economic, legal, psychological, and organizational factors that hinder successful adaptation—such as the lack of personal identification documents or a permanent place of residence, low competitiveness in the labor market, social stigmatization, weakened social ties, and inadequate coordination among the relevant authorities. The study employs formal-legal, comparative-legal, and analytical methods. It proposes amendments to the legislation of the Russian Federation aimed at expanding the categories of citizens eligible for social assistance and employment support. The study concludes that implementing these measures would facilitate the sustainable social integration of this group, reduce the risk of renewed social maladjustment, and help prevent recidivism.*

Key words: *convicts, release, correctional facilities, places of deprivation of liberty, stigmatization, employment, social adaptation, interaction.*

The article was prepared within the framework of the state assignment for 2026, No. 075-03-2026-489.

Социальная адаптация граждан, оказавшихся в состоянии устойчивой социальной изоляции, является одной из наиболее сложных задач современной социальной политики. Исключением не являются и лица, освободившиеся из стен мест лишения свободы, доля которых в наши дни довольно внушительна. Без решения первичных бытовых и правовых вопросов возможности их трудоустройства и полноценной адаптации существенно ограничены.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что отсутствие устойчивых условий для социальной адаптации нередко приводит к повторной маргинализации таких граждан. Для «недавних» осужденных характерны проблемы с восстановлением документов, отсутствием постоянного дохода, медицинского обслуживания и элементарных бытовых условий. Восстановление гражданских прав часто становится настоящим камнем преткновения. Выходя из колонии, многие зачастую не имеют даже паспорта, у них теряются СНИЛС, ИНН и постоянная прописка [1, с.269]. Без этих бумаг бывший осужденный просто выпадает из поля зрения госучреждений. Социальным работникам приходится тратить массу времени на походы по инстанциям, чтобы заново легализовать статус подопечных и вернуть им доступ к базовым гарантиям. В подобных обстоятельствах трудоустройство становится практически невозможным, что способствует сохранению зависимого положения и формированию устойчивых форм социального неблагополучия.

В заявленном контексте важно отметить, что, помимо лиц, покидающих стены мест лишения свободы, в группу риска входят также граждане, отбывшие принудительные работы, однако должного внимания вопросам их социальной адаптации в законе не уделяется.

Примечательно, что сложившуюся негативную ситуацию усугубляют процессы «стигматизации». Работодатели неохотно берут людей с судимостью, окружающие смотрят с подозрением. Подобная реакция быстро загоняет освободившегося в тупик: он чувствует себя изгоем, копится обида на систему [2, с.232]. Отсюда один шаг до нового преступления. Чтобы разорвать этот замкнутый круг, нужно менять саму логику работы с такими людьми. Требуется делать упор на их реальное возвращение в социум, отходя от практики формального надзора и изоляции.

Ввиду массового недоверия общества к «бывшим осужденным» последние не могут найти места в жизни, что вновь детерминирует их преступное поведение. Как отмечают отдельные правоведы, «ярлык правонарушителя сокращает возможности поведения, соответствующего социальным и правовым нормам, и увеличивает возможности девиантной деятельности» [3, с.139]. В подобных условиях существенно возрастает значимость разработки и эффективного применения различных мер и способов социальной реабилитации. В частности, речь идет об оказании реального содействия в вопросах поиска жилья, сопровождении в восстановлении юридически значимых документов, помощи психологов, потенциальных работодателей и т.д.

Ситуацию сильно усугубляет жилищный вопрос, который для многих стоит наиболее остро. Далеко не все имеют возможность вернуться по прежнему адресу: кто-то утратил право пользования квадратными метрами, чью-то недвижимость давно продали родственники. Потеря крыши над головой запускает цепную реакцию проблем. Без постоянной регистрации невозможно нормально оформить документы, прикрепиться к поликлинике или официально устроиться на завод. В итоге процесс возвращения к нормальной жизни фактически блокируется на самом раннем этапе [4, с.65].

Серьезным препятствием выступает низкая конкурентоспособность на рынке труда. Многие представители указанных категорий имеют низкий уровень образования, не обладают востребованной профессией либо утратили трудовые навыки в результате длительного отсутствия занятости. Для граждан, освободившихся из исправительных учреждений, дополнительным фактором становится наличие судимости, что снижает готовность работодателей принимать их на работу. В результате даже при наличии вакансий трудоустройство оказывается затруднительным [5, с.91].

Базовым условием успешной ресоциализации традиционно принято считать трудоустройство. Постоянный заработок дает финансовую независимость и возвращает человеку статус полноценного члена общества, закрепляя привычку жить по закону. Но на практике найти легальный источник дохода крайне сложно. Люди с судимостью сталкиваются со стеной недоверия со стороны потенциальных нанимателей. К стигматизации прибавляется объективная потеря профессиональных навыков, отсутствие актуальной квалификации или длительный перерыв в стаже. Итог предсказуем: пополняя ряды безработных, такие лица быстро маргинализируются и снова идут на преступление из-за банального отсутствия денег.

Значительное влияние на процесс адаптации оказывают социально-психологические факторы. Длительное пребывание в условиях социальной изоляции формирует зависимые модели поведения, снижает мотивацию к трудовой дея-

тельности и самостоятельному решению жизненных задач. В результате в сознании таких субъектов преобладает разочарованность в государственной власти в целом, и, как следствие, наблюдается апатия. Отдельного внимания требует проблема одиночества освободившихся граждан. Практика показывает, что за время отбывания наказания родственные и дружеские контакты либо сильно ослабевают, либо разрушаются окончательно. Возвращаться зачастую просто не к кому. Такая оторванность от близких людей напрямую провоцирует рецидивную преступность — оставшись один на один с бытовыми трудностями без малейшей поддержки, индивид легко возвращается к криминальным паттернам поведения.

Отдельно стоит остановиться на изменениях в психике освободившихся. Долгие годы за решеткой всегда накладывают свой отпечаток на внутреннее состояние, что в конечном итоге сильно тормозит весь процесс социальной адаптации. Длительное пребывание в пенитенциарных учреждениях неизбежно порождает привычку к тотальному внешнему контролю. У человека постепенно атрофируются навыки самостоятельного планирования, пропадает личная инициатива. Когда срок наказания заканчивается, бывший заключенный вынужден заново выстраивать свой быт и принимать повседневные решения. На этом этапе возникает серьезный психологический барьер — острая социальная дезориентация, сопровождаемая постоянным чувством тревоги. За годы изоляции от общества объективная реальность успевает кардинально трансформироваться: меняются требования работодателей, трансформируется привычная городская среда, распадаются старые социальные связи.

Не менее актуальными являются и трудности, связанные с неудовлетворительным состоянием здоровья исследуемой категории граждан. В частности, как наглядно иллюстрирует статистика, для таких лиц свойственны хронические болезни и различные виды негативных зависимостей (тяга к спиртному, наркотическим средствам) [6, с.246]. На практике грамотно выстроить процесс социальной адаптации часто мешают сугубо организационные барьеры. Помощь нередко носит эпизодический формат. Людям могут дать место в приюте или выдать разовое пособие, однако на этом работа прекращается. Если нет долгосрочного кураторства, человек просто не успевает закрепить навыки самостоятельного быта. Итог предсказуем: быстрый возврат к прежнему образу жизни. Ситуацию усугубляет слабая связь между профильными структурами. Из-за управленческой разобщенности одни задачи дублируются разными инстанциями, а другие важные этапы реабилитации вообще выпадают из поля зрения специалистов.

Отдельный пласт трудностей связан с трудоустройством. Кадровый дефицит в экономике объективно существует, рабочие руки нужны бизнесу. Но компании откровенно боятся нанимать людей из уязвимых групп населения. Руководители ожидают вполне конкретных проблем: систематических нарушений трудовой дисциплины, прогулов, внезапного ухода с рабочего места. Получается парадоксальная картина. Нормативная база по содействию занятости прописана достаточно подробно, законы приняты. А по факту эти граждане так и остаются безработными, потому что наниматели просто не хотят брать на себя лишние риски [7, с.18].

В исследуемом аспекте нельзя не указать на трудности, сопряженные со слабой мотивацией лиц из социально неблагополучных слоев населения. Часть граждан не обращается за помощью, избегает официальных структур или прерывает участие в реабилитационных мероприятиях [8, с.119]. Это связано как с психологическими особенностями, так и с негативным опытом взаимодействия с государственными учреждениями в прошлом.

Современная правовая база Российской Федерации в целом формирует необходимые условия для оказания социальной помощи гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации. Вместе с тем практика применения законодательства выявляет ряд пробелов и ограничений, препятствующих эффективной социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В связи с этим актуальной задачей является дальнейшее совершенствование нормативно-правового регулирования в данном направлении.

Одним из приоритетных направлений является развитие законодательства, регулирующего систему постпенитенциарного сопровождения. В настоящее время меры поддержки граждан после освобождения реализуются на основании отдельных норм различных отраслей права и региональных программ, что приводит к неравномерности практики в субъектах Российской Федерации. Назрела необходимость переходить от разрозненных региональных практик к единой федеральной модели работы с данной категорией лиц. На практике система часто не работает и имеет функциональные сбои именно из-за ведомственной разобщенности. Уголовно-исполнительная инспекция, центры занятости, структуры соцзащиты и муниципалитеты должны работать по строгому регламенту обмена данными. Если зафиксировать порядок передачи личных дел нормативно, исчезнет проблема «потерянных» из виду подопечных.

Очень остро стоит вопрос отсутствия прописки. Без этого штампа человек буквально выпа-

дает из правового поля: ему закрыт доступ к поликлиникам, легальному заработку и базовым пособиям. Выходом мог бы стать пересмотр функционала социальных приютов. Если наделить центры обслуживания правом оформлять временную регистрацию постояльцам по упрощенной схеме, мы снимем огромный пласт бюрократических барьеров.

Трудоустройство бывших заключенных сейчас тормозится из-за нежелания бизнеса брать на себя риски. Компании нужно мотивировать финансово. Речь идет о прямых государственных субсидиях на выплату зарплат таким сотрудникам в первые месяцы, компенсации издержек на их переобучение, а также о налоговых послаблениях для организаций-наставников. Законодательное закрепление подобных преференций заставит предпринимателей изменить отношение к найму стигматизированных групп населения.

Стоит обратить внимание на проблему совместной работы разных ведомств. На практике отдельные соглашения и регламенты уже действуют, однако реальная координация государственных структур часто дает сбои. Чтобы решить этот вопрос, нужно на уровне закона закрепить обязательные механизмы кооперации. Речь идет о запуске общих баз данных и разработке единых стандартов передачи сведений. Такие шаги сделают оказание помощи людям гораздо более быстрым и результативным.

Не менее весомый вектор работы связан с некоммерческими организациями, которые помогают уязвимым слоям населения. Их деятельность нуждается в более четком правовом регулировании. Потенциал общественного сектора огромен, но для его раскрытия государству нужно пересмотреть механизмы финансирования социально ориентированных НКО. Процедуры выдачи субсидий стоит максимально упростить. То же самое касается порядка подписания договоров о партнерстве. Наконец, нормативная база должна активнее стимулировать самих граждан к поиску стабильного заработка и возвращению к нормальной трудовой жизни. Законодательство может предусматривать стимулирующие механизмы участия в программах профессионального обучения, социальной реабилитации и общественных работ, что будет способствовать более устойчивой социальной интеграции.

В целях повышения эффективности социальной адаптации и трудовой интеграции лиц, находящихся в состоянии социальной дезадаптации, представляется целесообразным внести ряд изменений в действующее законодательство.

1. Изменения в Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Видится рациональным дополнить статью 15 частью следующего содержания:

«К гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, относятся также лица, освобожденные из мест лишения свободы, а также из исправительных центров (а равно, участков, функционирующих как исправительные центры) и нуждающиеся в социальной адаптации.»

2. Изменения в Закон РФ от 12.12.2023 № 565 «О занятости населения в Российской Федерации». Разумно видоизменить п. «б» ч.4 ст. 2, изложив его в следующем виде:

«лица, освобожденные из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, а также из исправительных центров (а равно, участков, функционирующих как исправительные центры) и ищущие работу в течение трех лет с даты освобождения».

В частности, «обновление» имеющейся формулировки значительно увеличивает потенциальный круг граждан из «группы риска» и нейтрализует возможность их повторного пресечения закона. Предлагаемые изменения направлены на формирование непрерывной системы сопровождения граждан, устранение административных барьеров при получении помощи, расширение возможностей трудоустройства и повышение заинтересованности работодателей. Закрепление указанных норм на законодательном уровне позволит повысить эффективность социальной политики и снизить риски повторной социальной дезадаптации и правонарушений.

В подведении итога настоящего исследования рационально указать, что проблемы социальной адаптации и содействия в трудоустройстве лиц, освобожденных из мест лишения свободы, носят комплексный характер. Они связаны с сочетанием экономических, социальных, медицинских, психологических и организационных факторов. Для повышения эффективности работы в данном направлении необходим системный подход, включающий длительное социальное сопровождение, развитие программ профессиональной подготовки, расширение сотрудничества с работодателями и укрепление межведомственного взаимодействия. Только комплексное решение существующих проблем позволит создать реальные условия для устойчивой социальной интеграции и снижения уровня повторной маргинализации.

Совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере должно носить комплексный характер и быть направлено на устранение административных барьеров, развитие механизмов социального сопровождения, расширение возможностей трудоустройства и укрепление межведомственного взаимодействия. Реализация указанных направлений позволит повысить

эффективность государственной социальной политики, снизить уровень рецидивной преступности, а также создать условия для возвращения граждан к полноценной и социально активной жизни.

Список литературы:

[1] Головина В. В. Проблемы, с которыми сталкиваются лица, отбывшие наказание в виде длительного лишения свободы после освобождения из исправительных учреждений // Вестник науки. 2023. № 10 (67). С.268-273.

[2] Сучкова Е.Л. Социальные представления осужденных об отношении общества к лицам, находившимся в заключении // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 231-240.

[3] Молчанова Т. Ю., Романова Е.Н. Влияние стигматизации на социальную реинтеграцию лиц, осужденных к лишению свободы // Глобальный научный потенциал. 2025. № 2(167). С. 138-141.

[4] Грязнов С. А. Проблема трудоустройства осужденных после освобождения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 1-1. С. 64-67.

[5] Кирса А. С. Проблемы трудоустройства граждан, освобождённых из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы // Молодой ученый. 2021. № 42 (384). С. 90-93.

[6] Казберов П.Н. Аспекты ресоциализации осужденных, зависимых от психоактивных веществ // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 3А-4А. С. 246-252.

[7] Бирюков И.И. Пробация в Российской Федерации: проблемы теории и правоприменения: дис. … к.ю.н. Москва, 2025. 296 с.

[8] Каплун О.Ю., Сухова С.Д. Ресоциализация бывших заключенных как профилактика социального конфликта // Молодой ученый. 2024. № 30 (529). С. 119-122.

References:

[1] Golovina V.V. Problems faced by persons who have served a sentence of long-term imprisonment after release from correctional institutions // Bulletin of Science. 2023. № 10 (67). P.268-273.

[2] Suchkova E.L. Social ideas of convicts about the attitude of society towards persons in custody // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4 (92). S. 231-240.

[3] Molchanova T. Yu., Romanova E.N. The impact of stigmatization on the social reintegration of persons sentenced to imprisonment // Global scientific potential. 2025. № 2(167). S. 138-141.

[4] Gryaznov S. A. The problem of employment of convicts after release // Economics and business: theory and practice. 2022. № 1-1. S. 64-67.

[5] Kirsa A. S. Problems of employment of citizens released from institutions executing a sentence of imprisonment // Young scientist. 2021. № 42 (384). S. 90-93.

[6] Kazberov P.N. Aspects of resocialization of convicts dependent on psychoactive substances // Psychology. Historical-critical reviews and contemporary studies. 2023. VOL. 12. No. 3A-4A. S. 246-252.

[7] Biryukov I.I. Probation in the Russian Federation: problems of theory and law enforcement: dis.... Ph.D. Moscow, 2025. 296 pp.

[8] Kaplun O.Yu., Sukhova S.D. Resocialization of former prisoners as prevention of social conflict // Young scientist. 2024. № 30 (529). S. 119-122.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-27-30

ГАВРИЛИН Егор Станиславович,
студент юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: yegor.gavrilin18@mail.ru

ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются формы соучастия в преступлении. Автор анализирует подходы к разграничению терминов «форма» и «вид» соучастия, отмечая отсутствие универсальной терминологии. Основное внимание уделено систематизации форм соучастия, закрепленных в ст. 36 УК РФ, автор последовательно разбирает четыре формы, выстроенные в порядке возрастания общественной опасности. В работе детально охарактеризованы критерии разграничения этих форм, а также проиллюстрированы особенности квалификации деяний. В заключение автор подчеркивает, что правильное определение формы соучастия имеет критическое значение для квалификации преступления и справедливого назначения наказания, требуя детального анализа роли каждого соучастника.*

Ключевые слова: *соучастие в преступлении, формы соучастия, Уголовный кодекс РФ, квалификация преступления, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация), устойчивость группы.*

GAVRILIN Egor Stanislavovich,
student of the Law Institute National Research Tomsk State University

FORMS OF COMPLICITY IN A CRIME

Annotation. *The article examines the forms of complicity in a crime. The author analyzes approaches to distinguishing between the terms "form" and "type" of complicity, noting the absence of universal terminology. Primary attention is focused on systematizing the forms of complicity enshrined in Article 36 of the Criminal Code of the Russian Federation; the author systematically analyzes four forms, arranged in order of increasing social danger. The study characterizes in detail the criteria for distinguishing between these forms and illustrates the specific aspects of legal qualification. In conclusion, the author emphasizes that correctly determining the form of complicity is crucial for the legal qualification of the crime and the imposition of a just sentence, as it requires a detailed analysis of each accomplice's role.*

Key words: *complicity in a crime, forms of complicity, Criminal Code of the Russian Federation, legal classification of a crime, group of persons, group of persons acting by prior agreement, organized group, criminal community (criminal organization), stability of the group.*

В сфере уголовного права не существует универсального подхода к различению терминов «вид» и «форма» соучастия, нередко они употребляются как взаимозаменяемые. Тем не менее в правоприменительной практике закрепился определённый подход, в рамках которого под формами соучастия понимаются стандартные схемы коллективного совершения преступлений, различающиеся уровнем скоординированности действий и степенью организованности участников противоправных деяний. Коллективные преступные действия могут принимать разные облики, и определение их формы позволяет корректно оценить природу и уровень угрозы для общества, которую они представляют.

В статье 35 Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель систематизировал формы соучастия в зависимости от уровня скоординированности действий участников. Выделяются следующие категории:

совершение преступления группой лиц;

совершение преступления группой лиц по предварительному сговору;

совершение преступления организованной группой;

совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией) [1].

Критерии, по которым разграничиваются формы соучастия, многоаспектны: учитывается момент достижения договорённости между участниками, наличие или отсутствие предварительного сговора, характер взаимоотношений

между соучастниками, уровень их подготовленности к реализации преступного замысла и другие факторы.

В статье 35 УК РФ формы соучастия представлены в нарастающей последовательности — от наименее организованных форм к наиболее структурированным. Каждая последующая форма включает в себя характеристики предыдущей, дополняя их новыми специфическими признаками. Согласно части 1 статьи 35 УК РФ, преступление считается совершённым группой лиц при наличии следующих условий:

присутствуют два или более лица, которые могут быть признаны исполнителями преступления;

отсутствует предварительная договорённость о совместном совершении противоправного акта.

Субъективная связь между соучастниками в таких случаях либо возникает спонтанно в момент начала преступления, либо один участник присоединяется к уже начатым действиям другого. Например, в пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» разъясняется, что убийство считается совершённым группой лиц, если два или более человека, имея общий умысел на лишение жизни потерпевшего, совместно участвовали в преступлении. При этом не обязательно, чтобы каждый из них нанёс смертельные повреждения — один мог подавлять сопротивление жертвы, а другой — наносить смертельные удары [2].

Часть 2 статьи 35 УК РФ определяет, что преступление считается совершённым группой лиц по предварительному сговору, если участники заранее договорились о совместном совершении противоправного деяния.

Для такой формы соучастия характерны следующие признаки:

наличие двух или более исполнителей;

наличие предварительной договорённости о совместном совершении преступления.

Сговор считается предварительным, если он достигнут до начала осуществления объективной стороны преступления. Если же договорённость о совместном совершении противоправного акта возникает уже в процессе преступления, то предварительного сговора нет. Участники группы по предварительному сговору объединены общими местом, временем и способом совершения преступления. Например, уголовная ответственность за кражу, совершённую группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договорЕнности один из соучастников непосредственно изымает имущество, а другие выполняют согласованные действия, помогающие исполнителю (например, кто-то не проникал в помещение, но участвовал во взломе дверей). В таком случае все участники признаются соисполнителями преступления.

В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается, что при квалификации действий как совершения хищения группой лиц по предварительному сговору необходимо установить, была ли достигнута договорённость до начала хищения, распределили ли соучастники роли для реализации преступного умысла, а также какие конкретные действия выполнил каждый из участников [3]. Согласно части 3 статьи 35 УК РФ, преступление считается совершённым организованной группой, если оно осуществлено устойчивой группой лиц, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений.

Организованная группа обладает следующими признаками:

наличие двух или более исполнителей;

наличие предварительной договорённости;

устойчивость группы. Устойчивость организованной группы можно определить по ряду критериев, среди которых — продолжительность её существования и неоднократное совершение противоправных деяний. Тем не менее, согласно части 3 статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации, организованная группа может быть сформирована и для реализации единственного преступного замысла. В этом случае длительность подготовки к преступлению также свидетельствует о стабильности группы.

Среди проявлений устойчивости группы можно назвать: неизменный состав участников, прочные связи между ними, чёткую координацию действий, использование одних и тех же методов преступной деятельности, наличие необходимого технического оснащения, а также продуманную систему организации участников.

Организованная группа имеет ряд отличий от группы лиц, действовавших по предварительному сговору. В частности, в организованной группе всегда есть лидер, заранее разработана тактика преступных действий, а на этапе подготовки к преступлению между участниками чётко распределяются функциональные обязанности. При этом отдельные члены группы могут не принимать непосредственного участия в совершении преступления, однако с юридической точки зрения их действия квалифицируются как соисполнительство без ссылки на статью 33 УК РФ. Таким образом, к ключевым характеристикам организованной группы относится наличие нескольких исполнителей преступного замысла.

Наиболее сложной формой соучастия считается преступное сообщество (преступная

организация). Согласно части 4 статьи 35 УК РФ, преступление признаётся совершЕнным преступным сообществом, если оно совершено:

структурированной организованной группой;

либо объединением организованных групп, которые действуют под единым руководством и стремятся совместно совершить одно или несколько тяжких или особо тяжких преступлений с целью получения прямой или косвенной финансовой или иной материальной выгоды.

К признакам преступного сообщества относятся:

наличие двух или более исполнителей;

предварительный сговор;

устойчивость;

структурированность группы или объединение нескольких организованных групп;

единое руководство;

намерение совместно совершить тяжкие или особо тяжкие преступления для получения материальной выгоды.

Законодательство использует два термина для обозначения этой формы соучастия — «преступное сообщество» и «преступная организация», однако с правовой точки зрения они равнозначны [4].

Структурированная организованная группа представляет собой объединение лиц, которые заранее спланировали совершение одного или нескольких серьёзных преступлений. Такая группа состоит из подгрупп, отличающихся стабильным составом и слаженными действиями. Помимо единого руководства, для структурированной организованной группы характерны: взаимодействие между подразделениями для достижения общих преступных целей, распределение функциональных обязанностей, возможная специализация в выполнении определённых действий при совершении противоправных деяний и другие механизмы обеспечения деятельности преступного сообщества.

Объединение организованных групп подразумевает наличие общего руководства и прочных связей между отдельными группами, которые действуют самостоятельно. Участники такого объединения совместно разрабатывают план и участвуют в совершении тяжких или особо тяжких преступлений [5].

Цель создания преступного сообщества — совместное совершение серьёзных преступлений. Согласно пункту 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нём (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии», прямое получение финансовой или иной материальной выгоды означает совершение преступлений, в результате которых члены преступного сообщества незаконно получают денежные средства, имущество, ценные бумаги и другие активы [6].

Классификация форм групповой преступности, основанная на положениях Уголовного кодекса РФ, отражает степень общественной опасности в зависимости от прочности связей между соучастниками. Р.Р. Галиакбаров провЕл глубокий анализ этих форм, рассматривая их как ступени организованности, где каждая последующая форма представляет собой более серьёзную угрозу по сравнению с предыдущей. Его заслуга заключается в тщательной разработке объективных и субъективных признаков каждой формы соучастия. Некоторые авторы также обращают внимание на формы, которые сочетают в себе признаки других видов преступных объединений.

Таким образом, формы соучастия в преступлении представляют собой значимый аспект, который оказывает существенное влияние на процесс квалификации противоправного деяния. Наличие той или иной формы соучастия нередко выступает в качестве ключевого критерия при определении состава преступления. При анализе сложных форм соучастия крайне важно детально разобраться в функции и степени вовлечённости каждого из участников, чтобы обеспечить справедливое и правильное назначение уголовного наказания.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС КонсультантПлюс.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.06.2026) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС КонсультантПлюс.

[4] Забелов А.Ю. Провокация преступления как составная часть института соучастия // Современное право, 2017. № 4. С. 54.

[5] Виденькина Ж.В. К вопросу об организованной группе как форме соучастия // Закон и право, 2016. С. 77.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 (ред. от 21.05.2026) «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии» // СПС КонсультантПлюс.

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 04.08.2026) // SPS ConsultantPlus.

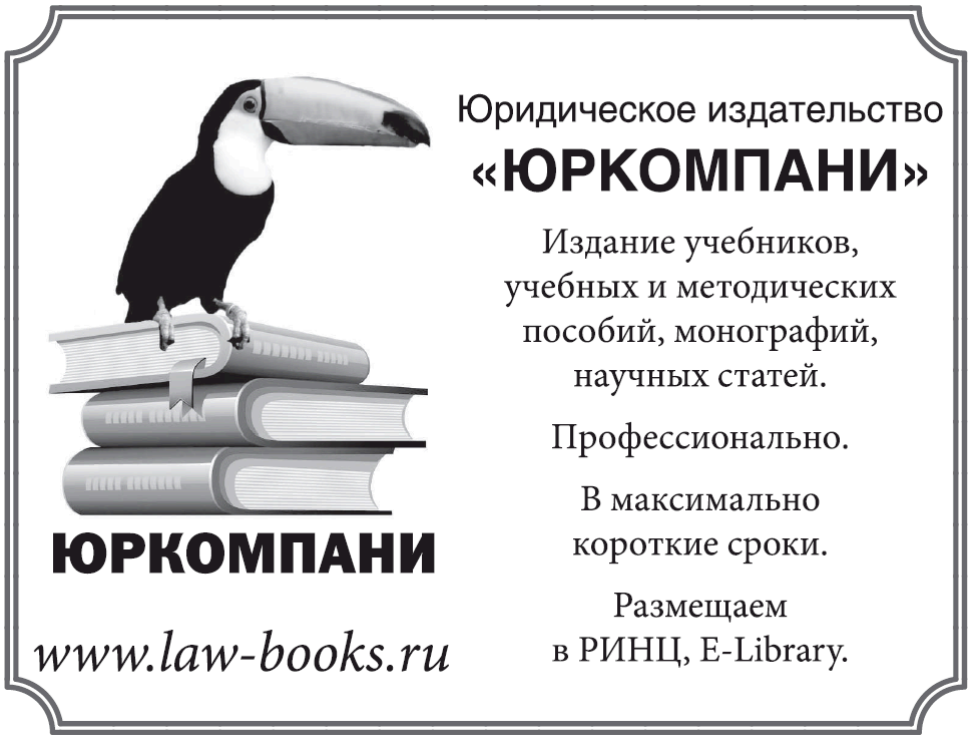
[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.01.1999 No. 1 (ed. 03.03.2015) "On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // SPS Consultant Plus.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2002 No. 29 (ed. 16.06.2026) "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery" // SPS Consultant Plus.

[4] Zabelov A.Yu. Provocation of a crime as an integral part of the institution of complicity // Modern Law, 2017. № 4. S. 54.

[5] Videnkina J.V. On the issue of an organized group as a form of complicity // Law and Law, 2016. S. 77.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2010 No. 12 (ed. 21.05.2026) "On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (it) and on occupying the highest position in the criminal hierarchy" // SPS ConsultantPlus.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-31-34

ТАЙМАСХАНОВА Хадижа Залимхановна,
соискатель Российского нового университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛИЧНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПНИКА В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. *В статье проводится криминологический анализ личности экономического преступника, действующего в сфере реализации национальных проектов. Раскрываются социально демографические, профессионально ролевые и нравственно психологические характеристики данной категории правонарушителей, выделяются типологические группы субъектов преступлений с учётом их функционального положения (должностные лица, руководители подрядных организаций, посредники и др.). Особое внимание уделено детерминантам преступного поведения, включая мотивы и целевые установки, обусловленные спецификой распределения и освоения бюджетных средств, а также особенностями закупочных процедур (в том числе рисками картельных сговоров и аффилированности участников).*

На основе анализа правоприменительной практики и судебной статистики рассматриваются типичные схемы противоправной деятельности, реализуемые при исполнении мероприятий национальных проектов, и соответствующие уголовно правовые составы.

Ключевые слова: *личность преступника, экономическая преступность, национальные проекты, коррупционные преступления, криминологическая характеристика, квалификация преступлений, профилактика преступности.*

TAIMASKHANOVA Khadija Zalimkhanovna,
a postgraduate student at the Russian New University

THE PERSONALITY OF AN ECONOMIC OFFENDER IN THE SPHERE OF IMPLEMENTING NATIONAL PROJECTS

Annotation. *The article provides a criminological analysis of the personality of an economic offender operating in the sphere of implementing national projects. The socio-demographic, professional-role, and moral-psychological characteristics of this category of offenders are revealed, and typological groups of crime subjects are identified, taking into account their functional status (officials, heads of contracting organizations, intermediaries, etc.). Special attention is paid to the determinants of criminal behavior, including motives and target settings determined by the specifics of the distribution and utilization of budget funds, as well as the features of procurement procedures (including the risks of cartel collusion and the affiliation of participants).*

Based on an analysis of law enforcement practice and judicial statistics, typical schemes of unlawful activity implemented in the implementation of national project activities and the corresponding criminal law elements are examined.

Key words: *criminal personality, economic crime, national projects, corruption crimes, criminological characteristics, crime classification, crime prevention.*

В современных реалиях наблюдается трансформация криминального поведения, обусловливающая дифференциацию экономической преступности и формирование её специализированных подвидов, детерминированных особенностями противоправной деятельности в отдельных социально экономических сферах. В связи с этим в структуре экономической преступности обоснованно выделение самостоятельного подвида — преступлений, совершаемых в процессе реализации национальных проектов, специфика которых определяется характером бюджетных и закупочных процедур, кругом вовлечённых субъектов и механизмами противоправного воздействия на распределение и освоение государственных средств.Криминологическое изучение личности соответствующего преступника, включая его типологические и поведенческие особенности, представляет академический интерес и имеет прикладную значимость для разработки превентивных мер.

Детальная характеристика типологических, социально демографических, нравственно психологических и уголовно правовых свойств субъекта преступления позволяет выявить детерминанты противоправного поведения, установить

типичные механизмы реализации преступного умысла, а также определить группы риска и наиболее уязвимые звенья социально экономических процессов (в том числе в рамках реализации национальных проектов). Кроме того, анализ личности преступника, совершившего то или иное преступное деяние, позволяет достичь целей уголовного наказания, вынести в отношении виновного лица справедливый и обоснованный приговор, учитывающий интересы всех участников процесса. Как отмечает в своей научной работе А.Э. Синихин: «Исследование личности преступника является важным, поскольку любое преступное деяние не существует само по себе, оно всегда производно от намерений и действий определенного лица и обусловлено его психологическими и поведенческими особенностями»[10, с. 24].

Изначально основы криминологической дефиниции «личность преступника» сформированы профессором Ю.М. Антонян. Термин «личность преступника» применим к лицам, которые существенно отличаются от законопослушных граждан, при этом в качестве основного отличительного признака называется сам факт совершения преступления» [1]. Что касается содержания данной категории, то исследователи придерживаются мнения о том, что оно складывается из совокупности негативных свойств лица-преступника, которые проявляются при взаимодействии с иными субъектами общественных отношений и выступают катализатором совершения преступных действий [9, с. 73].

Говоря непосредственно о признаках личности преступника, представляется логичным, что исследоваться должны две основные группы характеристик: объективные, отражающие социальную позицию личности, ее деятельность, и субъективные, позволяющие получить представление о сознании личности, выявить ее психологические особенности, морально-ценностные ориентиры, мотивы, потребности [10, с. 24].

Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев и В.Е. Эминов говорят о шести группах свойств личности преступника, добавляя к ним помимо выделенных А.Б. Сахаровым также физиологические и иные значимые с точки зрения криминологии свойства личности [2]. По мнению других специалистов, физиологические свойства не могут характеризовать личность преступника [7]. Уголовно-правовая структуризация личности преступника подчинена решению задач дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, включая их разделение по: а) полу; б) возрасту; в) характеру совершенных преступлений; г) наличию, частоте и характеру судимостей [8].

В криминологической науке представлены различные подходы к систематизации характеристик личности преступника. В рамках настоящего исследования наиболее релевантной признаётся классификация, предусматривающая выделение трёх групп признаков: социально демографических, социально психологических и нравственно психологических. Данная группировка позволяет обеспечить комплексный анализ детерминант преступного поведения, отразить как объективные параметры субъекта (возраст, пол, образование, профессиональный статус и др.), так и особенности его социальной адаптации, мотивационной сферы, ценностно нормативных установок, а также морально нравственных ориентиров, обусловливающих выбор противоправного варианта поведения.

Таким образом, личность экономического преступника в сфере реализации национальных проектов представляет собой сложный комплекс социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых характеристик, где доминирующую роль играет корыстная мотивация и искажённое восприятие общественных ценностей.Обратимся к материалам судебной практики.

Так, в рамках национального проекта «Здравоохранение» осуждённые, действуя группой лиц по предварительному сговору, при исполнении государственного контракта на поставку медицинского оборудования похитили более 3,4 млн руб. бюджетных средств. Вместо восьми специализированных медицинских мониторов стоимостью около 450 000 руб. каждый они поставили бытовые мониторы ценой не более 40 000 руб. Хан осуждён к 2 годам лишения свободы в колонии общего режима и штрафу 200 000 руб.; Громов — к 3 годам и штрафу 300 000 руб [6]. Приговором Ленинского районного суда г. Костромы осужден руководитель коммерческой организации, 46 лет, который заключил пять государственных контрактов с управлением капитального строительства Костромской области в рамках национального проекта «Здравоохранение» на общую сумму более 27 млн руб. Получив аванс, работы не выполнил, а денежные средства распорядился по своему усмотрению — часть перечислил контрагентам по ранее возникшим обязательствам, часть (более 4,5 млн руб.) легализовал через мнимые сделки. Вину не признал, ущерб не возместил. Осуждён по ч. 4 ст. 159 и п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ к 6 годам лишения свободы с конфискацией [5].

Обобщая мошеннические схемы в сфере реализации национальных проектов, необходимо отметить, что субъект преступления по данной категории дел общий (руководитель коммерческой организации); мужского пола; в возрасте 40–50 лет; образование высшее; семейное положение — состоит в браке; устойчивый тип, направлен-

ность на продолжительное занятие преступной деятельностью в сфере госзакупок; корыстно-статусный мотив; интеллектуальный способ совершения — подмена товара, неисполнение обязательств при формальном соблюдении документооборота.

Данный вывод подтверждает и «дело Раковой». Приговорами Никулинского районного суда Москвы 19 марта 2024 г.[4] экс-замминистра просвещения Марина Ракова, используя служебное положение, лоббировала выделение бюджетных средств Фонду новых форм развития образования для реализации проекта «Учитель будущего» в рамках национального проекта «Образование». Общая сумма хищений составила 50 млн руб. Ректор «Шанинки» Сергей Зуев обвинялся в хищении более 20 млн руб. путём фиктивного трудоустройства сотрудников Минпросвещения. Ракова осуждена к 5 годам колонии общего режима, штрафу 900 000 руб. и лишению права занимать должности на госслужбе на 2,5 года. Зуев — к 4 годам условно с лишением права занимать управленческие должности на 2 года. В данном случае имеем дело с специальным субъектом (должностное лицо — заместитель министра); высшее образование (учёная степень); возраст 40–50 лет; высокий социальный статус; инициативный тип с деформацией морального сознания и чувством вседозволенности; корыстно-статусная мотивация; организованная форма преступной деятельности; использование административного ресурса и служебных полномочий.

Приговором Засвияжского районного суда г. Ульяновска (2026 г., апелляционное определение Ульяновского областного суда от 02.09.2026) два осуждённых, действуя группой лиц по предварительному сговору, передавали взятки должностному лицу за беспрепятственное подписание актов выполненных работ при имеющихся строительных недостатках, составление протоколов лабораторных испытаний и согласование заявок на предоставление субсидий в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги». Группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере). Апелляционная инстанция исключила признак «организованная группа», указав, что ряд действий осуждённых являлись законными действиями при осуществлении коммерческой деятельности [3]. Криминологический портрет: общий субъект (руководители коммерческой организации — подрядчика); мужской пол; возраст 35–50 лет; высшее образование; семейное положение — состоят в браке; ситуативный тип, действующий в условиях сложившихся коррупционных практик в отрасли дорожного строительства; мотивация — корыстная, стремление обеспечить беспрепятственное получение бюджетных средств по контрактам.

Таким образом, обобщая материалы судебной практики в рамках изученных уголовных дел, опираясь на статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, представляется возможным сформулировать «собирательный», типичный портрет личности преступника, совершающего преступление в сфере реализации национального проекта, Можно обобщить, что среднестатистический экономический преступник при реализации национальных проектов - это, как правило, мужчина 35-50 лет, доля женщин среди преступников в этой сфере достаточно высока (около 40–45%), имеющий высшее или среднее специальное образование(до 75%), состоящий в браке, ранее не судимый, с завышенной самооценкой и правовым нигилизмом. Он может действовать как самостоятельно, так и в составе организованной преступной группы, преследуя корыстные цели. Как правило, это люди, занимающие должности в государственных или частных структурах, связанные с распределением бюджетных средств. Стаж работы на таких позициях часто превышает 5 лет.

Ключевой движущей силой является стремление к незаконному обогащению, наживе, роскоши, характерно пренебрежение интересами общества, безразличное отношение к последствиям для других людей, невосприятие принципов равенства перед законом и социальной справедливости, действия часто продиктованы утилитарными целями, гипертрофированным представлением о роли денег («деньги решают всё»), преступления часто носят сложный, продуманный характер, что связано с высоким образовательным уровнем и социальным статусом преступников, а также с доступом к процессу формирования и распределения бюджетных средств, в организованных группах могут проявляться способности к координации усилий, психологическому давлению. Более 80% таких преступников ранее не были судимы, либо не привлекались к уголовной ответственности за экономические правонарушения.

Список литературы:

[1] Антонян Ю.М. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. - Москва: Норма : ИНФРА-М, 2010. – 366с.

[2] Антонян Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. — Москва: Юристъ, 1996. — 335 с.

[3] Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 02.09.2026г. по делу № 22/240-2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?

option=3&id=90&idCard=127907(дата обращения: 06.10.2026).

[4] В деле о хищении 50 млн руб. в рамках нацпроекта «Образование» поставлена точка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://mel.fm/zhizn/povestka/2570849-realnyye-i-uslovnyye-sroki-v-dele-o-khishchenii-50-mln-rub-v-ramkakh-natsproyekta-obrazovaniye-posta (дата обращения: 06.10.2026).

[5] В Костромской области вынесен приговор по уголовному делу о мошенничестве при реализации национального проекта «Здравоохранение» на общую сумму свыше 27 млн рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/e8339955/(дата обращения: 06.10.2026).

[6] В Петербурге вынесен приговор о хищении денег при реализации нацпроекта «Здравоохранение». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://spbdnevnik.ru/news/2025-12-15/v-peterburge-vynesen-prigovor-o-khishchenii-deneg-pri-realizatsii-natsproekta-zdravookhranenie (дата обращения: 06.10.2026).

[7] Воронин Ю.А. Современное состояние буржуазной криминологии. Свердловск, 1980.

[8] Мельников А.А. Мошенничество и борьба с ним. - М.: Пенаты, 2002.

[9] Плиев К.А. Личность преступника как предмет криминологической науки и объект социально-правового исследования // Общество и право. - 2017. - № 3 (61). - С. 73-75.

[10] Синихин А.Э., Степенко В.Е. Криминологическая характеристика личности преступника: анализ в РФ // Электронное научное издание "Ученые заметки ТОГУ". 2013. Т. 4. - № 4.- С. 20-39.

References:

[1] Antonyan Yu.M. The identity of the criminal: criminal-psychological research / Yu. M. Antonyan, V. E. Eminov. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2010. - 366s.

[2] Antonyan Yu.M. Psychology of the criminal and crime investigation / Yu. M. Antonyan, M. I. Enikeev, V. E. Eminov. - Moscow: Lawyer, 1996. - 335 p.

[3] Appellate ruling of the Ulyanovsk Regional Court dated 02.09.2026 in case No. 22/240-2026. [Electronic resource]. - Access mode: URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=127907 (access date: 06.10.2026).

[4] In the case of embezzlement of 50 million rubles. within the framework of the national project "Education" an end has been put. [Electronic resource]. – Режим доступа: URL: https://mel.fm/zhizn/povestka/2570849-realnyye-i-uslovnyye-sroki-v-dele-o-khishchenii-50-mln-rub-v-ramkakh-natsproyekta-obrazovaniye-posta (дата обращения: 06.10.2026).

[5] In the Kostroma region, a verdict was passed in a criminal case of fraud in the implementation of the national project "Healthcare" totaling over 27 million rubles. [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/e8339955/ (access date: 06.10.2026).

[6] In St. Petersburg, a verdict was passed on the theft of money during the implementation of the national project "Healthcare." [Electronic resource]. – Режим доступа: URL: https://spbdnevnik.ru/news/2025-12-15/v-peterburge-vynesen-prigovor-o-khishchenii-deneg-pri-realizatsii-natsproekta-zdravookhranenie (дата обращения: 06.10.2026).

[7] Voronin Yu.A. The current state of bourgeois criminology. Sverdlovsk, 1980.

[8] Melnikov A.A. Fraud and combating it. - M.: Penates, 2002.

[9] Pliev K.A. The personality of the criminal as a subject of criminological science and an object of socio-legal research // Society and law. - 2017. - № 3 (61). - S. 73-75.

[10] Sinikhin A.E., Stepenko V.E. Criminological characteristics of the personality of the criminal: analysis in the Russian Federation // Electronic scientific publication "Scientific notes of the Togo." 2013. VOL. 4. - NO. 4.- S. 20-39.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-35-40

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
ORCID: 0009-0004-9220-7638,
e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ И ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ К ЗАЩИТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ОТ ВИКТИМИЗАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье анализируется степень разработанности научной проблемы криминальной виктимности юридического лица. Показано, что исторически формирование знаний о корпоративной жертве прошло четыре этапа (от классической виктимологии, замкнутой на потерпевших — физических лицах, через становление криминальной корпоративной виктимологии как частной виктимологической теории к отраслевым прикладным исследованиям и современной эмпирически насыщенной модели). На материалах отечественной (хищение налоговых платежей компаний фонда Hermitage Capital, корпоративный конфликт вокруг ПАО «Тольяттиазот») и зарубежной практики (банкротство Enron, «дизельгейт» Volkswagen) проиллюстрированы ключевые элементы корпоративной виктимности. Акцентировано внимание на недостатках корпоративного управления, привлекательности активов, «невидимости» корпоративной жертвы для правоприменения. Обосновывается вывод о том, что проблематика виктимной безопасности юрлица представлена в науке, но целостной концепции пока нет. В качестве перспектив для научной проработки выделена необходимость нормативного закрепления и интеграция профилактических стандартов в корпоративный комплаенс, а также исследования виктимной безопасности юридического лица как самостоятельного объекта охраны.*

Ключевые слова: *криминальная корпоративная виктимология; юридическое лицо; корпоративная жертва; виктимность; виктимизация; виктимная безопасность; рейдерский захват; мошенничество.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

EVOLUTION OF SCIENTIFIC AND LEGAL APPROACHES TO PROTECTING A LEGAL ENTITY FROM VICTIMIZATION: THE STATE OF THE ISSUE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *The article analyses the state of research on the criminal victimization of legal entities. It is shown that the formation of knowledge about the corporate victim has passed through four stages: from classical victimology focused exclusively on natural persons, through the emergence of criminal corporate victimology as a private victimological theory, to sector-specific applied studies and the contemporary empirically saturated model. Based on Russian practice (the theft of tax payments of Hermitage Capital companies, the corporate conflict around Togliattiazot) and foreign practice (the Enron bankruptcy, the Volkswagen "Dieselgate"), the article illustrates the key elements of corporate victimization: defects of corporate governance, attractiveness of assets, and the "invisibility" of the corporate victim for law enforcement. The author concludes that the topic is moderately researched and outlines promising directions for studying the victim security of a legal entity as an independent object of protection.*

Key words: *criminal corporate victimology; legal entity; corporate victim; victimization; victim security; hostile takeover; fraud.*

Уголовно-процессуальное и административное законодательство Российской Федерации прямо признает юридическое лицо потерпевшим от преступления или административного правонарушения (в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ юридическое лицо является «потерпевшим в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации»; аналогичный статус закреплен и в ст. 25.2 КоАП РФ). При этом понятийный аппарат виктимологии — категории «виктимность», «виктимизация», «виктимологическая профилактика» — исторически формировался применительно к жертве-физическому лицу, что обусловлено антропоцентричной природой классических виктимологических теорий. Корпоративная жертва долгое время оставалась на периферии научного познания. Она фиксировалась статистикой, но не рассматривалась как самостоятельный объект криминологического анализа. Между тем ущерб, причиняемый преступлениями организациям, по масштабам сопоставим с ущербом физическим лицам, а механизмы такой виктимизации — дефекты корпоративного управления, пробелы регуляторики, «невидимость» жертвы — имеют собственную природу и требуют самостоятельного изучения. Цель настоящей статьи — систематизировать сложившиеся научные подходы к проблеме криминальной корпоративной виктимности, дополнить теоретический анализ материалами правоприменительной практики и обозначить дискуссионные вопросы, определяющие направление дальнейших исследований.

Анализ периодизации теоретико-методологических истоков возникновения научных знаний по корпоративной виктимности показывает, что начальный этап связан с формированием общетеоретического фундамента отечественной виктимологии. Д. В. Ривман и В. С. Устинов разработали базовые категории виктимности и виктимизации, а также методики их статистического измерения, однако применительно исключительно к потерпевшим — физическим лицам [1]. Созданный ими инструментарий впоследствии был экстраполирован на юридические лица, но изначально корпоративная жертва не входила в предмет виктимологического познания.

Вторым этапом (2006–2015 гг.) является период теоретического оформления самостоятельного направления. Ключевая роль принадлежит П. А. Кабанову, предложившему концепцию криминальной корпоративной виктимологии как частной виктимологической теории, включающей учение о корпоративной жертве, корпоративной виктимности, виктимизации и виктимогенности [2]. Опираясь на официальную виктимологическую статистику за 2009–2013 гг., ученый впервые в российской криминологии дал статистический анализ феномена корпоративной жертвы и установил, что темпы снижения криминальной виктимности юридических лиц отстают от общей динамики преступности. Принципиально важен и его методический вывод: перспективы направления связаны с учетом не только числа потерпевших юридических лиц, но и размера причиненного им материального ущерба, а также с формированием корпоративной виктимологии экономической преступности [3].

Переход от общих концепций к отраслевым и прикладным исследованиям условно связан с третьим этапом (2015–2022 гг.) генезиса корпоративной виктимности. Наиболее показательна диссертация О. С. Вороновой, посвятившей виктимность предприятий как обстоятельству, способствующему недружественным поглощениям и рейдерским захватам. Автор разграничила благоприятные свойства виктимности юридического лица (наличие привлекательных активов, дефекты учредительных документов, слабость корпоративного управления) и негативные (коррупционные практики самого хозяйствующего субъекта) и пришла к выводу, что виктимность юридического лица в значительной мере порождается пробелами гражданско-правового регулирования, а потому ее преодоление требует комплекса уголовно-правовых, гражданско-правовых, административно-правовых и криминологических мер в совокупности с социальной и экономической политикой государства [4].

В рамках этого этапа развиваются исследования виктимизации юридических лиц в отдельных сферах (банковской деятельности, экономическом мошенничестве, малом бизнесе). Так, анализируя мошенничества в банковской сфере, А. Л. Репецкая и Л. А. Петрякова установили, что юридические лица в структуре жертв страдают преимущественно от мошенничеств в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), при этом у представителей потерпевших организаций личностная виктимность осложнялась ролевой, а решающую роль играли объективные виктимогенные факторы [5].

Зарубежные исследования корпоративных жертв представлены прежде всего работами Х. Кроалл, показавшей особую «невидимость» жертв «беловоротничковой» и корпоративной преступности для официальной статистики и правоприменения [8]. На современном этапе (с 2022 г. по настоящее время) происходит эмпирическое углубление. Так, Н. М. Александриной разработана частная виктимологическая теория криминальной виктимизации юридических лиц, впервые предложена математическая формула расчета коэффициента виктимизации на общероссийском, региональном и видовом уровнях. Создана классификация корпоративных жертв по характеру вреда, форме собственности и иным крите-

риям; эмпирическая база исследования охватывает период 2010–2022 гг. [6]. Наряду с этим наметился тренд категориального расширения. В докторском исследовании А. В. Майорова сформулирована дефиниция «виктимная безопасность» как состояние защищенности, при котором соответствующий уровень виктимности не может оказать существенного влияния на жизненно важные интересы личности, а также обоснована целостная концепция виктимологического противодействия преступности [7]. Именно эта концепция создает теоретическую рамку, позволяющую переносить категорию «виктимная безопасность» с личности на юридическое лицо.

Под криминальной корпоративной виктимностью в наиболее общем виде понимается предрасположенность юридического лица становиться жертвой преступлений, обусловленная свойствами самой организации (структура, порядок управления, качество внутренних контролей), свойствами ее активов и характеристиками внешней среды [2].

В структуре корпоративной виктимности целесообразно выделять: во-первых, объективную составляющую — стоимость и ликвидность активов, отраслевую принадлежность, доступность финансовых ресурсов; во-вторых, организационно-управленческую — дефекты учредительных документов, размытость корпоративного контроля, слабость службы безопасности и комплаенса; в-третьих, поведенческую — склонность самой организации к коррупционным практикам и «серым» схемам, повышающая вероятность ответной криминализации конфликтов. Как показано выше, значение названных элементов неоднократно подтверждалось эмпирически [4; 5; 6]. Однако их сочетание нагляднее всего раскрывается на конкретных практических ситуациях, которые в отечественной литературе, как правило, приводятся фрагментарно.

В рамках исследования изучены следующие показательные ситуации из российской и зарубежной практики, позволяющие проследить типовые механизмы виктимизации юридических лиц и специфику реагирования правопорядка в разных юрисдикциях. Среди отечественных кейсов особое место занимает хищение налоговых платежей компаний фонда Hermitage Capital в 2007–2009 гг., ставшее одной из наиболее резонансных налоговых афер в новейшей российской истории: оно наглядно демонстрирует, как дефекты корпоративного документооборота и изъятие учредительных документов могут быть прямо использованы для противоправного перераспределения активов и причинения ущерба одновременно и частным компаниям, и бюджету. Так, в сентябре–декабре 2007 г. принадлежавшие фонду и управляемые им компании ООО «Парфенион», ООО «Махаон» и ООО «Рилэнд» были перерегистрированы на новых владельцев — по данным фонда, с использованием документов и печатей, изъятых в ходе обыска у юридического советника фонда. Лица, объявившие себя руководителями организаций, представили в налоговые инспекции № 25 и № 28 по Москве подложные уточненные декларации по налогу на прибыль за 2006 г., заявив к возмещению переплату на общую сумму свыше 5,4 млрд руб.; казначейство перечислило эти средства на счета организаций, после чего деньги были похищены. В 2009 г. организаторы схемы (В. Маркелов, В. Хлебников) были осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ к пяти годам лишения свободы каждый, однако гражданские иски о возмещении ущерба по делу не заявлялись, а в доход казны удалось обратить лишь около 685 млн руб. [9]. Виктимологическое значение данного кейса двойственно: с одной стороны, жертвами преступления стали одновременно публично-правовое образование (бюджет) и юридические лица, фактически утратившие корпоративный контроль над тремя организациями, что представляет собой классическую иллюстрацию того, как дефекты учредительных документов и документооборота (хранение оригиналов уставов и печатей у внешнего советника) выступают «благоприятным свойством» виктимности в терминологии О. С. Вороновой [4]; с другой стороны, дело демонстрирует феномен «невидимости» корпоративной жертвы, описанный Х. Кроалл [8], — отсутствие гражданского иска означало, что пострадавшие организации не были восстановлены в правах, а вопрос о судьбе похищенных средств остался открытым, вследствие чего корпоративная жертва в уголовном деле фактически растворилась в ущербе бюджета.

Следующий исследованный кейс о корпоративном конфликте вокруг ПАО «Тольяттиазот» (2019–2022 гг.) представляет собой показательный пример виктимизации крупного хозяйствующего субъекта. Предприятие, являющееся одним из крупнейших мировых производителей аммиака с выручкой около 80 млрд руб., стало предметом многолетнего корпоративного конфликта: в 2019 г. бывшие владельцы и менеджмент завода (В. и С. Махлаи, Е. Королев, иностранные партнеры) были заочно осуждены за мошенничество в особо крупном размере, поскольку, по данным следствия, реализуя продукцию через подконтрольный трейдер, они присвоили доход около 85 млрд руб. [10]. В ноябре–декабре 2021 г. контроль над предприятием перешел к структурам конкурент. Внеочередные собрания акционеров, созванные при поддержке судебного управляющего имуществом мажоритария, сменили совет директоров и генерального директора, а исполняющий обязанности руководителя завода был за-

держан, направив накануне заявления о силовом захвате предприятия. Мажоритарные акционеры назвали произошедшее рейдерским захватом и обратились в Высокий суд Ирландии, где ещё с 2016 г. рассматривался их иск о сговоре с целью завладения мажоритарным пакетом акций; иностранный форум был выбран в силу трансграничного характера конфликта (часть структур сторон зарегистрирована за рубежом). В отечественной публичной плоскости события получили название «корпоративной войны» [10].

С виктимологической точки зрения этот кейс иллюстрирует тезис О. С. Вороновой о том, что само наличие привлекательных активов является благоприятным свойством корпоративной виктимности [4]: предприятие с выручкой в десятки миллиардов рублей становится объектом поглощения не в силу слабости, а в силу стоимости. Одновременно кейс показывает узость чисто уголовно-правового ответа: спор о правомерности смены управления решается в нескольких юрисдикциях, а механизмы виктимологической профилактики подобных захватов (корпоративный аудит, реестры бенефициаров, контроль за перерегистрацией) лежат за пределами уголовного процесса.

Следующим классическим примером того, как «беловоротничковое» преступление порождает множественность жертв, включая корпоративные структуры, является банкротство Enron в США в 2001 г. За четыре года до банкротства акционеры компании потеряли около 74 млрд долл., из которых, по оценкам, 40–45 млрд пришлись на мошенничество; по итогам групповых исков инвесторы получили около 7,2 млрд долл. — порядка 20 центов на каждый потерянный доллар. Свыше 20 тыс. сотрудников лишились рабочих мест и пенсионных накоплений, инвестированных в акции компании. Дело Enron стало отправной точкой не только для реформы корпоративного законодательства (закон Сарбейнса–Оксли), но и для дискуссии о «невидимости» жертв корпоративной преступности: индивидуализация вреда оказалась настолько сложной, что компенсация носила преимущественно коллективный характер [8].

Показательным примером виктимизации широкого круга субъектов является «дизельгейт» — корпоративный скандал вокруг концерна Volkswagen (Германия/США, с 2015 г.). Установка программного обеспечения, занижавшего показатели выбросов в лабораторных тестах, затронула около 11 млн автомобилей. В 2017 г. компания признала вину по уголовным обвинениям в США и выплатила уголовный штраф в 2,8 млрд долл. — крупнейший в истории американского правосудия для автопроизводителей; совокупные издержки концерна превысили 32 млрд евро. В Германии в 2025 г. вынесены первые персональные приговоры бывшим менеджерам: двое из них получили реальные сроки лишения свободы (4,5 года и 2 года 7 месяцев), а бывший глава концерна М. Винтеркорн предстает перед судом заочно по состоянию здоровья. Виктимологический смысл кейса в том, что корпоративная преступность создает цепочку жертв — потребителей, государства, дилеров и поставщиков, — однако официальная уголовно-правовая категория «потерпевший» охватывает ее лишь фрагментарно, что подтверждает выводы Х. Кроалл о структурной невидимости таких жертв [8].

Сопоставление отечественных и зарубежных кейсов показывает универсальность механизмов корпоративной виктимности: привлекательность активов, дефекты управления и информационная «закрытость» жертвы формируют повышенный виктимогенный риск. При этом модели реагирования различаются. Если в США развиты коллективные иски и компенсационные соглашения, позволяющие восстанавливать имущественное положение пострадавших, то в России преобладает репрессивный вектор, а механизмы возмещения вреда недостаточно эффективны. Данная особенность обусловливает необходимость развития в отечественном правопорядке инструментов виктимологической защиты, в том числе путем совершенствования гражданско правовых способов возмещения вреда и внедрения профилактических стандартов в комплаенс.

Анализ современных исследований, а также отечественной и зарубежной практики позволяет выделить ряд нерешенных вопросов, определяющих научную новизну дальнейших изысканий. Прежде всего, до настоящего времени отсутствует общепринятое определение «виктимной безопасности» именно юридического лица. Данная категория изначально разрабатывалась применительно к личности, а ее адаптация к корпоративному уровню носит фрагментарный характер. При этом представляется целесообразным трактовать «виктимную безопасность организации» как состояние защищенности ее имущественных и неимущественных интересов, при котором уровень виктимности не создает угрозы нормальному функционированию хозяйствующего субъекта. Наряду с этим существенную проблему сохраняет терминологическая неустойчивость. В научных работах понятия «жертва», «потерпевший» и «пострадавший» зачастую употребляются как синонимы, несмотря на различия в их правовом содержании. В частности, далеко не каждая корпоративная жертва приобретает процессуальный статус потерпевшего, что наглядно демонстрирует кейс Hermitage Capital, где даже при доказанности преступления имущественные интересы пострадавших организаций фактически остались

вне рамок уголовного судопроизводства. Дополнительным затруднением выступает неполнота, противоречивость и низкая доступность официальной виктимологической статистики по юридическим лицам, что осложняет как проведение эмпирических исследований, так и организацию профилактической работы. Аналогичные сложности отмечаются и в зарубежной практике. Кроме того, в существующей научной литературе явно преобладает криминологический ракурс анализа, тогда как организационно-управленческий аспект, включающий внутрикорпоративные механизмы обеспечения виктимной безопасности (такие как комплаенс, аудит корпоративного управления, регламентация работы с учредительными документами), остается недостаточно изученным. При этом слабо проработаны и критерии оценки эффективности виктимологической профилактики применительно к хозяйствующим субъектам, равно как и круг субъектов, ответственных за ее реализацию.

Таким образом, научная база по теме отличается неоднородной степенью проработанности. С одной стороны, уже сложился основной понятийный аппарат, а эмпирическая база существенно расширена за счет анализа правоприменительной практики и отдельных корпоративных кейсов. С другой — пока не выстроена целостная концепция виктимной безопасности юридического лица как самостоятельного объекта правовой охраны. Остаются нерешенными вопросы нормативного закрепления данного института, а также формирования системы организационных гарантий, которые обеспечивали бы профилактику виктимизации и восстановление нарушенных интересов хозяйствующих субъектов.

По мнению автора, криминальная корпоративная виктимность является сложившейся, но не завершенной в своей теоретической разработке область. Анализ реальной правоприменительной практики подтверждает ключевые теоретические положения. Корпоративная жертва страдает как от «внешних» преступников, так и от дефектов собственного корпоративного управления. Ее «невидимость» для правоприменения приводит к тому, что уголовное наказание виновных не сопровождается восстановлением имущественного положения организации. Перспективы развития научного направления связаны с нормативной адаптацией категории «виктимная безопасность» к юридическим лицам, созданием сопоставимой статистики корпоративной виктимизации (в том числе через коэффициентные модели Н. М. Александрины) и разработкой внутрикорпоративных стандартов виктимологической профилактики как элемента комплаенса хозяйствующих субъектов.

Список литературы:

[1] Ривман Д. В. Виктимология / Д. В. Ривман, В. С. Устинов. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2000. — 332 с.

[2] Кабанов П. А. Криминальная корпоративная виктимология как частная виктимологическая теория: понятие и попытка определения предметного поля / П. А. Кабанов // Следователь. — 2006. — № 9. — С. 29–33.

[3] Кабанов П. А. Корпоративные жертвы российской преступности: криминологический анализ виктимологической статистики за 2009–2013 гг. / П. А. Кабанов // Юридические исследования. — 2015. — № 3. — С. 52–70. — DOI 10.7256/2409-7136.2015.3.14420..

[4] Воронова О. С. Виктимность предприятий (юридических лиц) как обстоятельство, способствующее недружественным поглощениям (рейдерским захватам) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. С. Воронова. — Москва, 2016.

[5] Репецкая А. Л. Виктимологическая характеристика мошенничеств в банковской сфере (по материалам Сибирского федерального округа) / А. Л. Репецкая, Л. А. Петрякова // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 4. — С. 452–462. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(4).452-462..

[6] Александрина Н. М. Криминальная виктимизация юридических лиц и ее предупреждение: криминологическое исследование : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. … канд. юрид. наук / Н. М. Александрина. — Нижний Новгород, 2024. — 275 с.

[7] Майоров А. В. Теория и методология виктимологического противодействия преступности в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.4 / А. В. Майоров. — Екатеринбург, 2022.

[8] Croall H. White collar crime, consumers and victimization / H. Croall // Crime, Law and Social Change. — 2009. — Vol. 51. — P. 127–146.

[9] Похититель 5,4 млрд руб. налогов Hermitage приговорен к пяти годам тюрьмы без конфискации имущества // Ведомости. — 2009. — 2 декабря.

[10] «Силовой и незаконный захват»: почему на ТОАЗе началась очередная корпоративная война // Forbes Russia. — 2021. — 3 декабря.

References:

[1] Rivman, D. V., & Ustinov, V. S. (2000). Victimology. Saint Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press. 332 p.

[2] Kabanov, P. A. (2006). Criminal corporate victimology as a special victimological theory: Concept and an attempt to define the subject field.

Sledovatel' [Investigator], (9), 29–33.

[3] Kabanov, P. A. (2015). Corporate victims of Russian crime: A criminological analysis of victimological statistics for 2009–2013. Yuridicheskie Issledovaniya [Legal Studies], (3), 52–70.

[4] Voronova, O. S. (2016). Victimization of enterprises (legal entities) as a circumstance facilitating hostile takeovers (raider seizures) [Doctoral dissertation abstract]. Moscow.

[5] Repetskaya, A. L., & Petryakova, L. A. (2022). Victimological characteristics of fraud in the banking sector (based on the materials of the Siberian Federal District). All-Russian Criminological Journal, 16(4), 452–462.

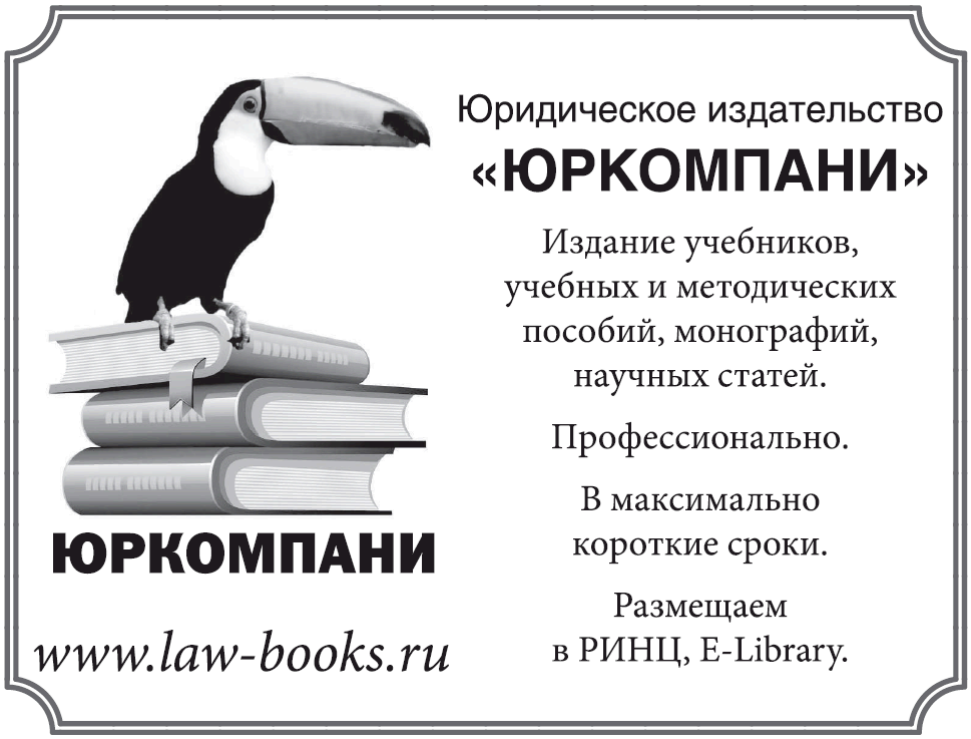
[6] Alexandrina, N. M. (2024). Criminal victimization of legal entities and its prevention: A criminological study [Doctoral dissertation]. Specialty 5.1.4 "Criminal Law Sciences". Nizhny Novgorod. 275 p.

[7] Mayorov, A. V. (2022). Theory and methodology of victimological crime counteraction in the Russian Federation [Doctoral dissertation abstract]. Specialty 5.1.4. Yekaterinburg.

[8] Croall, H. (2009). White collar crime, consumers and victimization. Crime, Law and Social Change, 51, 127–146.

[9] Vedomosti. (2009, December 2). The perpetrator of the theft of RUB 5.4 billion in taxes from Hermitage sentenced to five years in prison without confiscation of property.

[10] Forbes Russia. (2021, December 3). "A forcible and unlawful seizure": Why another corporate war has begun at TOAZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-41-48

РАХИМОВ Саидшох Салимович,
адъюнкт Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования системы принципов уголовного права Российской Федерации и Республики Таджикистан в условиях развития уголовного законодательства и правоприменительной практики. Цель исследования состоит в выявлении общих и отличительных характеристик уголовно-правовых принципов двух государств, а также направлений повышения эффективности их реализации. Для достижения цели решены задачи, связанные с анализом эволюции принципов в доктрине и законодательстве, сопоставлением их нормативного закрепления, изучением современных научных классификаций и проблем практического применения. Теоретическая значимость работы заключается в уточнении сравнительно-правовых характеристик системы принципов уголовного права, практическая – в возможности использования полученных выводов при совершенствовании законодательства и правоприменения для обоих государств. Установлена общность базовых принципов и выявлена специфика таджикского законодательства, предусматривающего принципы неотвратимости ответственности и демократизма. Научная новизна состоит в комплексном сопоставлении современных тенденций развития принципов двух правопорядков и обосновании направлений их дальнейшей гармонизации с учетом требований законности, справедливости, гуманизма и защиты прав человека.*

Ключевые слова: *принципы уголовного права; доктрина уголовного права; правоприменительная практика; законность; справедливость; гуманизм; неотвратимость ответственности.*

RAKHIMOV Saidshokh Salimovich,
adjunct at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: DOCTRINAL AND LAW-ENFORCEMENT ASPECTS

Annotation. *The relevance of the research is determined by the need to improve the system of principles of criminal law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in the context of the development of criminal legislation and law enforcement practice. The purpose of the study is to identify common and distinctive characteristics of the criminal law principles of the two states, as well as ways to improve the effectiveness of their implementation. To achieve this goal, the tasks related to the analysis of the evolution of principles in doctrine and legislation, the comparison of their normative consolidation, the study of modern scientific classifications and problems of practical application have been solved. The theoretical significance of the work lies in clarifying the comparative legal characteristics of the system of principles of criminal law, the practical one is in the possibility of using the findings in improving legislation and law enforcement for both states. The commonality of the basic principles has been established and the specifics of Tajik legislation providing for the principles of the inevitability of responsibility and democracy have been identified. The scientific novelty consists in a comprehensive comparison of current trends in the development of the principles of the two legal systems and the justification of the directions for their further harmonization, taking into account the requirements of legality, justice, humanism and the protection of human rights.*

Key words: *principles of criminal law; doctrine of criminal law; law enforcement practice; legality; justice; humanism; inevitability of responsibility.*

Введение

Принципы уголовного права представляют собой фундаментальные руководящие идеи, выражающие сущность и направленность данной отрасли права. От полноты законодательного их закрепления и эффективности реализации требований во многом зависит результативность борьбы с преступностью и применение мер уголовно-правового воздействия.

В современной науке уголовного права общепризнано, что принципы выступают своего рода «духом» уголовного закона и определяют его содержание. Вместе с тем отсутствует единообразие в понимании понятия и системы принципов: различные авторы по-разному их классифицируют (на общеправовые и отраслевые, основные и производные и т.д.), что указывает на актуальность теоретического переосмысления данной проблемы.

Практическая значимость исследования принципов уголовного права также очевидна, поскольку даже при наличии формального закрепления не всегда достигается их реализация: наблюдаются случаи неверного их толкования правоприменителями (например, принцип гуманизма на практике зачастую трактуется противоречиво), либо принципы декларируются без полноценного воплощения (например, принцип неотвратимости наказания нередко нарушается вследствие уклонения отдельных лиц от реального отбывания наказания) [21, с. 723].

Таким образом, имеется необходимость комплексного исследования развития системы принципов уголовного права в Российской Федерации и Республике Таджикистан, выявления общих тенденций и особенных черт, а также выработки научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения в части обеспечения действия указанных принципов. Данное исследование, опираясь на новейшие доктринальные источники и официальные данные последних лет, направлено на решение этих задач.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили положения уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, закрепляющие систему и содержание принципов уголовного права, нормы конституционного законодательства двух государств, материалы судебной и иной правоприменительной практики, официальные статистические данные, а также современные научные труды российских и таджикских исследователей по вопросам понятия, классификации, законодательного закрепления и реализации уголовно-правовых принципов. При отборе доктринальных источников приоритет отдавался публикациям последних лет, отражающим современные тенденции развития уголовно-правовой науки и актуальные проблемы правоприменения.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. С использованием методов анализа и синтеза исследованы основные научные подходы к определению сущности и системы принципов уголовного права. Формально-юридический метод применялся при изучении содержания соответствующих положений уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан и выявлении особенностей их нормативного закрепления. Сравнительно-правовой метод позволил установить общие черты и различия в системах уголовно-правовых принципов двух государств. Историко-правовой метод использован для определения основных этапов их формирования и развития. Посредством системного и логического методов раскрыты взаимосвязи отдельных принципов и их место в механизме уголовно-правового регулирования. Обобщение материалов правоприменительной практики и официальных данных позволило выявить основные проблемы практической реализации принципов и определить направления совершенствования законодательства и практики его применения.

Основная часть

Развитие доктрины принципов уголовного права. Проблематика принципов права в целом и уголовного права в частности привлекает внимание ученых на протяжении длительного времени. В юридической литературе принципы уголовного права обычно определяются как закрепленные в законе основополагающие идеи, на которых базируется уголовно-правовое регулирование. К числу основных принципов современного уголовного права Российской Федерации традиционно относят: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости и принцип гуманизма. Эти пять принципов прямо закреплены в ст.ст. 3-7 Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации [3] (далее – УК РФ) и рассматриваются в науке как единая систему идей, находящихся во взаимосвязи и дополняющих друг друга.

Уголовное законодательство Республики Таджикистан восприняло указанную систему основополагающих принципов, но при этом дополнило ее рядом положений. В частности, в действующем Уголовном кодексе Республики Таджикистан [4] (далее – УК РТ) впервые на постсоветском пространстве прямо закреплены такие положения, как принцип неотвратимости ответственности и принцип демократизма (демократии) [22, с. 58-59]. Согласно ст. 3 УК РТ, уголовный закон основывается на принципах законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, личной ответственности и виновности, справед-

ливости, гуманизма и демократизма. Включение принципа демократизма отражает специфику таджикского законодательства – данный принцип предполагает, что в случаях, предусмотренных законом, к реализации уголовной ответственности могут привлекаться общественные объединения и органы самоуправления граждан (что было характерно для советской и традиционной таджикской правовой культуры). Закрепление же принципа неотвратимости (неизбежности) наказания подчеркивает требование, чтобы каждое лицо, совершившее преступление, понесло установленную ответственность, исключая возможность ухода от наказания.

Включение перечисленных принципов непосредственно в текст уголовного закона – относительно новое явление. В советское время Уголовные кодексы РСФСР [11] и Таджикской ССР [10] не содержали отдельной статьи о принципах, хотя сами принципы подразумевались неявно. Лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Основах уголовного законодательства Союза ССР [12] стали напрямую перечисляться базовые принципы (законность, равенство, виновная ответственность, справедливость, гуманизм и др.). Новый УК РТ 1998 г. был разработан с учетом Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ [6] и впервые включил целый комплекс норм о принципах уголовного права, тогда как УК РФ 1996 г. также закрепил основные принципы (в гл. 1), хотя и в несколько меньшем объеме.

В обоих государствах законодательное закрепление принципов рассматривается доктриной как позитивное явление, обеспечивающее ориентирование правоприменительной практики на руководящие идеи уголовного права. Нормативное их провозглашение создает основу для реального влияния на практику и более полного соответствия правоприменения ценностям, воплощающим эти принципы.

Современные российские авторы рассматривают принципы уголовного права как фундаментальные элементы института уголовного права, лежащие в основе всей системы отрасли. Так, В.Д. Филимонов определяет принципы уголовного права как закрепленные в законодательстве требования, обусловленные конституционными и международно-правовыми началами, которые предопределяют содержание совокупности уголовно-правовых норм и интегрируют их в единую систему [20, с. 34]. Близко к указанному, В.В. Мальцев акцентирует внимание на воплощении этих принципов в практической деятельности, подчеркивая неразрывную связь принципов с задачами уголовного закона; по его мнению, нормы о задачах и принципах УК РФ совместно образуют самостоятельный институт уголовного законодательства [17, с. 27].

В русле институционального подхода В.П. Коняхин рассматривает уголовно-правовые принципы как ключевые системообразующие компоненты структуры Общей части, обеспечивающие внутреннее единство норм отрасли [15, с. 36]. Схожей позиции придерживается и Р.Ю. Петрухин, характеризуя принципы уголовного права как основополагающие идеи нормативного характера, которые определяют содержание уголовного законодательства и направляют его развитие в соответствии с требованиями законности, справедливости и гуманизма [18, с. 11].

В новейших исследованиях появилась концепция производных (вспомогательных) принципов уголовного права. Например, О.Н. Городнова указывает на необходимость изучения производных принципов, востребованных практикой и являющихся продолжением основных начал уголовно-правовой политики и призваны восполнять пробелы в реализации уголовной ответственности и наказания [14, с. 111]. К таким производным принципам исследователь относит принцип неотвратимости и дифференциации уголовной ответственности, индивидуализации наказания, экономии уголовной репрессии – их прикладное значение подтверждается примерами судебной практики.

Тем самым, правовая доктрина развивается в направлении как уточнения содержания традиционных принципов, так и выделения новых аспектов (начал) уголовно-правового регулирования, ранее не сформулированных напрямую.

Совершенствование законодательства и реализация принципов. Законодательная база Российской Федерации и Республики Таджикистан в части закрепления принципов уголовного права в основном сформирована в 1990-е гг. и с тех пор сохранила преемственность, однако законодательное развитие продолжается по пути конкретизации и дополнения содержания принципов. В УК РФ периодически вносятся изменения, отражающие развитие принципа гуманизма и справедливости – например, смягчение наказаний за менее тяжкие преступления, расширение оснований освобождения от наказания (что связано с реализацией принципа гуманизма). В Республике Таджикистан официальные документы, формулирующие основы правовой политики, подчеркивают приверженность основным принципам уголовного права и необходимость их актуализации. Так, Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан [5] провозглашает целью обеспечение соответствия уголовного законодательства конституционным принципам и общепризнанным нормам международного права, а также необходимость корректировки уголовно-правовых принципов в соответствии с изменяю-

щимися условиями. В частности, в таджикское уголовное законодательство в последние годы внедряются нормы, направленные на усиление гарантии равенства граждан перед законом и гуманизма при исполнении наказаний (например, гуманизация уголовных наказаний за преступления небольшой тяжести, расширение применения институтов примирения и освобождения от наказания). Эти меры согласуются с требованием, чтобы уголовное право не только декларировало принципы, но и обеспечивало их практическую реализацию.

Между тем, анализ правоприменительной практики выявляет ряд проблем в исполнении провозглашенных принципов. Принцип неотвратимости ответственности, хотя и признается обоими государствами, связан с объективными трудностями при реализации. При существующей системе исполнения наказаний достижение полного действия обозначенного принципа практически невозможно в отношении наказаний, не связанных с изоляцией от общества [21]. Например, назначение штрафов или условных осуждений не всегда приводит к фактическому понесению виновным лицом заслуженного наказания – осужденные нередко уклоняются от исполнения подобных мер. Кроме того, реализация неотвратимости при исполнении наказаний, связанных с лишением свободы, во многом зависит не только от правовых норм, сколько от организационных условий (например, от эффективности работы органов исполнения наказаний). Наличие случаев, когда преступник фактически избегает наказания (в силу сокрытия от следствия, недостатков в раскрытии преступлений либо применения неоправданно мягких мер), подрывает действие указанного принципа и требует принятия дополнительных мер. Органы прокуратуры в обоих странах объявляют обеспечение неотвратимости ответственности одним из приоритетных направлений своей деятельности, что подтверждается статистическими отчетами о работе по улучшению раскрываемости преступлений и контролю за исполнением приговоров.

Принцип равенства перед законом также сталкивается с проблемами правоприменения, особенно когда речь идет о привлечении к ответственности должностных лиц или иных влиятельных персон. Формально закон гласит, что все лица равны перед уголовным законом, независимо от пола, расы, должностного положения и иных обстоятельств. Однако в действительности соблюдение этого принципа требует эффективных механизмов противодействия коррупции и злоупотреблениям. В Российской Федерации и Республике Таджикистан предпринимаются усилия для обеспечения равенства – например, внедряются электронные системы распределения дел, минимизирующие влияние человеческого фактора, ведется надзор за расследованием уголовных дел в отношении должностных лиц. Тем не менее, общественность и правозащитники продолжают указывать на случаи избирательного правоприменения, что свидетельствует о необходимости укрепления гарантий равенства в уголовном судопроизводстве.

Принцип гуманизма декларирует, что уголовное наказание и другие меры не должны назначаться с целью причинения физических страданий или унижения достоинства, посягая на безопасность человека, а также предполагает дифференцированный подход к правонарушителю (исправление, а не жестокое возмездие) [16, с. 166]. Этот принцип отражен в законодательстве обеих стран (ст. 7 УК РФ, ст. 9 УК РТ) и реализуется через установление разумных пределов наказания, улучшение условий содержания осужденных, развитие альтернативных наказаний и пр. В практике, однако, нередко возникают вопросы о балансе гуманизма и необходимости строгого наказания. Например, в Республике Таджикистан международные наблюдатели отмечают случаи жестокого обращения с заключенными, что противоречит провозглашенному принципу гуманизма [19]. В Российской Федерации дискуссии вызывает вопрос о допустимости пожизненного лишения свободы для несовершеннолетних, моратории на смертную казнь и др. – все это относят к реализации принципа гуманизма на современном этапе [13]. В то же время, принцип гуманизма иногда неверно истолковывается правоприменителями: любое смягчение наказания выдается за гуманизм, тогда как подлинный смысл принципа – справедливость и человечность наказания – может отступать на второй план. Исходя из приведенного, требуется повышение уровня понимания принципа гуманизма среди практических работников, разъяснение его содержания в разъяснениях высших судов, а также контроль за соблюдением прав человека в уголовном преследовании.

Принцип справедливости требует соответствия наказания тяжести преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (в УК РФ прямо указано, что наказание не должно назначаться дважды за то же деяние, запрещая двойное привлечение). В целом, в правоприменении обоих государств соответствующий принцип реализуется через институты индивидуализации наказания, смягчающих и отягчающих обстоятельств, возможностей замены наказания более мягким и др. Тем не менее, общество остро реагирует на любые проявления несправедливости: чрезмерно мягкие приговоры за тяжкие преступления либо, наоборот, несоразмерно суровые наказания за малозначительные деяния.

Для усиления реализации принципа справедливости Верховные суды Российской Федерации и Республики Таджикистан регулярно обобщают судебную практику назначения наказаний, выпуская руководящие разъяснения. В последние годы, в контексте гуманизации уголовной политики, можно проследить тенденцию к смягчению наказаний за преступления небольшой и средней тяжести, что служит проявлением как справедливости, так и гуманизма.

Обобщая современные проблемы правоприменения, следует отметить: несмотря на наличие прогрессивного законодательства, гарантировавшего основные принципы, реализация принципов уголовного права требует постоянного внимания. Научные исследования последних лет не только фиксируют недостатки, но и предлагают пути решения. Так, С.В. Шевелева и В.А. Можайкина в своем труде указывают, что отсутствие эффективных механизмов исполнения наказаний ведет к утрате превентивного смысла наказания и подрывает принцип неотвратимости [21, с. 751]. Авторы на основе статистического анализа показали, что приговоренные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, зачастую уклоняются от их исполнения, а система поощрений и взысканий устроена так, что не стимулирует исправление осужденных. В качестве мер укрепления принципа неотвратимости они предлагают совершенствовать уголовно-исполнительное законодательство и практику – вводить более действенные способы контроля за исполнением наказаний, яснее регламентировать условия условно-досрочного освобождения и замены наказания, чтобы осужденные были мотивированы к правопослушному поведению, а освобождение действительно зависело от их исправления, а не от субъективного усмотрения.

Международно-правовой аспект. Принципы уголовного права Российской Федерации и Республики Таджикистан во многом коррелируют с общепризнанными принципами права, отраженными в международных актах. Принцип законности («nullum crimen, nulla poena sine lege») имеет универсальный характер и закреплен не только во внутренних кодексах, но и в Международном пакте о гражданских и политических правах [7] (далее – МПГПП), Европейской конвенции о правах человека [9] (ст. 7). Принцип равенства и недопущения дискриминации при уголовном наказании вытекает из фундаментальных норм о правах человека (ст. 14 МПГПП, ст. 26 Конституции Республики Таджикистан [2] и ст. 19 Конституции Российской Федерации [1]). Принцип гуманизма соотносится со стандартами обращения с правонарушителями, закрепленными, например, в Минимальных стандартных правилах ООН обращения с заключенными [8].

Таким образом, развитие доктрины и законодательства о принципах уголовного права идет с оглядкой на международные обязательства обеих стран. В частности, в ст. 1 УК РТ прямо указано, что Кодекс основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права. Это подчеркивает стремление таджикского законодателя вписать национальные уголовно-правовые принципы в русло мировых правовых ценностей. Для Российской Федерации также характерно воздействие международных подходов: решения Европейского суда по правам человека в период их признания и исполнения стимулировали уточнение содержания принципа справедливости (особенно в части разумности наказания, условий содержания под стражей и т.д.), а сотрудничество в рамках СНГ и других интеграционных объединений способствует сближению правовых позиций.

Перспективы совершенствования. На основании проведенного анализа можно наметить направления развития системы принципов уголовного права в Российской Федерации и Республике Таджикистан.

Во-первых, требуется дальнейшая систематизация и унификация понятийного аппарата. Отсутствие единства мнений о классификации принципов затрудняет их практическое применение. Возможно, стоит законодательно закрепить не только перечень основных принципов, но и дать их определения либо разъяснения в преамбулах кодексов или в постановлениях Пленумов Верховных Судов обоих государств, что уже имело место в виде судебных разъяснений о содержании принципов законности, справедливости и др.

Во-вторых, необходимо усиливать реализацию принципов на практике – например, внедрять в деятельность правоохранительных органов показатели, отражающие соблюдение принципа равенства (исключение случаев укрытия преступлений, совершенных «привилегированными» лицами), принципа неотвратимости (процент исполнения наказаний, неотбытых преступниками), принципа гуманизма (отсутствие случаев пыток или бесчеловечного обращения) и прочее.

В-третьих, на научном уровне следует продолжать анализ новых вызовов, требующих корректив принципов. Так, цифровизация общества ставит вопрос о расширении понимания принципа законности применительно к новым видам преступлений (киберпреступность) и методам расследования (цифровые доказательства), международное сотрудничество в уголовной сфере актуализирует принцип универсальности уголовной юрисдикции в отношении наиболее тяжких преступлений и пр. Может возникнуть необходимость дополнить национальные системы принци-

пов новыми элементами либо подробно раскрыть уже провозглашенные (например, принцип экономии репрессии в контексте борьбы с преступностью без избыточного ужесточения наказаний).

Наконец, сравнительно-правовой подход демонстрирует плодотворность обмена опытом между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. Обе страны, имея общие исторические корни уголовного законодательства, в постсоветский период пошли схожими путями, но накопили и свой уникальный опыт. Сравнение позволяет выявить лучшие практики и ошибки. Например, таджикский опыт законодательного закрепления дополнительных принципов мог бы быть учтен в Российской Федерации – принцип неотвратимости наказания фактически реализуется в российской практике, но его прямое закрепление в УК РФ придало бы ему больший приоритет и побудило бы к развитию соответствующих норм уголовно-процессуального и исполнительного права. С другой стороны, российский опыт детальной регламентации отдельных положений (например, широкого применения условного осуждения при соблюдении принципа справедливости и гуманизма) может быть полезен таджикским правотворцам для дальнейшей гуманизации уголовной политики.

Оба государства заинтересованы в поддержании высокого уровня защиты прав и свобод личности средствами уголовного права, поэтому гармонизация их подходов к принципам – важная задача. Формулируемые на научном уровне предложения по унификации уголовного законодательства дружественных стран в части принципов могли бы лечь в основу двусторонних соглашений или модельных нормативных актов СНГ. Это облегчит взаимодействие правоохранительных органов, взаимное признание решений и доверие к правовым системам друг друга.

Выводы

Принципы уголовного права Российской Федерации и Республики Таджикистан в своей основе совпадают и отражают фундаментальные ценности современного права – законность, равенство, виновная ответственность, справедливость, гуманизм и др. Их развитие в доктрине свидетельствует о постоянном поиске оптимальной модели уголовно-правового регулирования, способной ответить на вызовы времени. Республика Таджикистан, восприняв российско-советскую концепцию принципов, привнесла собственные акценты (неотвратимость, демократизм), что обогатило сравнительное понимание вопроса. Проведенный анализ показал, что законодательная база в обеих странах закрепляет основные принципы в общих чертах, однако нуждается в дальнейшей детализации и уточнении с учетом современных реалий и международных стандартов.

Правоприменительная практика пока не в полной мере отвечает требованиям провозглашенных принципов: имеются случаи отступления от них, вызванные как объективными трудностями (например, уклонение от наказания, коррупционный фактор), так и недостатками нормативного регулирования. Поэтому назрела необходимость совершенствования как материального уголовного закона, так и механизмов его реализации. Рекомендуется более четко регламентировать применение отдельных принципов (ввести в УК РФ норму о неотвратимости наказания, раскрыть содержание принципа гуманизма применительно к мерам наказания и условиям их исполнения и т.п.), усилить надзор и ведомственный контроль за соблюдением принципов на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Научная новизна и практическая значимость исследования принципов уголовного права двух стран проявляются в возможности разработки унифицированных подходов к уголовно-правовым принципам. Учитывая интеграционные процессы и сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, сближение уголовных законодательств в части принципов представляется перспективным направлением. Обмен лучшими практиками, совместные научные исследования и согласование понятийного аппарата позволят усилить единообразие понимания и применения принципов, что укрепит законность и справедливость в правоохранительной деятельности.

Принципы уголовного права – не статичная догма, а живой инструмент, который должен постоянно адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом свое ядро. Их дальнейшее развитие и реализация – залог эффективного, гуманного и справедливого уголовного правосудия как в Российской Федерации, так и в Республике Таджикистан.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Опубликована на Официальном интернет-портале правовой информации http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Конституция Республики Таджикистан от 06.11.1994 (с изм. и доп. по сост. на 22.05.2016) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996.

– № 25, ст. 2954.

[4] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с изм. и доп. по сост. на 14.05.2025) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://sud.tj/upload/iblock/d66/dyx5da2jv7tdqsf5yreytn1nt8o5bob.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

[5] Постановление Правительства Республики Таджикистан от 02.11.2013 № 492 «О Концепции уголовно-правовой политики Республики Таджикистан» [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31489219 (дата обращения: 17.09.2026).

[6] Модельный уголовный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56652#8Q1ZH0VufkOBg6F1 (дата обращения: 17.09.2026).

[7] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 17.09.2026).

[8] Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 г.) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (дата обращения: 17.09.2026).

[9] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 17.09.2026).

[10] Таджикская ССР. Законы и постановления. Уголовный кодекс Таджикской ССР. Душанбе: Таджикгосиздат, 1961. 166 с.

[11] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 591.

[12] Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»: утратил силу // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 1, ст. 6.

[13] Волошин И.А., Чайка А.В. Смертная казнь: «за» или «против» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 99-104.

[14] Городнова О.Н. Производные принципы уголовного права: теория и судебная практика // Вестник Российского университета кооперации. 2022. № 2 (48). С. 110-114.

[15] Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2002. 348 с.

[16] Кузнецов А.П. Уголовно-правовые принципы в законодательстве зарубежных стран: теоретическое исследование // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 164-167.

[17] Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб: Юридический центр «Пресс», 2004. 694 с.

[18] Петрухин Р.Ю. Принципы уголовного права. М.: Лаборатория книги, 2012. 113 с.

[19] Решения Комитета по правам человека ООН по делам в отношении Таджикистана о применении пыток и иных видов жестокого обращения (статьи 7, 9 и 14 МПГПП) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2020/08/Tajikistan-CCPR-Views-Compilation_rus.pdf.

[20] Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 371 с.

[21] Шевелева С.В., Можайкина В.А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 54. С. 722-753.

[22] Seleznev A., Krapchatova I. Principles of Criminal Legislation in the Republic of Tajikistan // Magyar Tudományos Journal. 2020. № 41-2. P. 58-59.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Published on the Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru (date of appeal: 17.09.2026).

[2] Constitution of the Republic of Tajikistan of 06.11.1994 (as amended and supplemented by comp. on the 22.05.2016) [Electronic resource] // Access mode: https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya (access date: 17.09.2026).

[3] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended 31.07.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 01.09.2025) // Collection legislation Ros. Federations. – 1996. - No. 25, Art. 2954.

[4] Criminal Code of the Republic of Tajikistan No. 574 dated 21.05.1998 on the 14.05.2025)

[Electronic resource] // Access mode: https://sud.tj/upload/iblock/d66/dyx5da2jv7tdqsf5yreytn1nt8o5bob.pdf (access date: 17.09.2026).

[5] Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated 02.11.2013 No. 492 "On the Concept of Criminal Law Policy of the Republic of Tajikistan" [Electronic resource] // Access mode: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31489219 (date of appeal: 17.09.2026).

[6] Model Penal Code for Member States of the Commonwealth of Independent States. Advisory legislative act (Adopted in St. Petersburg 17.02.1996 by Resolution 7-5 at the 7th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States) [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=56652#8Q1ZH0VufkOBg6F1 (date of appeal: 17.09.2026).

[7] International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted by 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (Accessed: 17.09.2026).

[8] Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Adopted at the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held in Geneva in 1955) [Electronic Resource] // Access: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml (Accessed: 17.09.2026).

[9] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome 04.11.1950) (as amended on 24.06.2013) [Electronic Resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (Accessed on: 17.09.2026).

[10] Tajik SSR. Laws and regulations. Criminal Code of the Tajik SSR. Dushanbe: Tajikgosizdat, 1961. 166 pp.

[11] The Criminal Code of the RSFSR (approved by Armed Forces of the RSFSR 27.10.1960) (as amended by 30.07.1996) // Vedomosti of the Armed Forces of the RSFSR. – 1960. - No. 40, Art. 591.

[12] USSR Law of 25.12.1958 "On Approval of the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and Union Republics": has lost force // Vedomosti of the USSR Armed Forces. – 1958. - No. 1, Article 6.

[13] Voloshin I.A., Chaika A.V. Death penalty: "for" or "against" // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal sciences. 2019. T. 5 (71). № 2. S. 99-104.

[14] Gorodnova O.N. Derived principles of criminal law: theory and judicial practice // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2022. № 2 (48). S. 110-114.

[15] Konyakhin V.P. Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian criminal law. St. Petersburg: Jurid. center. Press, 2002. 348 pp.

[16] Kuznetsov A.P. Criminal law principles in the legislation of foreign countries: theoretical research // Gaps in Russian legislation. 2015. № 4. S. 164-167.

[17] Maltsev V.V. Principles of Criminal Law and Their Implementation in Law Enforcement Activities. St. Petersburg: Legal Center "Press," 2004. 694 p.

[18] Petrukhin R.Yu. Principles of Criminal Law. M.: Laboratory of the book, 2012. 113 pp.

[19] Decisions of the UN Human Rights Committee on cases against Tajikistan concerning torture and other ill-treatment (articles 7, 9 and 14 of ICCPR) [Electronic resource] // Access mode: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2020/08/Tajikistan-CCPR-Views-Compilation_rus.pdf.

[20] Filimonov V. D. Principles of Criminal Law. M.: Center YurInfoR, 2002. 371 pp.

[21] Sheveleva S.V., Mozhaykina V.A. The principle of inevitability of punishment in penal law: from declaration to feasibility // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. № 54. S. 722-753.

[22] Seleznev A., Krapchatova I. Principles of Criminal Legislation in the Republic of Tajikistan // Magyar Tudományos Journal. 2020. № 41-2. R. 58-59.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-49-57

ДОЛГОПОЛОВ Кирилл Андреевич,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: nadal06@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ И РЕЦЕПЦИИ

Аннотация. *В условиях масштабного обновления уголовного законодательства постсоветских государств проблема обратной силы закона особо актуальна. Сравнительно-правовой анализ выявил континентальную и смешанную модели ретроактивности и существенные расхождения в регулировании «промежуточного» закона, аннулирования судимости, определения момента совершения длящихся и продолжаемых преступлений. Обоснована необходимость модельного закона СНГ, закрепляющего единые критерии мягкости уголовного закона, механизм внезаявительного пересмотра приговоров и гармонизацию отраслевых норм. Предложены направления рецепции зарубежного опыта для единообразия практики и укрепления гарантий прав осужденных.*

Ключевые слова: *обратная сила уголовного закона, постсоветское пространство, сравнительно-правовой анализ, гармонизация законодательства, рецепция права, «промежуточный» закон, lex mitior, судимость, длящиеся преступления, продолжаемые преступления, внезаявительный пересмотр приговоров.*

DOLGOPOLOV Kirill Andreevich,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Law Institute of the North Caucasus Federal University, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF MODELS OF RETROACTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW IN POST-SOVIET COUNTRIES: PROBLEMS OF HARMONIZATION AND RECEPTION

Annotation. *In the context of large-scale renewal of the criminal legislation of post-Soviet states, the issue of the retroactive effect of law is particularly pressing. A comparative legal analysis has identified continental and mixed models of retroactivity and significant divergences in the regulation of the «intermediate» law, the annulment of criminal records, and the determination of the time of commission of continuing and continued offences. The need for a CIS model law is substantiated; such a law should establish uniform criteria for the leniency of criminal law, an ex officio mechanism for reviewing sentences, and harmonisation of sectoral provisions. Directions for the reception of foreign experience are proposed in order to ensure uniformity of practice and strengthen safeguards of convicted persons' rights.*

Key words: *retroactive effect of criminal law, post-Soviet space, comparative legal analysis, harmonisation of legislation, reception of law, «intermediate» law, lex mitior, criminal record, continuing offences, continued offences, ex officio review of sentences.*

Вопрос о темпоральном действии уголовного закона принадлежит к числу основополагающих в уголовно-правовой теории. Ключевым здесь является проблема ретроактивности закона – допустимости применения нового уголовно-правового акта к деяниям, имевшим место до момента обретения им юридической силы.

А. М. Ерасов справедливо подчеркивает: уголовный закон действен лишь при социальной обусловленности. Однако новый акт может неодинаково влиять на квалификацию и юридические последствия деяний, совершенных до его введения в действие, что неизбежно порождает временной конфликт между прежним и новейшим законодательством [5, с. 3].

После распада СССР постсоветские государства при общности исходных начал (кодексы 1960-х гг.) и ориентире – Модельном УК СНГ

1996 г. – под влиянием конституционных реформ, практики конституционных судов и позднее ЕСПЧ сформировали различные подходы к обратной силе уголовного закона. Эти различия углубились, породив проблемы гармонизации и единообразия правоприменения. Выделяются две модели: континентальная (Россия, Беларусь, Казахстан и др.) с нормативно закрепленным правилом lex mitior как основным регулятором; смешанная (Украина, страны Балтии), сохраняющая континентальную основу, но дополняющая ее судебными критериями под влиянием англосаксонского подхода.

Континентальная модель, характерная для России, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Армении, Азербайджана, Молдовы, основана на следующих принципах: 1) конституционное или законодательное закрепление правила о непридании обратной силы закону, устанавливающему или усиливающему ответственность; 2) императивное требование применения закона, устраняющего преступность деяния, смягчающего наказание или иным образом улучшающего положение лица; 3) дифференциация правовых последствий в зависимости от стадии уголовного судопроизводства (до вступления приговора в силу, после вступления, в период отбывания наказания, после отбытия, при наличии судимости).

Смешанная модель характерна для Украины, а также для стран Балтии (Латвия, Литва, Эстония). Отнесение указанных государств к смешанной модели обусловлено не только ссылками на практику ЕСПЧ и конституционных судов, но и тремя системными критериями: 1) наличием в национальном законодательстве континентальной основы регулирования обратной силы, прежде всего правила lex mitior; 2) устойчивым и регулярным воздействием судебной практики, включая решения конституционных судов и международных судебных органов, на определение пределов ретроактивности уголовного закона; 3) формированием на этой основе дополнительных, судебных по своему происхождению, критериев применения обратной силы, которые не сводятся к буквальному тексту уголовного кодекса. Именно сочетание этих трех признаков позволяет говорить о смешанной модели, а не только о влиянии отдельных судебных решений.

Во-первых, в Украине наряду с континентальными началами правового регулирования обратной силы уголовного закона (ст. 5 УК Украины) существенное влияние на правоприменительную практику оказали решения Конституционного Суда Украины, в частности Решение от 19 апреля 2000 г. № 6-рп/2000 по делу об официальном толковании положений ст. 58 Конституции Украины, ст. 6, 81 УК Украины [17], а до 2022 г. – практика Европейского суда по правам человека, что придает правовому регулированию черты прецедентного права.

Во-вторых, в странах Балтии (Латвия, Литва, Эстония) континентальная модель обратной силы уголовного закона была существенно скорректирована под влиянием практики ЕСПЧ, в частности решений по делам «Колк и Кислый против Эстонии» [18], «Пенарт против Эстонии» [19] и «Мактуф и Дамьянович против Боснии и Герцеговины» [20]. В деле «Колк и Кислый против Эстонии» ЕСПЧ признал осуждение за преступления против человечности 1949 г., не нарушающим ст. 7 Конвенции, поскольку эти деяния уже были криминализированы международным правом, несмотря на отсутствие нормы в законодательстве Эстонии до 1994 г. В деле «Пенарт против Эстонии» Суд подтвердил, что принцип законности включает общее требование: только закон определяет преступление и наказание. В деле «Мактуф и Дамьянович против Боснии и Герцеговины» Большая Палата ЕСПЧ установила нарушение ст. 7 из-за ретроактивного применения УК 2003 г., предусматривавшего более строгое наказание, чем УК СФРЮ 1976 г. Конституционные суды Балтии также определяют пределы обратной силы: КС Латвии выводит применение более мягкого закона из ст. 1 и ч. 2 ст. 92 Конституции Латвии, а КС Литвы в определении от 18 марта 2014 г. признал бы незаконным ретроактивное преследование за геноцид против социальных и политических групп, совершенный до поправок 1998 г. [21].

В-третьих, в перечисленных государствах практика судов выступает существенно более весомым фактором при очерчивании границ обратного действия уголовного закона, чем в эталонных континентальных правопорядках. Это дает основание вести речь о складывании смешанной модели. Конституционные положения – общий фундамент отраслевых различий и восходят к международным стандартам: ст. 7 Конвенции о защите прав человека и ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах запрещают обратную силу закона, устанавливающего или отягчающего ответственность, и допускают применение смягчающего закона, принятого после совершения преступления.

А. К. Князькина и Е. В. Сильченко указывают общее правило для международных договоров: юридическую силу они обретают в порядке и сроки, прямо предусмотренные договором либо согласованные участвовавшими в переговорах государствами [8, с. 234].

Конституции постсоветских государств закрепляют обратную силу с разной степенью детализации: Россия, Таджикистан и Казахстан допускают применение нового закона, если от-

ветственность устранена или смягчена; Беларусь – если закон смягчает или отменяет ответственность. Тем самым конституционные основы в значительной мере унифицированы, что создает предпосылки для сближения отраслевого законодательства. Однако это не влечет его автоматического согласования: расхождения на отраслевом уровне сохраняются и требуют дальнейшего анализа. Уголовное законодательство конкретизирует эти положения. Так, ст. 10 УК РФ придает обратную силу закону, устраняющему преступность деяния, смягчающему наказание или иным образом улучшающему положение лица, включая отбывающих или отбывших наказание, но имеющих судимость; закон, устанавливающий преступность, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет [22].

Статья 13 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ) в целом воспроизводит российскую формулировку. А. И. Хайдарова в своих работах отмечает, что согласно ч. 1 ст. 13 УК РТ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу [14, с. 84]. Вместе с тем, как справедливо указывает исследователь, уголовное законодательство Таджикистана не содержит решения вопроса о применении ретроактивности к «промежуточному» закону, что вызывает на протяжении длительного времени научную дискуссию.

Статья 9 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) закрепляет: «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу» [23]. С. Г. Василевич акцентирует внимание на том, что белорусское законодательство содержит требование, запрещающее иным образом ухудшать статус граждан и других субъектов в связи с принятием акта и распространением его действия на предшествующие отношения [3, с. 209].

В ст. 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) установлено: «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость» [24]. Аналогичные положения содержатся в уголовных кодексах Узбекистана (ст. 3), Кыргызстана (ст. 6), Армении (ст. 13), Азербайджана (ст. 8), Молдовы (ст. 8).

Таким образом, на уровне отраслевого законодательства постсоветские государства закрепляют унифицированную формулу обратной силы, восходящую к Модельному уголовному кодексу для государств – участников СНГ 1996 г. Однако детализация механизма применения обратной силы существенно различается. В доктрине наиболее полемичен вопрос об обратном действии «промежуточного» закона – акта, вступившего в силу после совершения преступления, но утратившего силу к моменту судебного разбирательства.

Т. Ш. Шарипов и А. И. Хайдарова разъясняют: под «промежуточным» в литературе понимается уголовный закон, вступивший в силу вслед за совершением деяния, но переставший действовать ко времени рассмотрения дела судом [15, с. 120].

В доктрине уголовного права постсоветских государств сложились три основные позиции по данному вопросу. Так, например, М. И. Блум и А. А. Тилле, представляющие первую точку зрения, отрицают обратную силу «промежуточного» уголовного закона: он, по их мнению, не действовал ни в момент совершения преступного деяния, ни тогда, когда суд выносил приговор. А. И. Бойцов, придерживающийся второй позиции, рассматривает такой закон как промежуточную форму существования уголовно-правовой нормы – темпоральную коллизионную норму. Сторонники третьего подхода – Ф. С. Бражник, С. П. Мокринский и А. М. Ерасов – настаивают, что «промежуточный» уголовный закон должен применяться, если он создает более благоприятные условия для лица, чем закон, действующий на момент судебного рассмотрения дела.

Присоединяясь к третьему взгляду, уточним его для постсоветских условий: при вопросе об обратной силе «промежуточного» закона содеянное квалифицируется по норме, действовавшей на момент деяния, а наказание определяется в границах более мягкого «промежуточного» закона со ссылкой на него. Это обеспечивает и законность (квалификация по закону времени деяния), и гуманизм (наказание в рамках более мягкого закона). В законодательстве постсоветских государств вопрос решен неодинаково. УК Беларуси (ч. 4 ст. 9) прямо предусматривает: если закон времени совершения преступления был отменен или изменен улучшающим положение лица законом, но ко времени расследования или суда вступил в силу более строгий закон, применяется наиболее мягкий промежуточный закон. Анало-

гичные положения – в УК Болгарии (ч. 2 ст. 2) и УК ФРГ (ч. 3 § 2).

В УК России, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Армении, Азербайджана и Молдовы аналогичные нормы отсутствуют. А. И. Хайдарова обоснованно отмечает, что уголовные кодексы некоторых зарубежных стран уже содержат правило действия «промежуточного» уголовного закона [14, с. 85]; рецепция этого опыта необходима и обоснована. Одной из острых проблем обратной силы в постсоветских государствах остается юридическая судьба судимости при декриминализации деяния. Как отмечает А. И. Бойко, судимость олицетворяет древнюю традицию уголовного права и «любимое властью свидетельство ее аристократичности», а практический смысл института – в проверке состоятельности вынесенного судом приговора [2, с. 31].

В уголовном законодательстве большинства постсоветских государств, как правило, нет механизма автоматического снятия судимости при декриминализации деяния, за которое лицо уже отбыло наказание. Возникает противоречие: деяние перестало быть преступным и утратило общественную опасность, но лицо остается судимым, что влечет ограничения при трудоустройстве, учет при рецидиве и иные неблагоприятные последствия. Конституционный Суд РФ в постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П признал неконституционными положения ч. 1 ст. 10 УК РФ и подп. «а» п. 3.2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав…» [25] в той мере, в какой они препятствуют восстановлению пассивного избирательного права граждан, судимость которых снята или погашена, если новый уголовный закон не признает их деяния тяжкими или особо тяжкими. Тем самым Суд указал: смягчение категории преступления должно влечь пересмотр правовых последствий осуждения, включая судимость.

В доктрине постсоветских государств нет единства по вопросу об автоматическом аннулировании судимости при декриминализации. А. Е. Якубов пришел к выводу, что в части, в которой новый закон оптимизирует условия аннулирования связанных с судимостью уголовно-правовых последствий, он также имеет обратную силу [16, с. 36]. Однако вопрос об автоматическом аннулировании судимости при декриминализации он не ставил, ограничившись ситуациями сокращения новым законом сроков погашения судимости. Более радикальны И. Э. Звечаровский и А. Л. Иванов, обоснованно указывающие на фундаментальный пробел: УК РФ не обязывает при улучшающих участь лица изменениях освобождать его от уголовной ответственности, наказания или дальнейшего его отбывания, автоматически сокращать сроки наказания и судимости, а судимость – погашать или снимать согласно обновленным положениям [6, с. 33-34].

Разделяя эту позицию, уточним ее для постсоветских реалий: в уголовное законодательство этих государств целесообразно включить норму, по которой осужденный за деяние, утратившее преступность и наказуемость в связи с новым уголовным законом, считается несудимым с момента вступления закона в силу. Это соответствует пониманию судимости как правового последствия наказания, связанного с институтом преступления: при декриминализации деяния основание судимости отпадает, а ее сохранение противоречит системному единству Общей части уголовного закона.

Проблемы «промежуточного» закона и аннулирования судимости касаются преимущественно материально-правовых последствий изменения законодательства. Не менее важен вопрос о законе, применимом к деяниям, момент совершения которых растянут во времени: без определения времени совершения длящихся и продолжаемых преступлений невозможно установить пределы обратной силы, поскольку от этого зависит применение старого или нового закона. А. И. Хайдарова подчеркивает: понятия продолжаемого и длящегося преступления раскрывались еще в советской литературе, но законодательство постсоветских государств до сих пор не закрепляет порядка определения момента их совершения [14, с. 83].

Длящиеся преступления – непрерывное осуществление состава; продолжаемые – ряд тождественных действий с единой целью, образующих единое преступление. В обоих случаях момент совершения не совпадает с первым действием, что затрудняет выбор закона при изменении законодательства. В доктрине и практике постсоветских государств единого подхода нет, что порождает правовую неопределенность: ответственность возможна по закону, не действовавшему ни в начале, ни в конце деяния, либо лицо лишается более мягкого закона, вступившего в силу в период деяния. Целесообразно закрепить в УК постсоветских государств правило: моментом совершения длящегося преступления признается момент окончания независимо от воли виновного; продолжаемого – совершение заключительного действия. Это устранит неопределенность и обеспечит единообразное применение обратной силы.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет выделить некоторые проблемы гармонизации законодательства постсоветских государств об обратной силе уголовного закона.

Во-первых, сложность связана с отсутствием унифицированных стандартов, по которым оценивается «мягкость» уголовного закона.

О. В. Обернихина указывает, что ни УК РФ, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 10 [26] не предлагают детализированных ориентиров, которые позволили бы суду установить, какой именно закон улучшает участь лица, если сопоставление отдельных составляющих санкции не приводит к однозначному выводу [11, с. 94]. Та же проблема обнаруживается и в иных государствах, возникших после распада СССР. В этой связи целесообразно обратить внимание на германскую модель, предполагающую законодательное закрепление следующих требований: а) законы сопоставляются целиком, а не через отдельные элементы; б) предпочтение отдается акту, который в целом более благоприятен для виновного; в) если более мягкий закон выявить не удается, применяется закон, действовавший в момент совершения преступления.

Во-вторых, отсутствие единого подхода к «промежуточному» закону. Как было показано выше, в Беларуси, Болгарии, Германии данный вопрос решен на законодательном уровне, в то время как в России, Таджикистане, Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане, Армении, Азербайджане, Молдове – нет. В порядке совершенствования уголовного законодательства постсоветских государств заслуживает поддержки и дальнейшего обсуждения закрепление нормы о применении наиболее мягкого «промежуточного» закона – как решение, оправданное с точки зрения гуманизации уголовной ответственности и правовой определенности.

В-третьих, отсутствие единого подхода к аннулированию судимости при декриминализации деяния. Как было показано выше, в большинстве постсоветских государств судимость не аннулируется автоматически, что порождает правовую неопределенность. Сказанное дает основания поддержать и продолжить обсуждение идеи о закреплении в уголовных кодексах постсоветских государств нормы об автоматическом аннулировании судимости при декриминализации деяния, поскольку такое решение согласуется с требованиями правовой определенности и исключает сохранение уголовно-правовых последствий за деяние, утратившее признак преступности.

В-четвертых, отсутствует единый подход к обратной силе для длящихся и продолжаемых преступлений: законодательство постсоветских государств не закрепляет порядка определения момента их совершения, что препятствует единообразному применению обратной силы. В этой связи видится оправданным закрепление в уголовных кодексах постсоветских государств правила, согласно которому момент совершения длящегося преступления определяется моментом его окончания, а продолжаемого – моментом последнего действия. Сравнительно-правовой анализ при этом позволяет обосновать возможные направления восприятия положительного опыта; каждое из них связано с выявленными проблемами гармонизации, что обеспечивает системность предлагаемых решений.

Первый вектор – заимствование немецкой модели нормативного закрепления критериев «мягкости» уголовного закона, что решает первую проблему гармонизации – отсутствие единых критериев оценки «мягкости». О. В. Обернихина считает немецкий опыт особенно значимым для отечественной правовой системы [11, с. 94]. По § 2 абз. 3 УК ФРГ новый закон, смягчающий положение лица, применяется к ранее совершенному деянию и только в интересах осужденного; абз. 2 ст. 103 Основного закона ФРГ закрепляет принцип законности в пользу правонарушителя и запрещает обратную силу закона, устанавливающего или ужесточающего наказание. Немецкий подход отличает нормативная фиксация критериев: суд сравнивает прежний и новый законы и выбирает в целом более благоприятный для подсудимого.

Второй вектор – рецепция французского опыта расширения круга лиц, на которых распространяется улучшающий их положение закон; это уточняет пределы действия более мягкого закона во времени и способствует решению первой проблемы. Ст. 112-1 УК Франции: «Наказуемы только те деяния, признаки которых определены законом. Наказанию подлежат лишь преступления, которые предусмотрены законом на дату совершения деяния. Однако новые положения применяются к деяниям, совершенным до их вступления в силу и не ставшим предметом окончательного судебного решения, если они являются менее строгими, чем старые положения». Французская модель существенно расширяет круг субъектов: ретроактивность сохраняется до вступления приговора в законную силу. Подход может быть востребован в постсоветских государствах для точного определения предела применения более благоприятного закона.

Третий вектор – заимствование американского опыта разработки для судов подробных рекомендаций по пересчету срока наказания при смягчении уголовного закона; он решает проблему отсутствия детализированных процедур пересчета и обеспечивает процессуальную реализацию правила lex mitior. О. В. Обернихина подчеркивает: хотя правило lex mitior прямо не закреплено в Конституции США, федеральные руководства по назначению наказаний содержат детальные процедуры перерасчета при смягчении закона [11, с. 95]. В государствах постсоветского пространства подобные методические рекомендации отсутствуют, поэтому целесообразно утвердить постановлениями верховных судов развернутые

рекомендации с унифицированным алгоритмом действий суда и правилами пересчета отбытой и неотбытой части наказания.

Четвертый вектор – рецепция модели «управляемого» прецедентного права, связанная с обеспечением единообразия правоприменительной практики (имплицитно присутствует во всех предыдущих разделах). Л. Ю. Грудцына отмечает, что Верховный Суд РФ обеспечивает единообразное применение законодательства через разъяснения по вопросам судебной практики (постановления Пленума, обзоры и т. п.) [4, с. 174-175]. Это порождает эффект «квази-нормативного прецедента»: обобщение однотипных дел создает ориентир для нижестоящих судов. Этот опыт может быть использован для гармонизации практики по обратной силе уголовного закона в постсоветских государствах.

Пятый вектор – рецепция конституционного контроля, направленная на устранение дефектов законодательства об обратной силе (пробелов и правовой неопределенности). В. Д. Зорькин указывает, что Конституционный Суд РФ придает большое значение выявлению конституционно значимых дефектов законодательства – пробелов, противоречий и правовой неопределенности [7, с. 88]. Поэтому конституционные суды постсоветских государств должны активно выявлять дефекты законодательства об обратной силе и формулировать правовые позиции по их устранению.

Шестой вектор – учет опыта международного уголовного правосудия. Данный вектор имеет более узкое назначение: он связан с решением вопроса об обратной силе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества, что не совпадает с основной проблематикой гармонизации, но дополняет ее. А. Г. Лисицын-Светланов констатирует, что формированию правовой основы международного уголовного судопроизводства предшествовала серьезная дискуссия известных правоведов того времени, в ходе которой обсуждались вопросы придания обратной силы нормам, зафиксированным в Уставе Международного военного трибунала [10, с. 40; 13, с. 202, 315]. По мнению Л. З. Багандовой, сложность придания уголовному закону обратной силы применительно к международным преступлениям коренится главным образом в столкновении двух уголовно-правовых начал – справедливости и законности [1, с. 106]. Представляется, что подход, выработанный Нюрнбергским трибуналом и допускавший ретроактивное действие международно-правовых и уголовно-правовых предписаний в отношении нацистских преступников за деяния, совершенные в годы Второй мировой войны, причем признававший это оправданным и не противоречащим международному праву, может быть востребован и при решении вопроса об обратной силе норм о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Седьмой вектор – обращение к американскому опыту, связанному с недопущением законов ex post facto. Данный вектор соотносится с первой проблемой гармонизации, поскольку помогает уточнить критерии, при которых закон считается ухудшающим положение лица, а также может быть использован при разработке модельного закона для государств – участников СНГ. И. Д. Козочкин указывает: уже на исходе XVIII столетия Верховный суд США отнес к числу ex post facto: 1) нормативный акт, объявляющий преступным деяние, имевшее место до его принятия, и устанавливающий за него санкцию; 2) акт, усиливающий тяжесть или расширяющий рамки преступления по сравнению с положением на момент его совершения; 3) акт, вводящий более строгую меру наказания, нежели закон, действовавший в отношении конкретного преступления во время его совершения [9, с. 58].

М. Г. Решняк акцентирует, что ст. 1.01 Примерного уголовного кодекса США закрепляет активный и ультраактивный принципы действия предшествующего уголовного закона, а вопрос о том, как соотносятся конкуренция этого закона и ретроактивность нового, решается с учетом согласия подсудимого [12, с. 123]. Представляется, что данный опыт может быть использован при разработке модельного закона для государств – участников СНГ.

Таким образом, сравнительно-правовое исследование моделей обратного действия уголовного закона на постсоветском пространстве позволяет сделать следующие выводы:

Сложились две базовые модели: континентальная – с нормативным закреплением правила lex mitior (Россия, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Армения, Азербайджан, Молдова); смешанная – континентальные традиции плюс элементы англосаксонского подхода (Украина, страны Балтии). Смешанная модель обоснована тремя критериями: континентальная основа, устойчивое воздействие судебной практики, формирование дополнительных судебных критериев применения обратной силы.

Конституционные основы обратной силы в значительной степени унифицированы, что создает предпосылки гармонизации отраслевого законодательства. Однако сохраняются расхождения по: 1) критериям «мягкости» закона; 2) ретроактивности «промежуточного» закона; 3) аннулированию судимости при декриминализации; 4) обратной силе в отношении длящихся и продолжаемых преступлений.

Основные проблемы гармонизации – отсутствие единых подходов по тем же четырем

вопросам: критериям «мягкости», «промежуточному» закону, аннулированию судимости при декриминализации, действию обратной силы для длящихся и продолжаемых преступлений.

Направления рецепции: 1) германский опыт нормативного закрепления критериев «мягкости»; 2) французский подход к расширению круга субъектов, на которых распространяется смягчающий закон; 3) американский опыт методических рекомендаций судам по перерасчету наказания; 4) «управляемое» прецедентное право; 5) опыт конституционного контроля; 6) опыт международного уголовного правосудия; 7) опыт США по запрету законов ex post facto. Каждый вектор соотнесен с конкретной проблемой гармонизации, что обеспечивает практическую направленность рецепции.

Необходимо разработать модельный закон для государств – участников СНГ «О действии уголовного закона во времени», закрепляющий: 1) единые критерии «мягкости»; 2) правило о применении наиболее мягкого «промежуточного» закона; 3) автоматическое аннулирование судимости при декриминализации; 4) правило о времени совершения длящихся и продолжаемых преступлений; 5) механизм внезаявительного пересмотра приговоров при вступлении в силу более мягкого закона. Механизм: уполномоченный орган (суд, орган исполнения наказания или иной законный субъект) обязан в установленный срок самостоятельно инициировать пересмотр вступившего в силу приговора, если новый закон улучшает положение осужденного; без заявления осужденного или иного заинтересованного лица; осужденный обязательно уведомляется; отказ в пересмотре обжалуется.

Реализация предложения о модельном законе для государств – участников СНГ требует учета политико-правовых условий: политической воли к гармонизации и согласования позиций по вопросам суверенной уголовной политики; рекомендательного характера закона и разработки механизмов имплементации; готовности правоприменителей, что предполагает методические рекомендации и повышение квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов; мониторинга применения и последующей корректировки. Эти обстоятельства не отменяют целесообразности разработки, но требуют комплексного подхода к подготовке и внедрению.

Список литературы:

[1] Багандова Л. З. Придание обратной силы уголовному закону в отношении преступлений агрессии: исторический и международный аспекты / Л. З. Багандова // Международное право и международные организации. – 2024. – № 4. – С. 101-110.

[2] Бойко А. И. Память о преступности и ее отражение в уголовном праве / А. И. Бойко // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № 3. – С. 18-40.

[3] Василевич С. Г. Обратная сила закона: основания и пределы / С. Г. Василевич // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 6. – С. 203-210.

[4] Грудцына Л. Ю. «Управляемое» прецедентное право / Л. Ю. Грудцына // Образование и право. – 2026. – № 1. – С. 174-183.

[5] Ерасов, А. М. Обратная сила уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ерасов Андрей Михайлович. – Москва, 2004. – 217 с.

[6] Звечаровский И. Э. О мерах уголовно-правового характера, не предусмотренных уголовным законом / И. Э. Звечаровский, А. Л. Иванов // Уголовное право. – 2014. – № 4. – С. 33-36.

[7] Зорькин В. Д. Конституционный контроль как фактор совершенствования российского законодательства / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 5. – С. 86-102.

[8] Князькина А. К. Действие международного уголовного права во времени / А. К. Князькина, Е. В. Сильченко // Бизнес. Образование. Право. — 2022. — № 3(60). — С. 234-239.

[9] Козочкин И. Д. Принцип законности в современном американском уголовном праве / И. Д. Козочкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 6(263). – С. 48-61.

[10] Лисицын-Светланов А. Г. Теоретические основы международного уголовного правосудия в работе «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Москва: Проспект, 2021. – 760 с.) / А. Г. Лисицын-Светланов // Государство и право. – 2022. – № 7. – С. 40-45.

[11] Обернихина О. В. Зарубежный опыт правового регулирования обратной силы уголовного закона / О. В. Обернихина // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2026. – № 2(76). – С. 90-96.

[12] Решняк М. Г. О некоторых особенностях правовой регламентации действия уголовного закона во времени и пространстве в уголовном законодательстве США / М. Г. Решняк // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 1. – С. 122-124.

[13] Савенков А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира / А. Н. Савенков. – Москва: Проспект, 2021. – 760 с.

[14] Хайдарова А. И. Некоторые спорные вопросы темпорального действия уголовного законодательства Республики Таджикистан / А. И. Хайдарова // Юридический вестник. – 2022. – № 4(12). – С. 80-87.

[15] Шарипов Т. Ш. Ретроактивность «промежуточного» уголовного закона / Т. Ш. Шарипов, А. И. Хайдарова // Академический юридический журнал. – 2020. – № 4(36). – С. 120-124.

[16] Якубов А. Е. Обратная сила уголовного закона: Некоторые проблемы совершенствования УК РФ / А. Е. Якубов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 206 с.

[17] Официальный веб-сайт Конституционного Суда Украины. – URL: https://ccu.gov.ua/index.php (дата обращения: 25.09.2026).

[18] Официальный документ Совета Европы. – URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806a01ee (дата обращения: 25.09.2026).

[19] Официальный веб-сайт Министерства иностранных дел Эстонии. – URL: https://vm.ee/uudised/1953-ja-1954-aastal-toime-pandud-inimsusevastaste-kuritegude-eest-suudimoistmine-oli (дата обращения: 25.09.2026).

[20] Официальный пресс-релиз ЕСПЧ. – URL: https://www.coe.int/ru/web/portal/-/implementing-echr-judgments-latest-decisions-from-the-council-of-europe-s-committee-of-ministers-2 (дата обращения: 25.09.2026).

[21] Официальный веб-сайт Конституционного суда Латвии. – URL: https://resources.ials.sas.ac.uk/eagle-i/constitutional-court-republic-latvia (дата обращения: 25.09.2026).

[22] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[23] Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. по состоянию на 2012 г. // Sherloc : [сайт]. – URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/ criminal-code-1999-as-amended2012_html/Belarus_Criminal_Code_1999_amended_2012.pdf (дата обращения: 09.10.2026). – Текст: электронный.

[24] Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК: [с изменениями и дополнениями по состоянию на 20 августа 2026 года] // Continent Online: информационная система. – URL: https://continent-online.com/ Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 09.10.2026). – Текст: электронный.

[25] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Российская газета. – 2013. – 23 октября. – № 238.

[26] Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – 6 мая (№ 96).

References:

[1] Bagandova L. Z. Retroactive criminal law in relation to crimes of aggression: historical and international aspects / L. Z. Bagandova // International law and international organizations. – 2024. – № 4. - S. 101-110.

[2] Boyko A.I. Memory of crime and its reflection in criminal law / A.I. Boyko // North Caucasian Legal Bulletin. – 2025. – № 3. - S. 18-40.

[3] Vasilevich S. G. The inverse power of the law: grounds and limits/S. G. Vasilevich // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 6. - S. 203-210.

[4] Grudtsyna L. Yu. "Managed" case law / L. Yu. Grudtsyna // Education and law. – 2026. – № 1. - S. 174-183.

[5] Erasov A.M. The retroactive effect of the criminal law: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.08 / Erasov Andrey Mikhailovich. - Moscow, 2004. - 217 s.

[6] Zvecharovsky I. E. On measures of a criminal law nature not provided for by criminal law / I. E. Zvecharovsky, A. L. Ivanov // Criminal Law. – 2014. – № 4. - S. 33-36.

[7] Zorkin V. D. Constitutional control as a factor in improving Russian legislation / V. D. Zorkin // Journal of Russian Law. – 2023. - T. 27, NO. 5. - S. 86-102.

[8] Knyazkina A.K. Action of international criminal law in time / A.K. Knyazkina, E.V. Silchenko // Business. Education. Right. — 2022. — № 3(60). - S. 234-239.

[9] Kozochkin I. D. The principle of legality in modern American criminal law / I. D. Kozochkin // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2005. – № 6(263). - S. 48-61.

[10] Lisitsyn-Svetlanov A. G. Theoretical foundations of international criminal justice in the work "Nuremberg: A Sentence in the Name of Peace" (Moscow: Prospect, 2021. - 760 p.) / A. G. Lisitsyn-Svetlanov // State and law. – 2022. – № 7. - S. 40-45.

[11] Obernikhina O. V. Foreign experience in legal regulation of the retroactive effect of criminal law / O. V. Obernikhina // Legal science and law enforcement practice. – 2026. – № 2(76). - S. 90-96.

[12] Reshnyak M. G. On some features of the

legal regulation of the operation of criminal law in time and space in US criminal law / M. G. Reshnyak // Business in law. Journal of Economics and Law. – 2014. – № 1. - S. 122-124.

[13] Savenkov A.N. Nuremberg: Sentence in the name of Peace / A.N. Savenkov. - Moscow: Prospect, 2021. - 760 s.

[14] Khaidarova A. I. Some controversial issues of the temporal effect of the criminal legislation of the Republic of Tajikistan / A. I. Khaidarova // Legal Bulletin. – 2022. – № 4(12). - S. 80-87.

[15] Sharipov T. Sh. Retroactivity of the "intermediate" criminal law / T. Sh. Sharipov, A. I. Khaidarova // Academic Law Journal. – 2020. – № 4(36). - S. 120-124.

[16] Yakubov A.E. Reverse force of the criminal law: Some problems of improving the Criminal Code of the Russian Federation / A.E. Yakubov. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. - 206 s.

[17] Official website of the Constitutional Court of Ukraine. - URL: https://ccu.gov.ua/index.php (access date: 25.09.2026).

[18] Council of Europe official document. – URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806a01ee (дата обращения: 25.09.2026).

[19] Official website of the Estonian Ministry of Foreign Affairs. – URL: https://vm.ee/uudised/1953-ja-1954-aastal-toime-pandud-inimsusevastaste-kuritegude-eest-suudimoistmine-oli (дата обращения: 25.09.2026).

[20] Official press release of the ECHR. – URL: https://www.coe.int/ru/web/portal/-/implementing-echr-judgments-latestdecisions-from-the-council-of-europe-s-committee-of-ministers-2 (дата обращения: 25.09.2026).

[21] Official website of the Constitutional Court of Latvia. – URL: https://resources. ials.sas.ac.uk/eagle-i/constitutional-court-republic-latvia (дата обращения: 25.09.2026).

[22] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[23] Criminal Code of the Republic of Belarus [Electronic Resource]: July 9, 1999 No. 275-Z: adopted by the House of Representatives on June 2, 1999: approved by the Council of the Republic on June 24, 1999: as amended and supplemented as of 2012 // Sherloc: [website]. – URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/criminal-code-1999-asamended-2012_html/Belarus_Criminal_Code_1999_amended_2012.pdf (дата обращения: 09.10.2026). - Text: electronic.

[24] Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V SAM: [as amended and supplemented as of August 20, 2026] // Continent Online: information system. - URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (access date: 09.10.2026). - Text: electronic.

[25] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.10.2013 No. 20-P "In the case of checking the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 3.2 of Article 4 of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation," Part 1 of Article 10 and Part 6 of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens of G.B. Egorov, A.L. Kazakova, I.Yu. Kravtsova, A.V. Kupriyanova, A.S. Latypova and V.Yu. Sinkova" // Rossiyskaya Gazeta. – 2013. - October 23. – № 238.

[26] Resolution of the Plenum of the RF Armed Forces of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – 2019. - May 6 (No. 96).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-58-62

ВОЛЧЕНКО Анастасия Владимировна,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина,
e-mail: espy207@yandex.ru

ШЕЛЯКИН Алексей Васильевич,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки следователей ФГКОУВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»,
e-mail: aleksei9492@mail.ru

ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ В МЕССЕНДЖЕРАХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОТ ПРОИЗВОЛЬНОГО ДОСТУПА ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Исследование посвящено процессуальным гарантиям обеспечения тайны переписки, осуществляемой посредством мессенджеров, в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Установлена нормативно-процессуальная асимметрия, выражающаяся в том, что получение сведений о коммуникациях у операторов связи допускается на основании судебного решения, тогда как доступ к содержимому памяти правомерно изъятого мобильного устройства, исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, не предполагает обязательного получения самостоятельной судебной санкции. Обоснован принцип функциональной эквивалентности процессуального вмешательства, согласно которому объем гарантий должен определяться характером, содержанием и интенсивностью доступа к частной коммуникации, а не техническим способом хранения соответствующей информации. Предложена модель судебно-санкционируемого доступа к цифровой переписке, предусматривающая предметную и временную конкретизацию объема исследования, минимизацию избыточного вмешательства, обязательную техническую фиксацию процессуальных действий и специальный порядок осуществления доступа в условиях неотложности.*

Ключевые слова: *неприкосновенность частной жизни, тайна переписки, мессенджеры, цифровые доказательства, судебный контроль, уголовный процесс, допустимость доказательств.*

VOLCHENKO Anastasia Vladimirovna,
Ph.D., Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

SHELYAKIN Alexey Vasilievich,
Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Faculty of Training of Investigators, FGKOUVO "Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev"

SECRECY OF CORRESPONDENCE IN MESSENGERS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: PROCEDURAL GUARANTEES AGAINST ARBITRARY ACCESS OF THE STATE

Annotation. *The study is devoted to the procedural guarantees of ensuring the secrecy of correspondence carried out through messengers in the criminal proceedings of the Russian Federation. A regulatory and procedural asymmetry has been established, which is expressed in the fact that obtaining information about communications from telecom operators is allowed on the basis of a court decision, whereas access to the contents of the memory of a lawfully seized mobile device, based on the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, does not necessarily imply obtaining an independent judicial sanction. The principle of functional equivalence*

of procedural intervention is substantiated, according to which the scope of guarantees should be determined by the nature, content and intensity of access to private communication, rather than by the technical method of storing relevant information. A model of judicially sanctioned access to digital correspondence is proposed, which provides for substantive and temporary specification of the scope of research, minimization of excessive interference, mandatory technical fixation of procedural actions and a special procedure for access in urgent conditions.

Key words: *right to privacy, confidentiality of correspondence, instant messaging apps, digital evidence, judicial oversight, criminal proceedings, admissibility of evidence.*

Введение

Развитие цифровых форм коммуникации обусловило существенное усложнение содержания конституционно охраняемой сферы частной жизни. Современные мессенджеры обеспечивают хранение не только текстовых сообщений, но и медиавложений, сведений о контактах, времени и характере взаимодействия между пользователями, а также иной информации, позволяющей реконструировать значительный объем частной коммуникации. В связи с этим доступ к соответствующему приложению объективно влечет ознакомление не с единичным сообщением, а с совокупностью сведений, относящихся к частной жизни лица. Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 23) и ст. 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) гарантируют тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, устанавливая, что ограничение данного права допускается исключительно на основании судебного решения.

Вместе с тем, уголовно-процессуальное законодательство дифференцирует объем гарантий в зависимости от технического способа получения информации. Контроль переговоров и получение сведений о соединениях осуществляются на основании судебного решения, тогда как специальный процессуальный порядок целевого доступа к ранее состоявшейся переписке, содержащейся в памяти изъятого электронного устройства, УПК РФ не предусматривает. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, осмотр и экспертное исследование информации, содержащейся в памяти законно изъятого устройства, не требуют самостоятельного судебного разрешения; соответствующий подход применяется и к доступу к переписке, осуществляемой посредством WhatsApp [1; 2].

В результате сведения, обладающие единым конституционно-правовым содержанием, получают различный уровень предварительной процессуальной защиты в зависимости от способа и источника их извлечения. Само по себе уведомление владельца об изъятии устройства, равно как и возможность последующего обжалования действий должностных лиц в порядке ст. 125 УПК РФ, не исключают ознакомления с сообщениями, не имеющими отношения к предмету расследования. После фактического раскрытия таких сведений восстановление их конфиденциальности становится невозможным. В связи с этим, в современной уголовно-процессуальной доктрине обосновываются презумпция конфиденциальности цифровой информации, необходимость разграничения электронно-технических действий с учетом интенсивности вмешательства в частную сферу и усиление предварительного судебного контроля [4, с. 80-81; 5, с. 191; 7, с. 134; 9, с. 102].

Уголовно-правовая охрана тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений обеспечивается ст. 138 УК РФ и распространяется в том числе на коммуникацию, осуществляемую посредством цифровых сервисов. Масштаб применения процессуальных и оперативно-розыскных мер, сопряженных с ограничением конфиденциальности коммуникаций, подтверждается официальной судебной статистикой. Так, за первое полугодие 2025 г. в суды Российской Федерации поступило около 1,3 млн процессуальных обращений правоохранительных органов, из которых около 247 тыс. были связаны с ограничением конституционного права на тайну переписки и телефонных переговоров. В указанном периоде поступило 7,3 тыс. ходатайств о контроле и записи телефонных и иных переговоров и около 96 тыс. ходатайств о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствам [8]. При этом случаи исследования переписки, содержащейся на изъятых электронных устройствах, самостоятельному статистическому учету не подлежат. В связи с этим целью исследования является определение процессуального стандарта доступа к содержанию мессенджеров, обеспечивающего защиту частной коммуникации от необоснованного и избыточного вмешательства государства.

Основная часть

Принципиальное значение имеет разграничение правомерного физического обладания электронным устройством и процессуального доступа к содержащейся в его памяти информации. Законное изъятие смартфона обеспечивает сохранность соответствующего объекта, возможность его идентификации и последующего исследования, однако само по себе не устраняет режим

конфиденциальности содержащихся в нем сведений. Современное мобильное устройство аккумулирует значительный массив информации, относящейся к различным видам охраняемой законом тайны. Поэтому объем процессуальных гарантий должен определяться характером исследуемых данных и интенсивностью вмешательства в частную жизнь лица.

На этой основе представляется возможным сформулировать принцип функциональной эквивалентности процессуального вмешательства, согласно которому сопоставимый по содержанию и интенсивности доступ к частной коммуникации должен обеспечиваться равноценными процессуальными гарантиями независимо от технического способа получения соответствующих сведений. Перехват сообщения в процессе его передачи, получение его содержания от третьего лица и ознакомление с тем же сообщением, сохраненным в архиве мессенджера, различаются способом извлечения информации, однако затрагивают один и тот же конституционно охраняемый интерес – конфиденциальность частной коммуникации. Указанный подход развивает сформулированную в научной литературе презумпцию конфиденциальности информации, содержащейся в электронной памяти устройства, и предполагает возложение на сторону обвинения обязанности обосновать правомерность соответствующего вмешательства [7, с. 134].

Реализация принципа функциональной эквивалентности требует разграничения технических действий с электронным устройством и непосредственного доступа к содержанию частной коммуникации. Не каждое действие со смартфоном предполагает необходимость самостоятельного судебного разрешения. Фиксация внешнего состояния устройства и его идентификаторов, упаковка, изоляция от сети, а также создание криминалистической копии без ознакомления с содержащейся информацией могут осуществляться в рамках его изъятия и первоначального исследования. Иной процессуальный характер приобретает открытие мессенджера, поиск по переписке, просмотр вложений, восстановление удаленных сообщений либо использование сохраненной авторизации для получения облачных данных, поскольку в таких случаях непосредственным объектом исследования становится частная электронная коммуникация.

Предварительный судебный контроль доступа к частной коммуникации должен охватывать наличие конкретных данных о доказательственном значении переписки и ее связи с расследуемым событием, соразмерность вмешательства процессуальной цели и возможность получения необходимых сведений способом, в меньшей степени затрагивающим частную жизнь. В судебном решении подлежат индивидуализации мессенджер или учетная запись, временной интервал, исследуемые диалоги либо категории сообщений, а при необходимости – облачные данные. Разрешение на осмотр устройства с общей формулой об извлечении сведений, «имеющих значение для уголовного дела», не определяет объем цифрового исследования и не исключает избыточного проникновения в жизнь человека.

Конкретизация судебного разрешения должна сочетаться с минимизацией вмешательства и технической проверяемостью исследования. Доступ к заведомо не относящимся к делу чатам и сообщениям недопустим; по достижении процессуальной цели дальнейшее исследование содержимого устройства прекращается. При создании полной криминалистической копии ее целесообразно хранить обособленно от материалов, непосредственно исследуемых по делу. В протоколе либо специальном электронном журнале должны фиксироваться идентификаторы устройства, способ доступа, его сетевое состояние, примененное программное обеспечение, факт создания копии и ее хэш-значение, последовательность поисковых действий, исследованный временной интервал, а также обращение к удаленным или облачным данным. Такая фиксация обеспечивает последующую проверку целостности цифровой информации и правомерности произведенного вмешательства.

Отступление от предварительного судебного контроля может быть оправдано только наличием конкретной и реально существующей угрозы утраты цифровых данных. В подобных случаях следователь вправе незамедлительно принять меры по их сохранению, а при объективной невозможности обеспечить сохранность без ознакомления с содержанием – осуществить доступ исключительно в объеме, необходимом для предотвращения утраты информации, с последующей судебной проверкой законности и обоснованности произведенных действий. Самостоятельного регулирования требует и добровольное согласие владельца устройства. Таковое может исключать необходимость предварительного судебного разрешения лишь при условии его свободного, информированного и конкретного характера с указанием соответствующего приложения, временного интервала либо определенного диалога. Передача устройства или сообщения кода разблокирования не может рассматриваться как безусловный отказ от конфиденциальности всей содержащейся в нем переписки.

Указанный подход соотносится с предложениями, сформулированными в современной уголовно-процессуальной доктрине, о введении специального порядка исследования мобильных устройств, презумпции конфиденциальности

цифровых данных и дифференциации процессуальных действий с учетом интенсивности вмешательства [6, с. 127; 7, с. 134; 9, с. 102, 105-106]. Вместе с тем, привязка специального регулирования исключительно к «осмотру телефона» представляется технологически ограниченной. Объектом процессуальной охраны должны признаваться сведения, составляющие содержание частной электронной коммуникации, независимо от конкретного технического средства доступа к ним – смартфона, компьютера, планшета, веб-клиента либо иного цифрового интерфейса [3; 4, с. 80-81].

Последовательная реализация изложенного подхода требует его закрепления непосредственно в уголовно-процессуальном законе. Такую модель целесообразно закрепить путем дополнения ст. 13 и ч. 2 ст. 29 УПК РФ, а также введения ст. 186.2 УПК РФ «Получение и исследование сведений частных электронных коммуникаций». Целевой доступ к электронным сообщениям, содержащимся в памяти устройства либо доступным через учетную запись или информационную систему, должен осуществляться по судебному решению. Исключения допустимы лишь при конкретном добровольном согласии лица либо в прямо предусмотренных законом неотложных случаях.

Ходатайство следователя и судебное постановление должны содержать фактические основания доступа, данные о лице, устройстве или учетной записи, вид и временной интервал исследуемой информации, ее связь с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, способ извлечения, возможность удаленного доступа, меры минимизации и порядок технической фиксации. Выход за разрешенный объем при отсутствии неотложности требует нового судебного решения. Существенное нарушение установленного порядка подлежит оценке по правилам ст. 75 УПК РФ. После отпадения оснований для сохранения конфиденциальности, лицу следует сообщить фактический объем доступа, обеспечив возможность обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ.

Предлагаемая модель согласуется с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в определениях от 25 января 2018 г. № 189-О [2] и от 24 июня 2021 г. № 1364-О [1], конкретизируя процессуальный порядок доступа к цифровой коммуникации с учетом информационной емкости электронных устройств и облачной архитектуры мессенджеров. Ее нормативное закрепление усиливает гарантии частной жизни и доказательственную надежность цифровой информации за счет четкого определения проверяемого объема действий следователя.

Заключение

Исследование выявило системную несогласованность между процессуальной формой действия и фактической интенсивностью вмешательства в частную жизнь. Исследование электронного устройства открывает доступ к значительному массиву частных коммуникаций, тогда как последующий судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ не устраняет необратимость раскрытия сведений, не относящихся к предмету доказывания. Поэтому объем процессуальных гарантий должен зависеть от характера и интенсивности доступа к частной электронной коммуникации, а не от способа хранения или извлечения данных. Это выражает принцип функциональной эквивалентности вмешательства: сопоставимое ограничение конституционного права требует сопоставимого уровня процессуальной защиты.

Реализация этого принципа предполагает предварительное судебное разрешение на целевой доступ к цифровой переписке, определение предмета и временного интервала исследования, минимизацию избыточного ознакомления, техническую проверяемость действий, специальный режим неотложного доступа и последующее уведомление лица о фактическом объеме исследования. Для закрепления этих гарантий предлагается дополнить ст. 13 и ч. 2 ст. 29 УПК РФ, а также ввести ст. 186.2 УПК РФ «Получение и исследование сведений частных электронных коммуникаций». Технологически нейтральная конструкция позволяет использовать цифровую переписку в доказывании, обеспечивая определенность процедуры и судебную защиту частной жизни.

Список литературы:

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.06.2021 № 1364-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фомина Евгения Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 93, 176, 177 и частью второй статьи 184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: документ опубликован не был [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=674396#RUZpqVVeys7geaKp1 (дата обращения: 20.09.2026).

[2] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: документ опубликован не был [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=527893#tGOpqVVIRznvN2991 (дата обращения: 20.09.2026).

[3] Алексеев К.А. Реализация конституци-

онного права на тайну переписки и переговоров в условиях развития цифровых технологий // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 5 (167) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://research-journal.org/archive/5-167-2026-may/10.60797/IRJ.2026.167.47 (дата обращения: 20.09.2026).

[4] Зуев Д.И. Право на неприкосновенность частной жизни в современном уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10, № 4. С. 75-83.

[5] Иванов В.В. Защита охраняемых законом тайн при производстве следственных действий с мобильным телефоном и иными электронными носителями информации // Правовое государство: теория и практика. 2021. Т. 17, № 4 (66). С. 183-195.

[6] Недиков В.Б. Проблемы получения информации доказательственного значения по преступлениям, совершенным посредством использования социальных сетей и мессенджеров // Журнал юридических исследований. 2024. Т. 9, № 4. с. 122-128.

[7] Осипов А.Л. Защита права граждан на неприкосновенность их частных коммуникаций в уголовном судопроизводстве: национальный и зарубежный аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1 (146). С. 124-135.

[8] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291 (дата обращения: 20.09.2026).

[9] Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022. 210 с.

References:

[1] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.06.2021 No. 1364-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Fomin Evgeny Petrovich about violation of his constitutional rights by Articles 93, 176, 177 and part two of Article 184 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation": the document was not published [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=674396#RUZpqVVeys7geaKp1 (date of appeal: 20.09.2026).

[2] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.01.2018 No. 189-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Prozorovsky Dmitry Alexandrovich about violation of his constitutional rights by Articles 176, 177 and 195 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation": the document was not published [Electronic resource] // Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=527893#tGOpqVVIRznvN2991 (date of appeal: 20.09.2026).

[3] Alekseev K.A. Realization of the constitutional right to secrecy of correspondence and negotiations in the context of the development of digital technologies // International Research Journal. 2026. No. 5 (167) [Electronic resource] // Access mode: https://research-journal.org/archive/5-167-2026-may/10.60797/IRJ.2026.167.47 (access date: 20.09.2026).

[4] Zuev D.I. The right to privacy in modern criminal proceedings // Legal Bulletin of Samara University. 2024. VOL. 10, NO. 4. S. 75-83.

[5] Ivanov V.V. Protection of legally protected secrets in the conduct of investigative actions with a mobile phone and other electronic media // Rule of law: theory and practice. 2021. T. 17, NO. 4 (66). S. 183-195.

[6] Nedikov V.B. Problems of obtaining information of evidentiary value on crimes committed through the use of social networks and instant messengers // Journal of Legal Research. 2024. T. 9, NO. 4. from. 122-128.

[7] Osipov A.L. Protection of the right of citizens to inviolability of their private communications in criminal proceedings: national and foreign aspects // Current problems of Russian law. 2023. T. 18, NO. 1 (146). S. 124-135.

[8] Summary statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the 1 half of 2025 [Electronic resource] // Access mode: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291 (date of appeal: 20.09.2026).

[9] Cherkasov V.S. Legal regulation of the use of electronic means in proving at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis.... cand. jurid. sciences. Khabarovsk, 2022. 210 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-63-66

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России, e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: morozur@mail.ru

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, e-mail: sergvladimirof@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию вопросов использования современных цифровых инструментов в противодействии пенитенциарной преступности. В статье рассмотрены нормативная правовая основа цифровизации УИС, проанализированы возможности систем видеоаналитики и распознавания лиц, средств обнаружения и подавления незаконного использования средств мобильной связи, системы электронного мониторинга подконтрольных лиц. Отмечается, что цифровые инструменты, повышают эффективность оперативно-розыскной и воспитательной работы, способствуют прогнозированию рисков противоправного поведения и корректировке программ ресоциализации. Особое внимание уделено проблемам правового регулирования защиты персональных данных и обеспечения информационной безопасности.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация; пенитенциарная преступность; цифровой профиль осужденного; искусственный интеллект; электронный мониторинг; ресоциализация; профилактика преступлений; информационные технологии.*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL), Associate Professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines, Faculty of Law, VIPE FSIN of Russia

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

MODERN DIGITAL TOOLS IN COMBATING PENITENTIARY CRIME

Annotation. *The article is devoted to the study of issues related to the use of modern digital tools in combating penitentiary crime. The article examines the regulatory and legal framework for the*

digitalization of the penal system, analyzes the capabilities of video analytics and facial recognition systems, means of detecting and suppressing the illegal use of mobile communication devices, and electronic monitoring systems for supervised individuals. It is noted that digital tools enhance the effectiveness of operational and investigative work and educational activities, help predict the risks of unlawful behavior, and facilitate the adjustment of re-socialization programs. Special attention is paid to the problems of legal regulation of personal data protection and ensuring information security.

Key words: *digital transformation; penitentiary crime; digital profile of a convict; artificial intelligence; electronic monitoring; re-socialization; crime prevention; information technology.*

Процесс цифровой трансформации государственных институтов закономерно затронул и сферу исполнения уголовных наказаний, поскольку внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) напрямую влияет на обеспечение режима, надзора за осужденными и, как следствие, на результативность предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых в пенитенциарных учреждениях [1]. Внимание к данной проблематике неслучайно: пенитенциарная преступность, будучи специфическим сегментом общей преступности, характеризуется высокой латентностью, обусловленной замкнутостью исправительных учреждений, наличием устойчивых криминогенных связей между осужденными и стремлением лиц, содержащихся в местах лишения свободы, маскировать противоправную деятельность, в том числе с использованием технических средств [2].

Формирование правовой и организационной основы цифровизации УИС связано с принятием ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний, утвержденной приказом ФСИН России от 30 декабря 2020 г. № 984, в рамках которой предусмотрено создание «цифрового профиля осужденного», внедрение систем распознавания лиц, поведенческого анализа данных, развитие электронного документооборота и государственной информационной системы ФСИН России [3; 4]. Реализация указанных программных мероприятий открывает новые возможности для оперативно-розыскной и профилактической деятельности: автоматизированный сбор и аналитическая обработка больших объемов данных позволяют выявлять нетипичные модели поведения осужденных, прогнозировать конфликтные ситуации и своевременно реагировать на них силами дежурных служб и отделов безопасности [5].

Одним из ключевых направлений использования цифровых инструментов является система видеонаблюдения и видеоаналитики. Современные программно-аппаратные комплексы, оснащенные элементами искусственного интеллекта, обеспечивают круглосуточный контроль за локальными секторами, жилыми зонами и производственными объектами исправительных колоний. Современные технологии позволяют идентифицировать как осужденных, так и сотрудников исправительных учреждений, выявляя факты нахождения лиц в запрещенных зонах либо совершения противоправных действий осужденными, с последующей автоматической передачей сигнала в дежурную часть [5]. Такой подход не только позволяет повысить дисциплину среди осужденных, но и формирует объективную доказательственную базу по фактам нарушения режима и совершения правонарушений.

В данном случае показательным представляется пример из практики деятельности исправительных учреждений, где был организован режим постоянного видеонаблюдения в помещениях отрядов и на производственных участках. Анализ архивных видеозаписей после поступления информации о возможной подготовке конфликта между группами осужденных позволил сотрудники отдела безопасности, используя функции ретроспективного поиска и поведенческого анализа, установили места концентрации участников возможного инцидента, их перемещения и каналы передачи информации. Полученные данные позволили своевременно изолировать конфликтующие стороны и провести профилактические беседы, что предотвратило совершение насильственного преступления и исключило негативное развитие ситуации. Приведенный случай иллюстрирует превентивный потенциал цифровых технологий, работающих на опережение противоправных намерений.

Отдельного внимания заслуживает проблема незаконного оборота средств мобильной связи среди осужденных, которая напрямую коррелирует с совершением таких преступлений, как мошенничество, вымогательство и незаконный оборот наркотических средств [6]. Значительное количество ежегодно изымаемых средств мобильной связи в исправительных учреждениях свидетельствует о сохраняющейся актуальности данной угрозы [7]. Противодействие указанному явлению сегодня строится на сочетании традиционных режимных мероприятий и цифровых решений: внедрение стационарных и переносных комплексов подавления сигналов сотовой связи, применение технических средств обнаружения нелегальных устройств, а также анализ трафика биллинговых систем позволяют оперативным

подразделениям устанавливать факты использования осужденными запрещенных средств связи и выявлять лиц, организующих их доставку на территорию учреждений [6; 7].

Эффективным цифровым инструментом противодействия пенитенциарной преступности является система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), применяемая не только в отношении лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, но и используемая при осуществлении контроля за поведением условно осужденных, а также в рамках административного надзора [8]. Функциональные возможности электронных браслетов и стационарных контрольных устройств, включая геолокацию и контроль соблюдения установленных ограничений, обеспечивают достоверный и непрерывный надзор со стороны уголовно-исполнительных инспекций, снижая риск совершения подконтрольными лицами повторных преступлений и повышая эффективность профилактического учета.

В деятельности по противодействию преступлениям экстремистской и террористической направленности, совершаемым в пенитенциарных учреждениях, цифровые инструменты применяются для исключения доступа осужденных к запрещенным интернет-ресурсам радикального содержания, а также для выявления лиц, склонных к распространению экстремистской идеологии среди других осужденных [9]. Комплексный анализ данных о посещениях осужденными электронных библиотек правового и иного профиля, цифровых курсов и информационных киосков вкупе с материалами оперативно-розыскной деятельности позволяет сотрудникам воспитательных и оперативных служб выстраивать индивидуальные профилактические траектории ресоциализации, своевременно выявлять признаки вовлечения осужденных в деструктивные сообщества.

Весьма продуктивным представляется использование баз данных и автоматизированных информационных систем, аккумулирующих сведения о личности осужденных, динамике их поведения, поощрениях и взысканиях, участии в мероприятиях воспитательного характера и производственной деятельности [1]. Аналитическая обработка подобных массивов данных способствует формированию так называемого цифрового профиля осужденного, на основе которого возможно прогнозирование рисков совершения правонарушений и корректировка программ индивидуальной воспитательной работы [3]. Подобные технологии, реализуемые в рамках утвержденных программных документов, направлены на гуманизацию исполнения наказаний и повышают качество подготовки осужденных к освобождению, что соответствует целям уголовно-исполнительного законодательства.

Вместе с тем, внедрение цифровых инструментов сопряжено с рядом организационных и правовых вопросов, требующих комплексного решения. Это и необходимость совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей порядок использования и защиты персональных данных сотрудников УИС и осужденных, и дальнейшая разработка современных комплексов программных и аппаратных средств, направленных на обеспечение информационной безопасности [10]. Сохранение баланса между интересами обеспечения безопасности, прав граждан на неприкосновенность частной жизни и задачами достижения целей наказания является одной из ключевых задач правоприменительной практики.

Таким образом, современные цифровые инструменты выступают действенным средством в области противодействия пенитенциарной преступности. Их системное и повсеместное внедрение в деятельность учреждений и органов УИС безусловно обеспечит повышение уровня профилактической деятельности, минимизирует количество нарушений требований режима и создаст условия для более успешной ресоциализации осужденных. Вместе с тем, дальнейшее развитие цифровизации УИС должно осуществляться с учетом принципов законности, соблюдения прав и свобод человека, а также на основе программно-целевого подхода, закрепленного в ведомственных документах стратегического планирования.

Список литературы:

[1] Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы : по материалам Академии ФСИН России // Эдиторум (Электронная библиотека). – URL: https://mcp.editorum.ru/ru/nauka/article/51259/view (дата обращения: 05.09.2026).

[2] Информационные технологии в деятельности ФСИН в эпоху цифровизации // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-deyatelnosti-fsin-v-epohu-tsifrovizatsii (дата обращения: 05.09.2026).

[3] Ведомственная программа цифровой трансформации ФСИН России на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов : утв. приказом ФСИН России от 30.12.2020 № 984. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://legalacts.ru/doc/vedomstvennaja-programma-tsifrovoi-transformatsii-vptst_fsin_rossii-utv-fsin-rf (дата обращения: 05.09.2026).

[4] Государственная информационная система ФСИН России // Tadviser : государство, бизнес, технологии. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Государственная_информационная_система_ФСИН (дата об-

ращения: 05.09.2026).

[5] Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы // Агентство перспективных научных исследований (АПНИ). – URL: https://apni.ru/article/10800-cifrovaya-transformaciya-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy (дата обращения: 05.09.2026).

[6] Бочаров С. Н. Деятельность сотрудников исправительных учреждений по противодействию незаконному обороту средств мобильной связи среди осужденных / С. Н. Бочаров // Право. Журнал. – 2023. – С. 173–183. – URL: https://pravojournal.ru/wp-content/uploads/2023/09/173-183.pdf (дата обращения: 05.09.2026).

[7] О проводимых ФСИН России мероприятиях, направленных на противодействие совершению в пенитенциарных учреждениях России преступлений экстремистской и террористической направленности // КиберЛенинка : научная электронная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-provodimyh-fsin-rossii-meropriyatiyah-napravlennyh-na-protivodeystvie-sovershheniyu-v-penitentsiarnyh-uchrezhdeniyah-rossii (дата обращения: 05.09.2026).

[8] Осипов А. В. Особенности и возможности цифровизации исполнения наказания (система электронного мониторинга подконтрольных лиц) / А. В. Осипов // Науковедение : интернет-журнал. – URL: http://www.nauteh-journal.ru/files/f522c7c7-6246-45aa-8110-a5cf167e0635 (дата обращения: 05.09.2026).

[9] Цифровая безопасность в деятельности ФСИН России / [по материалам интервью С. Щербакова] // IT-World. – URL: https://www.it-world.ru/security/m7khmfavo34oswcwcsgs0wc4ckw8o4o.html (дата обращения: 05.09.2026).

[10] Захаров Н. В. Цифровизация исполнения наказания как направление совершенствования деятельности УИС : [электронный ресурс] – URL: https://mcp.editorum.ru/ru/nauka/article/51259/view (дата обращения: 05.09.2026).

References:

[1] Digitalization of the execution of punishment: state and prospects: based on the materials of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia // Editorum (Electronic Library). - URL: https://mcp.editorum.ru/ru/nauka/article/51259/view (access date: 05.09.2026).

[2] Information technologies in the activities of the Federal Penitentiary Service in the era of digitalization // CyberLeninka: scientific electronic library. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-deyatelnosti-fsin-v-epohu-tsifrovizatsii (дата обращения: 05.09.2026).

[3] Departmental program of digital transformation of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023: approved by order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 30.12.2020 No. 984. - Access from ConsultantPlus legal system. – URL: https://legalacts.ru/doc/vedomstvennaja-programma-tsifrovoi-transformatsii-vptst_fsin_rossii-utv-fsin-rf (дата обращения: 05.09.2026).

[4] State information system of the Federal Penitentiary Service of Russia // Tadviser: state, business, technology. - URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Проект: State _ information _ system _ FSIN (contact date: 05.09.2026).

[5] Digital transformation of the penal system // Agency for Advanced Scientific Research (APNI). – URL: https://apni.ru/article/10800-cifrovaya-transformaciya-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy (дата обращения: 05.09.2026).

[6] S. N. Bocharov. Activities of correctional officers to counter the illegal circulation of mobile communications among convicts/S. N. Bocharov // Law. Journal. – 2023. - S. 173-183. - URL: https://pravojournal.ru/wp-content/uploads/2023/09/173-183.pdf (access date: 05.09.2026).

[7] On measures taken by the Federal Penitentiary Service of Russia to counter the commission of extremist and terrorist crimes in penitentiary institutions of Russia // CyberLeninka: scientific electronic library. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-provodimyh-fsin-rossii-meropriyatiyah-napravlennyh-na-protivodeystvie-sovershheniyu-v-penitentsiarnyh-uchrezhdeniyah-rossii (дата обращения: 05.09.2026).

[8] Osipov A. V. Features and possibilities of digitalization of the execution of punishment (system of electronic monitoring of controlled persons) A. V. Osipov Science: online magazine. - URL: http://www.nauteh-journal.ru/files/f522c7c7-6246-45aa-8110-a5cf167e0635 (access date: 05.09.2026).

[9] Digital security in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia [based on an interview with S. Shcherbakov] IT-World. – URL: https://www.it-world.ru/security/m7khmfavo34oswcwcsgs0wc4ckw8o4o.html (дата обращения: 05.09.2026).

[10] Zakharov N.V. Digitalization of the execution of punishment as a direction for improving the activities of the penal system: [electronic resource] - URL: https://mcp.editorum.ru/ru/nauka/article/51259/view (date of appeal: 05.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-67-71

КУХТЯЕВА Е.А.,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕРМЕСОВ Г.А.,
преподаватель кафедры уголовного права и процесса СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

АРСЛАНГЕРЕЕВА С.А.,
магистрант 2 года обучения СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УБЕЖДЕНИЯ И ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема разграничения убеждения и принуждения как методов уголовно-процессуальной деятельности. Анализируются существующие в доктрине критерии (характер воздействия, наличие санкции, отношение к свободе выбора), выявляются их достоинства и ограничения. Обосновывается вывод о том, что убеждение и принуждение образуют не дискретную пару, а континуум, в котором переходные формы занимают значительное место. Предлагается авторский подход к разграничению, основанный на отношении к свободе выбора и субъективном восприятии воздействия. Формулируются практические рекомендации для правоприменителя.*

Ключевые слова: *убеждение, принуждение, уголовно-процессуальная деятельность, критерии разграничения, свобода выбора, психологическое давление, допустимость доказательств.*

KUKHTYAEVA E.A.,
Art. Lecturer at the Department of Criminal Law and Proceedings of the SCI VGUI

GERMESOV G.A.,
Lecturer at the Department of Criminal Law and Proceedings of the SCI VGUI

ARSLANGEREEVA S.A.,
master's student of 2 years of study at SKI VGUYU

CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN PERSUASION AND COERCION IN CRIMINAL PROCEDURE ACTIVITIES: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article discusses the problem of distinguishing between persuasion and coercion as methods of criminal procedure. The criteria existing in the doctrine are analyzed (the nature of the impact, the presence of sanctions, the attitude to freedom of choice), their advantages and limitations are revealed. The conclusion is justified that persuasion and coercion do not form a discrete pair, but a continuum in which transitional forms occupy a significant place. An author's approach to delineation based on attitudes to freedom of choice and subjective perception of impact is proposed. Practical recommendations are formulated for the law enforcement officer.*

Key words: *persuasion, coercion, criminal procedural activity, demarcation criteria, freedom of choice, psychological pressure, admissibility of evidence.*

Эффективность уголовного судопроизводства во многом зависит от правильного выбора методов воздействия на участников процесса. Убеждение и принуждение традиционно рассматриваются как парные категории, однако вопрос об их разграничении до сих пор остаётся дискуссионным. В доктрине не выработано единого критерия, позволяющего чётко отделить допустимое убеждение от недопустимого принуждения (или наоборот). Это порождает трудности в правоприменительной практике, особенно при оценке допустимости доказательств, полученных в результате допросов, очных ставок и иных следственных действий.

Актуальность проблемы обусловлена и статистическими данными: ежегодно суды признают недопустимыми доказательства, полученные с нарушением требований ч. 4 ст. 164 УПК РФ. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2025 г. по мотивам оказания незаконного воздействия на допрашиваемых были исключены доказательства по каждому седьмому уголовному делу, рассмотренному в особом порядке. Это свидетельствует о необходимости выработки чётких критериев, позволяющих правоприменителю разграничивать допустимое тактическое воздействие и недопустимое принуждение.

Проблема разграничения убеждения и принуждения имеет глубокие корни в отечественной доктрине. В советский период фундаментальные основы её разработки были заложены в трудах З.Ф. Ковриги, которая в монографии «Уголовно-процессуальное принуждение» (1975) сформулировала обширный перечень признаков процессуального принуждения, сохраняющий актуальность и сегодня [6]. Исследовательница, в частности, указывала, что меры процессуального принуждения применяются только в сфере уголовного судопроизводства, носят характер личного, имущественного и организационного ограничения прав, сопровождаются внешним моральным, психическим и физическим воздействием и точно регламентированы законом.

Существенный вклад в разработку проблемы внесли И.Л. Петрухин, рассмотревший соотношение свободы личности и уголовно-процессуального принуждения [7], Ф.М. Кудин, проанализировавший принуждение как системное явление [8], М.С. Строгович, заложивший основы понимания убеждения как метода уголовно-процессуальной деятельности [9], и П.С. Элькинд, исследовавшая цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве [10].

В постсоветский период проблематика получила развитие в работах А.В. Гриненко, который отметил, что выводы З.Ф. Ковриги во многом обусловили тенденции развития отечественного уголовно-процессуального законодательства [11], а также в исследованиях Б.Б. Булатова [12], И.С. Пильщикова [13] и других авторов, рассматривающих меры уголовно-процессуального принуждения в системе государственного принуждения. Отдельного внимания заслуживает работа Ю.Г. Журавлева, посвящённые допустимости тактических приёмов при расследовании преступлений [14].

Проведенным анализом выделим следующие критерии разграничения убеждения и принуждения. Первый критерий — характер воздействия. Убеждение воздействует на сознание, принуждение — на волю. Убеждение апеллирует к разуму, принуждение — к страху или силе. Однако, как справедливо отмечается в диссертационном исследовании, это разграничение не является абсолютным: предупреждение свидетеля об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний одновременно воздействует и на сознание (разъяснение последствий), и на волю (ограничение выбора). Воздействие идет по двум каналам, и грань становится зыбкой.

В доктрине существует позиция, согласно которой принуждение и убеждение схожи тем, что оба воздействуют на волю субъекта, но различаются по характеру этого воздействия: убеждение изменяет исходную волю, сохраняя возможность выбора, тогда как принуждение снимает волю, формируя «новую» волю [8]. Психологические исследования подтверждают, что волевой акт при убеждении сохраняет автономию личности, тогда как при принуждении происходит подмена волевого решения внешним воздействием.

Второй критерий — наличие санкции. Если несоблюдение требования влечёт неблагоприятные правовые последствия (штраф, привод, задержание), то это принуждение. Если не влечёт — убеждение. Однако разъяснение обязанности дать правдивые показания само по себе санкции не влечёт, но в сочетании с предупреждением об ответственности оно приобретает принудительный оттенок. Одно и то же действие может быть и убеждением, и принуждением в зависимости от контекста [6].

Проблема усугубляется тем, что ни уголовный закон, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не содержат толкования понятия «иные незаконные действия», упомянутого в ч. 4 ст. 164 УПК РФ. Как отмечают в науке, это создаёт правовую неопределённость и затрудняет отграничение правомерного предупреждения от неправомерной угрозы [14]. Статья 302 УК РФ устанавливает ответственность за принуждение к даче показаний, однако её применение на практике носит единичный характер, что свидетельствует о сложности доказывания факта незаконного воздействия [4].

Третий критерий — отношение к свободе выбора. Убеждение оставляет человеку свободу выбора: он может согласиться или отказаться. Принуждение ограничивает эту свободу, лишая возможности выбрать иной вариант поведения. Этот критерий представляется наиболее перспективным, поскольку позволяет учитывать не только внешние, но и внутренние (субъективные) аспекты воздействия.

В доктрине подчёркивается, что при убеждении исходная воля лица изменяется и всегда остаётся возможность выбора поведения; при принуждении воля субъекта снимается, формируется «новая» воля. Именно поэтому критерий свободы выбора позволяет отграничить убеждение от принуждения даже в тех случаях, когда внешние признаки воздействия совпадают. Анализ показывает, что убеждение и принуждение не являются взаимоисключающими категориями. В реальной процессуальной деятельности они переплетаются, образуя непрерывную шкалу (континуум). На одном полюсе — чистое убеждение (например, разъяснение прав без угрозы санкций), на другом — чистое принуждение (применение физической силы при задержании). Между ними — множество переходных форм.

Континуальный подход находит подтверждение в зарубежной доктрине. В исследовании К. Миллс убеждение, манипуляция и принуждение рассматриваются как точки на единой шкале влияния, где принуждение находится на одном полюсе, убеждение — на другом, а манипуляция занимает промежуточное положение. Аналогичные идеи развиваются в работах, посвящённых восприятию принуждения при допросах: эмпирические данные свидетельствуют о том, что даже здоровые взрослые могут воспринимать допрос как принудительный после менее чем 30 минут нахождения в комнате для допросов.

Представляется, что критерием разграничения должно служить отношение к свободе выбора с учётом субъективного восприятия воздействия. Если лицо сохраняет реальную возможность выбрать иной вариант поведения (отказаться от дачи показаний, не подписывать протокол, заявить ходатайство) и осознаёт эту возможность, то воздействие является убеждением. Если свобода выбора ограничена, а лицо воспринимает воздействие как принудительное (независимо от того, применялась ли физическая сила), то речь идёт о принуждении. При этом важно учитывать, что любое принуждение должно содержать элементы убеждения (разъяснение оснований применения, прав и обязанностей, последствий). В противном случае оно превращается в произвол.

Проблема разграничения допустимого убеждения и недопустимого психологического давления. Особую сложность представляет отграничение допустимого тактического воздействия от недопустимого психологического давления. Закон запрещает домогательство, угрозы, иные незаконные меры воздействия (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Однако грань между «убеждением» и «давлением» подвижна [14].

Представляется, что критерием допустимости является сохранение у допрашиваемого возможности самостоятельно принимать решение и отсутствие манипуляций, направленных на подавление воли. Если следователь предъявляет доказательства, указывает на противоречия, разъясняет последствия — это убеждение. Если он угрожает, шантажирует, использует слабости, играет на страхах — это психологическое насилие, влекущее признание доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Существенную помощь в разграничении допустимого воздействия и недопустимого давления оказывает практика Европейского суда по правам человека, выработавшего критерии оценки обращения с лицами в контексте ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. К таким критериям относятся: интенсивность воздействия, его продолжительность, физические и психические последствия, пол и возраст потерпевшего, состояние здоровья [4]. В постановлениях ЕСПЧ по делам «Ирландия против Соединённого Королевства» (1978) [15], «Сельмуни против Франции» (1999) [16], «Гефген против Германии» (2010) [17] сформулированы подходы, согласно которым психологическое давление может быть признано бесчеловечным обращением даже при отсутствии физического насилия.

В российской судебной практике также формируются подходы к оценке психологического давления. Так, Верховный Суд РФ в ряде решений указывал, что само по себе предъявление доказательств и указание на противоречия не является незаконным воздействием, однако создание условий, при которых лицо лишается возможности свободно выбрать линию поведения, влечёт недопустимость полученных доказательств [4].

Процессуальные гарантии разграничения убеждения и принуждения. Законность и обоснованность применения мер принуждения обеспечиваются системой процессуальных гарантий прав личности. К числу таких гарантий относятся:

Право на защитника (ст. 49–53 УПК РФ). Участие защитника при производстве следственных действий создаёт дополнительную гарантию от незаконного воздействия, поскольку защитник вправе фиксировать нарушения и заявлять ходатайства.

Право на отказ от дачи показаний (ст. 51 Конституции РФ). Лицо не обязано свидетельствовать против себя и своих близких родственников, что исключает возможность принуждения

к самоизобличению.

Видеофиксация следственных действий (ч. 4 ст. 164 УПК РФ). Обязательная или факультативная видеозапись позволяет впоследствии оценить поведение участников и наличие признаков давления.

Судебный контроль (ст. 125 УПК РФ). Возможность обжалования в суд решений и действий следователя, нарушающих права участников процесса.

Прокурорский надзор (ст. 37 УПК РФ). Надзор за законностью предварительного расследования.

Институт допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ). Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми и не могут быть использованы для обоснования обвинения.

Судебно-психологическая экспертиза. Позволяет установить наличие у лица признаков психологического воздействия, оценить его индивидуально-психологические особенности, способность самостоятельно принимать решения.

Критерии оценки субъективного восприятия в правоприменительной практике. Субъективное восприятие воздействия как принудительного может быть объективировано через следующие механизмы:

Анализ видеозаписи следственного действия - оценка поведения допрашиваемого, его реакции на вопросы следователя, наличие признаков заученности показаний, соответствие вербальных и невербальных сигналов.

Судебно-психологическая экспертиза - установление индивидуально-психологических особенностей лица, его способности к самостоятельному волеизъявлению, наличия признаков психологического воздействия.

Показания участников процесса - защитника, понятых, специалиста, присутствовавших при производстве следственного действия.

Анализ процессуальных документов - проверка соблюдения порядка разъяснения прав, фиксации ходатайств и заявлений.

Практические критерии, которыми следует руководствоваться при оценке наличия психологического давления:

наличие/отсутствие признаков заученности показаний (использование формулировок, нехарактерных для допрашиваемого, шаблонность, излишняя детализация);

соответствие показаний видеозаписи (расхождение между вербальным содержанием и невербальными проявлениями);

наличие признаков психологического давления (ускоренный темп допроса, прерывание, повышение голоса, угрозы, шантаж);

соблюдение права на отказ от дачи показаний, права на защитника, права на заявление ходатайств.

Подводя итоги, мы приходим к следующему:

Убеждение и принуждение не являются дискретными, взаимоисключающими категориями. Они образуют континуум, в котором значительное место занимают переходные формы.

Наиболее адекватным критерием разграничения является отношение к свободе выбора с учётом субъективного восприятия воздействия. Убеждение сохраняет реальную возможность выбора, принуждение — ограничивает её.

Любое принуждение должно сопровождаться элементами убеждения (разъяснением оснований, прав, последствий). В противном случае оно утрачивает правовой характер.

Для отграничения допустимого убеждения от недопустимого психологического давления необходимо установить, сохранялась ли у лица возможность самостоятельно принимать решение и отсутствовали ли манипуляции, направленные на подавление воли.

Процессуальными гарантиями разграничения убеждения и принуждения выступают право на защитника, право на отказ от дачи показаний, видеофиксация следственных действий, судебный контроль, прокурорский надзор, институт допустимости доказательств и судебно-психологическая экспертиза.

Субъективное восприятие воздействия может быть объективировано через анализ видеозаписи, судебно-психологическую экспертизу, показания участников процесса и анализ процессуальных документов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

[6] Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное

принуждение. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975. — 175 с.

[7] Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. — М.: Наука, 1985. — 239 с.

[8] Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. — Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. — 135 с.

[9] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. — М.: Наука, 1968. — 470 с.

[10] Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — 143 с.

[11] Гриненко А. В. О соотношении понятий «Убеждение», «Принуждение»и «Ответственность» в уголовном судопроизводстве: размышления о книге Зои Филипповны Ковриги «Уголовно-процессуальноепринуждение» (Воронеж: Издательство Воронежского университета,1975. - 175 с.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-ubezhdenie-prinuzhdenie-i-otvetstvennost-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-razmyshleniya-o-knige-zoi-filippovny-1 (дата обращения: 07.10.2026).

[12] Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 320 с.

[13] Пильщиков И.С. Меры уголовно-процессуального принуждения в системе государственного принуждения // Право и управление № 4 2026. С. 371–375.

[14] Журавлев, Ю. Г. Критерии допустимости тактических приемов в следственной тактике / Ю. Г. Журавлев // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2008. – № 9. – С. 272-284. – EDN LDGQYT.

[15] Постановление ЕСПЧ по делу «Ирландия против Соединённого Королевства» (1978).

[16] Постановление ЕСПЧ по делу «Сельмуни против Франции» (1999).р.

[17] Постановление ЕСПЧ по делу «Гефген против Германии» (2010).

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. 2020.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 26.07.2026) // SZ RF. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[3] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended by 26.07.2026) // SZ RF. 1996. № 25. Art. 2954.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.11.2016 No. 55 "On the court sentence" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. № 1.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2017 No. 51 "On the practice of applying legislation in the consideration of criminal cases in the court of first instance (general procedure)" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 3.

[6] Kovriga Z.F. Criminal Procedural Coercion. - Voronezh: Publishing House of Voronezh State University, 1975. - 175 s.

[7] Petrukhin I.L. Individual freedom and criminal procedural coercion. - M.: Nauka, 1985. - 239 p.

[8] Kudin FM Coercion in criminal proceedings. - Krasnoyarsk: Publishing House of Krasnoyarsk University, 1985. - 135 s.

[9] Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. VOL. 1. - M.: Nauka, 1968. - 470 s.

[10] Elkind P.S. Goals and means of their achievement in Soviet criminal procedure law. - L.: Publishing House of Leningrad State University, 1976. - 143 s.

[11] Grinenko A. On the correlation of the concepts of "Conviction," "Coercion" and "Responsibility" in criminal proceedings: reflections on the book of Zoe Filippovna Kovriga "Criminal Procedure" (Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1975. - 175 p.) // Judicial power and criminal process. 2016. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-ubezhdenie-prinuzhdenie-i-otvetstvennost-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-razmyshleniya-o-knige-zoi-filippovny-1 (дата обращения: 07.10.2026).

[12] Bulatov B. B. State coercion in criminal proceedings. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 320 s.

[13] Pilshchikov I.S. Measures of criminal procedure coercion in the system of state coercion // Law and Administration No. 4 2026. P. 371-375.

[14] Zhuravlev, Yu. G. Criteria for the admissibility of tactical techniques in investigative tactics / Yu. G. Zhuravlev // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. – 2008. – № 9. - S. 272-284. – EDN LDGQYT.

[15] Judgment of the ECHR in Ireland v. United Kingdom (1978).

[16] Judgment of the ECHR in "Selmuni v. France" (1999).

[17] ECHR ruling in "Gefgen v. Germany" (2010).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-72-76

КРАСНОРУЦКАЯ Татьяна Александровна,
доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридически наук,
e-mail: s.tatjana020382@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ДОЗНАВАТЕЛЯ НА ОБЖАЛОВАНИЕ УКАЗАНИЙ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу актуальных вопросов, возникающих при обжаловании дознавателем указаний начальника органа дознания. Обосновывается тезис о необходимости приостановления исполнения указаний начальника органа дознания в случае их обжалования дознавателем.*

Ключевые слова: *дознаватель, начальник органа дознания, прокурор, право на обжалование, дознание, полномочия.*

KRASNORUTSKAYA Tatyana Alexandrovna,
is an associate professor at the Department of Criminal Procedure at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and a Candidate of Legal Sciences

PROBLEMS RELATED TO THE EXERCISE OF AN INVESTIGATOR'S RIGHT TO APPEAL AGAINST THE INSTRUCTIONS OF THE HEAD OF THE INVESTIGATIVE BODY

Annotation. *The article is devoted to the analysis of current issues that arise when an investigator appeals against the instructions issued by the head of the investigative body. The thesis is substantiated that it is necessary to suspend the execution of the instructions issued by the head of the investigative body if they are appealed by the investigator.*

Key words: *investigator, head of the investigative body, prosecutor, right to appeal, investigation, powers.*

Право на обжалование действий и решений органов власти и должностных лиц, гарантированное Конституцией Российской Федерации [1], выступает одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства и получает конкретизацию в ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) [2]. Процедура реализации указанного права урегулирована в ст.ст. 123–125 УПК РФ. Закрепляя обжалование в качестве принципа уголовного судопроизводства, законодатель вместе с тем устанавливает различные формы его реализации для разных участников уголовного процесса. Часть 4 ст. 41 УПК РФ наделяет дознавателя правом на обжалование письменных указаний начальника органа дознания. Данная норма является частным проявлением реализации общего права участников уголовного процесса на обжалование процессуальных действий и решений (ч. 1 ст. 123 УПК РФ).

В доктрине уголовно-процессуального права право дознавателя на обжалование рассматривается в качестве элемента его процессуальной самостоятельности, позволяющего отстаивать внутренние убеждения при расхождении с указаниями руководства. Однако эта самостоятельность является более ограниченной по сравнению с процессуальной самостоятельностью следователя. Согласно п. 4 ч.1 ст. 40.2 УПК РФ начальник органа дознания наделен полномочием давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производства процессуальных действий. Указанное положение было введено Федеральным законом от 30 декабря 2015 года № 440–ФЗ [3], что сформировало дополнительный уровень ведомственного контроля.

Отметим, что в научной литературе данное нововведение получило неоднозначную реакцию: ряд исследователей отнеслись к нему критически. В частности, С.В. Рудакова полагает, что такие полномочия как дача указаний, которые касаются направления расследования и производства процессуальных действий, не могут входить в компетенцию начальника органа дознания, поскольку последний в отношении дознавателя выполняет только контрольные функции. Исключение дублирования полномочий между начальником подразделения дознания и начальником

органа дознания в части дачи указаний, по мнению автора, позволит снизить количество конфликтов и упорядочить механизм обжалования [4, с. 410-411].

С этим утверждением трудно согласиться. Начальник органа дознания является вышестоящим руководителем начальника подразделения дознания и ключевым субъектом ведомственного контроля на этапе дознания. В этой связи опасения по поводу совпадения его полномочий с полномочиями начальника подразделения дознания представляются излишними. Напротив, считаем, что это не является недостатком, а служит дополнительной гарантией законности: при бездействии либо недостаточных мерах со стороны начальника подразделения дознания начальник органа дознания сможет исправить ситуацию.

Полномочие начальника органа дознания, связанное с дачей указаний, не тождественно полномочию по даче указаний начальника подразделения дознания и имеет более широкий объем. Это положение вытекает из УПК РФ, где указано, что начальник органа дознания уполномочен «давать дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий» (п.4 ч.1 ст. 40.2 УПК РФ), а начальник подразделения дознания уполномочен «давать дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения» (п. 2 ч. 3 ст. 40. 1 УПК РФ).

Широта рассматриваемого полномочия во многом объясняется отсутствием законодательной определенности термина «процессуальные действия» (п. 4 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ). Легальное определение закреплено в п. 32 ст. 5 УПК РФ и определяется как «следственное, судебное или иное действие», предусмотренное УПК РФ. Однако в научной литературе отмечают, что данную формулировку «сложно назвать определением в полном смысле этого слова», поскольку она лишь указывает на виды действий, не раскрывая их содержания [5, с. 113]. Тем не менее, характер определения позволяет сделать вывод: термин «процессуальные действия» имеет более обширное значение, чем «следственные действия» и включает в себя любые действия, выполняемые на стадии досудебного производства в соответствии с нормами уголовно-процессуального права.

Эту неопределенность подчёркивает и С.А. Табаков, который пишет, что законодатель не конкретизирует ни перечень процессуальных действий, поручаемых начальником органа дознания, ни само понятие «направление расследования», оставляя эти вопросы без четкого правового регулирования. Это означает, что «указания начальника органа дознания могут касаться как принятия должностным лицом органа дознания процессуальных решений, так и выяснения определенных обстоятельств, имеющих значение для дела» [6, с. 12].

Дискуссионным остается вопрос о форме дачи указаний дознавателю. Так, в юридической литературе говорится о преимуществе устной формы указаний, даваемых дознавателю начальником подразделения дознания, перед письменной. Обосновывается это тем, что часть указаний носит методический и рекомендательный характер. Установление требования об обязательном письменном оформлении таких указаний представляется нецелесообразным и приведет к ненужной бюрократизации [7, с. 274].

Приведенный вывод представляется спорным. Законодательное закрепление письменных указаний, в том числе и для начальника органа дознания, имеет существенное процессуальное значение.

Во-первых, законодатель закрепил, что письменная форма указаний обязательна для исполнения дознавателем. Следовательно, устное указание лишено юридической силы: оно не порождает правовых последствий и не обязательно для исполнителя, который вправе его не исполнять без негативных последствий. Об этом уже говорилось в литературе [8, с. 70].

Во-вторых, бесспорно, требование фиксировать указания в письменном виде осложняет работу начальника органа дознания. Однако такой подход и дисциплинирует: необходимость документального оформления побуждает начальника органа дознания формулировать более продуманные и конструктивные поручения, поскольку он несет прямую ответственность за их содержание. Как справедливо отмечается в литературе, «сохраняется ответственность контролирующего субъекта за свои действия и решения, а официальное оформление позволяет в случае необходимости восстановить хронологию событий, оценить законность действий участников судопроизводства» [9, с. 56].

Поскольку указания начальника органа дознания имеют процессуальное значение, их необходимо обязательно приобщать к материалам дела. Целесообразно закрепить указанное требование на законодательном уровне, внеся соответствующие дополнения в статью 41 УПК РФ [10, с. 22].

В-третьих, письменная форма служит важнейшей процессуальной гарантией дознавателя на обжалование. Реализация дознавателем права на обжалования обусловлена необходимостью четкой фиксации оспариваемого акта, что достигается лишь посредством письменной

формы указания. Фиксация указаний в письменной форме формирует необходимую доказательственную основу для реализации обжалования.

Часть 4 ст. 41 УПК РФ устанавливает, что дознаватель вправе обжаловать указания начальника органа дознания прокурору. Указанное полномочие реализуется путем предоставления дознавателем материалов уголовного дела и соответствующих возражений прокурору.

Статья 124 УПК РФ закрепляет чёткую процедуру рассмотрения жалоб прокурором. Стандартный срок рассмотрения – трое суток с момента получения жалобы; в исключительных ситуациях – до десяти суток с извещением заявителя. По итогам проверки выносится постановление: жалобу либо удовлетворяют (полностью или частично), либо отказывают в удовлетворении. Незамедлительно после этого заявителю сообщается о принятом решении и порядке его обжалования.

Рассмотрение прокурором жалоб на действия, бездействие и решения должностных лиц представляет собой важнейший механизм обеспечения законности на досудебных стадиях уголовного процесса и защиты прав его участников. Следует учитывать, что правовая природа жалобы и возражения дознавателя не совпадает: жалоба в рамках ст. 124 УПК РФ может быть подана любым заинтересованным лицом, тогда как возражение на указания начальника органа дознания – это специальное процессуальное средство, которое предоставляется только дознавателю (ч. 4 ст. 41 УПК РФ). При этом, хотя порядок рассмотрения жалоб нормативно урегулирован, порядок разрешения возражений дознавателя прокурором в законе не прописан. Не определена и форма процессуальных решений, которые должны оформляться по итогам такого рассмотрения, – этот пробел в регулировании неоднократно отмечался в научной литературе.

Как полагает М.Н. Антроповская, процедура рассмотрения прокурором возражений дознавателя на указания начальника органа дознания должна быть установлена по аналогии со ст. 124 УПК РФ с теми же сроками (3 суток, до 10 в исключительных случаях) и обязательным вынесением постановления по результатам [11, с. 114].

В своих исследованиях В.Г. Волколупов обосновывает необходимость корректировки ч. 4 ст. 124 УПК РФ с целью приведения её положений в соответствие с актуальными нормами уголовно-процессуального законодательства. Автор предлагает расширить перечень обжалуемых решений, включив в него указания начальника органа дознания [12, с. 171-173].

О необходимости закрепления порядка подачи возражений на указания начальника органа дознания, а также порядка рассмотрения этих возражений прокурором указывает и М.Н. Шагарова [13, с. 114].

Отдельной и, пожалуй, наиболее острой проблемой выступает вопрос о приостановлении исполнений указаний начальника органа дознания, если они обжалуются дознавателем. Так, ч. 4 ст. 41 УПК РФ говорит о том, что обжалование указаний начальника органа дознания не является основанием для приостановления их реализации: дознаватель должен исполнить указание, даже если полагает его неправомерным. При этом в сфере обжалования указаний прокурора действуют специальные исключения (ст. 226, 226.8 УПК РФ), тогда как для указаний начальника органа дознания закон подобных исключений не содержит. Между тем, уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан предусматривает более гибкий механизм. В соответствии со ст. 65 УПК Республики Казахстан дознаватель вправе обжаловать указания начальника органа дознания прокурору, и такое обжалование приостанавливает исполнение указаний на период рассмотрения жалобы, если оно касается ключевых процессуальных решений (квалификация и объем подозрения, направление уголовного дела прокурору с протоколом обвинения, прекращение дела) [с. 14]. Данный подход обеспечивает реальную возможность дознавателю защитить свою позицию до наступления необратимых процессуальных последствий.

Представляется, что казахстанский опыт заслуживает внимания, поскольку он подтверждает возможность сбалансированного решения: с одной стороны, сохраняется контроль руководителя за ходом расследования, с другой — дознаватель наделяется реальным правом на защиту своей процессуальной позиции.

Следует отметить, что к аналогичным выводам приходят и представители российской уголовно-процессуальной науки. Вопреки позиции законодателя, который не предусмотрел приостановления исполнения указаний при их обжаловании, большинство исследователей признают наличие существенного пробела в этой норме, требующего корректировки. Так, С.А. Табаков применительно к вопросу о коррекции норм, регламентирующих полномочия начальника подразделения дознания, считает, что исполнение указаний начальника подразделения дознания не должно быть безусловно обязательным – в том числе когда дознаватель реализует право на обжалование [15, с. 184]. О.В. Гладышева предлагает дополнить ч. 4 ст. 41 УПК РФ и закрепить исключительные случаи, когда исполнение указания начальника органа дознания может быть приостановлено. Таким основанием, по мнению автора, должна служить противоречивость полученных дознавателем указаний. В частности, исполнение

указания начальника органа дознания следует приостанавливать, если оно расходится с указаниями прокурора [16, с. 169]. И.Г. Хисматуллин отстаивает идею предоставления дознавателю права приостанавливать исполнение обжалуемых указаний начальника органа дознания, если они затрагивают ключевые вопросы расследования – передачу дела другому дознавателю, квалификацию преступления, избрание меры пресечения, прекращение дела или направление его в суд. Одновременно автор предусматривает право дознавателя передать прокурору материалы дела и письменные возражения на оспариваемые указания [17, с. 63].

Предложение И.Г. Хисматуллина, на наш взгляд, представляется вполне удачным. Во-первых, закрепление права на приостановление исполнения обжалуемых указаний предотвратит превращение дознавателя в технического исполнителя указаний начальника органа дознания и послужит гарантией его процессуальной самостоятельности.

Право дознавателя оспаривать указания руководства – это гарантия законности и способ защиты его независимой правовой позиции по делу.

Во-вторых, такое приостановление не должно стать безграничным: оно должно применяться лишь в исключительных случаях – только по вопросам, которые затрагивают значимые аспекты расследования. Это изъятие дела и передача его другому дознавателю, привлечение в качестве обвиняемого, квалификация преступления и объём обвинения, избрание меры пресечения, производство следственных действий по судебному решению, направление дела в суд или его прекращение.

Представляется, что реализация указанных предложений позволит повысить эффективность дознания. Это обусловлено расширением круга субъектов, вовлеченных в разрешение ключевых вопросов предварительного расследования: помимо начальника органа дознания в процесс включаются дознаватель (как лицо, которое обжалует указание руководителя) и прокурор (как субъект, который рассматривает жалобу).

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: Федеральный закон от 30.12.2015 № 440 ФЗ // Собрании законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 60.

[4] Рудакова С.В. Уголовно–процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. 564 с.

[5] Баловина И.В. Уголовно-процессуальные действия: понятие, сущность и признаки // Научный портал МВД России. 2023. № 3(63). С. 109-117.

[6] Табаков С.А. Начальник органа дознания: изменения в правовой статус, внесенные Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // Законодательство и практика. 2016. № 1 (36). С. 10-13.

[7] Илюшкина О.С. Особенности взаимодействия начальника подразделения дознания с начальником органа дознания и дознавателями при раскрытии и расследовании преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 3 (16). С. 272-275.

[8] Участники предварительного расследования. Учебное пособие / Выдря М.М., Лещенко В.А., Михайлов В.А. - Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1972. 135 с.

[9] Гришин Д.А. Актуальные вопросы законности производства дознания: монография. Рязань, 2010. 128 с.

[10] Миняжев Р.Р. Актуальные вопросы деятельности органов дознания на современном этапе // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2025 № 5. С. 20-25.

[11] Антроповская М.Н. Проблемы реализации дознавателем права обжалования указаний начальника подразделения (органа) дознания и прокурора // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 1. С. 108-115.

[12] Волколупов В.Г. Обжалование процессуальных действий и решений или бездействия властных субъектов в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 332 с.

[13] Шагарова М.Н. Реализация дознавателем права обжалования указаний начальника подразделения (органа) дознания и прокурора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российский Федерации. 2017. № 5. (61). С. 118-125.

[14] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 N 231 - V // Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=31575966&pos=185;167 (дата обращения (20.09.2026).

[15] Табаков С.А. Ведомственный процес-

суальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2009. 225 с.

[16] Гладышева О.В. Полномочия начальника органа дознания и начальника подразделения дознания в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Общество и право. 2012. № 5. (42). С. 165-170.

[17] Хисматуллин И.Г. Полномочия органов дознания по российскому уголовно-процессуальному законодательству: процессуальный и организационный аспекты // Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. 172 с.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 10.06.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[3] On amending the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of clarifying the powers of the head of the body of inquiry and the investigator: Federal Law of 30.12.2015 No. 440 FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (part I). Art. 60.

[4] Rudakova S.V. Criminal procedure appeal and its system in domestic pre-trial proceedings: dis.... Dr. Jurid. sciences. Krasnodar, 2023. 564 p.

[5] Balovina I.V. Criminal procedure: concept, essence and signs // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3(63). S. 109-117.

[6] Tabakov S.A. Head of the inquiry body: changes in the legal status introduced by Federal Law No. 440-FZ of December 30, 2015 // Legislation and Practice. 2016. № 1 (36). S. 10-13.

[7] Ilyushkina O.S. Peculiarities of interaction between the head of the inquiry unit and the head of the inquiry body and interrogators in solving and investigating crimes // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 3 (16). S. 272-275.

[8] Participants in the preliminary investigation. Textbook / Otter M.M., Leshchenko V.A., Mikhailov V.A. - Volgograd: NIiRIO Higher School of Internal Affairs of the USSR, 1972. 135 c.

[9] D.A. Grishin. Actual issues of legality of inquiry: monograph. Ryazan, 2010. 128 s.

[10] Minyazhev R.R. Topical issues of the activities of inquiry bodies at the present stage // Scientific works of the Moscow University for the Humanities. 2025 № 5. S. 20-25.

[11] Antropovskaya M.N. Problems of the investigator's exercise of the right to appeal against the instructions of the head of the inquiry unit (body) and the prosecutor // Journal of Legal and Economic Research. 2023. № 1. S. 108-115.

[12] Volkolupov V.G. Appeal of procedural actions and decisions or inaction of power subjects in criminal proceedings: dis.... cand. jurid. sciences. Volgograd, 2022. 332 pp.

[13] Shagarova M.N. Exercise by the investigator of the right to appeal against the instructions of the head of the inquiry unit (body) and the prosecutor // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2017. № 5. (61). S. 118-125.

[14] Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan dated 04.07.2014 N 231 – V // Access mode: https://prg.kz/document/?doc_id=31575966&pos=185; 167 (date of application (20.09.2026).

[15] Tabakov S.A. Departmental procedural control over the activities of investigators and interrogators of internal affairs bodies: dis.... cand. jurid. sciences. Omsk, 2009. 225 s.

[16] Gladysheva O.V. Powers of the head of the inquiry body and the head of the inquiry unit in the pre-trial stages of criminal proceedings // Society and law. 2012. № 5. (42). S. 165-170.

[17] Khismatullin I.G. Powers of inquiry bodies under Russian criminal procedure legislation: procedural and organizational aspects // Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2014. 172 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-77-82

НАДОНЕНКО О.Н.,
кандидат юридических наук, доцент (доцент кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имена А.Я. Сухарева, Россия, Екатеринбург), e-mail: expdna@yandex.ru

ЭКСПЕРТ И СПЕЦИАЛИСТ КАК СУБЪЕКТЫ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Является ли конкретный человек носителем специальных знаний, по каким критериям отделять специальные от общедоступных знаний, каковы полномочия специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве. Дискуссия по этим вопросам продолжается уже не одно десятилетие. Одним из ее узловых элементов является заключение эксперта в части оценки его как доказательства. Автор рассматривает, как изменялся в уголовном процессе подход к тому, допустимо ли привлечение сведущих лиц для оказания помощи в оценке научной достоверности данного документа. Анализируя существующую в настоящее время, по сути, конфликтную ситуацию по этому вопросу между законом и научным сообществом, автор приходит к мнению, что судебное сообщество придерживается позиции недопущения специалиста к данному роду деятельности. Действующее законодательство по рассматриваемому автором вопросу не только не способствует развитию принципа состязательности сторон, но фактически ничем не отличается от предыдущей редакции. Закрепление показаний и заключения специалиста в законе, выведение их из статуса иных доказательств и придание им самостоятельного статуса, без последующей переработки статей УК РФ и УПК РФ, регламентирующих порядок признания сведущего лица специалистом, его прав в части оказания помощи как защитнику, так и следователю и (или) суду при оценке научной достоверности заключения эксперта, вопрос уголовной ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения, фактически были обесценены. Углубляя анализ ситуации с оценкой следствием и (или) судом научной достоверности заключения эксперта, автор высказывает мнение о необходимости предоставления права участия в этом не только специалисту, но и эксперту, подтверждая данное утверждение примерами из экспертной практики.*

Ключевые слова: *специальные знания, судебный эксперт, специалист, принцип состязательности сторон, оценка заключения эксперта, дополнительная и повторная экспертизы.*

NADONENKO Olga N.,
Candidate of Law, Associate Professor (Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Yekaterinburg branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Yekaterinburg, Russia)

THE EXPERT AND THE SPECIALIST AS SUBJECTS ASSESSING THE SCIENTIFIC RELIABILITY OF AN EXPERT'S CONCLUSION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The question of whether a specific individual possesses "specialized knowledge"—and the criteria for distinguishing such knowledge from common, generally accessible knowledge—along with the scope of authority granted to "specialists" and "experts" in criminal proceedings, has been a subject of debate for decades. A central element of this discussion concerns the expert's report and its evaluation as evidence. The author examines the evolution of the approach within criminal procedure regarding the admissibility of involving knowledgeable individuals to assist in assessing the scientific reliability of such reports. Analyzing the current conflict between the law and the scientific community, the author concludes that the judicial community effectively opposes the involvement of specialists in this capacity. Existing legislation not only fails to foster the adversarial principle but remains, in essence, unchanged from its previous iteration. The formal inclusion of a specialist's testimony and reports in the law—elevating them from the category of "other evidence" to a distinct evidentiary status—has been rendered largely ineffective. This is due to a lack of*

corresponding revisions to the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure regarding the criteria for qualifying an individual as a "specialist," the scope of their authority to assist defense counsel, investigators, or the court in evaluating the scientific reliability of an expert's report, and the issue of a specialist's criminal liability for providing a knowingly false opinion. Furthermore, the author explores how investigators and courts assess the scientific reliability of expert reports, arguing that both specialists and experts should be permitted to participate in this process—a position supported by examples from forensic practice.

Key words: *specialized knowledge, forensic expert, specialist, adversarial principle, evaluation of an expert's report, supplementary and repeat forensic examinations.*

Носитель специальных знаний, специалист, эксперт. Уже не один век представители юриспруденции изучают, обсуждают, спорят о данных понятиях. Изначально никто из них не отрицает необходимости использования специальных знаний в правоприменительной практике, соглашаясь с тем, что ни один человек не в состоянии знать все. В качестве аргументации данного утверждения ссылаются на высказывания А.Шопенгауэра [16], Л.Е.Владимирова [1, с.207]. При этом последующая научная дискуссия затрагивает все сущностные аспекты института специальных знаний и ни по одному из них в настоящее время не достигнуто единого мнения.

Высказываются различные мнения о сущности специальных знаний, которая позволит отграничить их от «неспециальных», ведь от этого зависит понимание того, кто может признаваться их носителем и, как следствие, приобретать процессуальный статус специалиста или эксперта. Для этой цели А.А. Эйсман предложил положить в основу такого разделения признак известности, общедоступности [2, с.91]. Позже был предложен субъективно-оценочный характер определения специальных знаний, согласно которому общеизвестность определялась для конкретного индивида, а не для всех. Сторонником этого взгляда на сущность специальных знаний был Ю.К. Орлов [3]. В последствии оба этих подхода подверглись обоснованной критике со стороны таких ученых, как Е.Р. Россинская [4, с.11], Т.В. Аверьянова [5, с.181], А.М. Зинин [6, с.5], А.А. Эксархопуло [7], М.В. Жижиной [8] и др. Однако сторонники субъективного критерия не сдают позиций и в настоящее время, так Л.Н. Абдрахманова полагает, что «критерием разграничения специальных и неспециальных знаний становится, таким образом, не характер самих знаний, подпадающих под установленный законом перечень, а субъективное отношение любого из участников судопроизводства к тем или иным знаниям как для него специальным» [9, с.15; 10, с.17]. Хотелось бы узнать мнение автора по поводу ситуации, когда участник судопроизводства, наоборот, полагает, что он сам специалист в данном вопросе. В этом случае нет необходимости в привлечении специалиста или назначении экспертизы? А если данное лицо заблуждается насчет своей осведомленности? Полагаем, что такой подход к определению критерия специальных знаний ошибочен, и согласимся с утверждением А.А. Эксархопуло [7, с.129] о том, что «критериев для объективного разграничения специального и неспециального не существует… (и что) с прежними подходами данная проблема не решаема».

Однако, как бы мы ни определяли специальные знания, их носители задействованы в правоприменительной практике в целом и в уголовном процессе в частности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство среди участников уголовного судопроизводства только специалиста (ст.58) и эксперта (ст.57) обозначает как лиц, обладающих специальными знаниями. Хотя в широком смысле к ним можно отнести как переводчика, обладающего специальными языковыми знаниями (ст.59), так и педагога или психолога, участвующих в допросах несовершеннолетних как на досудебной стадии расследования, так и в ходе рассмотрения в суде (ст.ст.191, 280, 425), не смотря на то, что для них в законе такое определение не используется. Поскольку психолог и педагог не относятся ни к одной из существующих квалификационных категорий и не образуют собственную, например как переводчик, то некоторые авторы отождествляют их со специалистом [11, с.11], особенно в силу того, что ст.ст. 280, 425 УПК РФ предусматривают для них, как и для специалиста (ч.3 ст.58 УПК РФ) возможность задавать вопросы несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелям. В тоже время другие ученые настаивают на том, что уголовно-процессуальное законодательство нуждается в конкретизации процессуального положения этих дополнительных участников уголовного судопроизводства [12]. Тем более, что введение новых квалификационных категорий в уголовно-процессуальное законодательство осуществлялось и ранее.

До августа 1966 года в УПК РСФСР отсутствовал статус специалиста, был только эксперт. С того времени правовой статус специалиста претерпел ряд изменений, последние из которых в 2003 году закрепили показания и заключения специалиста как процессуальную форму использования специальных знаний (ст.80 УПК РФ) и придали им доказательственное значение (ст.74

УПК РФ). Некоторые авторы высказывают мнение, что данные нововведения были направлены на развитие принципа состязательности сторон, соотнося их с элементами англо-саксонской модели правовой системы [13, с.145; 14, с.66]. Однако, на наш взгляд, если целью законотворческой инициативы, согласно которой они были сделаны, являлось именно развитие принципа состязательности сторон, то попытка вышла крайне неудачной. Прежде всего, придание сведущему лицу статуса «специалист» осталось за властными субъектами, к которым не относятся представители защиты. Следовательно, сторона защиты не может получить ни «заключение специалиста», ни «показания специалиста», соответствующе по смыслу положениям ст.ст. 74 и 80 УПК РФ. Адвокатам и сегодня остается предоставлять мнение сведущего лица в письменном виде, называя этого документ, например, «рецензия на заключение эксперта», либо ходатайствовать перед следователем и (или) судом о привлечении сведущего лица в качестве специалиста. Поэтому и говорить о каком-либо равенстве сторон в данном вопросе все также не приходится.

Однако возможно расширение полномочий специалиста было сделано не только с целью развития принципа состязательности сторон, но и для того чтобы оказать помощь следствию и (или) суду в оценке научной достоверности заключения эксперта, так как именно эта составляющая оценки доказательства представляет для них наибольшую сложность в силу того, что «ни научную обоснованность, ни правильность выбора и применения методов исследования, ни соответствие этого метода современным достижениям соответствующей области научного знания они оценить не в состоянии, поскольку для такой оценки должны обладать теми же познаниями, что и эксперт» [15, с.124]. Это предположение находит подтверждение и изначальной редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21.10.2010 в п.19, в котором напрямую указывалось, что «для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист». Однако в 2021 году Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 22 от 29.06.2021 данный абзац был исключен. Изменения коснулись и п.20-23 ППВС № 28 от 21.10.2010, которые регламентировали показания и заключения специалиста. Их также исключили из первоначальной редакции. Объяснением этому послужило утверждение о том, что данные вопросы были изложены в более позднем документе, а именно в Постановлении Пленума Верховного Суда № 51 от 19.12.2017. Однако в материалах данного Постановления (п.16) указывается, что «специалист может привлекаться к участию в судебном разбирательстве для оказания содействия сторонам и суду в осмотре предметов и документов, применении технических средств, для постановки вопросов эксперту, а также разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». Как мы видим никакого упоминания о том, что специалист может привлекаться для оказания помощи в оценке научной достоверности заключения эксперта эта формулировка не предусматривает. Таким образом положения п.19 ППВС № 28 от 21.10.2021 было просто исключено без каких либо объяснений причин этого. Судейское сообщество упорно не желает признавать за сведущим лицом права или даже просто возможности оказания помощи при оценке научной достоверности заключения эксперта.

Мы не случайно в предыдущем утверждении использовали словосочетание «сведущее лицо», а не «специалист», так как другим «сведущим лицом», которому также отказано в возможности производства оценки научной достоверности заключения эксперта, является «эксперт». Речь идет не о том эксперте, который выполнил экспертизу. На практике нередко возникают ситуации, когда заключение одного эксперта является материалом, предоставляемым другому эксперту при постановлении о назначении судебной экспертизы. Речь идет как о назначении дополнительной, так и о назначении повторной экспертизы. Имея личный опыт производства судебных экспертиз и продолжающееся взаимодействие с судебными экспертами, автор неоднократно сталкивался с ситуациями, когда при изучении заключения эксперта, предоставленного для производства дополнительной экспертизы, ставились под сомнение ее результаты. Так, к автору обратился следователь за консультацией по следующим обстоятельствам. Расследуя преступление прошлых лет, следствие вышло на нового подозреваемого в его совершении гражданина К., у которого были отобраны образцы сравнения для производства молекулярно-генетической экспертизы в новое экспертное учреждение. Эксперту А. вместе с образцами подозреваемого было представлено выполненное в другом экспертном учреждении заключение эксперта Б. по биологическому следу с места происшествия. В результате сравнения образца подозреваемого и результатов проведенной ранее экспертизы происхождение следа от нового подозреваемого было исключено. Однако следствие было убеждено в правильности своей версии о причастности гражданина и назначило дополнительную экспертизу, направив ее в тоже экспертное учреждение, где несколько лет назад была выполнена первичная экспертиза по следу с места происшествия. При этом статус ее был именно дополнительный, так как следователь умолчал о факте назначения ана-

логичной экспертизы и ее результатах. Руководитель экспертного учреждения поручил производство дополнительной экспертизы тому же эксперту Б, что несколько лет назад выполнил первичную. Результатом нового сравнения стал вывод о том, что происхождение биологического материала от подозреваемого не исключается. При этом оба эксперта получили одинаковые результаты по исследованию ДНК из образца подозреваемого.

Причиной расхождения результатов экспертиз стал вывод, сделанный экспертом Б. в первичной экспертизе следа с места происшествия. Согласно выводу, в биологическом материале была выделена ДНК, произошедшая от одного человека. Однако по фореграмме, приложенной к первичному заключению, было видно, что биологический материал представляет собой смесь, произошедшую не менее чем от двух человек. Мы не знаем, почему эксперт Б. исключил смешанную природу следа. Возможно, он сделал это в силу своей неопытности на тот момент. Но когда спустя несколько лет он сравнил ее результаты с образцом нового подозреваемого, то в выводах написал, что «след мог произойти от гражданина К., при условии того, что он является смесью биологического вещества не менее чем двух человек». Таким образом, эксперт Б. через несколько лет «скорректировал» формулировку выводов своей же первичной экспертизы, возможно в силу того, что стал более опытным специалистом. Но что же с выводом, который дал эксперт А. из другого экспертного учреждения. При общении с ним выяснилось, что он также видел по фореграмме, что след является смесью, но это противоречило представленному в его распоряжение первичному заключению. Поскольку оценка доказательства выходит за его правовую компетенцию, он сформулировал вывод в соответствии с представленным ему первичным заключением.

С формальной точки зрения эксперт А. поступил правильно. Оценка достоверности результатов первичной экспертизы не входит в его компетенцию. К тому же законодательство не представляет эксперту в подобной ситуации вариантов правового ее решения. Во время работы руководителем экспертного подразделения автор, сталкиваясь с подобными ситуациями по дополнительным экспертизам, созванивался со следователем, назначившим экспертизу, информируя его о том, что результаты первичной экспертизы вызывают сомнения и прежде, чем проводить дополнительную экспертизу, необходимо назначить повторную. Следователи реагировали на данные сообщения по-разному. Одни прислушивались и выносили постановление о назначении повторной экспертизы, другие отказывались, мотивируя это тем, что в ходе первичной экспертизы исследуемое вещество было израсходовано полностью, либо тем, что результаты экспертизы соответствуют следственной версии. В случае отказа со стороны следователя прислушаться к нашему мнению, мы возвращали постановление о назначении дополнительной экспертизы без исполнения, указывая любое законное основание, которое могли применить в конкретной ситуации. Делалось это в силу того, что эксперты либо вынуждены принимать выводы первичной экспертизы, даже если они считают их ошибочными, как и поступил эксперт А. в приведенном ранее примере, либо отказываться от производства экспертизы под любым разрешенным законом предлогом.

Несколько иначе обстоит дело с оценкой результатов повторной экспертизы. При ее производстве эксперт исследует те же материалы, что и при первичной. Если выводы обеих экспертиз совпадают, то никаких вопросов не возникает. В том случае, если же выводы повторной экспертизы отличаются от результатов первичной, то следствие зачастую начинает требовать от эксперта объяснить причину различия. Однако по действующему законодательству он этого делать не имеет право. На практике же эксперты высказывают свое мнение следователю в ходе неофициальной, непроцессуальной консультации.

Таким образом, оценка сведущим лицом хоть в статусе специалиста, хоть в статусе эксперта научной достоверности заключения эксперта действующим законодательством запрещена в силу того, что они не являются субъектами, которым это разрешено УПК РФ. Однако на практике это порождает множество проблем и прежде всего на досудебной стадии расследования уголовных дел. В связи с вышеизложенным автор полагает, что необходимо внести в уголовно-процессуальный закон изменения в ст. 88 УПК РФ «Правила оценки доказательств» положение о том, что для оценки научной достоверности заключения эксперта допустимо привлекать специалиста, и закрепить его в ст.58 УПК РФ в качестве одной из целей привлечения специалиста. Также следует дополнить п.1 ст. 207 УПК РФ, в части предоставления права эксперту или руководителю экспертного учреждения ходатайствовать перед следователем и (или) судом о назначении повторной экспертизы в том случае, если выводы первичной экспертизы вызывают обоснованное сомнение. При этом в ходатайстве должны быть подробно изложены причины такого обращения.

Завершить наши размышления о сведущих лицах в уголовном судопроизводстве хотим словами Л.Е. Владимирова: «при этом нельзя не высказать еще желания, чтобы экспертов на суде было, по возможности, больше и чтобы между ними были представители всех элементов суда, т.е. обвинения, защиты и суда.» [1, с.212].

Список литературы:

[1] Владимиров Л. Е. Суд присяжных : условия действия института присяжных и метод разработки доказательств / Л. Е. Владимиров. – Москва : Современный гуманитарный университет, 2009. – 236 с.

[2] Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования / А.А. Эйсман. - М., 1967. - 152с.

[3] Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам : учеб. пособие / Ю.К. Орлов. — Москва : Юристъ, 1995. — 64 с.

[4] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – 4-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : ООО "Юридическое издательство Норма", ООО "Научно-издательский центр Инфра-М", 2024. – 576 с.

[5] Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории : для использования в учебном процессе по специальности "Судебная экспертиза" / Т. В. Аверьянова ; Т. В. Аверьянова. – Москва : Норма, 2007. – 479 с.

[6] Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях : учебник / А. М. Зинин, А. И. Семикаленова, Е. В. Иванова. – Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2026. – 288 с.

[7] Эксархопуло А. А. К вопросу о сущности специальных знаний в российском уголовном процессе / А. А. Эксархопуло, А. Ф. Халиуллина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 2(100). – С. 125-130.

[8] Жижина М. В. Дифференциация специальных и общеизвестных знаний при назначении судебной экспертизы: проблемы правоприменения / М. В. Жижина // Эксперт-криминалист. – 2026. – № 2. – С. 8-11.

[9] Абдрахманова Л.Н. Специалист в суде по уголовным делам: проблемы и перспективы: автореф.дис. … канд.юрид.наук. Уфа, 2026.

[10] Абдрахманова Л. Н. Сущность и источники специальных познаний специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве / Л. Н. Абдрахманова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2025. – № 3(49). – С. 11-18.

[11] Бычков А.Н. Участие педагога в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2007.

[12] Цветкова Е. В. Правовые проблемы участия педагога или психолога в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних / Е. В. Цветкова // Современное право. – 2024. – № 4. – С. 120-123.

[13] Степанов К. В., Малина М. А. Проблемы использования в уголовном процессе заключения специалиста, а также результатов судебных экспертиз негосударственных судебно-экспертных учреждений / К.В. Степанов, М.А. Малина // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 4. С. 144—148.

[14] Расулова Н.С., Россинский С.Б. Заключение специалиста как справочно-вспомогательное средство доказывания в уголовном судопроизводстве / Н.С. Расулова, С.Б. Россинский. - М: Юрлитинформ, 2023. - 176с.

[15] Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р.Белкин. - М.: Норма, 2007. - 528с.

[16] Шопенгауэр А. Глава XXI Об учености и ученых. [Электронный ресурс] - URL https://philosophy.niv.ru/lit/text/3075/40477/Schopenhauer/Parerga-und-Paralipomena.htm (дата обращения: 20.10.2026).

References:

[1] Vladimirov L. E. Jury trial: conditions for the institution of the jury and the method of developing evidence / L. E. Vladimirov. - Moscow: Modern Humanitarian University, 2009. - 236 s.

[2] Eisman A.A. Expert opinion. Structure and scientific justifications/A.A. Eisman. - M., 1967. - 152s.

[3] Orlov Yu.K. Expert opinion and his assessment in criminal cases: study. Manual / Yu.K. Orlov. - Moscow: Lawyer, 1995. - 64 s.

[4] Rossinskaya, E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings / E. R. Rossinskaya. - 4th edition, revised and supplemented. - Moscow: LLC Legal Publishing House Norma, LLC Scientific and Publishing Center Infra-M, 2024. - 576 p.

[5] Averyanova T. V. Forensic examination: general theory course: for use in the educational process in the specialty "Forensic examination" / T. V. Averyanova; T. V. Averyanova. - Moscow: Norma, 2007. - 479 s.

[6] Zinin A.M. Participation of a specialist in procedural actions: textbook / A.M. Zinin, A.I. Semikalenova, E.V. Ivanova. - Second edition, revised and supplemented. - Moscow: Prospekt Limited Liability Company, 2026. - 288 p.

[7] Exarkhopulo A. A. On the essence of special knowledge in the Russian criminal process / A. A. Exarkhopulo, A. F. Khaliullina // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2(100). - S. 125-130.

[8] Zhizhina, M.V. Differentiation of special and well-known knowledge when appointing a forensic examination: problems of law enforcement / M.V. Zhizhina // Forensic expert. – 2026. – № 2. -

S. 8-11.

[9] Abdrakhmanova L.N. Specialist in the court of criminal cases: problems and prospects: autoref.dis.... cand.yurid.nauk. Ufa, 2026.

[10] Abdrakhmanova L. N. Essence and sources of special knowledge of a specialist and expert in criminal proceedings / L. N. Abdrakhmanov // Siberian criminal procedural and forensic readings. – 2025. – № 3(49). - S. 11-18.

[11] Bychkov A.N. Teacher's participation in criminal proceedings: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. Izhevsk, 2007.

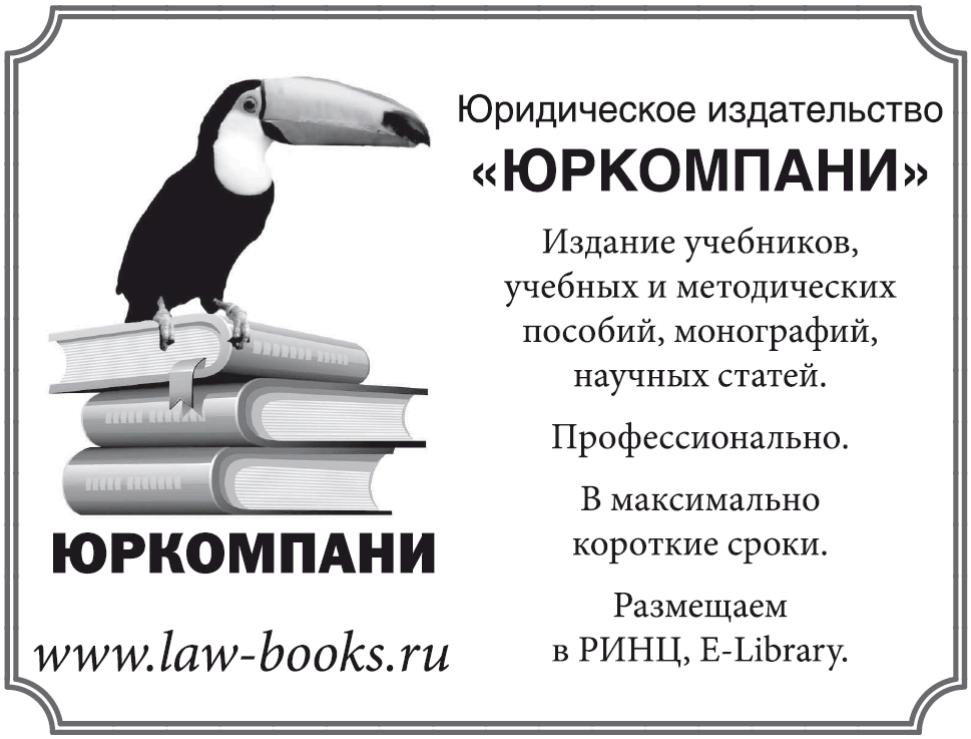
[12] Tsvetkova, E.V. Legal problems of the participation of a teacher or psychologist in criminal proceedings with the participation of minors / E.V. Tsvetkova // Modern law. – 2024. – № 4. - S. 120-123.

[13] Stepanov K.V., Malina M.A. Problems of using the conclusion of a specialist in the criminal process, as well as the results of forensic examinations of non-state forensic institutions / K.V. Stepanov, M.A. Malina // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2022. № 4. S. 144-148.

[14] Rasulova N.S., Rossinsky S.B. Expert opinion as a reference and auxiliary means of evidence in criminal proceedings / N.S. Rasulova, S.B. Rossinsky. - M: Yurlitinform, 2023. - 176s.

[15] Belkin A.R. Theory of Evidence in Criminal Proceedings/A.R. Belkin. - M.: Norma, 2007. - 528s.

[16] Schopenhauer A. Chapter XXI On Scholarship and Scientists. [E-resource] - https://philosophy.niv.ru/lit/text/3075/40477/Schopenhauer/Parerga-und-Paralipomena.htm URL (accessed on: 20.10.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-83-87

СКОРОДЕЛОВА Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики
Московский ордена Почёта университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
e-mail: mail@law-books.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ АППАРАТОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ

Аннотация. *Убийства относятся к числу наиболее опасных и тяжких преступлений против личности, непосредственным объектом которых является человеческая жизнь. Их совершение влечет за собой особо тяжкие последствия как для отдельных граждан, так и для общества в целом. Современная криминогенная ситуация характеризуется значительным уровнем насильственных преступлений. При этом статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации показывают, что за последние годы количество убийств постепенно снижается. В то же время совершенствуются методы убийств, появляются новые способы сокрытия следов преступлений, что существенно осложняет деятельность правоохранительных органов по их раскрытию и расследованию. Помимо этого, преступники все чаще используют новейшие технические средства, информационные технологии и интернет-ресурсы, что требует от следователей высокой профессиональной подготовки, навыков работы с техническими средствами и умения ориентироваться в новых криминалистических реалиях.*

Ключевые слова: *убийство, взаимодействие, следователь, оперативно-розыскная деятельность, этапы расследования.*

SKORODELOVA Elena Ivanovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Forensic
Science Moscow Order of Honor University Ministries of the Interior
Russian Federation named after V.Ya. Kikot

ORGANIZATION OF INTERACTION BETWEEN AN INVESTIGATOR AND MEMBERS OF OPERATIONAL UNITS DURING HUMAN RIGHTS INVESTIGATIONS

Annotation. *Murders are among the most dangerous and serious crimes against the person, the direct object of which is human life. Their commission entails particularly serious consequences both for individual citizens and for society as a whole. The current crime situation is characterized by a significant level of violent crimes. At the same time, statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation show that the number of murders has been gradually decreasing in recent years. At the same time, methods of murder are being improved, and new ways of concealing the traces of crimes are emerging, which significantly complicates the work of law enforcement agencies in solving and investigating them. In addition, criminals are increasingly using the latest technical tools, information technologies, and online resources, which requires investigators to have a high level of professionalism.*

Key words: *murder, interaction, investigator, operational search activities, stages of investigation.*

Организация взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных аппаратов при расследовании убийств представляет собой комплексную деятельность, направленную на установление всех обстоятельств преступления, которая осуществляется на всех этапах расследования – первоначальном, последующем и заключительном.

Первоначальный этап расследования убийств традиционно делится на несколько стадий. Первая из них – проверка поступившей информации о возможном преступлении. Она начинается с момента получения сообщения о преступлении (заявления, рапорта, сообщения из других учреждений и т.д.) и заканчивается вынесением решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении. Далее, если принято решение начать расследование, начинается стадия предварительного расследования – уголовное дело расследуется до момента, когда

у следствия появится достаточно доказательств для выдвижения обвинения [5].

В большинстве случаев уголовные дела об убийстве возбуждаются на основании заявлений родственников о пропаже человека, сообщений учреждений и организаций, либо на основании рапортов сотрудников правоохранительных органов. Иногда поводом для возбуждения дела становится явка с повинной или информация от очевидцев. Непосредственно после получения информации проводится ее проверка: если найден труп с явными признаками насильственной смерти – отдельную тщательную проверку проводить не требуется, по факту нахождения сразу начинается расследование. Однако во многих случаях признаки убийства не столь явны – возможны версии о самоубийстве, несчастном случае или естественной смерти, и тогда требуется проведение проверки, включающей осмотр места происшествия, опросы свидетелей, при необходимости судебно-медицинскую экспертизу [10].

Когда расследование начинается с сообщения о пропавшем человеке, для проверки сведений рассылаются запросы в возможные места его нахождения, собираются объяснения от окружающих, изучается медицинская документация. Часто проводится осмотр мест, где человек мог исчезнуть. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает срок проверки сообщения о преступлении – три дня, но на практике главное не только действовать быстро, но и основательно, чтобы не упустить важные детали. После проверки принимается процессуальное решение – возбуждать уголовное дело или отказать в этом [8].

Дальнейшие действия зависят от установленных фактов – бывает, что известны и личность погибшего, и подозреваемого; иногда известен только погибший или, наоборот, только вероятный преступник; возможна и ситуация, когда личности обоих не установлены [7]. Ключевым является выдвижение соответствующих версий событий – было ли это умышленное убийство, самоубийство, несчастный случай и т.д. Эти версии строятся на основе результатов предварительной проверки – анализе состояния тела, обстоятельств дела, особенностей места происшествия. Они могут касаться не только обстоятельств смерти, но и возможного круга подозреваемых, их физических и психологических характеристик, мотивации и пр. Если известен подозреваемый, действия следствия строятся вокруг его личности, изучения мотива, поиска доказательств вины. Если же преступник пока не установлен, следствию приходится строить различные модели его возможной личности и поведения, чтобы сузить круг поиска и направить работу оперативных подразделений [6].

Сложности, возникающие на первоначальном этапе расследования, связаны с тем, что следователю приходится быстро принимать решения в условиях ограниченного времени и минимального объема информации, которая часто бывает неполной и недостаточно достоверной.

Данный этап расследования отличается своей динамичностью и неопределенностью, что неизбежно сказывается на работе следователя. Дополнительный стресс создают не только внутренние психологические факторы, но и напряженная атмосфера произошедшего происшествия [13]. На этом этапе часто допускаются типичные ошибки, например, в протоколах осмотра места происшествия могут отсутствовать важные детали, а фототаблицы иногда делаются с существенными упущениями. Часто встречаются неполное описание найденных предметов и следов, а также ошибки в способах их изъятия и упаковки. Неправильное обращение с вещественными доказательствами может привести к их утрате и невозможности дальнейшего использования в качестве доказательной базы, особенно если требуется проведение экспертизы [4].

Особое внимание специалисты также рекомендуют уделять обнаружению, изъятию и фиксации биологических следов, так как они играют важную роль при доказывании обстоятельств преступления. Поэтому к их сбору и документированию необходимо подходить максимально внимательно и тщательно [3].

Комплексное и слаженное использование всех имеющихся средств на первоначальном этапе позволяет более эффективно собирать доказательства, быстрее устанавливать личность преступника, удерживать ситуацию под контролем и минимизировать риск совершения новых преступлений, поэтому на первоначальном этапе расследования убийств большое значение имеют тактические аспекты взаимодействия следователей и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД).

На первоначальном этапе следователь вместе с оперативными сотрудниками разрабатывает план расследования, определяется круг первоначальных следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Обсуждаются возможные версии преступления, намечаются задачи для каждого участника, прописываются их функции и ответственность. Следователь концентрируется на процессуальных действиях (осмотр места происшествия, допросы, изъятие доказательств), а сотрудники ОРД – на сборе первичной оперативной информации, выявлении возможных свидетелей, отработке близлежащих территорий, сборе сведений о потерпевшем, его связях, образе жизни, возможных конфликтах. К числу важнейших тактических аспектов относится свое-

временный и качественный обмен информацией между следователем и оперативными сотрудниками. В условиях острого дефицита времени первичной информации зачастую недостаточно, и только оперативники могут быстро выявить новые обстоятельства, которые требуют незамедлительного реагирования со стороны следствия (например, установление подозрительных лиц, причастных к происшествию, или разыскиваемых транспортных средств). Поэтому полномасштабное использование возможностей ОРД (наружное наблюдение, опросы, внедрение в криминальную среду, работа с осведомителями и т.д.) непосредственно согласовывается с ходом и потребностями следствия [9].

Тактика совместных действий заключается в следующем:

Во-первых, обеспечивается постоянный рабочий контакт и координация. Обмениваются как официальными сведениями, так и предварительными результатами экспертиз, характеристиками возможных подозреваемых, фактами, полученными в результате проверок или допросов. Для этого организуются совместные оперативные совещания, осуществляется анализ промежуточных результатов, согласование очередности и способов проведения мероприятий.

Во-вторых, оперативные сотрудники в полном объеме доводят до следователя любую информацию, даже если она на первый взгляд кажется малозначимой, что исключает упущения ценных следов, версий и обеспечивает многосторонний анализ ситуации.

В-третьих, тактическое взаимодействие предусматривает согласование и совместное проведение отдельных следственных действий. Например, для задержания подозреваемого на месте происшествия требуется поддержка оперативников, которые могут обеспечить обнаружение и блокировку возможных путей отступления, определить возможные тайники преступника.

Типовой тактической ошибкой считается искусственное разделение усилий, когда следователь и оперативные сотрудники действуют разрозненно, что приводит к потере времени, дублированию функций, а порой и утрате ключевых доказательств. В условиях впервые поступившей информации и при установлении подозреваемых особенно важно незамедлительно реализовывать мероприятия по задержанию лица, изъятию средств совершения преступления, осмотру местности, а также по обеспечению безопасности свидетелей и потерпевших.

Важнейшим тактическим моментом является совместное выдвижение и обсуждение версий, основанных как на процессуальной, так и на оперативной информации. От этого зависит направление поиска, определение приоритетных задач и выбор тактики проведения допросов, обысков и других действий. Доверительные отношения между следователем и сотрудниками ОРД способствуют повышению качества расследования: оперативники владеют специфическими источниками информации, в то время как следователь определяет стратегию расследования. Следователь должен не только руководить оперативными мероприятиями, но и учитывать инициативы оперативников, мотивировать их к активному поиску информации и своевременному доведению ее до следственных органов [11].

Отправной точкой для последующего этапа расследования убийства является предъявление обвинения [12]. Согласно статье 172 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], оно должно быть осуществлено не позднее трех суток с момента вынесения соответствующего постановления. Сразу после предъявления обвинения следователь обязан допросить обвиняемого. Допрос в этой ситуации – одно из ключевых следственных действий, определяющее ход последующего расследования, поэтому следователь должен тщательно подготовиться: продумать разные варианты развития допроса, учитывая возможность его конфликтной составляющей, и постараться наладить доверительный контакт с обвиняемым. План допроса необходимо построить так, чтобы можно было выявить ложь или противоречия в показаниях обвиняемого, а также побудить его дать правдивые сведения [2].

В целом на последующем этапе расследования убийства следственные действия становятся более целенаправленными и углубленными. В этот период обычно проводятся дополнительные допросы свидетелей, обвиняемых, очные ставки между участниками уголовного дела с противоречивыми показаниями, проверки показаний на месте, а также следственные эксперименты для воспроизведения или проверки важнейших обстоятельств дела. Назначаются и проводятся дополнительные экспертизы (например, ДНК-анализ, психолого-психиатрическая, криминалистическая экспертиза), анализируются и сопоставляются результаты оперативно-розыскных мероприятий, собираются и закрепляются новые доказательства, выявляются мотивы, обстоятельства и соучастники преступления. На данном этапе активно формируется доказательственная база, уточняется квалификация преступления, готовятся материалы для передачи дела в суд. Кроме того, может производиться проверка алиби подозреваемого, анализируются возможные связи жертвы и подозреваемого, исследуются обстоятельства, связанные с орудием преступления, средствами сокрытия следов и причин совершения преступления.

На последующем этапе расследований

убийств следователь с оперативными сотрудниками систематизируют и анализируют полученную на первоначальном этапе информацию, определяют «проблемные точки» в расследовании; согласовывают тактику и сроки проведения допросов, обысков, проверок алиби и других мероприятий. Следователь по письменным или устным поручениям направляет оперативникам задачи: розыск оружия, установление связей и контактов подозреваемых, наблюдение за определенными лицами и др. Оперативники информируют следователя обо всех новых данных, возможностях расширения версии, появлении важных свидетелей и др.

На заключительном этапе расследования убийства следователь завершает сбор доказательств и проверку всех версий, окончательно устанавливает все обстоятельства преступления. Производится ознакомление обвиняемого, его защитника и потерпевшего с материалами уголовного дела. Формулируется и предъявляется окончательное обвинение, уточняются квалификация действий обвиняемого и роль возможных соучастников.

На данном этапе следователь с оперативниками уточняет отдельные эпизоды, собирает дополнительные материалы; оперативные сотрудники при необходимости дорабатывают отдельные детали; если появляются новые данные, следователь поручает оперативным работникам провести дополнительные ОРМ; следователь и представители оперативной группы обсуждают полученные результаты, чтобы исключить ошибки, недоработки и противоречия в материалах. Далее следователь составляет обвинительное заключение и, вместе со всеми материалами дела направляет его в прокуратуру для утверждения и последующей передачи в суд. После утверждения обвинительного заключения дело передается в суд для рассмотрения по существу [10].

Изложенное позволяет отметить, что правильно организованное взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных аппаратов на каждом этапе расследования убийств обеспечивает повышение качества и результативности работы, способствует достижению полноты, объективности и всесторонности исследования обстоятельств совершенного преступления, а также реализации принципа неотвратимости наказания для виновных лиц.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

[2] Андрущенко А.Л. Криминалистическая методика расследования убийств как разновидность криминалистических методик.

[3] Беляева Ю.О. Изъятие следов преступления при расследовании убийств // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: Сборник материалов V Меж-дународной научно-практической конференции, 2017. – С. 217.

[4] Грицаев С.И., Помазанов В.В., Степаненко С.Г. Построение следственных версий при расследовании убийств // Закон и право. 2019. № 12. – С. 148.

[5] Дергач Н.С., Алексеенко А.А. Определение границ первоначального этапа расследования убийств // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, 2017. – С. 118-119.

[6] Ивахненко В.И., Тархова А.О. Особенности построения следственных действий при расследовании убийств // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инно-вации: Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2020. – С. 114.

[7] Криминалистическая методика: Учебное пособие для вузов / Н.Н. Егоров, Е.П. Ищенко. М.: Издательство «Юрайт», 2020. – С. 43.

[8] Прокин А.Ю. Характеристика основных этапов расследования убийства // Перспективные научные исследования: теория, методология и практика применения. сборник статей международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2024. – С. 52.

[9] Маевский С.С. Тактические аспекты взаимодействия следователей и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность при расследовании убийств на первоначальном этапе расследования // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Брянск, 2020. – С. 82.

[10] Прокин А.Ю. Характеристика основных этапов расследования убийства // Перспективные научные исследования: теория, методология и практика применения. сборник статей международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2024. – С. 52 -53.

[11] Платонова Т.Д., Рыбин А.С. Организация и процессуальная регламентация деятельности следственно-оперативной группы на первоначальном этапе расследования квалифицированных видов убийств // Актуальные вопросы современных научных исследований. сборник статей Международной научно-практической конференции в 2 частях. Пенза, 2023. С. 160.

[12] Сергеев А.Б., Савченко А.Н. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник Челябинского государственного универ-

ситета. Серия: Право. 2014. № 19 (348). – С. 59.

[13] Сергеев А.Б. Критический анализ отдельных положений проекта федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). – С. 159.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ.

[2] Andrushchenko A.L. Forensic methodology for investigating murders as a type of forensic methodology.

[3] Yu.O. Belyaeva. Removal of Traces of a Crime in the Investigation of Murders // Science, Education, Society: Trends and Development Prospects: Collection of Materials of the V International Scientific and Practical Conference, 2017. - S. 217.

[4] Gritsaev S.I., Pomazanov V.V., Stepanenko S.G. Building investigative versions in the investigation of murders // Law and Law. 2019. № 12. - S. 148.

[5] Dergach N.S., Alekseenko A.A. Determination of the boundaries of the initial stage of the investigation of murders // Legal problems of strengthening Russian statehood: a collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference, 2017. - S. 118-119.

[6] Ivakhnenko V.I., Tarkhova A.O. Features of the construction of investigative actions in the investigation of murders // Modern science: current issues, achievements and innovations: Collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. 2020. - S. 114.

[7] Forensic methodology: Textbook for universities / N.N. Egorov, E.P. Ishchenko. M.: Publishing house "Yurayt," 2020. - S. 43.

[8] Prokin A.Yu. Characterization of the main stages of the murder investigation // Promising scientific research: theory, methodology and application practice. collection of articles from an international scientific conference. St. Petersburg, 2024. - S. 52.

[9] Mayevsky S.S. Tactical aspects of interaction between investigators and bodies carrying out operational-search activities in the investigation of murders at the initial stage of the investigation // Law: history, theory, practice. Collection of articles and materials. Bryansk, 2020. - S. 82.

[10] Prokin A.Yu. Characterization of the main stages of the murder investigation // Promising scientific research: theory, methodology and application practice. collection of articles from an international scientific conference. St. Petersburg, 2024. - S. 52 -53.

[11] Platonova TD, Rybin A.S. Organization and procedural regulation of the activities of the investigative-operational group at the initial stage of the investigation of qualified types of murders // Current issues of modern scientific research. collection of articles of the International Scientific and Practical Conference in 2 parts. Penza, 2023. S. 160.

[12] Sergeev A.B., Savchenko A.N. On moral and legal justice when the courts consider the possibility of terminating the criminal case in connection with the reconciliation of the parties // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Right. 2014. № 19 (348). - S. 59.

[13] Sergeev A.B. Critical analysis of certain provisions of the draft federal law "On Forensic Activities in the Russian Federation" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2019. № 2 (48). - S. 159.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-88-90

МАРТЫНОВ Роман Анатольевич,
студент юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: addcondzazar095095@mail.ru

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Автором статьи уточняется, что выполнение указанного назначения уголовного судопроизводства является возможным только при условии качественного и эффективного производства следственных действий, процессуальный порядок производства которых полностью отвечает требованиям законодательства.*

Ключевые слова: *следственные действия, уголовное судопроизводство, практические проблемы.*

MARTYNOV Roman Anatolyevich,
student at the Law Institute of the National Research Tomsk State University

INVESTIGATIVE ACTIONS: PRACTICAL PROBLEMS IN PRODUCTION

Annotation. *The Criminal Procedure Code of the Russian Federation establishes that the purpose of criminal proceedings is to protect the rights and legitimate interests of individuals and organizations that have suffered from crimes, as well as to protect a person from unlawful and unfounded accusations, convictions, and restrictions on their rights and freedoms. The author of the article clarifies that the fulfillment of this purpose of criminal proceedings is possible only if investigative actions are carried out in a high quality and effective manner, and the procedural procedure for conducting them fully complies with the requirements of the law.*

Key words: *investigative actions, criminal proceedings, practical problems.*

Следственные действия, будучи эффективным средством познания истины, всегда в большей или меньшей степени сопряжены с ограничением прав граждан, каждое из них в той или иной мере допускает вторжение органа расследования в сферу личных интересов свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых и других лиц. В свете положений Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми человек, его права и свободы являются высшей ценностью, провозглашается неприкосновенность личности, жилища и частной жизни, возникает необходимость установления четких пределов возможного ограничения прав граждан в ходе производства следственных действий, предотвращения неоправданного ущемления их интересов [1]. Поэтому любое следственное действие может проводиться только при наличии определенной цели и достаточного основания для ее проведения. Частью 1 статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлено правило, в соответствии с которым доказательства по уголовному делу, полученные с нарушением требований закона, признаются не допустимыми [2]. Именно поэтому даже небольшое нарушение процессуального порядка производства следственного действия может привести к тому, что полученные в ходе их проведения доказательства не будут приняты во внимание судом.

В соответствии со статьей 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации показания эксперта - сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 настоящего Кодекса, а не в целях выяснения содержания показаний обвиняемого.

Согласно части 2 статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации к недопустимым доказательствам относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подо-

зреваемым, обвиняемым в суде. Исходя из вышеизложенного, «по уголовному делу в отношении Голикова С.С., осужденного за совершение преступления, предусмотренного частью 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации показания эксперта Воскресенской К.В. относительно сведений, о которых пояснял подсудимый Голиков С.С. при проведении экспертизы относительно обстоятельств совершения преступления, не могли быть использованы в качестве доказательств виновности подсудимого, в связи с чем, суд признал такие показания недопустимым доказательством, поскольку они получены в нарушение норм действующего законодательства» [3].

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [4] судам следует иметь в виду, что статья 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает обязательное участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в возрасте от 14 до 16 лет, а в возрасте от 16 до 18 лет - при условии, что он страдает психическим расстройством или отстает в психическом развитии. Показания такого подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, полученные без участия педагога или психолога, в силу части 2 статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются недопустимыми доказательствами.»

«Принимая во внимание вышеуказанные руководящие разъяснения, а также, исходя из заключения эксперта, согласно которому у Шадрина А.Д. обнаруживается психическое расстройство в форме эмоционально неустойчивого расстройства личности, с учетом того, что подсудимый Шадрин А.Д. был допрошен в качестве подозреваемого 13.08.2024 без участия педагога, суд признал протокол допроса Шадрина А. Д. в качестве подозреваемого недопустимым доказательством (уголовное дело в отношении Шадрина А.Д., осужденного за совершение преступления, предусмотренного пунктом «з» части 2 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [5].

В соответствии со статьей 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации свидетель вправе: отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 настоящего Кодекса; давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно. «Как установлено в ходе судебного следствия свидетель Х. является гражданкой Республики Узбекистан, русским языком практически не владеет, нуждается в услугах переводчика с узбекского языка, который для нее является родным.»

«Поскольку на досудебной стадии, при производстве допроса свидетелю не был предоставлен переводчик, показания, которые были оглашены в судебном заседании, данный свидетель не подтвердила, указав, что подписала протокол допроса, поскольку так сказал следователь, с учетом показаний следователя Сазоновой В.С. о допущенных ею процессуальных нарушениях при производстве допроса свидетеля, по уголовному делу в отношении Шайманова А. Х., осужденного по части 1 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации суд пришел к выводу о том, что показания, данные свидетелем Х., в силу статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации являются недопустимыми, так как они получены с нарушением требований действующего законодательства.» [6].

По уголовному делу в отношении Ревякина А. В., осужденного за совершение преступления, предусмотренного пунктом «з» части 2 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации суд признал недопустимым доказательством заключение эксперта, полученное в ходе предварительного расследования по делу, исходя из следующего [7].

«В материалах уголовного дела имеется постановление о назначении экспертизы от 22 мая 2023 года, в котором изложены показания подсудимого, а также перед экспертом поставлено 6 вопросов. В заключении эксперта № 4017 от 4 июля 2023 года изложено 8 вопросов, ответы на которые содержатся в выводах. При допросе эксперт Воронковская М.В. пояснила, что в их наряде имеется постановление, в фабуле которого изложены показания не только подсудимого, но и потерпевшего, а также содержится 8 вопросов. Копия данного постановления приобщена к материалам уголовного дела. При таких обстоятельствах, принимая во внимание, что экспертиза была проведена по постановлению, отличному от имеющегося в материалах уголовного дела, с учетом также того, что в указанное постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы внесены показания потерпевшего, данные им после вынесения данного постановления, суд приходит к выводу о необходимости признания данного заключения недопустимым доказательством.»

Качество расследования уголовных дел в значительной мере находится в зависимости от проведенных следственных действий, которые являются основным источником доказательств на стадии предварительного расследования. Недостаточная квалификация следователей и специалистов в совокупности с недостаточным мате-

риальным обеспечением (неисправность фото-, аудио-, видеоаппаратуры), необходимость соблюдения временных ограничений негативно влияет на качество расследования уголовных дел и приводит к признанию полученных на досудебной стадии доказательств недопустимыми.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. // Официальный интернет–портал правовой информации. // [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 07.08.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС КонсультантПлюс.

[3] Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирск № 1–455/2023 от 12 сентября 2023 г. // [Электронный ресурс] // URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=504560389&case_uid=92f25a1b-3721-4002-8988-f83eb8575c92&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.08.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС КонсультантПлюс.

[5] Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирск № 1–455/2023 от 12 сентября 2023 г. // [Электронный ресурс] // URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=504560389&case_uid=92f25a1b-3721-4002-8988-f83eb8575c92&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.08.2026).

[6] Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирск № 1–455/2023 от 12 сентября 2023 г. // [Электронный ресурс] // URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=504560389&case_uid=92f25a1b-3721-4002-8988 f83eb8575c92&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.08.2026).

[7] Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирск № 1–455/2023 от 12 сентября 2023 г. // [Электронный ресурс] // URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=504560389&case_uid=92f25a1b-3721-4002-8988-f83eb8575c92&delo_id=1540006 (дата обращения: 10.08.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020] // Official Internet portal of legal information // [Electronic resource] // URL: http://www.pravo.gov.ru. (accessed on: 07.08.2026).

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended 26.07.2026) (with amendments and additions, entry by virtue of 01.09.2025) // ATP ConsultantPlus.

[3] Verdict of the Leninsky District Court of Novosibirsk No. 1-455/2023 of September 12, 2023 // [Electronic Resource] // URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php? name = sud _ delo&srv _ num = 1&name _ op = case&case _ id = 504560389&case _ uid = 92f25a1b-3721-4002-8988-f83eb8575c92&delo _ id = 1540006 (accessed on: 10.08.2026).

[4] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No. 1 (ed. 09.12.2025) "On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors" // SPS Consultant Plus.

[5] Verdict of the Leninsky District Court of Novosibirsk No. 1-455/2023 of September 12, 2023 // [Electronic Resource] // URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php? name = sud _ delo&srv _ num = 1&name _ op = case&case _ id = 504560389&case _ uid = 92f25a1b-3721-4002-8988-f83eb8575c92&delo _ id = 1540006 (accessed on: 10.08.2026).

[6] Verdict of the Leninsky District Court of Novosibirsk No. 1-455/2023 of September 12, 2023 // [Electronic Resource] // URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=504560389&case_uid=92f25a1b-3721-4002-8988 f83eb8575c92 & delo _ id = 1540006 (date of appeal: 10.08.2026).

[7] Verdict of the Leninsky District Court of Novosibirsk No. 1-455/2023 of September 12, 2023 // [Electronic Resource] // URL: https://leninsky--nsk.sudrf.ru/modules.php? name = sud _ delo&srv _ num = 1&name _ op = case&case _ id = 504560389&case _ uid = 92f25a1b-3721-4002-8988-f83eb8575c92&delo _ id = 1540006 (accessed on: 10.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-91-96

КОРОБКОВА Елена Евгеньевна,
Заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, полковник полиции, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: elenakorobkova1@mail.ru

АНТОНОВ Михаил Евгеньевич,
Преподаватель кафедры ДОВДОУ Омской академии МВД России, подполковник полиции,
e-mail: elenakorobkova1@mail.ru

КОНСТАНТИНОВ Евгений Евгеньевич,
Оперуполномоченный отделения по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий отдела по борьбе с преступлениями в приоритетных отраслях экономики Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Кемеровской области – Кузбассу, старший лейтенант полиции,
e-mail: elenakorobkova1@mail.ru

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. *Правоохранительная функция, содержанием которой выступает предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, реализуется не только органами предварительного расследования, но и органами дознания. В соответствии со ст. 40 УПК РФ это, прежде всего полиция, органы федеральной службы безопасности, военной полиции, государственного пожарного надзора, федеральной службы исполнения наказания, а также органы принудительного исполнения.*

Единство цели органов предварительного расследования и дознания в противодействии преступности обусловливает необходимость их сотрудничества, которое выражается в координации действий и взаимопомощи для решения общих задач. Термин «взаимодействие», хоть и не закреплён в уголовно-процессуальном законе, активно применяется в следственно-судебной практике для описания совместной деятельности следователей, органов дознания, экспертов, специалистов и иных лиц в ходе расследования преступлений.

Проблема взаимодействия носит комплексный характер, поскольку объединяет в равной степени значимые правовые, организационные, тактические и психологические аспекты для следственных подразделений и иных служб правоохранительной системы. Достижение его эффективности на каждом этапе работы по раскрытию и расследованию преступлений требует четкого понимания правовой основы такого взаимодействия; определения процессуальных и организационных форм взаимодействия; применения соответствующих криминалистических рекомендаций; учета психологических особенностей ситуаций, возникающих в ходе расследования.

Таким образом, данная проблема является комплексной как в практическом, так и в научном отношении, что подтверждается и доктриной уголовного процесса [1].

Изучение следственной и судебной практики показывает, что уровень взаимодействия между органами предварительного расследования и органами дознания при предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений, а также розыске уголовно преследуемых лиц, остается недостаточно высоким. В связи с этим одной из ключевых задач является определение принципов взаимодействия органов предварительного расследования и органов дознания, осознание которых определяет его качество.

Ключевые слова: *взаимодействие, принципы, следователь, орган дознания.*

KOROBKOVA Elena Evgenievna,
Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel, Candidate of Law, Associate Professor

ANTONOV Mikhail Evgenievich,
Teacher of the Department of Internal Affairs of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police lieutenant colonel

KONSTANTINOV Evgeny Evgenievich,
Detective of the department for combating crimes committed using information and telecommunication technologies of the department for combating crimes in priority sectors of the economy of the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kemerovo Region - Kuzbass, senior police lieutenant

GENERAL DESCRIPTION OF THE PRINCIPLES OF INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR AND THE INQUIRY BODY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The law enforcement function, the content of which is the prevention, disclosure and investigation of crimes, is implemented not only by the preliminary investigation bodies, but also by the inquiry bodies. In accordance with Art. 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is, first of all, the police, the federal security service, the military police, the state fire supervision, the federal service for the execution of punishment, as well as the enforcement authorities.*

The unity of purpose of the bodies of preliminary investigation and inquiry in combating crime determines the need for their cooperation, which is expressed in coordination of actions and mutual assistance to solve common problems. The term "interaction," although not enshrined in the criminal procedure law, is actively used in investigative and judicial practice to describe the joint activities of investigators, inquiry bodies, experts, specialists and other persons during the investigation of crimes.

The problem of interaction is complex, since it unites equally significant legal, organizational, tactical and psychological aspects for investigative units and other services of the law enforcement system. Achieving its effectiveness at every stage of the work of solving and investigating crimes requires a clear understanding of the legal basis for such interaction; determination of procedural and organizational forms of interaction; application of relevant forensic recommendations; taking into account the psychological features of situations arising during the investigation.

Thus, this problem is complex both in practical and scientific terms, which is confirmed by the doctrine of criminal proceedings.

A study of investigative and judicial practice shows that the level of interaction between the bodies of preliminary investigation and the bodies of inquiry in the prevention, disclosure and investigation of crimes, as well as the search for criminally prosecuted persons, remains insufficiently high. In this regard, one of the key tasks is to determine the principles of interaction between the bodies of preliminary investigation and the bodies of inquiry, the awareness of which determines its quality.

Key words: *interaction, principles, investigator, inquiry body.*

Взаимодействие следователя и органа дознания как сложный правовой и организационный институт основывается на системе руководящих идей – принципов. Эти принципы определяют его сущностные черты, характер и ключевые направления, обеспечивая соответствие совместной деятельности целям уголовного судопроизводства, сформулированным в статье 6 УПК РФ.

Свои рассуждения о системе принципов взаимодействия мы бы хотели выстроить на основе одного из базовых научных подходов, сформированных К.Б. Гранкиным. Ученый, в частности, называет следующие требования к взаимодействию: двусторонний характер, где действиям одного субъекта соответствуют действия другого; осуществление деятельности в пределах установленной компетенции каждого субъекта; согласованность деятельности [2]. Следуя за ученым, считаем, эти признаки являются обязательными для организации взаимодействия.

При этом, как верно отмечает И.М. Гуткин, согласованность в контексте взаимодействия

всегда предполагает только единство цели, однако согласованность по месту и времени не является безусловным императивом, а носит ситуативный характер, зависящий от конкретных задач (например, поручение о розыске не привязано к месту, а совместный осмотр — должен быть согласован и по месту производства) [3].

Полагаем, что ключевыми признаками взаимодействия выступают: согласованная (скоординированная) деятельность, основанная на законе и направленность на достижение целей уголовного судопроизводства через оптимальное сочетание процессуальных и оперативно-розыскных методов.

Взаимодействие, как любая согласованная деятельность, возникает при определенных условиях. Проанализировав, мы сформировали их в более общие группы:

императивные (обязательные) условия: к ним, прежде всего, относятся безусловное соблюдение законности и разграничение компетенции следователя и оперативного работника, основанное на требованиях закона и специфике их задач;

организационно-тактические условия: эта группа включает комплексное использование доступных сил и средств, признание организующей роли и процессуальной самостоятельности следователя на ключевых этапах, а также тактическую самостоятельность оперативного работника при проведении оперативно-разыскных мероприятий;

социально-психологические условия: Эффективность взаимодействия также основывается на поддержании атмосферы сотрудничества и строгом соблюдении конфиденциальности в отношении следственных и оперативных данных.

Подобный, системный подход, в частности нашел отражение в работах А.А. Чувилева [4] и А.П. Дербенева.

Анализ отдельных ведомственных нормативно-правовых актов и доктринальных подходов в этом вопросе, позволяет нам выделить основные принципы взаимодействия:

Соблюдение законности и конституционных прав человека и гражданина;

Комплексное использование сил и средств органов внутренних дел;

Согласованность планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и обеспечение своевременного, качественного и эффективного проведения;

Непрерывность совместной оперативно-служебной деятельности на всех стадиях уголовного судопроизводства;

Самостоятельность органа предварительного расследования в принятии решений, предусмотренных УПК РФ;

Независимость сотрудников оперативных подразделений, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность

Рассмотрим некоторые принципы взаимодействия следователя и органа дознания более детально.

Принцип соблюдения законности, конституционных прав и свобод граждан – универсальный общеправовой принцип [5]. Закрепленный в Конституции РФ принцип законности, включающий неукоснительное уважение прав и свобод граждан, выступает высшим руководящим началом для всей системы государственных органов. Сущность данного принципа заключается в повсеместном и неуклонном исполнении предписаний закона всеми без исключения субъектами. Общеобязательность этого требования установлена частью 2 статьи 15 Конституции РФ, которая гласит: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

Как справедливо указывает А.П. Кузнецов, «сущность этого принципа состоит в том, что при взаимодействии стороны обязаны проявлять активность и инициативу в выявлении, предупреждении и пресечении преступлений, изобличении виновных и их наказания, при неукоснительном соблюдении требований законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, государственных и общественных интересов» [6]. Таким образом, содержание принципа законности в контексте взаимодействия заключается в поддержании диалектического баланса: между динамичной, инициативной деятельностью по раскрытию преступлений и безусловным приоритетом прав личности, между необходимостью достижения социальной справедливости и скрупулезным соблюдением всех нормативных предписаний. Это обязывает участников строго действовать в рамках своей компетенции, реализуя лишь те задачи, которые прямо предписаны законом или логически из него вытекают.

Комплексное использование сил и средств органов внутренних дел. Функция согласованных действий, направленных на достижение общих интересов, составляет основу комплексности взаимодействия. Её сущность в правоохранительной сфере проявляется в системной разработке, обсуждении и исполнении взаимосвязанных мероприятий различными субъектами. Именно принцип комплексности обеспечивает стабильность и целостность совместной деятельности, создавая условия для оптимального распределения ресурсов и достижения стратегического единства целей и замыслов.

Самостоятельность органов предварительного расследования в принятии уголовно-

процессуальных решений. Данное условие взаимодействия является прямым следствием процессуального статуса следователя и особенностей его отношений с органами дознания. Ведя предварительное следствие, следователь самостоятельно принимает все ключевые решения, за исключением прямо установленных законом изъятий: необходимости получения санкции прокурора (для дознавателя) или решения суда, а также случаев руководства следственной группой, где процессуально руководящие полномочия принадлежат ее руководителю.

Именно из этой самостоятельности вытекает организующая роль следователя: он руководит действиями на месте происшествия и единолично определяет целесообразность, момент и объем привлечения органа дознания — будь то выполнение конкретного поручения или содействие в производстве следственных действий [7].

Независимость сотрудников оперативных подразделений в выборе средств и методов оперативно-розыскной деятельности в рамках действующего законодательства. Отсутствие административного соподчинения между следователем и органами дознания, а также принципиальное различие между процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью предопределяют ключевое условие их взаимодействия. Таким условием выступает четкое разграничение их полномочий, которое рассматривается в доктрине как основа не только законности, но и практической эффективности совместной работы.

В рамках этого разграничения органы дознания, исполняя поручения следователя, реализуют исключительную компетенцию по проведению оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Эти действия осуществляются в особом, не процессуальном порядке и относятся к ведению специально уполномоченных органов. В результате, следователь не вправе вмешиваться в тактику и методы ОРД. Его непосредственное участие в таких мероприятиях ведет к недопустимому смешению различных по своей правовой природе и гарантиям методов работы.

Как обоснованно предупреждает В.В. Найденов, оперативно-розыскная деятельность, даже будучи законной, «протекает в не процессуальных рамках и не содержит столь надежных гарантий установления истины». Информация, добытая оперативным путем, изначально носит ориентирующий, проверочный характер. Ученый справедливо указывает, что «слепая вера в полученные оперативно-розыскным путем сведения, непринятие всего, что им противоречит, приводят следователей ко многим грубым ошибкам» [8].

В то же время, при условии соблюдения указанных границ, оперативно-розыскные меры представляют для следствия неоценимый тактический ресурс, а при соблюдении уголовно-процессуальной формы могут создать сведения, пригодные для использования в доказывании. Они позволяют получить важные данные о причастных лицах или местонахождении доказательств, что способствует более оперативному, целенаправленному и экономичному расследованию. Таким образом, эффективность взаимодействия основывается на одновременном сочетании строгого разграничения функций и умелого, профессионального использования специфического потенциала каждой из сторон.

Непрерывность совместной оперативно-служебной деятельности на всех стадиях уголовного судопроизводства. Сущность заключается в обеспечении постоянного, последовательного и управляемого характера сотрудничества на всех без исключения стадиях уголовного судопроизводства — от момента поступления сообщения о преступлении и до полного завершения предварительного расследования.

Содержание принципа раскрывается в трех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, это временной (хронологический) аспект. Взаимодействие должно начинаться на самой ранней стадии — при проверке заявления о преступлении, когда оперативные возможности дознания критически важны для фиксации следов. Оно продолжается в ходе всего предварительного следствия, не прерываясь на этапах приостановления дела (например, для организации розыска обвиняемого) и возобновляется при появлении новых данных. Во-вторых, функциональный аспект предполагает, что совместное планирование, обмен информацией и согласование усилий носят не эпизодический, а системный характер. Это исключает опасные «провалы» в коммуникации, когда утрачивается возможность для своевременного закрепления доказательств. В-третьих, организационный аспект требует создания устойчивых механизмов (порядок передачи информации, работа следственно-оперативных групп), обеспечивающих постоянную готовность к совместным действиям [9].

Значение данного принципа для эффективности расследования невозможно переоценить. Он выступает ключевым условием для сохранения быстротечной доказательственной информации и реализации оперативных возможностей. В контексте противодействия организованной и серийной преступности, где расследование представляет собой длительную стратегическую операцию, любое нарушение непрерывности взаимодействия дает преступникам критическое преимущество для уничтожения улик и противодействия следствию. Наконец, соблюдение этого принципа напрямую коррелирует с выполнением

одного из назначений уголовного судопроизводства — обеспечения разумных сроков, что отвечает интересам потерпевших и общества в целом.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что взаимодействие следователя и органа дознания регулируется не набором разрозненных правил, а целостной системой взаимосвязанных принципов. Эти принципы, имея общую правовую основу в Конституции РФ, УПК РФ и, преимущественно, в ведомственных нормативных актах, выполняют три ключевые функции:

Задают базовые правила взаимодействия, прежде всего через обязательные требования о законности и разграничения компетенций. Они обеспечивают, что совместная деятельность протекает строго в правовом поле, защищая права личности и исключая смешение процессуальных и оперативно-розыскных методов.

Определяют организационно-тактический механизм сотрудничества. Принципы самостоятельности и независимости участников, комплексного использования сил и средств и согласованности планирования формируют модель, в которой следователь организует процесс доказывания, а орган дознания тактически самостоятельно реализует оперативный потенциал для достижения единой цели.

Обеспечивают стабильность и эффективность процесса расследования во времени. Принцип непрерывности трансформирует взаимодействие из эпизодических контактов в постоянную, управляемую совместную деятельность на всех стадиях производства по делу, что критически важно для противодействия современным формам преступности.

Список литературы:

[1] Клименко И.И. О некоторых проблемах взаимодействия следователей и органа дознания // Адвокатская практика. 2007. № 1. С. 21; Сафронов Д.О. Актуальные проблемы взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений // Вестник науки. 2021. № 6-1 (39). С. 108; Плеснева Л.П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4. С. 119-124; Хачатурян Д.А. Взаимодействие правоохранительных органов при выявлении и расследовании преступлений, связанных с организацией и содержанием наркопритонов // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 1. С. 143-148 и др.

[2] Гранкин К.Б. Взаимодействие следователя органа внутренних дел с милицией при возбуждении и предварительном расследовании дел о преступлениях несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 11.

[3] Гуткин И.М. Взаимодействие органов милиции с общественностью при производстве дознания : пособие для практических работников. М., 1963.С. 20-27.

[4] Чувилев А.А. Взаимодействие следователя органа внутренних дел с милицией. М.: МВШМ МВД, 1991. С.10.; Дербенев А.П. Взаимодействие следователя и органа дознания при расследовании преступлений. М., 1983. С. 6.

[5] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под общей ред. В.П. Божьева М., 2007. С. 67.

[6] Кузнецов А.П. Принципы взаимодействия: система и конкретизированная характеристика // Следователь. 1996. № 3. С. 32.

[7] Скворцова С.А., Угольникова Н.В., Шуренкова С.С. Уголовный процесс : учебное пособие. М., 2010. С. 165.

[8] Найденов В.В. Советский следователь. М., 1980. С. 99.

[9] Коротков А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. М., 2009.С. 76.

References:

[1] Klimenko I.I. On some problems of interaction between investigators and the body of inquiry // Legal practice. 2007. № 1. S. 21; Safronov D.O. Actual problems of interaction between the investigator and the inquiry bodies in the investigation of crimes // Bulletin of Science. 2021. № 6-1 (39). S. 108; Plesneva L.P. Forms of interaction between the investigator and the inquiry bodies // Siberian Legal Bulletin. 2015. № 4. S. 119-124; Khachaturian D.A. Interaction of law enforcement agencies in the identification and investigation of crimes related to the organization and maintenance of drug houses // Legal policy and legal life. 2017. № 1. S. 143-148, etc.

[2] Grankin K.B. Interaction of the investigator of the internal affairs body with the police during the initiation and preliminary investigation of cases of juvenile crimes: author's review. dis.... cand. jurid. sciences. M., 1983. S. 11.

[3] Gutkin I.M. Interaction of the police with the public during the inquiry: a manual for practical workers. M., 1963.S. 20-27.

[4] Chuvilev A.A. Interaction of the investigator of the internal affairs body with the police. M.: MVSHM MVD, 1991. S.10.; Derbenev A.P. Interaction of the investigator and the body of inquiry in the investigation of crimes. M., 1983. S. 6.

[5] Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation/Under the general ed. V.P. Bozhieva M., 2007. S. 67.

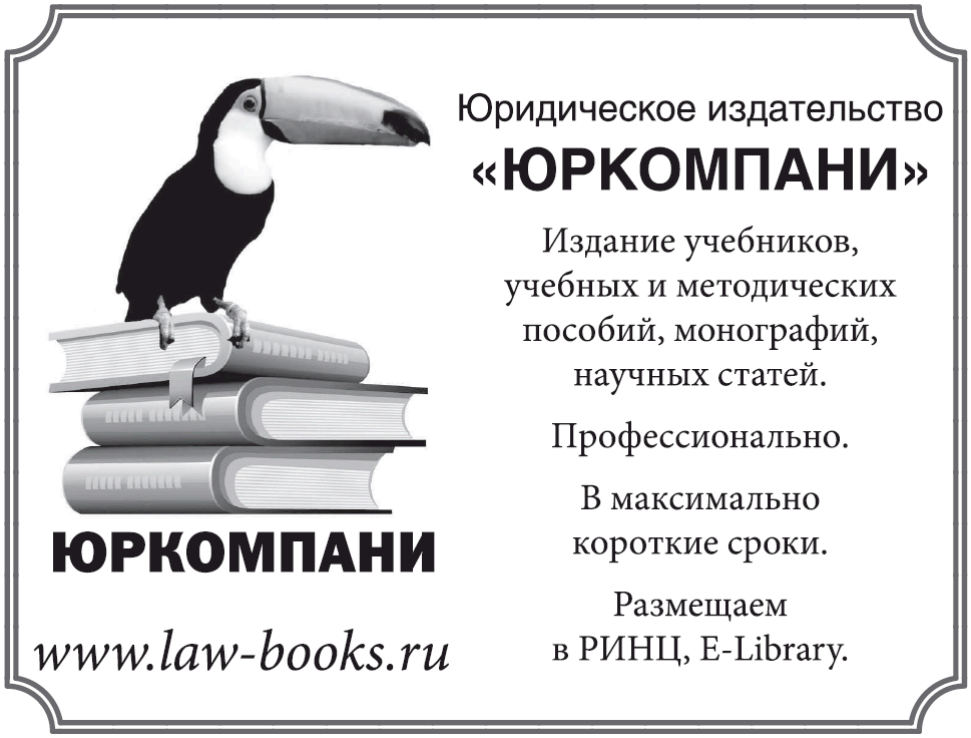
[6] Kuznetsov A.P. Principles of interaction:

system and specific characteristics // Investigator. 1996. № 3. S. 32.

[7] Skvortsova S.A., Ugolnikova N.V., Shurenkova S.S. Criminal procedure: textbook. M., 2010. S. 165.

[8] Naydenov V.V. Soviet investigator. M., 1980. S. 99.

[9] Korotkov A.P., Timofeev A.V. 900 answers to the questions of prosecutors and investigators on the application of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Comment. M., 2009.S. 76.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-97-101

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России,
e-mail: krim33@mail.ru

МОРОЗОВ Роман Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых наук, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России,
e-mail: morozur@mail.ru

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России,
e-mail: sergvladimirof@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются сущность, нормативная основа и основные направления цифровой трансформации учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Анализируются ключевые проекты и инициативы ФСИН России – от внедрения электронных средств надзора и видеоконференцсвязи до создания единой ведомственной информационной системы и использования технологий искусственного интеллекта. Исследуются возможности применения цифровых технологий в исправительном процессе: дистанционное образование, телемедицина, электронный документооборот. Приводятся примеры практического внедрения цифровых решений в деятельность пенитенциарных учреждений. Особое внимание уделяется проблемам финансирования, обеспечения информационной безопасности и кадрового сопровождения цифровизации. Формулируются выводы о перспективах формирования «умных» исправительных учреждений и направлениях дальнейшего совершенствования правового регулирования.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровая трансформация; уголовно-исполнительная система; ФСИН России; единая информационная система; электронный надзор; искусственный интеллект; информационная безопасность; ресоциализация; «умная тюрьма».*

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

MOROZOV Roman Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor Associate Professor of the Department of Criminal Law Sciences at the North-Western Institute (Branch) of the Kutafin University (MSAL)

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE MAIN DIRECTIONS OF DIGITALIZATION OF INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE, PROBLEMS, AND PROSPECTS

Annotation. *The article examines the essence, regulatory framework, and main directions of the digital transformation of institutions within the penal system of the Russian Federation. Key projects and initiatives of the Federal Penitentiary Service of Russia are analysed — from the introduction of electronic surveillance tools and video conferencing to the creation of a unified departmental information system and the use of artificial intelligence technologies. The possibilities of applying digital technologies in the correctional process are explored: distance education, telemedicine, and electronic document management. Examples of the practical implementation of digital solutions in the activities of penitentiary institutions are provided. Special attention is paid to the problems of financing, ensuring information security, and staffing digitalization efforts. Conclusions are formulated regarding the prospects for the development of "smart" correctional facilities and the directions for further improvement of legal regulation.*

Key words: *digitalization; digital transformation; penal enforcement system; Federal Penitentiary Service of Russia; unified information system; electronic surveillance; artificial intelligence; information security; resocialization; "smart prison".*

Цифровая трансформация государственного управления стала одним из стратегических приоритетов развития Российской Федерации. Не исключением является и уголовно-исполнительная система Российской Федерации (далее – УИС), выступающая неотъемлемым элементом правоохранительной системы государства. Цифровизация учреждений и органов УИС, затрагивает не только организационно-управленческую сферу, но и вопросы организации режима и обеспечения безопасности, соблюдения прав осужденных, а также повышение эффективности деятельности по их исправлению и ресоциализации.

Правовую основу цифровизации составляют положения Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», предусматривающие создание условий для цифровой трансформации органов государственной власти, а также мероприятия национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1].

Основным документом, определяющим вектор развития УИС, выступает «Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р [2]. Одной из задач, обозначенных в Концепции, является цифровая трансформация ведомства, предполагающая переход к сквозной автоматизации основных процессов деятельности ФСИН России. Такой подход обеспечивает целостность информационного пространства ведомства, исключает дублирование данных и создает условия для принятия оперативных управленческих решений. В развитие указанных документов ФСИН России утверждена ведомственная программа цифровой трансформации, среди целевых показателей которой – повышение уровня контроля за безопасностью в исправительных учреждениях за счет применения человеконезависимых средств мониторинга, внедрение систем видеонаблюдения и технических средств охраны нового поколения, автоматизация учетно-регистрационных и кадровых процессов [3]. Цифровую трансформацию в УИС рассматривают в тесной связи с клиентоцентричным подходом, ориентированным на повышение качества исполнения государственных функций в интересах граждан, общества и государства. Это предполагает не механическое внедрение технологий, а перестройку самой логики ведомственных процессов с учетом потребностей всех категорий пользователей – осужденных, их родственников, адвокатов, сотрудников учреждений, институтов гражданского общества [4].

Практическая реализация цифровой трансформации в пенитенциарной сфере осуществляется по нескольким взаимосвязанным направлениям. Прежде всего, речь идет о развитии электронных средств надзора и контроля. Электронные браслеты и стационарные контрольные устройства, объединенные в систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПЛ), активно применяются в отношении лиц, к которым применена мера пресечения в виде домашнего ареста, а также осужденных к принудительным работам и ограничению свободы [5]. Показательно, что электронный мониторинг в России начал применяться в 2009 году, а в 2011 году была разработана отечественная система СЭМПЛ, позволившая использовать электронные браслеты не только для лиц под домашним арестом, но и для осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы [6]. Примечателен и практический пример, демонстрирующий социальный и производственный эффект внедрения подобных технологий: часть работы по созданию СЭМПЛ выполняют сами осужденные, содержащиеся в исправительной колонии

№ 10 ГУФСИН России по Самарской области – они заняты пошивом чехлов и сборкой элементарных электронных деталей, тогда как сложные схемы устройств собирают в Самарском филиале ФГУП «ЦИТОС ФСИН России» [7]. Это не только обеспечивает учреждение производственной занятостью, но и способствует трудовой адаптации осужденных. Как отмечается в отчетных материалах ведомства, электронные браслеты за один лишь 2019 год помогли выявить более четырех тысяч нарушений, допущенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными [8], что подтверждает высокую контрольную ценность таких технических средств.

Однако практика выявляет и проблемные стороны применения электронного надзора. Так, в открытых источниках фиксировались случаи признания электронных браслетов, поставлявшихся в рамках СЭМПЛ, непригодными для целей мониторинга по результатам проведенных экспертиз [9]. Обнародованные материалы о недобросовестных закупках специального оборудования, а также технические ограничения первых поколений браслетов показывают, что эффективность электронного надзора напрямую зависит от качества аппаратной базы, контроля за закупками и соблюдения стандартов производства. В этой связи закономерным выглядит решение руководства ФСИН России, озвученное в июле 2024 года, о необходимости «качественного скачка» в оборудовании СЭМПЛ и модернизации системы, разработанной более двенадцати лет назад, с учетом достижений российской электроники [10]. Совершенствование рассматриваемых технических средств, включая интеграцию с системами спутниковой навигации, расширяет возможности дистанционного контроля за соблюдением запретов и ограничений, снижает нагрузку на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, повышает оперативность реагирования на нарушения. Применение электронного надзора выступает действенной альтернативой изоляции от общества, что согласуется с принципом гуманизации уголовной политики.

Вторым значимым направлением является создание единой информационной системы ФСИН России. Формирование ведомственной информационной системы, объединяющей учет осужденных и лиц, содержащихся под стражей, кадровый, финансовый, тыловой и оперативно-служебный контуры, рассматривается в качестве ключевой задачи цифровой трансформации. Так, в 2024 году ФСИН России инициировала создание ИТ-системы учета заключенных [11, 4]. Единая система призвана обеспечить прозрачность деятельности учреждений, минимизировать коррупционные риски, исключить ошибки ручного ввода и повысить эффективность управленческих решений за счет оперативного доступа к достоверным данным. В качестве практической иллюстрации полезности централизованного учета можно привести ситуацию, когда ранее разрозненные региональные базы данных не позволяли оперативно отслеживать перемещение лица между учреждениями разных регионов, что создавало риски для контроля и безопасности; формирование единого цифрового контура призвано устранить подобные пробелы. Перспективным представляется интеграция ведомственной системы с иными государственными информационными системами в рамках межведомственного электронного взаимодействия.

Третье направление – внедрение видеоконференцсвязи и цифровых сервисов. Технологии видеоконференцсвязи применяются для проведения судебных заседаний с участием подсудимых, содержащихся под стражей, что сокращает сроки рассмотрения уголовных дел, снижает риски при этапировании и конвоировании, экономит бюджетные средства. Из практики известно, что организация видеоконференцсвязи между следственным изолятором и судом позволяет разрешить вопрос об избрании меры пресечения без доставления обвиняемого, что особенно важно при значительной территориальной удаленности судов. В 2025 году на портале «Госуслуги» запущен сервис, позволяющий адвокатам записываться на посещение следственных изоляторов, что существенно упрощает взаимодействие профессиональных участников уголовного судопроизводства с администрацией учреждений и сокращает административные барьеры [12]. Как показывает практика, внедрение подобных сервисов сокращает время ожидания свиданий и дисциплинирует работу приемных подразделений.

Четвертое направление связано с применением технологий искусственного интеллекта и биометрии. В 2024 году в ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по г. Москве началось использование систем на основе искусственного интеллекта для предотвращения суицидов среди подследственных: аналитические алгоритмы распознают опасные поведенческие паттерны и своевременно сигнализируют персоналу о необходимости вмешательства [13]. Внедрение биометрических систем идентификации повышает надежность контроля доступа, учета передвижения осужденных и исключает возможность подмены личности. Зарубежный опыт «умных тюрем» (smart prisons), в частности внедрение комплексных систем видеоаналитики в пенитенциарных учреждениях ряда стран, демонстрирует, что комплексное применение таких технологий способно качественно изменить условия содержания, уровень безопасности и эффективность исправительного воздействия.

Пятое направление – автоматизация делопроизводства и электронный документооборот. Перевод учетной и отчетной документации в электронную форму сокращает временные затраты сотрудников, минимизирует ошибки, обеспечивает сохранность и преемственность информации. Электронный документооборот создает условия для объективного контроля за сроками и качеством рассмотрения обращений граждан, жалоб осужденных, материалов оперативного учета, что непосредственно связано с соблюдением законности в деятельности учреждений. Из практики известно, что автоматизированное ведение электронных личных дел осужденных позволяет сотрудникам отдела специального учета оперативно получать сведения по запросу судов и иных органов, сокращая сроки подготовки документов с нескольких дней до нескольких часов.

Несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровизации пенитенциарных учреждений сталкивается с рядом существенных проблем, требующих системного решения. Прежде всего, это потребность в дополнительном финансовом обеспечении. Масштабные проекты требуют значительных бюджетных ассигнований. Так, проект цифровизации учреждений ФСИН, оценивавшийся в 22,5 млрд рублей, в 2022 году был фактически заморожен из-за отсутствия финансирования; ранее Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ отказало ведомству в выделении 25 млрд рублей на аналогичные цели [4]. Ограниченность бюджетных ресурсов, безусловно, замедляет необходимые темпы обновления технической инфраструктуры, однако данный вопрос носит лишь временный характер.

Следующим направлением, требующим повышенного внимания, в аспекте рассматриваемой проблематики, является обеспечение информационной безопасности. Исправительные учреждения относятся к объектам с повышенными требованиями к защите информации. Обработка персональных данных осужденных, сотрудников и иных граждан требует создания многоуровневых систем защиты, способных противостоять как внешним кибератакам, так и внутренним угрозам. Технологические санкционные ограничения, затрудняющие доступ к зарубежному программному обеспечению и оборудованию, дополнительно осложняют решение этой задачи, актуализируя развитие отечественных программных продуктов и импортозамещение. И конечно же, особого внимания требует защита информации ограниченного доступа, используемой в оперативно-розыскной деятельности.

Кроме того, успешное решение задач по цифровизации требует постоянного совершенствования механизмов подготовки квалифицированных специалистов в данной области, в том числе в рамках повышения квалификации и получения дополнительного профессионального образования. Безусловно, целый ряд программ успешно реализуется непосредственно в образовательных организациях ФСИН России. Вместе с тем, полагаем, что для оперативного решения вышеобозначенных задач, необходима проработка дополнительных мер по расширению межведомственного взаимодействия между научными и образовательными организациями в области повышения уровня цифровой грамотности большего числа работников УИС.

Также требует внимание и дальнейшее совершенствование правового регулирования отдельных вопросов применения цифровых технологий в пенитенциарной сфере. В частности: вопросы правового статуса данных, полученных с помощью электронных средств надзора, допустимости использования результатов автоматизированной обработки информации в дисциплинарном производстве, пределов применения биометрических технологий в условиях изоляции. Полагаем, что целью совершенствования нормативной правовой базы должно стать обеспечение баланса между потребностями безопасности и гарантиями прав человека.

Таким образом, цифровизация учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации представляет собой сложный, многоаспектный процесс. Ее реализация, конечно же, позволяет повысить эффективность исполнения наказаний, обеспечить прозрачность деятельности учреждений, создать предпосылки для гуманизации условий содержания и успешной ресоциализации осужденных. Также перспективным представляется дальнейшее расширение применения технологий искусственного интеллекта и биометрической идентификации, развитие дистанционных образовательных и телемедицинских сервисов. Принципиально важным остается соблюдение баланса между внедрением технологий и гарантиями прав человека, что должно находить отражение в совершенствовании нормативной правовой базы и правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

[2] Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р.

[3] Ведомственная программа цифровой трансформации ФСИН России // Электронный

фонд правовых и нормативно-технических документов: [электронный ресурс].

[4] Государственная информационная система ФСИН России // Tadviser: [электронный ресурс]. – URL: https://www.tadviser.ru.

[5] Система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) // Tadviser: [электронный ресурс]. – URL: https://www.tadviser.ru.

[6] Современные проблемы, связанные с электронным мониторингом подконтрольных лиц // КиберЛенинка: [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-svyazannye-s-elektronnym-monitoringom-podkontrolnyh-lits.

[7] Применение системы электронного мониторинга подконтрольных лиц: сравнительно-правовое исследование // КиберЛенинка: [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sistemy-elektronnogo-monitoringa-podkontrolnyh-lits-sravnitelno-pravovoe-issledovanie.

[8] Во ФСИН оценили эффективность электронных браслетов // РИА Новости: [электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20191121/1561419519.html.

[9] Эксперты признали электронные браслеты ФСИН непригодными // Известия: [электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/548664.

[10] ФСИН улучшит электронные браслеты, чтобы чаще сажать под домашний арест вместо СИЗО // CNews: [электронный ресурс]. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-07-31_fsin_uluchshaet_elektronnye.

[11] Упоров А. Г. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы: современные тенденции и перспективы // Право: история и современность. 2025. Т. 9, № 3. С. 411–417.

[12] Запись адвокатов на посещение СИЗО через «Госуслуги» // Официальный интернет-портал «Госуслуги»: [электронный ресурс]. – URL: https://www.gosuslugi.ru.

[13] В СИЗО «Бутырка» внедряют системы искусственного интеллекта // Tadviser: [электронный ресурс]. – URL: https://www.tadviser.ru.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024.".

[2] The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030: approved. by order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 No. 1138-r.

[3] Departmental program of digital transformation of the Federal Penitentiary Service of Russia // Electronic fund of legal and regulatory documents: [electronic resource].

[4] State Information System of the Federal Penitentiary Service of Russia // Tadviser: [electronic resource]. – URL: https://www.tadviser.ru.

[5] Electronic Monitoring of Controlled Persons (SAMPL) // Tadviser: [electronic resource]. – URL: https://www.tadviser.ru.

[6] Modern problems associated with electronic monitoring of controlled persons // CyberLeninka: [electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-svyazannye-s-elektronnym-monitoringom-podkontrolnyh-lits.

[7] The use of an electronic monitoring system for controlled persons: comparative legal research // CyberLeninka: [electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sistemy-elektronnogo-monitoringa-podkontrolnyh-lits-sravnitelno-pravovoe-issledovanie.

[8] The FSIN assessed the effectiveness of electronic bracelets // RIA Novosti: [electronic resource]. – URL: https://ria.ru/20191121/1561419519.html.

[9] Experts recognized the FSIN electronic bracelets as unsuitable // Izvestia: [electronic resource]. – URL: https://iz.ru/news/548664.

[10] FSIN will improve electronic bracelets to more often put under house arrest instead of SIZO // CNews: [electronic resource]. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-07-31_fsin_uluchshaet_elektronnye.

[11] Uporov A. G. Digital transformation of the penal system: modern trends and prospects // Law: history and modernity. 2025. T. 9, NO. 3. S. 411-417.

[12] Registration of lawyers to visit the pre-trial detention center through "Gosuslugi" // Official Internet portal" Gosuslugi": [electronic resource]. – URL: https://www.gosuslugi.ru.

[13] Artificial intelligence systems are being introduced in the Butyrka pre-trial detention center // Tadviser: [electronic resource]. – URL: https://www.tadviser.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-102-110

ВАРЕНИЦА Кирилл Алексеевич,
студент 1 курса направления «юриспруденция» (40.04.01)
образовательной программы «Российская уголовная юстиция»
юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета, г. Томск,
e-mail: kirill.varenitsa@mail.ru

ДЕМАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТА ХИЩЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В ОТНОШЕНИИ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

Аннотация. *В статье исследуется изменение уголовно-правового понимания имущества как предмета хищения после прямого признания цифровой валюты имуществом в 2026 г. Цель работы состоит в установлении того, как законодательные новеллы и новая редакция разъяснений Верховного Суда РФ влияют на признаки предмета хищения и квалификацию посягательств на цифровую валюту. Эмпирическую основу составили судебные акты 2021–2026 гг., в которых цифровая валюта непосредственно выступала предметом хищения либо оценивались принадлежность криптокошелька, стоимость цифровых активов и способ завладения ими; дополнительно учтена практика Верховного Суда РФ по легализации имущества, полученного в цифровой валюте. Установлено, что физический признак перестал быть обязательным для предмета хищения, однако цифровая форма актива порождает самостоятельные вопросы квалификации. Выявлено нормативное неравенство: цифровая валюта прямо отнесена к предмету хищения, но специальный признак кражи по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ Верховный Суд связывает только с безналичными и электронными денежными средствами. Показано также, что новое разъяснение о роли обмана при обеспечении доступа к имуществу способно изменить оценку отдельных схем фишинга криптокошельков. Обосновывается функциональный критерий изъятия цифровой валюты через утрату потерпевшим и приобретение виновным реальной возможности распоряжаться активом. Предложены подходы к установлению принадлежности цифровой валюты и ее стоимости.*

Ключевые слова: *предмет хищения, имущество, цифровая валюта, криптовалюта, дематериализация имущества, цифровые активы, судебная практика, кража, мошенничество, уголовное право.*

VARENITSA Kirill Alekseevich,
1st year law student (40.04.01) of the educational program "Russian Criminal Justice" of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, Tomsk

DEMATERIALIZATION OF THE OBJECT OF LARCENY IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: LEGISLATIVE NOVELTIES AND JUDICIAL PRACTICE REGARDING DIGITAL CURRENCY

Annotation. *The article examines the changes in the criminal legal understanding of property as an object of theft following the direct recognition of digital currency as property in 2026. The aim of the work is to establish how legislative innovations and the new version of the explanations provided by the Supreme Court of the Russian Federation affect the characteristics of the object of theft and the classification of offences involving digital currency. The empirical basis consisted of judicial acts from 2021 to 2026, in which digital currency was directly identified as the subject of theft or in which the ownership of a crypto wallet, the value of digital assets, and the method of acquiring them were assessed; additionally, the practice of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the legalization of property obtained in digital currency was taken into account. It was established that the physical characteristic has ceased to be a mandatory feature of the subject of theft, but the digital form of the asset gives rise to separate qualification issues. A normative inequality has been identified: digital currency is explicitly classified as an object of theft, but the Supreme Court associates the special feature of theft under paragraph “g” of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation only with non cash and electronic funds. It is also shown that the new clarification regarding the role of deception in gaining access to property can change the assessment*

of certain schemes involving the phishing of crypto wallets. The functional criterion for the seizure of digital currency is substantiated through the loss of the victim and the acquisition by the perpetrator of a real opportunity to dispose of the asset. Approaches to determining the ownership of digital currency and its value have been proposed.

Key words: *subject of theft, property, digital currency, cryptocurrency, dematerialization of property, digital assets, judicial practice, theft, fraud, criminal law.*

Предмет хищения в российском уголовном праве длительное время объяснялся через вещную модель имущества. В доктрине устойчиво использовалась триада физического, экономического и юридического признаков: имущество должно было иметь материальное выражение, обладать стоимостью и быть чужим для виновного. Такой подход соответствовал классическим формам собственности, однако перестал охватывать значительную часть современного имущественного оборота после распространения безналичных расчетов, цифровых прав и иных объектов, существующих в форме записей и электронных данных [9; 10].

Переход от вещи к более широкой категории имущественной ценности происходил постепенно. Признание безналичных денежных средств предметом хищения показало, что физическое изъятие не является необходимым условием причинения имущественного ущерба. В дальнейшем вопрос возник в отношении бездокументарных ценных бумаг, цифровых прав и цифровой валюты. До 2026 г. последняя категория оставалась особенно дискуссионной: суды признавали криптовалюту предметом хищения, но обосновывали это через совокупность норм гражданского, налогового и специального законодательства, а единое прямое предписание уголовного закона отсутствовало [12; 15].

Ситуация изменилась в 2026 г. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 38) дополнил примечание к ст. 104.1 УК РФ положением о признании цифровой валюты имуществом для целей этой и других статей Кодекса [4]. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.06.2026 № 19 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС № 19) цифровая валюта прямо включена в предмет кражи, грабежа, разбоя и иного хищения [6]. С 1 сентября 2026 г. действует Федеральный закон от 04.08.2026 N 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» (далее – ФЗ № 282), в котором цифровая валюта определяется как имущество, представленное совокупностью электронных данных [5].

Степень научной разработанности проблемы остается высокой, но предмет дискуссии меняется. А. В. Архипов, В. В. Хилюта, А. В. Шеслер и К. В. Ображиев исследовали пределы вещного понимания имущества и возможность уголовно-правовой охраны цифровых объектов [17–20]. В 2026 г. Е. М. Попова рассмотрела цифровые права как предмет хищения, а В. С. Мельник — цифровую валюту как предмет и средство совершения преступлений на материалах практики 2024–2025 гг. [22, с. 210; 23, с. 10]. М. А. Филатова и К. С. Шаповал систематизировали юридические аргументы, которыми суды до прямого законодательного закрепления обосновывали признание криптовалюты чужим имуществом [24]. Новое законодательство и обновленные разъяснения Пленума ВС РФ позволяют поставить следующий вопрос: какие проблемы сохраняются уже после нормативного признания цифровой валюты предметом хищения.

Цель статьи – определить влияние законодательных новелл 2026 г. и судебной практики на содержание признаков предмета хищения и квалификацию посягательств на цифровую валюту. Для достижения цели решаются задачи: проследить изменение вещной модели имущества; сопоставить новые нормы УК РФ, УПК РФ и специального законодательства; проанализировать судебные решения, в которых цифровая валюта являлась предметом хищения; выявить проблемы разграничения кражи и мошенничества, определения момента окончания преступления, стоимости и принадлежности цифровой валюты; сформулировать предложения для правоприменения.

Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Эмпирическую основу составили семь судебных актов 2021–2026 гг., отобранных по наличию в них самостоятельного вопроса о цифровой валюте как предмете хищения, ее принадлежности, стоимости либо способе завладения [17–23]. Дополнительно использовано кассационное определение Верховного Суда РФ по вопросу легализации биткоинов, полученных преступным путем [16]. Выборка не претендует на статистическую репрезентативность; ее задача – выявить типовые квалификационные и доказательственные проблемы и проследить изменение аргументации судов.

Дематериализация предмета хищения: от вещи к имущественному контролю

Дематериализация предмета хищения не

означает исчезновения его имущественной природы. Речь идет об отказе от требования, согласно которому охраняемое благо обязательно должно существовать как физически обособленная вещь. Ценность цифрового актива может быть зафиксирована записью в информационной системе, а противоправное завладение – выражаться не в перемещении материального объекта, а в изменении возможности распоряжения им.

Именно безналичные денежные средства стали наиболее наглядным примером такого изменения. Их невозможно изъять из владения так же, как наличные деньги, однако изменение записи по счету способно окончательно лишить владельца соответствующей имущественной возможности. Уголовное право приспособило конструкцию хищения к этому объекту, что поставило под сомнение универсальность физического признака. В литературе этот процесс обоснованно описывается как дематериализация предмета хищения [18].

Цифровая валюта усиливает эту тенденцию. Она не удостоверяет требование к конкретному обязанному лицу и не предполагает обязательного материального носителя. Ее принадлежность и оборот реализуются посредством записей в информационной системе и доступа к адресу-идентификатору. Поэтому для уголовно-правовой оценки существеннее не вещественная форма, а наличие экономической ценности, возможность индивидуализации актива, его чужой характер и возможность установления фактического контроля.

Такой подход не должен превращаться в безграничное расширение понятия имущества. Экономическая привлекательность сама по себе недостаточна: иначе предметом хищения можно было бы признавать любую цифровую информацию, которой участники оборота придают субъективную ценность. Для цифровой валюты значение имеет то, что законодатель прямо закрепил ее имущественный статус, а специальное регулирование предусматривает учет, переход, хранение и обращение этого объекта [4; 5].

Поэтому представляется более точным говорить не о замене вещи «данными», а о смене критерия изъятия. Для материального имущества изъятие обычно выражается в физическом перемещении вещи или утрате владения. Для цифровой валюты функциональным эквивалентом становится изменение контроля: потерпевший утрачивает реальную возможность распоряжаться активом, а виновный или третье лицо такую возможность приобретает. Этот критерий позволяет сохранить связь с традиционной конструкцией хищения, не требуя искусственно приписывать цифровому объекту вещные свойства.

Новая нормативная модель цифровой валюты в 2026 году

Первым ключевым изменением стал ФЗ № 38. Пункт 2 примечаний к ст. 104.1 УК РФ теперь прямо устанавливает: для целей этой и других статей УК РФ цифровая валюта признается имуществом [4]. Формулировка имеет общее значение и не ограничивается институтом конфискации. Следовательно, спор о принципиальной возможности признания цифровой валюты предметом преступлений против собственности разрешен законодателем.

Одновременно была создана специальная процессуальная модель. В УПК РФ закреплены особенности наложения ареста на цифровую валюту, а ст. 164.2 регулирует ее изъятие при производстве следственных действий [2; 4]. Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2026 г. № 808 «Об утверждении Правил хранения, перевода и учета цифровой валюты при осуществлении уголовного судопроизводства» (далее – Постановление Правительства № 808) установлен порядок хранения, перевода и учета цифровой валюты в уголовном судопроизводстве, включая использование специальных адресов-идентификаторов и взаимодействие уполномоченных субъектов [7]. Это важно и для материального уголовного права: возможность ареста, перевода и учета подтверждает самостоятельную экономическую обособленность цифрового актива.

Вторым этапом стало ППВС № 19. Новый п. 1.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС № 29) прямо относит к предмету кражи, грабежа, разбоя и иного хищения наряду с вещами иное имущество, включая безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровую валюту [6]. Таким образом, вопрос решен не только на уровне общей нормы УК РФ, но и применительно к квалификации конкретных форм хищения.

Однако то же постановление выявляет важную нормативную границу. В п. 25.2 Пленум специально разъяснил, что предметом кражи по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ являются только безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте на банковских счетах либо электронные денежные средства в смысле законодательства о национальной платежной системе [6]. Цифровая валюта в этот перечень не включена. Следовательно, ее цифровая природа сама по себе не дает оснований применять специальный квалифицирующий признак «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств».

Эта конструкция образует нормативную асимметрию. С одной стороны, цифровая валюта безусловно признается предметом хищения; с

другой – для нее отсутствует специальный квалифицирующий признак, аналогичный установленному для безналичных и электронных денежных средств. При краже криптовалюты квалификация должна строиться по общим признакам ст. 158 УК РФ и соответствующим признакам размера, группы, незаконного доступа в помещение и т. п., но не по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ только из-за цифрового способа хранения актива.

Третья значимая новелла Пленума касается разграничения кражи и мошенничества. Если обман или злоупотребление доверием использованы лишь для обеспечения или облегчения доступа к имуществу, а само изъятие совершается тайно, содеянное образует кражу. Для цифровой валюты это разъяснение особенно важно: получение seed-фразы через фишинговую страницу, перехват учетных данных или иное введение пользователя в заблуждение может служить только способом получения доступа, после чего перевод актива осуществляется без волевого распоряжения потерпевшего.

Наконец, ФЗ № 282 сформировал новую специальную нормативную среду. В ст. 2 цифровая валюта определяется как имущество, представленное совокупностью электронных данных в информационной системе [5]. Закон также вводит понятия адреса-идентификатора, ключа доступа, цифрового счета, регулирует организацию обращения и учет цифровых валют. Для уголовного права это дает более точный понятийный аппарат, позволяющий описывать механизм владения и перехода контроля без обращения к условным аналогиям с вещами.

Судебная практика: от функционального признания к прямому нормативному основанию

До реформы 2026 г. суды уже признавали криптовалюту предметом хищения, но аргументация была неоднородной. В кассационном определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. № 77-1255/2021 суд признал правильным вывод нижестоящих инстанций о том, что находившаяся у потерпевшего цифровая валюта может выступать предметом разбоя. В обоснование были использованы нормы законодательства о банкротстве и исполнительном производстве, налоговые разъяснения и регулирование цифровой валюты [9]. Это один из ранних примеров, когда имущественная природа криптовалюты выводилась не из одной прямой нормы, а из системного толкования разных отраслей.

Характерный пример разграничения способов хищения содержится в приговоре Новгородского районного суда от 17 ноября 2024 г. по делу № 1-947/2024. По фабуле потерпевшему была направлена ссылка; после совершения действий на соответствующем ресурсе сведения, позволявшие получить доступ к криптокошельку, оказались у виновных, а цифровая валюта ETH была переведена на подконтрольный адрес. Суд квалифицировал завладение как мошенничество [10]. После появления в 2026 г. нового абзаца п. 2 ППВС № 29 подобная фабула требует более детального ответа на вопрос: распоряжался ли потерпевший активом под влиянием обмана либо обман лишь обеспечил скрытый доступ, после чего перевод был произведен без его воли.

В апелляционном определении Московского городского суда от 3 июля 2025 г. № 10-9241/2025 предметом разбирательства было мошенничество с цифровой валютой USDT в особо крупном размере. Защита ставила вопросы о доказанности принадлежности активов и размере ущерба [11]. Значение этого дела состоит в том, что цифровая транзакция сама по себе не решает вопрос о потерпевшем: для связи адреса с конкретным лицом суд оценивает совокупность показаний, сведений о сделке, переписки, данных сервисов и движения активов.

Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 января 2026 г. № 7У-8862/2025 также предшествовало вступлению в силу ФЗ № 38. Осужденные оспаривали приговор за разбой, в ходе которого была похищена криптовалюта, указывая в том числе на недоказанность ее принадлежности потерпевшему и размера ущерба. Кассационный суд оставил судебные решения без изменения [12]. Практика тем самым подтверждала возможность признания криптовалюты предметом насильственного хищения еще до прямого указания в УК РФ.

В деле, рассмотренном Вторым апелляционным судом общей юрисдикции 12 марта 2026 г. № 55-77/2026, противоправное завладение USDT было связано с похищением потерпевшего, получением доступа к криптокошелькам и последующими переводами; часть цифровых активов затем конвертировалась и использовалась в операциях, квалифицированных в том числе как легализация [13]. Этот пример особенно ясно показывает значение категории контроля: предмет преступления не перемещается физически, но доступ к ключам и совершение транзакций приводят к реальной утрате потерпевшим имущественной возможности.

После вступления в силу ФЗ № 38 вопрос о правовой природе цифровой валюты продолжал возникать в жалобах. В апелляционном определении Московского городского суда от 19 мая 2026 г. № 10-8287/2026 защита утверждала, что токены USDT, ETH, wrapped BTC, BTCB и BSC-USD не могли быть предметом хищения, а стоимость была установлена ненадлежащим способом. Суд отклонил эти доводы, указав на конвертируемость активов, их инвестиционную и платежную функцию и экономическую ценность

[14].

Отдельного внимания заслуживает способ определения ущерба в этом деле. Суд признал допустимым расчет на основании количества похищенных токенов, их минимальной стоимости на дату соответствующей операции и официального курса рубля к доллару США, указав, что обязательное проведение экспертизы не требовалось, поскольку расчет не предполагал специальных знаний [14]. Этот подход показывает возможный практический стандарт, но не устраняет проблему полностью: для волатильных активов выбор площадки, времени фиксации курса и торговой пары способен существенно повлиять на размер ущерба.

В апелляционном определении Московского городского суда от 8 июля 2026 г. № 10-11265/2026 защита вновь ссылалась на неустановление владельцев криптокошельков, на которые потерпевший перевел USDT. Суд оставил приговор по ч. 4 ст. 159 УК РФ без изменения, оценив этот довод в совокупности с иными доказательствами [15]. Дело подтверждает, что после нормативного решения вопроса о предмете хищения спор перемещается в доказательственную плоскость – к установлению связи между цифровым адресом, активом и конкретным участником правоотношения.

Дополнительный контекст дает кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 июля 2024 г. № 53-УДП24-23-К8. В нем рассматривались биткоины, полученные как вознаграждение за преступную деятельность и впоследствии конвертированные в рубли. Верховный Суд оценивал криптовалюту в контексте «иного имущества» для целей легализации [16]. Хотя это не дело о хищении, оно показывает, что имущественная характеристика цифровой валюты использовалась высшей судебной инстанцией и в смежных уголовно-правовых институтах до реформы 2026 г.

Квалификационные проблемы после реформы

Прямое признание цифровой валюты имуществом снимает только первый уровень неопределенности. Оно отвечает на вопрос о предмете преступления, но не определяет автоматически форму хищения, момент его окончания, размер ущерба и принадлежность актива. Судебная практика показывает, что именно эти вопросы становятся основными после 2026 г.

Первая проблема – разграничение кражи и мошенничества. Для мошенничества обман должен обусловить волевое имущественное распоряжение потерпевшего: лицо, находясь в заблуждении, само совершает действие, вследствие которого имущество переходит виновному или третьему лицу. Если же потерпевший лишь сообщает код, переходит по ссылке или вводит данные, а списание цифровой валюты затем осуществляется тайно без его волевого решения о передаче актива, новое разъяснение Пленума ориентирует на признаки кражи [6].

Применительно к делу № 1-947/2024 это дает важный материал для сравнительного анализа. Суд квалифицировал действия как мошенничество, однако описанный механизм включал получение доступа к сведениям кошелька через направленную ссылку и дальнейший перевод ETH на иной адрес [10]. Само по себе наличие обмана еще не означает мошенничество. После ППВС № 19 при аналогичной фабуле необходимо отдельно устанавливать, передал ли потерпевший цифровую валюту в результате заблуждения или только невольно создал условия для последующего тайного изъятия. Это не свидетельствует автоматически об ошибочности прежнего приговора, но показывает изменение критериев, которыми должны руководствоваться суды в новых делах.

Вторая проблема связана с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Поскольку Пленум ограничил его предмет банковскими безналичными и электронными денежными средствами, кража цифровой валюты не должна квалифицироваться по этому признаку только потому, что посягательство происходит в электронной среде [6]. Такой вывод особенно важен для практики, где криптовалюта иногда терминологически сближалась с электронными денежными средствами. После реформы смешение этих категорий противоречит прямому разъяснению Верховного Суда.

Третья проблема – момент окончания кражи цифровой валюты. Пленум устанавливает общий критерий: кража и грабеж окончены, когда имущество изъято и виновный получил реальную возможность пользоваться или распоряжаться им. Для безналичных и электронных денег дополнительно установлен момент списания со счета [6]. Специального правила для цифровой валюты нет. Представляется, что механическое применение банковского критерия здесь невозможно, поскольку цифровая валюта может учитываться как непосредственно в распределенном реестре, так и внутри централизованной платформы.

Для цифровой валюты целесообразно использовать функциональный критерий: преступление окончено, когда вследствие совершенной операции потерпевший утратил реальную возможность распоряжаться соответствующим активом, а виновный или указанное им лицо получили такую возможность. Одного получения seed-фразы или приватного ключа недостаточно, если актив еще не перемещен, и потерпевший сохраняет полный контроль: такие действия в зависимости от обстоятельств могут образовывать приго-

товление, покушение либо самостоятельное преступление в сфере компьютерной информации. Напротив, подтвержденный перевод на адрес, контролируемый виновным, обычно свидетельствует о завершенном изъятии.

Четвертая проблема – принадлежность цифровой валюты. Публичность блокчейна позволяет увидеть движение актива, но не всегда идентифицировать лицо, которое контролирует адрес. Доводы о неустановлении владельцев кошельков встречаются в делах № 10-9241/2025, № 7У-8862/2025 и № 10-11265/2026 [19; 20; 23]. Из этого следует, что доказательство чужого характера цифровой валюты не может основываться только на записи в блокчейне. Необходима совокупность сведений: данные KYC централизованной платформы, история приобретения актива, переписка, устройства и ключи доступа, сведения аналитических сервисов, показания участников сделки, а также непрерывная трассировка транзакций.

Пятая проблема – стоимость. Общая позиция Пленума состоит в определении размера похищенного исходя из фактической стоимости имущества на момент преступления; при отсутствии сведений о цене она может быть установлена экспертным путем [6]. В деле № 10-8287/2026 суд допустил расчет без экспертизы на основе рыночных данных и официального валютного курса [22]. Для стейблкоинов такой подход часто дает устойчивый результат, однако применительно к волатильным активам различие котировок может быть существенным.

Представляется, что обязательная экспертиза для каждого дела о хищении цифровой валюты избыточна. Вместе с тем суд должен раскрывать методику расчета: источник котировки, дату и при необходимости время, торговую пару, способ перевода стоимости в рубли. Если стороны представляют существенно различающиеся данные и размер влияет на квалификацию, использование специальных знаний становится предпочтительным. Такой подход сочетает процессуальную экономию с проверяемостью размера ущерба.

Шестая проблема – действие уголовного закона во времени. Часть рассмотренных дел относится к деяниям, совершенным задолго до 3 марта 2026 г., когда вступил в силу ФЗ № 38. Новое примечание к ст. 104.1 УК РФ не должно использоваться как единственное ретроактивное основание для признания состава преступления. В делах о более ранних событиях правоприменителю необходимо показать, почему цифровая валюта могла рассматриваться как имущество исходя из действовавших тогда норм и сложившегося толкования. Практика 2021 – начала 2026 гг. показывает, что такие основания суды находили и до прямой новеллы [9; 12].

Результаты исследования и предложения

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько результатов. Во-первых, после реформы 2026 г. вещная форма окончательно перестала быть обязательным признаком предмета хищения применительно к цифровой валюте. При этом говорить о полном отказе от определенности предмета нельзя: цифровой актив должен иметь экономическую ценность, быть индивидуализируемым, находиться под законным контролем другого лица и допускать переход контроля в результате противоправных действий.

Во-вторых, для описания изъятия цифровой валюты предлагается использовать категорию юридически значимого контроля. Под ним следует понимать фактическую возможность инициировать операции с цифровой валютой и определять ее дальнейшее движение. Хищение предполагает не просто получение технических сведений о кошельке, а такое воздействие, которое приводит к имущественной утрате потерпевшего и возникновению у виновного или третьего лица реальной возможности распоряжаться активом.

В-третьих, после ППВС № 19 необходимо четко разграничивать цифровую валюту и электронные денежные средства. Признание цифровой валюты предметом хищения не означает применения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Наличие этой нормативной асимметрии следует прямо учитывать в приговорах, чтобы цифровая форма объекта не превращалась в самостоятельное не предусмотренное законом основание усиления ответственности.

В-четвертых, новое разъяснение о значении обмана требует пересмотра методики квалификации фишинговых схем. Критерием должно быть не наличие ложной информации само по себе, а роль обмана в механизме имущественного перехода. Если потерпевший, введенный в заблуждение, сознательно совершает перевод – возможны признаки мошенничества. Если обман только открывает доступ, а перевод затем совершается тайно – имеются основания для квалификации как кражи при наличии остальных признаков состава.

В-пятых, для подтверждения принадлежности цифровой валюты целесообразно закрепить в разъяснениях Верховного Суда ориентир на совокупность цифровых и традиционных доказательств. Блокчейн-трассировка должна использоваться вместе со сведениями о контроле над адресом и происхождении актива. Такой подход снижает риск отождествления технического адреса с конкретным лицом без достаточной доказательственной основы.

В-шестых, в разъяснениях Пленума

ВС РФ целесообразно уточнить момент окончания кражи цифровой валюты: им следует считать момент, когда потерпевший вследствие противоправной операции лишился реальной возможности распоряжаться активом, а виновный либо третье лицо получили такую возможность. Отдельно может быть указано, что копирование ключа доступа без распоряжения активом само по себе не тождественно оконченному хищению.

В-седьмых, оценка цифровой валюты должна быть воспроизводимой. При отсутствии спора допустим расчет по общедоступным рыночным данным, если суд указывает источник и момент определения цены. При существенном расхождении котировок или споре, влияющем на квалификацию, вопрос следует разрешать с привлечением специалиста или эксперта. Это предложение не противоречит позиции по делу № 10-8287/2026, где суд признал обязательную экспертизу ненужной при простом проверяемом расчете.

Заключение

Реформа 2026 г. завершила длительный этап нормативной неопределенности в вопросе о цифровой валюте как предмете хищения. ФЗ № 38 прямо признал ее имуществом для целей УК РФ; Пленум Верховного Суда включил цифровую валюту в предмет кражи, грабежа, разбоя и иного хищения; ФЗ № 282 закрепил имущественное определение цифровой валюты в специальном регулировании.

Вместе с тем основная проблематика не исчезла, а изменилась. Судебные споры перемещаются от вопроса «является ли криптовалюта имуществом» к вопросам о том, кому принадлежал цифровой актив, каким способом был утрачен контроль, в какой момент хищение окончено и каким образом определяется стоимость. Кроме того, обновленное ППВС № 29 показывает, что законодательное признание цифровой валюты имуществом не означает ее отождествления с безналичными или электронными денежными средствами.

Наиболее существенным результатом дематериализации предмета хищения следует считать изменение самого способа описания изъятия. Для цифровой валюты физическое перемещение заменяется переходом фактического имущественного контроля. Такой подход позволяет применять традиционную конструкцию хищения к цифровому активу, не прибегая к фикции материальной вещи и одновременно сохраняя требования определенности уголовного закона.

Дальнейшее развитие практики целесообразно направить на унификацию критериев принадлежности, оценки и момента окончания хищения цифровой валюты, а также на применение нового разграничения кражи и мошенничества к цифровым способам получения доступа. Именно эти вопросы, а не само признание цифровой валюты имуществом, становятся центральными для следующего этапа уголовно-правового регулирования.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей редакции). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей редакции). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[4] Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[5] Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.06.2026 № 19 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[7] Постановление Правительства РФ от 30.06.2026 № 808 «Об утверждении Правил хранения, перевода и учета цифровой валюты при осуществлении уголовного судопроизводства». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[8] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакциях, действовавших до 01.09.2026). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[9] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 по делу № 7У-3335/2021 [77-1255/2021]. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Вер-

сия Проф.

[10] Приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 17.11.2024 по делу № 1-947/2024. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[11] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 03.07.2025 по делу № 10-9241/2025. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[12] Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2026 по делу № 7У-8862/2025 [77-19/2026-(77-3588/2025)]. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[13] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 12.03.2026 по делу № 55-77/2026. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[14] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19.05.2026 по делу № 10-8287/2026. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[15] Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 08.07.2026 по делу № 10-11265/2026. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[16] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.07.2024 № 53-УДП24-23-К8. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[17] Архипов А. В. Законодательство об уголовной ответственности за хищения в России: проблемы правоприменения и концептуальные основы реформирования: монография / под ред. Л. М. Прозументова. М.: Юрлитинформ, 2022. 311 с.

[18] Хилюта В. В. Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 68–82.

[19] Шеслер А. В. Виртуальные объекты как предмет противоправного корыстного завладения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 491. С. 188–196.

[20] Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 71–87.

[21] Ушаков Р. М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 160 с.

[22] Попова Е. М. Цифровые права как предмет хищения: дискуссионные вопросы в уголовно-правовой доктрине и способы их разрешения // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 2 (84). С. 207–216.

[23] Мельник В. С. Цифровая валюта как предмет преступления и средство его совершения: проблемы квалификации и доказывания (по материалам судебной практики) // Уголовное право. 2026. № 7. С. 3–13.

[24] Филатова М. А., Шаповал К. С. Правовой статус криптовалюты в решениях судов по хищениям: юридические аргументы // Уголовное право. 2026. № 7. С. 32–44.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[4] Federal Law of 20.02.2026 No. 38-FZ "On Amendments to Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[5] Federal Law of 04.08.2026 No. 282-FZ "On Digital Currencies and Digital Rights." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.06.2026 No. 19 "On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 "On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery and Robbery." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[7] Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.2026 No. 808 "On approval of the Rules for storage, translation and accounting of digital currency in criminal proceedings." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[8] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended before 01.09.2026). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[9] Cassation ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated 01.07.2021 in case No. 7U-3335/2021 [77-1255/2021]. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[10] Verdict of the Novgorod District Court of the Novgorod Region of 17.11.2024 in case No. 1-947/2024. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[11] Appellate ruling of the judicial board on criminal cases of the Moscow City Court of 03.07.2025 in case No. 10-9241/2025. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[12] Cassation ruling of the judicial collegium in criminal cases of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 22.01.2026 in case No. 7U-8862/2025 [77-19/2026- (77-3588/2025)]. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[13] Court of Appeal Ruling in Criminal Cases of the Second Court of Appeal of General Jurisdiction dated 12.03.2026 in case No. 55-77/2026. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[14] Appellate ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Moscow City Court of 19.05.2026 in case No. 10-8287/2026. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[15] Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Moscow City Court of 08.07.2026 in Case No. 10-11265/2026. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[16] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.07.2024 No. 53-UDP24-23-K8. [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[17] Arkhipov A.V. Legislation on criminal liability for embezzlement in Russia: problems of law enforcement and conceptual foundations of reform: monograph / ed. L. M. Prozumentova. M.: Yurlitinform, 2022. 311 p.

[18] Khilyuta V.V. Dematerialization of the subject of theft and issues of qualification of encroachments on virtual property // Journal of Russian Law. 2021. VOL. 25. № 5. S. 68-82.

[19] Schesler A.V. Virtual objects as the subject of unlawful mercenary seizure // Bulletin of Tomsk State University. 2023. № 491. S. 188-196.

[20] Obrazhiev K.V. Criminal encroachments on digital financial assets and digital currency: problems of qualification and legislative regulation // Journal of Russian Law. 2022. T. 26. № 2. S. 71-87.

[21] Ushakov R. M. Qualification of thefts committed using information technology: monograph. M.: Justicinform, 2023. 160 s.

[22] Popova E. M. Digital rights as a subject of theft: discussion issues in criminal law doctrine and ways to resolve them // Rule of law: theory and practice. 2026. № 2 (84). S. 207-216.

[23] Melnik V. S. Digital currency as the subject of a crime and the means of its commission: problems of qualification and evidence (based on judicial practice) // Criminal law. 2026. № 7. S. 3-13.

[24] Filatova M.A., Shapoval K.S. The legal status of cryptocurrency in court decisions on embezzlement: legal arguments // Criminal law. 2026. № 7. S. 32-44.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-111-119

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Александра Владимировна,
студент 1 курса направления «юриспруденция» (40.04.01)
образовательной программы «Российская уголовная юстиция»
юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета, г. Томск,
e-mail: cerednicenkosasha05@gmail.com

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КРИТЕРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме выявления злоупотребления правом на защиту и определению допустимых пределов процессуального реагирования на недобросовестное поведение стороны защиты. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в УПК РФ общего определения злоупотребления процессуальным правом при одновременном признании Верховным и Конституционным судами возможности ограничивать отдельные правомочия при их явно недобросовестном использовании. Цель работы состоит в разработке проверяемых критериев, позволяющих отличить злоупотребление от активной и добросовестной защиты, и в систематизации мер реагирования, допустимых без умаления существа конституционного права на защиту. Проанализированы действующие положения УПК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 в редакции 2025 г., правовые позиции Конституционного Суда РФ, современная научная литература и судебная практика 2024–2026 гг. Предложена двухступенчатая модель оценки: установление совокупности признаков недобросовестного осуществления конкретного процессуального правомочия и выбор минимально необходимой меры реагирования.*

Ключевые слова: *право на защиту, злоупотребление правом, недобросовестное процессуальное поведение, сторона защиты, ознакомление с материалами уголовного дела, защитник, разумный срок, процессуальное реагирование.*

CHEREDNICHENKO Alexandra Vladimirovna,
1st year law student (40.04.01) of the educational program "Russian Criminal Justice" of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, Tomsk

ABUSE OF THE RIGHT TO PROTECTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CRITERIA FOR IDENTIFICATION AND THE LIMITS OF PROCEDURAL RESPONSE

Annotation. *The article is devoted to the problem of identifying abuse of the right to defense and determining the permissible limits of procedural response to the unscrupulous behavior of the defense party. The relevance of the study is due to the absence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of a general definition of abuse of procedural rights, while at the same time recognizing by the Supreme and Constitutional Courts the possibility of restricting certain powers in cases of their clearly unscrupulous use. The aim of the work is to develop verifiable criteria that make it possible to distinguish abuse from active and conscientious defense, and to systematize the response measures that are permissible without diminishing the essence of the constitutional right to defense. The current provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Resolution No. 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 30, 2015, as amended in 2025, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, modern scientific literature, and judicial practice from 2024–2026 have been analysed. A two-stage assessment model is proposed: the establishment of a set of signs of unfair exercise of a specific procedural authority and the selection of the minimum necessary response measure.*

Key words: *the right to defense, abuse of law, unfair procedural behavior, the defense, familiarization with the materials of the criminal case, defender, reasonable time, procedural response.*

Право на защиту является одним из базовых принципов российского уголовного судопроизводства. Оно охватывает как профессиональную юридическую помощь, так и возможность обвиняемого лично использовать все не запрещенные законом способы и средства защиты. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 в действующей редакции прямо связывает обеспечение права на защиту со справедливостью всего производства и перечисляет широкий круг правомочий: представление доказательств, заявление ходатайств и отводов, обжалование процессуальных решений, ознакомление с материалами дела и участие в судебном разбирательстве [3].

Широта процессуальных гарантий одновременно порождает вопрос о пределах их осуществления. УПК РФ не содержит общей дефиниции злоупотребления процессуальным правом и не закрепляет универсальную санкцию за недобросовестное использование правомочий защиты. Вместе с тем п. 18 Постановления Пленума № 29 допускает ситуацию, когда суд не признает право на защиту нарушенным, если ограничение отдельного правомочия вызвано его явно недобросовестным использованием в ущерб интересам других участников процесса [3]. Конституционный Суд РФ также исходит из допустимости противодействия злоупотреблению, способному дезорганизовать производство, однако требует, чтобы соответствующий вывод был фактически обоснован и мотивирован [4].

То есть в правоприменении фактически существует категория, не получившая общего законодательного оформления. С одной стороны, отсутствие механизмов противодействия позволяет использовать процессуальные гарантии не для защиты от обвинения, а для искусственного затягивания производства. С другой стороны, слишком свободное усмотрение при признании поведения злоупотреблением способно превратить активную позицию защиты в основание для ограничения фундаментального права.

Проблема активно обсуждается в современной литературе. С.А. Аргунюнян связывает допустимые средства воздействия с сочетанием правовой определенности и минимизации усмотрения правоприменителя [19, с. 11]. Д.В. Долгополов на материале ознакомления с уголовным делом показывает отсутствие универсальных критериев «явного затягивания» и необходимость оценки совокупности обстоятельств [20, с. 72]. Е.А. Крупицкая рассматривает злоупотребление процессуальными механизмами как способ противодействия расследованию и предлагает нормативные меры против систематических недобросовестных действий [21, с. 95]. С.Ю. Туров обращает внимание на процессуальные манипуляции отводом и отказом от защитника [22, с. 19]. В 2026 г. О.В. Химичева вновь поставила вопрос о нормативной регламентации признаков злоупотребления и способов его преодоления в контексте развития процессуальных гарантий [18, с. 187].

При этом научная дискуссия часто сосредоточена либо на определении самого понятия, либо на отдельных формах злоупотребления. Менее разработанным остается вопрос о единой методике его выявления и о пределах допустимой реакции государства. Именно отсутствие связи между критериями констатации недобросовестности и конкретными правовыми последствиями создает риск несоразмерного ограничения защиты.

Цель настоящей статьи – сформулировать систему критериев выявления злоупотребления правом на защиту и определить пределы процессуального реагирования. Для достижения цели исследуются нормативные основания противодействия злоупотреблению, современная судебная и дисциплинарная практика, прежде всего по вопросам ознакомления с материалами дела и участия защитника.

Изначальная трудность состоит в том, что злоупотребление возникает не вне права, а при его осуществлении. В фундаментальных исследованиях О.И. Даровских оно связывается с реализацией предоставленного процессуального правомочия вопреки его смыслу и назначению, причиняющей либо способной причинить негативные последствия [23, с. 8]. Близкая конструкция представлена в работах О.И. Андреевой и О.В. Желевой: значение имеют наличие конкретного права, его фактическое осуществление, противоречие назначению соответствующего правомочия и возможность причинения вреда другим участникам либо публичным интересам [24, с. 117].

Однако для правоприменения недостаточно указать на «несоответствие назначению» права. Цель защиты по природе является односторонней: обвиняемый не обязан содействовать обвинению или ускорять производство за счет отказа от собственных гарантий. Поэтому медленный темп работы, многочисленные ходатайства либо смена защитительной тактики сами по себе не подтверждают недобросовестность.

Необходимо различать признаки, без которых категория злоупотребления вообще неприменима, и индикаторы, которые лишь позволяют предположить недобросовестную направленность. К обязательным признакам относятся: наличие у лица конкретного процессуального правомочия; фактическое осуществление именно этого правомочия; отсутствие прямого нарушения запрета, которое переводило бы поведение в самостоятельное правонарушение; использова-

ние права вопреки его защитительной функции; возникновение либо реальная угроза негативных процессуальных последствий для иных участников или нормального движения дела.

Индикаторами злоупотребления могут быть повторяемость поведения, отсутствие разумного объяснения, несоответствие между декларируемой необходимостью и фактическими действиями, отказ использовать реально предоставленные условия для реализации права, резкое изменение тактики непосредственно перед наступлением процессуального последствия, а также согласованность нескольких действий, каждое из которых в отдельности выглядит допустимым, но в совокупности формирует устойчивую модель затягивания.

Важным ограничителем является презумпция добросовестной реализации права на защиту. Вывод о злоупотреблении не должен основываться на предположении, что обвиняемый или адвокат «мог действовать быстрее» или избрал неудобную для органа расследования тактику. Необходимы конкретные факты, позволяющие отличить объективную сложность защиты от намеренного использования гарантии не по назначению. Эта логика соответствует позиции Конституционного Суда РФ: решение о непринятии отказа от назначенного защитника по мотиву злоупотребления должно быть обоснованным и мотивированным [4].

С учетом сказанного, под злоупотреблением правом на защиту в настоящей статье понимается умышленное использование обвиняемым либо защитником конкретного процессуального правомочия в формально допустимых пределах, но вопреки его защитительной функции, когда совокупность объективных обстоятельств свидетельствует о направленности такого поведения на создание необоснованных препятствий производству либо реализации прав других участников.

Наиболее разработанный законом механизм противодействия содержится в ч. 3 ст. 217 УПК РФ. Обвиняемый и его защитник не могут быть ограничены во времени ознакомления с делом, но при явном затягивании суд вправе установить определенный срок. Если после его истечения без уважительных причин ознакомление не завершено, следователь может окончить соответствующее процессуальное действие [2]. Для обвиняемого, не содержащегося под стражей и вовсе не являющегося для ознакомления без уважительных причин, ч. 5 ст. 215 УПК РФ предусматривает самостоятельный механизм – по истечении 5 суток следователь вправе составить обвинительное заключение и направить дело прокурору [2].

Судебная практика 2024–2026 гг. показывает, что понятие «явное затягивание» определяется через совокупность фактов, а не через единый количественный норматив. Так, апелляционным постановлением от 8 апреля 2024 г. № 22-1826/2024 суд признал обоснованным ограничение срока, поскольку обвиняемый и защитник, имея возможность знакомиться с делом, не использовали ее без достаточных оснований; при этом отсутствие препятствий со стороны следствия имело самостоятельное значение [7].

В апелляционном постановлении от 8 июля 2024 г. № 22-3615/2024 суд учел продолжительные промежутки между посещениями, непродолжительное ежедневное ознакомление и отсутствие объективных причин, препятствующих более эффективному использованию предоставленного времени [8]. В постановлении от 22 июля 2024 г. № 22-3646/2024 дополнительным обстоятельством стало наличие у защиты фотокопий письменных материалов: сохранение позиции о фактическом ознакомлении лишь с частью томов при наличии их копий суд расценил как подтверждение намеренного затягивания [9].

Практика 2025 г. сохраняет этот подход. Пермский краевой суд в апелляционном постановлении от 3 апреля 2025 г. № 22-1546/2025 проанализировал не только число изученных томов, но и фактически использованное время: обвиняемый и защитник являлись не во все рабочие дни, проводили у материалов непродолжительное время и не обращались с просьбой предоставить иные периоды для ознакомления. Суд признал такую совокупность обстоятельств злоупотреблением и явным затягиванием, одновременно оценив объем и сложность дела [10].

В 2026 г. критерии получили дальнейшее развитие. Московский городской суд в апелляционном постановлении от 15 апреля 2026 г. по делу № 10-4416/2026 указал на систематические неявки обвиняемой и защитника либо их отказ от ознакомления при наличии предоставленной возможности и признал вывод о злоупотреблении обоснованным [11]. Апелляционное постановление от 26 января 2026 г. № 22К-2202/2025 (22К-81/2026) учитывает сочетание большого общего объема дела с 56 неявками обвиняемого без уважительных причин, непродолжительностью каждого ознакомления и аналогичной моделью поведения защитника [12]. В постановлении от 10 февраля 2026 г. № 22К-91/2026 суд дополнительно сослался на последовательные отказы обвиняемой продолжать ознакомление и неявку защитника после изучения лишь части 94-томного дела, хотя стороне были предоставлены в том числе скан-копии материалов [13].

Высший судебный ориентир сформулирован в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025). В пункте 43 отмечено, что ограничение дополнительного ознакомления после

постановления приговора допустимо, если лицо явно затягивает процесс; при оценке суд учитывает объем оставшихся материалов, документы, копии которых уже вручались, и время, предоставлявшееся ранее. В рассмотренном примере осужденная неоднократно получала возможность знакомиться с делом на разных этапах, и продолжительное повторное изучение было признано достаточным основанием для установления срока [14].

Из этого массива практики можно вывести важный критерий: темп ознакомления не оценивается изолированно. Значение имеет соотношение четырех факторов – объективной возможности знакомиться, фактически использованного времени, объема, сложности материалов и наличия объяснимых причин перерывов либо отказов. Само по себе медленное чтени» не должно превращаться в презумпцию злоупотребления, что справедливо отмечается и в современной научной литературе [20, с. 73].

Злоупотребление не ограничивается ознакомлением с делом. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П рассмотрел ситуацию, когда отказ от назначенного защитника при наличии адвоката по соглашению используется как элемент поведения, дезорганизующего производство. Суд допустил непринятие такого отказа при наличии установленных признаков злоупотребления, одновременно подчеркнув исключительный характер меры и обязанность мотивировать решение [4].

Актуальная практика показывает, что проблема сохраняется. В кассационном постановлении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2025 г. по делу № 7У-8263/2024 суд согласился с оценкой неявки защитника как явно недобросовестного использования правомочий: адвокат знал о сроках давности и судебном заседании, однако не явился, не сообщил убедительных причин, а медицинские сведения не подтверждали невозможность участия [6]. Значение здесь имеет не сама неявка, а контекст, позволяющий установить дезорганизующую направленность поведения.

Практика адвокатского сообщества одновременно показывает необходимость осторожной оценки. В обзоре дисциплинарной практики Адвокатской палаты Ивановской области за 2025 г. болезнь адвоката была признана уважительной причиной неявки, поскольку обратное не подтверждалось доказательствами; дисциплинарное нарушение усмотрено не в самой неявке, а в несвоевременном уведомлении суда [16]. Этот пример полезен для разграничения: одинаковый внешний факт – отсутствие защитника – может быть либо объективно оправданным, либо элементом злоупотребления в зависимости от доказанных обстоятельств.

Отдельная проблема связана с неоднократными ходатайствами и отводами. Действующая ч. 2 ст. 120 УПК РФ прямо предусматривает, что отклонение ходатайства не лишает заявителя права заявить его вновь [2]. Поэтому само повторение ходатайства не может автоматически служить основанием для отказа в его принятии или применения санкции. С.Ю. Туров справедливо связывает уязвимость института отвода с отсутствием детальной регламентации и предлагает специальные законодательные решения для повторных идентичных заявлений [22, с. 200]. До внесения таких изменений правоприменитель обязан отделять повторное использование права, основанное на новых обстоятельствах или иной стадии процесса, от механического воспроизведения доводов исключительно для срыва заседания.

Дисциплинарная практика также подтверждает, что профессиональный статус защитника вводит дополнительный стандарт добросовестности. Статья 7 Федерального закона об адвокатуре требует от адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права доверителя всеми не запрещенными средствами [5]. Следовательно, один и тот же эпизод может повлечь различные правовые последствия: процессуальную реакцию суда и, при наличии оснований, дисциплинарную оценку адвокатской палаты. Однако дисциплинарная ответственность не должна использоваться как средство давления за активную защитительную позицию; её предметом является нарушение профессиональной обязанности, а не несогласие адвоката с обвинением или судом.

Анализ законодательства, доктрины и практики позволяет предложить двухступенчатую модель, в которой вывод о злоупотреблении предшествует выбору правового последствия и не подменяется им.

На первой ступени устанавливается сам факт недобросовестного осуществления права. Для этого целесообразно последовательно проверить следующие обстоятельства.

Первое – наличие конкретного процессуального правомочия. Злоупотреблять можно только тем правом, которым субъект действительно наделен. Если поведение изначально запрещено законом, вопрос должен решаться как нарушение обязанности или запрета, а не как злоупотребление правом.

Второе – реальность предоставленной возможности воспользоваться правом добросовестно. Нельзя признавать затягиванием неявку для ознакомления, если следствие фактически не обеспечило доступ к материалам, не согласовало разумное время или создало иные объективные препятствия. Именно поэтому суды исследуют

графики, уведомления, объем материалов и организацию доступа [7-13].

Третье – наличие устойчивых объективных индикаторов недобросовестности. Один эпизод, как правило, недостаточен, если он допускает разумное объяснение. Напротив, систематические неявки без объяснений, неоднократные отказы от продолжения действия, минимальное использование доступного времени при декларировании необходимости длительного срока, последовательная смена защитительной тактики непосредственно перед процессуальным последствием могут в совокупности подтверждать злоупотребление.

Четвертое – отсутствие объективной причины, оправдывающей поведение. Болезнь, сложность дела, необходимость привлечения специалиста, значительный объем технической документации, занятость защитника в другом процессе и иные обстоятельства подлежат индивидуальной оценке. Наличие такого объяснения не исключает дальнейшей проверки, но запрещает формальный вывод о недобросовестности только по статистике посещений.

Пятое – несоответствие модели поведения защитительной функции реализуемого права. Этот критерий не означает оценки «правильности» избранной тактики. Проверяется более узкий вопрос: используется ли правомочие для подготовки и осуществления защиты либо фактически только как инструмент, создающий препятствие нормальному процессу без разумной связи с интересом обвиняемого.

Шестое – объективный процессуальный эффект: причинение либо реальная угроза причинения вреда правам других участников, разумному сроку, нормальному ходу следственного действия или судебного разбирательства. Пункт 18 Постановления Пленума № 29 прямо связывает явно недобросовестное использование правомочий с ущербом интересам других участников [3].

Седьмое – доказанность умышленного характера поведения. Намерение редко устанавливается прямыми доказательствами и выводится из совокупности объективных обстоятельств. Однако формула «сторона могла действовать быстрее» для этого недостаточна. Чем существеннее предполагаемое ограничение права на защиту, тем выше должен быть стандарт фактической мотивировки.

Вторая ступень модели начинается только после установления конкретной формы злоупотребления. Основной принцип состоит в том, что реакция не должна приобретать характер общей санкции за «неудобное» поведение стороны защиты. УПК РФ предусматривает набор специальных инструментов, каждый из которых имеет собственное основание и пределы.

При явном затягивании ознакомления применяется ч. 3 ст. 217 УПК РФ: суд устанавливает определенный срок, а после его истечения следователь при наличии предусмотренных условий завершает действие [2]. При неявке не содержащегося под стражей обвиняемого для начала ознакомления действует иной механизм ч. 5 ст. 215 УПК РФ [2]. Эти нормы не должны подменять друг друга, поскольку регулируют различные фактические ситуации.

При злоупотреблениях, связанных с выбором и отказом от защитника, применяются специальные положения ст. 50 и 52 УПК РФ с учетом конституционно-правового смысла, выявленного в Постановлении № 28-П. Назначение защитника при наличии адвоката по соглашению допустимо лишь как исключительная мера при доказанной дезорганизации процесса и не должно устранять приглашенного защитника из дела [4]. В судебном заседании ст. 258 УПК РФ предусматривает предупреждение, удаление участника или отключение от видео-конференц-связи, а также денежное взыскание в предусмотренных законом случаях; при неподчинении защитника распоряжениям председательствующего возможно отложение дела и сообщение в адвокатскую палату [2]. Эти меры направлены именно на поддержание порядка, а не на наказание за процессуальную активность.

Особенно важно правильно понимать пределы ст. 117 УПК РФ. Денежное взыскание допускается при неисполнении процессуальных обязанностей, предусмотренных Кодексом, либо при нарушении порядка судебного заседания [2]. Следовательно, данная статья в действующей редакции не является универсальной санкцией за любое злоупотребление правом на защиту. Распространение денежного взыскания на иные формы недобросовестного поведения возможно только при прямом законодательном закреплении соответствующего основания.

Не менее осторожно следует подходить к повторным ходатайствам. Поскольку ст. 120 УПК РФ прямо сохраняет право вновь заявить отклоненное ходатайство, действующее законодательство не позволяет установить общий запрет на их повторную подачу [2]. Если в будущем законодатель сочтет необходимым ввести механизм противодействия идентичным заявлениям, он должен содержать обязательное исключение для новых фактических или правовых оснований и предусматривать мотивированное решение.

Из действующего регулирования и судебных позиций можно вывести пять пределов процессуального реагирования. Во-первых, законность: мера должна иметь прямое основание в УПК РФ либо ином применимом законе. Во-вторых, целевая связь: применяемая мера

должна пресекать именно установленную форму злоупотребления. В-третьих, минимальная достаточность: из нескольких возможных средств выбирается то, которое в наименьшей степени ограничивает право на защиту. В-четвертых, мотивированность: решение должно содержать конкретные факты, а не общую ссылку на затягивание. В-пятых, сохранение существа права: даже признание злоупотребления не лишает обвиняемого возможности защищаться и пользоваться иными законными правомочиями.

Таким образом, допустимая процессуальная реакция носит восстановительно-пресекательный, а не карательный характер. Ее задача состоит в устранении препятствий нормальному ходу процесса и восстановлении баланса прав участников, не превращая категорию злоупотребления в инструмент дисциплинирования стороны защиты.

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько выводов.

Во-первых, злоупотребление правом на защиту следует устанавливать не по отдельному формальному признаку – числу ходатайств, длительности ознакомления или факту неявки, а на основе совокупности объективных обстоятельств. Центральными являются наличие реальной возможности добросовестно реализовать право, отсутствие объективно оправдывающей причины, системность поведения, его несоответствие защитительной функции и объективный негативный процессуальный эффект.

Во-вторых, критерии выявления злоупотребления и меры реагирования должны быть юридически разделены. Недопустимо сначала выбирать желаемое ограничение, а затем обосновывать его общим утверждением о недобросовестности. Сначала устанавливается злоупотребление конкретным правом, затем определяется специальная норма, позволяющая на него реагировать.

В-третьих, существующая система УПК РФ уже содержит ряд точечных механизмов: ч. 5 ст. 215, ч. 3 ст. 217, ст. 50 и 52 с учетом Постановления Конституционного Суда № 28-П, ст. 117–118, 258 УПК РФ. Основной пробел заключается не в полном отсутствии реакции, а в отсутствии общих критериев, которые связывали бы эти механизмы единым стандартом оценки.

В-четвертых, представляется целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 специальным разъяснением о критериях явно недобросовестного использования правомочий. В разъяснении следует указать на необходимость оценки: фактически предоставленных условий реализации права; объективных причин поведения; его системности; связи с защитительной функцией; влияния на права других участников и разумный срок; а также обязательность мотивированного выбора минимально необходимой меры.

В-пятых, законодательное закрепление общего понятия злоупотребления возможно, но само по себе не решит проблему и может расширить усмотрение. Если соответствующая дефиниция будет введена в ст. 5 УПК РФ, она должна сопровождаться оговоркой, что активное использование предусмотренных законом способов защиты не является злоупотреблением без установления совокупности объективных признаков недобросовестности. Более безопасным первым шагом представляется развитие разъяснений Верховного Суда и специальных процедурных норм.

Предлагаемая двухступенчатая модель позволяет совместить защиту разумного срока и прав других участников с конституционной обязанностью государства обеспечивать эффективную защиту обвиняемого. Она также снижает риск подмены категории «злоупотребление» субъективной оценкой неудобства защитительной позиции для суда или следствия.

Злоупотребление правом на защиту стало устойчивой категорией российской судебной практики, хотя УПК РФ по-прежнему не содержит его общего легального определения. Верховный Суд РФ допускает ограничение отдельных правомочий при их явно недобросовестном использовании, Конституционный Суд требует фактической обоснованности и мотивированности такого решения, а специальные нормы Кодекса предусматривают конкретные способы противодействия отдельным формам злоупотребления [2–4]. Наиболее развитая практика сформировалась по вопросам ознакомления с материалами уголовного дела. Решения 2024–2026 гг. показывают, что суды оценивают совокупность обстоятельств: доступность материалов, фактически использованное время, неявки и отказы, объем и сложность дела, наличие фотокопий и скан-копий, состояние здоровья и иные объективные причины [7-13]. Эта логика может быть использована как основа общего стандарта выявления недобросовестности. При этом категория злоупотребления не должна превращаться в средство ограничения активной защиты. Повторное ходатайство прямо допускается законом, заболевание может объективно объяснять неявку, а значительный объем или сложность материалов оправдывают продолжительное ознакомление. Поэтому необходима презумпция добросовестности, опровергаемая конкретными фактическими данными.

Процессуальное реагирование должно быть специальным, мотивированным и соразмерным. Его задача состоит не в наказании участника за неудобную тактику, а в прекращении конкретного недобросовестного использования права

при сохранении обвиняемому реальной возможности защищаться всеми иными законными способами. Закрепление такого подхода в разъяснениях Верховного Суда РФ способствовало бы единообразию практики и одновременно усилило бы гарантии от произвольного ограничения права на защиту.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 03.10.2026).

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/ (дата обращения: 04.10.2026).

[5] Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // ст. 7 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[6] Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2025 по делу № 7У-8263/2024 [77-45/2025-(77-3606/2024)] [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/344646811/ (дата обращения: 03.10.2026).

[7] Апелляционное постановление от 08.04.2024 № 22-1826/2024 по делу № 3/14-18/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9cHalwn3zmm1/ (дата обращения: 03.10.2026).

[8] Апелляционное постановление от 08.07.2024 № 22-3615/2024 по делу № 3/14-53/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GXxH0kLUzkUw/ (дата обращения: 03.10.2026).

[9] Апелляционное постановление от 22.07.2024 № 22-3646/2024 (22К-3646/2024) по делу № 3/14-107/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/j5bc0A9G0zJ3/ (дата обращения: 03.10.2026).

[10] Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 03.04.2025 № 22-1546/2025 по делу № 3/14-13/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jiZFAqcdoYNQ/ (дата обращения: 03.10.2026).

[11] Апелляционное постановление Московского городского суда от 15.04.2026 по делу № 10-4416/2026 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/470534690/ (дата обращения: 03.10.2026).

[12] Апелляционное постановление от 26.01.2026 № 22К-2202/2025, 22К-81/2026 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/crhuqOL05rrb/ (дата обращения: 03.10.2026).

[13] Апелляционное постановление от 10.02.2026 № 22К-91/2026 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CCOz1iSRN2b1/ (дата обращения: 03.10.2026).

[14] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025, п. 43 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411831564/ (дата обращения: 03.10.2026)..

[15] Отчет о деятельности Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Ростовской области за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://apro.fparf.ru/documents/chamber/dokumenty-apro/otchety-i-zaklyucheniya/otchet-o-deyatelnosti-komissii-po-zashchite-professionalnykh-prav-advokatov-apro-za-2025-god/ (дата обращения: 03.10.2026).

[16] Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Ивановской области за 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distsiplinarnoy-praktiki-advokatskoy-palaty-ivanovskoy-oblasti-za-2025-god/ (дата обращения: 03.10.2026).

[17] Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2023–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: https://www.advokatymoscow.ru/doc/print/15524/ (дата обращения: 03.10.2026).

[18] Химичева О.В. Злоупотребление правом как негативное следствие эволюции учения о процессуальных гарантиях в отечественном уголовном судопроизводстве // Правовое государство: теория и практика. 2026. Т. 22. № 1(83). С. 182–192. DOI: 10.33184/pravgos-2026.1.18..

[19] Аргунюнян С.А. Злоупотребление процессуальными правами участниками уголовно-

го судопроизводства как проблема правоприменения // Уголовное судопроизводство. 2024: сборник научных трудов. С. 10–14 [Электронный ресурс]. URL: https://www.id-yug.com/images/id-yug/Book_id-yug/777-f.pdf (дата обращения: 03.10.2026).

[20] Долгополов Д.В. Злоупотребление правом при ознакомлении с материалами уголовного дела // Уголовный процесс. 2024. № 8 с. 70-73 [Электронный ресурс]. URL: https://e.ugpr.ru/1095657 (дата обращения: 03.10.2026).

[21] Крупицкая Е.А. К вопросу о противодействии расследованию через злоупотребление процессуальными правами // Вестник экономики и права. 2025. № 100 с. 93-97 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/486202687/ (дата обращения: 03.10.2026).

[22] Туров С.Ю. Процессуальные «игры» в уголовном деле: злоупотребление правом на отвод защитника и его последствия // Мировой судья. 2025. № 12. С. 18–22. DOI: 10.18572/2072-4152-2025-12-18-22..

[23] Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2013. 211 с.

[24] Андреева О.И., Желева О.В. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами и его преодоление в ходе предварительного расследования. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2019, 239 с.

[25] Баев О.Я., Баев М.О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам: монография. М.: Проспект, 2014. 216 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended by 26.07.2026) [Electronic Resource] // ConsultantPlus: ref. legal system. Version Prof.

[3] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.06.2015 No. 29 (ed. 09.12.2025) "On the practice of the application by the courts of legislation ensuring the right to protection in criminal proceedings" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (access date: 03.10.2026).

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.07.2019 No. 28-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 50 and 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen Yu.Yu. Kavalerov" [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/ (access date: 04.10.2026).

[5] Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ "On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation" (as amended on 22.04.2024) // Art. 7 [Electronic Resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[6] Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of 16.01.2025 in case No. 7U-8263/2024 [77-45/2025- (77-3606/2024)] [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/344646811/ (access date: 03.10.2026).

[7] Appeal decision of 08.04.2024 No. 22-1826/2024 in case No. 3/14-18/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/9cHalwn3zmm1/ (access date: 03.10.2026).

[8] Appeal decision of 08.07.2024 No. 22-3615/2024 in case No. 3/14-53/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/GXxH0kLUzkUw/ (access date: 03.10.2026).

[9] Appeal decision of 22.07.2024 No. 22-3646/2024 (22K-3646/2024) in case No. 3/14-107/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/j5bc0A9G0zJ3/ (access date: 03.10.2026).

[10] Appeal ruling of the Perm Regional Court of 03.04.2025 No. 22-1546/2025 in case No. 3/14-13/2025 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/jiZFAqcdoYNQ/ (access date: 03.10.2026).

[11] Appeal ruling of the Moscow City Court of 15.04.2026 in case No. 10-4416/2026 [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/470534690/ (access date: 03.10.2026).

[12] Appeal decision of 26.01.2026 No. 22K-2202/2025, 22K-81/2026 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/crhuqOL05rrb/ (access date: 03.10.2026).

[13] Appeal decision of 10.02.2026 No. 22K-91/2026 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/CCOz1iSRN2b1/ (access date: 03.10.2026).

[14] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 25.04.2025, paragraph 43 [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411831564/ (access date: 03.10.2026).

[15] Report on the activities of the Commission for the Protection of Professional Rights of Lawyers of the Rostov Region Bar Association for 2025 [Electronic Resource]. URL: https://apro.fparf.ru/documents/chamber/dokumenty-apro/otchety-i-zaklyucheniya/otchet-o

-deyatelnosti-komissii-po-zashchite-professionalnykh-prav-advokatov-apro-za-2025-god/ (дата обращения: 03.10.2026).

[16] Review of disciplinary practice of the Ivanovo Region Bar Association for 2025 [Electronic resource]. URL: https://fparf.ru/documents/disciplinary-practice/obzor-distsiplinarnoy-praktiki-advokatskoy-palaty-ivanovskoy-oblasti-za-2025-god/ (дата обращения: 03.10.2026).

[17] Review of the disciplinary practice of the Moscow Bar Association for 2023-2025 [Electronic resource]. URL: https://www.advokatymoscow.ru/doc/print/15524/ (access date: 03.10.2026).

[18] Khimicheva O.V. Abuse of law as a negative consequence of the evolution of the doctrine of procedural guarantees in domestic criminal proceedings // Rule of law: theory and practice. 2026. VOL. 22. № 1(83). S. 182-192. DOI: 10.33184/pravgos-2026.1.18..

[19] Argunyunyan S.A. Abuse of procedural rights by participants in criminal proceedings as a problem of law enforcement // Criminal proceedings. 2024: collection of scientific papers. P. 10-14 [Electronic resource]. URL: https://www.id-yug.com/images/id-yug/Book_id-yug/777-f.pdf (access date: 03.10.2026).

[20] Dolgopolov D.V. Abuse of law when familiarizing with the materials of a criminal case // Criminal process. 2024. No. 8 p. 70-73 [Electronic resource]. URL: https://e.ugpr.ru/1095657 (accessed: 03.10.2026).

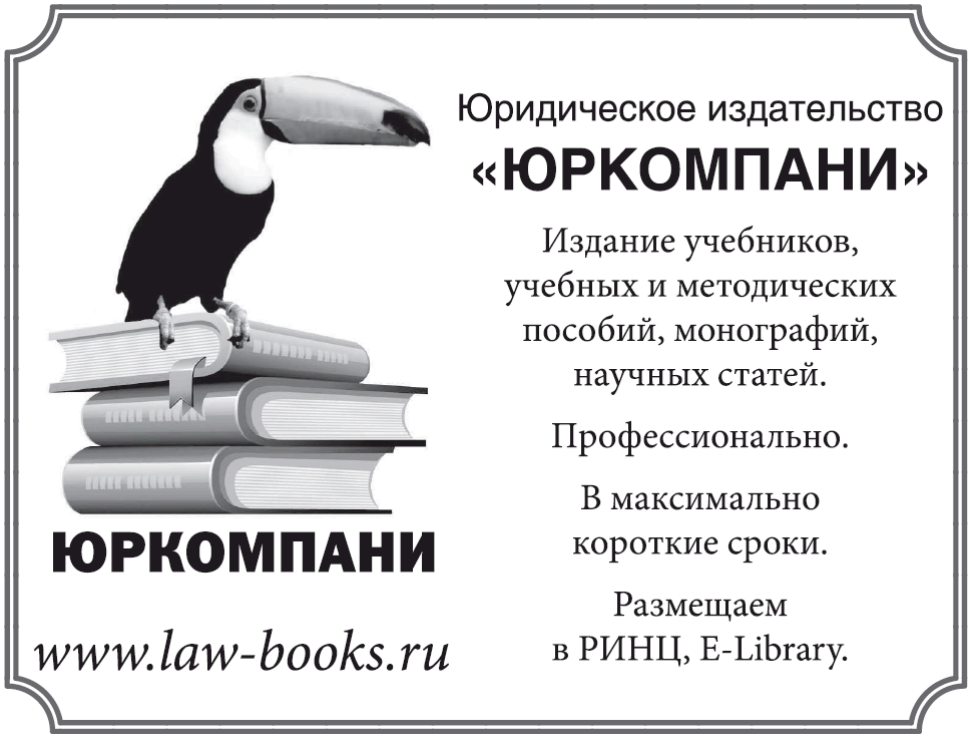
[21] Krupitskaya E.A. On the issue of counteracting the investigation through abuse of procedural rights // Bulletin of Economics and Law. 2025. No. 100 p. 93-97 [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/486202687/ (access date: 03.10.2026).

[22] Turov S.Yu. Procedural "games" in a criminal case: abuse of the right to challenge a defender and its consequences // Magistrate. 2025. № 12. S. 18-22. DOI: 10.18572/2072-4152-2025-12-18-22..

[23] Darovskikh O.I. Abuse of law in criminal proceedings in Russia: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.09. Chelyabinsk, 2013. 211 pp.

[24] Andreeva O.I., Zheleva O.V. Abuse of subjective rights by the accused and its overcoming during the preliminary investigation. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2019, 239 pp.

[25] Bayev O.Ya., Bayev M.O. Abuse of law in pre-trial criminal proceedings: monograph. M.: Prospect, 2014. 216 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-120-126

КАРПОВА Александра Владимировна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, канд. полит. наук,
e-mail: av_karpova@list.ru

КЛОЧКО Юлия Витальевна,
профессор кафедры психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности ОВД Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, канд. психол. наук, доцент,
e-mail: Chenklo@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ КОГНИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ПОДХОДОВ В ТАКТИКУ ДОПРОСА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье рассматривается интеграция когнитивно-ориентированных подходов в тактику допроса с акцентом на лингвистический аспект получаемых показаний. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения полноты и точности вербальной информации, извлекаемой в ходе следственных действий, а также поиском тактических приёмов, позволяющих преодолевать естественные ограничения памяти свидетелей и потерпевших. На основе анализа криминалистической литературы и данных психологии памяти раскрывается содержание метода когнитивного интервью, разработанного Р. Фишером и Э. Гейзельманом и основанного на принципе соответствия условий припоминания условиям запоминания. Систематизируются ключевые приёмы когнитивного интервью: мысленное и вербальное воссоздание события и контекста, детализация, припоминание обстоятельств в различной последовательности, смена перспективы. Особое внимание уделяется лингвистическому аспекту применения данных приёмов. Показано, что изменение хронологического порядка изложения событий создаёт повышенную когнитивную нагрузку для допрашиваемого, что затрудняет конструирование ложного нарратива и позволяет выявлять признаки неискренности через снижение темпа речи, уменьшение детализации и упрощение синтаксических конструкций. Рассматривается также приём смены перспективы, предполагающий описание события с точки зрения другого участника, что способствует актуализации дополнительных слоёв памяти и одновременно выступает инструментом верификации показаний. Обосновывается необходимость подготовки следователей к использованию когнитивно-ориентированных приёмов с учётом индивидуальных особенностей допрашиваемых, а также ограничений, связанных с возрастом, культурным контекстом и психологическим состоянием. Делается вывод о перспективности интеграции когнитивного подхода в тактику допроса как инструмента, повышающего не только полноту, но и достоверность получаемых показаний.*

Ключевые слова: *cognitive interview, interrogation tactic, linguistic analysis of statements, altering chronology, changing perspective, witness memory, verification of statements, cognitive load.*

KARPOVA Alexandra Vladimirovna,
Lecturer in the departments of special disciplines of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences

KLOCHKO Yulia Vitalievna,
Professor of the Department of Psychological, Pedagogical and Medical Support for Internal Affairs Activities All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

INTEGRATING COGNITION-ORIENTED APPROACHES INTO INTERROGATION TACTICS: A LINGUISTIC PERSPECTIVE

Annotation. *This article examines the integration of cognitively oriented approaches into interrogation tactics, with a focus on the linguistic aspects of the statements obtained. The study is motivated by the need to enhance the completeness and accuracy of verbal information elicited during investigative procedures, as well as the search for tactical techniques capable of overcoming the inherent limitations of human memory in witnesses and victims. Drawing on forensic literature and research in the psychology of memory, the article explores the "cognitive interview" method —developed by R. Fisher and E. Geiselman—which is based on the principle that recall is most effective when the conditions of retrieval match the conditions under which the information was originally encoded. Key techniques of the cognitive interview are systematized, including the mental and verbal reconstruction of an event and its context, the elicitation of details, recalling circumstances in varying sequences, and shifting perspectives. Particular attention is paid to the linguistic dimensions of these techniques. It is demonstrated that altering the chronological order of an account imposes an increased cognitive load on the interviewee; this makes the construction of a fabricated narrative more difficult and allows for the detection of signs of insincerity, such as a slower speech rate, reduced detail, and the simplification of syntactic structures. The technique of shifting perspectives—describing an event from the viewpoint of another participant—is also discussed; this process facilitates the retrieval of additional memory traces while simultaneously serving as a tool for verifying the testimony. The article underscores the necessity of training investigators to apply these cognitively oriented techniques, while accounting for the individual characteristics of the interviewee, as well as limitations related to age, cultural context, and psychological state. It is concluded that integrating a cognitive approach into interrogation tactics is a promising strategy for increasing both the completeness and the reliability of the statements obtained.*

Key words: *credibility of statements, linguistic markers of insincerity, psycholinguistics, verbal insincerity, high-tech deception, investigative practice, interrogation tactics, linguistic forensic analysis.*

Показания свидетелей и потерпевших традиционно занимают центральное место в системе доказательств по уголовным делам. Однако их получение сопряжено с фундаментальной проблемой: человеческая память не является точным регистратором событий. Следователь, приступающий к допросу, сталкивается с фундаментальным противоречием. С одной стороны, он заинтересован в получении максимально полной и точной информации. С другой — сама процедура допроса, с её жёстким регламентом, направляющими вопросами и ограниченным временем, нередко препятствует свободному припоминанию. Свидетель, вынужденный отвечать на узко сформулированные вопросы, теряет доступ к тем слоям памяти, которые могли бы быть актуализированы в более свободной коммуникации. Забывание, искажения, внушённые детали и стрессовые состояния — всё это способно существенно снизить достоверность вербальной информации, извлекаемой в ходе допроса. Разрешение этого противоречия требует пересмотра привычных тактических схем.

Эффективность расследования определяется не только узкопрофессиональными навыками, но и способностью следователя интегрировать в практическую деятельность знания из смежных дисциплин — криминалистики, криминологии и психологии. Наиболее перспективным направлением такого пересмотра является интеграция когнитивно-ориентированных подходов, основанных на закономерностях работы памяти. Когнитивно-ориентированный подход предлагает принципиально иную логику: не направлять память, а создавать условия для её естественной актуализации. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск тактических приёмов, позволяющих не только повысить полноту показаний, но и создать условия для их верификации.

Допрос выступает одним из способов собирания и проверки доказательственной и ориентирующей информации. Процессуальные требования, предъявляемые УПК РФ (статьи 189–191 УПК РФ), не отводят следователю пассивную роль регистратора: они лишь задают рамки, внутри которых сохраняется пространство для творческого подхода к ведению следствия [1]. Следователь, приступающий к допросу, ставит перед собой задачу получить полные, правдивые и конкретные показания. Однако решение этой задачи невозможно без понимания того, как формируются показания в психике человека. Ощущение, восприятие, память и мышление — вот те процессы, которые определяют содержание будущих показаний. И к этому необходимо добавить индивидуальные особенности допрашиваемого, без учёта которых любой тактический приём может оказаться неэффективным. Одним из тактических

приемов, используемым в ходе допроса, является метод когнитивного интервью. Когнитивное интервью возникло как альтернатива традиционному «полицейскому интервью», распространённому в США и отличавшемуся излишней прямолинейностью и низкой эффективностью. Метод разработан американскими психологами Р.Е. Гейзельманом и Р. Фишером на базе достижений когнитивной психологии, откуда и получил своё название [2]. Когнитивное интервью представляет собой прием получения достоверной, исчерпывающей личностной (субъективной) информации от потерпевших и свидетелей преступления о признаках внешности, поведении преступника (преступников) и обстоятельствах содеянного им на основе реализации системы приемов, базирующихся на достижениях когнитивной психологии [3, с. 91]. Практическое руководство для реализации данного положения для следователя состоит в необходимости сформировать на допросе такую обстановку, которая позволила бы допрашиваемому мысленно реконструировать условия восприятия, воссоздать последовательность развития наблюдавшихся им событий и тем самым актуализировать переживания, сопровождавшие их первоначальное восприятие.

Ключевое условие эффективности когнитивного интервью — создание атмосферы доверия и психологического комфорта. Свидетель или потерпевший должен чувствовать себя не формальным участником судопроизводства, а человеком, к которому проявляют искренний интерес. Практика показывает: там, где следователь воспринимает допрашиваемого лишь как формального участника процесса — свидетеля или потерпевшего, — контакт не складывается. Важнейшей предпосылкой эффективного допроса выступает персонализация: способность увидеть в допрашиваемом конкретную личность, а не безликую процессуальную роль.

Продуктивность когнитивного интервью определяется тем, как устроена память. Следы прошлого опыта сохраняются в ней не в виде разрозненных фрагментов, а как взаимосвязанные системы, в которые вплетены чувственные впечатления, переживания, пространственные и временные характеристики события. Чем полнее удаётся воссоздать обстановку, в которой происходило запоминание, тем легче становится доступ к этим системам.

Существенно и то, что забывание протекает неравномерно: наиболее интенсивно оно в первые часы после произошедшего. Отсюда практический вывод — когнитивное интервью целесообразно проводить как можно раньше, разумеется, с поправкой на актуальное психологическое состояние допрашиваемого.

Приёмы когнитивной направленности не подменяют собой традиционные тактические построения допроса, а сосуществуют с ними, дополняя их. Исследователи обращают внимание на то, что внешне когнитивное интервью воспроизводит обычную методическую схему допроса, однако за этим сходством скрывается иное содержание отдельных этапов. Существо различий сводится к двум моментам: преимущественной опоре на мнемотехнические средства и перераспределению контроля в пользу допрашиваемого.

Теоретические основания когнитивного интервью задают общую рамку, но практическая ценность метода раскрывается через конкретные приёмы, которые следователь использует в ходе допроса. Рассмотрим ключевые из них [4].

1. Мысленное воссоздание события и контекста.

Первый прием основан на том, что доступ к следам памяти облегчается при совпадении условий припоминания с условиями первоначального восприятия. Допрашиваемому предлагается мысленно перенестись в ту обстановку, в которой происходило событие. Речь идёт не о простом напоминании места и времени, а о восстановлении целостного контекста восприятия: где именно находился человек, что его окружало, каково было освещение, слышались ли какие-либо звуки, кто находился рядом.

Существенную роль играет и внутреннее состояние допрашиваемого в момент события. Поэтому следователь может уточнять, что человек чувствовал, о чём думал, куда направлялся, был ли он сосредоточен на чём-то конкретном или его внимание было рассеяно. Подобные вопросы не преследуют цели получить немедленно значимую для дела информацию — их назначение состоит в другом. Они помогают активизировать те ассоциативные связи, которые в момент восприятия соединили внешние обстоятельства с переживаниями и мыслями человека. Когда эти связи оживают, становится легче добраться и до самого события, зафиксированного в эпизодической памяти.

В криминалистической литературе данный приём получил наименование мысленного воссоздания события. Его ценность состоит в том, что он не требует от допрашиваемого немедленного изложения фактов, а создаёт предварительное условие для их последующего припоминания. Следователь, задавая вопросы о погоде, настроении, предшествующих переживаниях, как бы прокладывает путь к тем пластам памяти, которые при прямом вопросе «расскажите, что произошло» нередко остаются закрытыми.

2. Вербальное воссоздание события и контекста.

Второй прием — вербальное воссоздание — состоит в том, что допрашиваемому предлага-

ется изложить событие вслух в свободной форме. От него не требуется придерживаться хронологической последовательности, укладываться в определённую схему или выделять, по его мнению, главное. Напротив, ему предоставляется возможность рассказать всё, что сохранилось в памяти, в том порядке, в каком эти сведения всплывают.

Позиция следователя при этом существенно меняется по сравнению с обычным допросом. Он не перебивает, не поправляет, не направляет рассказ в нужное русло и не спешит с уточняющими вопросами. Такая сдержанность имеет принципиальный характер: любое вмешательство в свободное повествование сужает поле припоминания, переключая внимание допрашиваемого на те фрагменты, которые интересуют следователя, и оставляя в тени всё остальное.

Смысл приема состоит в том, чтобы дать возможность проявиться тем деталям, которые не попали бы в поле зрения при использовании узконаправленных вопросов. Человек, отвечающий на конкретный вопрос, сообщает лишь то, что, по его представлению, относится к делу. В свободном рассказе он невольно упоминает обстоятельства, которые сам не считает значимыми: случайно обронённую фразу, мимолетное движение, посторонний звук, особенности одежды. Для следователя подобные подробности нередко оказываются ценнее, чем те сведения, которые допрашиваемый счёл нужным сообщить. Кроме того, свободное изложение позволяет наблюдать за тем, как допрашиваемый выстраивает повествование: в какой последовательности переходит от одного эпизода к другому, где останавливается, к чему возвращается. Эти особенности речевого поведения сами по себе содержат информацию, которая может быть использована при оценке достоверности показаний.

3. Детализация и развёртывание повествования.

Приём детализации состоит в том, что допрашиваемого побуждают к как можно более развёрнутому описанию отдельных сторон события. При этом акцент делается не на юридической квалификации происшедшего и не на тех обстоятельствах, которые, по мнению самого допрашиваемого, являются существенными, а на чувственно конкретных характеристиках воспринятого. В практических руководствах по допросу этот приём описывается через указание на необходимость подробного изложения происшествия вне зависимости от того, относится ли сообщаемое напрямую к составу преступления.

Объектом детализации может становиться широкий круг явлений. Это и внешность участников события — черты лица, телосложение, одежда, особые приметы, — и их поведение: позы, жесты, походка, манера держаться. Это и особенности речи: тембр голоса, темп, наличие акцента, характерные выражения, оговорки. Это и предметы, находившиеся в поле зрения: их форма, цвет, размеры, расположение. Наконец, это звуки и запахи, сопровождавшие событие.

Подобная детализация выполняет несколько функций. Прежде всего, она способствует более полному восстановлению события в памяти: попытка описать конкретную деталь нередко запускает цепочку ассоциаций, выводящую на другие, казалось бы, забытые обстоятельства. Кроме того, детализированное описание поддаётся последующей проверке — сопоставлению с показаниями других лиц, с результатами осмотра места происшествия, с данными экспертиз. Наконец, степень детализированности рассказа сама по себе имеет диагностическое значение: правдивое повествование, как правило, содержит больше чувственно конкретных подробностей, тогда как вымысел тяготеет к общим формулировкам.

Существенно, что детализация не должна превращаться в навязывание допрашиваемому тех или иных сведений. Следователь побуждает к описанию, но не подсказывает содержание. В противном случае возникает риск внушения — допрашиваемый может начать сообщать не то, что действительно помнит, а то, что, по его представлению, ожидает услышать следователь.

4. Изменение хронологического порядка изложения.

Среди приемов когнитивного интервью особое место занимает предложение допрашиваемому изложить событие в непривычной последовательности. Ему может быть предложено начать с конца и постепенно двигаться к началу, либо начать с середины, либо описать эпизоды в порядке, обратном хронологическому. Внешне подобное задание выглядит несложным, однако на деле оно существенно перестраивает привычный механизм припоминания. Обычно память предоставляет доступ к событиям в той последовательности, в которой они разворачивались. Хронологический порядок выступает своего рода опорой, каркасом, на который нанизываются отдельные эпизоды. Когда допрашиваемому предлагают отказаться от этого каркаса, он оказывается перед необходимостью выстраивать новые связи между фрагментами воспоминаний, отталкиваясь не от естественного течения событий, а от иной логики. Это требует дополнительных усилий и приводит к повышению когнитивной нагрузки.

Для правдивого свидетеля подобное затруднение не является непреодолимым. В его распоряжении имеется реальный чувственный опыт, который можно реконструировать в любом направлении — от завершающих эпизодов к ис-

ходным, либо от центральной части события к его периферийным фрагментам. Восстановление хода событий в обратном порядке может быть медленным, сопровождаться паузами и уточнениями, но оно опирается на подлинные воспоминания, которые никуда не исчезают при смене направления изложения.

Иная ситуация складывается, когда допрашиваемый конструирует вымысел. Ложный нарратив обычно готовится заранее и выстраивается в определённой последовательности, которая кажется его создателю наиболее убедительной. Изменение порядка изложения разрушает эту заранее подготовленную схему. Допрашиваемому приходится не воспроизводить заготовленный рассказ, а перестраивать его на ходу, удерживая в сознании одновременно несколько линий повествования. Именно в этот момент возрастает вероятность речевых сбоев, противоречий, утраты деталей — тех признаков, которые могут свидетельствовать о неискренности.

5. Смена перспективы.

Приём смены перспективы состоит в том, что допрашиваемому предлагается описать событие не со своей привычной позиции, а с иной точки зрения. Его могут попросить представить, что видел человек, находившийся на противоположной стороне улицы, или как выглядело происходящее глазами второго участника конфликта. Подобная постановка задачи внешне напоминает простую просьбу о фантазии, однако психологический механизм здесь иной: допрашиваемый не придумывает несуществующее, а пытается извлечь из памяти те фрагменты события, которые при прямом изложении остались вне поля зрения.

Смена перспективы опирается на свойство эпизодической памяти хранить событие не как плоскую картинку, а как многомерную структуру, включающую наблюдения с разных ракурсов. В момент восприятия человек обычно сосредоточен на чём-то одном — на лице собеседника, на угрожающем предмете, на собственных действиях. Остальное фиксируется периферийно и при обычном рассказе не воспроизводится. Предложение взглянуть на ситуацию с иной позиции побуждает память обратиться к этим периферийным слоям, которые сохранились, но не были востребованы.

Одновременно рассматриваемый приём выполняет функцию верификации. Правдивый свидетель, обладающий реальным опытом пережитого, способен переключиться на другую перспективу и обнаружить новые детали — расположение предметов, действия третьих лиц, обстановку, которая при первоначальном изложении осталась за кадром. Эти детали не противоречат основному рассказу, а дополняют его, образуя связную картину.

Иная картина наблюдается, когда допрашиваемый конструирует вымысел. Ложный нарратив обычно выстраивается вокруг одной линии, одной точки зрения, которая кажется его создателю наиболее убедительной. Попытка посмотреть на событие с иной позиции обнаруживает, что за пределами этой линии ничего не проработано. Допрашиваемый либо затрудняется с ответом, либо начинает противоречить сам себе, либо воспроизводит те же самые детали, лишь формально меняя точку зрения. Подобные затруднения не являются прямым доказательством лжи, но служат ориентиром, указывающим на области, требующие дополнительной проверки.

Существенно и то, что смена перспективы снижает эффект «заученного» рассказа. Допрашиваемый, подготовившийся к допросу и отрепетировавший определённую версию событий, оказывается в ситуации, к которой его подготовка не была рассчитана. Ему приходится импровизировать, а любая импровизация в условиях вымысла сопряжена с риском рассогласования деталей.

6. Неожиданные вопросы и прерывание сценария.

Ещё одним средством, повышающим когнитивную нагрузку на допрашиваемого, выступает включение вопросов, которые не вписываются в заранее выстроенный им сценарий разговора. Логика приёма опирается на различие между двумя типами речевого поведения. Человек, излагающий подлинные события, обычно не готовится к допросу как к экзамену: он не выстраивает заранее последовательность реплик и не прогнозирует, какие именно вопросы будут заданы. Его рассказ разворачивается по мере припоминания, и неожиданный вопрос лишь меняет направление поиска в памяти, но не разрушает саму способность отвечать. Он может задуматься, уточнить, признать, что не помнит, — однако его ответы сохраняют внутреннюю согласованность с уже сказанным.

Иначе обстоит дело, когда допрашиваемый конструирует вымысел. Ложный рассказ, как правило, готовится заранее: продумываются ключевые эпизоды, подбираются объяснения, репетируются ответы на вероятные вопросы. Эта подготовка создаёт иллюзию уверенности, пока разговор идёт по намеченному руслу. Неожиданный вопрос разрушает эту иллюзию. Допрашиваемый оказывается перед необходимостью отвечать немедленно, не имея заготовленного варианта, — и в этот момент ему приходится одновременно удерживать в сознании уже изложенную версию, следить за её непротиворечивостью и конструировать новый фрагмент, который должен с ней согласовываться. Подобная многозадачность создаёт повышенную нагрузку, которая нередко проявляется в речи: в паузах, сбивчивости, утрате

деталей, противоречиях с ранее сказанным.

Существенно, что неожиданность вопроса не должна быть самоцелью. Речь идёт не о том, чтобы озадачить допрашиваемого ради самого эффекта, а о том, чтобы вывести разговор за пределы заранее подготовленной схемы и проверить, сохраняет ли его рассказ связность и устойчивость при изменении направления беседы. Вопросы могут касаться частных деталей — времени, погоды, расположения предметов, порядка действий, — то есть тех обстоятельств, которые при реальном восприятии фиксируются непроизвольно, а при конструировании вымысла остаются непроработанными.

Приёмы когнитивного интервью создают условия для актуализации памяти, но их диагностическая ценность раскрывается через речь. Перейдём к лингвистическому аспекту их применения.

Применение когнитивно-ориентированных приёмов, прежде всего изменения хронологии и смены перспективы, сопряжено с возрастанием нагрузки на познавательные процессы допрашиваемого. Эта нагрузка находит отражение в речи: учащаются паузы, замедляется темп, возрастает число самокоррекций и оговорок. Для добросовестного свидетеля подобные проявления естественны — они отражают трудности припоминания. Для лица, конструирующего вымысел, они усиливаются, поскольку ему приходится одновременно удерживать подлинную версию событий и выстраивать её замену.

Психолингвистические исследования фиксируют различия между правдивыми и ложными высказываниями на нескольких уровнях языковой системы. На лексическом уровне это выражается в снижении частоты местоимений первого лица, в использовании хеджирующих выражений, в дефиците сенсорно-перцептивной лексики. На синтаксическом уровне — в усложнении конструкций и ослаблении логической связности. На просодическом уровне — в изменении паузальной структуры и темпа речи. Когнитивные приёмы усиливают диагностическую ценность этих маркеров: когда допрашиваемого побуждают излагать события в обратном порядке или с иной точки зрения, ложный нарратив утрачивает устойчивость, а признаки неискренности проявляются отчётливее.

Когнитивные приёмы обладают не только диагностическим, но и верификационным потенциалом. Смена перспективы позволяет обнаружить противоречия, которые при стандартном допросе остаются незамеченными. Детализация открывает возможность проверить правдоподобие описания через сопоставление с установленными фактами. Изменение хронологии создаёт условия для выявления несоответствий во временной последовательности событий. Следует учитывать и ограничения приёмов: затруднения при ответе не могут рассматриваться как самостоятельное доказательство неискренности. Их значение состоит в другом: они указывают на области, требующие дополнительной проверки, и создают условия, при которых различия между правдивым и ложным повествованием проявляются отчётливее. Некоторым людям, независимо от их искренности, объективно трудно менять точку зрения — в силу особенностей пространственного воображения, возраста или культурного опыта. Все приёмы следует рассматривать в совокупности с другими данными, полученными в ходе допроса и проверки показаний.

Эффективность любого тактического приёма зависит не только от его теоретической обоснованности, но и от условий применения. Когнитивно-ориентированный допрос требует от следователя определённых навыков, занимает больше времени, чем стандартный, и имеет свои ограничения. Практические аспекты интеграции этих приёмов в следственную работу заслуживают отдельного рассмотрения. Следователю необходимо владеть приёмами установления доверительного контакта, уметь формулировать открытые вопросы, выдерживать паузы, не прерывать свободное повествование и не подталкивать допрашиваемого к заранее ожидаемым ответам. Подобные навыки не формируются в ходе теоретического изучения материала — они требуют многократной отработки в условиях, моделирующих реальные следственные ситуации. Применение когнитивного интервью сопряжено с рядом ограничений. Прежде всего, оно требует значительных временных затрат, что не всегда согласуется с плотностью следственной работы. Кроме того, эффективность метода снижается при допросе отдельных категорий лиц — детей, людей с психическими расстройствами, представителей иных культурных групп, — что требует адаптации приёмов или отказа от их использования. Наиболее перспективным направлением представляется объединение когнитивно-ориентированных приёмов с последующим лингвистическим анализом полученных показаний. Фиксация речевых характеристик, аудио- и видеозапись создают основу для применения методов психолингвистического анализа. При этом необходимо учитывать, что языковые маркеры неискренности не являются доказательствами в процессуальном смысле: их роль носит вспомогательный, ориентирующий характер. Результаты применения когнитивных приёмов подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами. Согласно статье 88 УПК РФ [1], каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Лингвистические маркеры неис-

кренности не могут рассматриваться изолированно: они приобретают значение лишь в системе с иными сведениями, полученными процессуальным путём.

Проведенный анализ позволяет сформулировать обобщающий вывод: когнитивно-ориентированные подходы к допросу опирающиеся на закономерности памяти, представляют собой перспективное направление криминалистической тактики, позволяющее повысить полноту и точность показаний. Приёмы мысленного и вербального воссоздания события, детализации, изменения хронологии и смены перспективы актуализируют дополнительные слои памяти и одновременно повышают когнитивную нагрузку на допрашиваемого, которая оставляет измеримые следы в речи — в паузальной структуре, темпе, синтаксической сложности и лексическом составе. Эти речевые проявления служат ориентирами для оценки достоверности, однако их диагностическая ценность требует комплексного подхода и учёта индивидуальных особенностей говорящего. Наиболее перспективна интеграция когнитивных приёмов с последующим лингвистическим анализом показаний, позволяющая не только повысить полноту информации, но и создать основу для её верификации; дальнейшие исследования должны быть направлены на экспериментальную проверку эффективности конкретных приёмов в условиях, приближенных к реальной следственной практике, и на разработку методических рекомендаций для следователей.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

[2] Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1992.

[3] Еникеев М. И. Следственные действия: психология, тактика, технологи : учеб.-практ. пособие / М. И. Еникеев, В. А. Образцов, В. Е. Эминов. — М. : Проспект, 2011. — 216 с.

[4] Осорина М.В., Устинова В.А. Как вербализовать «неявное знание» в процессе психологического интервьюирования: продуктивные идеи из смежных практик // Петербургский психологический журнал. 2016. № 16. С. 42–63.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[2] Fisher R.P., Geiselman R.E. Memory enhancing techniques for investigative interviewing: The cognitive interview. Springfield, IL: Charles C. Thomas, 1992.

[3] Enikeev M.I. Investigative actions: psychology, tactics, technologists: educational-practical. Allowance / M. I. Enikeev, V. A. Obraztsov, V. E. Eminov. - M.: Prospect, 2011. - 216 s.

[4] Osorina M.V., Ustinova V.A. How to verbalize "implicit knowledge" in the process of psychological interviewing: productive ideas from related practices // Petersburg Psychological Journal. 2016. № 16. S. 42-63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-127-132

АЛИЕВА Фатима Багаутдиновна,
магистрант 3 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
РАДЖАБОВ Шамиль Раджабович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Аннотация. *В статье рассматривается одна из дискуссионных проблем отечественной уголовно-правовой доктрины — соотношение категорий «субъект преступления» и «личность преступника». Автор анализирует причины отождествления указанных понятий в правоприменительной практике, исследует доктринальные позиции ведущих ученых-криминалистов, выявляет негативные последствия смешения уголовно-правового и криминологического подходов при квалификации преступлений и назначении наказания. Обосновывается необходимость четкого разграничения данных категорий с учетом их различной функциональной нагрузки: субъект преступления как элемент состава преступления и условие уголовной ответственности, личность преступника как криминологическая характеристика, значимая для индивидуализации наказания. Предлагаются конкретные пути решения выявленной проблемы, включая совершенствование законодательной техники и правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *субъект преступления, личность преступника, состав преступления, уголовная ответственность, квалификация преступлений, индивидуализация наказания, криминологическая характеристика, уголовно-правовая доктрина.*

ALIEVA Fatima Bagautdinovna,
3rd year Master's student, Law Institute, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

Scientific supervisor:
RADZHABOV Shamil Radzhabovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SUBJECT OF A CRIME AND THE PERSONALITY OF THE OFFENDER: THE PROBLEM OF DISTINGUISHING CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL APPROACHES

Annotation. *The article examines one of the debatable problems of the Russian criminal law doctrine — the relationship between the categories "subject of a crime" and "personality of the offender". The author analyzes the reasons for the identification of these concepts in law enforcement practice, examines the doctrinal positions of leading criminal law scholars, and identifies the negative consequences of mixing criminal law and criminological approaches in the qualification of crimes and sentencing. The necessity of a clear distinction between these categories is substantiated, taking into account their different functional loads: the subject of a crime as an element of the corpus delicti and a condition of criminal liability, the personality of the offender as a criminological characteristic*

relevant for the individualization of punishment. Specific ways of solving the identified problem are proposed, including the improvement of legislative technique and law enforcement practice.

Key words: *subject of a crime, personality of the offender, corpus delicti, criminal liability, qualification of crimes, individualization of punishment, criminological characteristic, criminal law doctrine.*

Одной из фундаментальных и одновременно наиболее дискуссионных проблем отечественной уголовно-правовой науки является вопрос о соотношении категорий «субъект преступления» и «личность преступника». Несмотря на длительную историю разработки данной проблематики в трудах таких ученых, как А.Н. Трайнин, Н.С. Лейкина, В.Н. Кудрявцев, А.В. Варданян и других, в доктрине до настоящего времени отсутствует единый подход к пониманию характера взаимосвязи указанных понятий. Как справедливо отмечает А.В. Варданян, такие категории, как субъект преступления, личность преступника, личность лица, совершившего преступление, являются «смежными по значению, но не тождественными юридическими категориями» [1, с. 244]. Существование данных междисциплинарных терминов выступает олицетворением тенденции к интеграции и дифференциации наук, проявляющейся в ассимиляции ряда достижений из смежных областей знаний [1, с. 248].

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в правоприменительной практике нередко наблюдается смешение уголовно-правового и криминологического подходов к оценке лица, совершившего преступление. Такое смешение порождает ошибки при квалификации преступлений, необоснованное расширение перечня обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, и, как следствие, нарушение принципов законности и справедливости уголовного закона. Кроме того, в условиях современной уголовной политики, ориентированной на дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания, проблема точного определения функциональной нагрузки каждой из рассматриваемых категорий приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Проведенный анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько подходов к пониманию соотношения рассматриваемых категорий.

Согласно первому подходу, субъект преступления и личность преступника рассматриваются как тождественные понятия. Сторонники данной позиции исходят из того, что и субъект преступления, и личность преступника характеризуют одно и то же лицо — человека, совершившего общественно опасное деяние. Однако такая позиция не учитывает принципиально различную функциональную нагрузку указанных категорий. Субъект преступления — это юридическая конструкция, абстрактная модель, наделенная строго определенными законом признаками. Личность преступника — это реальный человек во всем многообразии его социальных, психологических, биологических характеристик. Как отмечал А.Н. Трайнин, субъект преступления есть одно из необходимых условий состава преступления, и в этом качестве он не может быть отождествлен с личностью в ее криминологическом понимании [7, с. 15].

Второй подход основан на признании того, что субъект преступления — это уголовно-правовая категория, а личность преступника — криминологическое понятие. Согласно данной позиции, если личность преступника представляет собой понятие биолого-социальное и социально-психологическое, то субъект преступления является понятием сугубо уголовно-правовым [4, с. 15]. Субъект преступления характеризуется типовыми признаками (физическое лицо, возраст, вменяемость) и образует элемент основания уголовной ответственности, тогда как личность преступника раскрывает содержательный портрет человека, совершившего преступление. Как отмечается в доктрине, в понятии «личность преступника» выражается социальная сущность лица, индивидуальные характеристики, отражающие его нравственный и духовный мир, в то время как признаки субъекта преступления отражают лишь необходимые для привлечения лица к уголовной ответственности типовые признаки, имеющие значение для уголовно-правовой квалификации и дифференциации уголовной ответственности [4, с. 18–20].

Третий подход, наиболее распространенный в современной доктрине, состоит в признании того, что субъект преступления и личность преступника — понятия нетождественные, но взаимосвязанные. Как отмечается в научной литературе, «нельзя сводить указанные понятия друг к другу: субъект преступления служит "допуском" к вопросу о вине и наказании, а личность преступника раскрывает содержательный портрет человека, систематически или эпизодически вступающего в конфликт с уголовным законом» [5]. Данный подход представляется наиболее обоснованным, поскольку позволяет, с одной стороны, сохранить самостоятельное научное и практическое значение каждой из категорий, а с другой — учесть их диалектическую взаимосвязь. При этом диалектика взаимосвязи проявляется в том, что субъект преступления — это юридическая

предпосылка, без которой невозможна сама постановка вопроса о личности преступника в уголовно-правовом смысле [6].

Проблема соотношения субъекта преступления и личности преступника имеет глубокие исторические корни. Как показывает В.Е. Антропова, историческое развитие категории субъекта преступления в отечественном уголовном праве отражает изменение представлений о личной ответственности, роли личности преступника и постепенное укрепление принципа личной виновной ответственности [2, с. 71–73]. В дореволюционный период субъект преступления рассматривался преимущественно через призму оценочных категорий, тогда как советская уголовно-правовая доктрина выработала научно обоснованные критерии вменяемости и возрастной ответственности [2, с. 72]. Примечательно, что в дореволюционном уголовном праве понятие «субъект преступления» нередко отождествлялось с понятием «преступник», что отражало недостаточную разработанность учения о составе преступления.

Показательна в этом контексте позиция Н.С. Лейкиной, которая отмечала, что включение вменяемости и возраста в число основных признаков субъекта преступления не превращает преступника в элемент совершенного им преступного деяния. Субъект преступления — это юридическая конструкция, абстрактная модель, наделенная строго определенными законом признаками. Личность преступника — это реальный человек во всем многообразии его социальных, психологических, биологических характеристик [4, с. 26]. Более того, Н.С. Лейкина подчеркивала, что личность преступника не может быть сведена к простой совокупности ее свойств и качеств, поскольку она представляет собой систему, обладающую определенной внутренней структурой и динамикой.

А.Н. Трайнин, разрабатывая учение о составе преступления, рассматривал субъект преступления как один из обязательных элементов состава, подчеркивая его сугубо юридический характер [7, с. 15–18]. В отличие от субъекта преступления, личность преступника, по мнению ученого, выходит за рамки состава преступления и относится к сфере криминологического познания. Этот вывод имеет принципиальное значение, поскольку он позволяет четко разграничить предметы уголовно-правового и криминологического исследования.

В.Н. Кудрявцев, исследуя проблемы квалификации преступлений, обращал внимание на недопустимость подмены юридических признаков субъекта преступления криминологическими характеристиками личности [8, с. 57–60]. Квалификация преступления должна основываться исключительно на признаках состава преступления, к числу которых относится и субъект, тогда как данные о личности виновного учитываются на стадии назначения наказания. Ученый подчеркивал, что смешение этих уровней правовой оценки неизбежно ведет к ошибкам в применении уголовного закона.

А.В. Варданян развивает данную проблематику в контексте междисциплинарного подхода, отмечая, что в отличие от уголовного права и криминологии, в криминалистике данные термины, несмотря на свою широкую и разностороннюю научную и практическую востребованность, нередко трактуются и употребляются как сосуществующие [1, с. 249]. Автор отстаивает мнение о том, что использование в криминалистике при обозначении целого ряда явлений изначально уголовно-правового понятия «субъект преступления» в целом приемлемо, так как лицо, совершившее преступление, механизм которого анализируется с точки зрения криминалистики, в любом случае должно обладать качествами уголовно-правовой правосубъектности [1, с. 250]. Вместе с тем ученый предостерегает от механического переноса уголовно-правовых категорий в криминологию без учета специфики предмета последней.

Ю.Д. Налимов на примере состава вандализма (ст. 214 УК РФ) показывает, что исследуемые понятия имеют непосредственное отношение к лицу, совершившему общественно опасное деяние, но в то же время не подлежат отождествлению [3, с. 46]. Автор подчеркивает, что признаки субъекта преступления имеют значение для квалификации, тогда как свойства личности преступника — для индивидуализации наказания. Данный вывод подтверждается и материалами судебной практики: суды при квалификации деяния по ст. 214 УК РФ исходят исключительно из признаков субъекта (возраст, вменяемость), тогда как данные о личности виновного (например, склонность к агрессивному поведению, наличие судимости) учитываются при назначении наказания.

Заслуживает внимания и позиция Ю.М. Антоняна, который рассматривает личность преступника как совокупность социально значимых свойств, сформировавшихся в процессе социализации и детерминирующих преступное поведение [10, с. 22]. Ученый подчеркивает, что личность преступника — это не просто человек, совершивший преступление, а специфическая социально-психологическая система, требующая самостоятельного криминологического изучения.

Проведенное исследование позволяет выявить ключевую проблему: в правоприменительной практике нередко происходит подмена уголовно-правовой характеристики лица, совершившего преступление, его криминологической характеристикой. Это проявляется, в частности, в

том, что при квалификации преступлений суды и органы предварительного расследования учитывают данные о личности обвиняемого, которые не входят в состав признаков субъекта преступления, предусмотренных ст. 19, 20 УК РФ. Например, при квалификации убийства (ст. 105 УК РФ) данные о предшествующем поведении виновного, его образе жизни, семейном положении не должны учитываться для установления признаков субъекта, однако на практике они нередко упоминаются в обвинительных заключениях и приговорах в контексте квалификации.

Согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ, при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Как разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц [9, с. 5].

Однако нередко в процессуальных документах не проводится четкого различия между признаками субъекта преступления и свойствами личности обвиняемого, что создает иллюзию их тождественности. Это приводит к тому, что при квалификации деяния учитываются обстоятельства, не имеющие уголовно-правового значения для данной квалификации.

Негативные последствия такого смешения многообразны. Во-первых, это приводит к необоснованному расширению перечня обстоятельств, учитываемых при квалификации, что противоречит принципу законности. Во-вторых, создает предпосылки для назначения несправедливого наказания, поскольку криминологическая характеристика личности подменяет юридически значимые признаки субъекта. В-третьих, затрудняет научно обоснованную дифференциацию уголовной ответственности. В-четвертых, порождает процессуальные нарушения, поскольку влечет необходимость установления обстоятельств, не входящих в предмет доказывания по уголовному делу. В-пятых, снижает эффективность профилактической деятельности, поскольку внимание правоприменителя смещается с юридически значимых признаков субъекта на криминологические характеристики, которые не всегда имеют значение для предупреждения конкретного преступления.

Причины отождествления рассматриваемых категорий имеют как теоретические, так и практические основания. Теоретическая причина кроется в недостаточной разработанности методологических основ разграничения уголовно-правовых и криминологических категорий. Практическая причина связана с тем, что в процессуальных документах зачастую не проводится четкого различия между признаками субъекта преступления и свойствами личности обвиняемого, что создает иллюзию их тождественности. Дополнительной причиной является и отсутствие единых методологических рекомендаций для следователей и судей по разграничению указанных категорий в процессе квалификации преступлений и назначения наказания.

Для преодоления выявленной проблемы представляется необходимым предложить следующие меры.

На доктринальном уровне — дальнейшая разработка теоретико-методологических основ разграничения уголовно-правовых и криминологических категорий. Целесообразно четко определить функциональную нагрузку каждой из рассматриваемых категорий: субъект преступления отвечает на вопрос о том, кто может нести уголовную ответственность; личность преступника — на вопрос о том, каковы причины и условия преступного поведения и какие меры воздействия являются наиболее эффективными. Как отмечается в научной литературе, «успешное предупреждение преступлений возможно в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения» [10, с. 45]. Однако это не означает, что криминологические характеристики личности должны подменять юридические признаки субъекта.

На законодательном уровне — совершенствование законодательной техники в части разграничения признаков субъекта преступления и обстоятельств, характеризующих личность виновного. В частности, в ст. 19 УК РФ, определяющей общие условия уголовной ответственности, целесообразно указать исчерпывающий перечень признаков субъекта преступления, не подлежащий расширительному толкованию. Это позволит исключить практику подмены юридических признаков субъекта криминологическими характеристиками личности. Кроме того, представляется возможным дополнить ст. 60 УК РФ указанием на необходимость разграничения обстоятельств, характеризующих субъекта преступления и личность виновного, при назначении наказания.

На правоприменительном уровне — формирование единообразной практики, при которой при квалификации преступления учитываются исключительно признаки субъекта, предусмотренные уголовным законом, а данные о личности преступника используются исключительно на стадии назначения наказания. Для этого целесообразно подготовить соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, а также методические рекомендации для следственных органов.

На образовательном уровне — акцентирование внимания в учебных курсах уголовного права и криминологии на принципиальном различии уголовно-правового и криминологического подходов к оценке лица, совершившего преступление. Это позволит сформировать у будущих юристов правильное понимание функциональной нагрузки каждой из рассматриваемых категорий.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Субъект преступления и личность преступника — категории нетождественные. Субъект преступления является уголовно-правовой категорией, представляющей собой элемент состава преступления и условие уголовной ответственности, характеризуемой строго определенными законом признаками (физическое лицо, возраст, вменяемость). Личность преступника — категория криминологическая, представляющая собой совокупность социально значимых свойств, связей и отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление.

Смешение указанных категорий в правоприменительной практике имеет негативные последствия, выражающиеся в ошибках квалификации, необоснованном расширении перечня учитываемых обстоятельств и нарушении принципов законности и справедливости. Преодоление выявленной проблемы требует комплексного подхода, включающего меры доктринального, законодательного, правоприменительного и образовательного характера. Только четкое разграничение уголовно-правового и криминологического подходов к оценке лица, совершившего преступление, способно обеспечить законность и справедливость уголовного закона. При этом разграничение не означает противопоставления: субъект преступления и личность преступника находятся в диалектической взаимосвязи, поскольку первый является юридической предпосылкой для постановки вопроса о втором в рамках уголовно-правового и криминологического исследования.

Список литературы:

[1] Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 244–251.

[2] Антропова В.Е. Эволюция понятия субъекта преступления и формирование личности преступника в отечественном уголовном праве // Молодой ученый. — 2025. — № 12 (563). — С. 71–73.

[3] Налимов Ю.Д. Соотношение признаков субъекта преступления и личности преступника, совершившего вандализм // Криминологический журнал. — 2022. — № 1. — С. 46–49.

[4] Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. — 128 с.

[5] Ключко Д.С. Соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника» // Электронная библиотека БГУ. — URL: https://elib.bsu.by (дата обращения: 10.10.2026).

[6] Соотношение субъекта преступления и личности преступника // Studwood. — URL: https://studwood.net (дата обращения: 10.10.2026).

[7] Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. — М.: Госюриздат, 1957. — 363 с.

[8] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2001. — 304 с.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 2.

[10] Антонян Ю.М. Личность преступника. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 366 с.

References:

[1] Vardanyan A.V. The subject of the crime and the identity of the offender as interdisciplinary categories of criminal law sciences: issues of correlation and integration // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. — 2016. - T. 10, NO. 2. - S. 244-251.

[2] Antropova V.E. Evolution of the concept of the subject of a crime and the formation of the personality of a criminal in domestic criminal law // Young scientist. — 2025. — № 12 (563). - S. 71-73.

[3] Nalimov Yu. D. Correlation of the signs of the subject of the crime and the identity of the perpetrator of the vandalism // Criminological Journal. — 2022. — № 1. - S. 46-49.

[4] Leikina N.S. Criminal identity and criminal liability. - L.: Publishing House of Leningrad State University, 1968. - 128 s.

[5] Klyuchko D.S. Correlation of the concepts of "subject of crime" and "identity of the criminal" // BSU Electronic Library. - URL: https://elib.bsu.by (access date: 10.10.2026).

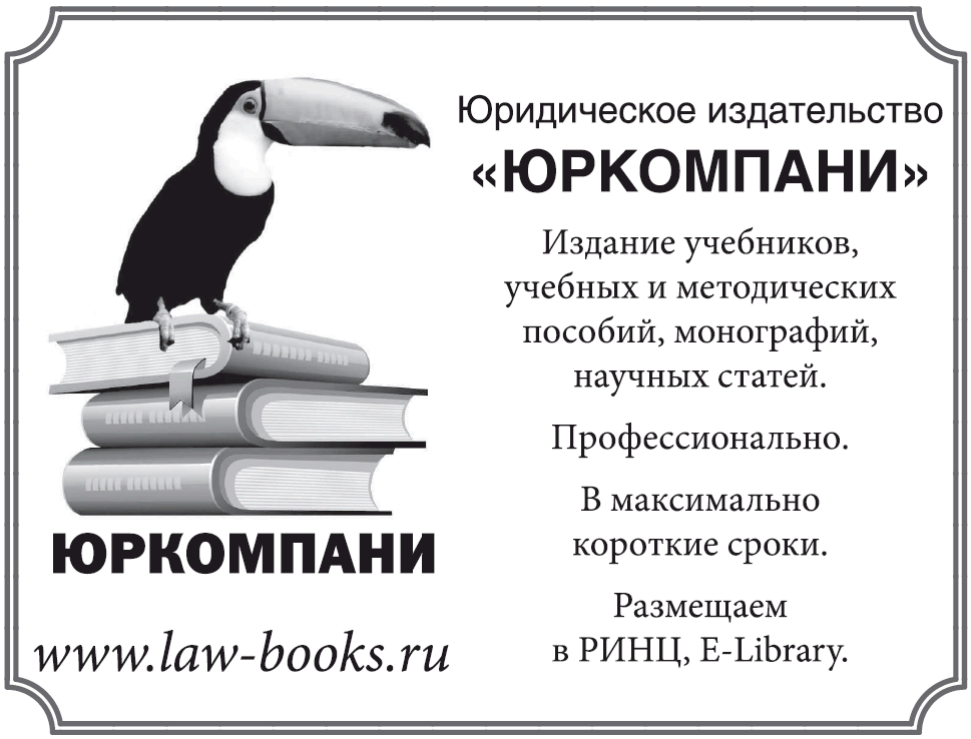
[6] The ratio of the subject of the crime and the identity of the offender // Studwood. - URL: https://studwood.net (access date: 10.10.2026).

[7] Trainin A.N. General doctrine of corpus delicti. - M.: Gosyurizdat, 1957. - 363 s.

[8] Kudryavtsev V.N. General theory of crime qualification. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Lawyer, 2001. - 304 s.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58 "On the practice of imposing criminal penalties by the courts of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2016. — № 2.

[10] Antonyan Y.M. Identity of the criminal. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. - 366 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-133-135

ОВЧАРЕНКО Богдан Дмитриевич,
Аспирант Кафедры уголовного процесса имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,
e-mail: mail@law-books.ru

НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В статье исследуются вопросы, связанные с применением принципа состязательности в рамках судебной стадии уголовного судопроизводства. Рассматривая элементный состав данного базового начала, автором обосновывается вывод о важности его соблюдения, поскольку это является залогом достижения конечной цели уголовного процесса по защите прав и законных интересов граждан. В статье анализируются современные негативные тенденции нарушения принципа состязательности стороны/ На основе проведенного анкетирования, анализа законодательной и правоприменительной практики выделен ряд проблемных аспектов. Автором сделано заключение о необходимости изменения теоретических и практических подходов к их решению для исключения случаев декларативности рассматриваемого принципа.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, принцип состязательности сторон, участники уголовного процесса, суд, защита прав и законных интересов граждан.*

OVCHARENKO Bogdan Dmitrievich,
Postgraduate Student, P.A. Lupinskaya Department of Criminal Procedure, Kutafin Moscow State Law University

VIOLATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPL IN JUDICIAL PRACTICE: DEFINING THE PROBLEM

Annotation. *This article examines issues related to the application of the adversarial principle during the judicial stage of criminal proceedings. By analyzing the constituent elements of this fundamental principle, the author substantiates the importance of its observance, as it is essential for achieving the ultimate goal of criminal proceedings: the protection of citizens' rights and legitimate interests. The article analyzes current negative trends involving violations of the adversarial principle. Based on this analysis, the author identifies specific problematic aspects regarding legislation and law enforcement practice. The author concludes that theoretical and practical approaches to addressing these issues must be revised to prevent the adversarial principle from becoming merely a formal declaration.*

Key words: *criminal proceedings, adversarial principle, participants in criminal proceedings, court, protection of citizens' rights and legitimate interests.*

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет говорить о состязательном характере уголовного процесса. Это отражено и в качестве одного из базовых положений (принципов), закрепленных в норме, предусмотренной ст. 15 Главы II Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4] (далее по тексту УПК РФ). Данная норма корреспондирует международному законодательству [2,3] и основному закону страны - Конституции РФ (ч.3 ст. 123) [1]. Конечной же направленностью реализации принципа состязательности является достижение назначения уголовного судопроизводства, которое раскрывается в ст. 6 УПК РФ. Акцентируем внимание на том, что суд наделен обязанностью соблюдать принципы уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел и вынесении судебных решений [7].

Большинство авторов, конкретизируя понятие «состязательность» применительно к предмету исследования настоящей статьи, пишут о том, что оно предполагает наличие процессуального паритета сторон обвинения и защиты, а также четкое разделение данных функций [8, с. 74; 13, с. 107; 14, с.55]. Конституционный суд Российской Федерации, в свою очередь, выделяет особую роль суда в качестве независимого арбитра, не отдающего приоритет позиции ни одной из сторон [6].

Таим образом, принцип состязательности

как система элементов включает в себя:

основные стороны уголовного процесса;

обособленность их функций;

закрепленные процессуальные средства деятельности;

исключительность полномочий суда.

Доктринально содержательная трактовка равенства прав сторон в уголовном процессе предусматривает одинаковую возможность их реализации сторонами в части сбора доказательств, их предоставления в целях установления истины по делу и защиты прав участников процесса [11, с. 189; 9, с.299]. Однако, выделим в этой связи коренное отличие данного принципа от иных, закрепленных в УПК РФ. Оно заключается в явном приоритете законодательно закрепленных возможностей стороны обвинения в части формирования доказательственной базы на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В судебной же стадии обеспечение процессуального паритета в этой части возлагается именно на суд, что по сути, должно выступать процессуальной гарантией соблюдения исследуемого принципа.

Акцентируем внимание на том, что правила ст. 244 УПК РФ устанавливают равенство сторон в судебном заседании относительно следующего комплекса реализуемых прав: на заявление отводов и ходатайств; представление доказательств; участие в их исследовании; выступления в прениях сторон; представления суду письменных формулировок по вопросам, подлежащим разрешению при постановлении приговора; рассмотрения иных аспектов, возникающих в ходе судебного разбирательства.

Вместе с тем, реализация вышеизложенных базовых положений в практической деятельности, зачастую, носит декларативный характер. Большей частью это относится к оценке доказательств, собранных стороной защиты в рамках имеющихся полномочий, предусмотренных ст. 49 УПК РФ. При подготовке данной статьи автором было проведен опрос представителей адвокатского сообщества, где основными вопросами для выяснения стали ситуации, в которых адвокаты, выступая в роли защитника и представляя интересы своих доверителей, сталкивались с нарушением процессуального принципа состязательности сторон. Анализ полученных результатов приводит к неутешительному выводу об условности данного принципа в рамках современных процессуальных реалий.

Лицо, осуществляя функцию защитника по уголовному делу, вправе собирать доказательства. Указанный процесс, безусловно, является ключевым в установлении истины по уголовному делу. При этом непосредственно осуществлять следственные действия, результаты которых в соответствии со ст. 74 УПК РФ признаются таковыми, защитник не может в связи с тем, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения. Именно поэтому он действует в рамках ст. 6 «Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре» [5] и проводит, например, адвокатский опрос, оформляя его документально в виде объяснения. Здесь следует согласиться с исследователями, определяющими данное право, как лишенное законодательных гарантий [10, с. 140; ,12, с. 114]. Кроме того, объяснение не признается легальным доказательством.

Заметим также, что любая манипуляция, когда у человека берутся показания, связана с удостоверением его личности. Законодатель в принципе не предусмотрел такую возможность для адвоката ни в одном нормативном правовом акте (за исключением, сверки с паспортом доверителя при заключении соглашения об оказании юридической помощи). Поэтому легитимность полученных объяснений также вызывает сомнение. В связи с чем защитник, представляя интересы своего доверителя, вынужден прибегать к различным тактическим комбинациям, например, заявлять ходатайство о допросе лицом, производящим предварительное расследование, необходимых свидетелей, проходящих по делу де-юре, как свидетели обвинения, которые впоследствии де-факто будут давать в суде показания в пользу стороны защиты.

Вывод очевиден, - на сегодняшний день защита не обладает достаточным арсеналом процессуальных средств для аргументации своей позиции в отличие от своего процессуального оппонента – стороны обвинения. При таком положении, итоговое решение, которое выносит суд, нельзя назвать справедливым поскольку его принятие не основано на всестороннем исследовании всех обстоятельств дела. Указанные обстоятельства предполагают оперативную необходимость изменения теоретических и практических подходов к решению проблем, выделенных нами в рамках данной статьи.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // «Собрание законодательства Российской Федерации», 1998. № 20, ст. 2143.

[3] Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР» от 28 апреля 1976 г. № 17, ст. 291.

[4] Уголовно - процессуальный кодекс

Российской Федерации от 18.12.2001г. № 174-ФЗ // «Российская газета». № 249. 22.12.2001г.

[5] Федеральный закон от 31.05.2002г. № 63-ФЗ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» // «Российская газета» от 5 июня 2002 года, № 100.

[6] Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2003. N 51. Ст. 5026.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Российская газета» от 25 марта 2004г. № 60.

[8] Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие. М.: Проспект, 2017.

[9] Курс уголовного процесса. Под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2017.

[10] Мальцагов И.Д., Саидов М.Х., Штымова О.Х. Проблемы принципа состязательности в уголовном процессе // «Закон и право». № 11. 2020. С. 139-141.

[11] Строгович М.С. Курс уголовного процесса: в 2-х т. М.: Наука, 2015.

[12] Сасов, А. В., Виденина И.Д. Проблемы реализации принципа состязательности в уголовном процессе // Сборник научных работ серии «Право». 2020. № 3(19). С. 111-119.

[13] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебник. Отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.

[14] Уголовный процесс. Схемы и таблицы: учебник. Под редакцией О. В. Химичевой, Н. В. Угольниковой. М.: Эксмо, 2023.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 // "Collection of Legislation of the Russian Federation, "1998. No. 20, Art. 2143.

[3] International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966 // "Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR "of April 28, 1976 No. 17, Art. 291.

[4] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // "Rossiyskaya Gazeta. "№ 249. 22.12.2001.

[5] Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ "On Advocacy and Advocacy" // "Rossiyskaya Gazeta" dated June 5, 2002, No. 100.

[6] Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2003 No. 18-P "In the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 405 and 408, as well as chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction" // NW RF. 2003. N 51. Art. 5026.

[7] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 5, 2004 No. 1 "On the application by the courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // "Rossiyskaya Gazeta" of March 25, 2004. № 60.

[8] A.V. Grinenko. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: article-by-article scientific and practical commentary: textbook. M.: Prospect, 2017.

[9] Criminal trial course. Ed. L.V. Golovko. M.: Statute, 2017.

[10] Maltsagov I.D., Saidov M.Kh., Shtymova O.Kh. Problems of the adversarial principle in criminal proceedings // "Law and Law. "№ 11. 2020. S. 139-141.

[11] Strogovich M.S. Course of Criminal Procedure: in 2 vols. M.: Nauka, 2015.

[12] Sasov, A.V., Videnina I.D. Problems of the implementation of the principle of competition in criminal proceedings // Collection of scientific works of the series "Law." 2020. № 3(19). S. 111-119.

[13] Criminal procedure law of the Russian Federation. Textbook. Resp. ed. P. A. Lupinskaya, L. A. Voskobitova. M.: Norm: INFRA-M, 2017.

[14] Criminal trial. Diagrams and tables: tutorial. Edited by O. V. Khimicheva, N. V. Ugolnikova. M.: Eksmo, 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-136-139

ТАБАКОВ Сергей Анатольевич,
Заместитель начальника кафедры уголовного процесса Омской ордена Почета академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ СУБЪЕКТОВ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПРЕСЛЕДУЕМЫМИ ЛИЦАМИ, В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. *В статье анализируются вопросы, касающиеся осуществления процессуального принуждения в отношении субъектов, не являющихся преследуемыми лицами, в ходе производства следственных действий. Обозначаются формы принуждения. Отстаивается позиция, согласно которой допустимость процессуального принуждения при проведении следственных действий не должна зависеть от процессуального статуса лица, в отношении которого они проводятся. Предлагается закрепить в нормах УПК РФ, регулирующих правовое положение потерпевшего и свидетеля, положение о возможности применения принуждения при получении от указанных участников сведений, имеющих значение для уголовного дела.*

Ключевые слова: *следственные действия, принуждение, участники уголовного судопроизводства, показания, процессуальный статус, потерпевший, свидетель.*

TABAKOV Sergey Anatolyevich,
Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Order of Honor of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor

USE OF COERCION AGAINST ENTITIES OTHER THAN PERSECUTED PERSONS IN THE COURSE OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Annotation. *The article analyzes issues related to the implementation of procedural coercion against subjects who are not persecuted persons in the course of investigative actions. Forms of coercion are indicated. The position is defended that the admissibility of procedural coercion during investigative actions should not depend on the procedural status of the person in respect of whom they are carried out. It is proposed to consolidate in the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the legal status of the victim and witness, the provision on the possibility of using coercion when receiving information from these participants that is important for a criminal case.*

Key words: *investigative actions, coercion, participants in criminal proceedings, testimony, procedural status, victim, witness.*

Производство следственных действий является основным способом формирования доказательств по уголовному делу. Допустимость использования полученных путем производства следственных действий доказательств при судебном рассмотрении уголовного дела по существу, в определенной степени зависит от соблюдения процедуры их проведения, которая имеет закрепление в законе. В частности, ст. 164 УПК РФ определяет общие правила производства следственных действий, регламентирующих порядок принятия решения о проведении следственного действия, особенности привлечения к следственному действию участников уголовного судопроизводства, применения технических средств фиксации доказательственной информации. Кроме этого, законодатель включает отдельные нормы УПК РФ, регламентирующие порядок проведения отдельно взятых следственных действий.

Особенностью следственных действий выступает их существенное влияние на конституционные и иные права участников уголовного судопроизводства. Указанное воздействие может охватываться таким термином как «принуждение». Можно согласиться с позицией О.В. Мичуриной, что принуждение «является неотъемлемым элементом механизма правового регулирования уголовного судопроизводства» [1, с. 153]. Конечно, такое принуждение имеет максимальное выражение в ходе применения мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, предусмотренных УПК РФ. Вместе с тем, не является оно исключением также и для проведения следственных действий. В одной из своих

работ С.А. Шейфер отмечал, что «принуждение при любом следственном действии служит проявлением публичности» [2, с. 178]. Публичность, в свою очередь, возлагает на участников уголовного судопроизводства определенные обязанности, без исполнения которых эффективное расследование по уголовному делу и его рассмотрение в ходе судебного заседания и, соответственно, установление истины представляется затруднительным.

Порядок проведения следственных действий предусматривает меры, имеющие принудительный характер. Такие меры могут иметь различную форму. В частности, в ходе проведения ряда следственных действий, связанных с получением показаний, имеет место психологическое принуждение. Так, при проведении допроса, очной ставки, проверки показаний на месте свидетель, потерпевший, специалист, эксперт, переводчик предупреждаются об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ (ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Разъяснение данной ответственности напрямую не является мерой принудительного воздействия. Вместе с тем, это оказывает определенное психологическое давление на лиц, принуждая их говорить правду о событиях, связанных с совершенным преступлением. Следует также отметить, что указанные меры ответственности не разъясняются преследуемым лицам. Их право давать ложные показания является мерой защиты от подозрения или обвинения, выдвигаемых соответствующими государственными органами. Возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. ст. 307, 308 УК РФ для потерпевшего, свидетеля и некоторых иных ранее упомянутых участников уголовного судопроизводства служит гарантией обеспечения их обязанности давать правдивые показания, способствующие установлению истины по уголовному делу. Такое принуждение имеет обоснованный характер. Следует также заметить, что оно не ограничивает конституционные права указанных лиц.

В качестве следующей меры принудительного характера, имеющей место в ходе следственных действий следует рассматривать физическое принуждение. Указанное принуждение может реализовываться при проведении обыска, личного обыска, выемки, освидетельствовании, получения образцов для сравнительного исследования, назначении и производстве судебной экспертизы. Так, согласно ч. 6 и 8 ст. 182 УПК РФ при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается их открыть добровольно. Следователь также может запретить лицам, присутствующим при производстве обыска покидать помещение, в котором он проводится, общаться друг с другом. Аналогичные действия могут иметь место и при производстве выемки. В некоторых случаях физическое воздействие может оказываться и на лиц в ходе проведения личного обыска. Принуждение при проведении обыска, выемки, личного обыска может быть направлено как в отношении преследуемых лиц, так и в отношении свидетеля и потерпевшего.

Кроме этого, такое принуждение может касаться граждан, которые вообще не занимают какого-либо процессуального статуса в ходе расследования уголовного дела. Так, согласно ч. 2 ст. 184 УПК РФ «личный обыск может быть произведен без соответствующего постановления при задержании лица или заключении его под стражу, а также при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором проводится обыск, скрывает при себе предметы или документы…». Таким образом основания для применения принуждения при проведении обыска, выемки или личного обыска не зависят от того, какой процессуальный статус занимает лицо, в помещении которого осуществляются поисковые действия, либо которое само становится объектом таких действий.

Существенное физическое воздействие на участников уголовного судопроизводства может быть оказано при проведении таких следственных действий как освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследование, назначение и производство экспертизы. Законодатель определяет широкий круг участников уголовного судопроизводства, в отношении которых могут поводится указанные следственные действия. Так, согласно ч.1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование может быть произведено в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. Образцы для сравнительного исследования, как это обозначено в ч. 1 ст. 202 УПК РФ могут быть получены не только у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, но и иных физических лиц. Часть 4 ст. 195 УПК РФ предусматривает возможность назначения и производства экспертизы в отношении потерпевшего и свидетеля. Анализ указанных выше норм позволяет сделать однозначный вывод, что субъектами перечисленных следственных действий могут выступать не только преследуемые лица, но и потерпевший, а также свидетель. При этом для потерпевшего и свидетеля участие в освидетельствовании, получении образцов для сравнительного исследования и производстве экспертизы может носить обязательный характер. Это подтверждается также п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ, который запрещает потерпевшему уклоняться от участия

в следственных действиях. Часть 5 ст. 56 УПК РФ, предусматривает, что свидетель в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 179 УПК РФ может быть принудительно подвергнут судебной экспертизе или освидетельствованию. Толкование ч. 1 ст. 202 УПК РФ предполагает, что образцы для сравнительного исследования у свидетеля могут быть получены во всех случаях. Каких-либо исключений в этой части нет.

Проведенное выше исследование нормативного регулирования позволяет сделать промежуточный вывод о том, что свидетель или потерпевший могут быть привлечены к участию в освидетельствовании, получении образцов для сравнительного исследования или производстве экспертизы. Решение следователя об их участии в указанных следственных действиях носит обязательный характер. Свидетель или потерпевший обязаны прибыть для участия в них.

Возникает вопрос о возможности применения принуждения уже непосредственно в ходе проведения, например, освидетельствования или получения образцов для сравнительного исследования. Можно поддержать позицию Н.И. Молуновой, что «в законе отсутствует нормативно-правовое регулирование оснований, условий, пределов и порядка применения физического принуждения при производстве следственных действий» [3, с. 12]. На данное обстоятельство также обращает внимание В. Ю. Стельмах [4, с. 199]. Законодатель лишь закрепляет определенные гарантии защиты личности от противозаконных действий со стороны должностных лиц, в том числе и в ходе проведения следственных действий. В частности, при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство (ч. 2 ст. 202 УПК РФ).

Проведенный выше анализ следственных действий позволяет сделать вывод, что привлечение к их производству некоторых субъектов, таких как свидетель требует наличие дополнительных условий. Например, согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование свидетеля требует его согласия. В этой связи возникает вопрос о возможной градации принуждения в зависимости от процессуального статуса участника, в отношении которого проводится освидетельствование или получение образцов для сравнительного исследования. Допустимо ли рассуждать, что принуждение в отношении преследуемых лиц в ходе производства указанных следственных действий возможно во всех случаях, когда оказывается противодействие в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Наряду с этим, принуждение в процессе следственного действия в отношении потерпевшего или свидетеля возможно только если иными способами установить значимые для дела обстоятельства не представляется возможным.

Например, в ходе расследования возникла необходимость установления факта наличия на теле потерпевшего татуировки, расположенной на закрытой части тела. Следователь принял решение провести освидетельствование, вынес для этого соответствующее постановление. Потерпевший отказался продемонстрировать наличие татуировки. Можно ли в этом случае применить принуждение и используя физическую силу установить значимый для дела факт? Отталкивая от правового статуса такого лица, правоприменитель возможно попытается установить наличие татуировки иным способом. Учитывая в числе прочего особенности личности потерпевшего, его социальное положение, причинение нравственных страданий, связанных с обнажением тела.

Если правоприменитель сталкивается с необходимостью освидетельствования преследуемого лица, то в этом случае применение принуждения становится обоснованным во всех случаях противодействия в установлении определенного факта. Здесь можно исходить из того, что имеются доказательства о причастности лица к совершенному преступлению и репрессивное воздействие со стороны государства может проявляться не только в виде назначения наказания, но и в ходе проведения процессуальных действий при проведении предварительного расследования. Представляется, что такая логика не является правильной. Принуждение должно иметь одинаковый характер и условия в независимости от процессуального статуса лица, в отношении которого проводятся следственные действия. Применение принуждения к подозреваемому или обвиняемому не является элементом наказания за совершенное преступление, факт которого еще достоверно не установлен. В процессе расследования в отношении преследуемого лица действует презумпция невиновности. Соответственно, если установление каких-либо обстоятельств допустимо иным способом, не связанным с принуждением в отношении подозреваемого (обвиняемого), то правоприменитель обязан выбрать путь по доказыванию того или иного факта, который не сопровождается принудительными действиями.

В пользу уравнения условий для принуждения в ходе следственных действий свидетеля (потерпевшего) и преследуемых лиц выступают еще два аргумента. Во-первых, отказ от дачи образцов для сравнительного исследования или участия в освидетельствовании преследуемым лицом необходимо рассматривать как элемент защиты от уголовного преследования. Во-вторых, участие в следственном действии потерпевшего или свидетеля и предоставление ими возможно-

стей в установлении определенных фактов выступает обязанностью этих лиц. Исключением являются какие-либо объективные обстоятельства, создающие правоприменителю предпосылки для установления определенного факта иным способом, без применения принуждения.

Таким образом, принуждение при проведении следственных действий не должно зависеть от правового статуса лица, в отношении которого оно применяется. Для того, чтобы усилить ответственность лиц за надлежащее исполнение процессуальных обязанностей законодателю допустимо закрепить в нормах УПК РФ, регламентирующих процессуальный статус потерпевшего и свидетеля положение о возможности применения принуждения при получении от указанных участников сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Список литературы:

[1] Мичурина О.В. О соблюдении разумного баланса между допустимостью принуждения и его запретом при производстве отдельных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2020 (2).

[2] Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001.

[3] Молунова Н.И. Порядок применения физического принуждения при производстве следственных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4.

[4] Стельмах В. Ю. Применение принуждения при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2.

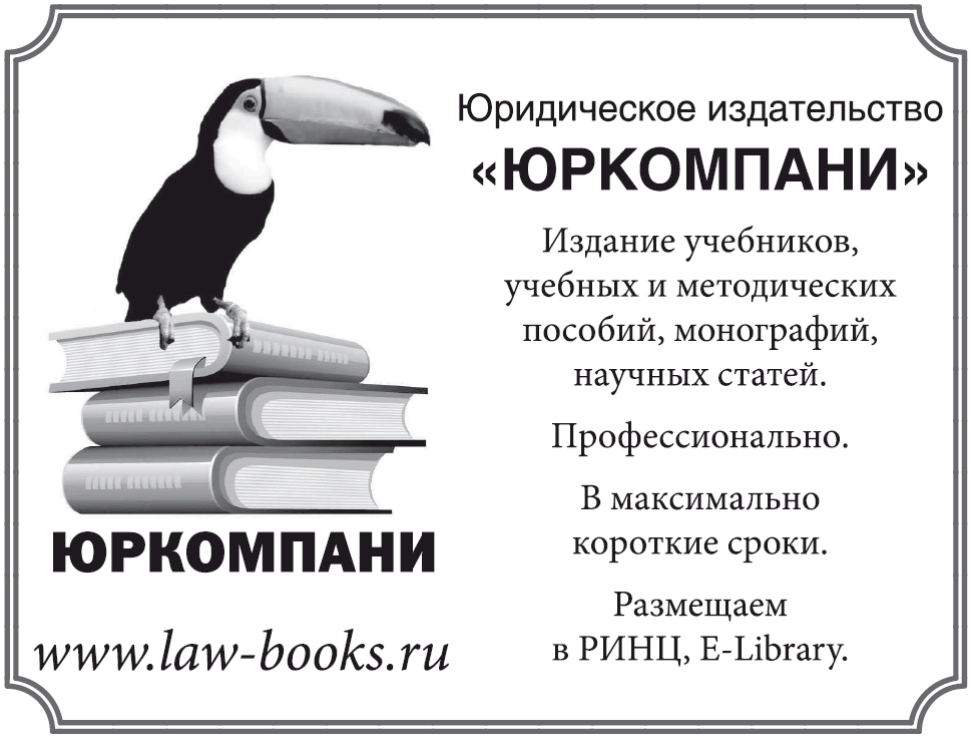
References:

[1] Michurina O.V. On the observance of a reasonable balance between the admissibility of coercion and its prohibition in the performance of individual investigative actions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020 (2).

[2] Shafer S.A. Investigative actions. System and procedural form. M., 2001.

[3] Molunova N.I. Procedure for the use of physical coercion in the conduct of investigative actions // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4.

[4] Stelmakh V. Yu. The use of coercion in the conduct of investigative actions // Izvestia of Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. № 2-2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-140-145

ДМИТРИЕВА Мария Константиновна,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: dmitriewa.masha2017@yandex.ru

ГРИГОРЯК Анастасия Владимировна,
старший преподаватель кафедры организации режима, Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: danechka89@bk.ru

ЩЕРБАКОВ Андрей Васильевич,
начальник кафедры организации режима, кандидат юридических наук, доцент Псковского филиала Университета ФСИН России,
e-mail: Andrey-Sherbakov-1973@yandex.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА В СИСТЕМЕ ИСПРАВЛЕНИЯ СПЕЦКОНТИНГЕНТА

Аннотация. *Современное правовое обеспечение режимных требований в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы нельзя признать в полной мере совершенным, в том числе, в силу ряда имеющихся объективных и субъективных причин. В свою очередь, повышение эффективности правового обеспечения режимных мероприятий, проводимых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, предполагает решение вопросов более общего порядка.*

Изучение, анализ и обобщение авторами нормативных правовых актов, ведомственной специальной литературы, а также изучение отдельных научных точек зрения по теме исследования позволили в этой связи выделить эффективные способы соблюдения режимных требований подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными и недопущению с их стороны противоправных действий направленных против эффективного и нормального функционирования исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы.

В связи, с чем авторами предпринята попытка рассмотрения обозначенных направлений в рамках цели и задач настоящего исследования.

Результаты: проведенное исследование отдельных нормативных правовых актов, мнений ученых пенитенциаристов и специалистов практиков позволило обозначить проблемы, возникающие в процессе правового обеспечения режима содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в пенитенциарных учреждениях.

Ключевые слова: *режимные мероприятия, уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, следственные изоляторы, спецконтингент.*

DMITRIEVA Maria Konstantinovna,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines and Organization of Execution of Punishments not Related to Isolation from Society, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

GRIGORYAK Anastasia Vladimirovna,
Senior Lecturer, Department of Regime Organization, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

SHCHERBAKOV Andrey Vasilievich,
Head of the Department of Regime Organization, Candidate of Law, Associate Professor of the Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGISLATIVE REGULATION OF THE SPECIAL CONTINGENT CORRECTION SYSTEM

Annotation. *Modern legal support of regime requirements in correctional institutions and pre-trial detention centers of the penitentiary system cannot be fully recognized as perfect, including due to a number of available objective and subjective reasons. In turn, increasing the effectiveness of legal support for security measures carried out in correctional institutions and pre-trial detention centers of the penitentiary system involves solving issues of a more general order.*

The study, analysis and generalization by the authors of regulatory legal acts, departmental special literature, as well as the study of certain scientific points of view on the topic of research made it possible in this regard to identify effective ways to comply with regime requirements by suspects, accused and convicted persons and to prevent illegal actions on their part directed against the effective and normal functioning of correctional institutions and pre-trial detention centers of the penal system.

In this connection, the authors attempted to consider the indicated areas within the purpose and objectives of this study.

Results: a study of certain regulatory legal acts, opinions of penitentiary scientists and practitioners made it possible to identify problems arising in the process of legal support for the regime of detention of suspects, accused and convicted in prison institutions.

Key words: *security measures, penal system, correctional institutions, pre-trial detention centers, special contingent.*

Согласно нормам УИК РФ, а именно ч.1 ст. 82, где указано, что «Режим - это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания».

В современном учреждении уголовно-исполнительной системы РФ режим по своей сути является фундаментом для исправления осужденных (ст.9 УИК РФ). Качественное и грамотное обеспечение режима в УИС обеспечивает процесс исправления осужденных и предостерегает осужденного от совершения им административного правонарушения и тем более совершения деяния, предусмотренного УК РФ. В целях качественного обеспечения режима в ИУ проводятся плановые и внеплановые обысковые мероприятия, досмотр посылок и передач, проверки по наличию осужденных на режимной территории, смотры их формы одежды, и самое главное контроль соблюдением ими установленного распорядка дня [3, с. 127-131]. Если обратиться к зарубежному уголовно-исполнительному законодательству, то там слово режим понимается несколько иначе. Например, в восточной Европе понятие режим включено в размер полагающейся части вознаграждения осужденному за труд. В международных законодательных актах речь идет чаще о «порядке», «установленном порядке», «обращении с осужденными» и др. [9, с. 48-50].

Обязанность по выполнению режимных требований исполняется при помощи специальных учетов. Немало важную роль в обеспечении режима играют отделы режима и надзора, отдел по воспитательной работе с осужденными, оперативный отдел [3, с. 127-131]. В современной теории уголовно-исполнительного законодательства в первую очередь режим призван обеспечивать определенные законным приговором правоограничения, наложенные на осужденного за совершенное им преступное деяние. По своей сути он должен обеспечить карательное воздействие закона на преступника [5, с. 251].

Режим в ИУ призван обеспечить охрану и изоляцию осужденных, соответствующий надзор за ними в период отбывания наказания, исполнение возложенных на них обязанностей, реализации прав и законных интересов потерпевших посредством возмещения причиненного материального вреда, обеспечить безопасность персонала и лиц, посещающих ИУ, раздельное содержание различных категорий осужденных (ст. 82 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025)).

Применение режимных ограничений не

сама цель карательного воздействия закона на правонарушителя, а средство достижения правопослушного поведения осужденным [6, с. 32-34]. Режимные правоограничения с целью исправления и предупреждения совершения новых преступлений применяются к подозреваемым, обвиняемым и осужденным к лишению свободы в качестве психолого-педагогических средств воздействия [4, с. 743-748].

В настоящее время существует мнение, что обеспечение режима в полной мере не способствует исправлению осужденного. Авторы же, считают это утверждение в корне неверным, согласно следующим утверждениям: обеспечение режима способствует разобщению групп отрицательной направленности; обеспечивает правильное функционирование воспитательного отдела и применение мер воспитательного воздействия на осужденного; способствует предотвращению правонарушений и преступлений в ИУ и СИЗО; заметно облегчает деятельность оперативных подразделений данных учреждений. В целом, создание того или определенного вида режима в ИУ и СИЗО обусловлено тем, что перевоспитание подозреваемых, обвиняемых или осужденных в целом носит принудительный характер. Кроме того, нормы режима определяют порядок материально-бытового обеспечения (ст. 99 УИК РФ) и их медицинского обслуживания (ст. 101 УИК РФ).

Статья 9 УИК РФ относит режим к одному из основных средств исправления осужденных. В соответствии с этим можно говорить о том, что режим в исправительных учреждениях и следственных изоляторах выполняет воспитательную функцию. Эта функция режима осуществляется в большей мере посредством принуждения, поскольку оно воспитывает человека, приучает его к дисциплине, соблюдению правил поведения, приобщает подозреваемых, обвиняемых и осужденных к цивилизованным взаимоотношениям, а также путем стимулирования их правомерного поведения.

Таким образом, в узком смысле понятие режима означает правила общежития, в широком смысле - это совокупность условий и правил отбывания уголовного наказания осужденными, и в этой связи можно выделить следующие основные функции режима: карательная - это установленная система правоограничений, применяемых к осужденным в процессе отбывания наказания; воспитательная - режим вынуждает осужденного соблюдать установленный порядок отбывания наказания, приучает его к дисциплине; обеспечивающая - устанавливает порядок привлечения осужденных к труду, учебе, порядок проведения воспитательных мероприятий; социально-контрольная функция режима направлена на обеспечение соблюдения внутреннего распорядка исправительного учреждения, правил взаимоотношений с осужденными.

Требования режима не могут реализоваться без применения специальной системы мер, которые в законе получили название «средства обеспечения режима». Как отмечает А.В. Зубарев: «Одним из способов обеспечения режима отбывания лишения свободы является регулирование администрацией исправительного учреждения в соответствии с Правилами внутреннего распорядка (Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 30.09.2025) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы») отношений между осужденными и лицами, работающими в исправительных учреждениях по трудовым соглашениям, а также с лицами, находящимися на территории исправительного учреждения и прилегающей к нему территории» [5, с. 225].

Администрация вправе осуществлять досмотры лиц, входящих на территорию исправительного учреждения и выходящих из него, а также во время нахождения на территории ИУ, четко регулировать отношения осужденных с иными лицами в процессе трудовой деятельности, свиданий.

В соответствии со ст. 87 УИК РФ администрация вправе проводить досмотры на прилегающих к исправительному учреждению территориях, на которые распространяются режимные требования (Приказ Минюста РФ от 3 сентября 2007 г. № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы»), любых лиц, их вещей, транспортных средств, а также изымать запрещенные вещи и документы, перечень, которых установлен законодательством РФ и ведомственными нормативными правовыми актами.

Воздействие специальных средств обеспечения режима направлено преимущественно на осужденных и их применение не носит общеобязательного характера. В соответствии со ст. 84 УИК РФ в исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность. Согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Далее Закон «Об оперативно-розыскной деятельности») она определяется как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то указанным Федеральным законом, в пределах

их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, общества и государства от преступных посягательств [2, с. 41].

Как отмечает В.О. Миронов: «Одним из важных направлений ОРД в ИУ является, оперативно-розыскное предупреждение ведь существование пенитенциарной преступности значительно снижает, результативность работы всего учреждения, и главным образом усиливает негативные ее проявления после отбытия наказания осужденным» [7, с. 220]. Преступления, которые совершены осужденными во время отбывания наказания, являются одним из показателей неэффективной работы служб и подразделений исправительного учреждения. Для более качественной работы в данной области уголовно-исполнительная система располагает собственными оперативными подразделениями, где в ходе организационной деятельности по оперативно-розыскному предупреждению правонарушений в исправительных учреждениях и следственных изоляторах осуществляется сбор и проверка информации, которая требуется для проведения оперативных мероприятий предупредительного воздействия на подозреваемых, обвиняемых и осужденных [8, с. 76-79].

Так согласно, Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 26 января 2026 г. № 17 «Об утверждении Порядка осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» некоторыми из задач оперативных подразделений и подразделений режима и надзора являются склонение к отказу от противоправных намерений и действий осужденных, совместно с сотрудниками заинтересованных подразделений учреждений УИС готовят материалы к рассмотрению на заседание комиссии администрации учреждения УИС по вопросам постановки подозреваемых, обвиняемых и осужденных на профилактический учет.

Исходя из положений п. 24 Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 26 января 2026 г. № 17 «инициатором постановки на профилактический учет может быть любой сотрудник учреждения уголовно-исполнительной системы». Последствиями постановки на профилактический учет является более детальное и пристальное наблюдение за подозреваемым, обвиняемым или осужденным, особенно если в отношении его регулярно продолжает поступать информация о намерении совершить противоправное действие (согласно статистическим данным ФСИН России, на 01.10.2025 в учреждениях УИС на профилактическом учете как «склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов» состояло 3965 подозреваемых, обвиняемых и осужденных (АППГ – 4253), из которых 974 признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания (АППГ – 1056) [1]). Тем более, что профилактический учет, может проводиться на протяжении всего срока пребывания, подозреваемого, обвиняемого или осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы.

Индивидуальная профилактика правонарушений с лицами, поставленными на профилактический учет, это комплекс мероприятий, включающий в себя: планомерную, целенаправленную, дифференцированную работу со спецконтингентом, с учетом их психологических особенностей, характера и степени общественной опасности, совершенных ими общественных правонарушений, а также иных особенностей, которые должны учитываться персоналом учреждения при постановке подозреваемых, обвиняемых и осужденных на профилактический учет. Данная профилактика осуществляется путем всестороннего изучения личности подозреваемого, обвиняемого или осужденного, их криминальных связей, привычек, наклонностей, мотивации негативного поведения и соответственно взысканий, проведения индивидуальных бесед и разъяснений спецконтингенту о пагубности допускаемых ими правонарушений.

Данная Инструкция отводит особую роль оперативным подразделениям, а также подразделениям режима и надзора, которые обязаны принимать меры по разобщению выявленных организаторов и активных участников групп отрицательной направленности, а также проводить работу среди профилактируемых лиц по отказу от противоправных намерений и действий последних.

При этом оперативным отделам допускается проводить данную работу как непосредственно, и открыто, так и опосредованно, с использованием негласных сил, средств и методов. Следует подчеркнуть то, что п. 40 Приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 26 января 2026 г. № 17 «при поступлении в учреждение УИС подозреваемых, обвиняемых или осужденных, к личным делам которых приобщены учетные карточки лиц, поставленных на профилактический учет, такие лица ставятся на профилактический учет по основаниям, указанным в учетных карточках».

Подводя итоги всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

во-первых, установленные режимные требования в соответствии с уголовно-исполнительным и ведомственным законодательством в учре-

ждениях уголовно-исполнительной системы оказывают особое влияние на достижения правопослушного поведения со стороны подозреваемых, обвиняемых и осужденных;

во-вторых, обеспечение режима способствует разобщению групп отрицательной направленности [10, с. 192-196]; обеспечивает правильное функционирование воспитательного отдела и применение мер воспитательного воздействия на осужденного; способствует предотвращению правонарушений и преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы; заметно облегчает деятельность оперативных подразделений и подразделений режима и надзора учреждений уголовно-исполнительной системы в поддержании установленных законодательством режимных требований;

в-третьих, законодательно установленные требования режима в исправительных учреждениях (ст. 82-88 Глава 12 «Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения УИК РФ) и следственных изоляторах (ст. 32, 33 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с изменениями и дополнениями от 31.07.2025) не могут реализоваться без применения специальной системы мер, которые в законе получили название «как средства обеспечения режима»;

в-четвертых, профилактическая работа со стороны персонала исправительных учреждений и следственных изоляторов должна осуществляться путем всестороннего изучения личности подозреваемого, обвиняемого или осужденного, их криминальных связей, привычек, наклонностей, мотивации негативного поведения и соответственно взысканий, проведения индивидуальных бесед и разъяснений спецконтингенту о пагубности допускаемых ими правонарушений.

Таким образом, соблюдение режимных требований в соответствии с уголовно-исполнительным и ведомственным законодательством в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, способствует нормальному и эффективному их функционированию.

Список литературы:

[1] Обзор ФСИН России от 07.11.2025 № исх-2-94966 (не публиковался).

[2] Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях [Текст] : Автореферат дис. на соискание учен. степени доктора юрид. наук / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. - Ленинград : [б. и.], 1963. - 41 с.

[3] Громов В.Г. Обязанности исправительных учреждений. Современное право. 2013. № 4. С. 127-131.

[4] Горбань Д.В. Институт проживания осужденных за пределами исправительных учреждений и проблемы его реформирования. Актуальные проблемы российского права. 2013. № 6 (31). С. 743-748.

[5] Зубарев С.М. Уголовно-исполнительное право [Текст] : учебник для вузов : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / С. М. Зубарев, В. А. Казакова, А. А. Толкаченко. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2013. - 455 с.

[6] Ищенко О.Е. Особенности режима содержания осужденных при исполнении и отбывании наказания в виде пожизненного лишения свободы / О.Е. Ищенко // Российский следователь. 2013. № 22. С.32-34.

[7] Миронов В.О. Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях и их предупреждение / дис… канд. юрид. наук. Ростов на Дону. 2012. 220 с.

[8] Прокофьева С.М., Рохлин В.И., Каширин Р.М. Содержание оперативно-розыскного предупреждения наркопреступлений в исправительных учреждениях / Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. С 76-79.

[9] Чекулаев С.Ю. Режим исполнения наказания / С.Ю. Чекулаев // Законность. 2009. № 10 (900). С. 48-50.

[10] Щербаков А.В., Григоряк А.В. Отдельные аспекты профилактики против преступлений, направленных на дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Российский научный вестник. 2025. № 9. С. 192-196.

References:

[1] Review of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 07.11.2025 No. Ref. 2-94966 (not published).

[2] Belyaev N.A. The goals of punishment and the means of achieving them in forced labor institutions [Text]: Abstract dis. for study. degree of Doctor of Juris. Sciences / Leningr. Order of Lenin state. un-t named after A.A. Zhdanov. - Leningrad: [b. and.], 1963. - 41 s.

[3] Gromov V.G. Duties of correctional institutions. Modern law. 2013. № 4. S. 127-131.

[4] Gorban D.W. Institute for the residence of convicts outside correctional institutions and the problems of its reform. Actual problems of Russian law. 2013. № 6 (31). S. 743-748.

[5] Zubarev S.M. Penal law [Text]: textbook for universities: textbook for students of higher educational institutions studying in legal areas and specialties / S. M. Zubarev, V. A. Kazakova, A. A. Tolkachenko. - 5th ed., Revised and add. -

Moscow: Yurayt, 2013. - 455 s.

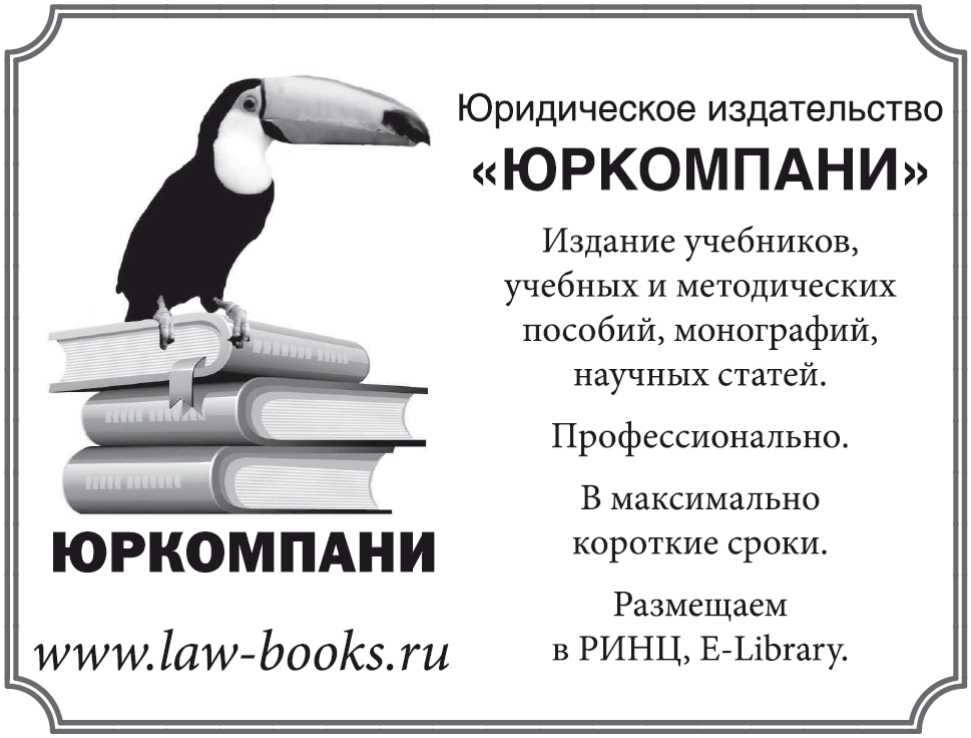
[6] Ishchenko O.E. Peculiarities of the regime of detention of convicts during the execution and serving of a sentence of life imprisonment / O.E. Ishchenko // Russian investigator. 2013. № 22. S.32-34.

[7] Mironov V.O. Crimes committed in correctional institutions and their prevention/dis... cand. jurid. sciences. Rostov on the Don. 2012. 220 s.

[8] Prokofieva S.M., Rokhlin V.I., Kashirin R.M. FROM 76-79.

[9] Chekulaev S.Yu. Regime of execution of punishment / S.Yu. Chekulaev // Legality. 2009. № 10 (900). S. 48-50.

[10] Shcherbakov A.V., Grigoryak A.V. Certain aspects of prevention against crimes aimed at disorganizing the activities of correctional institutions that ensure isolation from society. Russian scientific bulletin. 2025. № 9. S. 192-196.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-146-150

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

БЕЛЬДИНОВ Владлен Александрович,
военнослужащий, Министерство обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВ И СВОБОД ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются организационно-правовые основы прокурорского надзора за соблюдением некоторых прав и свобод военнослужащих, в том числе в период проведения специальной военной операции. Особое внимание уделено правовому положению военнослужащих, находящихся в плену, удерживаемых в качестве заложников, интернированных либо отсутствующих по месту прохождения военной службы, а также механизму реализации социальных гарантий членов их семей.*

Ключевые слова: *военная прокуратура, прокурорский надзор, права военнослужащих, плен, безвестное отсутствие.*

SHESTAK V.A.,
Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

BELDINOV V.A.,
Military personnel, The Ministry of Defense of the Russian Federation

ORGANIZATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE COMPLIANCE WITH CERTAIN RIGHTS AND FREEDOMS OF MILITARY PERSONNEL DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. *The article examines the organizational and legal foundations of military prosecutor's supervision over the observance of the rights and freedoms of military personnel. Particular attention is paid to the legal status of military personnel who are in captivity, held hostage, interned or missing, as well as to the implementation of social guarantees for their family members. The subject, limits and principal directions of supervision are analyzed on the basis of constitutional provisions and legislation governing the prosecutor's office, the status of military personnel, monetary allowances and social support. The article substantiates the conclusion that military prosecutor's supervision in this sphere has a comprehensive, rights-protective, restorative and preventive character.*

Key words: *military prosecutor's office, prosecutorial supervision, rights of military personnel, social guarantees, legal status of military personnel, captivity, missing person, monetary allowance, family members of military personnel.*

Обеспечение законности в сфере прохождения военной службы средствами прокурорского надзора представляет собой самостоятельное направление надзорной деятельности, специфика которого обусловлена особым публично-правовым статусом военнослужащего. Военная служба предполагает не только реализацию конституционной обязанности по защите Отечества, но и действие в отношении военнослужащих специального правового режима, включающего их

дополнительные обязанности, ограничения и запреты, компенсируемые системой государственных гарантий. В этой связи состояние законности в данной сфере определяется не только отсутствием неправомерного вмешательства в права военнослужащего, но и надлежащим исполнением государством позитивных обязанностей по их обеспечению. Конституционно-правовую основу такого подхода образуют положения ст.ст. 2, 7, 45, 46 и 59 Конституции Российской Федерации [1].

Зависимость реализации существенной части прав военнослужащего от юридически значимых действий и решений командования, органов военного управления, кадровых и финансовых подразделений объективно повышает значение действующего надзорного механизма. Нарушения закона в рассматриваемой сфере могут выражаться в несвоевременном предоставлении денежного довольствия и иных выплат, ненадлежащей реализации жилищных прав и медицинских гарантий, незаконном привлечении к юридической ответственности, а также в затягивании оформления документов, от которых зависит возникновение или реализация социальных прав военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы и членов их семей.

Наиболее уязвимой в условиях проведения специальной военной операции является правовая ситуация, при которой военнослужащий вследствие пленения, удержания в качестве заложника, интернирования либо отсутствия сведений о его месте нахождения фактически лишен возможности лично инициировать защиту своих прав. В таком случае предмет правовой охраны расширяется: юридически значимые последствия затрагивают не только самого военнослужащего, но и членов его семьи, поскольку именно они вступают во взаимодействие с должностными лицами воинской части, финансовыми органами, военными комиссариатами и иными уполномоченными государственными органами и организациями. В этой связи, полагаем, надзорная деятельность органов военной прокуратуры должна оцениваться с позиции фактической доступности военнослужащим предусмотренных законом гарантий, а не только формального наличия нормативного основания для их предоставления.

Нормативную основу прокурорского надзора составляет Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) [4], в соответствии со статьей 1 которого прокуратура Российской Федерации осуществляет от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов. Применительно к исследуемой сфере принципиальное значение имеют положения норм ст.ст. 21 и 26 Закона о прокуратуре, определяющие соответственно предметы надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В рамках современного правового регулирования правовая природа организации деятельности органов военной прокуратуры исключает подмену военным прокурором командования и органов военного управления. Содержание надзорной компетенции военных прокуроров заключается не в оперативно-служебном руководстве воинским коллективом и не в принятии управленческого решения вместо компетентного воинского должностного лица, а в установлении соответствия действий, бездействия и правовых актов органов военного управления и воинских должностных лиц требованиям закона, выявлении нарушений, их причин и условий, а также в применении предусмотренных законом средств прокурорского реагирования [2]. Такой подход согласуется с доктринальным пониманием прокурорского надзора как самостоятельной формы государственной деятельности, ориентированной на обеспечение законности, защиту прав и свобод человека и гражданина и охраняемых законом публичных интересов.

Специализация органов военной прокуратуры определяется как кругом поднадзорных субъектов, так и особенностями организации военной службы. Так, норма ст. 46 Закона о прокуратуре законодательно закрепляет структуру системы органов военной прокуратуры, включающую Главную военную прокуратуру, военные прокуратуры военных округов, флотов, родов войск, военные прокуратуры гарнизонов и иные военные прокуратуры. Особенности полномочий военных прокуроров конкретизируются в норме ст. 47 Закона о прокуратуре. При этом возможность получения военными прокурорами сведений непосредственно в системе военного управления имеет существенное значение для своевременного выявления нарушений, поскольку позволяет соотнести управленческие решения с требованиями законодательства и фактическими обстоятельствами их принятия.

Организационная специфика прокурорского надзора в органах военной прокуратуры проявляется также в необходимости учитывать режим воинской дисциплины и условия подчиненности, ограниченный доступ к отдельным сведениям, территориальную разобщенность субъектов и повышенную динамичность управленческих решений. В научной литературе данные обстоятельства обоснованно рассматриваются как факторы, влияющие на выбор форм организации работы специализированных прокуратур, к которым относятся и военные прокуратуры соответствующих звеньев [3]. Применительно к защите прав военнослужащих, находящихся в плену ли-

бо пропавших без вести, это означает необходимость сочетания оперативности проверки с полнотой установления юридически значимых обстоятельств отсутствия военнослужащего.

Организация прокурорского надзора за соблюдением отдельных прав и свобод военнослужащих в условиях проведения специальной военной операции, полагаем, может быть представлена как последовательный правоприменительный алгоритм. На первоначальном этапе подлежит определению юридический характер поступившей информации и круг правоотношений, в которых предполагается нарушение. Далее устанавливаются компетентные органы военного управления и воинские должностные лица, принимающие решения о статусе военнослужащего, оформлении документов, начислении и перечислении выплат, предоставлении иных мер поддержки. После этого военный прокурор сопоставляет фактические данные с нормативной моделью поведения и, при наличии предусмотренных законом оснований, проводит проверочные мероприятия.

Информационную основу такого направления прокурорского надзора образуют обращения военнослужащих и членов их семей, документы воинских частей, сведения из кадровых и финансовых подразделений, материалы ведомственного контроля, судебные акты и данные иных государственных органов. Самостоятельное значение имеет и соблюдение порядка рассмотрения обращений. Так, Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устанавливает правила регистрации и рассмотрения обращений, требования к объективности, всесторонности и своевременности их разрешения, а также общий срок рассмотрения обращения [6].

Кроме того, при проведении прокурорских проверок по фактам пленения или отсутствия военнослужащего, процессуальная своевременность рассмотрения обращения приобретает материально-правовое значение. В условиях проведения специальной военной операции необоснованная задержка в проведении проверки способна повлечь отсрочку в оформлении документов, назначении выплат и реализации иных социальных гарантий. В этой связи процедурный срок в данном случае выступает не только элементом административной процедуры, но и юридической гарантией реальности права.

При организации и проведении прокурорских проверок за соблюдением отдельных прав и свобод военнослужащих в условиях проведения специальной военной операции центральное место в системе специального регулирования занимает Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих) [7], норма п. 8 ст. 2 которого связывает сохранение статуса военнослужащего с нахождением в плену, в положении заложника или интернированного, а также предусматривает правовые последствия безвестного отсутствия. Нормативное значение данной конструкции состоит в недопустимости автоматического прекращения специального правового статуса исключительно вследствие фактического отсутствия военнослужащего в месте прохождения службы. Из сохранения правового статуса непосредственно вытекает обязанность компетентных органов продолжать реализацию установленных законом гарантий до наступления юридических фактов, с которыми законодатель связывает изменение соответствующего режима. Такой нормативный подход обусловливает для военного прокурора необходимость проверки правомерности кадрового учета, оснований прекращения или приостановления выплат, своевременности оформления документов и законности решений, затрагивающих права членов семьи.

Финансовые гарантии военнослужащему конкретизированы Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» [8], норма ч. 31 ст. 2 которого предусматривает сохранение денежного довольствия за военнослужащим, захваченным в плен или в качестве заложника, интернированным в нейтральной стране либо безвестно отсутствующим, с учетом установленного законом порядка его выплаты членам семьи. При этом объектом надзорной оценки является не только сам факт начисления денежных средств, но и законность определения получателя, размера и периода выплаты. Процедурный механизм реализации данной гарантии раскрывается в постановлении Правительства Российской Федерации от 14 июля 2000 г. № 524 «Об отдельных выплатах военнослужащим и членам их семей», приложением № 4, которым утверждены соответствующие правила выплаты денежного довольствия членам семьи военнослужащего [5]. В этой связи эффективная прокурорская проверка, по-нашему мнению, должна охватывать всю юридическую цепочку: от возникновения основания, документальное подтверждение обстоятельств, передачу сведений, до принятия компетентного решения и фактическое перечисление денежных средств.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие взаимосвязанные выводы. Во-первых, надзор органов военной прокуратуры за соблюдением прав военнослужащих, находящихся в плену, удерживаемых в качестве заложников, интернированных либо отсутствующих по месту прохождения службы, имеет комплексный предмет. Он охватывает

законность решений органов военного управления, сохранение специального правового статуса военнослужащего, реализацию денежных и иных социальных гарантий, соблюдение порядка рассмотрения обращений и защиту производных прав членов семьи. Следовательно, сведение надзорной деятельности исключительно к проверке факта выплаты денежного довольствия не соответствует содержанию регулируемых правоотношений.

Во-вторых, фактическая невозможность военнослужащего самостоятельно осуществлять защиту своих прав не прекращает позитивных обязанностей государства. Напротив, в условиях пленения или отсутствия сведений о месте нахождения значение институциональных гарантий возрастает. Сохранение предусмотренного законом статуса и связанных с ним мер обеспечения выступает юридическим механизмом непрерывности государственной защиты военнослужащего.

В-третьих, правовое положение членов семьи в исследуемых отношениях имеет самостоятельное значение. Они являются не только фактическими получателями отдельных денежных средств, но и субъектами конкретных социальных прав, реализация которых зависит от своевременного установления юридических фактов и надлежащего межведомственного обмена информацией. Поэтому оценка эффективности надзора должна включать анализ фактической доступности гарантий для семьи.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 30.09.2026).

[2] Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 414 с.

[3] Организация работы специализированных прокуратур : учебник для вузов / под общ. ред. Е. Р. Ергашева. М. : Юрайт, 2026. 189 с.

[4] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_262 (дата обращения: 30.09.2026).

[5] Постановление Правительства РФ от 14.07.2000 № 524 (ред. от 29.12.2016) «Об отдельных выплатах военнослужащим и членам их семей» (вместе с Правилами выплаты супруге (супругу) или другим членам семьи денежного довольствия военнослужащих, захваченных в плен или в качестве заложников, интернированных в нейтральных странах либо безвестно отсутствующих). – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27870 (дата обращения: 30.09.2026).

[6] Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999 (дата обращения: 30.09.2026).

[7] Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О статусе военнослужащих». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853 (дата обращения: 30.09.2026).

[8] Федеральный закон от 07.11.2011 № 306-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_121273 (дата обращения: 30.09.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020). - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (date of contact 30.09.2026).

[2] Ergashev E.R. Prosecutorial supervision in the Russian Federation: a textbook for universities. 4th ed., Revised and add. M.: Yurayt, 2026. 414 p.

[3] Organization of the work of specialized prosecutors: a textbook for universities / under the general. ed. E. R. Ergasheva. M.: Yurayt, 2026. 189 pp.

[4] Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation." - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/ cons _ doc _ LAW _ 262 (access date: 30.09.2026).

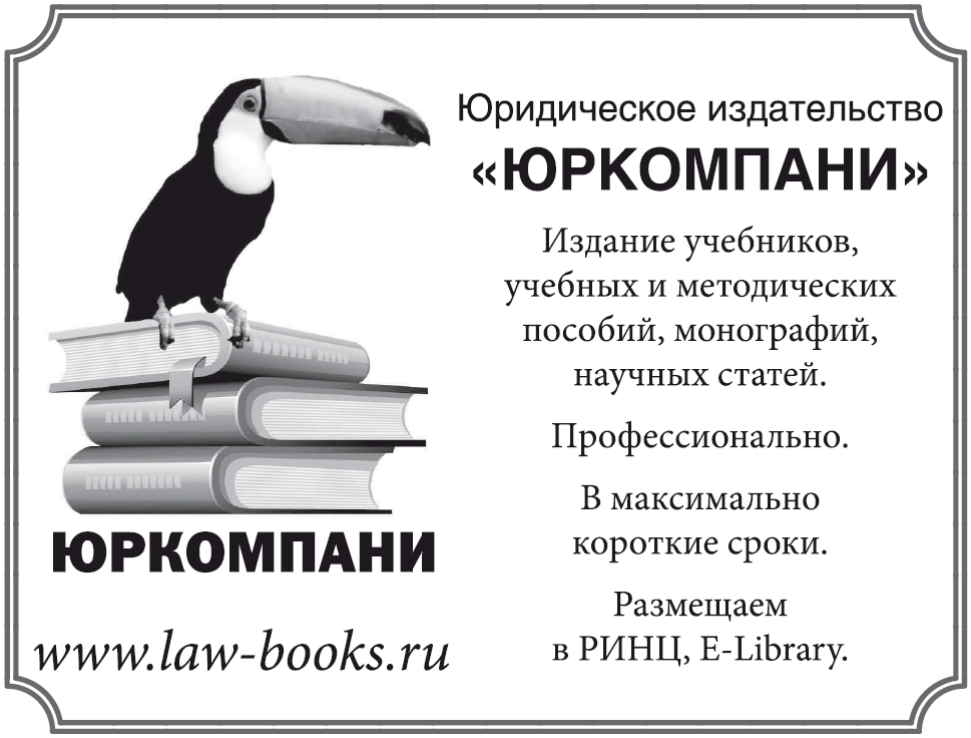
[5] Decree of the Government of the Russian Federation of 14.07.2000 No. 524 (as amended on 29.12.2016) "On individual payments to servicemen and members of their families" (together with the Rules for paying the spouse or other family members the monetary allowance of servicemen captured or as hostages interned in neutral countries or missing). - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_27870 (access date: 30.09.2026).

[6] Federal Law No. 02.05.2006 of 59-FZ "On the Procedure for Considering Appeals of Citizens of the Russian Federation." - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 59999 (access date: 30.09.2026).

[7] Federal Law No. 27.05.1998 of 76-FZ (ed.

04.08.2026) "On the Status of Military Personnel." - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons _ doc _ LAW _ 18853 access date: 30.09.2026 ().

[8] Federal Law No. 07.11.2011 of 306-FZ (ed. 04.08.2026) "On the monetary allowance of military personnel and the provision of separate payments to them." - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_ doc_LAW_121273 (access date: 30.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-151-161

ТРЕТЬЯКОВ Степан Олегович,
магистрант, направление подготовки Юриспруденция, Институт деловой карьеры, город Москва,
e-mail: dmsbogd@mail.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СДЕЛОК С ЖИЛЬЁМ И ЗАЩИТА ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ 2026 ГОДА

Аннотация. *В статье рассматривается взаимодействие двух тенденций: с одной стороны, сделки с жильём всё активнее переводят в цифру через Единую биометрическую систему (ЕБС) - на это нацелен Федеральный закон № 133-ФЗ. С другой - меняется судебный подход к защите добросовестного приобретателя. Толчком послужили определение Верховного Суда РФ № 5-КГ25-174-К2 по «делу Долиной» и Тематический обзор судебной практики ВС РФ № 12/2026. Данный вопрос - о совместимости и взаимодействии данных тенденций - нам предстоит рассмотреть.*

Идентификация теперь выстроена в три уровня: усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП), ЕБС и единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА). Но у этой схемы есть границы. Биометрия подтверждает личность человека. А вот юридическую чистоту объекта она не проверяет. И свободу волеизъявления не гарантирует. Для покупателя жилья отсюда вытекают новые риски. Биометрические данные необратимы, их невозможно изменит. Дипфейки становятся всё более убедительными. Остаётся и риск принуждения. Плюс цифровой разрыв: не каждый готов или может пользоваться такими системами.

Особое внимание уделено разграничению ст. 178 и 179 ГК РФ, а также переориентации продавцов на ст. 177 ГК РФ (неспособность понимать значение своих действий или руководить ими) после решения Верховного Суда. Анализируется перераспределение бремени доказывания добросовестности и законопроект о «периоде охлаждения». Что можно было бы предложить? Дать покупателю 24 часа на размышление с правом отказаться от сделки. Ввести двухступенчатую проверку биометрии. Установить период «созревания» для УКЭП и период охлаждения. Сделать обязательным страхование титула для некоторых видов сделки. И наконец, требовать нотариальную форму для продавцов от 70 лет и при отчуждении единственного жилья. Вывод отсюда простой: в цифровую эпоху защитить добросовестного приобретателя одними технологиями не выйдет, здесь обязательно нужны и гражданско-правовые гарантии.

Ключевые слова: *Единая биометрическая система, добросовестный приобретатель, дистанционные сделки, электронная регистрация прав, УКЭП, дипфейки, период охлаждения, бремя доказывания, нотариальная форма, ст. 177 ГК РФ.*

TRETYAKOV Stepan Olegovich,
Master's student, Direction of training is Jurisprudence, Institute of business career, Moscow

DIGITALIZATION OF HOUSING TRANSACTIONS AND PROTECTION OF THE BONA FIDE PURCHASER: NEW CHALLENGES OF 2026

Annotation. *The article examines the interaction of two trends: on the one hand, residential real estate transactions are increasingly being digitized through the Unified Biometric System (UBS)—Federal Law No. 133-FZ is aimed at this. On the other hand, the judicial approach to protecting the bona fide purchaser is changing. The impetus was provided by the ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5-KG25-174-K2 in the Dolina case and the Thematic Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 12/2026. We will have to examine this question—the compatibility and interaction of these trends.*

Identification is now structured on three levels: the enhanced qualified electronic signature (UKEP), the UBS, and the Unified System of Identification and Authentication (USIA). But this scheme has limits. Biometrics confirms a person's identity. It does not, however, verify clear legal title to the property. Nor does it guarantee freedom of expression of will.

For the home buyer, this gives rise to new risks. Biometric data are irreversible; they cannot be changed. Deepfakes are becoming increasingly convincing. The risk of coercion also remains. Add to this the digital divide: not everyone is willing or able to use such systems.

Particular attention is paid to distinguishing between Articles 178 and 179 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as to the reorientation of sellers toward Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation (inability to understand the meaning of one's actions or to control them) after the Supreme Court's ruling. The redistribution of the burden of proving good faith and the draft law on a "cooling-off period" are analyzed. What could be proposed? Give the buyer 24 hours to reflect, with the right to withdraw from the transaction. Introduce two-stage biometric verification. Establish a "maturation" period for the UKEP and a cooling-off period. Make title insurance mandatory for certain types of transactions. And finally, require a notarial form for sellers aged 70 and older and in cases of alienation of one's only home. The conclusion is simple: in the digital age, it will not be possible to protect a bona fide purchaser with technology alone; civil-law guarantees are also indispensable.

Key words: *Unified Biometric System, bona fide purchaser, remote transactions, electronic registration of rights, UKEP, deepfakes, cooling-off period, burden of proof, notarial form, Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Механизм дистанционной регистрации сделок с жильём через ЕБС заработал в России сравнительно недавно - с 1 июля 2026 года. Появился он благодаря Федеральному закону от 07.06.2025 № 133-ФЗ [11]. Первая такая сделка была зарегистрирована уже через три недели после запуска механизма - 23 июля 2026 года в Самарской области. Стороны прошли биометрическую идентификацию, документы были подписаны УКЭП [5]. Параллельно развивалась судебная практика. 16 декабря 2025 года Верховный Суд РФ по «делу Долиной» (Определение № 5-КГ25-174-К2) отменил решения нижестоящих инстанций и оставил квартиру добросовестной покупательнице, указав, что заблуждение в мотивах не является основанием недействительности (п. 3 ст. 178 ГК РФ), а отказ от двусторонней реституции недопустим [13]. 1 июля 2026 года Президиум ВС РФ утвердил Тематический обзор № 12/2026, закрепивший этот подход [22]. Казалось бы, добросовестный приобретатель получил устойчивую защиту. Однако именно это решение запустило обратный эффект: продавцы стали переориентироваться со ст. 178 на ст. 177 ГК РФ - неспособность понимать значение своих действий. И вот здесь судебная линия впервые напрямую пересекается с цифровой. Само «дело Долиной» цифровым не было: сделка 2024 года совершалась офлайн, с подписанием в банке и расчётами через сейф. Но его последствия переформатировали поле оспаривания сделок, а новое поле - ст. 177 - бьёт по всем сделкам, но особенно уязвимыми становятся дистанционные сделки. Эти две линии - техническая и судебная - развивались вроде бы параллельно, но никто пока не попытался свести их вместе. А между тем именно на их пересечении и возникает больше всего вопросов. Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ норм ГК РФ и Закона № 218-ФЗ от 13 июля 2015 года, сравнительно-правовой анализ законодательства Германии, Казахстана и Эстонии, а также изучение судебной практики (Определение ВС РФ № 5-КГ25-174-К2, Тематический обзор № 12/2026) и доктринальных источников.

Закон № 133-ФЗ не отменил усиленную квалифицированную электронную подпись - он лишь дополнил её биометрической идентификацией. В результате выстроилась трёхуровневая система. УКЭП подтверждает авторство и неизменность документа. Биометрия удостоверяет, что перед камерой находится именно тот человек, который подписывает договор. ЕСИА открывает доступ к площадке «Госуслуг» [1]. Каждый уровень решает свою задачу, но вместе они не проверяют юридическую чистоту квартиры. Долги, запреты, аресты, споры, супружеские доли - всего этого система попросту не видит. Биометрия отвечает на вопрос «тот ли это человек?», но не на вопрос «можно ли совершать эту сделку?». Теоретическая основа для анализа электронной формы волеизъявления заложена в отечественной цивилистике. В работах А. А. Ляужева исследуются особенности реализации принципа автономии воли сторон в условиях цифровизации и необходимость законодательного закрепления конкретных вариантов цифровой формы юридически значимых сообщений [9]. Правовая природа электронной подписи как средства защиты информации и подтверждения подлинности документов раскрывается в исследованиях С. Ю. Михайловой и Е. В. Ивановой [10]. Вопросы надёжности и ответственности в системе применения электронной подписи анализируются Н. И. Соловяненко, которая отмечает необходимость закрепления в законодательстве условий ограничения ответственности удостоверяющих центров [20]. Проблемы добросовестности приобретателя и распределения бремени доказывания рассматриваются в работе А. А. Бурмакина и И. В. Заикиной [3]. Однако специальных исследований, посвящённых взаимодействию биометрической идентификации

и защиты добросовестного приобретателя в сделках с недвижимостью, пока недостаточно.

С точки зрения теории юридических фактов биометрическая идентификация является не самостоятельным юридическим фактом, а производной технической процедурой. Она запускает процесс регистрации, но нового права не создаёт. Сбой биометрии сам по себе ещё не тянет на отдельное основание для недействительности сделки. Оспаривать её придётся по общим мотивам: порок воли, отсутствие согласия супруга, введение в заблуждение, стечение тяжёлых обстоятельств. Иными словами, проверка по лицу не превращает сделку в безупречную и не снимает с приобретателя обязанность убедиться в юридической чистоте объекта. Чтобы разобраться в правовом режиме электронных сделок, нужно чётко развести два защитных механизма, предусмотренных Законом № 218-ФЗ [12]. Первый - статья 36. Она даёт собственнику возможность внести в ЕГРН запись о том, что переход права без его личного участия невозможен. Такая запись блокирует регистрацию по доверенности и работает как барьер против мошенничества. Статья 36.2 регулирует иной механизм - внесение в ЕГРН записи о возможности представления заявления в электронной форме: без такой отметки электронная регистрация по УКЭП была невозможна.

Закон № 133-ФЗ изменил именно ст. 36.2, дополнив ч. 6 п. 6 следующей формулировкой: «сторонами договора об отчуждении объекта недвижимости, если соответствующее заявление и прилагаемые к нему документы в форме электронных документов и (или) электронных образов документов подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью заявителей при условии идентификации сторон договора с использованием государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных»» [11]. Раньше всё было иначе. Чтобы зарегистрировать сделку электронно, собственнику приходилось вносить в ЕГРН отдельную запись - своеобразное разрешение на регистрацию по документам, подписанным УКЭП. Без неё регистратор просто не принял бы документы. Теперь появился альтернативный путь: отсутствие такой записи в реестре больше не блокирует государственную регистрацию - но лишь в случаях, прямо перечисленных в законе. Один из них - пункт 6 части 6 статьи 36.2. Он касается сторон договора об отчуждении объекта недвижимости: если их заявление и документы подписаны УКЭП, а сами стороны прошли идентификацию через ЕСИА с использованием биометрических персональных данных, регистрация возможна и без предварительной записи в ЕГРН [11]. Что это значит на практике? Специальная отметка в ЕГРН по ст. 36.2 больше не требуется - достаточно, чтобы стороны прошли биометрическую идентификацию. Однако остаётся вопрос о взаимодействии с другим защитным механизмом - записью по ст. 36, блокирующей регистрацию без личного участия собственника. Статья 36 говорит о регистрации «без личного участия». Является ли биометрическая идентификация из дома «личным участием» в смысле данной нормы, в самом законе прямо не разъяснено: 133-ФЗ внёс изменения только в ст. 36.2, а ст. 36 оставил без изменений. При буквальном толковании запись по ст. 36 может блокировать любую регистрацию без физического присутствия, включая дистанционную биометрическую регистрацию. При целевом толковании биометрия удостоверяет личность и может рассматриваться как форма «личного участия». На практике правоприменение склоняется к буквальному толкованию: собственнику необходимо предварительно снять запрет по ст. 36 — лично, через Госуслуги или через МФЦ. Росреестр уже занял по этому вопросу чёткую позицию: дистанционная биометрическая регистрация не применяется к объектам, по которым в ЕГРН внесена запись о невозможности регистрации без личного участия собственника. Таким образом, на уровне правоприменения вопрос закрыт, хотя в самом законе прямая отсылка от п. 6 ч. 6 ст. 36.2 к ст. 36 отсутствует. Кроме того, биометрическая регистрация не применяется при отчуждении долей в общей собственности, в сделках с участием несовершеннолетних или недееспособных лиц, а также в отношении наследственных и спорных объектов. [1].

На этом фоне особую остроту приобретают новые риски. Необратимость биометрических данных создаёт риск, не сопоставимый с компрометацией пароля или ключа УКЭП. Лицо, голос, отпечатки пальцев невозможно заменить. При утечке, последствия растягиваются на годы: мошенники могут использовать данные многократно. Если гражданин однажды сдал биометрию ради оплаты проезда, он может не осознавать, что тем самым открыл возможность для дистанционного распоряжения жильём. К концу 2025 года число пользователей ЕБС достигло 9 млн человек - рост в три раза за год. Количество биометрических платежей за девять месяцев 2025 года составило 146 млн, что в девять раз больше, чем годом ранее [2]. Однако масштаб системы - это и масштаб рисков. Согласно исследованию Entrust (2026 Identity Fraud Report), дипфейки составляют 20% всех попыток биометрического мошенничества [24]. В России, по данным Сбербанка, число случаев кибермошенничества с использованием дипфейков за полтора года выросло в 26 раз,

а ущерб в 2026 году превысил 2 млрд рублей [4]. Представители Центра биометрических технологий отмечают, что система анализирует совокупность параметров и проверяет, находится ли перед камерой реальный человек, - но в условиях распространения генеративных моделей угроза остаётся значительной. Отдельная группа рисков - принуждение к прохождению биометрической идентификации. Камера не оценивает способность понимать значение действий, не видит растерянности, дрожи в голосе, признаков давления. Для пожилых людей и лиц в зависимом положении удалённая сделка особенно уязвима. Показательно дело № 2-530/2020 Буйнакского городского суда: 94-летней истице вернули право собственности, когда УКЭП была выпущена на основании доверенности с подложной подписью, а регистрация перехода права проведена тайно от истицы по электронной подписи [19]. Биометрия этот риск не снимает - достаточно убедить человека поднести лицо к экрану. Цифровой разрыв усугубляет проблему. Граждане с низкой цифровой грамотностью воспринимают биометрию как барьер и вынуждены просить «помощи» у знакомых и случайных консультантов, которые нередко становятся фигурантами уголовных дел о мошенничестве с недвижимостью [1]. Таким образом, технологическая идентификация сама по себе не создаёт гражданско-правовых гарантий; она лишь меняет конфигурацию рисков.

Если техническая линия задаёт новые возможности, то судебная линия определяет, насколько устойчивым будет право приобретателя. И здесь ключевым стал вопрос о выборе основания для оспаривания. При обмане (ст. 179 ГК РФ) сделка может быть оспорена, если другая сторона знала или должна была знать об обмане, совершаемом третьим лицом [14]. При заблуждении (ст. 178 ГК РФ) учитывается добросовестность контрагента: согласно п. 5 ст. 178 ГК РФ суд может отказать в признании сделки недействительной, если заблуждение было таким, что его не распознало бы лицо, действующее с обычной осмотрительностью [15]. Именно поэтому в «деле Долиной» иск был заявлен по ст. 178, а не по ст. 179: обман шёл от третьих лиц - телефонных мошенников, а не от покупательницы, и доказать её осведомлённость было практически невозможно. Выбор ст. 178 оказался тактически вынужденным: при ст. 179 добросовестность покупателя блокировала бы иск. Тематический обзор ВС РФ № 12/2026 подтвердил это, указав в п. 7, что, если обман исходил от третьего лица, оспаривание по ст. 179 допускается лишь при условии, что приобретатель знал или должен был знать об обмане [22]. Верховный Суд, отменяя решения нижестоящих инстанций, занял последовательную позицию: заблуждение в мотивах не имеет правового значения (п. 3 ст. 178 ГК РФ); добросовестный контрагент, осмотревший квартиру и проведший расчёты через банк, не может отвечать за чужой обман; продавец, зарегистрированный как индивидуальный предприниматель с опытом гражданско-правовых отношений, должен понимать последствия отчуждения недвижимости; уклонение истца от судебно-психиатрической экспертизы влечёт для него негативные процессуальные последствия; наконец, отказ от двусторонней реституции недопустим - ст. 178 ГК РФ не входит в перечень исключений [13]. После этого решения суды стали вдвое чаще защищать покупателей: если в 2025 году добросовестным приобретателям удавалось сохранить жильё в 41% споров, то в 2026 году - в 85% [16]. Однако, по данным Ассоциации юристов России, после решения ВС по делу Долиной зафиксировано как минимум 30 случаев, когда нижестоящие суды продолжали вставать на сторону продавцов [23]. Это означает, что победа добросовестного приобретателя не стала автоматической гарантией для всех последующих споров.

Логическим продолжением судебной линии стало утверждение 1 июля 2026 года Президиумом ВС РФ Тематического обзора судебной практики № 12/2026 (постановление № 15А/2026), содержащего 20 правовых позиций [22]. Обзор провёл чёткую границу между заблуждением в природе сделки и заблуждением в мотивах: первое может быть основанием недействительности, второе — нет, если покупатель добросовестен. Согласно п. 8 Обзора, при наличии условий для оспаривания сделки как совершённой под влиянием обмана суд применяет двустороннюю реституцию: возврат квартиры продавцу должен сопровождаться безусловным возвратом денег покупателю. Отказ от этого правила возможен только в случаях, определённых законом [22]. Таким образом, к середине 2026 года сложилась достаточно устойчивая судебная рамка: добросовестный приобретатель по ст. 178 ГК РФ защищён, а обман третьих лиц не должен автоматически разрушать сделку. Однако именно эта устойчивость и породила новую проблему - смещение стратегии продавцов на иное основание.

После Определения ВС по делу Долиной закрытие ст. 178 как инструмента оспаривания не остановило продавцов, а сместило их стратегию. По данным экспертов рынка недвижимости, продавцы переориентировались со ст. 178 ГК РФ (заблуждение) на ст. 177 ГК РФ (неспособность понимать значение своих действий), ссылаясь на внезапный приступ болезни, сильное медикаментозное воздействие или помутнение рассудка. Как отмечает руководитель блока безопасности компании «Этажи» Е. Тикунова, «как только суд ссылается на 177 статью ГК РФ, покупатель по-

чти гарантированно проигрывает» [23]. Практика подтверждает этот прогноз. Как сообщают «Известия», семья Котковых до сделки за 45 тыс. руб. заказала психолого-психиатрическое освидетельствование продавца, которое подтвердило, что он понимает значение своих действий. Однако суд не принял это заключение во внимание: после решения ВС по делу Долиной продавец уже 19 декабря 2025 года подал уточнённый иск по ст. 177 ГК РФ, а 16 января 2026 года договор был признан недействительным с применением реституции. Вернуть деньги покупателям продавец не смог - у него их не было [6]. Принципиальное отличие ст. 177 от ст. 178 и 179 ГК РФ состоит в том, что при оспаривании по пункту 1 ст. 177 добросовестность покупателя не учитывается. При обмане (ст. 179) сделка оспаривается, только если покупатель знал или должен был знать об обмане. При заблуждении (ст. 178) добросовестность контрагента может блокировать оспаривание (п. 5 ст. 178 ГК РФ). Но при п. 1 ст. 177 даже если приобретатель проверил документы, провёл расчёты через банк, оформил всё у нотариуса и действовал максимально осторожно - это само по себе не гарантирует защиту права собственности. Сделка может быть признана недействительной, если экспертиза подтвердит неспособность продавца понимать значение своих действий в момент подписания [23]. Тематический обзор № 12/2026 прямо затронул эту проблему. Согласно п. 1.1 Обзора, для признания сделки недействительной по п. 1 ст. 177 ГК РФ истец обязан доказать, что в момент совершения сделки он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими. Бремя доказывания возлагается на истца, а уклонение от судебно-психиатрической экспертизы может стать основанием для отказа в иске [22]. Согласно п. 3 Обзора, наличие или отсутствие психического расстройства устанавливается исключительно на основании заключения экспертизы [22]. Применительно к дистанционным сделкам через ЕБС этот риск приобретает особую остроту. В обычной сделке нотариус или сотрудник МФЦ видит продавца живьём. И может заметить то, что не фиксирует ни одна камера: растерянность, спутанную речь, дезориентацию. В дистанционном формате всё иначе. Биометрия подтверждает совпадение параметров - и только. Психическое состояние остаётся за кадром. А теперь представим, что продавец оспаривает сделку по статье 177 ГК РФ. Что остаётся добросовестному приобретателю? У него, как правило, нет видеозаписи общения с продавцом в момент подписания. Свидетели - редко. Ссылки на то, как продавец вёл себя при личной встрече, не заменят заключения судебно-психиатрической экспертизы. Биометрия в такой ситуации не защищает покупателя - она, наоборот, создаёт иллюзию «технической безупречности» процедуры. А за этой иллюзией скрывается отсутствие проверки воли.

Теперь о бремени доказывания. По пункту 5 статьи 10 и статье 302 ГК РФ добросовестность приобретателя презюмируется. Доказывать обратное должен истец. Но на практике картина сложнее. В научной литературе отмечают: истец формирует так называемую «фактическую презумпцию недобросовестности» — через набор «красных флагов». Что сюда попадает? Заниженная цена, доверенность, частая смена титулов, сомнительные полномочия продавца, расчёты через третьих лиц [3]. Если приобретатель проигнорировал такие признаки, суд может признать его недобросовестным. Получается, перераспределение бремени доказывания происходит де-факто - независимо от того, что написано в законе. Применительно к дистанционным сделкам через ЕБС возникает специфический вопрос: должно ли само по себе прохождение биометрии презумироваться как подтверждение добросовестности приобретателя? Представляется, что нет. Биометрия подтверждает, кто перед нами, но не говорит, добросовестен ли человек. Это разные вещи. Когда дистанционную сделку начинают оспаривать, логично возложить на покупателя обязанность доказать, что он проявил разумную осмотрительность: взял выписку из ЕГРН, проверил, нет ли записей по ст. 36 Федерального закона № 218-ФЗ, убедился, что супруг продавца дал согласие [17]. Если же покупатель просто прошёл биометрию и на этом успокоился - это ещё не повод автоматически считать его добросовестным. Цифровизация, получается, не отменяет классические гражданско-правовые критерии осмотрительности. Она просто переносит их в новую среду.

Другие страны, кстати, тоже не спешат отказываться от содержательного контроля. В Германии сделки с недвижимостью требуют нотариальной формы (§ 311b Гражданского уложения Германии, Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) [7]. Нотариус проверяет дееспособность, обременения, явные пороки воли. Электронная идентификация через eID — для онлайн-сервисов, но нотариальное удостоверение она не заменяет. В Казахстане с 1 июля 2024 года запустили пилот по онлайн-сделкам с недвижимостью: биометрия сторон плюс видеозвонок нотариусу, который удостоверяет и личность, и подлинность сделки. Если продавец в браке, биометрию проходит и супруг. Регистрация занимает минут десять. Казахстанская модель соединяет биометрию с обязательным нотариальным контролем - цифра не вытесняет нотариуса, а дополняет его. Эстония пошла дальше: полностью электронная регистрация через портал e-Kinnistusraamat с ID-картой. Среднее время

- один рабочий день, больше 95% заявлений подаются онлайн. Но и там сделки с недвижимостью требуют обязательного нотариального удостоверения [21]. Правда, нотариус может удостоверить дистанционно, через видеомост - юридически это равносильно присутствию [8]. То есть эстонская модель, как и казахстанская, сохраняет человеческий барьер - нотариуса - даже при полной цифровизации. Россия же пошла другим путём: нотариус из звена идентификации исключён, кроме случаев, когда нотариальная форма обязательна.

В результате образуется лакуна, в которой проверка пороков воли остаётся за кадром. Именно поэтому зарубежный опыт важен не для копирования, а для понимания того, какие гражданско-правовые предохранители могут быть встроены в цифровую процедуру.

Из проведённого анализа вытекают следующие практические рекомендации, как обезопасить себя.

Защитить аккаунт на «Госуслугах». Использовать сложный пароль и двухфакторную аутентификацию. Никому не сообщать коды из СМС.

Следить за выпуском УКЭП. Подключить уведомления о выпуске сертификатов на своё имя.

Подключить уведомления Росреестра об изменениях по своим объектам недвижимости.

Установить запрет на электронные сделки без личного участия. Если вы не планировали продавать недвижимость, внесите в ЕГРН запись о невозможности регистрации перехода права без вашего личного присутствия. Тогда, даже если ваши данные будут скомпрометированы, мошенники не смогут снять такое ограничение дистанционно без вашего ведома. Заявление можно подать:

через «Госуслуги» (онлайн, потребуется УКЭП);

через сайт Росреестра (онлайн, потребуется УКЭП) - раздел «Услуги и Сервисы» - «Иное»;

через МФЦ (лично, нужен паспорт).

Снять запрет можно таким же заявлением. На установку и снятие потребуется до пяти рабочих дней.

Предложения по изменению законодательства:

Предварительное уведомление собственника с правом отказа в 24-часовой срок. Действующее регулирование (ч. 5 ст. 36.2 Федерального закона № 218-ФЗ) обязывает Росреестр направлять собственнику уведомление о поступлении электронного заявления о регистрации перехода права. Однако уведомление носит информационный характер: оно не приостанавливает регистрационную процедуру и не предоставляет собственнику правового механизма пресечения несанкционированной сделки. К моменту получения уведомления регистрация может быть уже завершена [12].

Предлагается дополнить ст. 36.2 Федерального закона № 218-ФЗ нормой, устанавливающей обязательную 24-часовую паузу между поступлением электронного заявления и началом правовой экспертизы. Собственник также вправе отклонить заявление через push-уведомление портала «Госуслуги» или SMS-код. Неполучение ответа в течение 24 часов квалифицируется как согласие - регистрация продолжается в общем порядке. Получение отказа - основание для возврата заявления без рассмотрения и возможной блокировки сделки.

Двадцать четыре часа соразмерны сроку регистрации по ст. 16 Федерального закона № 218-ФЗ (семь рабочих дней) и не создают существенной задержки для легитимных сделок. Одновременно этот временной разрыв разрушает сценарий социальной инженерии, рассчитанный на завершение сделки до осознания собственником произошедшего.

Двухэтапная биометрическая верификация с временным разрывом. С 1 июля 2026 г. биометрическая идентификация через ЕБС применяется как второй фактор подтверждения личности при электронной подаче заявления о регистрации (Федеральный закон от 07.06.2025 № 133-ФЗ) [11]. Верификация проводится однократно - в момент подачи. Социальная инженерия, являющаяся основным вектором атак на электронные сделки, рассчитана на скорость: жертва под давлением третьих лиц проходит биометрию в течение нескольких минут, не осознавая существа совершаемых действий.

Предлагается ввести для сделок по отчуждению жилых помещений повторную биометрическую верификацию через 2 часа после первой - с иной контрольной фразой. После первой верификации заявление принимается в статус «предварительно подано». По истечении 2 часов система направляет собственнику уведомление с требованием повторного подтверждения. Только после второго подтверждения заявление поступает в правовую экспертизу.

Двухчасовой разрыв плохо совместим со сценариями силового давления: удержание жертвы у экрана в течение 2 часов и повторное прохождение верификации с новой фразой превышает возможности типичной социальной инженерии. Для легитимных сделок задержка несущественна - срок регистрации по ст. 16 Федерального закона № 218-ФЗ составляет семь рабочих дней. Область применения ограничивается сделками отчуждения (продажа, дарение); для обременений, аренды и ипотеки повторная верификация не требуется ввиду меньшего риска утраты

права.

Период «созревания» электронной подписи для сделок с недвижимостью. Типичная мошенническая схема включает получение УКЭП на имя собственника (через утечку данных или подлог документов при идентификации в удостоверяющем центре), регистрацию в ЕБС и подачу заявления в течение одного дня. Собственник не успевает обнаружить выпуск подписи на своё имя и отозвать её.

Предлагается установить мораторий 14 календарных дней между выдачей УКЭП и возможностью её использования для подачи электронного заявления о регистрации перехода права на жилое помещение. В течение этого срока собственник уведомляется о выпуске УКЭП и вправе отозвать её через удостоверяющий центр в упрощённом порядке. При личном подтверждении собственником выпуска УКЭП в удостоверяющем центре (очная идентификация) мораторий сокращается до 3 дней.

Норма может быть реализована как дополнение к ст. 36.2 Федерального закона № 218-ФЗ: Росреестр при приёме электронного заявления проверяет дату выдачи сертификата УКЭП и возвращает заявление, поданное до истечения моратория.

Период охлаждения для дистанционных сделок. Законопроект № 1078594-8, внесённый в Государственную Думу в ноябре 2025 г., предлагает следующее: после подписания договора купли-продажи деньги покупателя не передаются продавцу сразу, а замораживаются на специальном счёте или аккредитиве на семь календарных дней. В течение этого срока продавец может передумать и отказаться от сделки. Если отказ не поступил, регистрация перехода права осуществляется в общем порядке, после чего средства переводятся на счёт продавца. Наличные расчёты при этом запрещаются полностью. Законопроект пока не принят [18].

Предлагается поддержать принятие законопроекта со следующей поправкой: исключение для альтернативных сделок. Если продавец в течение периода охлаждения приобретает иное жильё (подтверждается предварительным договором), заморозка средств не применяется - деньги переводятся на аккредитив с условием раскрытия после регистрации права покупателя на объект продавца. Без этого исключения период охлаждения парализует «цепочки» альтернативных сделок, составляющих значительную долю вторичного рынка.

Обязательное титульное страхование для сделок с единственным жильём продавца. Титульное страхование существует как добровольный продукт (тариф 0,2–0,5% от стоимости объекта), однако закон не обязывает его применение ни для какой категории сделок. При ипотеке выгодоприобретателем обычно назначается банк — в случае оспаривания сделки банк получает свои средства, а приобретатель остаётся с долгом и без квартиры.

Предлагается ввести в Федеральный закон № 218-ФЗ норму: при продаже единственного жилья продавца регистрация перехода права осуществляется при условии предъявления полиса титульного страхования на полную рыночную стоимость объекта, с назначением выгодоприобретателем приобретателя. Полис должен предусматривать ретроспективное покрытие — страхование событий, произошедших до заключения договора страхования, включая порок воли продавца и обман третьих лиц.

Для остальных сделок страхование остаётся добровольным. Обязательное страхование ограничено категорией единственного жилья - областью максимального риска и максимального ущерба.

Обязательное нотариальное удостоверение для продавцов 70 лет и старше и сделок с единственным жильём. Общий принцип нотариальной формы установлен ст. 163 ГК РФ: нотариальное удостоверение обязательно в случаях, указанных в законе, а также если стороны сами договорились об этом. Конкретные случаи обязательного нотариального удостоверения применительно к недвижимости установлены в других нормах закона. Сделки с единственным жильём и сделки с пожилыми продавцами в этот перечень не входят.

Предлагается дополнить ст. 42 Закона № 218-ФЗ следующими основаниями:

продавец достиг 70 лет — обязательное нотариальное удостоверение с видеофиксацией процедуры и кратким когнитивным опросником (ориентировка во времени, месте, понимание существа сделки). Видеозапись хранится в реестре нотариальной палаты в течение пяти лет и доступна суду;

объект является единственным жильём продавца — обязательное нотариальное удостоверение.

Порог 70 лет выбран сознательно. Именно с этого возраста риски когнитивных нарушений начинают расти резко. И телефонное мошенничество в отношении пожилых людей именно тогда набирает обороты. При этом 70 лет - рубеж, который уже давно признан в социальном законодательстве. Так что назвать норму дискриминационной будет сложно. Когнитивный опросник и видеофиксация, конечно, медицинское освидетельствование не заменяют. Но они оставляют документальный след - свидетельство состояния продавца на момент сделки. А это уже доказательство, которое можно использовать в суде по

ст. 177 ГК РФ.

Цифровизация сделок с жильём и защита добросовестного приобретателя - две линии, которые не могут развиваться порознь. Биометрия ускоряет оборот. Но содержательную проверку она не заменяет. И свободу волеизъявления не гарантирует.

Определение ВС РФ по делу Ларисы Александровны Долиной усилило защиту добросовестного покупателя по ст. 178 ГК РФ, а Тематический обзор № 12/2026 закрепил этот подход. Однако продавцы уже переориентировались на ст. 177 ГК РФ, где добросовестность покупателя практически не учитывается и где, по оценке экспертов, покупатель «почти гарантированно проигрывает» [23]. Принципиальное различие между ст. 178 (заблуждение) и ст. 179 (обман) состоит в том, что при обмане требуется доказать умысел контрагента, а при заблуждении — достаточно собственной ошибки, но добросовестность контрагента может заблокировать оспаривание. Статья 177 не учитывает добросовестность вовсе - и именно поэтому она становится главным инструментом оспаривания дистанционных сделок. В условиях дистанционных сделок через ЕБС этот риск возрастает: нет видеозаписи, нет личной встречи, нет свидетелей. Камера фиксирует совпадение лица, но не фиксирует свободу воли. Решение - не отказ от цифровизации, а её встраивание в систему гражданско-правовых гарантий: 24-часовая пауза с правом отказа, двухэтапная биометрическая верификация, система автоматических «красных флагов», период «созревания» УКЭП, «период охлаждения», обязательное титульное страхование и обязательная нотариальная форма для уязвимых категорий.

Жильё - не бытовая вещь, и потеря квартиры из-за технического сбоя или судебной неопределённости не сравнима с забытым паролем.

Список литературы:

[1] Анти-malware. Биометрия в сделках с недвижимостью: риски, защита и новые правила Росреестра. — 2026. – 9 июля. — URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Biometrics-and-the-real-estate-market (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Немкин Антон: Биометрия уже встроилась в повседневность граждан России // Российская газета. — 2026. — 4 янв. — URL: https://rg.ru/2026/01/04/anton-nemkin-biometriia-uzhe-vstroilas-v-povsednevnost-grazhdan-rossii.html?ysclid=mu6ow6h1wm879054795 (дата обращения: 13.09.2026).

[3] Бурмакин А. А., Заикина И. В. Критерии добросовестности приобретателя недвижимости: анализ судебной практики и проблемы распределения бремени доказывания // CyberLeninka. - 2026 - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-dobrosovestnosti-priobretatelya-nedvizhimosti-analiz-sudebnoy-praktiki-i-problemy-raspredeleniya-bremeni-dokazyvaniya?ysclid=mu6oub7a5u143315562 (дата обращения: 07.09.2026).

[4] В России выросло число случаев кибермошенничества с дипфейками // РИА Новости. — 2026. — 3 сент. — URL: https://ria.ru/20260903/moshennichestvo-2115018407.html?ysclid=mu6osj6b9x233277390 (дата обращения: 14.09.2026).

[5] В России начали регистрировать первые сделки с недвижимостью с использованием биометрии // Росреестр. — 2026. — 23 июля. — URL: https://rosreestr.gov.ru/press/news/502153/?ysclid=mu6or8ke6x963932220 (дата обращения: 08.08.2026).

[6] Доступное жильё: покупатели по «схеме Долиной» продолжают терять квартиры и деньги / А. Одоева // Известия. — 2026. — 12 авг. — URL: https://iz.ru/2147534/alina-odoeva/dostupnoe-zhule-pokupateli-po-skheme-dolinoi-prodolzhaiut-teriat-kvartiry-i-dengi?ysclid=mu6opitk8r891920054 (дата обращения: 20.08.2026).

[7] Гражданское уложение Германии (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB) : ввод. закон к Гражданскому уложению / пер. с нем. ; науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. — 2-е изд., перераб. — Москва : Волтерс Клувер, 2006. — 816 с.

[8] Дистанционное удостоверение и распознание лица // Notarite Koda. – 2023. — URL: https://www.notar.ee/ru/teabekeskus/kaugtoestus (дата обращения: 08.09.2026).

[9] Ляужев А. А. Особенности реализации принципа автономии воли сторон в гражданских правоотношениях в связи с использованием цифровых технологий // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. — 2024. — URL: https://epo.rea.ru/jour/article/view/789?ysclid=mu6ohap38m327845058 (дата обращения: 17.08.2026).

[10] Михайлова С. Ю., Иванова Е. В. Правовые сущность и содержание категории «электронный документ» // Право и практика. — 2022. — № 2. — С. 194–197.

[11] О внесении изменения в статью 36.2 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»: Федеральный закон от 07.06.2025 № 133-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 24. — Ст. 3141.

[12] О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (ч. I). — Ст. 4344.

[13] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря

2025 г. № 5-КГ25-174-К2 // Законы, кодексы и нормативно – правовые акты РФ. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16122025-n-5-kg25-174-k2-2-3872025-uid-77rs0030-02-2024-006532-55/?ysclid=mu6of6xp5s417418764 (дата обращения: 17.09.2026).

[14] Оспаривание договора по мотиву обмана (ст. 179 ГК РФ): понятие, формы, судебная практика // Право ПРО. — 2026. — URL: https://pravo-pro.ru/blog/posts/osparivanie-dogovora-po obmanu/?ysclid=mu6odxgksd695526979 (дата обращения: 17.09.2026).

[15] Оспаривание договора по мотиву заблуждения (ст. 178 ГК РФ) // Право ПРО. — 2026. — URL: https://pravo-pro.ru/blog/posts/osparivanie-dogovora-po-zabluzhdeniyu/?ysclid=mu6oazolrw58 9058238 (дата обращения: 01.09.2026).

[16] После «дела Долиной» суды стали вдвое чаще защищать покупателей квартир // Известия. — 2026. — 4 авг. — URL: https://iz.ru/2143377/2026-08-04/posle-dela-dolinoi-sudy-stali-vdvoe-chashche-zashchishchat-pokupatelei-kvartir?ysclid=mu6o96pkuv23767182 (дата обращения: 15.08.2026).

[17] Постановление Правительства РФ от 03.03.2016 № 167 «О порядке информационного взаимодействия федеральной государственной информационной системы ведения Единого государственного реестра недвижимости с иными государственными или муниципальными информационными системами» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 11. — Ст. 1546.

[18] Предложено защитить права добросовестного приобретателя жилья от возможных злоупотреблений продавца // Адвокатская газета. — 2025. — URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/predlozheno-zashchitit-prava-dobrosovestnogo-priobretatelya-zhilya-ot-vozmozhnykh-zloupotrebleniy-prodavtsa/ (дата обращения: 15.09.2026).

[19] Решение Буйнакского городского суда Республики Дагестан по делу № 2-530/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/4351J0sYtwV8/ (дата обращения: 17.09.2026).

[20] Соловяненко Н. И. Взаимосвязь категорий «надёжность» и «ответственность» в системе правового регулирования и применения электронной подписи // Проблемы экономики и юридической практики. — 2025. — Т. 21, № 5. — С. 116–121.

[21] Сравнительный анализ современных систем регистрации прав на недвижимость: опыт РФ, Германии, Великобритании, США и Эстонии / Гумеров А.Ф. // Молодой учёный. — 2025. — № 27. — С. 154-156.

[22] Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 12/2026 «По делам, связанным с оспариванием сделок, повлекших переход права собственности на жилые помещения»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.07.2026, пост. № 15А/2026 // Законы, кодексы и нормативно – правовые акты Российской Федерации — URL: https://legalacts.ru/sud/tematicheskii-obzor-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-n-122026-po-delam-sviazannym-s-osparivaniem-sdelok-povlekshikh-perekhod-prava-sobstvennosti/?ysclid=mu6nw25opc628711453 (дата обращения: 17.09.2026).

[23] Эксперты: суды после дела Долиной по-прежнему встают на сторону продавцов // РИА Недвижимость. — 2026. — 13 мая. — URL: https://realty.ria.ru/20260513/dolina-2091133543.html (дата обращения: 10.09.2026).

[24] Entrust: технологии GenAI и дипфейки усиливают рост подделок и подрывают биометрическую идентификацию // CISOCLUB. — 2025. — URL: https://cisoclub.ru/entrust-tehnologii-genai-i-dipfejki-usilivajut-rost-poddelok-i-podryvajut-biometricheskuju-identifikaciju/?ysclid=mu6nt5eq8s999233288 (дата обращения: 02.09.2026).

References:

[1] Anti-malware. Biometrics in real estate transactions: risks, protection and new rules of Rosreestr. — 2026. - July 9. — URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Threats_Analysis/Biometrics-and-the-real-estate-market (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Nemkin Anton: Biometrics have already been integrated into the everyday life of Russian citizens // Rossiyskaya Gazeta. — 2026. — 4 янв. — URL: https://rg.ru/2026/01/04/anton-nemkin-biometriia-uzhe-vstroilas-v-povsednevnost-grazhdan-rossii.html?ysclid=mu6ow6h1wm879054795 (дата обращения: 13.09.2026).

[3] Burmakin A. A., Zaikina I. V. Criteria of good faith of the real estate acquirer: analysis of judicial practice and problems of burden of proof distribution // CyberLeninka. - 2026 - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-dobrosovestnosti-priobretatelya-nedvizhimosti-analiz-sudebnoy-praktiki-i-problemy-raspredeleniya-bremeni-dokazyvaniya?ysclid=mu6oub7a5u14 3315562 (дата обращения: 07.09.2026).

[4] In Russia, the number of cases of cyber fraud with deepfakes has increased // RIA Novosti. — 2026. - September 3 - URL: https://ria.ru/20260903/moshennichestvo-2115018407.html?ysclid=mu6osj6b9x233277390 (access date: 14.09.2026).

[5] In Russia, they began to register the first real estate transactions using biometrics //

Rosreestr. — 2026. - July 23. - URL: https://rosreestr.gov.ru/press/news/502153/?ysclid=mu6or8ke6x963932220 (access date: 08.08.2026).

[6] Affordable housing: buyers according to the "Dolina scheme" continue to lose apartments and money / A. Odoeva // Izvestia. — 2026. — 12 авг. — URL: https://iz.ru/2147534/alina-odoeva/dostupnoe-zhule-pokupateli-po-skheme-dolinoi-prodolzhaiut-teriat-kvartiry-i-dengi?ysclid=mu6opitk8r891920054 (дата обращения: 20.08.2026).

[7] German Civil Code (Bürgerliches Gesetzbuch, BGB): input. law to the Civil Code / trans. With it.; scientific. ed. A. L. Makovsky [et al.]. - 2nd ed., Revised - Moscow: Volters Kluver, 2006. - 816 s.

[8] Remote identity and face recognition // Notarite Koda. – 2023. - URL: https://www.notar.ee/ru/teabekeskus/kaugtoestus (access date: 08.09.2026).

[9] Lyauzhev A. A. Peculiarities of the implementation of the principle of autonomy of the will of the parties in civil legal relations in connection with the use of digital technologies // ECONOMY. RIGHT. Society. — 2024. - URL: https://epo.rea.ru/jour/article/view/789?ysclid=mu6ohap38m327845058 (access date: 17.08.2026).

[10] Mikhailova S. Yu., Ivanova E. V. Legal essence and content of the category "electronic document" // Law and practice. — 2022. — № 2. - S. 194-197.

[11] On Amending Article 36.2 of the Federal Law "On State Registration of Real Estate": Federal Law of 07.06.2025 No. 133-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2025. — № 24. - Art. 3141.

[12] On state registration of real estate: Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2015. - No. 29 (part I). - Art. 4344.

[13] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of December 16, 2025 No. 5-KG25-174-K2 // Laws, Codes and Regulations of the Russian Federation. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16122025-n-5-kg25-174-k2-2-3872025-uid-77rs0030-02-2024-006532-55/?ysclid=mu6of6xp5s417418764 (дата обращения: 17.09.2026).

[14] Challenging the contract on the grounds of deception (Article 179 of the Civil Code of the Russian Federation): concept, forms, judicial practice // Law on missile defense. — 2026. — URL: https://pravo-pro.ru/blog/posts/osparivanie-dogovora-poobmanu/?ysclid=mu6odxgksd695526979 (дата обращения: 17.09.2026).

[15] Challenging the contract based on a delusion (Article 178 of the Civil Code of the Russian Federation) // Missile defense law. — 2026. — URL: https://pravo-pro.ru/blog/posts/osparivanie-dogovora-po-zabluzhdeniyu/?ysclid=mu6oazolrw589058238 (дата обращения: 01.09.2026).

[16] After the "Dolina case," the courts began to protect apartment buyers twice as often // Izvestia. — 2026. — 4 авг. — URL: https://iz.ru/2143377/2026-08-04/posle-dela-dolinoi-sudy-stali-vdvoe-chashche-zashchishchat-pokupatelei-kvartir?ysclid=mu6o96pkuv23767182 (дата обращения: 15.08.2026).

[17] Decree of the Government of the Russian Federation of 03.03.2016 No. 167 "On the Procedure for Information Interaction of the Federal State Information System for Maintaining the Unified State Register of Real Estate with Other State or Municipal Information Systems" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2016. — № 11. - Art. 1546.

[18] It is proposed to protect the rights of a bona fide purchaser of housing from possible abuse of the seller // Lawyer's newspaper. — 2025. — URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/predlozheno-zashchitit-prava-dobrosovestnogo-priobretatelya-zhilya-ot-vozmozhnykh-zloupotrebleniy-prodavtsa/ (дата обращения: 15.09.2026).

[19] Decision of the Buinaksk City Court of the Republic of Dagestan in case No. 2-530/2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. - URL: https://sudact.ru/regular/doc/4351J0sYtwV8/ (access date: 17.09.2026).

[20] Solovyanenko N. I. The relationship between the categories "reliability" and "responsibility" in the system of legal regulation and the use of electronic signatures // Problems of economics and legal practice. — 2025. - T. 21, NO. 5. - S. 116-121.

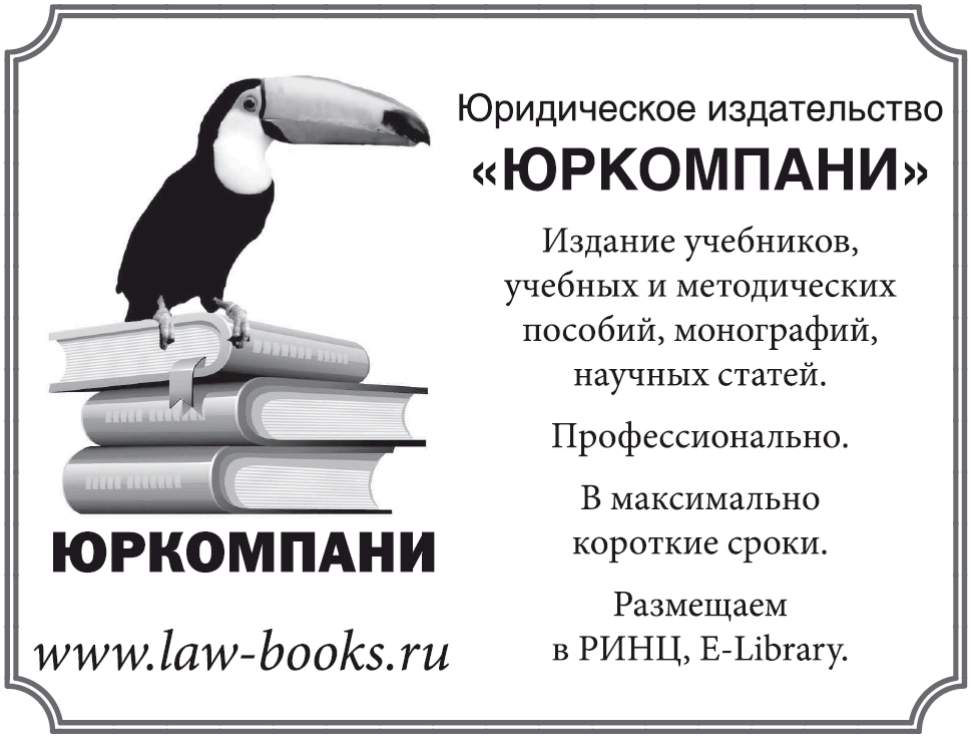
[21] Comparative analysis of modern real estate registration systems: the experience of the Russian Federation, Germany, Great Britain, USA and Estonia / Gumerov A.F. // Young scientist. — 2025. — № 27. - S. 154-156.

[22] Thematic review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 12/2026 "In cases related to challenging transactions that entailed the transfer of ownership of residential premises": approved Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 01.07.2026, post. № 15A/2026 // Laws, codes and regulations of the Russian Federation — URL: https://legalacts.ru/sud/tematicheskii-obzor-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-n-122026-po-delam-sviazannym-s-osparivaniem-sdelok-povlekshikh-perekhod-prava-sobstvennosti/?ysclid=mu6nw25opc628711453 (access date: 17.09.2026).

[23] Experts: after the Dolina case, the courts

still side with the sellers // RIA Real Estate. — 2026. - May 13. - URL: https://realty.ria.ru/20260513/dolina-2091133543.html (access date: 10.09.2026).

[24] Entrust: GenAI technologies and deepfakes amplify the growth of counterfeits and undermine biometric identification // CISOCLUB. — 2025. — URL: https://cisoclub.ru/entrust-tehnologii-genai-i-dipfejki-usilivajut-rost-poddelok-i-podryvajut-biometricheskuju-identifikaciju/?ysclid=mu6nt5eq8s999233288 (access date: 02.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-162-166

ГАВРИЛИН Егор Станиславович,
студент юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: yegor.gavrilin18@mail.ru

СПЕЦИФИКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *В статье рассматривается специфика отдельных видов обязательств в гражданском праве. Автор анализирует критерии дифференциации обязательственных правоотношений и их юридическое значение. На основе положений ГК РФ, доктринальных подходов и отдельно историко-правовых примеров показано, как особенности предмета исполнения, субъектного состава, количества взаимных связей и степени определенности обязательства влияют на порядок его исполнения, ответственность сторон и пределы судебной защиты. Автор приводит к выводу, что предложенные классификации не являются универсальными, однако позволяют глубже понять юридические нюансы обязательств, корректно квалифицировать правоотношения и эффективнее защищать права их участников.*

Ключевые слова: *обязательственное право, виды обязательств, специфика обязательств, альтернативные и факультативные обязательства, простые и сложные обязательства, алеаторные договоры.*

GAVRILIN Egor Stanislavovich,
student of the Law Institute National Research Tomsk State University

SPECIFICITY OF CERTAIN TYPES OF OBLIGATIONS

Annotation. *The article examines the specific characteristics of various types of obligations in civil law. The author analyzes the criteria used to differentiate between obligation-based legal relationships and considers their legal significance. Drawing on provisions of the Civil Code of the Russian Federation, doctrinal approaches, and specific historical-legal examples, the study demonstrates how the nature of the subject matter of performance, the composition of the parties, the number of reciprocal links, and the degree of certainty of the obligation influence the procedure for its performance, the liability of the parties, and the scope of judicial protection. The author concludes that while the proposed classifications are not universal, they facilitate a deeper understanding of the legal nuances of obligations, enable the correct classification of legal relationships, and allow for more effective protection of the participants' rights.*

Key words: *law of obligations, types of obligations, specific characteristics of obligations, alternative and facultative obligations, simple and complex obligations, aleatory contracts.*

Юридические обязательства обладают целым рядом особенностей, которые проявляются в различных аспектах: в соотношении прав и обязанностей сторон, в степени определённости предмета исполнения, в числе участников и наличии третьих лиц и так далее. Хотя эти особенности не позволяют создать универсальную классификацию обязательств, они помогают глубже понять и учесть их юридические нюансы.

В современном правовом обороте не так часто встречаются обязательства с наиболее простой структурой, где есть лишь один должник с определёнными обязанностями и один кредитор с соответствующими правами требования. Примерами таких односторонних обязательств могут служить заём и обязательства, возникающие вследствие причинения вреда (деликтные). Гораздо чаще в правовых отношениях складывается ситуация, когда каждый из участников одновременно обладает и правами, и обязанностями, выступая тем самым и в роли должника, и в роли кредитора (согласно пункту 2 статьи 308 Гражданского кодекса). Ярким примером такого взаимного (двустороннего) обязательства является договор купли-продажи, где и продавец, и покупатель имеют взаимные права и обязанности. Как правило, взаимные обязательства должны исполняться одновременно, если в законе или договоре не прописано иное. Однако договор может предусматривать и последовательное исполнение обязательств: одна сторона выполняет свои обязательства только после того, как другая сторона выполнила свои (статья 328 Гражданского кодекса). Такие обязательства называют встречными.

Обязательства можно разделить на про-

стые и сложные в зависимости от количества связей между правами и обязанностями сторон. Если между сторонами существует только одна обязанность и одно право (как в случае с заёмом или деликтными обязательствами), то обязательство считается простым. Если же связей несколько (как в договоре купли-продажи), то обязательство является сложным. При юридической квалификации сложных обязательств необходимо учитывать всю совокупность взаимных прав и обязанностей, а не только отдельные аспекты. Например, в едином сложном обязательстве по транспортной экспедиции (пункт 1 статьи 801 Гражданского кодекса) можно увидеть элементы простых обязательств поручения и хранения, но это не означает, что оно является разновидностью или совокупностью этих обязательств.

Кроме сложных, существуют также смешанные договорные обязательства, которые объединяют в себе несколько различных договорных обязательств. К примеру, в договоре банковского счёта может быть предусмотрено обязательство банка кредитовать владельца счёта сверх имеющихся на нём средств (статья 850 Гражданского кодекса). В таком случае к данным правоотношениям будут применяться нормы, регулирующие как обязательства по банковскому счёту, так и кредитные обязательства, элементы которых присутствуют в смешанном обязательстве (пункт 3 статьи 421 Гражданского кодекса) [1].

Иногда смешанные обязательства со временем трансформируются в единые (сложные) обязательства. Например, в дореволюционном русском праве обязательство по перевозке груза рассматривалось как совокупность обязательств подряда, найма, хранения, поручения и личного найма, то есть как смешанное [2]. В современном же праве никто не сомневается в единой природе этого обязательства.

В зависимости от определённости предмета исполнения обязательства делятся на альтернативные и факультативные. Речь идёт о ситуациях, когда должник должен совершить не одно, а несколько конкретных действий. В альтернативном обязательстве (от латинского alternare — чередоваться, меняться) должник обязан выполнить для кредитора одно из нескольких действий, предусмотренных законом или договором, например, передать вещь или уплатить денежную сумму. Так, согласно пункту 2 статьи 26 Федерального закона № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», выходящему из общества участнику общество должно либо выплатить действительную стоимость его доли, либо выдать в натуре имущество такой же стоимости [3]. Хотя в альтернативном обязательстве и присутствует множественность предмета, оно остаётся единым обязательством с «содержанием определимым, но ещё не определённым» [4]. Окончательный выбор предмета обязательства делает сторона, которая имеет право выбрать исполнение.

По общему правилу право выбора исполнения в альтернативном обязательстве принадлежит должнику, если закон или условия обязательства не предусматривают иного (статья 320 Гражданского кодекса). Например, при выходе участника из общества с ограниченной ответственностью выбор способа компенсации за его долю в имуществе делает общество как должник по обязательству. Если должник не сделает выбор, кредитор не может сделать это за него, а может только предъявить альтернативное требование (иск). Допустим, если общество с ограниченной ответственностью не выберет способ компенсации, бывший участник может подать иск, требуя либо выплаты соответствующей суммы, либо выдачи имущества в натуре. В некоторых случаях закон может предоставить право выбора исполнения кредитору. В соответствии с положениями Гражданского кодекса покупатель обладает правом самостоятельно определять, какое требование предъявить продавцу в случае обнаружения недостатков товара: запросить снижение цены, потребовать устранения дефектов или компенсировать собственные затраты на их ликвидацию.

Факультативное обязательство (от латинского facultas — способность, возможность) предполагает, что должник должен выполнить определённое действие в пользу кредитора, но у него есть возможность заменить это действие другим, заранее оговорённым. Например, если подрядчик выполнил работу с нарушениями, он обязан их исправить, но у него есть право заново выполнить работу безвозмездно и при этом возместить заказчику убытки, возникшие из-за задержки (согласно пункту 2 статьи 723 ГК). Таким образом, хотя предмет обязательства чётко определён, должник может по своему усмотрению выбрать альтернативный вариант исполнения.

Факультативное обязательство отличается от альтернативного полной определённостью предмета исполнения. В альтернативном обязательстве кредитор может требовать исполнения любого из нескольких вариантов, тогда как в факультативном — только одного, хотя и с возможностью замены. Если исполнение факультативного обязательства становится невозможным (например, результат работы подрядчика случайно уничтожен), обязательство прекращается. В то же время в случае с альтернативным обязательством исчезновение одной из возможностей не отменяет права кредитора требовать исполнения оставшихся.

Обязательства также классифицируются на основные (главные) и дополнительные (акцессорные, от латинского accessorius — дополни-

тельный). Дополнительные обязательства служат гарантией исполнения основных, например обеспечивают возврат банковского кредита (через выплату неустойки или залог имущества). Поскольку их смысл полностью зависит от основных обязательств, закон устанавливает следующее правило: недействительность акцессорного обязательства не влечёт недействительности основного, но недействительность основного обязательства приводит к недействительности дополнительного, если иное не предусмотрено законом (пункты 2 и 3 статьи 329 ГК). Прекращение основного обязательства всегда ведёт к прекращению дополнительного.

Особую роль в имущественном обороте играют денежные обязательства, предметом которых являются действия по передаче денежных средств — как наличных, так и безналичных [5]. Эта категория включает широкий спектр обязательств: от тех, что возникают на основе возмездных договоров (оплата товаров, работ, услуг), до тех, что появляются в результате неправомерных действий (возмещение ущерба или возврат неосновательно полученных денег). Денежные обязательства могут быть как основными, так и дополнительными, а также входить в состав смешанных обязательств. Согласно статье 317 ГК, такие обязательства должны быть выражены и оплачены в рублях, в том числе если они установлены как эквивалент суммы в иностранной валюте или условных денежных единицах. Законодательство регулирует порядок погашения требований по денежным обязательствам (статья 319 ГК), устанавливает особенности ответственности за их нарушение (статья 395 ГК) и другие аспекты.

В зависимости от субъекта исполнения выделяются обязательства личного характера, когда исполнение возможно только самим должником и не может быть передано другому лицу (согласно пункту 1 статьи 313 ГК). Например, в договоре с издательством на создание литературного произведения автор должен лично выполнить свои обязательства, а в случае возмещения вреда, нанесённого здоровью, кредитором может быть только пострадавший. В таких обязательствах невозможно правопреемство, поэтому они прекращаются при исчезновении одной из сторон (смерти гражданина или ликвидации юридического лица).

Разновидностью обязательств личного характера являются лично-доверительные обязательства, которые возникают на основе взаимных договоров, например договора о создании полного товарищества или договора поручения. Их особенность заключается в том, что любая из сторон может в одностороннем порядке прекратить исполнение обязательства без объяснения причин, если считает, что взаимоотношения утратили личностно-доверительный характер (согласно статьям 77 и 977 ГК). Такие обязательства встречаются редко и не характерны для развитого имущественного оборота.

Из римского права нам известно понятие натуральных (неисковых) обязательств, требования по которым, хотя и имеют юридическую силу, не могут быть принудительно исполнены через суд [6]. Они противопоставляются исковым обязательствам, которые подлежат судебной защите. Хотя в нашем законодательстве нет общего понятия натуральных обязательств, некоторые из них всё же присутствуют. К числу натуральных обязательств относятся, например, те, по которым истёк срок исковой давности. Согласно статье 206 Гражданского кодекса, если такое обязательство было исполнено добровольно, то вернуть исполненное уже нельзя. Это свидетельствует о том, что подобные обязательства сохраняют своё юридическое значение. Также к натуральным можно отнести обязательства, возникающие в результате игр и пари. Хотя, согласно статье 1062 Гражданского кодекса, такие обязательства не защищаются в судебном порядке, их можно исполнить добровольно, а имущество, полученное в результате такого исполнения, будет законным.

Натуральные обязательства могут при определённых обстоятельствах использоваться для зачёта против исковых требований. Они могут быть заменены исковыми обязательствами посредством новации, а также могут быть обеспечены залогом или поручительством [7].

Отдельно стоит выделить обязательства, которые основаны на рисковых, или алеаторных (от латинского слова «alea», что означает «игральная кость») договорах. В таких договорах материальная выгода сторон полностью зависит от неопределённого или случайного результата. Если этот результат наступает, то одна сторона получает имущественную выгоду, а другая — терпит убытки. К таким договорам относятся, например, договоры пожизненной ренты, где размер выплат зависит от продолжительности жизни получателя ренты, договоры страхования, а также договоры, связанные с играми и пари, включая биржевые сделки и аналогичные им «сделки на разницу».

Традиционно считается, что выделение алеаторных договоров имеет юридическое значение, поскольку такие договоры нельзя оспорить на основании того, что они были заключены под влиянием заблуждения относительно предмета договора, которое привело к невыгодным последствиям для одной из сторон [8]. В российском законодательстве особое значение имеет отнесение к алеаторным обязательств, возникающих из игр и пари. Именно поэтому закон лишает такие обязательства принудительной (исковой) защиты, превращая их в натуральные (неисковые).

Многообразие обязательственных правоотношений не ограничивается только делением на договорные и внедоговорные. Оно раскрывается через ряд юридических особенностей, которые имеют принципиальное значение для определения порядка исполнения обязательств, ответственности сторон и пределов судебной защиты.

Прежде всего стоит отметить разницу между односторонними и взаимными (двусторонними) обязательствами. В простейших моделях, таких как заём или деликт, один участник имеет только право, а другой — только обязанность. Однако в современном имущественном обороте чаще встречаются взаимные обязательства, когда каждая сторона выступает одновременно и кредитором, и должником. Это требует правового регулирования одновременного или встречного исполнения обязательств (статья 328 ГК РФ).

Также важно различать простые и сложные обязательства. Сложное обязательство, например, в случае транспортной экспедиции, представляет собой единое правоотношение, состоящее из нескольких элементов (например, поручения и хранения), которые не являются самостоятельными обязательствами. Существуют также смешанные обязательства, которые объединяют элементы разных типов договоров, например, договор банковского счёта с возможностью кредитования овердрафта. Исторический пример перевозки груза показывает, что смешанные обязательства со временем могут превратиться в единые сложные, что свидетельствует о развитии правовых конструкций.

Классификация обязательств в зависимости от определённости предмета исполнения также заслуживает внимания. В альтернативных обязательствах должник должен совершить одно из нескольких действий, и обычно право выбора принадлежит ему, если закон или договор не предоставляют это право кредитору. В факультативных обязательствах предмет исполнения строго определён, но должник может заменить его другим исполнением, которое было заранее оговорено. Главное различие между ними заключается в том, что если основной предмет исполнения становится невозможным по непредвиденным обстоятельствам, то факультативное обязательство прекращается, а альтернативное — сохраняется за счёт оставшихся вариантов.

Деление обязательств на основные (главные) и дополнительные (акцессорные) также имеет большое значение. Дополнительные обязательства, такие как неустойка, залог или поручительство, зависят от судьбы основного обязательства: если основное обязательство становится недействительным или прекращается, то и дополнительное утрачивает силу или прекращается. Однако обратное не всегда верно, что подчёркивает вспомогательную роль акцессорных конструкций в обеспечении исполнения обязательств.

Денежные обязательства представляют собой особую категорию, которая характеризуется специфическими правилами. Например, исполнение денежных обязательств должно осуществляться в рублях, даже если в договоре есть валютная оговорка. Кроме того, существуют особые правила об очерёдности погашения требований (статья 319 ГК РФ) и об ответственности за просрочку (статья 395 ГК РФ). Выделение денежных обязательств обусловлено ключевой ролью денег в имущественном обороте.

Немаловажное значение имеет также выделение обязательств личного характера, включая лично-доверительные обязательства. В таких обязательствах невозможна замена сторон, а в случае доверительных отношений одна из сторон может отказаться от исполнения без объяснения причин. Это отражает особую природу таких отношений, как, например, в полном товариществе или в договоре поручения.

Натуральные (неисковые) обязательства также представляют значительный теоретический интерес. Хотя такие обязательства не пользуются судебной защитой, они всё же сохраняют свою юридическую силу. Если долг по ним будет погашен добровольно, уплаченную сумму нельзя будет потребовать обратно — её можно лишь зачесть, обеспечить поручительством или заменить новым обязательством, которое уже будет подлежать исковой защите. В качестве примеров можно привести требования, срок исковой давности по которым истёк (согласно статье 206 Гражданского кодекса РФ), а также обязательства, возникающие из игр и пари (в соответствии со статьёй 1062 Гражданского кодекса РФ). Последние относятся к алеаторным (рисковым) сделкам, и их нельзя оспорить, ссылаясь на заблуждение относительно предмета сделки. Однако именно из-за своего рискового характера они не могут быть принудительно исполнены через суд.

Таким образом, предложенные классификации, конечно, не может считаться всеобъемлющей и универсальной, но она помогает раскрыть юридические особенности различных видов обязательств. С её помощью можно определить, как именно следует исполнять то или иное обязательство, каковы права кредитора и обязанности должника, а также какие законодательные нормы применимы в каждом конкретном случае. Учёт этих нюансов крайне важен не только для корректной квалификации правоотношений, но и для того, чтобы в случае нарушения прав можно было эффективно защитить свои интересы в суде.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 19.04.1999 № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Товар. Торговые сделки (Серия «Классика российской цивилистики») Том II. - М.: Статут, 2003. С. 213–214.

[3] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс.

[4] Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве - М.: Гос. изд-во юридической лит., 1950. С. 325.

[5] Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве (Серия «Классика российской цивилистики») - М.: Статут, 2004. С. 245.

[6] Синайский В.И. Русское гражданское право (Серия «Классика российской цивилистики») - М.: Статут, 2002. С. 307–308.

[7] Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права (Серия «Русское юридическое наследие») - М.: Зерцало, 2003. С. 323–324.

[8] Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 3. Договоры и обязательства (Серия «Классика российской цивилистики») - М.: Статут, 2003. С. 31–32.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 19.04.1999 No. 5 "On Certain Issues of Dispute Resolution Practice Related to the Conclusion, Execution and Termination of Bank Account Agreements" // SPS Consultant Plus.

[2] Shershenevich G.F. Course of commercial law. Commodity. Trade transactions (Series "Classics of Russian Civil Studies") Volume II. - M.: Statute, 2003. S. 213-214.

[3] Federal Law No. 08.02.1998 of 14-FZ (as amended by 04.08.2026) "On Limited Liability Companies" // SPS ConsultantPlus.

[4] Novitsky I.B., Lunts L.A. General doctrine of obligation - M.: State. Publishing House of Legal lit., 1950. S. 325.

[5] Lunts L.A. Money and monetary obligations in civil law (Series "Classics of Russian Civil Studies") - M.: Statute, 2004. S. 245.

[6] Sinaisky V.I. Russian civil law (Series "Classics of Russian Civil Studies") - M.: Statute, 2002. S. 307-308.

[7] Grimm D.D. Lectures on the dogma of Roman law (Series "Russian Legal Heritage") - M.: Zertsalo, 2003. S. 323-324.

[8] Pobedonostsev K.P. Civil law course. PART 3. Contracts and obligations (Series "Classics of Russian Civil Studies") - M.: Statute, 2003. S. 31-32.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-167-170

БУТБА Астанда Эдуардовна,
Студентка 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова,
e-mail: astanda.butba@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования телемедицины в Российской Федерации. В центре внимания находятся законодательные нормы регулирования телемедицинских услуг, которыми определяются и закрепляются понятие, цели, формы и порядок оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий. Подробно изучены основные коммуникационные модели, а также ключевые направления использования телемедицины: дистанционные консультации, консилиумы, биомониторинг, повышение квалификации медицинских работников. Дана оценка эффективности использования телемедицины в области здравоохранения. Отдельно отмечается, что действующая правовая база носит во многом декларативный характер и не охватывает ряд значимых вопросов. Предлагается комплексное совершенствование законодательства.*

Ключевые слова: *телемедицина, здравоохранение, цифровые технологии, искусственный интеллект, правовое регулирование, государственные информационные системы, цифровизация.*

BUTBA Astanda Eduardovna,
Master's 2st year student School of Public Audit (Faculty) of M.V. Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF TELEMEDICINE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the study of the features of the legal regulation of telemedicine in the Russian Federation. The focus is on the legislative norms regulating telemedicine services, which define the concept, goals, forms, and procedure for providing medical care using telemedicine technologies. The main communication models, as well as the key areas of telemedicine use, are examined in detail: remote consultations, consults, biomonitoring, and professional development of medical workers. An assessment is provided of the effectiveness of using telemedicine in the healthcare sector. It is also noted separately that the current legal framework is largely declarative in nature and does not cover a number of significant issues. A comprehensive improvement of the legislation is proposed.*

Key words: *telemedicine, healthcare, digital technologies, artificial intelligence, legal regulation, state information systems, digitalization.*

Цифровые технологии в сфере здравоохранения же непосредственно представляют собой информационно-коммуникационные технологии, основанные на использовании информации в цифровой форме и обработки массива информации при помощи компьютеров и иных электронных устройств, а также направленные на оптимизацию и развитие процессов в области медицины. К таковым относятся, в том числе, и технологии искусственного интеллекта. В сфере здравоохранения информационные технологии имеют особую важность в связи с тем, что их внедрение способствует созданию механизма оказания эффективной и доступной медицинской помощи, повышает уровень осведомленности пациентов, оптимизирует процесс обработки данных в медицинских учреждениях и работу медицинских сотрудников.

В современное время важнейшим направлением цифровизации здравоохранения является телемедицина. в 2017 году статья 2 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ (далее - N 323-ФЗ) была дополнена понятием телемедицинских технологий, к которым относятся информационные технологии, позволяющие обеспечить дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, до-

кументирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента [1]. При этом телемедицина является часть более широкого понятия - цифровая медицина.

Телемедицинские технологии направлены на повышение доступности медицинских услуг путём дистанционного взаимодействия врача и пациента, медицинских работников друг с другом. Телемедицина представляет собой два основных направления коммуникации: "врач-пациент" и "врач-врач". Так, на данный момент в рамках первого направления врач может провести приём пациента в режиме онлайн, дать консультации или скорректировать лечение. Направление "врач-врач" же предполагает обмен опыта между специалистами при помощи дистанционных технологий. Однако такое взаимодействие строго ограничено действующим законодательством в целях обеспечения защиты конфиденциальных данных: взаимодействие врачей и пациентов происходит только при идентификации на специальной платформе.

Также, N 323-ФЗ устанавливает основы применения телемедицины. В частности, устанавливается, что дистанционное наблюдение за состоянием здоровья назначается врачом после очного приёма, а для проведения дистанционной консультации используется единая система идентификации и аутентификации.

Стоит отметить, что ч.1 ст.36.2 N 323-ФЗ содержит отсылочную норму о том, что порядок оказания телемедицинских услуг устанавливается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

В данном контексте нас интересует Приказ Минздрава России от 30.11.2017 N 965н "Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий"(далее - Приказ N 965н) [2]. Данный приказ устанавливает, в частности цели применения телемедицины, правила организации медицинской помощи при использовании телемедицинских технологий, а также виды, условия и формы оказания такой помощи. Согласно данному документу, консультации и консилиумы проводятся в сроки, установленные общими правилами оказания медицинских услуг, однако устанавливаются временные пределы для проведения экстренных консультаций (от 30 минут до 2 часов с момента поступления запроса на проведение) и неотложных консультаций (от 3 до 24 часов с момента проведения запроса на поступление). К тому же, в целях обеспечения безопасности данных Приказ N 965н закрепляет, что документирование информации о проведении консультации с применением телемедицинских технологий осуществляется с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, что является дополнительной гарантией оказания квалифицированной медицинской помощи. Правила, содержащиеся в Приказе N 965н, являются обязательными к применению медицинскими организациями государственной, муниципальной и частной систем здравоохранения.

Постановлением Правительства РФ № 1551 от 14.12.2017 г. "О внесении изменений в Положение о Министерстве здравоохранения Российской Федерации" были расширены полномочия Минздрава РФ в области правового регулирования вопросов, связанных с информатизацией и телемедициной, а также созданием и вводом в эксплуатацию ЕГИСЗ .

Однако, стоит отметить, что анализ норм действующего законодательства в рассматриваемой сфере показывает, что правовой механизм телемедицины не доведён до идеала и не лишён юридических пробелов регулирования [3]. Так, Приказ № 965н в достаточной степени регулирует основы: цели, правила организации, виды, условия и формы оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, сроки предоставления экстренных и неотложных консультаций, использование усиленной квалифицированной электронной подписи. Вместе с тем, данные вопросы обозначены декларативно и не имеют подробного регулирования. За их пределами остаются многие вопросы, имеющие существенное значение для защиты прав пациентов. Например, необходима детальная проработка правовой регламентации пределов дистанционной диагностики, допустимости корректировки плана лечения без личного приёма, порядок получения информированного добровольного согласия в электронной форме, а также правила хранения и обмена медицинскими данными о здоровье пациентов.

Вместе с тем необходимо разграничивать телемедицинские технологии, используемые медицинскими организациями в рамках государственной, муниципальной и частной сфер медицинских услуг и коммерческие платформы, которые могут выполнять преимущественно посреднические функции.

В случаях, когда посреднические платформы задействованы при идентификации пациентов, передаче данных, организации записи на приём, хранении медицинской информации и других процессах, они становятся участниками публичной деятельности в сфере здравоохранения. В таком случае необходимо обеспечить повышенные меры защиты медицинских данных от разглашения их третьим лицами и использования в неправомерных целях. Этим обусловливается потребность в применении дополнительных требо-

ваний в области информационной безопасности, лицензирования и защиты персональных данных. В противном случае возникает угроза размывания ответственности между врачом, медицинской организацией и оператором цифрового сервиса [4].

Если говорить непосредственно о сущности данной технологии, то телемедицина направлена на повышение доступности медицинских услуг путём дистанционного взаимодействия врача и пациента, медицинских работников друг с другом. Телемедицина представляет собой два основных направления коммуникации: "врач-пациент" и "врач-врач". Так, на данный момент в рамках первого направления врач может провести приём пациента в режиме онлайн, дать консультации или скорректировать лечение. Направление "врач-врач" же предполагает обмен опыта между специалистами при помощи дистанционных технологий [5].

Однако такое взаимодействие строго ограничено действующим законодательством в целях обеспечения защиты конфиденциальных данных: взаимодействие врачей и пациентов происходит только при идентификации на специальной платформе.

Вместе с тем телемедицинские технологии в РФ включают в себя пять основных направлений:

Прежде всего, посредством телемедицины реализуются обозначенные выше медицинские консультации. Посредством видеоконференцсвязи пациенты могут получить консультацию у советующего специалиста по вопросам здоровья дистанционно. При этом, стоит помнить, что онлайн-приём не может подменять собой стандартный приём у врача: постановка диагноза с использованием телемедицины недопустима.

Коммуникации «врач-врач» также осуществляются посредством видеоконференцсвязи, что является составной частью телемедицины. Дистанционный формат врачебных консилиумов помогает осуществлять быстрое реагирование на возникающие трудные ситуации и обеспечить их оперативное решением путём обмена мнениями специалистов. Консилиумы могут носить не только экстренный, но и плановый характер с целью обсуждения актуальных проблем медицины. Такие собрания обеспечивают развитие научного прогресса в области здравоохранения.

При помощи телемедицины также осуществляется биомониторинг состояния пациентов. Отслеживание показателей состояния здоровья пациентов возможна в дистанционном формате с использованием специальных датчиков. Это позволяет обеспечить постоянный мониторинг и контроль за состоянием пациентов со стороны врачей. При существенном и резком ухудшении показателей индикаторы датчиков экстренно передают информацию лечащему врачу, который обязан среагировать на получаемые сигналы. Такой вид технологий позволяет осуществлять врачебный контроль за состоянием пациентов.

Ещё одним инструментов развития и совершенствования телемедицины является проведение трансляций хирургических операций. При помощи камер и иного оборудования обеспечивается трансляция операционной и рабочей области, передаются основные показатели состояния пациента. Таким образом обеспечивается контроль за действиями специалистов на расстоянии, а также служит наглядным учебным пособием для молодых специалистов.

Наконец, телемедицина обеспечивает повышение квалификации медицинских сотрудников посредством проведения специальных вебинаров и иных треннингов для врачей в дистанционном формате. Это повышает доступность возможности получения повышения квалификации для медицинских сотрудников.

Телемедицина как направление применения цифровых технологий в области здравоохранения показывает наиболее высокие показатели эффективности [6].

Так, наиболее активно телемедицина применяется в кардиологии. Для дистанционного артериального мониторинга в кардиологии используются специальные персональные устройства . С их помощью сведения о сердечном ритме и артериальном давлении автоматически (при помощи сети Интернет) передаются лечащему врачу для дальнейшей обработки и мониторинга состояния здоровья пациента. Более того, такой способ исследования артериального давления является наиболее точным, нежели при использовании других технических средств.

Также распространены технологии телемедицины в педиатрии. Для мониторинга состояния здоровья и обследования детей без лишнего для них стресса применяются такие способы, как сервис «Педиатрия 24/7», благодаря которому родители могут получить консультацию по состоянию здоровья ребёнка от профессиональных врачей в любое время и в любом месте, что помогает оперативно принять меры первой помощи ребёнку до обращения в медицинское учреждение оффлайн. Также применяется платформа «N3.Телемедицина» в целях оказания консультаций по любым интересующим пациентов вопросов.

Наконец, ярким примером развития телемедицины является их применение в таком направлении медицины как онкологическое. Так функционирует и постоянно совершенствуются система «Онко-монитор», работа которой направ-

лена на выявление онкологии на ранних этапах диагностики для оперативного и успешного медицинского вмешательства.

Тем самым, на данный момент телемедицина является одним из наиболее востребованных направлений в области цифровизации медицины. В связи с этим целесообразно расширение применения и видов телемедицинских услуг. Это позволит повысить доступность медицинских услуг, что влечёт за собой снижение уровня риска развития серьёзных заболеваний у граждан и неоказания медицинской помощи своевременно. Развитие телемедицины способствует и развитию медицины как науки, путём обмена опыта между специалистами. Следствием этого является повышение уровня медицины в государстве, достижение новых прогрессивных результатов. Поэтому необходимо уделять особое внимание совершенствованию телемедицинских технологий.

В целом, использование цифровых технологий в медицине являются неотъемлемой частью современного здравоохранения. Они позволяют оптимизировать расходы бюджетов бюджетной системы РФ и внебюджетных фондов на оказание медицинских услуг, улучшить доступность и качество медицинского обслуживания, а также повысить эффективность работы врачей и медицинских учреждений.

В связи с этим совершенствование законодательства о телемедицине должно носить комплексный и опережающий характер. Необходимо уточнить понятийный аппарат, устранить пробелы в регулировании дистанционного взаимодействия, закрепить требования к цифровым платформам, усилить защиту персональных данных и медицинской тайны, определить ответственность участников телемедицинских правоотношений, а также создать правовые основы использования искусственного интеллекта в медицине. Только при таком детальном подходе телемедицина сможет стать устойчивым и безопасным элементом национальной системы здравоохранения, а не фрагментарной совокупностью отдельных цифровых технологий.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 28.11.2011, N 48, ст. 6724.

[2] Приказ Минздрава России от 30.11.2017 N 965н "Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий" // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 10.01.2018 (дата обращения 05.09.2026).

[3] А. В. Старшинин, Е. И. Аксенова, В. Э. Андрусов, С. Ю. Горбатов, М. Д. Пахуридзе, Е. В. Скворцова Телемедицина в медицинских организациях: монография / [Электронный ресурс] / [А. В. Старшинин и др.] – Электрон. текстовые дан. – М. : ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023.

[4] Козловская И. Л., Лопухова В. В., Булкина О. С., Козлова Е. В., Карпов Ю. А. Телемедицинские технологии в кардиологии. Часть 2. Персональный телемониторинг артериального давления и легочной гемодинамики в амбулаторной практике // Доктор.Ру. 2021. № 11.

[5] Богомолов, А. В. Информационные технологии цифровой адаптационной медицины / А. В. Богомолов // Информатика и автоматизация. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 11541182. – DOI 10.15622/20.5.6. – EDN IIONMO.

[6] Юсупова Ф. У. Развитие телемедицины // Экономика и социум. 2022. № 10-2 (101).

References:

[1] Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," 28.11.2011, No. 48, Art. 6724.

[2] Order of the Ministry of Health of Russia of 30.11.2017 No. 965n "On approval of the procedure for organizing and providing medical care using telemedicine technologies" // Official Internet portal of legal information, http://www.pravo.gov.ru, 10.01.2018 (date of appeal 05.09.2026).

[3] Starshinin A. V., Aksenova E. I., Andrusov V. E., Gorbatov S. Yu., Pakhuridze M. D., Skvortsova E.V. Telemedicine in medical organizations: monograph/[Electronic resource] [A. V. Starshinin et al.] - Electron. text data. - M.: GBU "NIIOZMM DZM," 2023.

[4] Kozlovskaya I.L., Lopukhova V.V., Bulkina O.S., Kozlova E.V., Karpov Yu. A. Telemedicine technologies in cardiology. Part 2. Personal telemonitoring of blood pressure and pulmonary hemodynamics in outpatient practice // Doctor.Ru. 2021. № 11.

[5] Bogomolov, A.V. Information Technologies of Digital Adaptive Medicine/A.V. Bogomolov // Informatics and Automation. – 2021. - T. 20, NO. 5. - S. 11541182. – DOI 10.15622/20.5.6. – EDN IIONMO.

[6] Yusupova F.U. Development of telemedicine // Economics and Society. 2022. № 10-2 (101).

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-171-176

ПОПОВА Ольга Владимировна,
магистрант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Факультет «Плехановская школа бизнеса «Интеграл» Базовая кафедра «Экономические и правовые экспертизы» Союза судебных экспертов «Экспертный совет», Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

КАВЕРИНА Элина Юрьевна,
к.э.н., доцент базовой кафедры «Экономические и правовые экспертизы» Союза судебных экспертов «Экспертный совет»,
e-mail: mail@law-books.ru

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В 2021–2026 ГГ.: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕСТ УМЫСЛА

Аннотация. *В статье анализируется практика применения налоговой реконструкции арбитражными судами и Верховным Судом РФ в 2021–2026 гг. на фоне роста результативности выездных налоговых проверок. Цель – выявить закономерности и противоречия правоприменения и предложить критерий разграничения случаев, в которых реконструкция допустима и исключена. На основе формально-юридического и сравнительного анализа судебных актов, а также данных отчётности ФНС России по форме 2-НК установлено, что в 2025 г. сумма доначислений по выездным проверкам выросла на 68 % при росте их числа на 10,5 %. Систематизированы семь ключевых правовых позиций высших судов, выявлены восемь проблем правоприменения, центральной из которых является противоречие между позициями по делам «АВИС» и «Вокфорс» о влиянии умысла на реконструкцию. Сравнительный анализ четырёх дел выгодоприобретателей одной схемы показал, что исход спора определяется процессуальной активностью налогоплательщика и привлечением специалиста на досудебной стадии. Предложен тест умысла, согласно которому реконструкция исключается только при одновременном наличии трёх элементов. Рассмотрены пределы реконструкции при переквалификации отношений с самозанятыми и её значение в уголовном процессе.*

Ключевые слова: *налоговая реконструкция; судебная практика; ст. 54.1 НК РФ; умысел; дело «Вокфорс»; налоговые разрывы; АСК НДС-2; самозанятые; налоговые преступления; выездная налоговая проверка.*

POPOVA Olga,
Master's student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics», Faculty «Plekhanov Business School «Integral» Basic Department «Economic and Legal Expertise» of the Union of Forensic Experts «Expert Council», Moscow

KAVERINA Elina,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Basic Department "Economic and Legal Expertise" of the Union of Forensic Experts "Expert Council"

JUDICIAL PRACTICE OF TAX RECONSTRUCTION IN 2021–2026: CONTRADICTIONS AND THE INTENT TEST

Annotation. *The article analyses the application of tax reconstruction by arbitration courts and the Supreme Court of the Russian Federation in 2021–2026 against the background of the growing effectiveness of field tax audits. The aim is to identify patterns and contradictions in law enforcement and to propose a criterion distinguishing cases in which reconstruction is admissible from those*

in which it is excluded. Based on formal legal and comparative analysis of court decisions and Federal Tax Service reporting data (form 2-NK), it is established that in 2025 additional assessments from field audits increased by 68 % while the number of audits grew by 10.5 %. Seven key legal positions of the highest courts are systematised and eight enforcement problems are identified, the central one being the contradiction between the AVIS and Vokfors rulings on the effect of intent. A comparison of four cases involving beneficiaries of the same scheme shows that the outcome depends on the taxpayer's procedural activity and early involvement of an expert. An intent test is proposed under which reconstruction is excluded only if three elements are present simultaneously. The limits of reconstruction in reclassifying relations with self-employed persons and its role in criminal proceedings are considered.

Key words: *tax reconstruction; case law; Article 54.1 of the Tax Code; intent; Vokfors case; tax gaps; VAT control system; self-employed; tax crimes; field tax audit.*

Введение

Налоговая реконструкция, то есть определение действительного размера налоговых обязательств исходя из подлинного экономического содержания операций, сформировалась в российском праве прежде всего как судебный институт. Закон не определяет ни её понятия, ни условий применения, поэтому содержание института в решающей степени зависит от правовых позиций Верховного Суда РФ и их восприятия нижестоящими судами и налоговыми органами. В 2021–2026 гг. эта практика развивалась непоследовательно: наряду с позициями, расширяющими возможности реконструкции, в 2026 г. Верховный Суд РФ сформулировал ограничительный подход по делу «Вокфорс» [1].

Актуальность проблемы усиливается ростом интенсивности налогового контроля. Одновременно доктрина указывает на неопределённость условий реконструкции и расхождение позиций ФНС России и судов [2–4]. Цель статьи – выявить закономерности и противоречия судебной практики применения реконструкции и предложить критерий, позволяющий разграничить случаи её допустимости и исключения. Задачи: оценить динамику выездного налогового контроля; систематизировать ключевые правовые позиции высших судов; выявить проблемы правоприменения; сравнить результаты споров налогоплательщиков, участвовавших в одной схеме; определить пределы реконструкции в отдельных категориях дел.

Материалы и методы

Исследование основано на трёх группах источников. Первую составили данные отчётности ФНС России по форме 2-НК о выездных налоговых проверках за 2023 г. – первое полугодие 2026 г. [5]. Вторую – определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ 2021–2026 гг. по делам «Фирма Мэри», «Спецхимпром», «НБС-Групп», о консолидации при дроблении бизнеса, о переквалификации отношений с самозанятыми и по делу «Вокфорс» [1; 6–11]. Третью – акты арбитражных судов по делам «Интегрита», «Понти Парфюм», «АВИС», «Тантал-2000», «Дулисьма» и группе дел ООО «КЬЮТЭК», ООО «НТЦ РОТЕК», АО «НПК РОТЕК», ООО «ПОЛИМЕДИА» [12–21], а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 [22].

Применялись формально-юридический анализ судебных актов, сравнительный метод (попарное сопоставление дел по критериям: установлен ли реальный исполнитель, доказан ли умысел, подтверждены ли расходы), методы описательной статистики (расчёт темпов прироста показателей налогового контроля и коэффициентов снижения доначислений), метод правового моделирования для построения теста умысла.

Результаты

1. Динамика выездного налогового контроля

Данные отчётности ФНС России (табл. 1) показывают, что при относительно стабильном количестве выездных проверок сумма доначислений и средняя доначисленная сумма растут опережающими темпами. В 2025 г. число проверок увеличилось на 10,5 %, сумма доначислений – на 68 %, средняя сумма на одну проверку – на 52 %; в первом полугодии 2026 г. средняя сумма достигла 135,8 млн руб. Налоговые органы, таким образом, концентрируются на крупных эпизодах, где вопрос о действительном размере обязательств становится ключевым.

Показатель	2023	2024	2025	I пол. 2026
Количество проверок, ед.	5 428	4 896	5 410	1 803
Доначислено, млрд руб.	336,6	333,6	560,4	244,8
Средняя сумма на проверку, млн руб.	62,0	68,1	103,6	135,8

Таблица 1 – Выездные налоговые проверки в Российской Федерации (составлено автором по данным [5])

2. Ключевые правовые позиции высших судов

Систематизация практики позволила выделить семь правовых позиций, определивших развитие института.

Реконструкция по налогу на прибыль доступна налогоплательщику, содействовавшему

устранению потерь казны и раскрывшему реального исполнителя; расчётный метод не применяется, если цель уменьшения налоговой обязанности преследовалась самим налогоплательщиком (дело «Фирма Мэри») [6].

Если реальный исполнитель может быть установлен, необоснованной выгодой признаётся только наценка «технических» компаний; налоговая обязанность не может превышать потери казны (дело «Спецхимпром») [7].

Суд обязан оценить доказательства реальных затрат, представленные налогоплательщиком впервые в суде (дело «НБС-Групп») [8].

При дроблении бизнеса консолидируются не только доходы, но и налоги, уплаченные участниками группы [9].

Форма вины учитывается при определении штрафа, но не служит основанием для отказа в учёте реальных расходов (дело «АВИС») [14].

Реконструкция не может быть поставлена в зависимость от раскрытия налогоплательщиком сведений о реальном поставщике (дело «Тантал-2000») [15].

Реконструкция не применяется, если налогоплательщик умышленно привлекал ресурсы «теневого» сектора (неоформленных работников) и не подтвердил реальные расходы документами; бремя доказывания расходов лежит на налогоплательщике (дело «Вокфорс») [1].

Позиции 1, 5, 6 и 7 касаются одного вопроса – влияния поведения налогоплательщика на реконструкцию – и дают на него разные ответы. Сравнение трех опорных дел приведено в таблице 2.

Критерий	«Спецхимпром»	«АВИС»	«Вокфорс»
Реальный исполнитель установлен	Да	Частично	Нет (неоформленные работники)
Умысел доказан	Нет	Да	Да
Расходы подтверждены документами	Да (у производителя)	Частично	Нет
Реконструкция применена	Да (прямые затраты)	Да (раздельно по НДС и прибыли)	Нет

Таблица 2 – Сравнение условий реконструкции в опорных делах

3. Проблемы правоприменения

Анализ практики выявил восемь проблем: (1) неопределённость условий реконструкции – требование раскрытия реального поставщика по делу «Фирма Мэри» противостоит позиции по делу «Тантал-2000»; (2) противоречие между делами «АВИС» и «Вокфорс» о влиянии умысла; (3) доначисления за разрывы на дальних (3–7) звеньях цепочки вопреки позиции о неответственности за действия всех участников многостадийного процесса уплаты налогов [12; 13]; (4) смешение последствий по НДС и налогу на прибыль; (5) неформализованность критериев должной осмотрительности; (6) отказ налоговых органов принимать расчёты по данным АСК НДС-2; (7) отсутствие единого критерия, когда умысел исключает реконструкцию; (8) претензии к налогоплательщику за действия третьих и последующих звеньев при отсутствии претензий к его непосредственному контрагенту.

4. Сравнительный анализ дел выгодоприобретателей одной схемы

Особую ценность для выявления факторов успеха представляет группа из четырёх дел, связанных с одним «техническим» импортёром – ООО «ЮНЭКС». Реальность поставок телекоммуникационного оборудования конечным заказчикам ни в одном деле не оспаривалась, однако результаты споров существенно различались (табл. 3).

Критерий	ООО «КЬЮТЭК»	ООО «НТЦ РОТЕК»	АО «НПК РОТЕК»	ООО «ПОЛИМЕДИА»
Оспариваемая сумма, млн руб.	600,5	258,2	1 311,8	296,8
Заключение специалиста	Да, на стадии возражений	Да	Да	Нет
Реконструкция по НДС	Полная	Частичная	Частичная	Частичная
Должная осмотрительность	Доказана	Частично	Частично	Не оценивалась
Итог	Решение отменено полностью	Отменено частично	Отменено частично	Кассация направила дело на новое рассмотрение

Таблица 3 – Результаты споров налогоплательщиков, участвовавших в одной схеме (составлено автором по [16–19])

Решающими факторами оказались: представление заключения специалиста уже на стадии возражений на акт (суд по делу ООО «КЬЮТЭК» признал его допустимым доказательством, поскольку инспекция не опровергла расчёты и не заявила о фальсификации) [16]; полнота раскрытия сведений о реальном исполнителе по каждому контрагенту (по контрагентам, сведения о которых не раскрыты, суды в реконструкции отказывали) [17; 18]; системность проверки контрагента. В деле ООО «КЬЮТЭК» суд также указал, что инспекция рассчитала «сформированный источник» в сумме 13,4 млн руб., но не учла его при доначислении, что противоречит запрету «карательного» налогообложения.

5. Пределы реконструкции в отдельных категориях дел

При переквалификации договоров с самозанятыми в трудовые Верховный Суд РФ в 2025 г. сформулировал две взаимодополняющие позиции. В определении от 03.02.2025 № 309-ЭС24-20306 указано, что автоматический зачёт уплаченного налога на профессиональный доход (далее – НПД) в счёт НДФЛ невозможен и требует волеизъявления самозанятого [10]; в определении от 08.08.2025 № 310-ЭС24-24050 подчёркнута недопустимость двойного налогообложения одного дохода и необходимость определять недо-

имку с учётом возможности зачёта НПД [11].

В уголовном процессе обязанность определять действительный размер налоговых обязательств и учитывать в совокупности все факторы, увеличивающие и уменьшающие недоимку, прямо закреплена п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 [22]. Поскольку размер недоимки является квалифицирующим признаком ст. 199 УК РФ, реконструкция может исключить крупный размер и облегчить освобождение от ответственности при полном возмещении ущерба.

Обсуждение

Главное противоречие практики – между позицией, согласно которой умысел влияет лишь на штраф [14], и позицией по делу «Вокфорс», где умысел стал препятствием для реконструкции [1], – разрешается, если учитывать не только форму вины, но и состав доказательств. Сопоставление дел (табл. 2) позволяет предложить тест умысла: реконструкция исключается только при одновременном наличии трёх элементов – (1) осведомлённости налогоплательщика о «техническом» характере контрагента или нелегальности привлекаемых ресурсов и его участия в создании формального документооборота; (2) нераскрытия реального исполнителя; (3) использования нелегальных ресурсов, прежде всего неоформленного труда, при отсутствии документов о реальных затратах. При отсутствии хотя бы одного элемента реконструкция сохраняется, а умысел влияет лишь на размер штрафа (п. 3 ст. 122 НК РФ).

Предложенный тест согласуется и с позициями по делам о самозанятых: методологическая ошибка при оформлении отношений допускает реконструкцию с зачётом НПД, тогда как умышленная схема подмены трудовых отношений по аналогии с делом «Вокфорс» её исключает. В уголовном процессе тест не применяется в том же виде, поскольку п. 14 постановления Пленума № 48 требует учитывать все уменьшающие факторы, а выводы арбитражного суда об умысле не освобождают от самостоятельного доказывания субъективной стороны преступления.

Сравнительный анализ дел одной схемы показывает, что при одинаковых фактических обстоятельствах исход спора определяется качеством процессуального поведения налогоплательщика. Это подтверждает вывод о том, что реконструкция в современной практике является не автоматическим следствием реальности операций, а результатом активной доказательственной работы. Ограничение исследования связано с небольшим объёмом выборки дел, что не позволяет делать статистически значимых выводов о доле удовлетворённых требований.

Выводы

В 2025 г. сумма доначислений по выездным проверкам выросла на 68 % при росте их числа на 10,5 %, что повышает значение спора о действительном размере налоговых обязательств.

Практика 2021–2026 гг. сформировала семь ключевых правовых позиций; позиции о влиянии поведения налогоплательщика на реконструкцию («Фирма Мэри», «АВИС», «Тантал-2000», «Вокфорс») не согласованы между собой.

Выявлено восемь проблем правоприменения, центральная из которых – отсутствие критерия, при котором умысел исключает реконструкцию.

Предложен тест умысла из трёх элементов, устраняющий противоречие между делами «АВИС» и «Вокфорс».

Исход споров налогоплательщиков одной схемы зависит от раннего привлечения специалиста, полноты раскрытия реального исполнителя и системности проверки контрагентов.

Реконструкция применима при переквалификации отношений с самозанятыми (с зачётом НПД при волеизъявлении физических лиц) и является обязательной при определении ущерба по налоговым преступлениям.

Список литературы:

[1] Определение СКЭС ВС РФ от 31.03.2026 № 307-ЭС25-11805 по делу № А56-83561/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Эриашвили Н.Д., Григорьев А.И. Парадигма «налоговой реконструкции» зашла в тупик или новое видение проблемы глазами ФНС России // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 333–338.

[3] Голенев В.В. Расчётный метод определения действительного размера налоговых обязательств: проблемы применения в условиях отсутствия методологических подходов // Юридическая наука. – 2021. – № 1. – С. 20–26.

[4] Попкова Ж.Г. Оценка предложения налогоплательщика о «реальном контрагенте» требует оценки: некоторые аспекты налоговой реконструкции // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2023. – № 2. – С. 56–62.

[5] Официальная статистика ФНС России. Форма 2-НК. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn71/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14897956/ (дата обращения: 20.08.2026).

[6] Определение СКЭС ВС РФ от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Определение СКЭС ВС РФ от 15.12.2021 № 305-ЭС21-18005 по делу № А40-131167/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Определение СКЭС ВС РФ от

12.04.2022 № 302-ЭС21-22323 по делу № А10-133/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] Определение СКЭС ВС РФ от 21.07.2022 № 301-ЭС22-4481 по делу № А29-2698/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] Определение СКЭС ВС РФ от 03.02.2025 № 309-ЭС24-20306 по делу № А76-20897/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Определение СКЭС ВС РФ от 08.08.2025 № 310-ЭС24-24050 по делу № А83-21915/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.08.2022 № Ф05-15281/2022 по делу № А41-12402/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 № 329-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.08.2025 № Ф09-2587/25 по делу № А76-20242/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.10.2023 № Ф09-6422/23 по делу № А60-57973/2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] Решение Арбитражного суда города Москвы от 15.10.2025 по делу № А40-87853/2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Решение Арбитражного суда города Москвы от 29.08.2025 по делу № А40-286704/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] Решение Арбитражного суда города Москвы от 26.08.2025 по делу № А40-286790/2024. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] Решение Арбитражного суда города Москвы от 21.02.2025 по делу № А40-226561/2024 ; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2025 по тому же делу. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] Решение Арбитражного суда Московской области от 02.03.2023 по делу № А41-72722/2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[21] Решение Арбитражного суда города Москвы от 01.03.2024 по делу № А40-155138/2021. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[22] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

[1] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 31.03.2026 No. 307-EC25-11805 in case No. A56-83561/2023. - Access from ConsultantPlus legal system.

[2] Eriashvili N.D., Grigoriev A.I. The paradigm of "tax reconstruction" has reached a dead end or a new vision of the problem through the eyes of the Federal Tax Service of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1. - S. 333-338.

[3] Golenev V.V. Calculation method for determining the actual amount of tax liabilities: problems of application in the absence of methodological approaches // Legal science. – 2021. – № 1. - S. 20-26.

[4] Popkova Zh.G. The assessment of the taxpayer's proposal for a "real counterparty" requires an assessment: some aspects of tax reconstruction // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. – 2023. – № 2. - S. 56-62.

[5] Official statistics of the Federal Tax Service of Russia. Form 2-NK. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn71/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14897956/ (дата обращения: 20.08.2026).

[6] Determination of the SKES of the RF Armed Forces dated 19.05.2021 No. 309-ES20-23981 in case No. A76-46624/2019. - Access from ConsultantPlus legal system.

[7] Determination of the RPS of the RF Armed Forces dated 15.12.2021 No. 305-EC21-18005 in case No. A40-131167/2020. - Access from ConsultantPlus legal system.

[8] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 12.04.2022 No. 302-EC21-22323 in case No. A10-133/2020. - Access from ConsultantPlus legal system.

[9] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 21.07.2022 No. 301-EC22-4481 in case No. A29-2698/2020. - Access from ConsultantPlus legal system.

[10] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 03.02.2025 No. 309-EC24-20306 in case No. A76-20897/2023. - Access from ConsultantPlus legal system.

[11] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 08.08.2025 No. 310-EC24-24050 in case No. A83-21915/2023. - Access from ConsultantPlus legal system.

[12] Decision of the Arbitration Court of the Moscow District of 11.08.2022 No. F05-15281/2022 in case No. A41-12402/2020. - Access from

ConsultantPlus legal system.

[13] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.10.2003 No. 329-O. - Access from ConsultantPlus legal system.

[14] Decision of the Arbitration Court of the Ural District of 12.08.2025 No. F09-2587/25 in case No. A76-20242/2023. - Access from ConsultantPlus legal system.

[15] Decision of the Arbitration Court of the Ural District of 26.10.2023 No. F09-6422/23 in case No. A60-57973/2022. - Access from ConsultantPlus legal system.

[16] Decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 15.10.2025 in case No. A40-87853/2025. - Access from ConsultantPlus legal system.

[17] Decision of the Moscow Arbitration Court of 29.08.2025 in case No. A40-286704/2024. - Access from ConsultantPlus legal system.

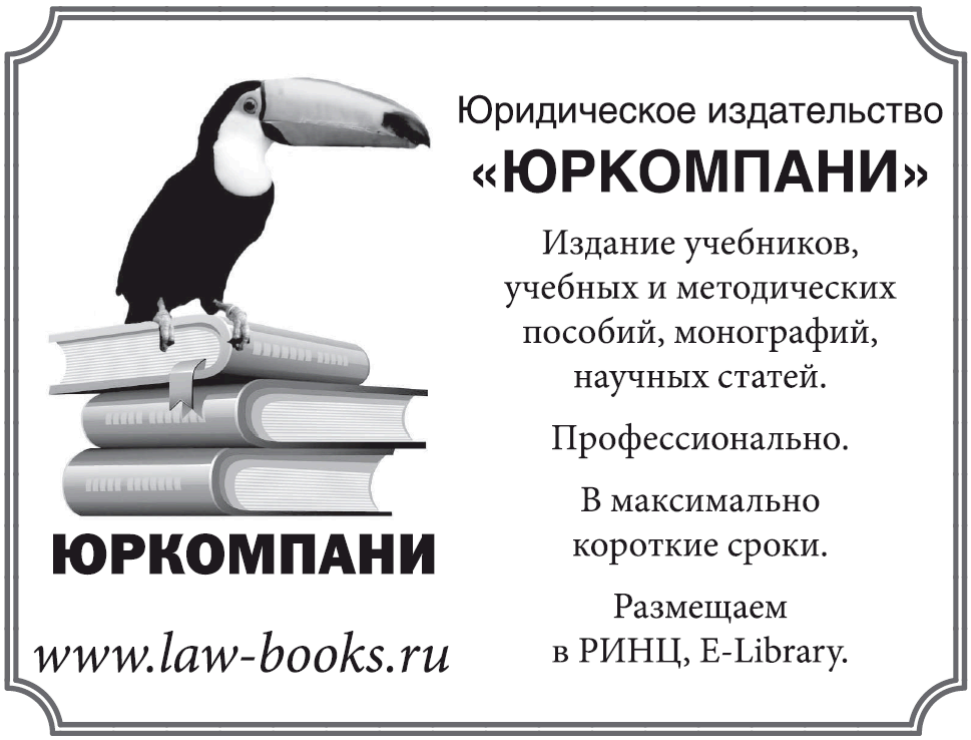
[18] Decision of the Moscow Arbitration Court of 26.08.2025 in case No. A40-286790/2024. - Access from ConsultantPlus legal system.

[19] Decision of the Moscow Arbitration Court of 21.02.2025 in case No. A40-226561/2024; Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 02.10.2025 in the same case. - Access from ConsultantPlus legal system.

[20] Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 02.03.2023 in case No. A41-72722/2022. - Access from ConsultantPlus legal system.

[21] Decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 01.03.2024 in case No. A40-155138/2021. - Access from ConsultantPlus legal system.

[22] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.11.2019 No. 48 "On the Practice of Courts Applying Legislation on Liability for Tax Crimes." - Access from ConsultantPlus legal system.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-177-180

МАРТЫНОВ Роман Анатольевич,
студент юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: addcondzazar095095@mail.ru

ТУРКИНА Полина Романовна,
студентка юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета,
e-mail: polina_turkina06@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА В СОСТОЯНИИ МНИМОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация. *В статье рассматривается уголовно-правовая природа причинения вреда в состоянии мнимой обороны. Авторы анализируют условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству, — общественную опасность, наличность и действительность, — и на основе ст. 37 УК РФ и п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 выделяют варианты квалификации действий лица, ошибочно полагавшего, что оно подвергается общественно опасному посягательству. Обосновывается, что мнимая оборона не является самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность деяния, и не влечёт автоматического освобождения от уголовной ответственности: уголовно-правовая оценка зависит от добросовестности заблуждения лица, объективной обстановки и его возможности осознавать отсутствие реального посягательства. Авторы статьи также обращают внимание на отсутствие нормативного закрепления института мнимой обороны и отмечают необходимость его законодательной регламентации для устранения пробелов, в том числе, и в правоприменительной практике.*

Ключевые слова: *право, закон, общественная опасность, наличность, действительность деяния, фактическая ошибка, мнимая оборона, условия правомерности необходимой обороны, квалификация преступления, ответственность.*

MARTYNOV Roman Anatolyevich,
student at the Law Institute of the National Research Tomsk State University

TURKINA Polina Romanovna,
student at the Law Institute National Research Tomsk State University

ON THE ISSUE OF CAUSING HARM IN THE STATE OF IMMINENT DEFENSE

Annotation. *The article examines the criminal law nature of causing harm in a state of apparent imaginary defense. The authors analyze the conditions for the legitimacy of necessary self-defense related to the attack — public danger, imminence and actuality — and, based on Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation and paragraph 16 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.09.2012 No. 19, they identify the possible ways to classify the actions of a person who mistakenly believed they were subject to a socially dangerous attack. It is substantiated that apparent defense is not an independent circumstance that excludes the criminal nature of an act and does not automatically entail exemption from criminal liability: the criminal legal assessment depends on the good faith of the person's misconception, the objective situation, and their ability to realize the absence of a real threat. The authors of the article also draw attention to the lack of regulatory consolidation of the institution of apparent defense and note the need for its legislative regulation to eliminate gaps, including in law enforcement practice.*

Key words: *law, legislation, public danger, presence, actuality of the act, factual error, apparent defense, conditions for the legitimacy of necessary defense, classification of a crime, liability.*

Необходимая оборона, в соответствии со ст. 37 УК РФ представляет собой правомерное пресечение общественно опасного посягательства при защите интересов личности, общества или государства путем причинения вреда посягающему, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия [1]. Зачастую в правоприменительной практике встречаются случаи, когда лицо ошибочно полагает, что находится в состоянии необходимой обороны, и причиняет вред другому лицу, которое, по мнению этого лица, является нападающим, но в действительности не создаёт опасности для жизни и здоровья, поскольку его деяние не отвечает следующим условиям:

Во-первых, оно не является общественно-опасным, то есть причиняющим или способным причинить существенный вред охраняемым уголовным законом интересам личности, общества или государства.

Во-вторых – наличным. Условие наличности означает, что деяние причиняет вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям и еще не закончилось, либо налицо непосредственная и реальная угроза причинения такого вреда.

В-третьих, общественно опасное посягательство должно быть реальным, то есть существовать в действительности, а не в воображении обороняющегося. [2]

Исходя из изложенного, следует прийти к выводу, что в случае, когда человеком овладевает позиция защиты от посягательства, которое в свою очередь не отвечает вышеупомянутым условиям правомерности необходимой обороны, относящимся к посягательству, она является неправомерной [3].

Из вышесказанного следует, что такое восприятие действий извне является изначально ошибочной, и в научной литературе соответствующей категории поведения лица, заведомо не являющегося обороняющимся, дали определение, которое именуется как «мнимая оборона».

Мнимая оборона берет своё начало от фактической ошибки в уголовном праве, связанной с тем, как лицо оценивает характер поведения потерпевшего, его личности, конкретной обстановки. Таким образом, под фактической ошибкой принято понимать неверное представление лица об обстоятельствах сложившейся ситуации, играющих роль объективных признаков состава данного преступления и определяющих характер неправомерного деяния и степень его общественной опасности [4].

В настоящее время мнимая оборона – есть уголовно-правовой феномен, который по своей природе не является основанием защиты конкретных общественных отношений, на которые, ввиду очевидного заблуждения обороняющегося, осуществляется посягательство, так как по своей природе, посягательства не существует, оно мнимо, иными словами, воображаемо. Исходя из вышеизложенного необходимо сделать вывод, что ошибочное восприятие лицом не существующей угрозы будет являться самостоятельным общественно опасным деянием ввиду того, что лицо, не понимая всех обстоятельств дела, своими действиями осуществляет противоправное посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения, при этом не обязательно, чтобы у лица, считающего себя оборонявшим, был умысел на причинение вреда. Таким образом, важно уяснить, что за деяние, совершенное в состоянии мнимой обороны предусмотрена ответственность.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что законодатель Российской Федерации предусмотрел ответственность за совершение преступления в состоянии мнимой обороны. В соответствии с п.16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» необходимо выделить несколько вариантов уголовно-правовой оценки причинения вреда в состоянии мнимой обороны, основывающихся на обстоятельствах, которые существенно влияют на степень вины и ответственность лица:

В случае, когда вся обстановка происшествия давала основания полагать, что совершается реальное посягательство и лицо, применившее средства защиты, не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. Если лицо не сознавало и не могло сознавать ошибочность своего предположения о наличии общественно опасного посягательства, но при этом явно превысило пределы защиты, допускаемой в условиях соответствующего реального посягательства, то оно несет ответственность за превышение пределов необходимой обороны.

В случае, если лицо по обстоятельствам дела не сознавало, но должно было и могло сознавать, что посягательство отсутствует, оно несет ответственность по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за причинение вреда по неосторожности. Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях. [5]

Проанализировав приведенные законодателем варианты уголовно-правовой оценки действий лица, причинившего вред в состоянии мнимой обороны, необходимо сделать вывод о том, что мнимая оборона не является самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность деяния, и не влечет автоматического освобождения от уголовной ответственности. Она лишь требует дифференцированной квалификации в зависимости от добросовестности заблуждения лица, наличия у него возможности осознавать отсутствие реального посягательства и объективной обстановки.

Также, нельзя не упомянуть о том, что сам институт мнимой обороны не получил своего нормативного закрепления на законодательном уровне: действующий Уголовный Кодекс не предусматривает отдельной статьи, закрепляющей понятие, признаки и условия, при которых состояние мнимой обороны будет исключать ответственность. Так, при использовании мнимой обороны субъектом, который ошибочно убежден, что реализует свое право на необходимую оборону, существует ряд проблем, которые в свою очередь мешают полноценному функционированию института необходимой обороны и реализации его на практике.

Законодательная регламентация мнимой обороны, как представляется, создаст необходимые предпосылки для восполнения пробелов уголовно-правового регулирования, преодоления квалификационной неопределённости и восстановления действия принципа законности в сфере обстоятельств, исключающих преступность деяния. Последовательное нормативное закрепление рассматриваемого института позволит обеспечить единство правоприменительных подходов, усилить гарантии прав и законных интересов лиц, заблуждающихся относительно наличия посягательства, и укрепить системную целостность соответствующей группы уголовно-правовых норм.

Таким образом, мнимая оборона регулирует уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с реализацией лицом права, дарованного статьей 45 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на защиту своих прав и свобод [6]. Не менее важно и то, что уголовно-правовая оценка причинения вреда в состоянии мнимой обороны не отличается единообразием: она определяется не самим фактом отсутствия реального посягательства, а субъективным отношением лица к обстановке и его способностью осознавать ошибочность своего предположения.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2026. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] Туркина П.Р. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны // Российский научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 216 – 218.

[3] Уголовное право. Общая часть: учеб. пособ. / И.А. Никитина и др.; под ред. В.А. Уткина. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 600 с.

[4] Акимочкин В.И. Мнимая оборона или фактическая ошибка: сравнительно-правовой анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019, № 3 – с. 832.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (Текст постановления опубликован в «Российской газете» от 3 октября 2012 г. № 227, в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, ноябрь 2012 г., № 11).

[6] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. // Официальный интернет–портал правовой информации. // [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 01.10.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: feder. Law of June 13, 1996 No. 63-FZ: (as amended by 04.08.2026) // ConsultantPlus: ref. legal system. Version Prof. M., 2026. Access mode: local network Scientific. b-ki Tom. state university.

[2] Turkina P.R. On the question of the legality of the necessary defense // Russian Scientific Bulletin. – 2026. – № 3. – C. 216 – 218.

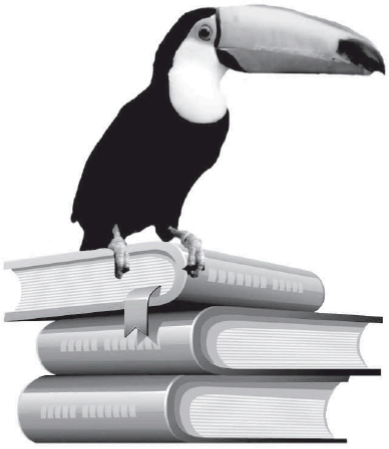
[3] Criminal law. General part: study. method / I.A. Nikitina et al.; ed. V.A. Utkin. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2016. - 600 s.

[4] Akimochkin V.I. Imaginary defense or factual error: comparative legal analysis // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and teaching sciences. 2019, No. 3 - p. 832.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 No. 19 "On the application by the courts of legislation on the necessary defense of causing harm during the detention of a person who has committed a crime" (The text of the decision was published in Rossiyskaya Gazeta of October 3, 2012 No. 227, in the Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, November 2012, No. 11).

[6] Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993 with

amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020] // Official Internet portal of legal information // [Electronic resource] // URL: http://www.pravo.gov.ru. (accessed on: 01.10.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-181-186

ФЕДОРОВ Артём Антонович,
независимый исследователь, г. Москва,
e-mail: artemf2000@gmail.com

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ СБОР: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Исполнительский сбор является одним из важнейших институтов в праве. Актуальность исследования данного института обусловлена его значимой ролью в исполнении судебных решений и решений других органов, а также необходимостью четкого понимания его правовой природы. В правовой доктрине существует немало подходов к определению сущности такого сбора. Научная статья посвящена краткому обзору эволюции исполнительского сбора, определению его сути, а также рассмотрению отдельных правовых аспектов, связанных с данным институтом.*

Ключевые слова: *исполнительский сбор, денежное взыскание, судебный пристав-исполнитель, срок для добровольного исполнения, мера публично-правовой ответственности, штрафная санкция, исполнительный документ, требования, должник, неисполнение требований, бюджетная система.*

FEDOROV Artem Antonovich,
Independent researcher, Moscow

THE ENFORCEMENT FEE: DOCTRINAL AND LEGISLATIVE ASPECTS

Annotation. *The enforcement fee is one of the most important institutions in law. The relevance of studying this institution is due to its significant role in the enforcement of court decisions and decisions of other bodies, as well as the need for a clear understanding of its legal nature. There are many approaches to defining the essence of such a collection in legal doctrine. This scientific article provides a brief overview of the evolution of the enforcement fee, defines its essence and examines certain legal aspects related to this institution.*

Key words: *the enforcement fee, monetary penalty, bailiff, the deadline for voluntary execution, the measure of public legal responsibility, the penalty, executive document, requirements, the debtor, non-fulfillment of requirements, budget system.*

История возникновения института исполнительского сбора в России. В своем историческом развитии исполнительский сбор выступал как средство оплаты труда судебного пристава. Так, ещё в древнерусские времена он уплачивался взыскателем приставу за следование к должнику и выступал средством оплаты труда судебного пристава [15].

После проведения Всероссийским Императором Александром I Освободителем Судебной реформы 1864 года сбор начал взыскиваться с должника [15]. В эпоху Советской России исполнительский сбор взыскивался с частичным распределением средств в бюджет страны и в фонд оплаты труда судебного пристава-исполнителя. Так, Гуреев В.А. в своем научном труде приводит статистику по его взысканию (75 % - в доход государства, а 25 % - на оплату труда). [15]. В послесоветский период на основании пункта 3 Постановления Правительства Российской Федерации от 26.06.1998 № 659 «Об утверждении Положения о внебюджетном фонде развития исполнительного производства» 70 % исполнительского сбора поступало во внебюджетный фонд развития исполнительного производства [7]. Согласно статье 89 Федерального закона от 21.07.1997 № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» 5 % из 70 % поступивших средств такого фонда выплачивалось судебному приставу в качестве вознаграждения [3].

Таким образом, краткий обзор исторического развития данного института показывает его стимулирующую функцию, выражающуюся в денежном поощрении судебного пристава за выполняемую им работу в то время, как в условиях современных реалий, он является платежом, поступающим в бюджетную систему государства.

Понятие и правовая природа исполнительского сбора. Термин «исполнительский сбор» состоит из двух производных: исполнительский и сбор. В толковом словаре Ожегова С.И. не содержится четкого разъяснения термина «исполнительский сбор», поскольку данный феномен является специальным и развился в рамках современного законодательства. Однако в его толковании дается разъяснение общеизвестному слову

«сбор», под которым понимается взимаемые или собранные за что-нибудь или на что-нибудь деньги [21].

На наш взгляд, под словом «исполнительский» следует понимать выполнение каких-либо действий или требований, установленных законом, а под словом «сбор» – денежные средства, штраф, необходимые к уплате. Поскольку представленная статья посвящена исследованию данного правового института, стоит рассмотреть определение термина «исполнительский сбор» через нормы законодательства Российской Федерации. Так, в части 1 статьи 112 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон № 229-ФЗ) под исполнительским сбором понимается денежное взыскание, налагаемое на должника судебным приставом-исполнителем в случаях неисполнения им требований исполнительного документа в течение добровольного срока исполнения (5 дней), а также в случае неисполнения исполнительного документа с немедленным сроком исполнения в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава о возбуждении исполнительного производства [4].

В статье 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» указано, что исполнительский сбор является обязательным платежом, уплачиваемым в бюджетную систему государства в результате наложения взыскания на должника за просрочку исполнения им установленных законом требований [5].

По мнению Верховного суда Российской Федерации исполнительский сбор обладает свойствами административной штрафной санкции [9]. При применении такой санкции должник обязан произвести определенную дополнительную выплату в качестве меры его публично-правовой ответственности, возникающей в связи с совершенным им правонарушением в процессе исполнительного производства [9].

Согласно позиции Конституционного суда Российской Федерации исполнительский сбор – штрафная санкция, возлагающая на должника обязанность произвести определенную выплату в связи с просрочкой исполнения им обязательных требований взыскателя (кредитора) [8].

Позиция правоприменителя отождествляется с нормами законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве в вопросе рассмотрения такого сбора в качестве санкции за ненадлежащее поведение должника.

Относительно правовой природы исполнительского сбора также существует немало научных взглядов.

Так, например, Валеев Д.Х., Челышева М.Ю. рассматривают исполнительский сбор с точки зрения штрафной санкции, выражающейся в обязанности должника произвести определенную выплату в связи с совершенным им правонарушением в исполнительном производстве [12, с. 49]. Свирин Ю.А. указывает, что исполнительский сбор является видом ответственности недобросовестного должника [23, с. 160] за злоупотребление им своим правом (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации) [2], выраженное в неисполнении им в добровольном порядке требований исполнительного документа.

По мнению Юдина А.В. исполнительский сбор является стимулирующей должника выплатой к добровольному погашению долга в течение отведенного пятидневного срока [27, с. 5].

Некоторыми учеными Валеевым Д.Х., Шерстюком В.М. исполнительский сбор рассматривается в качестве расхода по совершению исполнительных действий судебным приставом аналогично взимаемой государственной пошлине за совершение действия, признаваемого юридически значимым [14], [26]. По их мнению, соотношение исполнительского сбора с государственной пошлиной выражено в том, что сбор, как и пошлина взимается независимо от вины должника в доход государства до совершения принудительного исполнения, как и до совершения юридических действий. Единственным отличием исполнительского сбора является то, что его уплачивает не истец, а ответчик.

По нашему мнению, исполнительский сбор не соотносится с государственной пошлиной, поскольку государственную пошлину может уплачивать лицо без наличия вины (например, физическое лицо за получение государственной услуги при обращении в подразделение судебных приставов), в то время как действующее законодательство и разъяснения вышестоящих судебных инстанций указывают на санкционный характер исполнительского сбора, который взимается с недобросовестного должника в связи с совершенным им правонарушением в исполнительном производстве.

Представляется вполне обоснованным и логичным, что исполнительский сбор выполняет штрафную функцию в отношении должника, а также служит стимулом для его добросовестного поведения, способствуя эффективному принудительному исполнению судебных актов и актов других органов. Действительно, данный тезис позволяет должнику задуматься над своим поведением и в дальнейшем своевременно исполнять обязательства по погашению задолженности.

Нормы законодательства о данном институте содержатся в специальной главе Федерального закона № 229-ФЗ, которая посвящена ответственности в исполнительном производстве.

Размер исполнительского сбора. Важное

значение для взыскания исполнительского сбора имеет его размер, который предусмотрен на уровне федерального законодательства и от которого зависит пополнение доходной части бюджета.

С 2025 года в статье 112 Федерального закона № 229-ФЗ предусмотрено увеличение размера исполнительского сбора с 7 % до 12 % от суммы взыскания задолженности по исполнительному документу или стоимости имущества, на которое обращено взыскание [4].

С точки зрения действующего законодательства такое увеличение вполне обоснованно, поскольку предполагается совершенствование данного инструмента воздействия на недобросовестных должников и обеспечение прав взыскателей. Увеличенный размер позволит реализовать права взыскателей на получение причитающихся им выплат на основании актов административных органов и стимулировать должников добровольно погашать задолженности, а также увеличить поступления дополнительных доходов в бюджет страны для обеспечения целей национальной безопасности и реализации целей социально-экономического развития государства.

Частью 7 статьи 112 Закона № 229-ФЗ допускается уменьшение судом должнику размера исполнительского сбора не более чем на одну четверть с учетом степени вины должника, его имущественного положения [4].

Под уменьшением размера сбора подразумевается возврат по решению суда должнику лишней части взысканных денежных средств в случаях, установленных Законом № 229-ФЗ.

Верховным Судом Российской Федерации разъяснено полномочие суда по уменьшению в зависимости от определенных обстоятельств дела размера сбора не более чем на одну четверть от установленного размера [9].

Таким образом, законодательство об исполнительном производстве, определяющее порядок взыскания исполнительского сбора, устанавливает права должников на уменьшение размера сбора.

Процессуальный статус должника, в отношении которого наложен исполнительский сбор. Как и в гражданском процессе ответчик обладает набором прав, так и в исполнительном праве законодатель предусмотрел для должника набор определенных прав и гарантий. Рассмотрим в данной работе их особенности.

По смыслу части 6 статьи 112 Федерального закона № 229-ФЗ должник вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора, с иском об отсрочке или о рассрочке либо об освобождении от его уплаты [4]. Так, в случае отмены судебного акта, акта другого органа или должностного лица, на основании которых был выдан исполнительный документ либо постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании сбора должник имеет право на возврат уплаченной суммы сбора (часть 10 статьи 112 Федерального закона № 229-ФЗ) [4].

В научных трудах Филипповой Д.Д. рассматриваются нормы иных отраслей законодательства Российской Федерации по вопросу освобождения должника от уплаты сбора. Так, в своем исследовании автор ставит проблему отсутствия единого механизма к реализации должником своего права на защиту от взыскания сбора в случае наложения в отношении его такой санкции [25]. Так, из Кассационного определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2024 № 66-КАД24-7-К8 о признании незаконным постановления судебного пристава-исполнителя Чунского районного отдела судебных приставов Главного управления Федеральной службы судебных приставов по Иркутской области о взыскании исполнительского сбора следует, что должник может реализовать свое право на защиту от данного сбора путем обращения в суд с административным иском [10].

Ещё в качестве примера следует привести постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.03.2025 № Ф07-1132/2025 по делу № А56-50699/2024 о признании недействительным постановления начальника отделения - старшего судебного пристава Специализированного отделения судебных приставов по Ленинградской области Главного межрегионального (специализированного) управления Федеральной службы судебных приставов о взыскании исполнительского сбора на основании обращения должника с заявлением в арбитражный суд [11].

Таким образом, в действующем законодательстве существуют разные подходы к вопросу защиты прав должников, что вызывает неопределенность в правоприменении. Полагается целесообразным предусмотреть единый порядок реализации должником своего права на освобождение от взыскания исполнительского сбора, создав отдельную статью в Федеральном законе № 229-ФЗ в главе, посвященной обжалованию и оспариванию действий (бездействий) и решений должностных лиц ФССП России и ее территориальных органов.

Заключение. Институт исполнительского сбора имеет глубокие корни в своем историческом развитии и функционирует по настоящее время. Эволюция данного института прослеживается в разные эпохи, когда такой сбор выполнял стимулирующую функцию для нынешнего работника системы принудительного исполнения,

поскольку служил средством оплаты труда. С момента принятия Федерального закона № 229-ФЗ исполнительскому сбору присущи функции административно-штрафной санкции, применяемой к должнику в целях его стимулирования к своевременному исполнению требований.

Законодательное новшество в части увеличения размера исполнительского сбора до 12 % также стимулируют должников исполнять требования, не нарушая 5-ти дневный срок для их добровольного исполнения, а также, как видится логичным, способствует пополнению бюджета страны для реализации ключевых государственных функций (социальное обеспечение, медицина, образование, спорт, национальная безопасность и др.).

Однако в современном законодательстве имеется серьезная проблема, требующая тщательной проработки на государственном уровне, когда нет единообразного подхода к реализации должником права на освобождение от уплаты исполнительского сбора и применению судами законодательства. Различные позиции судебных инстанций приводят к неоднозначному толкованию правовых норм и как, следствие, их применению.

В современном процессуальном законодательстве Российской Федерации полагаем целесообразным определить единую форму процессуального документа (заявления), распространяющегося на все виды судопроизводства, срока для его предъявления должником в суд в целях восстановления и защиты нарушенных прав.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. ст. 3301.

[3] Федеральный закон от 21.07.1997 № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30, ст. 3591.

[4] Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41, ст. 4849.

[5] Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

[6] Федеральный закон от 29.12.2025 № 563-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 52, ст. 8350.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 26.06.1998 № 659 «Об утверждении Положения о внебюджетном фонде развития исполнительного производства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 27. Ст. 3181.

[8] Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский»» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2001. № 6.

[9] Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 07.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (ред. от 19.11.2024) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 1.

[10] Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2024 № 66-КАД24-7-К8 // СПС «Консультант Плюс».

[11] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.03.2025 № Ф07-1132/2025 по делу № А56-50699/2024 // СПС «Консультант Плюс».

[12] Валеев Д.Х., Челышева М.Ю. Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы // Статут. – 2007. – С. 100.

[13] Валеев Д.Х., Волкова Т.В., Шараев С.Ю. Актуальные вопросы правоприменительной практики по применению законодательства об исполнительном производстве: опыт Двенадцатого арбитражного апелляционного суда // СПС «Консультант Плюс».

[14] Валеев Д.Х. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (с постатейными материалами)» // СПС «Консультант Плюс».

[15] Гуреев В.А. Исполнительский сбор в современной модели исполнительного производства: штрафная санкция или плата за работу судебного пристава-исполнителя? // СПС «Консультант Плюс».

[16] Зайчиков Я.В., Сизова О.С. Роль исполнительского сбора в формировании доходов консолидированного бюджета Российской Феде-

рации // Наука Красноярья. Том 9. – 2020. – № 1-4. – С. 21-25.

[17] Клепикова М.А. Некоторые вопросы правовой природы исполнительского сбора // Исполнительное право. – 2013. – № 1. – С. 10.

[18] Михин А.В. О проблемах взыскания исполнительского сбора // СПС «Консультант Плюс».

[19] Морозова И.Б., Треушников А.М. Исполнительное производство // СПС «Консультант Плюс».

[20] Морозова И.Б. Ответственность в исполнительном производстве // СПС «Консультант Плюс».

[21] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка // Азбуковник. – № 4. – 1997. URL: http: // lib.ru (дата обращения: 10.07.2026).

[22] Саттарова З.З. «Основания и порядок взыскания исполнительского сбора» // СПС «Консультант Плюс».

[23] Свирин Ю.А. Исполнительное производство и трансгрессия исполнительного права // Астра-Полиграфия. – 2009. – С. 172.

[24] Фархтдинова Я.Ф. Исполнительное производство // СПС «Консультант Плюс».

[25] Филлипова Д.Д. Освобождение от взыскания исполнительского сбора: особенности процессуальной формы // СПС «Консультант Плюс».

[26] Шерстюк В.М. Проблемы исполнительного производства привлекли внимание Конституционного суда РФ // Арбитражная практика. – 2001. – № 5. – С. 6-7.

[27] Юдин А.В. Проблемы расширения юридической ответственности за «простое» без признаков злостности неисполнение судебного акта // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Европейский гражданский процесс и исполнительное производство», г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет. - 25.03.2011. // СПС «Консультант Плюс».

[28] Яркова В.В. Исполнительное производство: Учебник // СПС «Консультант Плюс».

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with changes approved during the all-russian voiting) // SPS «Consultant Plus».

[2] Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 № 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32, art. 3301.

[3] Federal law «On Enforcement proceedings» dated 21.07.1997 № 119-FZ (expired) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. № 30, art. 3591.

[4] Federal law «On Enforcement proceedings» dated 02.10.2007 № 229-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2007. № 41, art. 4849.

[5] Federal law «On Insolvency (Bankruptcy)» dated 26.10.2002 № 127- FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 43, art. 4190.

[6] Federal law «On Amendments to the Federal Law «On Enforcement proceedings» dated № 563-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2025. № 52, art. 8350.

[7] Decree of the Government of the Russian Federation dated 26.06.1998 № 659 «On approval of the regulations on the extra-budgetary fund for the development of enforcement proceedings» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 27, art. 3181.

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation on the case of checking the constitutionality of the provisions of subparagraph 7 of paragraph 1 of article 7, of paragraph 1 of article 77 and paragraph 1 of article 81 of the Federal Law «On Enforcement proceedings» in connection with the requests of the Arbitration Court of the Voronezh Region, the Arbitration Court of the Saratov Region and the complaint of the open joint-stock company «Izikhsky Razrez» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2001. № 6.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the Application of Legislation by Courts in consideration Issues Arising During Enforcement Proceedings» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2026. № 1.

[10] Cassation ruling of the Administrative Court of the Supreme Court of the Russian Federation № 66-CAD24-7-K8 // SPS «ConsultantPlus».

[11] Resolution of the Arbitration Court of the North-Western Federal District F07-1132/2025 in the case of № A56-50699/2024 // SPS «ConsultantPlus».

[12] Valeev D.Kh., Chelysheva M.Yu. Enforcement Proceedings Procedural Nature and Civil Law Foundations // The Statute. – 2007. – S. 100.

[13] Valeev D.Kh., Volkova T.V. Sharaev S.Yu. Current issues of law enforcement practice in the application of legislation on enforcement proceedings the experience of the Twelfth Arbitration Court of Appeal // SPS «ConsultantPlus».

[14] Valeev D.Kh. Comments on the Federal Law On Enforcement proceedings with article by article materials // SPS «ConsultantPlus».

[15] Gureev In.A. In the modern model of enforcement proceedings, an enforcement fee is a penalty or a fee for the work of a bailiff // SPS «ConsultantPlus».

[16] Zaychikov I.V., Sizov O.S. The role of the enforcement fee in generating consolidated budget revenues // Science of Krasnoyarsk – 2020. – № 1-4. – S. 21-25.

[17] Klepikova M.A. Some issues of the legal nature of the performance fee // Executive law. – 2013. – № 1. – S. 10.

[18] Mikhin A.V. In About the problems of collecting performance fees // SPS «ConsultantPlus».

[19] Morozova I.B., Treyushnikov A.M. Enforcement proceedings // SPS «ConsultantPlus».

[20] Morozova I.B. Liability in enforcement proceedings // SPS «ConsultantPlus».

[21] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language // Azbukovnik – 1997. – № 4. // URL: http://lib.ru (Accessed: 10.07.2026).

[22] Sattarova S.Z. Grounds and procedure for collecting enforcement fees // SPS «ConsultantPlus».

[23] Svirin Yu.A. Enforcement proceedings and transgression of enforcement proceedings // Astra Polygraphy. – 2009. – S. 172.

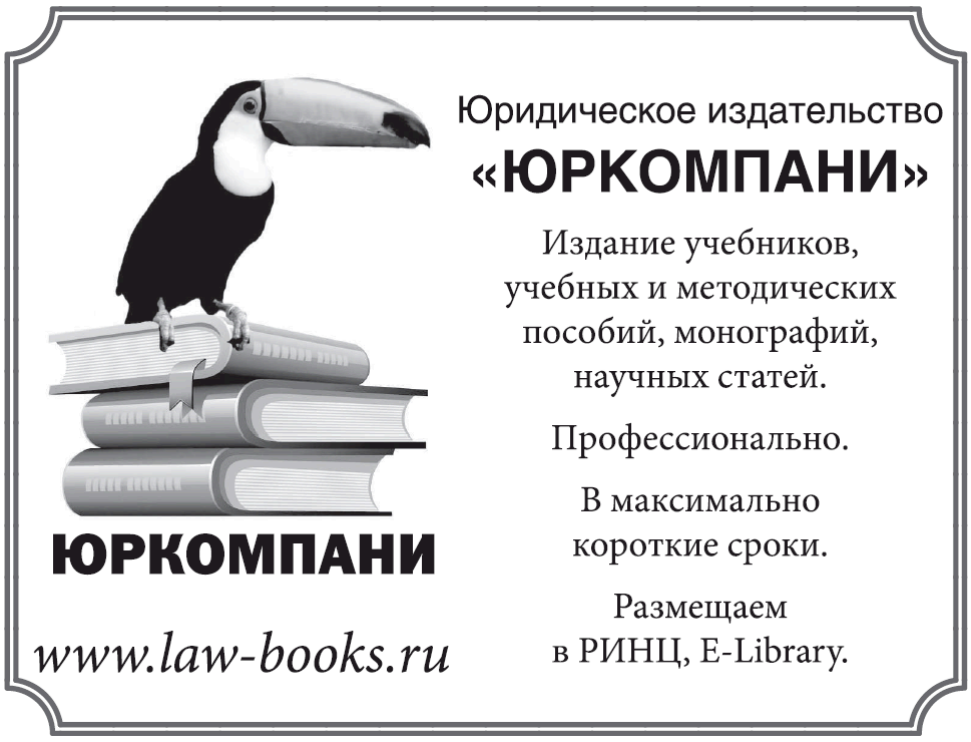
[24] Farkhtdinova Ya.F. Enforcement proceedings // SPS «ConsultantPlus».

[25] Fillipova D.D. Exemption from collection of performance fees features of the procedural form // SPS «ConsultantPlus».

[26] Sherstyuk V.M. The Constitutional Court has taken notice of the problems with enforcement proceedings // Arbitration practice. – 2001. – № 9. – S. 6-7.

[27] Yudin A.V. Problems of expanding legal liability for simple non-execution of a court order without signs of malice Collection of materials of the international scientific and practical conference European Civil Procedure and Enforcement proceedings Kazan Kazan Volga Federal University - 25.03.2011. // SPS «ConsultantPlus».

[28] Yarkova V.V. Enforcement proceedings textbook // SPS «ConsultantPlus».

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-187-197

АХМЕТЗЯНОВ Ильмир Ильнурович,
аспирант юридического факультета, Частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»,
e-mail: Imir.akhmetzyanov.99@bk.ru

Научный руководитель:
КАБАНОВ Павел Александрович,
Профессор, доктор юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПРОЕКТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК СРЕДСТВА ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности организации и проведения антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов в Республике Татарстан. Основное внимание уделяется сложившемуся порядку экспертной работы на муниципальном уровне, составу ее участников, взаимодействию органов местного самоуправления с органами прокуратуры и Министерством юстиции Республики Татарстан. Отдельно исследуются методическое сопровождение муниципальных образований и организация независимой антикоррупционной экспертизы с использованием единого республиканского информационного ресурса. На материалах отдельных муниципальных образований показано, как действующая организационная модель реализуется на практике. Сделан вывод о том, что специфика Республики Татарстан связана не с установлением самостоятельных критериев коррупциогенности, а с сочетанием муниципальной экспертной деятельности, внешнего контроля, методической помощи, мониторинга и информационного обеспечения независимой экспертизы.*

Ключевые слова: *антикоррупционная экспертиза, профилактика коррупции, муниципальный нормативный правовой акт, коррупциогенный фактор, муниципальное нормотворчество, органы местного самоуправления, независимая антикоррупционная экспертиза, Министерство юстиции Республики Татарстан, Республика Татарстан.*

AKHMETZYANOV Ilmir Ilnurovich,
graduate student of the Faculty of Law, Private Educational Institution of Higher Education "Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov (IEPU)"

Supervisor:
KABANOV Pavel Alexandrovich,
Professor, Doctor of Law

SPECIFIC FEATURES OF ORGANIZING AND CONDUCTING ANTI-CORRUPTION EXPERT REVIEW OF MUNICIPAL REGULATORY LEGAL ACTS AND DRAFT MUNICIPAL REGULATORY LEGAL ACTS AS A MEANS OF CORRUPTION PREVENTION IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Annotation. *The article examines the specific features of organizing and conducting anti-corruption expert review of municipal regulatory legal acts and their drafts in the Republic of Tatarstan. Particular attention is paid to the established procedure for expert review at the municipal level, its participants, and interaction between local self-government bodies, prosecution authorities, and the Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan. The methodological support provided to municipalities and the organization of independent anti-corruption expert review through a unified republican information resource are considered separately. Materials from individual municipalities are used to demonstrate how the existing organizational model operates in practice. It is concluded*

that the specific features of the Republic of Tatarstan are associated not with establishing separate criteria for identifying corruption-generating factors, but with combining municipal expert review, external control, methodological assistance, monitoring, and information support for independent expert review.

Key words: *anti-corruption expert review, corruption prevention, municipal regulatory legal act, corruption-generating factor, municipal law-making, local self-government bodies, independent anti-corruption expert review, Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan, Republic of Tatarstan.*

Введение

Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов относится к профилактическим мерам, эффективность которых в значительной степени определяется устройством самой экспертной работы. Сам по себе установленный перечень коррупциогенных факторов не гарантирует, что соответствующие положения будут вовремя выявлены в конкретном документе. Здесь значимы несколько элементов: стадия проведения экспертизы, квалификация специалиста, порядок направления и рассмотрения проекта, взаимодействие участников экспертной деятельности, а также способ устранения обнаруженного недостатка. По этой причине в научной литературе организация экспертной работы рассматривается в прямой связи с принципами обоснованности, объективности, проверяемости результатов и компетентности лиц, проводящих экспертизу [1; 2; 7].

Для муниципального уровня данный вопрос имеет особое значение. Органы местного самоуправления принимают значительное число нормативных правовых актов, регулирующих различные сферы общественных отношений. При этом муниципальные образования существенно различаются по численности населения, объему нормотворческой работы и кадровым возможностям; отсюда - недостаточность одних лишь единых критериев оценки нормативного текста. Необходим иной механизм: с одной стороны, он сохраняет самостоятельность органов местного самоуправления, с другой - обеспечивает единый подход к выявлению коррупциогенных факторов и возможность внешней оценки качества проводимой работы. Показательно, что в научных исследованиях муниципальный уровень выделяется как самостоятельное направление реализации профилактического потенциала антикоррупционной экспертизы [15, с. 26-29; 19, с. 155-160].

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» относит антикоррупционную экспертизу правовых актов и проектов правовых актов к мерам профилактики коррупции. Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ закреплены правовые и организационные основы ее проведения. Органы местного самоуправления проводят экспертизу принятых ими нормативных правовых актов и проектов таких актов в установленном ими порядке, однако коррупциогенные факторы определяются по единой Методике (она утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96).

Следовательно, уже на федеральном уровне закреплено сочетание двух начал. Едины-ми выступают методические критерии выявления коррупциогенных факторов, тогда как непосредственная организация внутренней экспертной работы – компетенция соответствующего органа. Подобное соединение общих требований и организационных процедур исследователи отмечали еще на этапе становления института антикоррупционной экспертизы [1; 2; 7; 13]. На практике это означает следующее: качество экспертизы определяется не только содержанием федеральной Методики, но и тем, насколько последовательно она встроена в муниципальный нормотворческий процесс.

В Республике Татарстан сформировалась система, при которой муниципальная экспертная деятельность дополняется прокурорской проверкой, методическим сопровождением со стороны Министерства юстиции Республики Татарстан, республиканским мониторингом и информационным обеспечением независимой антикоррупционной экспертизы. Такое сочетание представляет интерес именно с позиции профилактики коррупции. Оно позволяет проследить весь путь проекта - от подготовки и внутренней проверки до внешней экспертной оценки и последующего учета выявленных недостатков; в этом состоит его практическая значимость [5; 6; 13].

Цель настоящей статьи состоит в определении специфики организации и проведения антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов как средства профилактики коррупции в Республике Татарстан. Для ее достижения необходимо решить несколько задач. Предстоит рассмотреть сложившийся порядок экспертной работы, определить функции основных ее участников, исследовать формы республиканского методического сопровождения и независимой экспертизы, а также оценить отдельные практические результаты действующей модели - именно в этой последовательности выстраивается дальнейший анализ.

Методологическую основу исследования

составили общенаучные методы анализа, обобщения и сравнения, формально-юридический метод и метод анализа документов. Эмпирическую базу образовали официальные материалы Министерства юстиции Республики Татарстан, сведения муниципальных образований, материалы прокурорской практики, данные о проведении независимой антикоррупционной экспертизы и результаты исследования отдельных муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов. Отметим, что такое сочетание источников, нормативных, практических и информационных, позволяет рассматривать организацию экспертизы не изолированно, а в связи с реальным порядком ее осуществления.

Организация антикоррупционной экспертизы на муниципальном уровне

Организацию антикоррупционной экспертизы нельзя сводить лишь к проверке уже подготовленного нормативного текста. Она встроена в муниципальный нормотворческий процесс и начинается еще на стадии работы с проектом. Именно предварительная экспертиза, проводимая до принятия акта, позволяет выявить коррупциогенную конструкцию прежде, чем она войдет в действующий нормативный правовой акт. На ее предупредительное значение применительно к муниципальному уровню указывает В.В. Качалов - он рассматривает такую экспертизу как одну из мер профилактики коррупции [15, с. 26-29]. Аналогичное профилактическое значение антикоррупционной экспертизы отмечается и другими исследователями [4; 8; 19; 21; 22].

Практическое значение такого порядка вполне конкретно. Исправление действующего акта устраняет уже возникший недостаток правового регулирования, тогда как при проверке проекта проблемное положение может быть исключено еще до начала применения. Поэтому для организации муниципальной экспертной деятельности существен не только сам факт проведения экспертизы, но и момент ее осуществления; именно здесь проявляется профилактический потенциал процедуры. Иначе говоря, время проверки - самостоятельный организационный параметр.

Вместе с тем проверка проектов не устраняет необходимости исследовать уже действующие нормативные правовые акты. Недостаток может остаться незамеченным на стадии подготовки документа или выявиться позднее: в процессе применения, при изменении законодательства, при сопоставлении с иными нормативными актами. По этой причине Федеральный закон № 172-ФЗ предусматривает проведение органами и организациями антикоррупционной экспертизы принятых ими нормативных правовых актов при мониторинге их применения - такая проверка сохраняет самостоятельное значение.

Следовательно, муниципальная экспертиза развивается по двум направлениям. Первое связано с проектами нормативных правовых актов и носит преимущественно предварительный характер, второе – относится к уже действующим актам. Эти направления дополняют друг друга, поскольку полностью исключить сохранение нормативного недостатка после принятия документа невозможно; по нашему мнению, именно их сочетание образует устойчивую профилактическую модель.

Масштаб такой работы в Республике Татарстан значителен. По официальным данным за 2025 г., органами местного самоуправления проведена антикоррупционная экспертиза 24 636 проектов муниципальных нормативных правовых актов. В 71 из них выявлены коррупциогенные факторы, впоследствии устраненные; одновременно проверено 17 548 действующих муниципальных нормативных правовых актов, в которых выявлены два коррупциогенных фактора, и установленные нарушения также были устранены. Эти данные фиксируют реальный объем экспертной нагрузки – причем ежегодной.

Указанные показатели значимы не только как статистика. Они отражают объем нормативного материала, который ежегодно проходит через муниципальную систему антикоррупционной экспертизы. При таком количестве документов недостаток в самой организации экспертной деятельности способен затронуть уже не единичный акт, а значительный массив; если специалист неверно применяет Методику или экспертиза носит формальный характер, ошибка воспроизводится при проверке множества документов.

По этой причине особое значение приобретает подготовка муниципальных специалистов. Компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу, относится к числу принципиальных условий организации экспертной деятельности [2; 7, с. 18-22]. Современный экспертологический подход также предполагает рассмотрение антикоррупционной экспертизы как специальной деятельности. Для нее существенны профессиональная подготовка субъекта, методическое обеспечение и возможность использования результатов экспертизы в правотворческой деятельности [9].

Методика устанавливает виды коррупциогенных факторов, однако ее практическое применение требует оценки конкретной нормативной конструкции. Коррупциогенность не всегда выражается очевидной формулировкой: она может быть связана с отсутствием обязательного элемента процедуры, неопределенным сроком, возможностью должностного лица выбирать один из нескольких вариантов поведения без установлен-

ных критериев либо с неполным закреплением оснований принятия решения. Отсюда следует, что единообразие критериев само по себе еще не обеспечивает единообразия экспертной практики - не менее важно, как именно эти критерии понимаются и применяются специалистами в муниципальных образованиях [3; 10].

Субъекты проведения антикоррупционной экспертизы и распределение их функций

Особенностью организации антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов выступает участие в ней нескольких субъектов. Их полномочия не совпадают, а деятельность одного участника не подменяет работу другого. В научной литературе специальный субъектный состав рассматривается как один из признаков антикоррупционной экспертизы – именно через него раскрывается ее организационная специфика [3; 9; 20].

Основной объем работы связан с органами местного самоуправления. Они разрабатывают муниципальные нормативные правовые акты, организуют внутреннюю экспертизу проектов и проверяют ранее принятые документы. В данном случае экспертная работа встроена непосредственно в муниципальный нормотворческий процесс – это определяет ее постоянный, а не эпизодический характер.

Преимущество внутренней экспертизы состоит в возможности выявить недостаток до принятия документа. Специалист анализирует проект на той стадии, когда его содержание еще может быть скорректировано без процедуры внесения изменений в уже действующий нормативный правовой акт. Но у внутреннего характера такой проверки есть и иная сторона: документ фактически оценивается в системе того органа, который участвует в его подготовке; по этой причине наличие иных субъектов экспертной деятельности приобретает самостоятельное значение.

Особое место занимает прокуратура. Ее участие обеспечивает внешнюю оценку муниципального нормативного регулирования и не зависит от результатов внутренней проверки проекта самим разработчиком. В этой части прокурорская проверка – самостоятельный элемент экспертной системы, дополняющий муниципальный уровень контроля. Особенности и практическое значение антикоррупционной экспертизы, проводимой органами прокуратуры, специально исследовались А.В. Кудашкиным [16, с. 90-95].

Материалы Сармановского муниципального района показывают практическое значение такой формы работы. В 2026 г. прокуратурой района исследовались проекты муниципальных нормативных правовых актов Александровского, Альметьевского и Азалаковского сельских поселений. По итогам проверки были подготовлены заключения о необходимости устранения выявленных нарушений до принятия соответствующих актов - тем самым внешняя реакция последовала еще на проектной стадии.

Показателен проект решения Совета Александровского сельского поселения о внесении изменений в устав. При его изучении было установлено неполное воспроизведение положения федерального законодательства; сходные нормативные конструкции присутствовали и в проектах других сельских поселений. В данном случае внешняя проверка позволила обнаружить проблему до вступления соответствующего муниципального нормативного правового акта в силу – это и составляет ее профилактический эффект.

Данный пример позволяет увидеть еще один аспект. Внешняя экспертиза необходима не потому, что внутренняя муниципальная проверка изначально неэффективна, а потому, что разные субъекты оценивают нормативный материал в пределах собственной компетенции. Дополнительный уровень контроля, при прочих равных условиях, уменьшает вероятность того, что значимый дефект останется незамеченным.

Отдельную функцию выполняет Министерство юстиции Республики Татарстан. Его роль применительно к муниципальной антикоррупционной экспертизе не следует смешивать с внутренней работой органов местного самоуправления. На республиканском уровне значительное место занимает методическое сопровождение: подготовка рекомендаций, обобщение результатов работы, обучение специалистов и изучение организации экспертной деятельности непосредственно в муниципальных образованиях - именно так формируется единая практическая основа [5; 6; 13].

Наконец, законодательство предусматривает возможность проведения независимой антикоррупционной экспертизы. Ее принципиальное отличие состоит в том, что эксперт не входит в систему органа, подготовившего нормативный правовой акт или его проект. Сотрудничество государственных и муниципальных органов с институтами гражданского общества при проведении экспертизы относится к числу закрепленных принципов ее организации [2; 7, с. 18-22]. В Республике Татарстан вопросы общественной антикоррупционной экспертизы исследовались П.А. Кабановым и Т.С. Мартынович [14, с. 25-27]; тем самым создается дополнительный канал участия независимых субъектов в оценке муниципального нормотворчества.

Следовательно, в организации муниципальной антикоррупционной экспертизы одновременно присутствуют внутренняя и внешняя составляющие. Органы местного самоуправле-

ния проводят собственную экспертную работу, прокуратура осуществляет проверку в пределах своих полномочий, Министерство юстиции Республики Татарстан обеспечивает методическое сопровождение, а независимые эксперты получают возможность оценивать размещенные проекты вне системы органа-разработчика. Практическое значение сложившейся системы определяет не само количество участников, а сочетание их функций – взаимодополняющих и организационно разграниченных [13; 14; 16; 19].

Методическое сопровождение муниципальных образований в Республике Татарстан

Одной из наиболее заметных особенностей организации антикоррупционной экспертизы в Республике Татарстан выступает постоянное методическое взаимодействие республиканского и муниципального уровней. Речь идет не о разовом консультировании, а о системной координации экспертной работы. Именно такое взаимодействие, при сохранении самостоятельности муниципальных образований, обеспечивает сопоставимость подходов к применению федеральной Методики в различных условиях местного нормотворчества [5; 6; 13].

У такой работы имеется практическое основание. Муниципальный специалист применяет федеральную Методику к самым разным видам документов: от административных регламентов до актов в сфере муниципального имущества, бюджетных отношений, благоустройства и предоставления отдельных мер поддержки. При этом одна и та же разновидность коррупциогенного фактора способна проявляться в совершенно различных нормативных конструкциях - следовательно, формального знания перечня факторов для качественной экспертизы недостаточно.

По этой причине методическая помощь не может ограничиваться простой передачей текста Методики в муниципальные образования. Существенное значение имеют разбор конкретных вопросов ее применения, обобщение допускаемых ошибок и работа с теми специалистами, которые непосредственно проводят экспертизу. Значение методического обеспечения антикоррупционной экспертизы отмечается и в современной специальной литературе – причем именно как условие устойчивости экспертной практики [11].

В Республике Татарстан данное направление носит устойчивый организационный характер. Министерством юстиции Республики Татарстан в 2025 г. проведено 18 выездных мероприятий в муниципальных образованиях, в ходе которых изучалась организация антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов и оказывалась методическая помощь. Эти мероприятия ориентированы не только на консультационную поддержку, но и на выявление особенностей фактической организации экспертной деятельности на местах.

Такой формат позволяет оценивать уже не отдельный нормативный документ, а то, как в муниципальном образовании выстроена сама экспертная работа. В ходе подобных мероприятий внимание может быть обращено на ведение учета, своевременность направления документов, применение Методики, подготовку заключений и другие вопросы организации экспертной деятельности. Следовательно, предметом оценки становится не только конкретная коррупциогенная норма, но и процедура, от качества которой зависит возможность ее своевременного обнаружения – именно это придает выездной работе профилактическое значение.

Показателен и масштаб муниципальной нормотворческой деятельности. Так, за 2025 г. и первые четыре месяца 2026 г. только из Атнинского муниципального района для включения в регистр поступило более 600 муниципальных нормативных правовых актов и 232 дополнительных сведения к ним. В июне 2026 г. Министерством юстиции Республики Татарстан непосредственно в районе рассматривались вопросы ведения регистра муниципальных нормативных правовых актов и организации их антикоррупционной экспертизы - в данном случае контроль и методическая помощь были соединены в одной организационной форме.

Здесь выездная работа значима именно потому, что позволяет оценить практику конкретного муниципального образования. Формальный отчет о количестве проведенных экспертиз не всегда показывает, насколько правильно организовано прохождение документов и как применяется Методика. На практике такой выезд - при наличии значительного документопотока - дает возможность сопоставить статистические показатели с реальным состоянием экспертной деятельности.

Другим направлением выступает обучение специалистов, о чем уже упоминали современные исследователи [10; 11]. По итоговым данным за 2025 г. на стажировочной площадке Министерства юстиции Республики Татарстан «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов. Разработка проектов нормативных правовых актов» обучение прошел 31 служащий, в том числе 20 муниципальных служащих и 11 государственных гражданских служащих Республики Татарстан. Подобная подготовка, с учетом различий в практическом опыте обучающихся, формирует общую профессиональную основу для применения Методики. (ссылка на источник)

На первый взгляд количество обученных специалистов непосредственно не характеризует

результаты антикоррупционной экспертизы. Однако связь здесь существует: правильная квалификация коррупциогенного фактора зависит от того, способен ли эксперт увидеть проблему в конкретной норме и соотнести ее с положениями Методики. Особенно это важно в тех случаях, когда коррупционный риск возникает не из прямого предоставления необоснованного полномочия, а вследствие пробела или неопределенности процедуры; поэтому требование компетентности лиц, осуществляющих экспертизу, имеет не формальное, а вполне практическое содержание [1; 2; 7].

Методическое сопровождение в таком случае выполняет самостоятельную профилактическую функцию. Оно направлено не на исправление одного уже выявленного положения, а на повышение качества самой экспертной работы. Воздействие переносится на более раннюю стадию – на способность специалиста своевременно обнаружить нормативный недостаток и правильно его квалифицировать. По этой причине методическая составляющая становится элементом общей системы предупреждения коррупциогенных дефектов.

Республиканский мониторинг как элемент организации экспертной деятельности

Муниципальная антикоррупционная экспертиза в Республике Татарстан не замыкается в пределах отдельного района или городского округа. Министерством юстиции Республики Татарстан осуществляются сбор, обобщение и анализ отчетов о проведении антикоррупционной экспертизы органами местного самоуправления. Это позволяет рассматривать муниципальную экспертную деятельность в республиканском масштабе, не изолированно по каждому образованию, а в системе сопоставимых данных.

Благодаря этому можно оценивать не только деятельность отдельного муниципального образования, но и общий объем экспертной работы в республике. Такая организация дает возможность увидеть соотношение проверки проектов и действующих документов, количество выявленных коррупциогенных факторов и изменение соответствующих показателей. При этом мониторинг выполняет не только учетную функцию: он создает основу для сравнения муниципальной практики по общим параметрам.

Вместе с тем статистический учет не должен превращаться в конечную цель мониторинга. Количество проверенных документов показывает интенсивность экспертной работы, однако не дает полной информации о ее качестве. Для профилактики коррупции существеннее установить, какие факторы выявлялись, были ли они устранены и встречались ли аналогичные недостатки в других муниципальных образованиях – именно это позволяет перейти от подсчета к содержательной оценке.

Именно здесь республиканский уровень может выполнять связующую функцию. Муниципальное образование располагает прежде всего сведениями о собственной практике, тогда как обобщение данных на уровне Республики Татарстан позволяет обнаруживать повторяющиеся проблемы уже в нескольких районах или городских округах. По этой причине республиканский анализ - при наличии сопоставимых отчетов – расширяет возможности оценки качества муниципального нормотворчества.

Такое значение мониторинга особенно заметно при использовании однотипных муниципальных документов. Если одинаковый недостаток выявляется в нескольких муниципальных образованиях, это может указывать на общий источник нормативной конструкции: типовой документ, ранее разработанный образец либо сложившийся подход к подготовке соответствующих актов. В таком случае совпадение дефектов, не частный результат отдельной экспертизы, а признак более широкой проблемы.

Следовательно, республиканский мониторинг целесообразно использовать не только для статистического учета. Его профилактическое назначение может состоять и в выявлении повторяющихся недостатков муниципального нормотворчества с последующим доведением соответствующей информации до других муниципальных образований. Такой подход согласуется с пониманием антикоррупционной экспертизы как деятельности, результаты которой могут использоваться в последующем правотворчестве [11].

Организация независимой антикоррупционной экспертизы

Отдельной особенностью Республики Татарстан выступает использование общего республиканского информационного ресурса для размещения муниципальных проектов в целях проведения независимой антикоррупционной экспертизы. Речь идет о централизованной цифровой площадке, предназначенной для работы с проектами разных муниципальных образований. Такой порядок, при сохранении муниципального происхождения документов, задает единый способ их представления независимому эксперту [14].

Проекты распределяются по муниципальным образованиям; при размещении документа указывается период проведения независимой экспертизы и срок представления экспертных заключений. Для независимого эксперта это формирует единую точку доступа к проектам разных муниципальных районов и городских округов. Тем самым поиск материала - в отличие от разрозненного размещения - становится организационно упорядоченным.

Такой порядок имеет практические преимущества. Если проекты размещаются только на сайтах отдельных органов местного самоуправления, поиск нормативного материала требует постоянного обращения к большому количеству муниципальных ресурсов. Централизованное размещение упрощает доступ к документам и одновременно позволяет сопоставлять проекты различных муниципальных образований, прежде всего по содержанию и характеру регулируемых вопросов.

Практика Набережных Челнов показывает, что на независимую экспертизу размещаются проекты, относящиеся к различным сферам муниципального регулирования. Среди них имеются документы о предоставлении бюджетных субсидий, мерах социальной поддержки, инвестиционной деятельности, размещении нестационарных торговых объектов, предоставлении муниципальных услуг, а также признании задолженности перед муниципальным бюджетом безнадежной к взысканию. Перечень таких актов отражает широкий охват сфер, в которых возможно возникновение коррупциогенных факторов.

Для антикоррупционной экспертизы это существенный момент. Независимый эксперт получает доступ в том числе к проектам, непосредственно связанным с распределением муниципальных ресурсов и принятием индивидуальных решений. В подобных случаях предмет проверки, с учетом последствий нормативного регулирования, приобретает повышенную практическую значимость.

Например, при оценке проекта о предоставлении бюджетной субсидии значение имеют условия получения денежных средств, перечень необходимых документов, основания отказа и сроки принятия решения. Если проект касается размещения нестационарных торговых объектов, внимание должно быть обращено на наличие четких и проверяемых критериев, исключающих возможность предъявления дополнительных требований по усмотрению правоприменителя. Подобный анализ соответствует общему принципу исследования нормативного положения во взаимосвязи с иными положениями документа и оценки возможностей коррупционного использования, содержащегося в нем усмотрения, именно в этом состоит его методическая основа [3; 20; 22].

При этом наличие технической возможности проведения независимой экспертизы еще не означает активного использования данного механизма. Доступность ресурса не тождественна фактическому участию независимых экспертов. Здесь организационная предпосылка, при всей ее важности, сама по себе не гарантирует устойчивой экспертной практики [14].

Показательны результаты республиканского конкурса экспертов по проведению независимой антикоррупционной экспертизы за 2025 г. В нем приняли участие два независимых эксперта, представившие 20 экспертных заключений. Эти сведения нельзя рассматривать как данные об общем количестве независимых антикоррупционных экспертиз, проведенных в Республике Татарстан: они относятся только к участникам соответствующего конкурса; вместе с тем такой показатель дает основание обратить внимание на сравнительно небольшой круг специалистов, участвующих в данной форме экспертной деятельности.

Похожая ситуация прослеживается на муниципальном уровне. В Заинском муниципальном районе в 2024 г. проекты муниципальных нормативных правовых актов размещались для проведения независимой антикоррупционной экспертизы, однако экспертные заключения за соответствующий период не поступили. Позднее вопрос о необходимости привлечения независимых экспертов отдельно ставился на муниципальном уровне, следовательно, проблема была зафиксирована и в самой местной практике. Таким образом, в организации независимой антикоррупционной экспертизы наблюдается определенное противоречие. Информационная инфраструктура создана: проекты централизованно размещаются, сроки проведения экспертизы обозначаются, доступ к документам обеспечен. Однако реальная активность независимого экспертного сообщества не всегда соответствует имеющимся организационным возможностям - именно здесь обнаруживается разрыв между технической доступностью и практическим использованием механизма.

Поэтому дальнейшее развитие данного направления связано не столько с созданием новых информационных ресурсов, сколько с фактическим вовлечением независимых экспертов в работу с муниципальными проектами. Приоритет в данном случае смещается от технического обеспечения к реальному использованию уже действующего механизма. Отсюда следует практический вывод - значение имеет не расширение числа площадок, а участие специалистов в независимой экспертизе муниципальных проектов [14].

Практика отдельных муниципальных образований как показатель действующей модели

Общие характеристики организации экспертизы лучше всего проявляются при обращении к конкретной муниципальной практике. Так, в муниципальном образовании город Набережные Челны в 2021 г. на коррупциогенность были проверены три действующих нормативных правовых акта и 228 проектов нормативных правовых актов Исполнительного комитета. В одном проекте

были выявлены два коррупциогенных фактора, которые впоследствии устранили. За десять месяцев 2022 г. экспертизу прошли еще 164 проекта, коррупциогенные факторы в них выявлены не были.

Данный пример показывает работу экспертизы непосредственно в ходе муниципального нормотворчества. Значение имеет не только обнаружение двух факторов, но и их устранение до дальнейшего применения соответствующего нормативного регулирования. Именно возможность предупреждения появления коррупциогенной нормы в действующем акте составляет одну из причин, по которым антикоррупционная экспертиза рассматривается как самостоятельная мера профилактики коррупции на муниципальном уровне [15, с. 26-29; 19, с. 155-160].

В Заинском муниципальном районе за 2025 г. антикоррупционная экспертиза была проведена в отношении 872 проектов нормативных правовых актов. При этом в муниципальных материалах отдельно указывается на проведение экспертизы проектов и внесение изменений при обнаружении коррупциогенных факторов. Одновременно используется республиканский сервис размещения документов для независимой антикоррупционной экспертизы. Иной аспект позволяет увидеть практика Сармановского муниципального района. Для оценки организации работы здесь особенно показательны материалы, в которых исследовались конкретные нормативные конструкции.

В частности, при подготовке административных регламентов предоставления муниципальной услуги по выдаче разрешений на вырубку, кронирование и посадку деревьев и кустарников однотипные проекты разрабатывались для 22 сельских и одного городского поселения. В таких документах воспроизводилась одинаковая неполнота административной процедуры.

С организационной точки зрения этот пример важен потому, что показывает пределы работы с каждым проектом отдельно. Если один и тот же недостаток воспроизводится в большом числе однотипных документов, последовательная проверка каждого проекта позволяет его обнаружить, но требует многократного повторения одной и той же экспертной работы.

Поэтому при организации экспертизы имеет смысл учитывать результаты, полученные при проверке аналогичных документов. Если установлен общий источник дефектной конструкции, информация о нем должна доводиться до тех муниципальных образований, где используется тот же образец или подход к подготовке акта. Именно здесь взаимодействие муниципального и республиканского уровней приобретает дополнительное значение. Отдельный муниципалитет способен исправить собственный проект. Республиканское обобщение позволяет сделать вывод о повторяемости недостатка и использовать полученные сведения уже в более широком масштабе.

Специфика татарстанской модели организации антикоррупционной экспертизы

Проведенный анализ показывает, что специфику организации антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в Республике Татарстан нельзя связывать с наличием собственных региональных коррупциогенных факторов. Такой вывод был бы неверным, поскольку критерии определения коррупциогенности нормативных положений устанавливаются на федеральном уровне и имеют единый характер. Иначе говоря, источник различий, не в составе факторов, а в способе организации экспертной работы [5; 6; 13].

Органы местного самоуправления Республики Татарстан должны руководствоваться той же Методикой, которая применяется на территории Российской Федерации. По этой причине особенности возникают в другой плоскости: они связаны не с содержанием критериев, а с практикой их применения. Здесь и проявляется организационная специфика - через построение самой процедуры экспертизы.

Прежде всего муниципальные образования самостоятельно обеспечивают экспертизу собственных нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Это дает возможность встроить проверку непосредственно в нормотворческую процедуру и выявлять проблемные положения еще до принятия документа. Такая модель - при надлежащей организации документооборота - переносит экспертную оценку на более раннюю стадию [19].

Одновременно муниципальная самостоятельность сочетается с внешней прокурорской проверкой. Материалы Сармановского района подтверждают, что такая работа проводится в том числе в отношении проектов нормативных правовых актов, то есть внешний контроль также может осуществляться до возникновения соответствующего нормативного регулирования. В данном случае сочетание двух уровней проверки, внутреннего и внешнего, позволяет расширить возможности выявления коррупциогенных факторов [16].

Следующая особенность связана с методической ролью Министерства юстиции Республики Татарстан. Выездная работа в муниципальных образованиях, обучение государственных и муниципальных служащих, подготовка практических рекомендаций и обобщение результатов экспертной деятельности позволяют работать не только с последствиями отдельных ошибок, но и с организацией самой процедуры. Отсюда следует

практический эффект, предметом внимания становится качество экспертной деятельности как таковой.

Наконец, единый информационный ресурс для независимой антикоррупционной экспертизы обеспечивает централизованный доступ к муниципальным проектам. Это особенно важно при большом количестве муниципальных образований: независимому эксперту не требуется самостоятельно искать документы на каждом муниципальном сайте. Такой порядок, за счет единой точки доступа, заметно упрощает участие в экспертизе [14].

В результате можно говорить о нескольких взаимосвязанных направлениях экспертной работы: муниципальном, прокурорском, республиканском методическом и независимом. Они различаются по субъектам и характеру полномочий, однако в практическом отношении направлены на общую задачу, своевременное выявление и устранение положений муниципального нормативного регулирования, содержащих коррупциогенные факторы. Тем самым формируется многоуровневая система экспертного воздействия [2; 13; 14; 16; 19].

При этом существующая модель не лишена проблем. Наиболее заметной остается ограниченная активность независимых экспертов, а также повторное появление сходных нормативных недостатков в однотипных муниципальных документах. Последнее обстоятельство, указывает на необходимость более активно использовать результаты уже проведенных экспертиз при подготовке последующих проектов. По нашему мнению, дальнейшее развитие сложившейся в Республике Татарстан модели должно быть связано прежде всего с обменом результатами экспертной практики между муниципальными образованиями. Речь идет не о механическом накоплении экспертных заключений; практическую ценность имеет обобщение наиболее характерных случаев: вида нормативного акта, содержания выявленного недостатка, его квалификации и способа устранения. В таком виде обмен материалами, при сохранении их прикладного характера, способен дать профилактический результат.

Такой подход может быть реализован в рамках уже существующего республиканского методического сопровождения. Тогда результаты мониторинга и выездной работы будут использоваться не только для оценки деятельности конкретного муниципального образования, но и для предупреждения сходных ошибок в других районах и городских округах. Здесь методическое сопровождение - помимо контрольного значения - приобретает функцию распространения практического опыта.

Это особенно важно для однотипных актов. Если один муниципалитет уже столкнулся с конкретной коррупциогенной конструкцией и определил способ ее устранения, отсутствие обмена такой информацией приводит к тому, что другой муниципалитет вынужден выявлять тот же недостаток заново. В подобной ситуации отсутствие коммуникации - при наличии уже полученного результата - снижает профилактическую отдачу экспертизы. Поэтому организационная специфика антикоррупционной экспертизы имеет непосредственное отношение к ее профилактическому назначению. Чем быстрее результат отдельной проверки становится известен и может быть использован в последующем нормотворчестве, тем меньше вероятность повторного появления уже выявленной проблемной конструкции. Именно скорость распространения экспертного результата, наряду с качеством самой проверки, определяет практическую эффективность этой модели.

Заключение

Специфика организации антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов в Республике Татарстан связана прежде всего с построением самой экспертной работы. При единых федеральных критериях выявления коррупциогенных факторов муниципальные образования самостоятельно организуют внутреннюю экспертизу, а ее проведение дополняется прокурорской проверкой. Кроме того, в эту систему включены методическое сопровождение Министерства юстиции Республики Татарстан и возможность независимой экспертной оценки - именно они придают модели многоуровневый характер.

Практика показывает, что существенное значение имеют обучение муниципальных специалистов, выездная методическая работа и обобщение результатов экспертиз. Единый республиканский ресурс обеспечивает доступ независимых экспертов к муниципальным проектам; вместе с тем фактическая активность независимого экспертного сообщества пока остается вопросом, требующим дальнейшего внимания. Здесь организационная основа уже создана, но ее практическое использование еще не достигло полной интенсивности.

При значительном объеме муниципального нормотворчества результаты отдельных экспертиз целесообразно использовать не только для исправления конкретного документа. Обобщение выявленных недостатков и способов их устранения позволит учитывать уже накопленную практику при подготовке новых муниципальных нормативных правовых актов. В этом случае сложившаяся в Республике Татарстан организационная модель, за счет переноса результатов одной

проверки в последующее нормотворчество, получает более выраженную профилактическую направленность.

Список литературы:

[1] Агеев В. Н. Принципы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С. 5–11.

[2] Агеев В. Н., Бикмухаметов А. Э., Кабанов П. А., Матковский С. В. Принципы организации производства антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в современной России // Следователь. – 2010. – № 2 (142). – С. 6–10.

[3] Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов : терминологический словарь / под науч. ред. П. А. Кабанова. – Казань : Познание, 2010.

[4] Бессчасный С. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных актов как мера профилактики коррупционных проявлений // Следователь. – 2010. – № 2 (142). – С. 20–21.

[5] Бикмухаметов А. Э. Государственная антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в Республике Татарстан: правовое регулирование и некоторые направления его совершенствования // Следователь. – 2008. – № 8 (124). – С. 7–9.

[6] Бикмухаметов А. Э. Правовое регулирование государственной антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в Республике Татарстан: проблемы и перспективы // Актуальные вопросы права и правоприменительной практики : материалы «круглого стола», проведенного в Нижнекамском филиале Московского гуманитарно-экономического института 11 сентября 2008 года. – Вып. 3. – Казань : Изд-во «Новое знание», 2008. – С. 22–26.

[7] Бикмухаметов А. Э. Принципы организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4 (12). – С. 18–22.

[8] Бикмухаметов А.Э., Юсупов И.М. Дополнительное антикоррупционное профессиональное образование муниципальных служащих: уровни и основные направления подготовки // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4 (16). С.13-15;.

[9] Бикмухаметов А.Э. Основные направления и уровни антикоррупционного образования муниципальных служащих в РФ // Следователь. 2010. № 8 (148). С.62-63.

[10] Бочкарев И. Е., Мельникова А. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как мера по профилактике коррупции // Актуальные проблемы юридической науки и практики : материалы Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2010. – С. 227–230.

[11] Дьяконова О. Г. Антикоррупционная экспертиза: экспертологический подход : монография. – Москва : Проспект, 2025.

[12] Зиннуров Ф. К., Магизов Р. Р., Павлов О. Ф., Чанышева Г. Г., Шакиров Х. С. Рецензия на книгу: Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: терминологический словарь. Казань, 2010. 146 с. // Следователь. – 2011. – № 8 (160). – С. 62–64.

[13] Кабанов П. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: региональная практика назначения, проведения и оформления // Следователь. – 2007. – № 8. – С. 18–23.

[14] Кабанов П. А., Мартынович Т. С. Общественная антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в Республике Татарстан: понятие, содержание, проведение, значение // Следователь. – 2009. – № 6 (134). – С. 25–27.

[15] Качалов В. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как одна из мер профилактики коррупции на муниципальном уровне // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2016. – № 1. – С. 26–29.

[16] Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, проводимая органами прокуратуры, - эффективное средство противодействия коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4 (16). – С. 90–95.

[17] Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика : научно-практическое пособие. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012.

[18] Матковский С. В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы // Российский следователь. – 2018. – № 24. – С. 27–30.

[19] Муртазина Г. М. Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов как мера борьбы с коррупцией // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 1 (13). – С. 155–160.

[20] Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» / В. Н. Агеев, О. В. Агеева, А. Э. Бикмухаметов [и др.] ; под науч. ред. П. А. Кабанова. – Казань : Познание, 2010.

[21] Рамазанов Р. У. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как эффективный способ противодействия коррупции // Следователь. – 2012. – № 10

(174). – С. 37–41.

[22] Уваров А. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как профилактическая мера борьбы с коррупцией // Современное право. – 2010. – № 11. – С. 6–9.

References:

[1] Ageev V. N. Principles of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects // Current problems of economics and law. – 2009. – № 4 (12). - S. 5-11.

[2] Ageev V.N., Bikmukhametov A.E., Kabanov P.A., Matkovsky S.V. Principles of organizing the production of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects in modern Russia // Investigator. – 2010. – № 2 (142). - S. 6-10.

[3] Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects: terminological dictionary / scientific. ed. P. A. Kabanova. - Kazan: Cognition, 2010.

[4] Hourless S. A. Anti-corruption examination of regulations as a measure to prevent corruption manifestations // Investigator. – 2010. – № 2 (142). - S. 20-21.

[5] Bikmukhametov A. E. State anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects in the Republic of Tatarstan: legal regulation and some areas of its improvement // Investigator. – 2008. – № 8 (124). - S. 7-9.

[6] Bikmukhametov A. E. Legal regulation of state anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects in the Republic of Tatarstan: problems and prospects // Current issues of law and law enforcement practice: materials of the round table held at the Nizhnekamsk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute on September 11, 2008. - Issue 3. - Kazan: Publishing house "New Knowledge," 2008. - S. 22-26.

[7] Bikmukhametov A.E. Principles of organizing anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: concept and content // Actual problems of economics and law. – 2009. – № 4 (12). - S. 18-22.

[8] Bikmukhametov A.E., Yusupov I.M. Additional anti-corruption professional education of municipal employees: levels and main areas of training // Actual problems of economics and law. 2010. № 4 (16). S.13-15;.

[9] Bikmukhametov A.E. Main directions and levels of anti-corruption education of municipal employees in the Russian Federation // Investigator. 2010. № 8 (148). S.62-63.

[10] Bochkarev I. E., Melnikova A. A. Anti-corruption examination of regulatory legal acts as a measure to prevent corruption // Actual problems of legal science and practice: materials of the International Scientific and Practical Conference. - Nizhny Novgorod, 2010. - S. 227-230.

[11] Dyakonova O. G. Anti-corruption expertise: expert approach: monograph. - Moscow: Prospekt, 2025.

[12] Zinnurov F.K., Magizov R.R., Pavlov O.F., Chanysheva G.G., Shakirov K.S. Book review: Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects: terminological dictionary. Kazan, 2010. 146 p. // Investigator. – 2011. – № 8 (160). - S. 62-64.

[13] Kabanov P. A. Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects: regional practice of appointment, conduct and execution / Investigator. – 2007. – № 8. - S. 18-23.

[14] Kabanov P. A., Martynovich T. S. Public anti-corruption examination of regulatory legal acts and their projects in the Republic of Tatarstan: concept, content, conduct, meaning // Investigator. – 2009. – № 6 (134). - S. 25-27.

[15] V.V. Kachalov. Anti-corruption examination of regulatory legal acts and their projects as one of the measures to prevent corruption at the municipal level // Municipal service: legal issues. – 2016. – № 1. - S. 26-29.

[16] Kudashkin A. V. Anti-corruption examination of regulatory legal acts conducted by the prosecutor's office is an effective means of combating corruption // Current problems of economics and law. – 2010. – № 4 (16). - S. 90-95.

[17] Kudashkin A.V. Anti-corruption expertise: theory and practice: scientific and practical manual. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2012.

[18] Matkovsky S.V. Legal nature of anti-corruption expertise // Russian investigator. – 2018. – № 24. - S. 27-30.

[19] Murtazina G. M. Anti-corruption examination of municipal regulatory legal acts as a measure to combat corruption // Current problems of economics and law. – 2010. – № 1 (13). - S. 155-160.

[20] Scientific and practical commentary to the Federal Law of the Russian Federation of July 17, 2009 No. 172-FZ "On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts "/ V. N. Ageev, O. V. Ageev, A. E. Bikmukhametov [and others]; under scientific. ed. P. A. Kabanova. - Kazan: Cognition, 2010.

[21] Ramazanov R.U. Anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their projects as an effective way to combat corruption // Investigator. – 2012. – № 10 (174). - S. 37-41.

[22] Uvarov A. A. Anti-corruption examination of regulatory legal acts as a preventive measure against corruption // Modern law. – 2010. – № 11. - S. 6-9.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-198-208

СПИРИЦА Евгений Валерьевич,
директор Международного центра детекции лжи и профайлинга (ICDS-GROUP), преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова, юрист, психолог, антрополог, педагог, эксперт-профайле-верификатор, Москва, Россия,
e-mail: info@icds-group.com

ПРОФАЙЛИНГ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ И ПРЕДЕЛОВ ОБОСНОВАННОГО ВЫВОДА

Аннотация. *Оценки научного статуса профайлинга расходятся от полного отрицания до признания практической результативности, причём обе стороны опираются на добросовестные данные. Настоящая работа устанавливает причину расхождения: наименованием «профайлинг» в русскоязычном обороте объединены три познавательные процедуры, различающиеся объектом, предметом, задачей, исходными данными, продуктом и процедурой валидации. Материалом послужили три корпуса опубликованных исследований — по криминалистическому портретированию, по невербальной поведенческой верификации и по оценке сообщения на основе содержательных критериев и протоколов интервьюирования, — а также русскоязычные тексты, употребляющие общее наименование; каждая область описана по семи одинаковым основаниям. Показано, что ни одно основание не совпадает у всех трёх областей, вследствие чего они не образуют континуума зрелости одной дисциплины. Описана ошибка межпредметного переноса — использование результата, полученного при решении одной задачи, как достаточного основания для вывода по другой без обоснования перехода; выделены четыре её варианта и обратный вариант, при котором опровержение одной процедуры предъявляется как опровержение всего наименования. Предложены минимальный состав описания результата из шести позиций и матрица разграничения, применимые при рецензировании заключений и при оценке программ подготовки. Работа не измеряет частоты описанной ошибки и не оценивает валидности ни одной из трёх областей; автор профессионально занят в третьей из них, что зафиксировано в декларации конфликта интересов.*

Ключевые слова: *криминалистическое портретирование; поведенческая верификация; достоверность показаний; предмет науки; подмена объёма вывода; критериальная валидность; судебная экспертиза; компетенция специалиста; терминология; уголовный процесс.*

SPIRITSA Evgeny Valeryevich,
Director of the International Center for Deception Detection and Profiling (ICDS-GROUP), Lecturer at Lomonosov Moscow State University, Lawyer, Psychologist, Anthropologist, Educator, Expert Profiler-Verifier, Moscow, Russia

PROFILING: DELIMITING THE SUBJECT AREAS AND THE LIMITS OF A WARRANTED CONCLUSION

Annotation. *Assessments of the scientific standing of profiling range from outright rejection to claims of practical effectiveness, and both sides rely on sound data. This paper establishes the cause of that divergence: in Russian usage the term "profiling" covers three cognitive procedures that differ in object, subject matter, task, input data, product and validation procedure. The material comprises three bodies of published research — on offender profiling, on nonverbal behavioural veracity judgement, and on content-based credibility assessment and investigative interviewing protocols — together with Russian-language texts that use the common label; each area is described along the same seven parameters. No parameter is shown to coincide across all three areas, so they do not form a continuum of maturity within one discipline. The paper describes the cross-domain transfer error — using a result obtained for one task as sufficient ground for a conclusion about another without warranting the transition — and distinguishes four variants of it, plus a reverse variant in which the refutation of one procedure is presented as the refutation of the whole label. A six-item minimum description of a result and a delimitation matrix are proposed, applicable to the review of expert opinions and to the assessment of training programmes. The work does not measure how*

frequent the error is and does not evaluate the validity of any of the three areas; the author works professionally in the third, as stated in the conflict-of-interest declaration.

Key words: *offender profiling; behavioural veracity judgement; statement credibility; subject matter of a discipline; scope substitution; criterion validity; forensic examination; competence of a specialist; terminology; criminal procedure.*

Декларация конфликта интересов. Автор профессионально занят в третьей из разбираемых областей и ведёт соответствующую образовательную программу. Работа должна читаться с учётом указанного обстоятельства. В связи с этим приняты следующие ограничения: (1) описание всех трёх областей построено по одному и тому же набору оснований и по опубликованным источникам, доступным независимой проверке; (2) критерий недопустимости межпредметного переноса применяется в обе стороны, в том числе к выводам в пользу третьей области (раздел 4.3); (3) вопрос о валидности третьей области вынесен за пределы настоящей работы и в ней не решается.

Финансирование. *Внешнего финансирования исследование не имело.*

Введение. Расхождение оценок как симптом

Слово «профайлинг» употребляется в русскоязычном профессиональном обороте как имя одной области знания. Оценки её научного статуса расходятся предельно: от квалификации в качестве паранауки до утверждений о практической результативности. Существенно, что расходятся не оценки заинтересованных сторон, а оценки, опирающиеся на добросовестно собранные данные: и та и другая сторона ссылается на рецензируемые исследования, и ни одна из них не допускает подлога.

Такое положение само по себе является методологическим фактом и требует объяснения. Если две стороны, работающие с доброкачественными данными, приходят к несовместимым выводам об одном предмете, то наиболее экономное объяснение состоит в том, что предмет у них разный.

Состояние вопроса в англоязычной литературе описывается тремя самостоятельными исследовательскими традициями, каждая со своим корпусом, своими журналами и своими метааналитическими итогами. Первая — реконструкция характеристик неустановленного лица по материалам события: систематический обзор и метаанализ сорока лет исследований [18], критический разбор оснований [25], проверка устойчивости классических типологий [14], работы о том, как оценивается точность самих портретов [11]. Вторая — распознавание обмана по наблюдаемому поведению: метаанализ признаков [16], метаанализ точности суждений наблюдателей [13], метааналитическое моделирование с учётом публикационного сдвига [21], обзорная статья о состоянии области [27], анализ применения невербальных признаков в задачах безопасности и правосудия [15]. Третья — работа с содержанием сообщения и с устройством беседы: качественный обзор критериального анализа содержания [26] и его метаанализы [12; 22], техника стратегического использования доказательств [19; 20], подход верифицируемости [24], контролируемое испытание протокола досмотровой беседы [23].

В русскоязычном обороте эти три традиции покрыты одним наименованием. Лакуна располагается именно здесь: переход от вывода, полученного в одной традиции, к утверждению в объёме общего наименования нигде не обозначен как требующий обоснования. Он не оспаривается и не защищается — он не замечается.

Тезис работы формулируется так: объединение трёх познавательных процедур одним наименованием делает возможным неправомерное расширение вывода — результат, обоснованный применительно к одной задаче, предъявляется как основание для решения другой, хотя переход между ними не обоснован; три области при этом не образуют континуума зрелости одной дисциплины, поскольку не совпадают ни по одному из семи оснований разграничения.

Работа построена следующим образом. Раздел 1 описывает материал и процедуру. Раздел 2 вводит основания разграничения и разводит три характеристики, которые в спорах о профайлинге регулярно смешиваются. Раздел 3 описывает три области по одной схеме. Раздел 4 эксплицирует ошибку межпредметного переноса. Раздел 5 разбирает институциональные условия, при которых эта ошибка возникает в российской практике. Раздел 6 предлагает требования к формулировке результата. Раздел 7 содержит обсуждение и ограничения.

Оговорка, без которой разбор был бы некорректен, делается здесь же. Эмпирическое ядро критики второй из разбираемых областей принимается полностью и без оговорок: устойчивого поведенческого признака обмана не существует, точность распознавания лжи при изолированном наблюдении незначительно отличается от случайной [13], а накопленный корпус данных о невербальных признаках статистически совместим с их отсутствием [21]. Настоящая работа не защищает эту область и не предлагает её реабилитации. Она утверждает лишь, что вывод о ней не является выводом о двух других.

1. Материал и метод

1.1. Материал

Материалом послужили четыре корпуса текстов. Первый — исследования и обзоры по реконструкции характеристик неустановленного лица [11; 14; 18; 25]. Второй — метаанализы, обзоры и критические разборы по распознаванию обмана на основании наблюдаемого поведения [13; 15; 16; 21; 27]. Третий — описания и проверки процедур, работающих с содержанием сообщения и с устройством беседы [12; 19; 20; 22; 23; 24; 26]. Четвёртый — русскоязычные тексты, употребляющие наименование «профайлинг» или описывающие подготовку соответствующих специалистов [7; 8; 9], а также документы, в которых вопрос о допустимости психологической оценки достоверности показаний решался по существу [2; 3].

Четвёртый корпус необходим по той же причине, по какой необходимы первые три: утверждение о том, что наименование покрывает разные предметы, должно опираться на тексты, а не на впечатление. При подготовке рукописи к подаче он подлежит расширению; принцип отбора — публикации, в которых под общим наименованием описывается более одной из трёх задач.

1.2. Процедура

Каждая область описывается по семи основаниям, заданным до разбора и одинаковым для всех трёх:

Объект — какой фрагмент действительности исследуется.

Предмет — какие свойства и отношения в этом объекте подлежат установлению.

Задача — на какой вопрос отвечает специалист.

Исходные данные — что доступно для анализа.

Процедура — каким образом данные преобразуются в результат.

Продукт — что получает адресат и в какой форме.

Валидация — какими независимыми данными и какой процедурой проверяется обоснованность результата.

После описания устанавливается, совпадают ли значения оснований хотя бы у двух областей. Затем для каждой пары областей проверяется, что меняется в утверждении при переносе его из одной области в другую: если меняется значение хотя бы одного основания, перенос фиксируется как требующий самостоятельного обоснования.

Отдельный шаг — историко-терминологический: по датированным текстам устанавливается, в каком значении наименование употреблялось первоначально и в каком употребляется теперь. Этот шаг превращает утверждение о присвоении наименования из догадки в проверяемое положение.

1.3. Границы метода

Процедура не оценивает валидности ни одной из трёх областей и не пересматривает имеющихся оценок: она устанавливает их различие, а не их качество. Из разграничения не следует ни оправдания третьей области, ни реабилитации второй. Процедура не является количественной: частоты межпредметного переноса в корпусе публикаций она не измеряет, и утверждения о типичности этой ошибки работа не содержит — приводимые примеры показывают, что операция возможна и воспроизводима, но не то, насколько она распространена. Процедура не устанавливает намерения: фиксируется совершённая операция, а не мотив совершившего. Наконец, работа не решает вопроса о процессуальной допустимости результатов ни одной из областей: этот вопрос требует самостоятельного анализа и здесь только обозначается (раздел 5.2).

2. Основания разграничения

Различение уровней описания, на которых формулируются посылки и на которых формулируются заключения, разобрано автором отдельно [10]; здесь оно привлекается лишь в той части, которая необходима для разграничения предметов. Принадлежность к общей профессиональной практике не заменяет проверки конкретной процедуры применительно к конкретному типу вывода. Это положение кажется очевидным, но именно оно нарушается всякий раз, когда обоснованность обсуждается в объёме наименования, а не в объёме задачи.

2.1. Почему оснований семь, а не два

Разграничение по объекту и продукту — минимум, достаточный для того, чтобы увидеть различие. Его, однако, недостаточно, чтобы разграничение выдержало возражение. Возражение звучит так: области всё же родственны, поскольку везде читается поведение человека. Ответ на него требует показать, что общий материал наблюдения не делает области однопредметными — как общий материал следов не делает однопредметными дактилоскопию и трасологию. Критерием тождества предмета служит совпадение объекта, предмета, задачи, продукта и процедуры валидации, а не внешнее сходство исходных данных.

Из семи оснований решающим является седьмое. Область определяется не тем, что в ней наблюдают, а тем, относительно чего проверяют её результат. Если у двух практик разные внешние критерии проверки, то даже совпадение исходных данных не делает их результаты взаимозаменяемыми.

2.2. Три характеристики, которые смешивать нельзя

Внутри седьмого основания различаются три характеристики, регулярно отождествляемые

в спорах о профайлинге.

Воспроизводимость — разные специалисты, работая с одним материалом, получают одну и ту же оценку. Это свойство процедуры, а не свидетельство её правильности: согласованно ошибаться можно устойчиво, и в области портретирования это показано прямо [11; 25].

Точность относительно независимого критерия — оценка сопоставляется с обстоятельством, установленным вне самой процедуры: с установленным лицом, с зафиксированным в эксперименте фактом сообщения ложных сведений, с материалами дела. Только эта характеристика отвечает на вопрос о правильности.

Практическая полезность — результат сокращает объём дальнейшей проверки, даже если каждое отдельное входящее в него утверждение не подтверждено. Поисковая версия может быть полезной и при умеренной точности; из полезности, однако, не следует подтвержденность каждого содержащегося в версии утверждения.

Смешение этих трёх характеристик даёт два симметричных ложных хода: «специалисты согласны между собой, значит, метод работает» и «метод полезен на практике, значит, вывод о лице обоснован». Оба хода встречаются и у защитников, и у критиков.

2.3. Структурированность не равна валидности

Наименования, содержащие в себе оценку, создают отдельную трудность. Определение третьей области как «структурированной оценки достоверности» описывает устройство процедуры — наличие заданного перечня критериев, порядка их применения и правил фиксации — и ничего не сообщает о том, установлена ли её точность. Структурированность облегчает проверку, но не заменяет её; методика с ясным протоколом и неустановленной валидностью остаётся методикой с неустановленной валидностью. Далее в настоящей работе третья область именуется нейтрально — оценкой сообщения по содержательным критериям, — а вопрос о её точности рассматривается отдельно, в разделе 3.3.

3. Три предметные области

Все три описания построены по одной схеме и имеют сопоставимый объём. Это существенно: разбор, в котором одна область описана содержательно, а другая охарактеризована оценочно, не является разграничением.

3.1. Криминалистическое портретирование

Объект и предмет. Объект — неустановленное лицо; предмет — связь признаков события с характеристиками совершившего его лица. Задача формулируется как поисковая: какие характеристики неизвестного лица могут быть реконструированы по материалам события. Исходные данные — обстановка места происшествия, способ совершения, последовательность действий, виктимологические сведения. Продукт — вероятностный портрет и вытекающие из него поисковые гипотезы, адресованные лицу, организующему розыск.

Валидация. Внешним критерием служит установленное впоследствии лицо, а формой проверки — ретроспективное сопоставление заранее сформулированных характеристик с действительными. Систематическая проверка здесь затруднена по причинам, лежащим в устройстве задачи: портрет составляется до установления лица, формулировки нередко допускают широкое толкование, а отбор случаев для разбора смещён в сторону раскрытых дел. Метаанализ сорокалетнего корпуса показывает наличие устойчивых связей между рядом признаков события и характеристиками лица, но величины этих связей умеренны и не дают основания для вывода о конкретном человеке [18]. Критические разборы указывают на слабость оснований классических типологий [14] и на то, что оценка точности портрета нередко воспроизводит эффект общих формулировок: описание, признаваемое точным, оказывается приложимым к широкому кругу лиц [11; 25].

Предел вывода. Из портрета не следует вывод о причастности конкретного лица. Портрет сужает круг поиска; установление причастности производится иными средствами и по иным основаниям. Перенос портрета в доказывание требует не уточнения формулировок, а самостоятельного обоснования, которого в наличных исследованиях нет.

3.2. Поведенческая верификация

Объект и предмет. Объект — известное лицо в ситуации взаимодействия; предмет — связь наблюдаемого поведения с намеренным искажением или сокрытием сведений. Задача — какие наблюдения в данном взаимодействии поддерживают или ослабляют гипотезу о сокрытии. Исходные данные — мимика, жестикуляция, поза, окуломоторика, паралингвистические характеристики речи. Продукт — суждение об искренности собеседника, чаще всего в форме оценки эпизода.

Валидация. Внешним критерием служит независимо установленный факт сообщения ложных сведений — в эксперименте он задаётся конструкцией процедуры. Результат корпуса однозначен и принимается настоящей работой полностью: отдельные признаки обнаруживают с обманом связи малой величины [16], точность суждений наблюдателей превышает случайный уровень незначительно [13], а совокупность накопленных оценок с поправкой на публикационный сдвиг статистически совместима с отсутствием

таких признаков [21]. Обзорные и аналитические работы фиксируют, что применение невербальных признаков в задачах безопасности и правосудия не имеет достаточного научного основания [15; 27].

Предел вывода. Из наблюдаемого поведения не следует вывод о ложности сообщения и тем более о виновности. Существенно, что предел здесь задан не осторожностью, а состоянием данных: вывод не запрещён конвенцией, он не обоснован эмпирически.

3.3. Оценка сообщения по содержательным критериям

Объект и предмет. Объект — известное лицо, точнее, произведённое им сообщение; предмет — связь содержания сообщения с обстоятельствами, установленными независимо от самого сообщения. Задача — насколько сообщение поддерживается перечнем содержательных критериев и результатами проверки конкурирующих объяснений. Исходные данные — содержание показаний или рассказа, условия его получения, материалы, допускающие сопоставление. Продукт — заключение с перечислением оснований и ограничений, адресованное лицу, принимающему процессуальное решение.

Валидация. Внешним критерием служит ground truth эксперимента либо независимо установленные обстоятельства дела; формой проверки — экспериментальные парадигмы, метаанализ и репликации. Состояние корпуса здесь неоднородно и не позволяет говорить об области в целом. Критериальный анализ содержания в качественном обзоре оценивается как процедура с ограниченной точностью [26]; метаанализы дают показатели, превышающие случайный уровень, но недостаточные для индивидуального вывода [12; 22]. Техника стратегического использования доказательств показывает более высокие величины эффекта по показателю несоответствий «показания — материалы» [19; 20], подход верифицируемости — умеренные величины [24], а протокол досмотровой беседы в контролируемом испытании превзошёл протокол наблюдения признаков [23].

Предел вывода. Из зафиксированного несоответствия не следует вывод о намеренном обмане: расхождение объясняется также ошибкой памяти, добросовестным заблуждением или особенностями получения сообщения. Не следует и вывод о личности или о виновности. Существенно, что предел этой области отличается от предела второй не строгостью, а содержанием: там вывод не обоснован вовсе, здесь — обоснован для утверждения об ином предмете, чем тот, о котором обычно спрашивает адресат.

3.4. Сводное сопоставление

Собранные в одну таблицу, описания показывают главное: совпадений нет ни по одному основанию у всех трёх областей, а совпадения по отдельным основаниям у двух из них — например, объект у второй и третьей — не сопровождаются совпадением ни по предмету, ни по процедуре валидации (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная матрица трёх областей

Основание	Криминалистическое портретирование	Поведенческая верификация	Оценка сообщения по содержательным критериям
Объект	Неустановленное лицо	Известное лицо	Известное лицо и произведённое им сообщение
Предмет	Связь признаков события с характеристиками лица	Связь наблюдаемого поведения с намеренным искажением	Связь содержания сообщения с независимо установленными обстоятельствами
Задача	Какие характеристики неизвестного лица реконструируются	Какие наблюдения поддерживают гипотезу о сокрытии	Насколько сообщение поддерживается критериями и проверкой альтернатив
Исходные данные	Обстановка, способ совершения, виктимология	Мимика, жестикуляция, поза, окуломоторика	Содержание сообщения, условия получения, материалы дела
Процедура	Реконструкция по признакам события	Наблюдение и интерпретация признаков	Применение перечня критериев и построение беседы
Продукт	Поисковая версия	Оценка эпизода	Заключение с основаниями и ограничениями
Валидация	Ретроспективное сопоставление; систематическая проверка затруднена	Экспериментальная; результат отрицательный	Экспериментальная; результат неоднороден по протоколам
Предел вывода	Не следует вывод о причастности	Не следует вывод о ложности сообщения	Не следует вывод о намерении и о виновности

Граница между второй и третьей областями требует отдельного удержания, поскольку именно она чаще всего стирается. Если обе описать как «установление достоверности», разграничение станет круговым. Различие проходит по двум основаниям: единица анализа — эпизод взаимодействия против утверждения или рассказа в рамках заданной процедуры — и устройство процедуры, предполагающее во втором случае сопоставление с независимыми материалами. Поведенческие наблюдения могут входить в третью процедуру как вспомогательный материал; их наличие, однако, не означает, что процедура выполнена.

4. Ошибка межпредметного переноса

Разграничение, установленное в разделе 3, позволяет описать операцию, ради которой оно вводилось.

Ошибка межпредметного переноса — использование результата, полученного при решении одной задачи, в качестве достаточного основания для вывода по другой задаче без обоснования перехода между ними. Логически это подмена объёма утверждения: посылка сформулирована об одной области, заключение предъявляется в объёме наименования, а квалификаторы, ограничивающие посылку, при переносе исчезают.

4.1. Механизм: присвоение наименования

Смешение не изобретено критикой и не

является чьим-либо умыслом; оно имеет прослеживаемое происхождение. Наименование, первоначально обозначавшее реконструкцию характеристик неустановленного лица, было распространено рынком образовательных услуг на поведенческую верификацию, а затем вместе с заявленным результатом — на оценку сообщения. Распространение произошло на уровне имени и обещания результата: методы, критерии и процедуры валидации при этом не переносились, поскольку переносить их было неоткуда — у каждой области они свои.

Следствие этого механизма и составляет предмет настоящего раздела. Читатель, встречающий общее наименование, обоснованно предполагает общий предмет; установив несостоятельность одной из объединённых практик, он формулирует вывод в объёме имени, а не в объёме исследованного. Операция выглядит рутинной и не требует недобросовестности ни на одном шаге.

4.2. Четыре варианта переноса

Ниже перечислены варианты, различающиеся тем, между какими областями совершается переход и какого именно обоснования недостаёт (табл. 2). Все примеры приводятся как логические реконструкции: они воспроизводят форму рассуждения, а не цитируют конкретные публикации; атрибуция требовала бы постраничной сверки и составляет предмет отдельной работы.

Таблица 2. Варианты межпредметного переноса вывода

Вариант	Форма перехода	Какого обоснования недостаёт
От портрета к причастности	«Лицо соответствует реконструированным характеристикам, следовательно, совершило деяние»	Различительной способности характеристик и независимой проверки причастности
От реакции к обману	«На вопрос возникло изменение поведения, следовательно, ответ ложный»	Проверки конкурирующих причин реакции и связи признака с обманом
От несоответствия к намерению	«В сообщении обнаружено расхождение, следовательно, лицо вводит в заблуждение»	Разграничения ошибки памяти, добросовестного заблуждения и намеренного искажения
От методики к наименованию	«Методика показала определённую точность, следовательно, профайлинг обладает этой точностью»	Сопоставимости задач, процедур, выборок и внешних критериев
Обратный перенос	«Одна процедура опровергнута, следовательно, опровергнуто всё, что называется профайлингом»	Того же самого: сопоставимости задач и процедур

4.3. Симметричность критерия

Последняя строка таблицы 2 имеет для настоящей работы особое значение и должна быть написана раньше остальных. Критерий, запрещающий перенос, запрещает его в обе стороны. Из него не следует, что третья область обоснована: из него следует лишь, что вывод о второй не является выводом о третьей. Работа, предъявляющая оппоненту требование не расширять объём вывода, обязана выполнить это требование в собственной части, иначе различение перестаёт быть методологическим и становится риторическим.

Практическое следствие для обеих сторон формулируется одинаково: прежде чем принять или отвергнуть утверждение о «профайлинге», следует установить, о какой из трёх задач идёт речь, и проверить, к какой задаче относятся приводимые в подтверждение данные.

5. Институциональные условия смешения в российской практике

Разграничение, описанное выше, в англоязычной литературе поддерживается самой организацией исследований: три традиции публикуются в разных изданиях, опираются на разные экспериментальные парадигмы и подводят разные метааналитические итоги [13; 18; 24]. Это не означает, что западная практика свободна от разбираемой ошибки — программы поведенческого обнаружения, построенные на наблюдении признаков, применялись и подвергались критике именно за отсутствие проверяемого результата [15; 23]. Различие состоит не в отсутствии ошибки, а в наличии разграничения, к которому можно апеллировать.

В российской практике такого разграничения на уровне наименования нет. Положения настоящего раздела формулируются как объяснительная гипотеза: они указывают условия, при которых смешение становится вероятным, и подлежат самостоятельной проверке на корпусе публикаций и материалов практики. Эмпирической проверки в настоящей работе не проводилось, и утверждений о распространённости описанных явлений она не содержит.

5.1. Новизна роли и неопределённость процессуального положения

Специалисты, называющие себя профайлерами, появились в поле уголовного судопроизводства недавно. Процессуальный закон такой фигуры не знает: он знает эксперта и специалиста, чьи права, обязанности и форма участия определены (ст. 57, 58, 80 УПК РФ [6]), а требования к экспертному исследованию заданы законом о судебно-экспертной деятельности [5]. Наименование «профайлер» не обозначает ни процессуального положения, ни объёма специальных знаний.

Следствие этого носит не терминологический характер. Когда роль не определена, объём допустимого вывода определяется не нормой и не профессиональным стандартом, а представлением самого специалиста о том, что он умеет. Именно здесь межпредметный перенос совершается легче всего: лицо, подготовленное в логике второй области, отвечает на вопрос, относящийся к третьей, и предъявляет результат в форме, свойственной экспертному заключению.

5.2. Вхождение в экспертизу

Разграничение перестаёт быть академи-

ческим в тот момент, когда результат предъявляется суду. Спор 2016 года — монография с приложенным заключением экспертов [2] и информационное письмо, признавшее установление достоверности показаний путём судебной экспертизы неправомерным [3], — показывает цену вопроса: предметом спора оказались не данные, а то, о чём вообще допустимо давать заключение. Положение о том, что компетенция эксперта определяется предметом, а не наименованием специальности, разработано в отечественной литературе о судебной экспертизе [4].

Настоящая работа не решает вопроса о процессуальной допустимости результатов ни одной из трёх областей — он требует самостоятельного анализа. Она фиксирует более простое обстоятельство: вопрос о допустимости невозможно поставить корректно, пока не установлено, результат какой задачи предъявляется. Заключение, в котором портрет, наблюдение поведения и анализ содержания соединены без различения, не может быть оценено ни принятием, ни отклонением: у него нет одного предмета, относительно которого выносится оценка.

5.3. Подготовка специалистов

Второе условие — устройство подготовки. Программы, объединяющие три задачи под общим наименованием, передают обучаемому не три процедуры с разными пределами вывода, а одну компетенцию с общим обещанием результата. Диссертационные работы о подготовке таких специалистов описывают развиваемые качества и функции, но не перечисляют операций, различающихся по задаче и по критерию проверки [7]; учебные и методические издания, объединяющие все три предмета, документируют то же положение [9].

Существенно, что здесь не обнаруживается недобросовестности. Обучающийся, получивший единое наименование и единое обещание, не имеет средств различить задачи: различение не входит в содержание обучения. Требование к программе, вытекающее из настоящей работы, формулируется просто — по завершении обучения специалист должен уметь назвать, какую из трёх задач он решает, и какой вывод из его результата не следует.

5.4. Отнесение профайлинга к криминалистике

Третье условие обнаруживается в юридической литературе. Практики, объединённые наименованием, нередко размещаются в разделе криминалистики целиком — как её частный метод или как раздел криминалистической тактики. Это размещение верно лишь для одной из трёх областей и неверно для двух остальных.

Предмет криминалистики составляют закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, а также собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанные на них средства и методы [1]. Криминалистическое портретирование в этот предмет укладывается: оно работает со следами события и обслуживает розыск. Поведенческая верификация и оценка сообщения по содержательным критериям имеют иной объект — не механизм следообразования, а психическую деятельность лица и произведённое им сообщение; их закономерности устанавливаются психологическими методами и проверяются психологическими же процедурами.

Последствие размещения не сводится к рубрикации. Отнесение всех трёх практик к криминалистике переносит на них тот способ обоснования, который принят для криминалистических рекомендаций, — ретроспективный разбор практики — и тем самым снимает требование экспериментальной проверки там, где она необходима и возможна. Обратное размещение, при котором портретирование целиком относят к психологии, порождает симметричную ошибку: от поисковой версии начинают требовать той точности, которая достижима лишь для процедур с установленным внешним критерием.

Из сказанного следует уточнение, полезное для дальнейшей работы: три области по-разному соотносятся не только между собой, но и с дисциплинами, в которых они описываются. Вопрос «к какой науке относится профайлинг» не имеет ответа по той же причине, по которой не имеет ответа вопрос о его научном статусе: он поставлен в объёме наименования.

6. Требования к формулировке и проверке результата

Из разграничения следует процедура, не требующая от проверяющего ни специальной подготовки в каждой из трёх областей, ни согласия с их основаниями. Она применима рецензенту заключения, адресату результата и разработчику программы подготовки при самопроверке (табл. 3).

Таблица 3. Минимальный состав описания результата

Позиция	Что должно быть указано	Признак невыполнения
Задача	Какая из различённых задач решалась	Названа область или наименование, а не задача
Материал	Какие данные использовались и как получены	Перечень данных отсутствует или задан общей формулой
Процедура	Каким способом данные преобразованы в вывод	Названа методика без описания операций
Критерий проверки	С чем результат сопоставлен независимо от самой оценки	Критерий не назван либо совпадает с исходной оценкой
Альтернативы	Какие конкурирующие объяснения рассмотрены и чем отведены	Альтернативы не рассматривались
Ограничения	На какие утверждения результат не распространяется	Раздел отсутствует; вывод дан без пределов

Принцип, объединяющий шесть позиций, формулируется одной фразой: каждое утвержде-

ние соотносится с процедурой, которая позволяет его проверить. Утверждение, для которого такая процедура не названа, остаётся мнением независимо от того, насколько оно правдоподобно.

Отдельно разграничиваются валидация метода в исследовании и проверка заключения по отдельному случаю. Наличие исследований, подтверждающих метод, не освобождает от проверки того, выполнены ли условия его применения в данном случае; успешный отдельный случай, в свою очередь, не устанавливает общей точности метода. Разрыв между групповой закономерностью и выводом о лице описан в судебно-правовой методологии как проблема перехода от группы к индивиду [17]; в рассматриваемой области он усугубляется тем, что групповая закономерность нередко заимствуется из области, отличной от той, в которой формулируется вывод.

7. Обсуждение

7.1. Что установлено

Установлено, что три практики, объединённые наименованием «профайлинг», не совпадают ни по одному из семи оснований у всех трёх и различаются прежде всего по внешнему критерию проверки результата. Из этого следует, что они не образуют континуума зрелости одной дисциплины: между ними нет движения от менее обоснованного к более обоснованному, поскольку они отвечают на разные вопросы.

Объяснительная сила разграничения проверяется на исходном затруднении. Расхождение оценок научного статуса профайлинга объясняется без предположения о недобросовестности какой-либо из сторон: стороны оценивают разные предметы и обе правы в объёме того предмета, который исследовали. Это и есть главный аргумент в пользу предлагаемого различения.

7.2. Чего не установлено

Из полученного не следует, что третья область обоснована: состояние её корпуса неоднородно, и оценка валидности отдельных протоколов в настоящей работе не производилась. Не следует, что вторая область может быть реабилитирована: её эмпирическое опровержение принимается полностью. Не следует, что портретирование лишено оснований: установлено лишь, что его продукт — поисковая версия, а не вывод о причастности. Не следует, наконец, что специалисты не могут решать несколько задач: разграничение проведено между задачами, а не между людьми, и один специалист вправе решать любые из них при условии, что каждый результат обоснован отдельно.

7.3. Ограничения

Ограничения работы должны быть названы прямо. Разграничение является аналитическим: оно не описывает фактического разделения труда и не претендует на исчерпывающую классификацию всего, что называют профайлингом. Работа не измеряет частоты межпредметного переноса и не утверждает его типичности; приводимые примеры суть логические реконструкции. Положения раздела 5 являются объяснительной гипотезой об условиях, а не установленным фактом, и требуют проверки на корпусе. Матрица построена по опубликованным описаниям процедур, а не по наблюдению реальной работы, и расхождения между описанием и практикой не фиксирует. Валидационные исследования третьей области выполнены на иноязычных выборках и в иных правовых системах; перенос их результатов на российскую практику сам требует обоснования и здесь не производится. Наконец, автор профессионально занят в третьей из разбираемых областей, что зафиксировано в декларации конфликта интересов; в силу этого критерий переноса сформулирован симметрично и применён к собственной позиции в разделе 4.3.

Заключение

Установлено, что наименование «профайлинг» покрывает три познавательные процедуры, различающиеся объектом, предметом, задачей, исходными данными, процедурой, продуктом и — прежде всего — внешним критерием проверки результата. Ни одно из семи оснований не совпадает у всех трёх, вследствие чего результаты этих процедур не являются взаимозаменяемыми, а вывод, полученный в одной из них, не распространяется на объём наименования.

Из этого следует практическое требование, не зависящее от позиции в споре о научном статусе: всякое утверждение о профайлинге — как утверждение о его несостоятельности, так и утверждение о его результативности — должно быть отнесено к одной из трёх задач, а приводимые в его подтверждение данные проверены на принадлежность к той же задаче. Для заключения, адресованного суду, это требование конкретизируется шестью позициями описания результата, из которых решающей является четвёртая: с чем результат сопоставлен независимо от самой оценки.

Открытыми остаются два вопроса. Первый — эмпирический: насколько часто межпредметный перенос встречается в опубликованном корпусе и в материалах практики; ответ требует очерченного корпуса и процедуры кодирования. Второй — процессуальный: при каких условиях результат каждой из трёх процедур может быть представлен суду и в какой форме. Оба составляют предмет дальнейшей работы; настоящая статья даёт для них язык, на котором вопросы могут быть поставлены корректно.

Список литературы:

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. — 3-е изд., доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

[2] Енгалычев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): монография. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 328 с.

[3] Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы»: утв. научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 6 от 15.06.2016) и учёным советом ФГБУ «ФМИЦПН им. В. П. Сербского» Минздрава России (протокол № 7 от 20.06.2016) // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 3 (43).

[4] Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2013.

[5] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ст. 4, 8).

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 57, 58, 74, 80, 204).

[7] Чаленко Н. В. Развитие социально-психологической компетентности сотрудников службы профайлинга: дис. … канд. психол. наук: 19.00.05. — М., 2010. — 235 с.

[8] Русскоязычная работа, относящая профайлинг к разделу криминалистики.

[9] Учебное или методическое издание по профайлингу, объединяющее три предмета под общим наименованием.

[10] Собственная работа автора о смешении языков описания в исследованиях оценки достоверности.

[11] Alison L., Smith M. D., Morgan K. Interpreting the accuracy of offender profiles // Psychology, Crime & Law. — 2003. — Vol. 9, no. 2. — P. 185–195.

[12] Amado B. G., Arce R., Fariña F. Undeutsch hypothesis and Criteria Based Content Analysis: A meta-analytic review // European Journal of Psychology Applied to Legal Context. — 2015. — Vol. 7, no. 1. — P. 3–12.

[13] Bond C. F. Jr., DePaulo B. M. Accuracy of deception judgments // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, no. 3. — P. 214–234.

[14] Canter D. V., Alison L. J., Alison E., Wentink N. The organized/disorganized typology of serial murder: Myth or model? // Psychology, Public Policy, and Law. — 2004. — Vol. 10, no. 3. — P. 293–320.

[15] Denault V., Plusquellec P., Jupe L. M. [et al.] The analysis of nonverbal communication: The dangers of pseudoscience in security and justice contexts // Anuario de Psicología Jurídica. — 2020. — Vol. 30, no. 1. — P. 1–12.

[16] DePaulo B. M., Lindsay J. J., Malone B. E. [et al.] Cues to deception // Psychological Bulletin. — 2003. — Vol. 129, no. 1. — P. 74–118.

[17] Faigman D. L., Monahan J., Slobogin C. Group to individual (G2i) inference in scientific expert testimony // University of Chicago Law Review. — 2014. — Vol. 81. — P. 417–480.

[18] Fox B., Farrington D. P. What have we learned from offender profiling? A systematic review and meta-analysis of 40 years of research // Psychological Bulletin. — 2018. — Vol. 144, no. 12. — P. 1247–1274.

[19] Granhag P. A., Hartwig M. The Strategic Use of Evidence technique: A conceptual overview // Detecting Deception: Current Challenges and Cognitive Approaches / eds. P. A. Granhag, A. Vrij, B. Verschuere. — Chichester: Wiley, 2015. — P. 231–251.

[20] Hartwig M., Granhag P. A., Luke T. J. Strategic use of evidence during investigative interviews: The state of the science // Credibility Assessment / eds. D. C. Raskin, C. R. Honts, J. C. Kircher. — Waltham: Academic Press, 2014. — P. 1–36.

[21] Luke T. J. Lessons from Pinocchio: Cues to deception may be highly exaggerated // Perspectives on Psychological Science. — 2019. — Vol. 14, no. 4. — P. 646–671.

[22] Oberlader V. A., Naefgen C., Koppehele-Gossel J. [et al.] Validity of content-based techniques to distinguish true and fabricated statements: A meta-analysis // Law and Human Behavior. — 2016. — Vol. 40, no. 4. — P. 440–457.

[23] Ormerod T. C., Dando C. J. Finding a needle in a haystack: Toward a psychologically informed method for aviation security screening // Journal of Experimental Psychology: General. — 2015. — Vol. 144, no. 1. — P. 76–84.

[24] Palena N., Caso L., Vrij A., Nahari G. The verifiability approach: A meta-analysis // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. — 2021. — Vol. 10, no. 1. — P. 155–166.

[25] Snook B., Cullen R. M., Bennell C., Taylor P. J., Gendreau P. The criminal profiling illusion: What's behind the smoke and mirrors? // Criminal Justice and Behavior. — 2008. — Vol. 35, no. 10. — P. 1257–1276.

[26] Vrij A. Criteria-Based Content Analysis: A qualitative review of the first 37 studies // Psychology, Public Policy, and Law. — 2005. — Vol. 11, no. 1. — P. 3–41.

[27] Vrij A., Hartwig M., Granhag P. A. Reading lies: Nonverbal communication and deception // Annual Review of Psychology. — 2019. — Vol. 70. — P. 295–317.

References:

[1] Belkin R. S. Forensic course: in 3 volumes - 3rd ed., Add. - M.: UNITY-DANA, 2001.

[2] Engalychev V.F., Kravtsova G.K., Kholopova E.N. Forensic psychological examination to identify signs of reliability/unreliability of information reported by participants in criminal proceedings (based on video recordings of investigative actions and operational-search measures): monograph. - M.: Yurlitinform, 2016. - 328 s.

[3] Information letter "On the illegality of determining the reliability of testimony by forensic examination": approved by scientific and methodological council of the Federal State Budgetary Institution RFCSE under the Ministry of Justice of Russia (protocol No. 6 dated 15.06.2016) and the scientific council of the Federal State Budgetary Institution "FMITSPN named after V.P. Serbsky" of the Ministry of Health of Russia (protocol No. 7 dated 20.06.2016) // Theory and practice of forensic examination. — 2016. — № 3 (43).

[4] Komissarova Y. V. Conceptual foundations of the expert's professional activities in criminal proceedings: author's abstract. dis.... Dr. Jurid. sciences. - M., 2013.

[5] On state forensic activity in the Russian Federation: Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ (Articles 4, 8).

[6] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (Articles 57, 58, 74, 80, 204).

[7] Chalenko N.V. Development of social and psychological competence of profiling service employees: dis.... cand. psychol. sciences: 19.00.05. - M., 2010. - 235 s.

[8] Russian-language work related to profiling in the forensics section.

[9] Educational or methodological publication on profiling, combining three subjects under a common name.

[10] Author's own work on the mixing of description languages in confidence assessment studies.

[11] Alison L., Smith M. D., Morgan K. Interpreting the accuracy of offender profiles // Psychology, Crime & Law. — 2003. — Vol. 9, no. 2. — P. 185–195.

[12] Amado B. G., Arce R., Fariña F. Undeutsch hypothesis and Criteria Based Content Analysis: A meta-analytic review // European Journal of Psychology Applied to Legal Context. — 2015. — Vol. 7, no. 1. — P. 3–12.

[13] Bond C. F. Jr., DePaulo B. M. Accuracy of deception judgments // Personality and Social Psychology Review. — 2006. — Vol. 10, no. 3. — P. 214–234.

[14] Canter D. V., Alison L. J., Alison E., Wentink N. The organized/disorganized typology of serial murder: Myth or model? // Psychology, Public Policy, and Law. — 2004. — Vol. 10, no. 3. — P. 293–320.

[15] Denault V., Plusquellec P., Jupe L. M. [et al.] The analysis of nonverbal communication: The dangers of pseudoscience in security and justice contexts // Anuario de Psicología Jurídica. — 2020. — Vol. 30, no. 1. — P. 1–12.

[16] DePaulo B. M., Lindsay J. J., Malone B. E. [et al.] Cues to deception // Psychological Bulletin. — 2003. — Vol. 129, no. 1. — P. 74–118.

[17] Faigman D. L., Monahan J., Slobogin C. Group to individual (G2i) inference in scientific expert testimony // University of Chicago Law Review. — 2014. — Vol. 81. — P. 417–480.

[18] Fox B., Farrington D. P. What have we learned from offender profiling? A systematic review and meta-analysis of 40 years of research // Psychological Bulletin. — 2018. — Vol. 144, no. 12. — P. 1247–1274.

[19] Granhag P. A., Hartwig M. The Strategic Use of Evidence technique: A conceptual overview // Detecting Deception: Current Challenges and Cognitive Approaches / eds. P. A. Granhag, A. Vrij, B. Verschuere. — Chichester: Wiley, 2015. — P. 231–251.

[20] Hartwig M., Granhag P. A., Luke T. J. Strategic use of evidence during investigative interviews: The state of the science // Credibility Assessment / eds. D. C. Raskin, C. R. Honts, J. C. Kircher. — Waltham: Academic Press, 2014. — P. 1–36.

[21] Luke T. J. Lessons from Pinocchio: Cues to deception may be highly exaggerated // Perspectives on Psychological Science. — 2019. — Vol. 14, no. 4. — P. 646–671.

[22] Oberlader V. A., Naefgen C., Koppehele-Gossel J. [et al.] Validity of content-based techniques to distinguish true and fabricated statements: A meta-analysis // Law and Human Behavior. — 2016. — Vol. 40, no. 4. — P. 440–457.

[23] Ormerod T. C., Dando C. J. Finding a needle in a haystack: Toward a psychologically informed method for aviation security screening // Journal of Experimental Psychology: General. — 2015. — Vol. 144, no. 1. — P. 76–84.

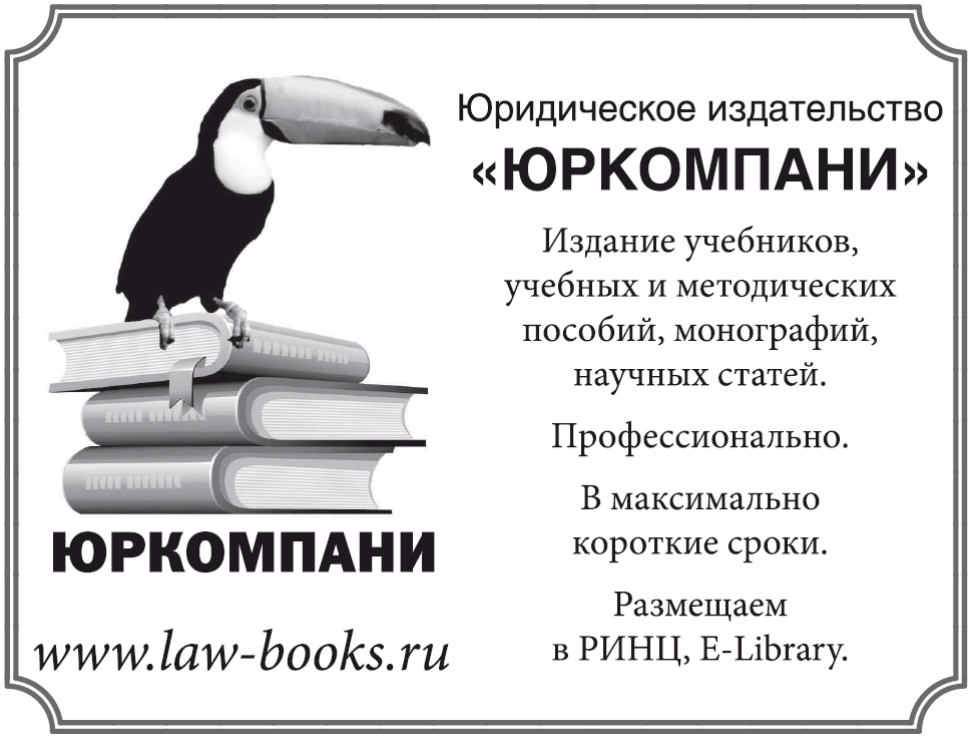
[24] Palena N., Caso L., Vrij A., Nahari G. The verifiability approach: A meta-analysis // Journal of Applied Research in Memory and Cognition. — 2021. — Vol. 10, no. 1. — P. 155–166.

[25] Snook B., Cullen R. M., Bennell C., Taylor P. J., Gendreau P. The criminal profiling illusion: What's behind the smoke and mirrors? // Criminal

Justice and Behavior. — 2008. — Vol. 35, no. 10. — P. 1257–1276.

[26] Vrij A. Criteria-Based Content Analysis: A qualitative review of the first 37 studies // Psychology, Public Policy, and Law. — 2005. — Vol. 11, no. 1. — P. 3–41.

[27] Vrij A., Hartwig M., Granhag P. A. Reading lies: Nonverbal communication and deception // Annual Review of Psychology. — 2019. — Vol. 70. — P. 295–317.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-209-213

ГУЖВИЙ Владислав Владимирович,
Аспирант 4 курса, Донбасский государственный университет,
Россия, ДНР,
e-mail: vlad-gughviy@mail.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО УГОЛОВНЫМ КОДЕКСОМ ЗА САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ

Аннотация. *В статье исследуются объективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 337 УК РФ; приводится характеристика юридически значимых характеристик самовольного оставления воинской части или места службы; отражены подходы к способу совершения преступления, имеющие значение для разграничения самовольного оставления части и дезертирства; особое внимание уделено общественной опасности самовольного оставления части, как материальной характеристики объективной стороны преступления; выделены особенности объективной стороны самовольного оставления части.*

Ключевые слова: *воинская часть, самовольное оставление, объективные признаки, состав преступления, разграничение, дезертирство.*

GUZHVIY Vladislav Vladimirovich,
4th-year postgraduate student Donbas State University, Russia, DPR

OBJECTIVE SIGNS OF CORPUS DELICTI PROVIDED FOR BY THE CRIMINAL CODE FOR UNAUTHORIZED ABANDONMENT OF A MILITARY UNIT

Annotation. *The article examines the objective signs of the corpus delicti provided for in Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation; provides a description of the legally significant characteristics of unauthorized abandonment of a military unit or place of service; approaches to the method of committing a crime that are important for distinguishing between unauthorized abandonment of a unit and desertion are reflected; particular attention is paid to the public danger of unauthorized abandonment of a part as a material characteristic of the objective side of the crime; features of the objective side of unauthorized abandonment of the part are highlighted.*

Key words: *military unit, unauthorized abandonment, objective signs, corpus delicti, delimitation, desertion.*

Актуальность темы

Объективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 337 УК РФ, представляют собой совокупность юридически значимых характеристик деяния, отражающих его внешнее проявление в объективной реальности. Данная группа признаков включает в себя объект преступного посягательства и объективную сторону. Особенность объективных признаков самовольного оставления части или места службы заключается в их непосредственной связи с воинскими правоотношениями и особым правовым статусом субъекта. Являясь формальным составом, рассматриваемое преступление окончено с момента истечения установленных в диспозиции статьи сроков отсутствия военнослужащего, что свидетельствует о приоритете темпорального критерия при квалификации деяния.

В современной уголовно-правовой доктрине сложилось устойчивое представление о структуре объективных признаков данного состава преступления, однако отдельные аспекты до сих пор вызывают научные дискуссии. Это касается, в частности, трактовки понятия «самовольность», определения момента начала и окончания преступления, толкования правовой природы продолжительности отсутствия военнослужащего как конструктивного признака состава преступления. В условиях реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации и изменения системы комплектования воинских частей данные вопросы приобретают особую актуальность и требуют всестороннего научного анализа.

Степени научной разработанности

В научной литературе достаточно подробно исследуются объективные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 337 УК РФ. В частности, Л.В. Иногамова-Хегай [5] указывает, что объектом данного преступления является установленный порядок несения воен-

ной службы, включающий в себя обязательное присутствие военнослужащего в части или в месте службы, если иное не предусмотрено законом и подзаконными актами. Автор справедливо отмечает необходимость разграничения понятий «часть» и «место службы», что имеет практическое значение при квалификации. На наш взгляд, такое разграничение действительно необходимо, поскольку место службы может не совпадать с дислокацией части, что требует дополнительной правовой оценки. Данную позицию следует признать обоснованной, так как она соответствует нормативному определению, содержащемуся в военном законодательстве, согласно которому воинская часть представляет собой организационно самостоятельную боевую и административно-хозяйственную единицу Вооруженных Сил, тогда как место службы - более широкое понятие, включающее в себя любую территорию, где военнослужащий выполняет свои служебные обязанности.

Согласно А. В. Бриллиантову [3], в качестве объективного элемента самовольного оставления части представляется либо активное передвижение солдата, покидающего место дислокации или место службы, либо неактивное состояние (неявка на место службы вовремя). Двойственная природа правонарушения, таким образом, влияет на способ его классификации и доказательства. Если оставление части происходит в результате активного ухода, устанавливается факт и обстоятельства оставления, тогда как если оставление происходит в результате неактивного состояния, устанавливается факт неявки на место службы и его причины. Это приводит к усложнению работы правоохранительных органов, поскольку каждый случай определения объективного элемента требует отдельного подхода в зависимости от обстоятельств дела.

По мнению В. И. Динеки [4], главным моментом объективного аспекта является отсутствие разрешения на отлучку от службы (отсутствие законных оснований для отсутствия). Это может быть отпуск, командировка или увольнение. Еще одним очень важным вопросом для определения характера действия и отличия его от дисциплинарных нарушений является анализ компетентности должностных лиц, предоставляющих временное отсутствие, и наличия надлежащей документации. Проблемы в реальных ситуациях возникнут, если военнослужащему дали разрешение на отлучку, но он остается дольше разрешенного времени, или если разрешение получено от ненадлежащего лица.

Согласно развивающейся идее Х. М. Ахметшина [1], самовольность – это не просто отсутствие разрешения командования, но и нарушение обычных процедур получения такого разрешения. Тот факт, что разрешение, полученное обманным путем, означает совершение преступления, имеет важное значение, поскольку командиры могут наказывать солдата, получившего разрешение на нахождение вне подразделения, вводя в заблуждение либо тех, с кем они связывались, либо причину и сроки своего возвращения. В этом контексте возникает вопрос о разграничении факта несанкционированного отъезда и фиктивного отпуска, для получения которого солдат использовал методы обмана. Мы считаем, что если кто-то совершил подобное и отсутствовал вне своего подразделения дольше положенного времени, то его действия должны попадать под статью 337 Уголовного кодекса Российской Федерации. Получение разрешения незаконным путем не дает права отсутствовать на службе.

Цель и задачи статьи

Целью данной статьи является выделение особенностей объективной стороны самовольного оставления части, или места службы.

В качестве основных задач определено проведения анализа юридически значимых характеристик самовольного оставления воинской части или места службы; обобщение подходов к способу совершения преступления, имеющего значение для разграничения самовольного оставления части и дезертирства; отражение общественной опасности самовольного оставления части, как материальной характеристики объективной стороны преступления

В качестве методов исследования были применены догматический анализ, сравнительно-правовой метод, логические методы, метод толкование закона.

Результаты

В УК РФ (статья 337) указывается, что самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу при увольнении из части, при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации, наказывается исходя из продолжительности отсутствия военнослужащего. Законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от продолжительности отсутствия, что обусловлено различной степенью общественной опасности.

Проблема определения начала и окончания совершаемого деяния соответствует формальному определению преступления и позволяет точно определить все существенные события, которые необходимо уточнить для надлежащей его характеристики [8].

Тот факт, что солдат неоднократно отсутствовал по одной и той же причине, но с перерывами между отсутствиями, значительно усложняет задачу определения точной продолжительности его отсутствия на службе. Решение этой

проблемы предложено Н. А. Шулеповым в [9]. Он предполагает, что если перерывы в отсутствии связаны с одной общей целью, то продолжительность времени следует рассчитывать суммарно. Это решение следует поддержать, поскольку оно затрудняет военнослужащим избегание последствий своего противоправного поведения путем многократного возвращения на место службы на короткий срок. Однако, для каждой такой ситуации необходимо провести расследование, чтобы выяснить, было ли у нарушителя общее желание оставаться вне службы, а это будет сложнее установить с точки зрения правоохранительных органов.

Рассматривая термин «самовольное оставление воинской части», мы обнаруживаем, что этот термин включает в себя нахождение военнослужащего за пределами военной базы или места службы; это придает большее значение местоположению как компоненту объективного характера преступного деяния. Как указывает К. В. Образцов [7], важно установить территориальные границы воинской части или района боевых действий, поскольку такие границы могут быть нечеткими и нелегко определить, если воинская часть проводит операции на открытой местности.

Ф.С. Бражник [2] отмечает, что при определении места совершения преступления следует руководствоваться не только фактическими, но и юридическими критериями. Так, территорией воинской части следует считать не только земельный участок, занимаемый воинской частью, но и все объекты, находящиеся в ее оперативном управлении, включая здания, сооружения, полигоны и т.д. Это важное уточнение позволяет избежать ошибок при квалификации деяний, связанных с самовольным оставлением отдельных объектов воинской части, расположенных за пределами основной территории.

В развитие указанных подходов отметим, что способ совершения преступления может свидетельствовать о наличии умысла на дезертирство, что требует квалификации деяния по ст. 338 УК РФ.

Особенно важно, чтобы все объективные элементы преступления, связанного с самовольным оставлением части, рассматривались в контексте других элементов этого преступления. Согласно большинству научных работ, существует несколько подходов к изучению связи между описанными выше объективными и субъективными элементами преступления:

причинно-следственный подход рассматривает объективные факторы преступления как результат субъективного восприятия преступником совершенного преступления. Этот подход, по-видимому, не находит широкой поддержки, поскольку не учитывает, как объективные элементы преступления функционируют сами по себе и как они имеют отдельное уголовно-правовое значение вне зависимости от субъективного восприятия преступника. Еще одна трудность этого подхода заключается в том, что он не рассматривает должным образом ситуацию, когда объективные элементы деяния не соответствуют субъективному восприятию преступника, например, когда допущена ошибка в ключевом фактическом элементе преступления, который в противном случае сделал бы преступление не уголовным.

системный подход, основанный на существовании двух относительно объективных и относительно субъективных компонентов в едином целом, образующих единство посредством постоянного процесса взаимодействия и взаимного влияния. Мы считаем системный подход очень ценным для получения полного понимания преступления согласно статье 337 Уголовного кодекса РФ, а также для правильной классификации действий лица, совершившего его. Более того, именно системный подход наиболее полно согласуется с современным представлением о структуре преступления, позволяя суду оценить все обстоятельства совершенного преступления.

интегративный подход включает объективные и субъективные характеристики как взаимосвязанные, но в значительной степени независимые части одной и той же системы, разработанный исследователями [6 и др.]. Считается, что этот подход обладает наибольшим потенциалом, поскольку он включает как взаимосвязи между объективными и субъективными признаками, так и их уникальные характеристики, важные для классификации преступлений. В случае самовольного оставления части, используя интегративный подход, можно объяснить ситуации, когда присутствуют все объективные признаки, но отсутствуют субъективные, например, случаи невозвращения в подразделение по причинам, не зависящим от военнослужащего (стихийные бедствия, болезни, задержания полицией и т. д.).

Социальная опасность самовольного оставления части может быть описана как материальная характеристика объективного аспекта; таким образом, ее существование подразумевает нарушение надлежащих процедур, являющихся частью военной службы, и, как следствие, обычно оказывает пагубное воздействие на боеспособность подразделения, особенно в оперативные периоды или во время войны. Степень социальной опасности, связанной с этим преступлением, зависит от различных факторов, наиболее важными из которых являются:

Продолжительность отсутствия военнослужащего. Чем дольше военнослужащий находится вдали от своего подразделения, тем силь-

нее это сказывается на боеспособности подразделения. Это связано с тем, что во время отсутствия военнослужащего его обязанности должны быть перераспределены между другими военнослужащими, что в конечном итоге увеличивает рабочую нагрузку на этих военнослужащих и может негативно сказаться на их способности выполнять свою текущую работу.

Фактическая военная должность военнослужащего. Когда командир воинской части или другой высокопоставленный офицер покидает свои войска без разрешения, это создает дополнительные проблемы для боевой эффективности. Организации приходится не только искать другого командира для подразделения, но и, по сути, перестраивать всю командную структуру.

Область знаний и уровень опыта военнослужащего. Если военнослужащий обладает знаниями или навыками, которых нет у других военнослужащих в подразделении, подразделение, может быть, не в состоянии выполнять определенные важные функции.

Ситуация в районе дислокации подразделения. В случае вооруженного конфликта, чрезвычайного положения или контртеррористической операции несанкционированное отсутствие военнослужащего в подразделении создает дополнительную опасность для населения, препятствует боевым действиям и угрожает жизни и здоровью других военнослужащих.

Мотивы и цели отказа от исполнения обязанностей. Хотя это тесно связано с субъективным аспектом правонарушения, это также важно для определения социальной опасности, которую представляет это правонарушение. Например, тот, кто временно отказался от своих обязанностей, чтобы навестить семью или отдохнуть, представляет меньший социальный риск, чем тот, кто делает это, чтобы избежать боевых действий.

В научной литературе выделяются следующие объективные признаки состава характеризуемого преступления:

деяние – самовольное оставление части или места службы либо неявка в срок без уважительных причин на службу;

продолжительность отсутствия военнослужащего – более двух суток, но не более десяти суток (ч. 1 ст. 337 УК РФ), более десяти суток, но не более одного месяца (ч. 3 ст. 337 УК РФ), свыше одного месяца (ч. 4 ст. 337 УК РФ);

время совершения преступления – мирное время (в военное время применяется ст. 338 УК РФ – дезертирство);

обстановка совершения преступления – отсутствие чрезвычайных обстоятельств (при их наличии применяется ч. 2 ст. 337 УК РФ).

Указанные признаки образуют систему взаимосвязанных элементов, которые в совокупности определяют объективную сторону рассматриваемого преступления. При этом следует отметить, что законодательная конструкция данного состава преступления является сложной и включает в себя как конструктивные признаки, так и квалифицирующие обстоятельства, что обусловливает необходимость тщательного анализа всех обстоятельств дела для правильной правовой оценки содеянного.

Особенностью объективной стороны самовольного оставления части является ее формальная конструкция. Преступление считается оконченным с момента истечения установленных в законе сроков отсутствия военнослужащего, независимо от наступления каких-либо последствий.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать следующие несколько выводов:

Объективные элементы преступления, установленные в ст. 337 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляют собой единую систему элемента объекта и элемента объективного аспекта преступления, позволяющую охарактеризовать, как данное преступление проявляется в объективном мире.

Наиболее точным способом определения преступления и избежания его классификации как дисциплинарного правонарушения является учет фактора произвольности при определении объективного элемента преступления.

Статья 337 Уголовного Кодекса Российской Федерации определяет уголовную ответственность по-разному в зависимости от продолжительности отсутствия военнослужащего на службе. Предложенное решение представляется разумным, поскольку длительное отсутствие военнослужащего может серьезно нарушить работу воинской части и снизить ее боеготовность и готовность к выполнению поставленных задач.

Для того, чтобы должным образом отличить преступление по статье 337 Уголовного кодекса Российской Федерации от других, важно установить, было ли отсутствие военнослужащего на месте службы или в месте, откуда он должен был проходить службу, совершено без надлежащего разрешения; установить все даты (начала и окончания) отсутствия военнослужащего; определить, существуют ли определенные ситуации, исключающие уголовный характер деяния, т. е. уважительная причина неявки; ситуации необходимости в связи с чрезвычайными обстоятельствами; фактическое принуждение (физическое или психическое и т. д.).

Объективные элементы самовольного оставления части тесно связаны с субъективными элементами преступления, поэтому необходим всесторонний анализ обоих аспектов. Намерения

лица, его цели и скрытые мотивы (т. е. причины) существенно влияют на классификацию действия как самовольного оставления части или дезертирства.

Целесообразно разработать более четкие критерии для развития права и его практики путем включения в законодательство понятия «чрезвычайная ситуация», а также детализировать порядок определения периода недоступности военнослужащего в связи с прерыванием службы. Внедрение этих мер улучшит уголовно-правовую защиту установленного порядка, регулирующего военную службу, и обеспечит единообразие в их применении правоохранительными органами.

Список литературы:

[1] Ахметшин Х.М. Квалификация воинских преступлений. М.: ВПА, 1977. 79 с.

[2] Бражник Ф.С. Преступления против военной службы. М.: Военное право, 2020. 277 с.

[3] Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 1998. 48 с.

[4] Динека В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России: дис. докт. юрид. наук. М., 2000. 345 с.

[5] Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права: дис. докт. юрид. наук. М., 1999. 44 с.

[6] Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: [в 3 т.] Т. 3: Особенная часть (главы XI–XXI). М.: Федеральная палата адвокатов: Информ-Право, 2016. 686 с.

[7] Ображиев К.В. Система формальных источников российского уголовного права: дис. докт. юрид. наук. М., 2014. 587 с.

[8] Самойлов А.С. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка прохождения военной службы: дис. канд. юрид. наук. М., 2013. 186 с.

[9] Шулепов Н.А. Теоретические основы реализации уголовной ответственности военнослужащих: дис. докт. юрид. наук. М., 2001. 365 с.

References:

[1] Akhmetshin H.M. Qualification of military crimes. M.: WPA, 1977. 79 pp.

[2] Brazhnik F.S. Crimes against military service. M.: Military law, 2020. 277 pp.

[3] Brilliantov A.V. Differentiation of punishment: theoretical and applied problems: abstract. dis. doc. jurid. sciences. M., 1998. 48 pp.

[4] Dineka V.I. Liability for malfeasance under Russian criminal law: dis. doc. jurid. sciences. M., 2000. 345 pp.

[5] Inogamova-Hegai L.V. Competition of criminal law norms: dis. doc. jurid. sciences. M., 1999. 44 pp.

[6] Naumov A.V. Russian criminal law: course of lectures: [in 3 volumes] T. 3: Special part (chapters XI-XXI). M.: Federal Chamber of Lawyers: Inform-Law, 2016. 686 pp.

[7] Obrazhiev K.V. The system of formal sources of Russian criminal law: dis. doc. jurid. sciences. M., 2014. 587 pp.

[8] Samoilov A.S. Criminal law characterization of crimes against the order of military service: dis. cand. jurid. sciences. M., 2013. 186 pp.

[9] Shulepov N.A. Theoretical foundations of the implementation of the criminal responsibility of military personnel: dis. doc. jurid. sciences. M., 2001. 365 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-214-218

КУХТЯЕВА Е.А.,
ст. преподаватель кафедры уголовного права и процесса СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ЮСУПОВ Ю.М.,
преподаватель кафедры уголовного права и процесса СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ДАДАШЕВА Диана Аливердиевна,
магистрант 2 года обучения СКИ ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ: СУБЪЕКТЫ, МЕРЫ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается виктимологическая профилактика жестокого обращения с детьми как самостоятельное направление предупредительной деятельности. На основе анализа виктимологической характеристики жертв, системы субъектов профилактики и уровневого подхода к предупреждению обосновывается необходимость дифференциации мер виктимологической профилактики с учётом возраста, пола и форм виктимного поведения детей. Предложены критерии эффективности профилактической работы и меры по совершенствованию межведомственного взаимодействия.*

Ключевые слова: *виктимология, виктимность, виктимная профилактика, жестокое обращение с детьми, субъекты профилактики, несовершеннолетние.*

KUKHTYAEVA E.A.,
Art. teacher of the Department of Criminal Law and Proceedings of the SCI VGUI

YUSUPOV YU.M.,
Lecturer, Department of Criminal Law and Proceedings, SKI VGUYU

DADASHEVA Diana Aliverdievna,
master's student of 2 years of study at SKI VGUYU

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF CHILD MALTREATMENT: SUBJECTS, MEASURES AND PERFORMANCE CRITERIA

Annotation. *The article considers victimological prevention of child abuse as an independent area of preventive activity. Based on the analysis of the victimological characteristics of victims, the system of subjects of prevention and the level approach to prevention, the need to differentiate measures of victimological prevention, taking into account the age, gender and forms of victimization behavior of children, is justified. Criteria for the effectiveness of preventive work and measures to improve interdepartmental interaction have been proposed.*

Key words: *victimology, victimhood, victimization prevention, child abuse, subjects of prevention, minors.*

Проблема жестокого обращения с детьми устроена так, что её невозможно решить силами одного ведомства. Как бы хорошо ни работала комиссия по делам несовершеннолетних, как бы ни был силён отдельный центр социальной помощи — без школы, поликлиники, полиции, органов опеки и общественных организаций усилия окажутся разрозненными и малоэффективными. Ребёнок, пострадавший от насилия, почти всегда находится в поле зрения нескольких специалистов одновременно: его видит педагог, к нему приходит участковый, его наблюдает педиатр. Казалось бы — вот оно, спасение. Столько глаз, столько возможностей заметить беду. Но если каждый из них действует сам по себе, информация не складывается в целостную картину. Педагог думает,

что это семейное дело. Участковый — что школа разберётся. Педиатр — что не его компетенция. И момент для вмешательства оказывается упущен.

Именно поэтому система предупреждения жестокого обращения строится как межведомственная. А её субъекты — это не просто перечень органов и учреждений. Это взаимосвязанные звенья одной цепи. И если хотя бы одно звено рвётся — страдает вся цепь. А точнее — страдает ребёнок, ради которого всё это и задумывалось.

Виктимологическая характеристика жертв жестокого обращения включает следующие основные признаки.

Возраст. Согласно данным доклада Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка, 75% потерпевших — подростки 14–18 лет, 25% — дети младше 14 лет (среди них 56 младенцев и новорождённых) [2]. Наиболее виктимным является подростковый возраст, что связано с особенностями психоэмоционального развития, стремлением к самостоятельности и конфликтами с родителями. Вместе с тем, чем меньше возраст ребёнка, тем выше его уязвимость и зависимость от взрослых, что делает детей младшего возраста особенно беззащитными перед жестоким обращением.

Гендер. Девочки чаще становятся жертвами сексуализированного насилия, мальчики — физического. В 71% случаев насилие совершали мужчины, в 28% случаев — женщины, в 1% дел — неизвестно кто именно. При этом в судебных решениях присутствует гендерная предвзятость: мужское насилие находит оправдания (алкоголь, конфликт), а женское оценивают через призму «плохого материнства».

Статистика за 2024 год подтверждает эту закономерность: из 398 несовершеннолетних, пострадавших от преступлений, сопряжённых с насильственными действиями, 242 — лица женского пола, 156 — мужского. Гендерная виктимность, таким образом, не просто статистическая категория. Это реальный фактор, определяющий характер угрозы, которой подвергается ребёнок.

Семейный статус. В большинстве случаев жертвами становятся дети из неблагополучных семей, где родители злоупотребляют алкоголем, ведут асоциальный образ жизни. Согласно данным статистики, в 2024 году из 1701 преступления, совершённого в отношении детей, 1104 были совершены членом семьи, в том числе 1075 — родителем [2]. Таким образом, семейное насилие остаётся доминирующей формой жестокого обращения с детьми.

Абсолютное большинство случаев жестокого обращения происходит в семье, где насилие совершает член семьи или кто-то хорошо знакомый ребёнку; для этих случаев характерно противоречивое отношение ребёнка к агрессору, поскольку часто это фигура привязанности. Именно это пугающее смешение ролей обусловливает особую тяжесть психологических последствий насилия. Под виктимностью понимается совокупность свойств личности, повышающих вероятность стать жертвой преступления. В отношении несовершеннолетних виктимность имеет специфику: ребёнок в силу психологической незрелости не может самостоятельно защитить свои права, ограничен в возможности обращения за помощью, находится под контролем субъекта, обязанного осуществлять воспитание.

В научной литературе выделяются различные виды виктимности несовершеннолетних: социальная виктимность, определяемая существованием в обществе преступности; общая виктимность, связанная с полом, возрастом, социальной ролью и социальным статусом ребёнка; гендерная виктимность; возрастная виктимность [1]. Кроме того, по доминирующим психологическим механизмам виктимность подразделяется на мотивационную, познавательную, эмоционально-волевую и смешанную. Применительно к жестокому обращению с детьми наиболее характерна эмоционально-волевая виктимность, обусловленная неспособностью ребёнка противостоять психологическому давлению и физическому насилию со стороны взрослых.

Формы виктимного поведения несовершеннолетних

Выделяются следующие формы виктимного поведения несовершеннолетних [6]:

Пассивно-подчиняемое — ребёнок не сопротивляется насилию, не сообщает о нём. Такое поведение характерно для детей младшего возраста, а также для детей, подвергающихся насилию длительное время и воспринимающих его как норму.

Провоцирующее — поведение ребёнка вызывает агрессию взрослого. К таким формам поведения можно отнести непослушание, грубость, нарушение установленных правил. Однако следует подчеркнуть, что виктимное поведение ребёнка ни в коей мере не оправдывает насилие и не является его причиной.

Конфликтное — ребёнок вступает в конфликт с родителями, что провоцирует насилие. Такое поведение характерно для подросткового возраста.

Виктимологическая профилактика должна включать: обучение детей навыкам безопасного поведения, формирование доверительных отношений со взрослыми, информирование о правах и способах защиты, раннее выявление детей, находящихся в социально опасном положении.

Субъекты виктимологической профилактики

Субъектами предупреждения жестокого

обращения с детьми выступают [7]:

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) — осуществляют координацию межведомственного взаимодействия, рассматривают результаты обследования семьи, выносят решение о наличии или отсутствии необходимости проведения индивидуальной профилактической работы, определяют субъект системы профилактики, ответственный за организацию такой работы, и принимают решение о постановке семьи на профилактический учёт.

Органы опеки и попечительства — обеспечивают защиту прав и законных интересов детей, осуществляют надзор за условиями воспитания детей в семьях. К их полномочиям относится право немедленно отобрать ребёнка у родителей при непосредственной угрозе жизни ребёнка или его здоровью. Данное полномочие является наиболее оперативным инструментом реагирования на случаи жестокого обращения, когда промедление может стоить ребёнку жизни или здоровья.

Образовательные организации — осуществляют раннее выявление детей, находящихся в социально опасном положении, проводят профилактические беседы, взаимодействуют с родителями. Основными задачами образовательных организаций в сфере профилактики жестокого обращения являются: повышение правовой и психолого-педагогической грамотности педагогов, родителей и детей; организация системы раннего выявления признаков жестокого обращения; обеспечение алгоритма межведомственного реагирования; оказание своевременной психологической, педагогической и социальной поддержки детям и семьям группы риска.

Медицинские организации — выявляют признаки жестокого обращения при оказании медицинской помощи, информируют органы системы профилактики.

Органы внутренних дел — осуществляют предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с жестоким обращением с детьми, проводят профилактическую работу с семьями группы риска. Подразделения по делам несовершеннолетних осуществляют постановку несовершеннолетних на профилактический учёт, в том числе тех, чьи родители жестоко обращаются с ними.

Следственный комитет РФ — расследует преступления против несовершеннолетних, в том числе связанные с жестоким обращением.

Уполномоченный по правам ребёнка — осуществляет независимый контроль за соблюдением прав детей, рассматривает обращения граждан, проводит мониторинг публикаций в СМИ и социальных сетях о нарушениях в отношении несовершеннолетних.

Институты гражданского общества — некоммерческие организации, волонтёры, общественные движения — дополняют государственную систему там, где нужны гибкость, неформальный подход, длительное сопровождение.

Уровни виктимологической профилактики

Система предупреждения жестокого обращения с детьми должна строиться на трёхуровневой основе [3].

Первичная профилактика обращена ко всем без исключения. Это самая широкая, самая массовая работа. Она не ждёт, пока что-то случится. Она говорит с обществом в целом: с родителями, учителями, врачами, соседями. Она объясняет, что насилие — это не «метод воспитания», а преступление. Такая работа кажется несерьёзной, почти незаметной. Но именно она создаёт ту среду, в которой жестокость перестаёт быть нормой. Это как прививка для всего общества — пусть не от всех болезней, но от самой опасной точно.

Вторичная профилактика — для тех, кто уже в зоне риска. Это семьи, где есть алкоголизм, наркомания, психологические проблемы, материальные трудности, конфликты. Здесь уже недостаточно общих слов. Нужна адресная работа: патронаж, консультации, помощь в трудоустройстве, лечение от зависимостей. Важно вовремя заметить опасные сигналы и вмешаться, пока ситуация не вышла из-под контроля.

Третичная профилактика — это там, где насилие уже произошло. Здесь задачи другие: защитить ребёнка, оказать ему психологическую помощь, а иногда и изъять из семьи. Работать с агрессором — если есть шанс, что он изменится. Но главное — не дать насилию повториться.

Критерии эффективности виктимологической профилактики

Эффективность виктимологической профилактики может оцениваться по следующим критериям [1]:

Снижение уровня повторной виктимизации — уменьшение числа детей, повторно пострадавших от жестокого обращения.

Своевременность выявления — сокращение времени между началом насилия и его выявлением.

Охват профилактическими мерами — доля семей группы риска, охваченных профилактической работой.

Доступность помощи — наличие и доступность специализированных служб психологической, медицинской и социальной помощи для пострадавших детей.

Удовлетворённость получателей помощи — субъективная оценка качества помощи со стороны детей и их законных представителей.

Межведомственная согласованность — отсутствие дублирования функций и разрывов в передаче информации между субъектами профи-

лактики.

Подготовка кадров — уровень квалификации специалистов, работающих с детьми и семьями.

Проблемы и предложения по совершенствованию

Анализ выявил ряд проблем в организации виктимологической профилактики:

Недостаточная координация межведомственного взаимодействия. Отсутствие единых алгоритмов выявления и реагирования на факты жестокого обращения приводит к тому, что информация о детях, находящихся в опасности, не всегда своевременно передаётся между субъектами профилактики.

Отсутствие законодательного определения «жестокое обращение». В УК РФ и других нормативных правовых актах термин «жестокое обращение» не раскрывается, что создаёт трудности для квалификации деяний и разграничения смежных составов [8].

Высокий уровень латентности. Многие случаи жестокого обращения не становятся известны правоохранительным органам, что связано с нежеланием жертв сообщать о насилии, недоверием к правоохранительной системе, страхом перед преступником.

Отсутствие специализированной подготовки кадров. Сотрудники правоохранительных органов, педагоги, психологи не всегда обладают достаточными знаниями и навыками для работы с детьми, подвергшимися жестокому обращению.

Для решения указанных проблем предлагается:

разработать и внедрить межведомственные программы раннего выявления семейного неблагополучия, предусматривающие единые алгоритмы действий для всех субъектов профилактики;

закрепить легальное определение жестокого обращения в примечании к ст. 156 УК РФ;

расширить круг субъектов преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, включив фактических воспитателей;

ввести обязательные программы психологической реабилитации для пострадавших детей и коррекционные программы для лиц, совершивших насилие;

организовать системную подготовку и повышение квалификации специалистов, работающих с детьми и семьями.

Выводы

Виктимологическая характеристика жертв жестокого обращения с детьми включает комплекс взаимосвязанных признаков — возрастных, гендерных, семейных и личностных. Эти признаки не существуют изолированно: они переплетаются, усиливая друг друга и создавая ситуации, в которых риск насилия становится особенно высоким.

Виктимологическая профилактика должна быть дифференцирована с учётом возраста, пола и форм виктимного поведения детей. Наиболее характерной для жестокого обращения является эмоционально-волевая виктимность, связанная с неспособностью ребёнка противостоять давлению и насилию.

Система субъектов виктимологической профилактики включает государственные органы, органы местного самоуправления и институты гражданского общества. Эффективность их работы возможна лишь при тесном межведомственном взаимодействии.

Критериями эффективности виктимологической профилактики являются: снижение уровня повторной виктимизации, своевременность выявления, охват профилактическими мерами, доступность помощи, удовлетворённость получателей, межведомственная согласованность, подготовка кадров.

Совершенствование виктимологической профилактики требует комплексного подхода: разработки единых алгоритмов межведомственного взаимодействия, законодательного закрепления понятия «жестокое обращение», расширения круга субъектов преступления, введения обязательных реабилитационных программ, повышения квалификации специалистов.

Список литературы:

[1] Антонян Е.А., Баумштейн А.Б. Психологическое насилие в семье как угроза безопасности // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15, № 4. С. 202–206.

[2] Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году : [Электронный ресурс] // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. 2025. URL: https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/404 (дата обращения: 02.10.2026).

[3] Западнова Ю.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: проблемы установления признаков специального субъекта преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1.

[4] Коваль Н.В. Жестокое обращение с детьми (криминологические и уголовно-правовые проблемы): дис. … канд. юрид. наук. М., 2013.

[5] Насимов Г.А. К вопросу о виктимности несовершеннолетних жертв посягательств на половую неприкосновенность // Молодой учёный. 2021. № 49 (391). С. 243–244.

[6] Оганесян Ц.А. О ювенальной виктимологии // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VIII Междунар. науч. конф.

Казань: Молодой учёный, 2019. С. 62–65.

[7] Шигашов Д.Ю., Фесенко Ю.А., Худик В.А. Семейные паттерны в детерминации виктимного поведения детей и подростков // КПО. 2018. № 4 (16).

[8] Шубкин А.А. Особенности юридической ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних: проблемы квалификации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 5.

References:

[1] Antonyan EA, Baumstein AB. Psychological domestic violence as a security threat // Problems of economics and legal practice. 2019. VOL. 15, NO. 4. PP. 202-206.

[2] Report on the activities of the Presidential Commissioner for Children's Rights in 2024: [Electronic resource] // Official website of the Presidential Commissioner for Children's Rights. 2025. URL: https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/404 (access date: 02.10.2026).

[3] Zapadnova Yu.A. Failure to fulfill the duties of raising a minor: problems of establishing signs of a special subject of crime // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1.

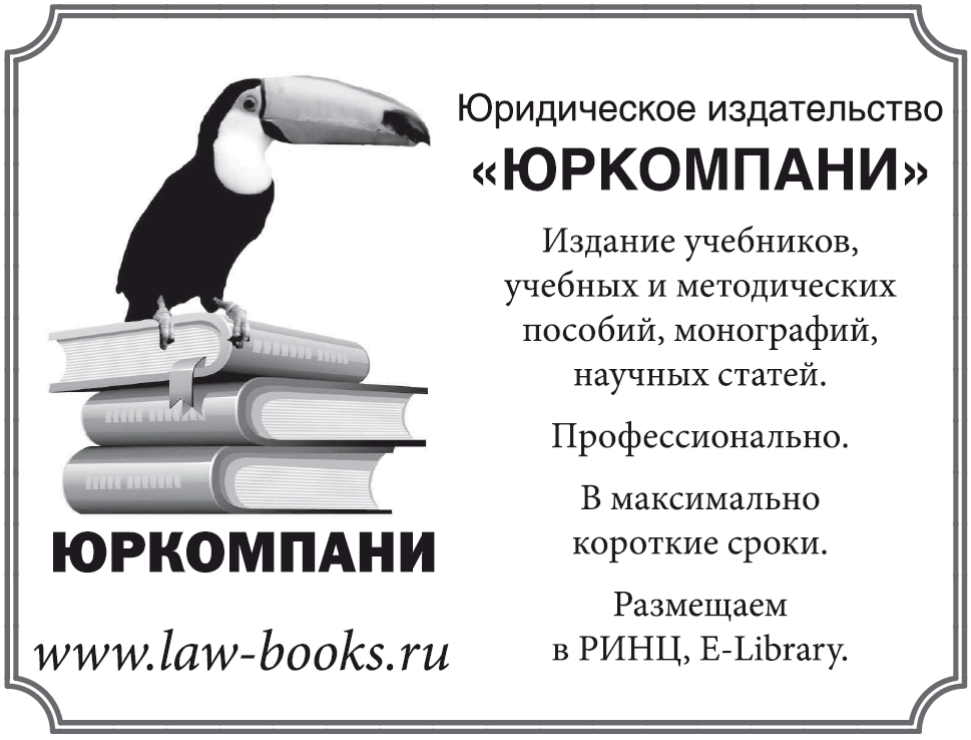
[4] Koval N.V. Child abuse (criminological and criminal law problems): dis.... cand. jurid. sciences. M., 2013.

[5] Nasimov G.A. On the issue of victimization of juvenile victims of sexual assault // Young scientist. 2021. № 49 (391). S. 243-244.

[6] Hovhannisyan C.A. On juvenile victimology // Legal sciences: problems and prospects: materials of the VIII International. scientific. conf. Kazan: Young scientist, 2019. S. 62-65.

[7] Shigashov D.Yu., Fesenko Yu.A., Khudik V.A. Family patterns in the determination of victimization behavior of children and adolescents // KPO. 2018. № 4 (16).

[8] Shubkin A.A. Features of legal responsibility of parents for failure to fulfill the duties of raising minors: problems of qualifications // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2026. № 5.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-219-226

ЕМЕЛЬЯНОВА Анна Андреевна,
студент специализированного высшего образования
Юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета,
e-mail: emelyanova.anna2004@yandex.ru

ПОДДЕЛКА И ОБОРОТ ПОДДЕЛЬНЫХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОБ ОТСУТСТВИИ ЗАБОЛЕВАНИЙ (СТ. 235.2 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ

Аннотация. *В статье я анализирую ст. 235.2 УК РФ, введенную Федеральным законом от 10 июня 2026 г. № 164-ФЗ и устанавливающую ответственность за подделку и оборот поддельных официальных документов об отсутствии заболеваний, представляющих опасность для окружающих. На основе пояснительной записки к законопроекту, законодательства о медицинском освидетельствовании иностранных граждан, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и судебной практики по ст. 327 УК РФ я выявляю проблемы квалификации. Я показываю, что связь нормы с перечнями заболеваний установлена лишь законопроектными материалами, а разграничение частей 1 и 2 не согласуется с медицинским содержанием понятий. Я обосновываю телеологическое ограничение предмета по ч. 1, определяю значение электронного медицинского заключения и очерчиваю круг документов, не охватываемых нормой. Предлагаю критерий отграничения преступления от административного правонарушения по ст. 18.21 КоАП РФ – создание завершенного официального документа, заведомо ложно удостоверяющего проведение конститутивной медицинской процедуры и ее результат. Кроме того, я выявляю противоречия в обосновании субъективной стороны особо квалифицированного состава и рассматриваю соотношение со ст. 292 и 322.1 УК РФ.*

Ключевые слова: *подделка документов, официальный документ, медицинское заключение, заболевания, представляющие опасность для окружающих, ст. 235.2 УК РФ, ст. 327 УК РФ, ст. 18.21 КоАП РФ, медицинское освидетельствование.*

EMELYANOVA Anna A.,
student of specialized higher education, Law Institute, National
Research Tomsk State University

FORGERY AND CIRCULATION OF FORGED OFFICIAL DOCUMENTS CERTIFYING THE ABSENCE OF DISEASES (ARTICLE 235.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF QUALIFICATION AND DELIMITATION FROM RELATED OFFENCES

Annotation. *In this article I analyse Article 235.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced by Federal Law No. 164-FZ of 10 June 2026, which establishes liability for forgery and circulation of forged official documents certifying the absence of diseases dangerous to others. Based on the explanatory note to the draft law, legislation on medical examination of foreign citizens, explanations of the Plenum of the Supreme Court and case law under Article 327 of the Criminal Code, I identify problems of qualification. I show that the link between the provision and the lists of diseases is established only by legislative materials, and the distinction between Parts 1 and 2 is inconsistent with the medical meaning of the concepts. I substantiate a teleological narrowing of the subject of the crime under Part 1, determine the significance of the electronic medical conclusion and outline the documents not covered by the provision. I propose a criterion for distinguishing the crime from the administrative offence under Article 18.21 of the Code of Administrative Offences: the creation of a completed official document knowingly falsely certifying the performance and result of a constitutive medical procedure. I also reveal contradictions in the justification of the mental element of the especially aggravated offence and consider the relationship with Articles 292 and 322.1 of the Criminal Code.*

Key words: *forgery of documents, official document, medical conclusion, diseases dangerous to others, Article 235.2 of the Criminal Code, Article 327 of the Criminal Code, Article 18.21 of the Code of Administrative Offences, medical examination.*

Введение

Федеральным законом от 10 июня 2026 г. № 164-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 235.2, устанавливающей ответственность за подделку и оборот поддельных официальных документов об отсутствии заболеваний, представляющих опасность для окружающих [1]. Норма вступила в силу 21 июня 2026 г. и принята одновременно с законами № 162-ФЗ об освидетельствовании иностранных граждан [2] и № 163-ФЗ, дополнившим КоАП РФ статьями 18.11.1 и 18.21 [3]. До появления специальной нормы такие деяния квалифицировались по ст. 327 УК РФ [4].

Актуальность темы я вижу в том, что новелла существенно усилила ответственность (максимальный срок лишения свободы за основной состав возрос с двух до четырех лет, а по статье в целом – с шести до восьми лет) и переместила деяния из главы 32 в главу 25 УК РФ, но содержание ряда ее признаков законом не раскрыто. Доктрина по ст. 235.2 УК РФ еще не сложилась: мне известны лишь первые практические комментарии [5], опубликованной судебной практики я не выявила. Теоретической основой моего анализа послужили работы, посвященные понятию официального документа и квалификации преступлений, предусмотренных ст. 327 УК РФ [6; 7; 8], а также исследования «документных» составов главы 25 УК РФ [9; 10].

В настоящей статье я ставлю цель выявить проблемы квалификации деяний, предусмотренных ст. 235.2 УК РФ, прежде всего связанные с предметом преступления и границами объективной стороны. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: оценить обоснование криминализации; определить содержание предмета; установить критерий отграничения от административного правонарушения по ст. 18.21 КоАП РФ; проанализировать субъективную сторону, квалифицирующие признаки и санкции. В работе я использовала формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, анализ законопроектных материалов и судебной практики.

Обоснование криминализации и объект преступления

Авторы законопроекта № 1120757-8 обосновывали новеллу прежде всего мягкостью практики по ст. 327 УК РФ: по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019 г. – I полугодие 2025 г., реальное лишение свободы назначалось лишь в 1 % случаев, условное осуждение – в 2,8 %, ограничение свободы – в 28,6 %, штраф – в 62,4 %, а значительная часть лиц освобождалась от уголовной ответственности [4]. Вторым аргументом служила «особая социально-правовая природа» медицинских документов, предъявление которых требуется «в исключительных случаях» для допуска к видам деятельности, напрямую влияющим на безопасность неограниченного круга лиц, в том числе в сфере миграционного контроля [4].

Первый аргумент я считаю уязвимым. Статистика назначенных наказаний характеризует судейское усмотрение в пределах санкции, и сама по себе не доказывает недостаточности запрета: ст. 327 УК РФ позволяла назначать лишение свободы, но суды избирали более мягкие меры. Более убедительным мне представляется второй аргумент. Документ об отсутствии опасного заболевания является элементом механизма санитарно-эпидемиологического контроля, и его подделка создает угрозу не столько порядку управления, сколько здоровью неопределенного круга лиц. Подобная логика уже лежит в основе ст. 233 УК РФ, которая является специальной по отношению к ст. 327 УК РФ [9, с. 11]; на нее же опираются предложения распространить ст. 233 УК РФ на рецепты на сильнодействующие вещества [10, с. 51–53].

Законодатель отнес здоровье населения к основному непосредственному объекту, а порядок управления – к дополнительному [4]. Следовательно, ст. 235.2 соотносится со ст. 327 УК РФ как специальная норма с общей по признаку предмета, и при их конкуренции применяется специальная норма (ч. 3 ст. 17 УК РФ).

Предмет преступления

Предметом преступления является официальный документ об отсутствии заболевания (ч. 1 ст. 235.2 УК РФ) либо инфекционного заболевания (ч. 2), представляющего опасность для окружающих. Понятие официального документа в уголовном законе не раскрыто. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 официальными признаются документы, в том числе электронные, которые создаются, выдаются либо заверяются в установленном нормативным актом порядке государственными органами либо уполномоченными организациями или лицами, включая медицинские организации, и удостоверяют юридически значимые факты [11]. В доктрине в качестве признаков официального документа выделяются его форма, источник происхождения, юридическое значение и обязательные реквизиты [6, с. 66–67], а также включенность в систему регистрации и учета [8].

Первая проблема связана с бланкетностью нормы. По замыслу разработчиков, перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих (ч. 1), определяется постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715, а перечень инфекционных заболеваний (ч. 2) – приказом Минздрава России от 19 ноября 2021 г. № 1079н [4]. Однако текст ст. 235.2

УК РФ ни на один из этих актов не отсылает, и связь нормы с ними устанавливается лишь через пояснительную записку. Перечень, утвержденный постановлением № 715, включает 16 позиций: ВИЧ-инфекцию, вирусные лихорадки, гельминтозы, гепатиты В и С, дифтерию, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, лепру, малярию, педикулез и акариаз, сап и мелиоидоз, сибирскую язву, туберкулез, холеру, чуму и коронавирусную инфекцию [12]. Перечень, утвержденный приказом № 1079н, содержит лишь четыре позиции: туберкулез, лепру, сифилис и ВИЧ-инфекцию; приказ издан для целей медицинского освидетельствования иностранных граждан и действует до 1 марта 2028 г. [13].

Отсюда, по моему мнению, вытекает ряд затруднений. Во-первых, разграничение ч. 1 и ч. 2 по признаку «инфекционности» не согласуется с медицинским содержанием понятий. Холера, чума или дифтерия, бесспорно, являются инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, однако в перечень приказа № 1079н не входят. При буквальном толковании ч. 2 подделка справки об отсутствии холеры должна квалифицироваться по ч. 2, при толковании через пояснительную записку – по ч. 1. Во-вторых, привязка квалифицированного состава к ведомственному акту, изданному для иной цели и с ограниченным сроком действия, означает, что количество деяний, подпадающих под состав по ч. 2 может измениться без изменения уголовного закона – в результате замены приказа Минздрава России.

Вторая проблема – это чрезмерная широта предмета ч. 1. Буквально истолкованная, она охватывает официальный документ об отсутствии любого из заболеваний перечня № 715, в том числе справки об отсутствии педикулеза или гельминтозов, требуемые для посещения бассейна, оздоровительного лагеря или детского сада. За подделку такой справки в целях использования ч. 1 ст. 235.2 УК РФ предусматривает до четырех лет лишения свободы со штрафом от 500 тыс. до 1 млн руб., тогда как ранее содеянное охватывалось ч. 1 ст. 327 УК РФ и относилось к преступлениям небольшой тяжести. Между тем сами разработчики обосновывали повышенную опасность деяний тем, что соответствующие документы предъявляются в исключительных случаях для допуска к деятельности, влияющей на безопасность неограниченного круга лиц [4]. Я полагаю, что при толковании ч. 1 ст. 235.2 УК РФ следует исходить из этой цели и относить к предмету лишь документы, обязательность представления которых установлена нормативным правовым актом в целях предупреждения распространения заболевания. Справки, истребуемые организациями по собственной инициативе, при таком подходе предметом преступления, предусмотренного ст. 235.2 УК РФ, не являются; ответственность за действия с ними при наличии признаков официального документа наступает по ст. 327 УК РФ, а нередко подлежит оценке с позиции ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Третья проблема обусловлена переходом к электронной форме документа. С 1 сентября 2026 г. медицинское заключение по результатам освидетельствования иностранного гражданина формируется как электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью медицинского работника и медицинской организации, размещается в федеральном реестре в единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) и передается в органы внутренних дел и санитарно-эпидемиологического надзора; иностранцу по его просьбе выдается лишь бумажная выписка, подтверждающая содержание заключения (п. 4 ст. 4.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации») [2]. То, что электронный документ может быть предметом преступления, сомнений не вызывает: это следует из п. 1 постановления Пленума № 43 и подчеркнуто в пояснительной записке [11; 4]. Неочевиден статус бумажной выписки. Она сама по себе не порождает правовых последствий, поскольку миграционный орган получает сведения непосредственно из реестра. Полагаю, что изготовление поддельной выписки образует состав ст. 235.2 УК РФ лишь тогда, когда нормативный акт придает ей значение подтверждения отсутствия заболевания для допуска лица к определенной деятельности; в остальных случаях ее подделка не создает той угрозы, ради предотвращения которой введена норма, и подлежит оценке по ст. 327 УК РФ.

Наконец, необходимо определить, какие документы предметом преступления не являются. Закон № 162-ФЗ предусматривает два самостоятельных заключения: о наличии (отсутствии) факта употребления наркотических средств или психотропных веществ и о наличии (отсутствии) инфекционных заболеваний [2]. Первое удостоверяет не отсутствие заболевания, а иной юридически значимый факт, поэтому, как справедливо отмечает Р. Швецов, его подделка ст. 235.2 УК РФ не охватывается и квалифицируется по ст. 327 УК РФ [5]. За пределами предмета находятся и документы, удостоверяющие наличие заболевания или нетрудоспособность (листки нетрудоспособности, справки о болезни), подделка которых по-прежнему влечет ответственность по ст. 327 УК РФ [14]. Наиболее спорен статус личной медицинской книжки. Пояснительная записка прямо ссылается на случаи использования поддельных медицинских книжек работниками образователь-

ных, медицинских и детских учреждений [4], однако медицинская книжка многофункциональна: в ней фиксируются результаты осмотров и исследований, сведения о гигиенической подготовке и прививках. На мой взгляд, предметом преступления может признаваться не книжка в целом, а внесенная в нее заведомо ложная запись о результатах осмотра или исследования, удостоверяющая отсутствие заболевания; подделка иных записей (например, об аттестации по гигиенической подготовке) квалифицируется по ст. 327 УК РФ.

Объективная сторона преступления и ее отграничение от административного правонарушения

Объективная сторона выражается в альтернативных действиях: подделке документа в целях использования или сбыта, его сбыте, приобретении, хранении, перевозке в тех же целях, а также в использовании заведомо поддельного документа. Конструкция воспроизводит части 1 и 3 ст. 327 УК РФ, поэтому применимы выработанные Пленумом Верховного Суда РФ правила: использование окончено с момента представления документа независимо от достижения цели; при длительном использовании сроки давности исчисляются с момента его прекращения; лицо, подделавшее и затем использовавшее документ, отвечает только за подделку [11]. В доктрине обоснованно отмечается, что использование документа может носить длящийся характер и охватывать пользование полученными на его основе правами [7, с. 69–70].

Ключевое значение для квалификации имеет понятие подделки. Согласно п. 8 постановления Пленума № 43 подделкой признается как незаконное изменение подлинного документа, искажающее его действительное содержание, так и изготовление нового документа, содержащего заведомо ложные сведения, в том числе с использованием подлинных бланка, печати, штампа [11]. Тем самым охватываются и материальный подлог (изготовление документа от имени организации, которая его не выдавала), и интеллектуальный (удостоверение ложного факта в документе, подлинном по форме). Для медицинских документов особенно характерен второй: заключение оформляется уполномоченной организацией, но без проведения необходимых исследований.

Именно здесь пояснительная записка формулирует наиболее спорный тезис: значение для ответственности по ст. 235.2 УК РФ «имеет не фактическое состояние здоровья владельца документа, а несоблюдение надлежащих медицинских процедур при его выдаче», поскольку документ удостоверяет факт их проведения, и заведомое неисполнение процедур делает его поддельным «по своей сути» [4]. Первую часть тезиса я поддерживаю: документ остается поддельным и тогда, когда обследуемое лицо в действительности здорово, поскольку удостоверяется не состояние здоровья как таковое, а результат установленной процедуры. Однако вторая часть, понятая буквально, превращает в преступление любое несоблюдение порядка освидетельствования, завершившегося выдачей заключения. Это противоречит ст. 18.21 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за нарушение порядка проведения медицинского освидетельствования иностранных граждан, «если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния» [3]. Оговорка подтверждает субсидиарный характер административной нормы, но не содержит критерия, по которому нарушение порядка «перерастает» в подделку.

Разграничение невозможно провести по количественному признаку – числу непроведенных исследований или освидетельствованных лиц: примечание к ст. 18.21 КоАП РФ прямо предусматривает ответственность за нарушение в отношении каждого иностранного гражданина в отдельности, т. е. «массовость» сама по себе не делает деяние преступным [3]. Р. Швецов предлагает критерий «документарной трансформации»: правонарушение имеет место, пока дефект процедуры не преобразован сознательно в заведомо ложное официальное удостоверение юридически значимого факта, а преступление начинается там, где лицо, осознавая отсутствие обязательного исследования, формирует, сбывает или использует законченный документ, удостоверяющий обратное [5]. Соглашаясь с этим подходом в целом, я считаю необходимым конкретизировать его с помощью двух признаков.

Первый признак – содержание ложных сведений. Уголовно-правовое значение имеет искажение сведений лишь о конститутивных процедурах, т. е. о тех исследованиях, на которых основан вывод об отсутствии заболевания (например, лабораторное исследование на ВИЧ-инфекцию или сифилис, исследование на туберкулез). Нарушение организационных и технических требований – сроков передачи сведений в реестр, последовательности оформления, правил внутреннего учета – не затрагивает достоверности удостоверяемого факта и потому не делает документ поддельным, даже если допущено умышленно. Второй признак – завершенность документа. Подделка предполагает наличие итогового документа, содержащего вывод об отсутствии заболевания и способного повлечь юридические последствия; отдельные записи врачей-специалистов и незавершенные результаты исследований не могут быть предметом преступления. Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 235.2 УК РФ, отличается от правонарушения, предусмотренного ст. 18.21 КоАП РФ, не масштабом нарушения, а

его результатом – появлением завершенного официального документа, заведомо ложно удостоверяющего проведение конститутивной процедуры и ее результат.

Предлагаемый мною подход согласуется со сложившейся практикой применения ст. 327 УК РФ к медицинским документам. Так, суд признал медицинскую справку подложной, поскольку сведения о прохождении лечения не соответствовали действительности, указав, что экспертиза бланка, печати и подписи в таком случае не требуется, и отклонил довод защиты о том, что справка не является официальным документом по смыслу Федерального закона «Об обязательном экземпляре документов», сославшись на недопустимость аналогии [15].

Субъективная сторона и квалифицирующие признаки

Преступления, предусмотренные частями 1–3 ст. 235.2 УК РФ, совершаются с прямым умыслом. Применительно к приобретению, хранению, перевозке и использованию закон прямо требует заведомости, а Пленум Верховного Суда РФ указывает на необходимость устанавливать, что поддельность документа охватывалась умыслом лица [11].

По мнению разработчиков, виновный «легкомысленно или небрежно относится к последствиям», а сбыт и использование документа свидетельствуют об «осознанном допущении» заражения неопределенного круга лиц [4]. Эти формулировки внутренне противоречивы: сознательное допущение последствий характерно для косвенного умысла (ч. 3 ст. 25 УК РФ), тогда как легкомыслие и небрежность являются видами неосторожности (ст. 26 УК РФ). Однако в п. «б» и «в» ч. 4 ст. 235.2 УК РФ закон прямо указывает на неосторожность по отношению к массовому заражению и иным тяжким последствиям; это преступление с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ), которое в целом признается совершенным умышленно [16]. Следовательно, если будет установлено, что лицо сознательно допускало заражение, содеянное не может квалифицироваться только по ч. 4 ст. 235.2 УК РФ и требует оценки по статьям о преступлениях против жизни и здоровья (в том числе по ст. 122 УК РФ).

Из квалифицирующих признаков ч. 3 наибольшие вопросы вызывают два. Использование служебного положения (п. «б») охватывает действия медицинского работника, оформляющего заведомо ложное заключение. Если такой работник является должностным лицом, дополнительная квалификация по ст. 292 УК РФ, по моему мнению, не требуется, поскольку ст. 235.2 УК РФ устанавливает более строгую ответственность за тот же подлог в отношении специального предмета. Цель совершения преступления на территории Российской Федерации либо сокрытия другого преступления или облегчения его совершения (п. «г») ставит вопрос о соотношении со ст. 322.1 УК РФ. Организация незаконной миграции – это умышленное создание условий для незаконного въезда, пребывания или транзита иностранных граждан [17]. Сам факт продажи поддельного медицинского заключения иностранному гражданину этого состава не образует: необходимо установить, что виновный знал о конкретном препятствии для законного получения миграционного статуса и стремился его преодолеть [5]. При доказанности признаков обоих составов действия лица, подделавшего заключение и использовавшего его для организации незаконной миграции, квалифицируются по совокупности преступлений, что соответствует п. 13 постановления Пленума № 43 [11].

Санкции и отдельные вопросы применения нормы

Преступления, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 235.2 УК РФ, относятся к категории средней тяжести, частями 3 и 4 – к тяжким. Поэтому освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), широко применявшееся по делам о поддельных медицинских документах [14], остается возможным по частям 1 и 2 и исключено по частям 3 и 4.

Санкции всех частей ст. 235.2 УК РФ допускают дополнительный штраф от 500 тыс. руб. (ч. 1) до 3 млн руб. (ч. 4) [1]; для сравнения, нижний предел штрафа по ч. 1 ст. 235.2 равен верхнему пределу штрафа по ч. 4 ст. 327 УК РФ. В сочетании с широким предметом это порождает риск несоразмерности ответственности лиц, использующих поддельные справки в бытовых целях. В таких случаях должна учитываться ч. 2 ст. 14 УК РФ, применимость которой к «документным» преступлениям признана Пленумом Верховного Суда РФ (п. 18 постановления № 43) [11].

Заключение

Введение ст. 235.2 в УК РФ отражает тенденцию к выделению из ст. 327 УК РФ специальных «документных» составов по признаку блага, которому угрожает подделка, а не по способу посягательства. Такой подход оправдан, когда документ служит частью механизма охраны здоровья населения. Однако специальная норма с более строгой санкцией сохраняет обоснованность лишь при условии, что ее предмет и границы с общей нормой и административным деликтом определены четко.

В рассматриваемом случае эти границы заданы не столько текстом уголовного закона, сколько пояснительной запиской, подзаконными актами и одновременно меняющимся законодательством о медицинском освидетельствовании. Поэтому, на мой взгляд, решающую роль в приме-

нении нормы будет играть ее толкование исходя из цели: уголовная ответственность по ст. 235.2 УК РФ оправданна там, где поддельный документ действительно выводит лицо из-под проверки на опасное заболевание, а не там, где нарушены лишь форма документа или порядок процедуры. Последовательное проведение этого подхода в судебной практике позволит избежать как необоснованного расширения уголовной ответственности, так и ее подмены административной, а выявленные проблемы могут служить ориентиром для оценки иных специальных составов, конструируемых по той же модели.

Список литературы:

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 10.06.2026 № 164-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606100006 (дата обращения: 09.10.2026).

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и статью 34 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» : федер. закон от 10.06.2026 № 162-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 10.06.2026 № 163-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1120757-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1120757-8 (дата обращения: 09.10.2026).

[5] Швецов Р. Между дефектом процедуры, поддельным документом и незаконной миграцией: первые ориентиры применения ст. 18.21 КоАП и ст. 235.2, 322.1 УК // Адвокатская газета. 2026. 20 авг. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/mezhdu-defektom-protsedury-poddelnym-dokumentom-i-nezakonnoy-migratsiey/ (дата обращения: 09.10.2026).

[6] Баландин В. И. О понимании официального документа по статьям 292 и 327 УК РФ для целей квалификации преступлений // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 2. С. 63–69. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-63-69..

[7] Вишнякова Н. В. Использование заведомо поддельных паспорта, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей: проблемы применения ч. 3 ст. 327 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 65–72. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-3-65-72..

[8] Стяжкина С. А. Незаконный оборот официальных документов: уголовно-правовой аспект // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29, вып. 6. С. 892–898. DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-6-892-898..

[9] Витовская Е. С. Актуальные вопросы уголовно-правовой характеристики незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 10–14. DOI: 10.17223/23088451/20/2.

[10] Ермаков М. Г. Уголовная ответственность за незаконную выдачу или подделку документов на получение сильнодействующих или ядовитых веществ // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3 (32). С. 51–53. DOI: 10.19073/2306-1340-2016-3-51-53..

[11] О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/1f0/1f00b1db6a9edc9a17491e7a2c96fc6e.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

[12] Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 (ред. от 31.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований… : приказ Минздрава России от 19.11.2021 № 1079н // ГАРАНТ.РУ. URL: https://base.garant.ru/403137303/ (дата обращения: 09.10.2026).

[14] Постановление Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 11.11.2019 по делу № 1-444/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/l6Xs9NmQaZ1s/ (дата обращения: 09.10.2026).

[15] Апелляционное постановление Притобольного районного суда Курганской области от 11.07.2018 по делу № 10-2/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/I3jF8oGujA6Q/ (дата обращения: 09.10.2026).

[16] Полякова О. В. Признаки составов преступлений с двумя формами вины // Гумани-

тарные исследования. 2012. № 3 (43). С. 214–217.

[17] О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 (в ред. от 23.12.2025) // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/ffa/6pgysqq9e4ryhv47wxcdpf88ixg34mva.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

References:

[1] On amending the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: feder. Law No. 10.06.2026 of 164-FZ // Official publication of legal acts. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606100006 (access date: 09.10.2026).

[2] On amendments to the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" and Article 34 of the Federal Law "On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population": feder. Law No. 10.06.2026 of 162-FZ // SPS ConsultantPlus.

[3] On amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: feder. Law No. 10.06.2026 of 163-FZ // SPS ConsultantPlus.

[4] Explanatory note to the draft federal law No. 1120757-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Legislative Support System. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1120757-8 (access date: 09.10.2026).

[5] Shvetsov R. Between a defect in the procedure, a forged document and illegal migration: the first guidelines for the application of Art. 18.21 Administrative Code and Art. 235.2, 322.1 of the Criminal Code // Lawyer newspaper. 2026. 20 авг. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/mezhdu-defektom-protsedury-poddelnym-dokumentom-i-nezakonnoy-migratsiey/ (дата обращения: 09.10.2026).

[6] Balandin V.I. On the understanding of the official document under Articles 292 and 327 of the Criminal Code of the Russian Federation for the purpose of qualifying crimes // Legal Bulletin of Samara University. 2020. T. 6, NO. 2. S. 63-69. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-63-69..

[7] Vishnyakova N.V. Use of knowingly forged passport, certificate or other official document granting rights or exempting from duties: problems of application of Part 3 of Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3 (91). S. 65-72. DOI: 10.35750/2071-8284-2021-3-65-72..

[8] Styazhkina S. A. Illegal circulation of official documents: criminal-legal aspect // Bulletin of Udmurt University. "Economics and Law" series. 2019. Vol. 29, no. 6. S. 892-898. DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-6-892-898..

[9] Vitovskaya E. S. Topical issues of the criminal law characterization of the illegal issuance or falsification of prescriptions or other documents giving the right to receive narcotic drugs or psychotropic substances // Criminal justice. 2022. № 20. S. 10-14. DOI: 10.17223/23088451/20/2.

[10] Ermakov M.G. Criminal liability for illegal issuance or forgery of documents for obtaining potent or poisonous substances // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2016. № 3 (32). S. 51-53. DOI: 10.19073/2306-1340-2016-3-51-53..

[11] On some issues of judicial practice in cases of crimes provided for by Articles 324-327.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.12.2020 No. 43 // Supreme Court of the Russian Federation: office. site. URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/1f0/1f00b1db6a9edc9a17491e7a2c96fc6e.pdf (access date: 09.10.2026).

[12] On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others: Decree of the Government of the Russian Federation of 01.12.2004 No. 715 (as amended by 31.01.2020) // SPS ConsultantPlus.

[13] On approval of the Procedure for medical examination, including chemical and toxicological studies...: Order of the Ministry of Health of Russia of 19.11.2021 No. 1079n // ГАРАНТ.РУ. URL: https://base.garant.ru/403137303/ (date of reference: 09.10.2026).

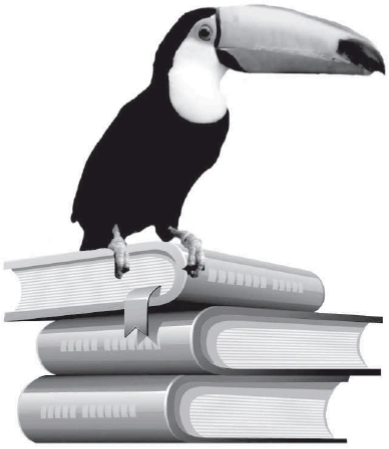
[14] Resolution of the Ustinovsky District Court of Izhevsk of the Udmurt Republic dated 11.11.2019 in case No. 1-444/2019 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/I6Xs9NmQaZ1s/ (access date: 09.10.2026).

[15] Appeal decision of the Pritobolny District Court of the Kurgan Region dated 11.07.2018 in case No. 10-2/2018 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/I3jF8oGujA6Q/ (access date: 09.10.2026).

[16] Polyakova O. V. Signs of corpus delicti with two forms of guilt // Humanitarian studies. 2012. № 3 (43). S. 214-217.

[17] On judicial practice in cases of illegal crossing of the State border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.07.2020 No. 18 (as amended by 23.12.2025) // Supreme Court

of the Russian Federation: official. site. URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/ffa/6pgysqq9e4ryhv47wxcdpf88ixg34mva.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»
Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.
Профессионально.
В максимально короткие сроки.
Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-227-235

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Александра Владимировна,
студент 1 курса направления «юриспруденция» (40.04.01)
образовательной программы «Российская уголовная юстиция»
юридического института Национального исследовательского
Томского государственного университета, г. Томск,
e-mail: cerednicenkosasha05@gmail.com

ПОНЯТИЕ «ВМЕШАТЕЛЬСТВО» В СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 294 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *Статья посвящена содержанию понятия «вмешательство» как признака объективной стороны преступлений, предусмотренных статьей 294 Уголовного кодекса Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена тем, что законодатель использует формулировку «вмешательство в какой бы то ни было форме», не раскрывая её содержания, тогда как современная судебная практика относит к вмешательству как непосредственное воздействие на судью, так и уничтожение, изъятие и сокрытие материалов дела, воспрепятствование изъятию доказательств и иные действия. Цель работы состоит в выявлении границ уголовно наказуемого вмешательства и формулировании критериев, позволяющих отделить его от правомерного процессуального поведения, дисциплинарного проступка и иных нарушений. В работе исследованы положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, правовые позиции Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, современная научная литература, а также судебные акты 2024–2026 гг. Обосновывается, что специальная цель, хотя и ограничивает сферу применения статьи 294 УК РФ, сама по себе не устраняет неопределенность объективной стороны.*

Ключевые слова: *воспрепятствование правосудию, вмешательство, статья 294 УК РФ, судебная практика, объективная сторона преступления, преступления против правосудия.*

CHEREDNICHENKO Alexandra Vladimirovna,
1st year law student (40.04.01) of the educational program "Russian Criminal Justice" of the Law Institute of the National Research Tomsk State University, Tomsk

THE CONCEPT OF “INTERFERENCE” IN THE COMPOSITION OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 294 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *The article is devoted to the content of the concept of “interference” as a characteristic of the objective side of crimes provided for in Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the fact that the legislator uses the wording “interference in any form whatsoever” without revealing its content, whereas modern judicial practice classifies as interference both direct influence on a judge and the destruction, seizure, and concealment of case materials, obstruction of the seizure of evidence, and other actions. The aim of the work is to identify the boundaries of criminally punishable interference and to formulate criteria that allow it to be distinguished from lawful procedural conduct, disciplinary misconduct, and other violations. The work examines the provisions of criminal and criminal procedural legislation, the legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, modern scientific literature, as well as judicial acts from 2024–2026. It is substantiated that the special purpose, although it limits the scope of application of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation, does not in itself eliminate the uncertainty regarding the objective side.*

Key words: *obstruction of justice, interference, Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice, objective side of the crime, crimes against justice.*

Статья 294 УК РФ относится к числу норм, в которых законодатель использует оценочную конструкцию. В частях 1 и 2 уголовная ответственность связывается с «вмешательством в какой бы то ни было форме» соответственно в деятельность суда либо прокурора, следователя и лица, производящего дознание [2]. При этом сам термин «вмешательство» в уголовном законе не определяется, а перечень возможных способов его совершения отсутствует.

Такое построение нормы позволяет охватывать разнообразные способы противодействия правосудию, однако одновременно создает риск чрезмерно широкого толкования. Практика последних лет показывает, что под вмешательством понимаются не только просьбы, требования, угрозы или давление на судью, но и действия с материалами дела, доказательствами и техническими носителями, сокрытие томов уголовного дела, воспрепятствование изъятию мобильного телефона, вскрытие закрытых материалов о засекреченном свидетеле [17; 15–21]. В результате один и тот же термин используется для описания внешне и юридически существенно различающихся форм поведения.

Вопрос особенно актуален потому, что составы частей 1 и 2 ст. 294 УК РФ, являются формальными. Для окончания преступления не требуется установления фактического срыва судебного разбирательства или расследования. Верховный Суд РФ указал, что последующее восстановление уничтоженных документов не исключает состава преступления [7]. Следовательно, чем шире понимается само вмешательство, тем дальше отодвигается граница уголовной ответственности.

Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о конституционности ч. 1 ст. 294 УК РФ, в Определении от 28 марта 2024 г. № 821-О отметил, что статья не содержит неопределенности, поскольку ответственность предусмотрена не за любые действия, а лишь за действия с прямым умыслом и специальной целью воспрепятствования правосудию [5]. Эта позиция важна, однако она, прежде всего, характеризует субъективную сторону. Практическая проблема остается на уровне объективной стороны: какие именно действия обладают необходимыми свойствами «вмешательства», если специальная цель сама по себе не превращает всякое недобросовестное или незаконное поведение в преступление против правосудия.

Степень научной разработанности темы в последние годы заметно возросла. Д.Д. Харламов на основе судебной выборки систематизировал типичные способы воспрепятствования, вопросы окончания преступления и его соотношения со смежными составами [18, с. 66]. Е.А. Мельников обратил внимание на «эластичность» ст. 294 УК РФ и проблему чрезмерно широкого охвата разнохарактерных деяний [19, с. 244], а в последующей работе проанализировал конкуренцию данной нормы с иными составами преступлений [20, с. 241]. Д.А. Лыков исследовал особенности воздействия на судью как способа воспрепятствования [21, с. 232]. Одновременно обзор ФПА РФ 2025 г. показывает значительный массив решений, в которых ст. 294 УК РФ применяется к уничтожению, повреждению, похищению и изменению материалов дела [17].

Цель настоящей статьи состоит в разработке уголовно-правовых критериев понятия «вмешательство» для целей ст. 294 УК РФ на основе действующего законодательства, доктрины и актуальной судебной практики. Для ее достижения необходимо определить нормативное содержание данного понятия; установить основные модели вмешательства, сформировавшиеся в судебной практике; выявить границы между уголовно наказуемым и иным поведением; оценить возможность совершения вмешательства путем бездействия; сформулировать авторское определение и предложения для правоприменения. Использованы формально-юридический, системный и сравнительный методы, а также качественный анализ судебных актов. Выборка судебных решений используется для выявления типовых моделей толкования, а не для статистической оценки распространенности преступления.

Нормативное содержание понятия «вмешательство»

Конституционная основа запрета вмешательства состоит в принципе независимости судей. В соответствии со ст. 120 Конституции РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону [1]. Статья 8.1 УПК РФ устанавливает, что уголовные дела должны рассматриваться в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей; вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет установленную законом ответственность [3].

Более содержательный ориентир закреплен в ст. 10 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации». Закон запрещает внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве, и определяет такое обращение как обращение, не предусмотренное законодательством, либо обращение участника разбирательства в форме, не установленной процессуальным законом [4]. Для ч. 1 ст. 294 УК РФ это позволяет сформулировать первый важный вывод: уголовно наказуемое вмешательство не

должно отождествляться с правомерным процессуальным воздействием на суд. Ходатайство, жалоба, отвод, представление доказательств или правовая позиция стороны направлены на убеждение суда, но составляют сущность состязательного судопроизводства.

Вместе с тем, понятие вмешательства в ст. 294 УК РФ шире внепроцессуального обращения. Современная практика относит к нему действия, которые вообще не адресованы судье или следователю лично: изъятие диска из гражданского дела, уничтожение листов или тома дела, вскрытие конверта со сведениями о засекреченном свидетеле, удержание предмета, который следователь намерен изъять [17–20]. Поэтому сведение вмешательства исключительно к психологическому или властному воздействию на должностное лицо уже не соответствует правоприменению.

В действующей модели ст. 294 УК РФ сформировались две самостоятельные разновидности вмешательства. Первая – персональное вмешательство, при котором воздействие направлено непосредственно на носителя процессуальных полномочий: судью, прокурора, следователя или дознавателя. Оно может выражаться в требованиях, просьбах, угрозах, использовании административной зависимости, обращении через родственников или иных посредников. Вторая – функциональное вмешательство, направленное не на волю должностного лица, а на материальные, информационные или организационные условия конкретного производства: доказательства, процессуальные документы, носители информации, охраняемые сведения и иные элементы, без которых нормальное движение дела затрудняется.

Такое разграничение позволяет объяснить единой уголовно-правовой категорией внешне различные ситуации. При персональном вмешательстве нарушается свобода формирования процессуального решения. При функциональном вмешательстве виновный создает препятствие самой возможности осуществлять процессуальную деятельность в установленном порядке. Объект охраны остается общим – независимая и нормальная деятельность правосудия или предварительного расследования.

Судебная практика: персональное и функциональное вмешательство

Наиболее близкой к традиционному пониманию вмешательства является практика непосредственного давления на судью. Показательным является апелляционное постановление Московского областного суда от 24 февраля 2025 г. № 22-1500/2025 по делу № 1-533/2024. Осужденный неоднократно звонил судье арбитражного суда и ее супругу, направлял сообщения, требовал изменить отношение к находившемуся в производстве делу и добивался принятия решения в пользу заинтересованного лица. Суд подчеркнул, что вмешательство может быть прямым и косвенным, устным, письменным или иным; значение имеет направленность воздействия на принятие определенного решения [9]. Кроме того, суд связал уголовно наказуемость поведения с положениями ст. 10 Закона о статусе судей о недопустимости внепроцессуального обращения [4; 9]. Тем самым выявляется критерий, отсутствующий непосредственно в тексте ст. 294 УК РФ: воздействие должно быть неправомерным по способу реализации. Само по себе стремление участника добиться выгодного судебного решения правомерно, пока оно осуществляется предусмотренными законом процессуальными средствами.

Другую разновидность персонального вмешательства демонстрирует апелляционное постановление Пензенского областного суда от 16 сентября 2025 г. № 22-648/2025. В деле речь шла об использовании служебного положения: исполняющий обязанности председателя вышестоящего суда через председателя районного суда добивался назначения конкретному подсудимому более мягкого наказания. Апелляция оставила квалификацию по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 294 УК РФ без изменения [10].

Сопоставление этих дел показывает, что содержание персонального вмешательства определяется не статусом виновного и не результатом воздействия, а посягательством на свободное формирование судебной воли по конкретному делу. Частное лицо воздействовало посредством телефонных сообщений и через супруга судьи, должностное лицо – посредством служебной иерархии. В обоих случаях уголовно-правовое значение вмешательства не зависело от того, подчинился ли судья предъявленным требованиям.

Наиболее значительный массив современной практики связан не с воздействием на судью или следователя, а с действиями в отношении материалов производства. Обзор Федеральной палаты адвокатов РФ от 24 июня 2025 г. объединяет многочисленные кассационные и апелляционные решения об уничтожении, повреждении, похищении и изменении материалов дела [17]. Именно эта практика показывает, что термин «вмешательство» фактически получил функциональное содержание.

Принципиальная правовая позиция была сформулирована Верховным Судом РФ в кассационном определении от 14 февраля 2023 г. № 45-УДП23-5-К7. Обвиняемый разорвал переданные ему процессуальные документы. Апелляционная и кассационная инстанции исходили, в частности, из возможности их быстрого восстановления

и эмоционального характера поведения. Верховный Суд отменил эти решения, указав, что уничтожение процессуальных документов, составляющих часть материалов уголовного дела, может образовывать объективную сторону вмешательства; мотив юридического значения для такой квалификации не имеет, а формальный состав не предполагает обязательного наступления последствий [7].

Ярославский областной суд 15 июля 2024 г. признал вмешательством изъятие DVD-R диска из материалов гражданского дела. Суд специально отметил, что решающего значения не имеет спор о доказательственном значении диска: противоправное изъятие предмета, представленного стороной как доказательство, лишает суд возможности самостоятельно оценить его относимость и допустимость [11]. В этом случае вмешательство направлено не на волю судьи, а на доказательственную основу судебной деятельности.

Похожую позицию занял Самарский областной суд в апелляционном постановлении от 4 сентября 2025 г. № 22-4843/2025. Квалификация по ст. 294 УК РФ была связана с похищением и уничтожением тома уголовного дела; суд не признал последующее восстановление материалов обстоятельством, устраняющим состав преступления [12]. Таким образом, восстановимость объекта сама по себе не исключает вмешательства.

В апелляционном постановлении Московского областного суда от 10 сентября 2025 г. № 22-7569/2025 границы функционального вмешательства были применены к действиям защитника. Адвокат во время следственного действия забрала телефон подозреваемого, который следователь намеревался изъять, удерживала его, сообщала недостоверные сведения о принадлежности устройства и отказывалась выполнить требование о передаче. Суд признал эти действия вмешательством в деятельность следователя, поскольку телефон имел значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а поведение было направлено на воспрепятствование его изъятию и исследованию [13]. Здесь предмет воздействия еще не являлся частью сформированного тома уголовного дела, однако был потенциальным доказательством.

Еще один пример содержится в приговоре Ленинского районного суда г. Владивостока от 3 марта 2026 г. № 1-129/2026 (1-630/2025). Во время ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемые вскрыли запечатанный конверт со сведениями о личности засекреченного свидетеля; одному из обвиняемых также вменялся эпизод с повреждением материалов дела. Суд исходил из того, что вмешательство в деятельность следователя окончено с момента совершения соответствующих действий, независимо от достижения конечной цели [16]. Этот пример показывает, что функциональное вмешательство может быть направлено не только на сохранность материалов, но и на установленный законом режим доступа к информации.

Следовательно, современная практика фактически сформировала широкий функциональный подход: объектом непосредственного воздействия могут выступать документы, вещественные и электронные доказательства, тома дела, конфиденциальная информация и иные элементы процессуальной среды. Такой подход соответствует задаче уголовно-правовой охраны правосудия, но нуждается в ограничительных критериях. Иначе формула «в какой бы то ни было форме» способна охватить любое нарушение порядка обращения с материалами независимо от его реальной связи с осуществлением правосудия.

Говоря о границах уголовно наказуемого вмешательства, стоит отметить, что ограничительные критерии особенно наглядно проявляются в судебных актах, в которых суд отказался признать отдельное поведение вмешательством. В апелляционном постановлении Тверского областного суда от 2 декабря 2025 г. № 22-1/2025, 22-1191/2024 была подтверждена оправдательная часть приговора по эпизоду, связанному с направлением в суд выписки из листка нетрудоспособности. Суд указал, что само направление такого документа не препятствовало рассмотрению дела по существу и не представляло собой конкретных действий, направленных на требование решить дело определенным образом [14].

Данный пример имеет существенное методологическое значение. Если исходить исключительно из субъективной цели лица или из факта возникновения процессуальной задержки, границы ст. 294 УК РФ становятся чрезмерно широкими. Суд фактически потребовал установить объективное качество поведения – его способность выступать именно вмешательством в самостоятельную процессуальную деятельность. Такой подход согласуется с принципом уголовной ответственности за деяние, а не за намерение.

В Определении от 28 марта 2024 г. № 821-О Конституционный Суд РФ отметил, что ст. 294 УК РФ не предусматривает ответственность за любые действия, поскольку обязательны прямой умысел и специальная цель [5]. С этой позицией следует согласиться, но ее необходимо дополнить: специальная цель является обязательным, однако не достаточным условием. Лицо может желать затянуть разбирательство либо добиться определенного результата, но если используемый им способ представляет законное процессуальное средство – например, мотивированное хода-

тайство, жалобу или отвод, – объективная сторона ст. 294 отсутствует.

Иное решение означало бы смешение уголовно наказуемого вмешательства с реализацией права на судебную защиту. Даже недобросовестное использование отдельного процессуального правомочия не должно автоматически квалифицироваться по ст. 294 УК РФ. Уголовная ответственность возможна тогда, когда лицо совершает действие, не охватываемое содержанием предоставленного процессуального права, и такое действие объективно посягает на независимое принятие решения либо на нормальное движение конкретного производства.

Особую проблему представляет малозначительность. Формальный состав не требует наступления последствий, однако это не означает, что объективная способность причинить вред охраняемым отношениям вообще не имеет значения. Противоположное толкование превращает ст. 294 УК РФ в норму об ответственности за любое нарушение порядка, совершенное с неблаговидной целью. Поэтому для признания вмешательства необходимо устанавливать хотя бы объективную пригодность поведения создать препятствие правосудию или расследованию. Реальный срыв процесса не обязателен, но действие должно быть способно нарушить независимость решения, сохранность доказательственной базы, установленный режим доступа к материалам либо иной существенный элемент производства.

Такой критерий не противоречит позиции Верховного Суда о формальном составе. В деле, рассмотренном Верховным Судом в 2023 г., восстановимость разорванных документов не исключала состава, потому что их уничтожение по своей природе было способно нарушить нормальный ход расследования [7]. Аналогично изъятие диска или тома дела сохраняет характер вмешательства даже при последующем восстановлении материалов [19, с. 244; 20, с. 242]. Следовательно, речь идет не о фактически наступившем вреде, а об объективной направленности и пригодности действия.

Отдельный дискуссионный вопрос связан с возможностью совершения преступления путем бездействия. В доктрине представлены противоположные позиции. Часть авторов исходит из буквального содержания слова «вмешательство» и связывает его с активным поведением; другие допускают бездействие, если лицо, обладая соответствующей обязанностью, намеренно не совершает действие и тем самым препятствует осуществлению правосудия.

В исходном исследовании по ст. 294 УК РФ показателен апелляционный приговор Санкт-Петербургского городского суда от 21 ноября 2018 г. № 22-6645/2018 по делу № 1-851/2018: первая инстанция связывала ст. 294 УК РФ с умышленным неизготовлением протокола судебного заседания, однако апелляция исходила из того, что объективная сторона данного преступления характеризуется действиями [15]. Хотя судебный акт не относится к числу новейших, спор не утратил значения, поскольку действующая редакция статьи также не содержит прямого указания на бездействие.

Представляется, что расширительное включение чистого бездействия в понятие «вмешательство» требует особой осторожности. Уголовный закон использует термин, предполагающий активное вторжение в чужую деятельность. Если специальный субъект не выполняет возложенную на него служебную или процессуальную обязанность, такое поведение может причинить серьезный вред правосудию, но вопрос о его квалификации должен решаться с учетом норм о должностных и иных специальных преступлениях, а не посредством расширительного толкования ст. 294 УК РФ.

Исключением могут быть ситуации, когда внешне пассивное поведение является частью более широкого активного способа воздействия: например, должностное лицо использует организационные полномочия для намеренного блокирования передачи материалов, хотя формально отдельный эпизод выражается в непредоставлении документа. Однако и в таком случае уголовно-правовая оценка должна опираться на установленные активные элементы использования полномочий, а не на само неисполнение обязанности.

Проведенный анализ позволяет предложить систему критериев, которые должны устанавливаться в совокупности при решении вопроса о наличии вмешательства по ст. 294 УК РФ.

Во-первых, поведение должно быть неправомерным и выходить за пределы содержания законно предоставленного процессуального права. Этот критерий особенно важен для разграничения вмешательства и состязательной процессуальной деятельности. Правомерная жалоба, ходатайство, отвод или представление доказательств не образуют вмешательства независимо от настойчивости участника и нежелательности его позиции для суда или следствия.

Во-вторых, необходимо установить связь с конкретной процессуальной деятельностью. Для ч. 1 ст. 294 УК РФ вмешательство должно затрагивать осуществление правосудия по конкретному делу или материалу, а для ч. 2 – конкретное расследование. Абстрактное недовольство работой судебной или правоохранительной системы не отвечает этому признаку.

В-третьих, действие должно быть объективно способным повлиять на независимое формирование процессуального решения либо со-

здать препятствие нормальному движению дела. Такой критерий охватывает обе выявленные модели: персональную и функциональную. При персональном вмешательстве воздействие направляется на волю должностного лица; при функциональном – на доказательства, материалы, информацию или организационные условия производства.

В-четвертых, должен существовать уголовно-правовой разрыв между вмешательством и обычным нарушением порядка. Сам факт повреждения документа, конфликта в кабинете следователя, подачи недостоверного документа или нарушения регламента еще не достаточен. Необходимо установить связь поведения с охраняемой деятельностью и его объективную пригодность препятствовать ей.

В-пятых, обязательна специальная цель, прямо предусмотренная ст. 294 УК РФ. Для ч. 1 это воспрепятствование осуществлению правосудия, для ч. 2 – воспрепятствование всестороннему, полному и объективному расследованию дела. При этом мотив может быть различным и самостоятельного квалифицирующего значения не имеет, что следует из позиции Верховного Суда РФ [7].

С учетом указанных признаков под вмешательством для целей ст. 294 УК РФ предлагается понимать умышленное неправомерное воздействие на суд, прокурора, следователя, дознавателя либо на материальные, информационные или организационные условия конкретного производства, не охватываемое содержанием законно предоставленного процессуального права и объективно способное нарушить независимое принятие процессуального решения или нормальное движение дела, совершаемое со специальной целью, предусмотренной частями 1 или 2 данной статьи.

Такое определение, на мой взгляд, лучше отражает современную судебную практику, чем традиционная формула об «оказании воздействия на судью или следователя». Оно охватывает уничтожение и изъятие материалов, вмешательство в режим охраняемой информации и воспрепятствование изъятию доказательств, но одновременно исключает автоматическую криминализацию процессуально допустимого поведения.

Представляется нецелесообразным помещать развернутое определение непосредственно в диспозицию ст. 294 УК РФ. Конституционный Суд РФ признал данную норму не противоречащей требованию определенности [5], а чрезмерная детализация способна сузить защитную функцию статьи. Более эффективным решением было бы специальное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по применению ст. 294 УК РФ. В нем целесообразно: закрепить две основные модели вмешательства – персональную и функциональную; указать, что правомерная реализация процессуальных прав вмешательством не является; сформулировать критерий объективной способности деяния создать препятствие правосудию или расследованию при отсутствии необходимости фактического наступления последствий; разъяснить подход к бездействию; привести ориентиры разграничения со ст. 285, 286, 296, 297, 298.1 и 303 УК РФ.

Необходимость таких разъяснений подтверждается современной литературой. Д.А. Лыков указывает на отсутствие достаточных ориентиров относительно того, какие способы воздействия на судью являются уголовно наказуемым вмешательством [21, с. 232]. Е.А. Мельников характеризует объективную сторону ст. 294 УК РФ как «эластичную» [19, с. 244], а Д.Д. Харламов фиксирует формирование судебных подходов преимущественно через разрешение конкретных дел [18, с. 65]. Предлагаемые критерии направлены на систематизацию именно этой практики. Таким образом, подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что понятие «вмешательство» в современной практике ст. 294 УК РФ существенно шире непосредственного давления на судью, прокурора, следователя или дознавателя. Судебные акты 2024-2026 гг. позволяют выделить персональную и функциональную модели вмешательства.

Персональная модель выражается в неправомерном воздействии на лицо, принимающее процессуальное решение, включая прямые и косвенные требования, обращения через третьих лиц и использование служебной зависимости. Функциональная модель охватывает воздействие на процессуальные условия деятельности: уничтожение и изъятие материалов дела, препятствование получению доказательств, незаконный доступ к охраняемым материалам и иные действия, объективно затрудняющие нормальное движение производства.

Установлено, что формальный характер состава не устраняет необходимости объективного ограничения понятия вмешательства. Фактическое наступление последствий не требуется, однако действие должно быть объективно способным создать препятствие охраняемой деятельности. Специальная цель, предусмотренная ст. 294 УК РФ, является необходимым, но не достаточным условием уголовной ответственности.

Статья 294 УК РФ выполняет важную функцию защиты независимости суда и нормальной деятельности органов предварительного расследования. Вместе с тем, «вмешательство в какой бы то ни было форме» неизбежно требует судебного толкования. Современная практика показывает, что данный термин охватывает суще-

ственно более широкий круг действий, чем непосредственное воздействие на должностное лицо.

Суды признают вмешательством как давление на судью, в том числе посредством третьих лиц и служебной иерархии, так и действия с процессуальными материалами, доказательствами и охраняемой информацией. При этом восстановление уничтоженного документа или отсутствие фактического изменения судебного решения не устраняют состава, поскольку преступление имеет формальную конструкцию [7; 18, с. 65; 20, с. 242]. Одновременно практика содержит важные ограничители. Не всякое действие, повлекшее задержку или осложнение производства, является вмешательством. Правомерная процессуальная деятельность должна оставаться за пределами ст. 294 УК РФ, а само деяние должно быть объективно способно нарушить независимое принятие решения либо нормальное движение конкретного дела [17; 14]. Предлагаемое понимание вмешательства через совокупность неправомерности, связи с конкретным производством, объективной способности препятствовать процессуальной деятельности и специальной цели позволяет согласовать широкий текст уголовного закона с принципом правовой определенности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[4] Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 09.04.2026) «О статусе судей в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 821-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Калачиковой Елены Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 294 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=469680&moduleId=7 (дата обращения: 03.10.2026).

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2024 № 2950-О [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29102024-n-2950-o/ (дата обращения: 03.10.2026).

[7] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.02.2023 № 45-УДП23-5-К7 [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2212102 (дата обращения: 03.10.2026).

[8] Методические рекомендации Федеральной службы судебных приставов по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 294 Уголовного кодекса Российской Федерации (воспрепятствование осуществлению правосудия) от 05.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70055070/ (дата обращения: 03.10.2026).

[9] Апелляционное постановление Московского областного суда от 24.02.2025 № 22-1500/2025 по делу № 1-533/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pGC0OVAqLFHj/ (дата обращения: 03.10.2026).

[10] Апелляционное постановление Пензенского областного суда от 16.09.2025 № 22-648/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zA94CzgLecrG/ (дата обращения: 03.10.2026).

[11] Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 15.07.2024 № 22-1461/2024 по делу № 1-53/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1IOzLfmXPPbX/ (дата обращения: 03.10.2026).

[12] Апелляционное постановление Самарского областного суда от 04.09.2025 № 22-4843/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/aoml3B9LgILP/ (дата обращения: 03.10.2026).

[13] Апелляционное постановление Московского областного суда от 10.09.2025 № 22-7569/2025 по делу № 1-51/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HGDXCaRLwuoK/ (дата обращения: 03.10.2026).

[14] Апелляционное постановление Тверского областного суда от 02.12.2025 № 22-1/2025, 22-1191/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/TMXXWQIDk6b8/ (дата обращения: 03.10.2026).

[15] Апелляционный приговор Санкт-Петербургского городского суда от 21.11.2018 № 22-6645/2018 по делу № 1-851/2018.

[16] Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 03.03.2026 № 1-129/2026 (1-630/2025) [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nF0u0dcaz9rn/ (дата обращения: 03.10.2026).

[17] Лямин А. Обзор судебной прак-

тики по ст. 294 УК РФ (воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования) // Федеральная палата адвокатов РФ. 24.06.2025 [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-po-st-294-uk-rf-vosprepyatstvovanie-osushchestvleniyu-pravosudiya-i-proizvod/ (дата обращения: 03.10.2026).

[18] Харламов Д. Д. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: подходы, выработанные в судебной практике // Уголовное право. 2025. № 8. С. 63–73. DOI: 10.52390/20715870_2025_8_63..

[19] Мельников Е. А. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (статья 294 Уголовного кодекса Российской Федерации): проблемные вопросы объекта и объективной стороны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4. С. 243–252. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/4/243-252..

[20] Мельников Е. А. Актуальные вопросы соотношения воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294 УК РФ) с иными составами преступлений // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Т. 20. № 2. С. 240–249. DOI: 10.18255/1996-5648-2026-2-240-249..

[21] Лыков Д. А. Некоторые особенности воздействия на судью как способа воспрепятствования осуществлению правосудию // Евразийский юридический журнал. 2025. № 8 (207). С. 332–333.

[22] Коробейников А. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 163 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[2] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. 04.08.2026). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended 26.07.2026). [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[4] Law of the Russian Federation No. 3132-1 dated 26.06.1992 (as amended 09.04.2026) "On the Status of Judges in the Russian Federation." [Electronic resource] // ConsultantPlus: Ref. legal system. Version Prof.

[5] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.03.2024 No. 821-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kalachikova Elena Yuryevna about violation of her constitutional rights by part one of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=469680&moduleId=7 (дата обращения: 03.10.2026).

[6] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.10.2024 No. 2950-O [Electronic resource]. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29102024-n-2950-o/ (дата обращения: 03.10.2026).

[7] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.02.2023 No. 45-UDP23-5-K7 [Electronic Resource]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2212102 (access date: 03.10.2026).

[8] Methodological recommendations of the Federal Bailiff Service on the identification and investigation of crimes under Part 1 of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation (obstruction of justice) from 05.04.2012 [Electronic resource]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70055070/ (access date: 03.10.2026).

[9] Appeal ruling of the Moscow Regional Court of 24.02.2025 No. 22-1500/2025 in case No. 1-533/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pGC0OVAqLFHj/ (access date: 03.10.2026).

[10] Appeal ruling of the Penza Regional Court of 16.09.2025 No. 22-648/2025 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zA94CzgLecrG/ (access date: 03.10.2026).

[11] Appeal ruling of the Yaroslavl Regional Court of 15.07.2024 No. 22-1461/2024 in case No. 1-53/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1IOzLfmXPPbX/ (access date: 03.10.2026).

[12] Appeal ruling of the Samara Regional Court of 04.09.2025 No. 22-4843/2025 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/aoml3B9LgILP/ (access date: 03.10.2026).

[13] Appeal ruling of the Moscow Regional Court of 10.09.2025 No. 22-7569/2025 in case No. 1-51/2025 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HGDXCaRLwuoK/ (access date: 03.10.2026).

[14] Appeal ruling of the Tver Regional Court of 02.12.2025 No. 22-1/2025, 22-1191/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/

doc/TMXXWQIDk6b8/ (access date: 03.10.2026).

[15] Appeal verdict of the St. Petersburg City Court of 21.11.2018 No. 22-6645/2018 in case No. 1-851/2018.

[16] Sentence of the Leninsky District Court of Vladivostok dated 03.03.2026 No. 1-129/2026 (1-630/2025) [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/nF0u0dcaz9rn/ (access date: 03.10.2026).

[17] Lyamin A. Review of judicial practice under Art. 294 of the Criminal Code (obstruction of justice and preliminary investigation) // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 24.06.2025 [Electronic Resource]. URL: https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-po-st-294-uk-rf-vosprepyatst vovanie-osushchestvleniyu-pravosudiya-i-proizvod/ (дата обращения: 03.10.2026).

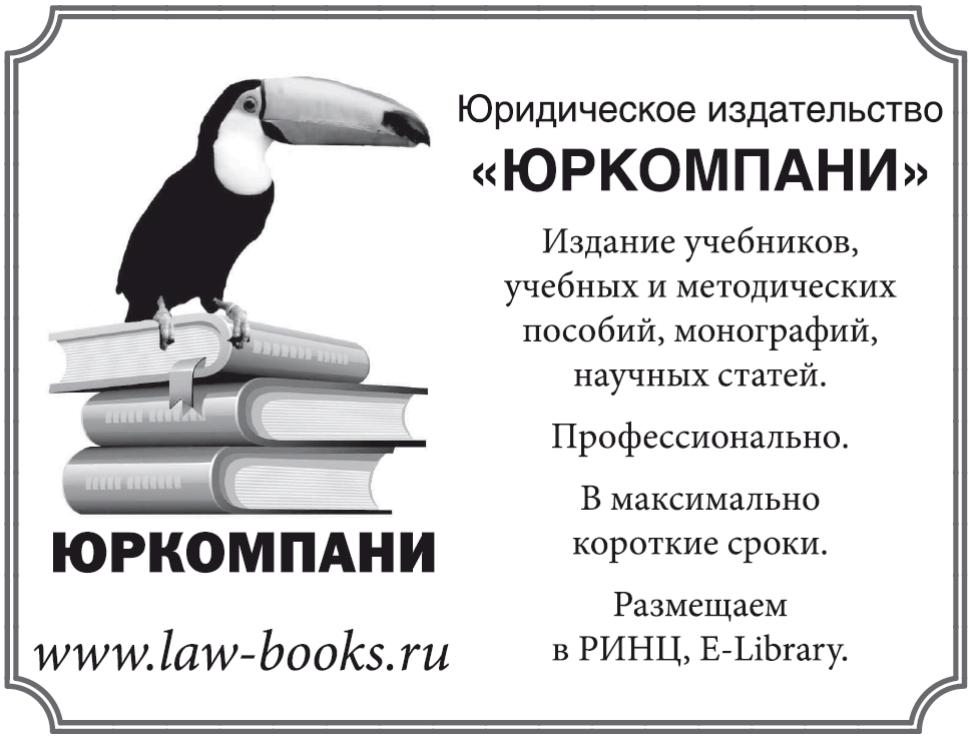
[18] D. Kharlamov. Obstruction of justice and preliminary investigation: approaches developed in judicial practice // Criminal law. 2025. № 8. S. 63-73. DOI: 10.52390/20715870_2025_8_63..

[19] E. A. Melnikov. Obstruction of Justice and Preliminary Investigation (Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation): problematic issues of the object and objective side // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2025. № 4. S. 243-252. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/4/243-252..

[20] Melnikov E. A. Topical issues of the ratio of obstruction of justice and the production of a preliminary investigation (Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation) with other corpus delicti // Bulletin of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. Series: Humanities. 2026. T. 20. № 2. S. 240-249. DOI: 10.18255/1996-5648-2026-2-240-249..

[21] Lykov D.A. Some features of influencing a judge as a method of obstruction of justice // Eurasian Law Journal. 2025. № 8 (207). S. 332-333.

[22] Korobeinikov A. A. Criminal liability for obstruction of justice and preliminary investigation: dis.... cand. jurid. sciences. Stavropol, 2003. 163 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-236-244

ЗОЛОТУХИН Андрей Викторович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: zolotuchin698@mail.ru

СИНЯЕВА Мария Ивановна,
доцент, кандидат юридических наук,
e-mail: mari_sinyaeva@mail.ru

ТРУФАНОВА Александра Юрьевна,
преподаватель,
e-mail: trufanovaalexandra@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В данной статье исследуется согласованность стоимостных и качественных критериев дифференциации уголовной ответственности за коммерческий подкуп, мелкий коммерческий подкуп и посредничество в их совершении. Цель работы состоит в обосновании совершенствования уголовного закона, сохраняющей значение мелкого размера и обеспечивающей соразмерность правовых последствий. Предложены диспозиционные модели для статей 204.1 и 204.2 УК РФ, предусматривающие прямое обозначение стоимостных границ, разграничение сторон подкупа и учет отдельных качественных признаков внутри специальной нормы.*

Ключевые слова: *коммерческий подкуп, мелкий коммерческий подкуп, посредничество, дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки, специальный субъект, вымогательство, уголовная санкция, освобождение от уголовной ответственности.*

ZOLOTUKHIN Andrey Viktorovich,
graduate student, FSBEI HE "Southwest State University"

SINYAEVA Maria Ivanovna,
Associate Professor, Candidate of Law

TRUFANOVA Alexandra Yurievna,
teacher

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR COMMERCIAL BRIBERY AND AREAS OF IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the consistency of cost and quality criteria for differentiating criminal liability for commercial bribery, petty commercial bribery and mediation in their commission. The purpose of the work is to justify the improvement of the criminal law, preserving the importance of small size and ensuring the proportionality of legal consequences. Disposition models for articles 204.1 and 204.2 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed, providing for direct designation of cost boundaries, delimitation of bribery parties and accounting for individual qualitative features within a special norm.*

Key words: *commercial bribery, petty commercial bribery, mediation, differentiation of criminal liability, qualifying features, special entity, extortion, criminal sanction, exemption from criminal liability.*

Дифференциация уголовной ответственности за коммерческий подкуп должна обеспечивать соразмерность правовых последствий различным по общественной опасности проявлениям коррупционного поведения. Для этого недостаточно выстроить последовательность денежных порогов, из которых состоит подкуп, и требуется согласовать стоимость незаконного вознаграждения с характером служебного поведения, способом совершения преступления и ролью его участника. Именно согласованность таких критериев, а также специальных оснований освобождения от ответственности составляет предмет настоящего исследования.

Нормативную основу образуют положения Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно статьи 204, 204.1 и 204.2 [1]. Современная конструкция этих норм сформирована Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ, так наряду с переработкой статьи 204 были выделены самостоятельные составы посредничества и мелкого коммерческого подкупа [2]. При этом выделение мелкого подкупа означало смягчение ответственности за ранее наказуемое поведение, а не первоначальный запрет соответствующих действий. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ, изменения которого вступили в силу 20 января 2026 г., скорректировал ряд санкций, прямо предусмотрев принудительные работы как наказание за коммерческий подкуп [3].

Дифференциация закрепляет в законе типовые различия ответственности. Индивидуализация позволяет суду определить правовые последствия конкретного преступления в установленных законодателем пределах. Эти механизмы взаимодействуют, однако не заменяют друг друга. Если качественно отличающиеся деяния включены в одну санкцию, суд может учитывать их особенности при назначении наказания, но не вправе самостоятельно создавать новый квалифицированный состав. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 29 сентября 2020 г. № 2029-О по жалобе А. М. Саввина признал допустимым использование размера незаконной выгоды для дифференциации ответственности за коммерческий подкуп. Одновременно подчеркнута необходимость учитывать существенные изменения общественной опасности при соблюдении равенства и правовой определенности [5, п. 2]. Следовательно, критика действующего регулирования должна быть направлена на согласованность критериев, а не на отрицание денежного размера как такового. Стоимость предмета подкупа характеризует масштаб незаконной выгоды. Вымогательство дополнительно затрагивает свободу осуществления правоохраняемых интересов, участие организованной группы отражает устойчивость преступного взаимодействия, то есть одно измерение опасности не исчерпывает остальные.

В уголовно-правовой доктрине представлены различные мнения к учету квалифицирующих обстоятельств при мелком коммерческом подкупе. В. И. Михайлов допускает учет группового способа совершения преступления, незаконного характера действий (бездействия) и вымогательства при назначении наказания в пределах санкций специальных норм о мелком подкупе и мелком взяточничестве, связывая выделение этих составов с необходимостью концентрации усилий правоохранительных органов на противодействии более опасным коррупционным преступлениям [6, с. 93–94]. Т. Р. Сабитов и Л. А. Долинина, признавая специальный характер статьи 204.2 УК РФ, указывают на недостаточность существующих механизмов учета обстоятельств, повышающих общественную опасность деяния, и предлагают дополнить часть 2 указанной статьи квалифицирующими признаками группового совершения преступления, заведомо незаконного характера действий (бездействия) и вымогательства предмета подкупа [7, с. 5–6].

Действующий закон разграничивает мелкий подкуп на сумму до 10 000 руб. включительно, основной состав без признака значительного размера и квалифицированные составы со значительным, крупным и особо крупным размером. Согласно примечанию 1 к статье 204 УК РФ, значительным признается размер, превышающий 25 000 руб., крупным — 150 000 руб., особо крупным — 1 000 000 руб. Равенство суммы установленной границе не означает ее превышения. Поэтому интервал свыше 10 000 до 25 000 руб. включительно имеет самостоятельное значение [1, ст. 204, 204.2].

Таблица 1 — Размер предмета подкупа и максимальный срок лишения свободы

Примечание. В таблице указаны верхние пределы только одного вида наказания, а не все элементы санкций. Стоимостные ступени статьи 204 и осуществленного посредничества показаны при отсутствии иных квалифицирующих признаков.

Размер предмета подкупа	Передача	Получение	Осуществленное посредничество
Не свыше 10 000 руб. при отсутствии указанной в ч. 2 судимости	Ч. 1 ст. 204.2 не предусмотрено	Ч. 1 ст. 204.2 не предусмотрено	Ответственность по ст. 204.1 не возникает
Не свыше 10 000 руб. при судимости по ст. 204, 204.1 либо 204.2	Ч. 2 ст. 204.2 1 год	Ч. 2 ст. 204.2 1 год	Ответственность по ст. 204.1 не возникает
Свыше 10 000 до 25 000 руб. включительно	Ч. 1 ст. 204 2 года	Ч. 5 ст. 204 3 года	Ответственность по ст. 204.1 не возникает
Свыше 25 000 до 150 000 руб. включительно	Ч. 2 ст. 204 3 года	Ч. 6 ст. 204 5 лет	Ч. 1 ст. 204.1 2 года
Свыше 150 000 до 1 000 000 руб. включительно	П. «в» ч. 3 ст. 204 7 лет	П. «г» ч. 7 ст. 204 9 лет	П. «в» ч. 2 ст. 204.1 5 лет
Свыше 1 000 000 руб.	Ч. 4 ст. 204 8 лет	Ч. 8 ст. 204 12 лет	Ч. 3 ст. 204.1 7 лет

Таблица показывает, что статья 204 различает передачу и получение вознаграждения, а статья 204.2 объединяет их в одной диспозиции. По части первой статьи 204.2 лишение свободы не предусмотрено. Максимальное наказание - один год лишения свободы установлен частью второй, применяемой при наличии указанной в ней судимости. Подмена этих положений санкциями статьи 291.2 УК РФ искажает сравнение коммерческого подкупа со взяточничеством.

Специальный характер статьи 204.2 получил определенное судебное толкование. В ответе на вопрос 2.1(Вопрос 2.1. Как теперь следует квалифицировать коммерческий подкул на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, или получение взятки, дачу взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, если эти деяния совершены при наличии квалифицирующих признаков, указанных соответственно в статье 204 либо в статьях 290 и 291 УК РФ?), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 28 сентября 2016 г., разъяснено ее применение при мелком размере независимо от иных квалифицирующих признаков коммерческого подкупа [8, вопрос 2.1]. Аналогичное положение закреплено в пункте 14 постановления Пленума № 24, при этом действующая формулировка этого пункта относится к изменениям 2019 г., а не к изменению 2025 г. [4, п. 14].

Таким образом, проблема квалификации в рассматриваемой части уже разрешена, но законодательная проблема остается. Ее демонстрирует условный пример. При отсутствии соответствующей судимости получение 10 000 руб., сопряженное с вымогательством, квалифицируется по части первой статьи 204.2. Получение 10 001 руб. при том же способе образует состав, предусмотренный пунктом «б» части седьмой статьи 204, санкция которого допускает лишение свободы до девяти лет. Речь идет о сравнении законодательных пределов, а не о неизбежном назначении этого наказания. Тем не менее изменение суммы на один рубль переводит деяние между существенно различающимися режимами ответственности. Устранение такой несогласованности посредством неприменения статьи 204.2 недопустимо. Судебная практика не может ухудшать положение лица путем дополнения закона отсутствующим исключением. Требуется законодательное решение, при котором мелкий размер продолжает снижать ответственность, а наиболее существенные качественные признаки получают отражение внутри специальной нормы.

Пределы подобного решения нуждаются в самостоятельном обосновании. М. Г. Решняк, анализируя законопроект № 411567-8, критикует недостаточную эмпирическую аргументацию ужесточения, обращает внимание на правила о продолжаемом преступлении и предлагает рассматривать менее репрессивные альтернативы, включая административную преюдицию для мелкого подкупа без квалифицирующих признаков [9]. Предложения о разделении активной и пассивной форм мелкого подкупа и расширении квалифицирующих признаков уже содержались в рассматриваемом законопроекте. Предмет дальнейшей дискуссии составляет обоснованность их отбора и сочетания с санкциями, сохраняющими понижающее значение мелкого размера.

Нельзя обосновывать новую квалификацию одной лишь многоэпизодностью. Передача вознаграждения по частям в рамках единого умысла и несколько самостоятельных подкупов юридически различны. Пункт 21 постановления Пленума № 24 разграничивает продолжаемое преступление и совокупность [4, п. 21]. В первом случае искусственное дробление согласованной суммы не должно создавать мелкий размер. Во втором суммирование самостоятельных эпизодов только ради более строгой квалификации нарушает основания уголовной ответственности. Этот вопрос требует доказывания содержания умысла, а не арифметического объединения всех обнаруженных сумм. Стоит отметить, что термины «активный» и «пассивный» подкуп обозначают соответственно передачу и получение незаконного вознаграждения. Они не характеризуют инициативность участников, так как получатель способен сам организовать коррупционное взаимодействие, а передающее лицо — действовать под давлением. Различие юридических форм нельзя отождествлять с заранее установленной сравнительной опасностью каждого участника конкретного дела.

А. Г. Протасова на примере мелкого взяточничества оспаривает единую санкцию за передачу и получение вознаграждения, связывая повышенную опасность получения со специальным

субъектом и использованием служебных обязанностей [10, с. 141]. Для коммерческого подкупа этот аргумент имеет самостоятельное значение, так, должностное лицо нарушает обязанность осуществлять предоставленные ему полномочия в установленном порядке. Однако механическое копирование санкций за должностную коррупцию не следует из сходства коррупционного механизма.

Субъект получения коммерческого подкупа определяется через примечание 1 к статье 201 УК РФ. По нашему мнению, повышенная общественная опасность субъекта коммерческого подкупа обусловлена прежде всего спецификой его правового положения, характером предоставленных ему полномочий и возможностью использования служебного положения в противоправных целях. Лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, обладает определённым объёмом организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий, злоупотребление которыми способно причинить существенный вред законным интересам организации, нарушить принципы добросовестной конкуренции и подорвать доверие к экономическим отношениям. Полагаем, что особая опасность такого субъекта заключается не только в его стремлении получить незаконное вознаграждение, но и в сознательном использовании предоставленных ему полномочий вопреки интересам службы. В связи с этим считаем необходимым при оценке общественной опасности субъекта коммерческого подкупа учитывать его служебное положение, объём управленческих полномочий, характер совершённых действий и степень их негативного влияния на нормальное функционирование коммерческих и иных организаций.

Показательным в рассматриваемом аспекте является кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 мая 2026 г. № 58-УДП26-7-К9. Обвинение в совершении коммерческого подкупа было связано с передачей денежного вознаграждения руководителю управления по развитию территорий коммерческой организации за содействие заключению договоров аренды помещений для открытия торговых объектов. Оправдывая подсудимого, суд первой инстанции исходил из отсутствия у получателя вознаграждения необходимых управленческих полномочий, в том числе права самостоятельно заключать договоры аренды. Верховный Суд Российской Федерации признал такой подход необоснованным, обратив внимание на содержание должностных обязанностей указанного лица, включавших руководство работниками, координацию реализации проектов развития торговой сети и участие в формировании решений относительно выбора объектов недвижимости. При этом Суд подчеркнул, что коммерческий подкуп может совершаться не только за действия, непосредственно входящие в служебные полномочия получателя вознаграждения, но и за действия, совершению которых он способен способствовать в силу занимаемого положения. В результате ранее принятые судебные решения были отменены, а уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение. При этом Верховный Суд Российской Федерации не постановил обвинительный приговор, а указал на необходимость надлежащей оценки обстоятельств дела и собранных доказательств [11, с. 4–7]. Таким образом, отсутствие окончательного распорядительного полномочия не равнозначно отсутствию управленческого статуса. Вместе с тем возможность убедить руководителя сама по себе такого статуса не создает. Иначе специальный субъект был бы подменен неопределенной категорией любого влиятельного работника.

По нашему мнению, разграничение передачи и получения мелкого коммерческого подкупа в рамках статьи 204.2 УК РФ представляется обоснованным направлением совершенствования уголовного законодательства. Подобный подход позволил бы более последовательно учитывать особенности правового положения каждого участника противоправного деяния, а также дифференцировать их ответственность с учётом характера совершаемых действий. В частности, вымогательство предмета коммерческого подкупа целесообразно рассматривать применительно к лицу, получающему незаконное вознаграждение, поскольку именно его поведение может быть связано с использованием предоставленных управленческих полномочий для оказания давления на заинтересованное лицо. При этом предлагаемое разграничение не должно предполагать автоматического усиления уголовной ответственности каждого получателя коммерческого подкупа. Его основная цель заключается в повышении точности уголовно-правового регулирования и обеспечении индивидуализации ответственности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе. Законодатель предусмотрел самостоятельный состав преступления в статье 204.1 УК РФ, охватывающий непосредственную передачу предмета коммерческого подкупа по поручению лица, передающего или получающего незаконное вознаграждение, а равно иное содействие достижению либо реализации соглашения между указанными лицами. При этом обязательным условием уголовной ответственности за посредничество выступает значительный размер коммерческого подкупа, определяемый

исходя из стоимости его предмета, а не суммы вознаграждения, полученного самим посредником [1, ст. 204.1].

Существенное значение для разграничения уголовно наказуемого посредничества и иных форм участия в коммерческом подкупе имеют разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Так, в пункте 13.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 указывается на недопустимость квалификации действий лица, оказавшего посреднические услуги при коммерческом подкупе в размере, не превышающем 25 000 рублей, в качестве соучастия со ссылкой на статью 33 УК РФ [4, п. 13.3]. Аналогичный подход ранее был отражён в ответе Президиума Верховного Суда Российской Федерации на вопрос 2.4 от 28 сентября 2016 г. [8, вопрос 2.4].

По нашему мнению, при определении уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе необходимо учитывать не только размер незаконного вознаграждения, но и фактическую роль посредника, характер совершённых им действий и степень их общественной опасности. Полагаем, что установленные законодателем стоимостные критерии имеют принципиальное значение для разграничения уголовно наказуемого посредничества и действий, не образующих соответствующего состава преступления. В связи с этим считаем недопустимым расширение пределов уголовной ответственности посредством применения общих норм о соучастии в обход специальных положений статьи 204.1 УК РФ. Представляется, что такой подход способствует соблюдению принципов законности и справедливости, а также обеспечивает более точную дифференциацию уголовной ответственности участников коммерческого подкупа.

Г. А. Насимов, отмечая несправедливость и несбалансированность уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посредничество в различных видах подкупа, обосновывает целесообразность отказа от самостоятельного законодательного обособления фигуры посредника. По мнению автора, посредничество представляет собой частный вид соучастия, а положения Общей части УК РФ об институте соучастия позволяют обеспечить уголовно-правовую оценку действий лиц, причастных к совершению подкупа [12, с. 33–34]. Такой подход логически возможен как вариант реформы. В рамках действующей системы более определенным решением представляется сохранение специального состава с прямым закреплением его границ. Основание этого выбора — возможность согласовать в одной норме формы посреднической деятельности, стоимостные пределы и специальные условия освобождения. Однако сохранение статьи 204.1 оправданно лишь при устранении выявленных диспропорций, а именно, что существование самостоятельного состава само по себе не доказывает его преимущества перед общими правилами о соучастии. Вывод о посреднических действиях при малой сумме не следует распространять без самостоятельной оценки на иное преступное поведение того же лица.

Наиболее отчётливо несогласованность законодательных санкций проявляется при сопоставлении частей 1 и 4 статьи 204.1 УК РФ. За посредничество в коммерческом подкупе в значительном размере, не сопровождающееся дополнительными квалифицирующими признаками, предусмотрено лишение свободы на срок до двух лет, тогда как за обещание или предложение такого посредничества — до четырёх лет. При этом согласно пункту 13.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, если лицо, ранее обещавшее или предложившее посредничество, впоследствии фактически осуществило его, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 204.1 УК РФ без совокупности с частью 4 указанной статьи. Следовательно, при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 204.1 УК РФ, реализация ранее выраженного намерения выступить посредником приводит к применению уголовно-правовой нормы, устанавливающей менее строгий максимальный срок лишения свободы. Указанное соотношение санкций свидетельствует о недостаточной согласованности законодательной дифференциации ответственности за обещание посредничества и его фактическое осуществление.

Также следует отметить, что часть 4 статьи 204.1 УК РФ, в отличие от части 1 указанной статьи, не содержит прямого указания на значительный размер коммерческого подкупа. Данное обстоятельство порождает неопределённость относительно стоимостных пределов уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества. Вместе с тем отсутствие соответствующего указания само по себе не позволяет без дополнительного системного обоснования сделать однозначный вывод о наказуемости обещания или предложения посредничества в коммерческом подкупе независимо от размера предполагаемого незаконного вознаграждения. Такое толкование требует согласования с установленным законодателем стоимостным порогом ответственности за непосредственно осуществлённое посредничество, а также с разъяснениями, содержащимися в пункте 13.3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. В целях устранения выявленной неопределённости представляется целесообразным прямо закрепить в части 4 статьи 204.1 УК РФ требование о значительном размере предполагаемого коммер-

ческого подкупа с учётом положений частей 1–3 данной статьи. При таком законодательном решении соответствующая стоимостная характеристика должна охватываться умыслом виновного, а её наличие — подтверждаться установленными по делу обстоятельствами. Недоказанность необходимого размера предполагаемого подкупа не может восполняться предположениями о его возможной величине.

Вымогательство предмета коммерческого подкупа нельзя отождествлять с любым требованием передачи незаконного вознаграждения. Его квалифицирующее значение обусловлено наличием угрозы причинения вреда законным интересам передающего лица либо заведомым созданием условий, вынуждающих его передать предмет подкупа для предотвращения неблагоприятных последствий для правоохраняемых интересов. Иное понимание приводило бы к необоснованному расширению данного квалифицирующего признака за счёт ситуаций, связанных с согласованием условий коррупционной договорённости. Показательным является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 июля 2026 г. № 34-УД26-2-К3. Рассматривая дело о получении незаконного вознаграждения за отказ конкурирующей организации от снижения цены государственного контракта и дальнейшего участия в электронном аукционе, Верховный Суд РФ исключил квалифицирующий признак вымогательства предмета коммерческого подкупа. Существенное значение имело то обстоятельство, что лицо, передавшее вознаграждение, стремилось обеспечить победу в торгах в обход установленных правил, в том числе посредством нарушения антимонопольного законодательства. Такой интерес не мог рассматриваться в качестве правоохраняемого [13]. Данная правовая позиция подтверждает необходимость строгого разграничения требования незаконного вознаграждения и его вымогательства. Само по себе экономическое давление не является достаточным основанием для установления последнего без оценки характера угрозы и законности интересов, которым может быть причинён вред. В связи с этим предлагаемое закрепление вымогательства в качестве квалифицирующего признака мелкого коммерческого подкупа в ст. 204.2 УК РФ должно сопровождаться сохранением критериев, сформулированных в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, без необоснованного расширения содержания данного понятия.

Приоритетным направлением реформы представляется обособление внутри статьи 204.2 мелкого подкупа, совершенного организованной группой, и получения мелкого подкупа, сопряженного с вымогательством. Приоритет определяется результатами системного сопоставления, а не утверждением о большей распространенности этих обстоятельств. Вымогательство дополнительно затрагивает законные интересы передающего лица, организованная группа характеризует устойчивость преступного объединения. Предварительный сговор сам по себе такой устойчивости не предполагает, а незаконные действия охватывают неоднородные по опасности нарушения. Расширение предлагаемого перечня требует дополнительных аргументов, учитывающих эту неоднородность. Вместе с тем необходимость закрепления каждого признака, включая организованную группу и вымогательство, подлежит эмпирической проверке с учетом распространенности соответствующих случаев и достаточности действующих средств

Проведенное сопоставление позволяет предложить последовательную переработку уголовно-правового регулирования коммерческого подкупа, направленную на повышение определенности законодательных конструкций, дифференциацию уголовной ответственности и обеспечение соразмерности наказания характеру и степени общественной опасности содеянного.

Первое направление предполагает структурное разграничение передачи и получения мелкого коммерческого подкупа в рамках статьи 204.2 УК РФ с сохранением ее специального характера по отношению к статье 204 УК РФ. Диспозиции основных составов целесообразно сформулировать посредством отсылок соответственно к частям первой и пятой статьи 204 УК РФ с указанием на стоимость предмета подкупа, не превышающую десяти тысяч рублей. Такое решение позволит непосредственно закрепить в законе признаки передающей и получающей сторон, включая специального субъекта получения, связь незаконного вознаграждения со служебным поведением, а также возможность передачи имущества, оказания услуг имущественного характера и предоставления имущественных прав. Предлагаемое изменение не обусловлено наличием пробела в уголовной ответственности, поскольку соответствующие признаки устанавливаются посредством системного толкования статей 204 и 204.2 УК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ. Его назначение заключается прежде всего в повышении формальной определенности уголовно-правового запрета и устранении необходимости устанавливать содержание каждого из составов исключительно путем толкования обобщающего понятия «коммерческий подкуп».

Второе направление связано с ограниченной качественной дифференциацией ответственности за мелкий коммерческий подкуп. Представляется обоснованным выделение квалифицированного получения незаконного вознаграждения,

совершенного организованной группой либо сопряженного с вымогательством предмета подкупа. Для соответствующей части статьи 204.2 УК РФ может быть предложена следующая диспозиционная модель: «Деяния, предусмотренные частью пятой статьи 204 настоящего Кодекса, на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, совершенные организованной группой либо сопряженные с вымогательством предмета подкупа». Использование отсылочной конструкции обеспечивает сохранение признаков основного состава получения коммерческого подкупа, включая специального субъекта, обусловленность вознаграждения служебным поведением и предусмотренные законом формы имущественного предоставления.

Выбор указанных квалифицирующих признаков обусловлен их самостоятельным влиянием на общественную опасность содеянного. Организованная группа характеризуется устойчивостью и согласованностью преступной деятельности, тогда как вымогательство предполагает использование лицом, выполняющим управленческие функции, своего положения для принуждения к передаче незаконного вознаграждения посредством угрозы причинения вреда правоохраняемым интересам либо умышленного создания соответствующих неблагоприятных условий. Вместе с тем предлагаемая модель не предполагает механического воспроизведения всех квалифицирующих признаков части седьмой статьи 204 УК РФ. Вопрос о включении совершения деяния группой лиц по предварительному сговору и получения вознаграждения за незаконные действия (бездействие) должен разрешаться самостоятельно с учетом степени повышения общественной опасности мелкого подкупа, судебной практики и необходимости сохранения привилегирующего значения небольшого размера вознаграждения. Тем самым выделение организованной группы и вымогательства рассматривается как ограниченная законодательная дифференциация, требующая дополнительного эмпирического обоснования, а не как безусловное распространение квалифицированных составов статьи 204 УК РФ на статью 204.2 УК РФ.

Совершение передачи предмета мелкого коммерческого подкупа организованной группой при признании необходимости соответствующей дифференциации следует предусмотреть в самостоятельной части статьи 204.2 УК РФ, относящейся к передающей стороне. Признак вымогательства на нее не распространяется, поскольку характеризует противоправное поведение получателя незаконного вознаграждения. При этом наличие вымогательства само по себе не означает автоматического исключения уголовной ответственности передающего лица: применение специального основания освобождения от ответственности требует соблюдения условий, предусмотренных примечанием к статье 204.2 УК РФ. Следовательно, разграничение ответственности сторон должно сочетаться с сохранением действующего механизма освобождения лица, передавшего предмет подкупа, от уголовной ответственности.

Самостоятельного законодательного согласования требует учет имеющейся судимости. Предусмотренный действующей частью второй статьи 204.2 УК РФ квалифицирующий признак целесообразно сохранить, определив его соотношение как с основными, так и с предлагаемыми квалифицированными разновидностями передачи и получения мелкого коммерческого подкупа. При этом отсылки необходимо сформулировать таким образом, чтобы исключить неопределенность при одновременном наличии судимости, организованного способа совершения преступления или вымогательства. Недопустимо также повторное использование одной и той же судимости при квалификации преступления и признании рецидива отягчающим наказание обстоятельством.

Санкции предлагаемых квалифицированных разновидностей мелкого коммерческого подкупа должны устанавливаться с учетом их повышенной общественной опасности, но сохранять соразмерность санкциям соответствующих квалифицированных составов статьи 204 УК РФ при сопоставимых обстоятельствах и большей стоимости предмета подкупа. Иное решение способно привести к утрате самостоятельного привилегирующего значения мелкого размера.

Третье направление предполагает согласование диспозиций и санкций частей первой и четвертой статьи 204.1 УК РФ. Представляется целесообразным прямо закрепить в части четвертой значительный размер предполагаемого коммерческого подкупа как необходимое условие ответственности за обещание или предложение посредничества. Возможная редакция диспозиции может быть сформулирована следующим образом: «Обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе, предусмотренного частями первой — третьей настоящей статьи, при размере предмета предполагаемого подкупа, превышающем двадцать пять тысяч рублей». Такое решение позволит согласовать конструкцию обещания или предложения посредничества с установленным для осуществленного посредничества стоимостным порогом и повысить определенность пределов уголовной ответственности.

Вместе с тем указанное предложение следует рассматривать именно как изменение уголовного закона, а не как воспроизведение действующей диспозиции части четвертой ста-

тьи 204.1 УК РФ, которая не содержит прямого указания на минимальную стоимость предмета предполагаемого подкупа. Закрепление соответствующего порога потребует также установления и доказывания размера предполагаемого незаконного вознаграждения, в том числе в случаях, когда предметом будущего подкупа выступают услуги имущественного характера либо имущественные права.

Дополнительного согласования требует санкция за обещание или предложение посредничества. Действующее регулирование допускает более высокий максимальный предел лишения свободы за обещание или предложение посредничества по части четвертой статьи 204.1 УК РФ, чем за фактическое осуществление посредничества основного вида по части первой той же статьи. Для устранения указанной диспропорции целесообразно установить, что верхний предел санкции за обещание или предложение посредничества основного вида не должен превышать соответствующего предела санкции за его осуществление.

Таким образом, предлагаемая переработка статей 204.1 и 204.2 УК РФ направлена не на механическое ужесточение ответственности за коррупционные преступления в коммерческой сфере, а на повышение определенности уголовно-правовых запретов, последовательное разграничение форм преступного поведения и обеспечение соразмерности уголовно-правового воздействия. Ее реализация предполагает комплексное согласование диспозиций, квалифицирующих признаков, специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, санкций и соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 4 августа 2026 г. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.09.2026).

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200716/ (дата обращения: 05.09.2026).

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510471/ (дата обращения: 10.09.2026).

[4] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24: ред. от 9 декабря 2025 г. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 19.09.2026).

[5] Определение Конституционного суда об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саввина Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 46, частью первой статьи 64 и частью восьмой статьи 204 Уголовного кодекса Российской Федерации. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision495944.pdf (дата обращения: 17.09.2026).

[6] Михайлов В. И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства / В. И. Михайлов // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – № 6(127). – С. 85-100. – DOI 10.17803/1729-5920.2017.127.6.085..

[7] Сабитов Т. Р. Дифференциация уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп / Т. Р. Сабитов, Л. А. Долинина // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 3. – С. 4-9. – DOI 10.34076/2410_2709_2021_3_4..

[8] Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://vsrf.ru/files/6422/ (дата обращения: 11.09.2026).

[9] Решняк М. Г. К вопросу об уголовно-правовых мерах борьбы с коррупцией: анализ одной законодательной инициативы / М. Г. Решняк // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 10(186). – С. 238-243. – DOI 10.24158/tipor.2023.10.30..

[10] Протасова А. Г. Криминализация мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества / А. Г. Протасова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1(81). – С. 136-142.

[11] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного

Суда Российской Федерации от 5 мая 2026 г. № 58-УДП26-7-К9 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2544896 (дата обращения: 12.09.2026).

[12] Насимов Г. А. Посредничество в подкупе: обоснованность криминализации и адекватность отражения в законе / Г. А. Насимов // Вестник Российской правовой академии. – 2020. – № 1. – С. 31-35. – DOI 10.33874/2072-9936-2020-0-1-31-35..

[13] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2026 г. № 34-УД26-2-К3 // СудАкт.ру: судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/QwJfR3IKTjQx/ (дата обращения: 19.09.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ: rev. of August 4, 2026 // ConsultantPlus: reference legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: 19.09.2026).

[2] On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of July 3, 2016 No. 324-FZ // ConsultantPlus: Reference Legal System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200716/ (access date: 05.09.2026).

[3] On amending the Criminal Code of the Russian Federation and invalidating paragraph 7.1 of part one of article 299 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of July 23, 2025 No. 218-FZ // ConsultantPlus: reference legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510471/ (access date: 10.09.2026).

[4] On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 No. 24: ed. December 9, 2025 // ConsultantPlus: reference legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (access date: 19.09.2026).

[5] Determination by the Constitutional Court of the refusal to consider the complaint of citizen Savvin Alexander Mikhailovich about violation of his constitutional rights by part two of Article 46, part one of Article 64 and part eight of Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision495944.pdf (access date: 17.09.2026).

[6] Mikhailov V.I. Commercial bribery and bribery: directions for the development of legislation / V.I. Mikhailov // Lex Russica (Russian law). – 2017. – № 6(127). - S. 85-100. – DOI 10.17803/1729-5920.2017.127.6.085..

[7] Sabitov T. R. Differentiation of criminal liability for petty commercial bribery / T. R. Sabitov, L. A. Dolinina // Russian law: education, practice, science. – 2021. – № 3. - S. 4-9. – DOI 10.34076/2410_2709_2021_3_4..

[8] Answers to questions from the courts on the application of Federal Laws of July 3, 2016 No. 323-FZ - 326-FZ aimed at improving criminal liability for corruption crimes and economic crimes, as well as the grounds and procedure for exemption from criminal liability (entered into force on July 15, 2016) // Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: https://vsrf.ru/files/6422/ (access date: 11.09.2026).

[9] Reshnyak M. G. On the issue of criminal legal measures to combat corruption: an analysis of one legislative initiative/M. G. Reshnyak // Theory and practice of social development. – 2023. – № 10(186). - S. 238-243. – DOI 10.24158/tipor.2023.10.30..

[10] Protasova A. G. Criminalization of petty commercial bribery and petty bribery / A. G. Protasova // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 1(81). - S. 136-142.

[11] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of May 5, 2026 No. 58-UDP26-7-K9 // Supreme Court of the Russian Federation: official website. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2544896 (access date: 12.09.2026).

[12] Nasimov, G. A. Mediation in bribery: the validity of criminalization and the adequacy of reflection in the law / G. A. Nasimov // Bulletin of the Russian Law Academy. – 2020. – № 1. - S. 31-35. – DOI 10.33874/2072-9936-2020-0-1-31-35..

[13] Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 30, 2026 No. 34-UD26-2-K3 // СудАкт.ру: judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/QwJfR3IKTjQx/ (access date: 19.09.2026).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-245-249

ЖУКОВА Екатерина Николаевна,
аспирант кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена,
e-mail: ekaterina_shipa@mail.ru

Научный руководитель:
КОСОВСКАЯ Виктория Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
международного права Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена,
e-mail: vkosovskaya@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу института обеспечения информационной безопасности в современном международном праве. На основе исследования источников международного права автором обосновывается межотраслевой, формирующийся характер института. В результате исследования сформулирован вывод о необходимости преодоления фрагментарности правового регулирования в международных информационных отношениях.*

Ключевые слова: *международное публичное право, источники международного права, международные договоры, международные обычаи, международная информационная безопасность.*

ZHUKOVA Ekaterina Nikolaevna,
Postgraduate student of the Department of International Law of The
Herzen State Pedagogical University of Russia

Academic Supervisor:
KOSOVSKAYA Victoria Alexandrovna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of International Law of The Herzen State Pedagogical
University of Russia

INTERNATIONAL LEGAL SOURCES ENSURING INFORMATION SECURITY IN MODERN INTERNATIONAL LAW

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the institution of information security in modern international law. Based on a study of the sources of international law, the author substantiates the intersectoral and emerging nature of the institution. As a result of the study, the conclusion is formulated that it is necessary to overcome the fragmentation of legal regulation in international information relations.*

Key words: *public international law, sources of international law, international treaties, international customs, international information security.*

Международно-правовое регулирование обеспечения информационной безопасности имеет важное значение для международных отношений. На универсальном уровне наблюдается устойчивая тенденция по формированию фундаментальных основ информационной безопасности в рамках международного публичного права. Этот процесс реализуется через закрепление взаимных прав и обязанностей участников международных отношений, а также через выработку механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и определение последствий за потенциальные нарушения. В связи с этим практическую и теоретическую необходимость приобретает анализ источников международного права, регулирующих международные информационные отношения.

Традиционно вопрос об источниках международного права выступает в качестве инструментария для установления границ нормативного регулирования. Статья 38 Статута Международного Суда ООН остается наиболее универсальным и признанным ориентиром. Закрепленный в ней перечень охватывает международные конвенции (общие и специальные), международный обычай, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, а также судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм.

Приведенная выше классификация неоднократно становилась предметом пристального внимания, ее исследовали известные юристы-международники Броунли Я. [3], Тункин Г.И. [1], Бобров Р.Л. и Малинин С.А. [2]. Как справедливо отметил П.Е. Казанский, проблема определения источников выступает основополагающей для разграничения институтов различной юридической природы в учении о международном праве [4]. Число научных работ, посвященных изучению указанной проблемы, указывает на непереходящую актуальность и дискуссионность.

При всем разнообразии существующих подходов, их объединяет общее признание волевой природы источников. Эта идея получила свое последовательное развитие в трудах И.И. Лукашука, который акцентировал детерминирующее влияние международных отношений на международное право и определявшего его содержание как выражение суверенной воли государств, воплощенной в соглашении. По мнению И.И. Лукашука, соглашение субъектов проявляется в двух формах: международного договора и международного обычая [5]. Видным юристом XX века Г. Кельзеном сделан схожий вывод, что любой международный спор может быть разрешен на основании договорного или обычного права [8].

Отдельного внимания заслуживает пункт «c» статьи 38, фиксирующий общие принципы права. Как отмечал Ян Броунли, данный пункт был включен с учетом возможности адаптации Международным Судом норм, заимствованных из внутригосударственного права наиболее развитых государств, с целью восполнения пробелов в действующем договорном и обычном праве.

Общие принципы права обеспечивают единство формирующегося института обеспечения информационной безопасности. В докладе ГПЭ ООН A/68/98 от 24 июня 2013 года отражены заявления о применимости Устава ООН к ИКТ-сфере. В пункте 28 (b) доклада A/70/174 от 22 июля 2015 года ГПЭ ООН выделены принципы Устава ООН и международного права, применимые в отношении поведения государств в информационной сфере. В силу вышеизложенного указанные принципы следует рассматривать именно в качестве системообразующего элемента, основы международно-правового регулирования.

В контексте информационной безопасности практическую значимость также приобретают судебные решения, в частности, постановления Европейского Суда по правам человека, касающиеся защиты права на уважение частной жизни. Хотя судебные решения и отнесены к вспомогательным средствам для определения правовых норм (п. «d» ст. 38 (1) Статута МС ООН), они выполняют функцию ориентира для толкования содержания прав человека в международных информационных отношениях.

По мнению Тункина Г.И. к перечню следует добавить обязательные нормативные резолюции международных организаций, которые в соответствии с их уставами обязательны для государств-членов [6].

Известный юрист-международник Ян Броунли полагал, что изложенный в статье 38 Статута Международного Суда ООН перечень источников международного права не содержит указания на наличие иерархии источников, определяемой порядком их перечисления от пункта «a» до пункта «d». Следовательно, система источников международного права не иерархична, каждый из источников играет свою собственную роль в единстве международно-правового регулирования.

Указанная позиция о неиерархичности источников международного права приобретает особое значение для института обеспечения информационной безопасности. Поскольку правовое регулирование складывается из разнородных элементов: конвенций, формирующихся обычаев (в частности, практики государств по обмену информацией об информационных угрозах) и общих принципов, адаптируемых к международным информационным отношениям. Представляется, что наиболее важное значение для исследования имеет предложенная Броунли классификация реквизитов обычая, состоящая из следующих элементов: а) продолжительность существования практики; б) единообразие, постоянность практики; в) всеобщий характер практики; г) убежденность в правомерности и необходимости [3]. Применение предложенной классификации к сфере информационной безопасности позволяет оценить степень сформированности тех или иных международно-правовых норм.

Из понятия источников международного права как формы существования правомерно действующих норм, созданных субъектами международного права в пределах их компетенции [7], можно заключить, что источниками обеспечения информационной безопасности выступают договоры и обычаи, регламентирующие поведение

государств в международных информационных отношениях. Их целью является защита суверенитета, территориальной целостности, критической инфраструктуры, прав человека и поддержание глобального мира.

Международно-правовые основы института обеспечения информационной безопасности были заложены Международной конвенцией об использовании радиовещания в интересах мира 1936 года, обязавшей договаривающиеся стороны препятствовать нанесению ущерба международному взаимопониманию, использованию радиовещания в целях подстрекательства к войне и распространению заведомо ложных сведений. Конвенция закрепила первые договорные основы противодействия злонамеренному использованию средств коммуникации.

Дальнейшее развитие средств передачи информации потребовало совершенствования международно-правовых механизмов реагирования на распространение недостоверных сведений. Ответом на эту потребность стала разработанная в 1952 году в рамках ООН Конвенция о международном праве опровержения, предоставившая государствам право публиковать свою версию фактов, чтобы дать корреспонденту или информационному агентству возможность исправить соответствующее информационное сообщение. В случае если какое-либо из договаривающихся государств не выполнит свои обязательства, то государство, осуществляющее свое право на опровержение, вправе не только обратиться напрямую к другому государству за разрешением разногласий, передать разногласия на разрешение Международного Суда, но и представить свое коммюнике Генеральному секретарю ООН. Указанная мера представляет особый интерес ввиду того, что преимущественно все вопросы обеспечения мира и безопасности находятся в компетенции Совета Безопасности ООН, при этом данный механизм интересен тем, что он интегрирует вопросы информационной безопасности в общую архитектуру поддержания мира под эгидой ООН, используя потенциал статьи 99 Устава. Таким образом, Конвенция стала источником раннего закрепления механизмов обеспечения информационной безопасности в международном праве. Предоставленная Генеральному секретарю возможность в рамках статьи 99 Устава ООН доводить информацию до сведения Совета Безопасности придает данному механизму системный характер, встраивая его в универсальную архитектуру поддержания мира.

Наряду с универсальными гарантиями свободы информации развитие цифровых технологий актуализировало потребность в уголовно-правовом противодействии новым формам преступности. На региональном уровне попытка кодификации норм, затрагивающих информационную безопасность, была предпринята в форме Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года (Будапештская конвенция). Несмотря на то, что участницами конвенции являются не только страны-члены Совета Европы, ее нельзя считать универсальным международно-правовым договором. Ряд положений конвенции носит спорный характер, так, статья 32 (b) Конвенции позволяет без согласия страны-участницы получать трансграничный доступ к компьютерным данным, хранящимся на ее территории. Представляется, что потенциальные страны-участницы не присоединились к Конвенции ввиду того, что ею не предусматривается возможность совершения оговорок при ее принятии.

С точки зрения критериев Броунли, Конвенция демонстрирует высокую степень продолжительности и единообразия практики, устанавливая гармонизированные стандарты уголовного законодательства, процессуальные полномочия и механизмы международного сотрудничества. Однако всеобщий характер практики отсутствует: ряд крупных государств, включая Российскую Федерацию и Индию, не являются участниками Конвенции. Убеждённость в правомерности и необходимости (opinio juris) существует в рамках сообщества государств-участников, однако отсутствие универсального охвата не позволяет квалифицировать нормы Конвенции как сложившийся международный обычай.

Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 года действует более 20 лет, устанавливает единые подходы к сотрудничеству в расследовании и пресечении информационных преступлений. Единообразие практики ограничено кругом государств-участников СНГ, а всеобщий характер отсутствует в силу регионального характера акта. Убежденность в правомерности проявляется в круге государств постсоветского пространства, что подтверждает статус Соглашения как регионального договорного акта, но не как источника обычного международного права.

Соглашение ШОС 2009 года также носит региональный характер и представляет собой один из первых многосторонних актов, прямо посвященных международной информационной безопасности. Продолжительность практики более 15 лет и единообразие подходов в рамках ШОС, включая последовательное продвижение принципов информационной безопасности, свидетельствуют о формировании устойчивой региональной практики. Однако всеобщий характер практики отсутствует: соглашение носит региональный характер и не охватывает государства за пределами ШОС. Убежденность в правомерности

выражена в декларациях и совместных заявлениях, однако ограниченный круг участников не позволяет рассматривать данные нормы как всеобщий обычай.

Конвенция ЛАГ, принятая 21 декабря 2010 года в Каире, является региональным актом, направленным на усиление сотрудничества арабских государств в противодействии киберпреступности. Продолжительность практики более 15 лет и единообразие подходов в рамках Лиги арабских государств демонстрируют определенную степень зрелости регионального регулирования. Однако всеобщий характер практики отсутствует в силу региональной природы Конвенции. Убежденность в правомерности существует в рамках арабского мира. Конвенция содержит отсылки к исламскому праву (шариату), что ограничивает ее универсальную применимость и не позволяет рассматривать ее нормы в качестве всеобщего обычая.

Конвенция Африканского союза (Малабская конвенция), принятая в 27 июня 2014 года, вступила в силу лишь 8 июня 2023 года, став первым обязательным региональным договором о защите данных за пределами Европы. С точки зрения продолжительности практики, Конвенция имеет крайне ограниченный временной горизонт. Единообразие практики ограничено 15 государствами-участниками из 55 государств-членов Африканского союза. Всеобщий характер отсутствует. Убежденность в правомерности хотя и выражена в преамбуле и тексте Конвенции, однако медленный процесс ратификации свидетельствует о недостаточной степени признания даже на региональном уровне. В силу указанных обстоятельств Конвенция не может рассматриваться как источник обычного международного права.

Конвенция ООН против киберпреступности (Ханойская конвенция), принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 2024 года, представляет собой первый универсальный договор в сфере киберпреступности. Конвенция является результатом многосторонних переговоров. Однако в силу отсутствия продолжительной и единообразной практики государств, а также ввиду того, что Конвенция только открыта для подписания, ее нельзя квалифицировать в качестве источника обычного международного права на современном этапе. Вместе с тем Конвенция представляет собой потенциальный катализатор для формирования будущего обычая при условии широкой ратификации и последовательной имплементации.

Представленный анализ позволяет заключить, что среди рассмотренных актов ни один не соответствует в полной мере всем четырем критериям Броунли. Будапештская конвенция наиболее близка к формированию обычая в силу продолжительности и единообразия практики, однако отсутствие всеобщего характера и оппозиция ряда ключевых государств препятствуют этому. Универсальная Ханойская конвенция 2024 года, напротив, обладает потенциально всеобщим характером и выраженной opinio juris, однако в настоящее время отсутствуют критерии продолжительности и единообразия практики. Региональные акты (СНГ, ШОС, ЛАГ, АС) ограничены географически и не могут претендовать на статус всеобщего обычая. Таким образом, международно-правовое регулирование в сфере информационной безопасности на современном этапе подтверждает тезис о фрагментарности и формирующемся характере соответствующего института международного права.

Причинами фрагментарности в области обеспечения информационной безопасности являются новизна и стремительность развития передовых технологий, разнообразие угроз, столкновение различных концептуальных подходов суверенных государств к регулированию международных информационных отношениях. Изложенное не исключает возможность комплексного применения отдельных уже существующих норм и принципов, а стремление к поддержанию международного мира, стабильности и безопасности в информационной сфере соответствует критериям формирующегося института в рамках международно-правового регулирования информации.

Специфической чертой исследуемого института является его комплексный, межотраслевой характер. Противодействие преступности и агрессии в международных информационных отношениях, защита приватности, обеспечение свободы выражения мнения в сети Интернет указывают на то, что институту обеспечения информационной безопасности свойственна комплексность, обусловленная межотраслевыми связями. При этом, кругу международно-правовых отношений в области обеспечения информационной безопасности присуще уникальное предметное единство, затрагивающее правовое регулирование защиты информации в международных информационных отношениях.

Таким образом, институт обеспечения информационной безопасности выступает в качестве динамичного формирующегося межотраслевого института. Дальнейшее развитие и системная принадлежность данного направления к той или иной отрасли во много будет зависеть от выработки конкретных международно-правовых механизмов реализации ответственности государств и предотвращения конфликтов.

Список литературы:

[1] Баскин Ю.А., Крылов Н.Б., Левин Д.Б. и др. Курс международного права. В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права. –

М.: Наука, 1989. — 360 с.

[2] Бобров Р.Л., Малинин С.А. Организация Объединенных Наций: Международно-правовой очерк. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 82 с.

[3] Броунли Я. Международное право: В 2-х кн. Кн. 1. — М.: Прогресс, 1977. — 509 с.

[4] Казанский П.Е. Введение в курс международного права / / [Соч.] П. Казанского, проф. Новорос. ун-та. — Одесса : «Экономическая» тип и лит., 1901. — XII, [2], 386 с.

[5] Лукашук И.И. Источники международного права. – Киев, 1966. – 125 с.

[6] Тункин Г.И. Международное право: учебник. — М.: Юрид. лит., 1994. — 512 с.

[7] Филимонова М.В. Источники современного международного права / учебное пособие. – М., 1977. – 38 с.

[8] Kelsen H. 1952. Principles of International Law. New York: Rinehart&Co. 461 p.

References:

[1] Baskin YA, Krylov NB, Levin DB, et al. International law course. In 7 vol. 1. Concept, subject and system of international law. - M.: Nauka, 1989. - 360 s.

[2] Bobrov RL, Malinin SA United Nations: An International Legal Essay. - L.: Publishing House Leningr. University, 1959. - 82 s.

[3] Brownlie J. International Law: In 2 books. Kn. 1. - M.: Progress, 1977. - 509 p.

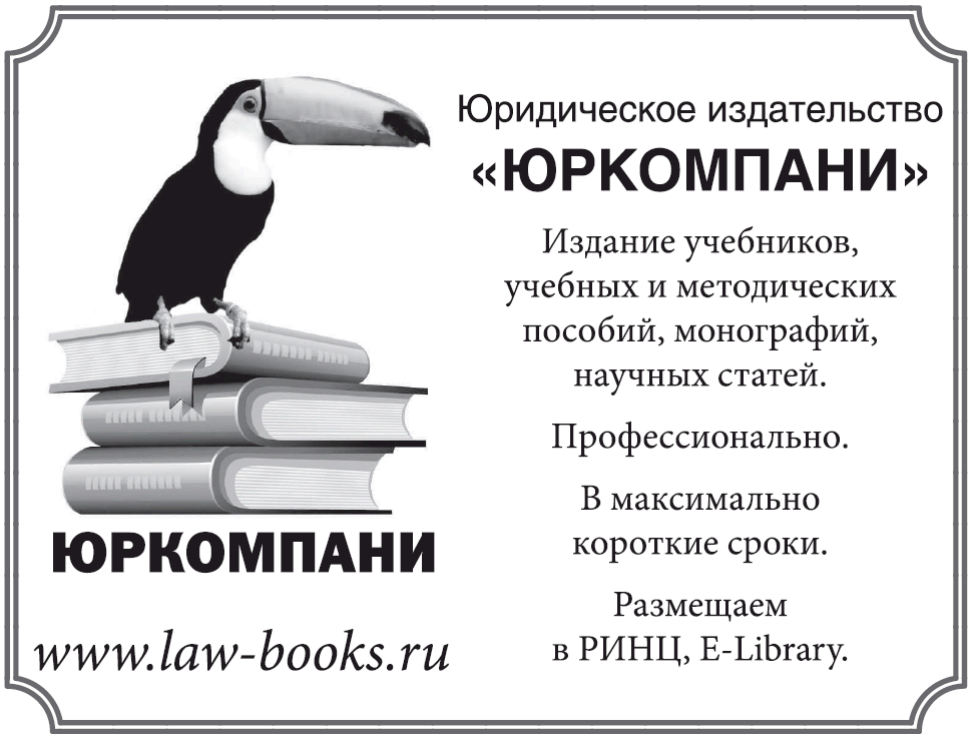
[4] Kazan P.E. Introduction to the course of international law // [Op.] P. Kazansky, prof. Novoros. University. - Odessa: "Economic" type. and lit., 1901. - XII, [2], 386 p.

[5] Lukashuk I.I. Sources of international law. - Kyiv, 1966. – 125 c.

[6] Tunkin G.I. International law: textbook. - M.: Jurid. lit., 1994. - 512 s.

[7] Filimonova M.V. Sources of modern international law/textbook. - M., 1977. - 38 s.

[8] Kelsen H. 1952. Principles of International Law. New York: Rinehart&Co. 461 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-250-254

ФОКИНА Светлана Павловна,
доцент кафедры русского и иностранных языков юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент,
e-mail: svetlanafokina@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ И ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. *Статья рассматривает современные практики исправительного воздействия на разные категории осужденных в развитых странах, таких как Англия, Швейцария и США. Особое внимание уделено правовому регулированию рассматриваемого вопроса. Проведен анализ международных нормативных актов, среди которых Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными, а также Пекинские и Бангкокские правила. Раскрыты различные формы организации воспитательной работы, направленные на развитие интеллектуальной, духовно-нравственной и социальной сфер жизни осужденных с целью их успешной ресоциализации после освобождения. В частности, описан опыт воспитательной работы с заключенными в рамках инициативных проектов «Teach First (Unlock-ed)» и «Justice Art Coalition».*

Ключевые слова: *воспитательная работа, осужденные к лишению свободы, зарубежный опыт, исправительные учреждения, соблюдения гражданских прав.*

FOKINA Svetlana Pavlovna,
Associate Professor of Russian and Foreign Languages Department of the Law Faculty, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, PhD in Pedagogical Sciences

ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK WITH INMATES: CURRENT FOREIGN PRACTICES AND INITIATIVES

Annotation. *The article deals with modern practices of corrective influence on different categories of convicts in developed countries, such as England, Switzerland, Germany and the USA. Special attention is paid to the legal regulation of the issue under consideration. An analysis of international legal acts is conducted, including the United Nations Minimum Rules for the Treatment of Prisoners, as well as the Beijing and Bangkok Rules. It has been revealed various forms of organizing educational work aimed at developing the intellectual, spiritual, moral and social spheres of life of convicts and ensuring their successful resocialization after release. In particular, the experience of corrective work with convicted persons within the framework of the initiative projects «Teach First (Unlock-ed)» and «Justice Art Coalition» is described.*

Key words: *educational work, convicted persons, foreign experience, corrective facilities, observance of civil rights.*

Сегодня основной задачей УИС в зарубежных странах является организация условий для перевоспитания преступников в пенитенциарный период с целью их дальнейшей ресоциализации. Применение лишения свободы как меры уголовно-правового принуждения ориентировано не только на восстановление социальной справедливости, недопущение совершения повторных преступлений, но также и на исправление осужденных. От эффективности мер воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы зависит успешность их дальнейшей адаптации к принятым в обществе нормам и правилам. Здесь важно понимать, что организация воспитательной работы в разных странах имеет как общие черты, так и свою специфику в виде уникальных практик, представляющих интерес для международного изучения.

Рассмотрение процесса воспитательного воздействия на осужденного как инструмент исправления следует начать с его правового регулирования. Основным стандартом в данном вопросе являются Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций (далее – ООН) в отношении обращения с заключенными (Правила Н. Манделы, 2015 г.). Правилами предусматривается наличие системы мер дисциплинарного воздействия на лиц, содержащихся

в местах лишения свободы. Кроме того, международный стандарт рекомендует предоставлять заключенным возможности для получения образования, профессиональной подготовки и трудоустройства, а также другие виды помощи, в том числе исправительного, морального, духовного, социального, медицинского и спортивного характера [4]. Все программы, мероприятия и услуги должны осуществляться с учетом индивидуальных потребностей заключенных (п. 2 правила 4). Стандарты рекомендуют проводить информирование осужденных о событиях, происходящих за пределами учреждения, предоставлять им возможность общаться с членами семей и друзьями.

Поскольку наказание в виде лишения свободы применяется к разным категориям правонарушителей, для каждой из них предусмотрена своя международно-правовая норма. Так, применительно к несовершеннолетним осужденным процесс исполнения и отбывания наказания попадает под юрисдикцию Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила, 1985 г.) [5]. Данный документ определяет необходимые требования к развитию личности делинквентов и получения ими образования, создание условий, позволяющих обеспечить содержательную жизнь подростков в обществе в тот период, когда они наиболее склонны к неправильному поведению.

С учетом гендерных особенностей в 2010 году были приняты Бангкокские правила, или Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы [6]. Документ определил меры по обращению с женщинами, отбывающими сроки тюремного заключения, включая профилактическую работу по охране здоровья и мероприятия по реабилитации и интеграции заключенных в жизнь общества. Например, дисциплинарные взыскания в отношении женщин-заключенных не включают запрет на контакты с семьей, особенно с детьми.

Следует отметить, что международные акты, регулирующие процесс исполнения и отбывания уголовных наказаний, определяют комплекс правовых норм, не противоречащих основополагающим документам в области обеспечения и защиты прав человека. Показательно, что сегодня рассматриваемые международные стандарты преимущественно стали составной частью национального законодательства развитых зарубежных стран, а в отдельных странах находятся на стадии интеграции в уголовно-исполнительную практику.

Как выяснилось, во многих зарубежных странах в основу организации воспитания заложен принцип занятости, в соответствии с которым осужденные должны привлекаться к общественно полезной деятельности. При этом используется комплексное сочетание различных форм работы: получение общего образования и профессиональной подготовки, поддержание физической и спортивной активности, организация труда и досуга, оказание психологической помощи, религиозное воспитание.

Образование в пенитенциарный период играет важную роль для социальной адаптации осужденных после освобождения. Интерес с практической точки зрения представляет опыт Англии, где этому аспекту воспитательного воздействия уделяется большое внимание. В 2016 году директор Академии в Уайт-Сити на западе Лондона Сэлли Коутс (Sally Coates) проанализировала деятельность пенитенциарных учреждений Англии и представила Министерству Юстиции отчет о доступности образования для осужденных к лишению свободы в английских тюрьмах [11].

В ходе проведенного С. Коутс исследования было установлено, что в вопросе получения образования наиболее уязвимой категорией заключенных являлись инвалиды, или люди с ограниченными возможностями. Многие из них, как выяснилось, страдали от дислексии, что стало серьезным препятствием для обучения. Низкий уровень успеваемости также отмечался у заключенных, плохо владеющих английским языком.

Более того, в отчете С. Коутс отмечалось, что около 60 % исправительных учреждений, реализующих на своей базе образовательные программы для осужденных, не соответствовали предъявляемым требованиям и нуждались в совершенствовании организации образовательного процесса.

Следует отметить, что в своем независимом обзоре «Раскрывая потенциал: образование в тюрьмах» С. Коутс не только выявляла релевантные проблемы, но и наметила пути их решения [11]. Её предложения нашли широкий отклик и были успешно реализованы в уголовно-исполнительных учреждениях Англии. В частности, по мнению Коутс, у каждого заключённого должен быть индивидуальный план обучения, который определяет образовательные мероприятия на период отбывания срока наказания. По инициативе С. Коутс была организована программа «Teach First (Unlock-ed)», ориентированная на привлечение в систему новых специалистов и обеспечение взаимодействия между исправительными учреждениями и вузами. Так, по условиям программы выпускники-бакалавры в течение двух лет осуществляли трудовую деятельность в исправительных учреждениях, параллельно обучаясь в магистратуре Кембриджского университета. Ор-

ганизация воспитательной работы и обучения заключенных в британских тюрьмах входили в профессиональные обязанности студентов-волонтёров. Предварительно они прошли 10-недельные курсы подготовки, в том числе тренинг по основам педагогической деятельности. Показательно, что около 50% из них остались работать в УИС.

Предложения С. Коутс о необходимости реализации образовательных программ с осужденными в очном формате и усилении контактной работы получили особую актуальность в 2019 году. Выяснилось, что меры, принятые властями в период пандемии COVID-19, серьезно ограничивали доступ заключенных к обучающим программам, впоследствии негативно отразилось на трудоустройстве освободившихся из мест лишения свободы. Дистанционный формат обучения стал препятствием для освоения практических разделов курса. Несмотря на объективные организационные сложности, обучение по отдельным программам профессиональной подготовки удалось успешно реализовать за счет возможности проведения занятий на открытом воздухе с соблюдением социальной дистанции. Снятие эпидемиологических ограничений позволило в мере реализовать озвученные предложения С. Коутс. Учитывая финансовую несостоятельность значительного числа осужденных британских тюрем (43 %), к данному направлению воспитательной работы в УИС были подключены благотворительные организации, в частности Prisoner's education Fund (PET). В 2022 году Фонд образования заключенных Великобритании предоставил возможность 1375 заключенным пройти обучение по программам общего, среднего и высшего образования.

Хотелось бы отдельно выделить практику организации воспитательной работы в женских исправительных учреждениях за рубежом. Современные исследования подтверждают, что в отличие от мужчин женское население тюрем нуждается в ином подходе к организации воспитательной работы. Речь идет не только о психологической и физиологической специфике данной категории осужденных, но и об их жизненных установках и практичности. В частности, проведенный в 2018 году Федеральным Бюро Тюрем (далее – ФБТ) опрос среди американских женщин-заключенных показал, что более 79% респондентов хотели бы участвовать в дополнительных реабилитационных программах. Кроме того, 70% женщин, участвовавших в опросе, сообщили, что они предпочли бы иметь документ, который позволил бы им гарантированно трудоустроиться после освобождения, чем диплом об окончании выбранной образовательной программы (29%). Повышение общей грамотности уступило, таким образом, по востребованности семейно-бытовым и трудовым навыкам. 83% участников отметили, что курсы по управлению финансами и получению пенсионных выплат для женщин были бы более полезными. Специально для этой целью в федеральных исправительных учреждениях США были введены программы для женщин-осужденных (Resolve, Female Integrated Treatment, Turning Point), которые помогают им успешно социализироваться после освобождения, сформировать жизненно необходимые навыки.

В рамках данного исследования нельзя обойти вниманием зарубежный опыт воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями. В частности, в Швейцарии в отношении делинквентов используют воспитательные методики, основанные на принципах конфронтационной педагогики.

Сторонники данной педагогической теории утверждают, что человек имеет противоречивую природу, ему присуще одновременно сострадание и врожденная агрессия. Следовательно, воспитательное воздействие должно быть направлено на создание таких условий, в которых оступившийся подросток осознал последствия содеянного и нес ответственность за свои действия.

В контексте проводимого исследования конфронтационный подход представляет особый интерес для изучения, т.к. он существенно меняет профессиональную позицию и практику деятельности специалистов по воспитательной работе в УИС. Можно сказать, что в настоящее время происходит процесс смены парадигмы. Возраст перестает оправдывать противоправное поведение подростка. Специалистами признается объективная необходимость «сталкивать» несовершеннолетних преступников с последствиями их действий, побуждать к осознанному и самостоятельному исправлению ситуации, к деятельному раскаянию [8, с.179 - 180].

Стоит обратить внимание на тот факт, что в Швейцарии уголовная ответственность за правонарушение наступает с 10 лет, однако наказание в форме лишения свободы назначается с 15 лет. Для данной категории правонарушителей предусмотрены исправительные учреждения открытого или закрытого типа [2, с. 25]. Подавляющая часть сотрудников этих учреждений социальные работники, психологи, педагоги. Их задача – не только сформировать у ребенка совокупность качеств, определяющих социально приемлемое поведение, но и помочь ему в признании своей вины. Специалистами разрабатывается индивидуальный план воспитательной работы, который требует от делинквента соблюдения предложенных ему условий реабилитации. Такие индивидуальные траектории могут включать принудительное лечение и помещение в закрытую группу для наркозависимых [1].

Показательно, что в развитых зарубежных странах, например в США и Канаде, также приняты индивидуальные планы и программы воспитательной работы с поднадзорными лицами. Эти «траектории» определяются на основе предварительного анализа личности правонарушителя и оценки риска рецидива [3, с.132-137]. Воспитательная работа в рамках данных программ ориентирована на формирование у осужденных следующих способностей: справляться с отрицательными эмоциями, принимать взвешенные самостоятельные решения, устранять конфликты, устанавливать межличностные связи, контролировать свои эмоции, мысли и поведение.

Еще одним направлением воспитательной работы с осужденными в зарубежных странах является духовно-нравственное развитие и просвещение. Так, в рамках проводимого исследования актуальность представляет опыт деятельности американского объединения «Justice Art Coalition» (далее – JAC), которое активно взаимодействует с пенитенциарными учреждениями и обеспечивает взаимодействие осужденных с обществом, способствует их творческому становлению и нравственному росту, создает возможность для самовыражения и поиска себя в мире искусства [7, с. 87-90].

Художники, музыканты и защитники искусства, входящие в состав JAC, пропагандируют идею о том, что их деятельность помогает услышать голоса тех, кто больше всего пострадал от массового лишения свободы, формирует общественный диалог на пересечения двух тем – искусства и правосудия.

Преодоление стигматизации и социальной изоляции людей, находящихся в местах лишения свободы, а также оказание помощи осужденным в социальной адаптации являются основными целями данного сообщества. Обозначенные ориентиры успешно реализуются посредством организации и проведения тематических семинаров, художественных выставок, культурных программ с участием лиц, имеющих судимость в прошлом или отбывающих срок тюремного заключения. Учитывая эту специфику, многие мероприятия JAC проводятся в дистанционном формате. Взаимодействие участников также осуществляется через дискуссионные площадки в социальных сетях и на открытых онлайн платформах. Так, на официальном сайте организации размещены более 280 портфолио с работами заключенных, информация об открытых онлайн-галереях и выставках, а также музыкальные записи и интервью с авторами.

Проекты, организуемые JAC, получили широкое распространение в США. При поддержке данной организации среди осужденных проводится, в частности, ежегодный конкурс «PEN». Участники мероприятия представляют авторские сочинения, которые посвящены актуальной социальной и пенитенциарной тематике, обращают внимание общественности на проблему соблюдения гражданских прав и обеспечения социальной справедливости.

Согласно размещенному на официальном сайте отчету JAC за 2022 год, за данный период были организованы 7 выставок, на которых были представлены картины 60 новых художников из числа американских осужденных. Начиная с 2019 года, их проекты «pARTner», «Create and Connect», «Wednesday Night Gatherings» «Art and Agency» нашли отклик у сотен новых участников [10].

В заключении отметим, что рассмотренные инициативы и практики воспитательной работы заслуживают, как нам представляется, отдельного внимания и дальнейшего изучения с целью совершенствования механизмов социальной адаптации и перевоспитания осужденных в пенитенциарный период. Воспитательная работа с осужденными сегодня является ключевым моментом в реализации основных направлений реформирования отечественной уголовно-исполнительной системы, ориентированной, в частности, на гуманизацию условий содержания поднадзорных лиц, а также соблюдение их прав и законных интересов.

Список литературы:

[1] Брылева А.А. Особенности отбывания наказания несовершеннолетними осужденными в местах лишения свободы: отечественный и зарубежный опыт. – Пермь, Пермский институт ФСИН России, 2014. – 60 с.

[2] Голодов П. В. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы и мер воздействия в отношении несовершеннолетних и молодых взрослых в Швейцарии / П. В. Голодов // Ius Publicum et Privatum. 2018. № 1(1). С.25-27.

[3] Ежова О. Н. Зарубежный опыт организации процесса ресоциализации осужденных к лишению свободы / О. Н. Ежова // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 2. С. 132-137.

[4] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными // Конвенции и соглашения URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

[5] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних // Конвенции и соглашения URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 06.09.2026).

[6] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы // Конвенции и соглашения URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 06.09.2026).

[7] Полянский А. М. Практический подход к решению проблемы социальной изоляции осужденных в США: опыт организации «Justice Art Coalition» / А. М. Полянский, С. П. Фокина // Российское общество и государство на современном этапе Выпуск 3. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2023. С. 87 – 90.

[8] Шишигина С. Н. Конфронтационная педагогика в работе с трудными подростками / С. Н. Шишигина // NovaInfo.Ru. 2016. Т. 4, № 56. С. 378-382.

[9] Bring Teach First graduate scheme to prisons, review to recommend // The guardian URL: https://www.theguardian.com/education/2016/apr/04/bring-teach-first-graduate-scheme-prisons-sally-coates (дата обращения: 10.01.2026).

[10] Justice Arts Coalition // A national network and resource for those creating in and around the criminal legal system, 2022. – URL: https://theprisonartscoalition.com (дата обращения: 10.09.2026).

[11] Unlocking potential: a review of education in prison // GOV.UK URL: https://www.gov.uk/government/publications/unlocking-potential-a-review-of-education-in-prison (дата обращения: 06.09.2026).

References:

[1] Bryleva A.A. Peculiarities of serving sentences by juvenile convicts in places of deprivation of liberty: domestic and foreign experience. - Perm, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2014. - 60 s.

[2] Golodov P.V. Peculiarities of the execution of punishment in the form of imprisonment and measures of influence against minors and young adults in Switzerland / P.V. Golodov // Ius Publicum et Privatum. 2018. № 1(1). C.25-27.

[3] Yezhova O. N. Foreign experience in organizing the process of resocialization of those sentenced to imprisonment/O. N. Yezhova // Legal Bulletin of Samara University. 2018. VOL. 4, NO. 2. S. 132-137.

[4] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners // Conventions and Agreements URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (accessed: 06.09.2026).

[5] United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice // Conventions and Agreements URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (accessed: 06.09.2026).

[6] United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Women Prisoners and Non-custodial Penalties for Women Offenders // Conventions and URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml Agreements (accessed: 06.09.2026).

[7] Polyansky A. M. A practical approach to solving the problem of social isolation of convicts in the USA: the experience of the Justice Art Coalition / A. M. Polyansky, S. P. Fokina // Russian society and the state at the present stage Issue 3. Vladimir: VUI FSIN of Russia, 2023. S. 87-90.

[8] Shishigina S. N. Confrontational pedagogy in working with difficult adolescents/ S. N. Shishigina // NovaInfo.Ru. 2016. VOL. 4, NO. 56. S. 378-382.

[9] Bring Teach First graduate scheme to prisons, review to recommend // The guardian URL: https://www.theguardian.com/education/2016/apr/04/bring-teach-first-graduate-scheme-prisons-sally-coates (accessed: 10.01.2026).

[10] Justice Arts Coalition // A national network and resource for those creating in and around the criminal legal system, 2022. - URL: https://theprisonartscoalition.com (access date: 10.09.2026).

[11] Unlocking potential: a review of education in prison // GOV.UK URL: https://www.gov.uk/government/publications/unlocking-potential-a-review-of-education-in-prison (accessed: 06.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-255-259

КАТУНИНА Маргарита Викторовна,
Соискатель, РГПУ им. А.И. Герцена.
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ka-margaret@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПЕРЕДОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *В данной статье предпринята попытка определить современные направления развития международно-правового регулирования информации под влиянием информационно-коммуникационных технологий, главным образом на примере универсальной Конвенции Организации Объединенных наций против киберпреступности, принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 24 декабря 2024 г., а также некоторых региональных международно-правовых актов.*

Одним из важнейших направлений международно-правового сотрудничества в сфере информации в настоящее время является обеспечение международной информационной безопасности, в том числе, в сфере охраны персональных данных. В связи с этим приведены некоторые региональные международно-правовые акты в сфере охраны персональных данных, дано их описание и подчеркивается их роль в сфере охраны персональных данных.

На данный момент отношения в сфере развития международно-правового регулирования информации не могут быть выделены в самостоятельный институт ввиду отсутствия кодификации, незавершенности процесса формирования специальных принципов и ряда других причин.

В сфере международно-правового регулирования информации активно формируется специальный принцип охраны персональных данных именно благодаря гибкому реагированию международных организаций на изменения в технологической и информационной сферах. Определение специальных принципов помогает создать прочный фундамент комплексного института международно-правового регулирования информации.

В основном вопросы охраны персональных данных, кибербезопасности, информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, поднимаются в международно-правовых актах. Таким образом, основным направлением развития международно-правового регулирования информации является совместное противодействие киберпреступности всеми странами, предотвращение несанкционированного доступа к электронным данным, в том числе персональным данным. На данный момент ведется разработка универсальных требований профильной конвенции ООН о защите персональных данных.

Ключевые слова: *киберпреступность, охрана персональных данных, международно-правовое регулирование информации, информационно-коммуникационные технологии.*

KATUNINA Margarita Viktorovna,
Applicant, Herzen University, Saint Petersburg, Russia

MODERN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF INFORMATION UNDER THE INFLUENCE OF ADVANCED TECHNOLOGIES

Annotation. *This article attempts to identify the modern directions of the development of international legal regulation of information under the influence of information and communication technologies, primarily using the example of the United Nations Convention against Cybercrime, adopted by the UN General Assembly on December 24, 2024, as well as some regional international legal acts.*

One of the most important areas of international legal cooperation in the field of information is currently ensuring international information security, including the area of personal data protection. In this regard, some regional international legal acts in the field of personal data protection are presented, their description is provided, and their role in the field of personal data protection is emphasized.

At present, relations in the field of the development of international legal regulation of information cannot be distinguished as an independent institution due to the lack of codification, the incomplete nature of the process of forming special principles, and a number of other reasons.

In the field of international legal regulation of information, a special principle of the protection of personal data is actively taking shape, precisely thanks to the flexible response of international organizations to changes in the technological and information spheres. Defining special principles helps to create a solid foundation for the complex institution of international legal regulation of information.

Generally, issues related to the protection of personal data, cybersecurity, informatization, and telecommunications in the context of international security are addressed in international legal acts. Thus, the main direction of the development of the international legal regulation of information is the joint counteraction to cybercrime by all countries and the prevention of unauthorized access to electronic data, including personal data. At present, universal requirements for a specialized UN convention on the protection of personal data are being developed.

Key words: *cybersecurity, personal data protection, international legal regulation of information, information and communication technologies.*

В настоящее время не осталось сферы международно-правового регулирования, которая бы не трансформировалась под влиянием активного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Сфера международно-правового регулирования информации претерпела значительные изменения под влиянием передовых технологий. Это послужило причиной возникновения вопроса о формировании международного информационного права.

В.П. Талимончик полагает, что «вопрос о том, может ли являться международное информационное право отраслью, подотраслью или институтом, связан с дискуссиями в правовой доктрине, касающимися структуры международного права» [8]. По мнению Л.Н. Галенской, международное право делится на международное материальное и международное процессуальное право, далее эти отрасли могут быть разделены на ряд институтов [7]. Следует согласиться с мнением В.П. Талимончик, что «если принимать дальнейшее деление международного права на институты, то международное информационное право является формирующимся межинституционным образованием, нормы которого присутствуют во всех институтах международного права. На данном этапе развития международное информационное право не может быть выделено в самостоятельный институт ввиду недостаточного объема нормативного материала, незавершенности процесса формирования специальных принципов...» [8].

Общее осмысление проблем, стоящих в сфере международно-правового регулирования информации, требует системного и комплексного подхода. В настоящее время представляется необходимым выявить уязвимые места в развитии информационной инфраструктуры, устранить их, защитить информационные ресурсы государств от несанкционированного доступа и обеспечить конституционные права и свободы граждан. В этом состоит значимость развития международно-правового регулирования информации в современных условиях. В основном вопросы охраны персональных данных, кибербезопасности, информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, неприкосновенности частной жизни в эпоху цифровых технологий поднимаются во многих резолюциях, директивах, регламентах и других актах международных организаций.

Следует остановиться более подробно на Конвенции ООН против киберпреступности от 24 декабря 2024 г. [1]. Инициатором разработки Конвенции выступила Россия.

«Принятый документ – итог пятилетней кропотливой работы государств-членов ООН. Он стал первым в истории универсальным международным договором в области информационной безопасности, подтвердил востребованность новых норм международного права для справедливого регулирования цифровой сферы в интересах всего мирового сообщества. Конвенция призвана стать прочной основой для налаживания правоохранительного сотрудничества в противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в преступных целях. Нацелена на борьбу с несанкционированным доступом к электронным данным и их незаконным перехватом; подлогом, хищением или мошенничеством...Закрепляется цифровой суверенитет государств над своим информационным пространством, в том числе посредством наращивания международного взаимодействия между компетентными ведомствами.

В перспективе сфера охвата соглашения может быть расширена за счет разработки протокола по дополнительным составам преступлений. В фокусе – борьба с использованием ИКТ в террористических и экстремистских целях...» [8]. Разработка протокола о незаконном доступе к персональным данным и включение в Уголовный

Кодекс Российской Федерации соответствующей статьи заслуживает особого внимания.

Хотелось бы рассмотреть следующие положения Конвенции.

Во-первых, Конвенция призывает государства-участников включить в своё национальное законодательство определенные деяния, связанные с использованием ИКТ в преступных целях, и установить минимальные стандарты для составов таких преступлений. Это, например, такие деяния как незаконный доступ к информационно-коммуникационной системе в целом или ее части, незаконный перехват электронных данных, воздействие на электронные данные, информационно-коммуникационную систему и другие.

Во-вторых, согласно ст.35 Государства-участники сотрудничают друг с другом в соответствии с положениями настоящей Конвенции и других применимых международных документов о международном сотрудничестве в уголовно-правовых вопросах и нормами внутреннего законодательства.

Статья 36 посвящена защите персональных данных. Статья предусматривает, что «Государство-участник, передающее персональные данные в соответствии с настоящей Конвенцией, делает это в соответствии со своим внутренним законодательством и любыми возможными обязательствами передающей стороны по применимым нормам международного права. Государства-участники не обязаны передавать персональные данные в соответствии с настоящей Конвенцией, если эти данные не могут быть предоставлены в соответствии с их применимыми законами, касающимися защиты персональных данных» [1]. Также Государствам-участникам рекомендуется заключать двусторонние и многосторонние договоренности для облегчения передачи персональных данных. В соответствии с п.3 статьи 36 «для передачи персональных данных, полученных в соответствии с настоящей Конвенцией, третьей стране или международной организации Государство-участник уведомляет первое передающее Государство-участник о своем намерении и запрашивает у него разрешение. Государство-участник передает персональные данные только с разрешения первого передающего Государства-участника, которое может потребовать, чтобы разрешение предоставлялось в письменной форме» [1].

Важно отметить, что Конвенция закладывает практические механизмы. Например, она рекомендует странам создавать национальные контактные пункты, которые работают в режиме 24/7 для оперативного взаимодействия правоохранительных органов. Также она регулирует вопросы взаимной правовой помощи: как запрашивать данные, как их сохранять, как изымать.

Одна из ключевых составляющих Конвенции - это международное сотрудничество в целях оперативного обеспечения сохранности хранимых электронных данных. Документ устанавливает процедуры, которые позволяют странам законно и своевременно собирать, сохранять и передавать электронные доказательства для уголовных расследований или судопроизводства.

Отдельное внимание в Конвенции уделено технической помощи и наращиванию потенциала. Конвенция предусматривает меры для укрепления потенциала государств, особенно развивающихся стран. Это может включать передачу технологий на согласованных условиях, чтобы помочь совершенствовать законодательство и повышать квалификацию сотрудников правоохранительных органов.

В документе содержатся положения, которые балансируют эффективность правоохранительных мер с необходимостью соблюдения прав человека и основных свобод.

Таким образом, мы полагаем, что основным направлением международного информационного права является совместное противодействие киберпреступности всеми странами, предотвращение несанкционированного доступа к электронным данным, в том числе персональным данным. В системе международно-правового регулирования информации охране персональных данных уделяется все больше внимания, но пока на данный момент в системе международно-правового регулирования международных информационных отношений в сфере охраны персональных данных нет необходимой упорядоченности.

Соглашений в сфере охраны персональных данных пока еще немного.

Это такие Конвенции как: Конвенция стран – участников Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных № 108 от 28 января 1981 г. [2], Соглашение государств - участников Содружества Независимых Государств о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными от 18 декабря 2020 г.[3] и другие.

Конвенция стран – участников Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных № 108 от 28 января 1981 г.[2] - это первый международный договор, специально посвященный защите персональных данных. В соответствии со ст.1 Конвенции «...Цель настоящей Конвенции состоит в обеспечении на территории каждой Стороны для каждого физического лица, независимо от его гражданства или местожительства, уважения его прав и основных свобод, и в частности его права на неприкосновенность частной жизни, в

отношении автоматизированной обработки касающихся его персональных данных («защита данных»)» [2]. Согласно Конвенции под «персональными данными» понимается любая информация об определенном или поддающемся определению физическом лице («субъекте данных»).

Эта Конвенция была первым шагом на законодательном уровне закрепить обязательства государств по обеспечению соблюдения ряда базовых принципов защиты персональных данных: ограниченность целей обработки данных; минимальное вмешательство в частные дела; обязательство уведомлять субъекта данных о причинах обработки его информации; запрет на передачу данных третьим лицам без должных гарантий защиты.

Подписанная большинством европейских стран, данная Конвенция послужила основой для последующего совершенствования национального законодательства.

Многие директивы, регламенты в сфере охраны персональных данных были приняты Советом Европы и Европейским союзом. Это такие международные акты как: Директива 2002/58/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 12 июля 2002 года об обработке персональных данных и защите конфиденциальности в сфере электронных коммуникаций (Директива о конфиденциальности и электронных коммуникациях) [5]; Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского Парламента и Европейского Союза от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных, отменяющих Директиву 95/46/ЕС (Общий регламент по защите персональных данных GDPR) [6] и другие.

Таким образом, каждое соглашение, резолюция, директива, регламент и другие международные акты международных организаций и конференций в сфере охраны персональных данных, кибербезопасности вносят вклад в увеличение значимости охраны персональных данных, как одного из современных направлений в сфере развития международно-правового регулирования информации. На данный момент ведется разработка универсальных требований профильной конвенции ООН о защите персональных данных.

Список литературы:

[1] Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определёнными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьёзным преступлениям от 24 декабря 2024 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения 30.03.2025).

[2] Конвенция стран – участников Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных № 108 от 28 января 1981 года. – URL: https://rm.coe.int/1680078c46 (дата обращения 21.05.2025).

[3] Соглашение государств – участников Содружества Независимых Государств о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными от 18 декабря 2020 года. – URL: https://rppa.pro/doku.php?id=npa/sng27_18.12.2020 (дата обращения 19.05.2025).

[4] Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 02.03.2025).

[5] Директива 2002/58/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 12 июля 2002 года об обработке персональных данных и защите конфиденциальности в сфере электронных коммуникаций (Директива о конфиденциальности и электронных коммуникациях). – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32002L0058 (дата обращения 21.05.2025).

[6] Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского Парламента и Европейского Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных, отменяющий Директиву 95/46/ЕС (Общий регламент по защите персональных данных GDPR). – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (дата обращения 21.05.2025).

[7] Галенская Л.Н. О понятии международного уголовного права // Советский ежегодник международного права. 1968. М., 1970.

[8] Талимончик В.П. К вопросу о понятии международного информационного права [Текст] / В.П. Талимончик // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сборник научных трудов по материалам XIII международной научно-практической конференции: в 5-и томах. Том 3 (г. Тольятти, 21-24 апреля 2016 года). – Издательство : Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт) (г. Тольятти). – 2016. – С. 127-130.

[9] О принятии Конвенции ООН против киберпреступности // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1989289/ (дата обращения 12.09.2026).

References:

[1] UN Convention against Cybercrime;

strengthening international cooperation in the fight against certain crimes committed using information and communication systems, and in the exchange of evidence in electronic form related to serious crimes of December 24, 2024. - URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (date of contact 30.03.2025).

[2] Council of Europe Convention for the Protection of Natural Persons in the Automated Processing of Personal Data No. 108 of 28 January 1981. - URL: https://rm.coe.int/1680078c46 (date of contact 21.05.2025).

[3] Agreement of the member states of the Commonwealth of Independent States on mutual legal assistance on administrative issues in the field of personal data exchange dated December 18, 2020. - URL: https://rppa.pro/doku.php?id=npa/sng27_18.12.2020 (date of contact 19.05.2025).

[4] Universal Declaration of Human Rights (Adopted by UN General Assembly resolution 217 A (III) of December 10, 1948). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 02.03.2025).

[5] Directive 2002/58/EC of the European Parliament and of the Council of 12 July 2002 on the processing of personal data and the protection of privacy in the field of electronic communications (Privacy and Electronic Communications Directive). - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32002L0058 (date of contact 21.05.2025).

[6] Regulation (EC) 2016/679 of the European Parliament and of the European Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, repealing Directive 95/46/EC (GDPR). - URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (date of contact 21.05.2025).

[7] Galenskaya L.N. On the concept of international criminal law // Soviet Yearbook of International Law. 1968. M., 1970.

[8] Talimonchik V.P. On the concept of international information law [Text]/ V.P. Talimonchik // Tatishchevsky readings: current problems of science and practice: a collection of scientific works based on the materials of the XIII international scientific-practical conference: in 5 volumes. Volume 3 (Togliatti, April 21-24, 2016). - Publishing house: Volzhsky University named after V.N. Tatishchev (institute) (Togliatti). – 2016. - S. 127-130.

[9] On the adoption of the UN Convention against Cybercrime // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: official website. - URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1989289/ (date of contact 12.09.2026).

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-260-271

УМАРОВ Курбан Алиевич,
магистрант 2 курса Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация,
e-mail: ukurban2312@mail.ru

МАГОМЕДОВА Аминат Мустафаевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАЛИБЕКОВ Рамазан Пахрутдинович,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация
e-mail: ramzal29@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (П. «А» Ч. 3 СТ. 286 УК РФ)

Аннотация. *В статье исследуются уголовно-правовая природа и проблемы квалификации насильственных действий сотрудников органов внутренних дел, совершаемых при превышении должностных полномочий (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Анализируются объективные и субъективные признаки состава, содержание квалифицирующего признака «применение насилия», пределы правомерного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также соотношение основного состава превышения полномочий со смежными составами преступлений (ст. 111, 112, 117, 203, 302, 309, 318 УК РФ) и с пыткой как самостоятельным квалифицирующим признаком (ч. 4 ст. 286 УК РФ). Отдельное внимание уделено установлению умысла должностного лица, разграничению преступного и правомерного причинения вреда в ситуациях задержания, необходимой обороны и крайней необходимости. На основе анализа разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, обзоров судебной практики и доктринальных позиций выявлены типичные квалификационные ошибки и сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного закона, разъяснений высшей судебной инстанции и правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *превышение должностных полномочий; п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ; сотрудники органов внутренних дел; насилие; применение физической силы; специальные средства; пытки; квалификация преступлений; разграничение составов; совокупность преступлений; правомерное причинение вреда.*

UMAROV Kurban A.,
2nd year Master's student, Law Institute, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

MAGOMEDOVA Aminat M.,
Candidate of Law (PhD), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law Institute, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

ZALIBEKOV Ramazan P.,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Law Institute, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS AND PROBLEMS OF QUALIFICATION OF VIOLENT ACTIONS OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS EXCEEDING OFFICIAL POWERS (ITEM "A" PART 3 OF ART. 286 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. *The article examines the criminal-legal nature and the problems of qualification of violent actions of internal affairs officers committed while exceeding official powers (item "a" part 3 of art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation). The objective and subjective elements of the offence, the content of the aggravating feature "use of violence", the limits of lawful use of physical force, special means and firearms, as well as the correlation of the basic offence of abuse of powers with related offences (arts. 111, 112, 117, 203, 302, 309, 318 of the Criminal Code) and with torture as an independent aggravating feature (part 4 of art. 286) are analysed. Particular attention is paid to establishing the intent of the official and to the distinction between criminal and lawful infliction of harm in situations of detention, necessary defence and extreme necessity. Based on the analysis of the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, reviews of judicial practice and doctrinal positions, typical qualification errors are identified and specific proposals for improving the criminal law, the clarifications of the highest judicial instance and law-enforcement practice are formulated.*

Key words: *exceeding official powers; item "a" part 3 of art. 286 of the Criminal Code of the Russian Federation; internal affairs officers; violence; use of physical force; special means; torture; qualification of crimes; delimitation of offences; cumulation of crimes; lawful infliction of harm.*

Правоохранительная деятельность государства неразрывно связана с наделением сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) значительным объемом властных полномочий, включая право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [2]. Именно эта сфера наиболее чувствительна для прав и свобод человека: любое необоснованное насилие со стороны носителя публичной власти подрывает доверие к государству, деформирует правосознание и порождает устойчивый запрос на повышенную уголовно-правовую охрану личности от должностного произвола. Законодательным ответом на такие посягательства служат нормы главы 30 УК РФ, и прежде всего ст. 285 и 286 УК РФ [1], устанавливающие ответственность за злоупотребление должностными полномочиями и за их превышение.

Особое положение среди этих норм занимает п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, предусматривающий ответственность за превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения [1]. Указанный признак одновременно и наиболее часто вменяемый по делам рассматриваемой категории, и наиболее сложный для правовой оценки, поскольку он предполагает отграничение преступного насилия от внешне схожего правомерного применения принуждения уполномоченным лицом. По справедливому замечанию исследователей, конструкция ст. 286 УК РФ объединяет деяния, качественно различные по степени общественной опасности, — от должностных проступков, граничащих с дисциплинарными, до посягательств, сопряженных с истязаниями и пытками, что делает ее «зонтичной» нормой и порождает конкуренцию с составами преступлений против личности и противив правосудия [12].

Актуальность темы усиливается высокой латентностью насилия со стороны сотрудников ОВД, сложностью доказывания субъективной стороны и отсутствием в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ специальных правил квалификации насильственных действий сотрудников полиции по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Практика нижестоящих судов при разрешении таких дел нередко демонстрирует разнонаправленные подходы, а обвинительные приговоры неоднократно отменялись вышестоящими инстанциями именно в связи с неустановлением умысла на превышение должностных полномочий [8].

Превышение должностных полномочий является специальным составом по отношению к злоупотреблению должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, в отличие от ответственности за совершение действий в пределах своей компетенции вопреки интересам службы, ответственность по ст. 286 УК РФ наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий [3].

В доктрине уголовного права соотношение ст. 285 и 286 УК РФ традиционно рассматривается через категорию конкуренции общей и специальной нормы. Так, Б. В. Волженкин отмечал, что «норма об ответственности за превышение должностных полномочий является специальной по отношению к норме о злоупотреб-

лении должностными полномочиями, поскольку представляет собой специальный случай такого злоупотребления» [15, с. 45]. При этом ученый подчеркивал, что возникающая конкуренция общей и специальной нормы разрешается в пользу специальной нормы в соответствии с положением, закрепленным в ч. 3 ст. 17 УК РФ [15, с. 46]. Иную позицию занимает П. С. Яни, полагающий, что «должностное злоупотребление — частный случай превышения полномочий» [21, с. 12], то есть предлагающий обратное соотношение норм. Несмотря на различие теоретических подходов к характеру конкуренции ст. 285 и 286 УК РФ, практический вывод совпадает: при наличии признаков обеих норм квалификация осуществляется по специальной норме — ст. 286 УК РФ, что получило отражение в разъяснениях высшей судебной инстанции.

Ключевым для понимания природы рассматриваемого деяния является признак «явного выхода» за пределы полномочий. Пленум Верховного Суда РФ раскрывает его через четыре типовые формы: действия, относящиеся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу); действия, которые могли быть совершены лишь при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте; действия, требующие коллегиальности или согласования, совершенные единолично; и наконец действия, которые никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать [3]. Для сотрудников ОВД определяющее значение имеет именно вторая и четвертая формы: применение физической силы, специальных средств или оружия допускается законом лишь при наличии строго определенных оснований, а причинение страданий в целях получения признаний недопустимо ни при каких обстоятельствах.

В доктрине понятие «явный выход» за пределы полномочий получило неоднозначную интерпретацию. М. А. Любавина считает, что «явность выхода за пределы полномочий относится к характеристике вины и свидетельствует о том, что должностное лицо со всей очевидностью осознавало, что не обладает полномочиями на совершение тех действий, которые совершает» [20, с. 23]. Еще в XIX веке русский ученый В. Есипов писал, что «превышение власти есть всякое действие должностного лица в нарушение закона или вне пределов власти, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу» [23, с. 312]. Аналогичной позиции придерживались А. Н. Трайнин и А. Б. Сахаров, называя подобное разграничение составов единственно возможным [24, с. 78].

Б. В. Здравомыслов развил эту мысль: «действия при превышении власти характеризуются, как указано в законе, тем, что они явно выходят за пределы предоставленных должностному лицу прав и полномочий. Этот признак следует понимать в том смысле, что должностное лицо совершает действия, не входящие в его служебную компетенцию, превышающие предоставленные ему законом, уставом или ведомственными инструкциями или распоряжениями полномочия и права» [25, с. 156]. Данное понимание признака «явного выхода» за пределы полномочий сохраняет свою актуальность и в современной доктрине.

Объект рассматриваемого посягательства носит сложный характер. Основным непосредственным объектом выступает нормальная управленческая деятельность государственного аппарата, дополнительным — телесная неприкосновенность, здоровье, а в ряде случаев и жизнь потерпевшего. Такая «двухобъектность» предопределяет и правила квалификации: насилие, образующее признак п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, по общему правилу охватывается основным составом, однако при причинении вреда здоровью определенной тяжести возникает вопрос о совокупности с преступлениями против личности.

Потерпевшими по делам рассматриваемой категории чаще всего выступают задержанные, доставленные, административно арестованные лица, а также граждане, в отношении которых проводятся проверочные мероприятия. Именно уязвимость указанных лиц, находящихся в состоянии фактической зависимости от представителя власти, обусловливает повышенную общественную опасность насильственных действий сотрудников ОВД и служит основанием для отнесения содеянного к категории тяжких преступлений (санкция ч. 3 ст. 286 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от трех до десяти лет) [1].

Законодатель не раскрывает содержание понятия «насилие» применительно к ст. 286 УК РФ, что порождает в доктрине несколько подходов. Согласно первому, наиболее распространенному, под насилием при превышении должностных полномочий понимается незаконное физическое воздействие на потерпевшего, выражающееся в нанесении ударов, побоев, совершении иных действий, причиняющих физическую боль, а равно удержание, связывание и тому подобные действия. Согласно второму подходу, объем признака расширяется за счет психического насилия — угрозы применения физического насилия [13]. Законодательная конструкция п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, прямо указывающая как на применение насилия, так и на угрозу его применения, свидетельствует в пользу второго подхода и позволяет признать, что угроза насилием образует самостоятельную форму рассматриваемого квалифицирующего признака.

В доктрине уголовного права понятие на-

силия разработано достаточно детально. Л. Д. Гаухман под физическим насилием понимает «противоправное воздействие на организм другого человека, включая и воздействие путем введения в организм любым способом отравляющих, сильнодействующих веществ» [17, с. 12]. При этом ученый указывал, что «в законе под термином „насилие“ подразумевается только физическое насилие. Если же предусматривается ответственность за угрозу применения насилия, то это специально оговаривается в диспозиции нормы» [17, с. 14]. Именно такой подход — с прямым указанием в диспозиции п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ как на применение насилия, так и на угрозу его применения — реализован законодателем.

Ориентиром для уяснения содержания насилия служит разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о тождественном по юридической природе составе превышения полномочий частным охранником: под угрозой применения насилия следует понимать высказывания или иные действия, свидетельствующие о намерении применить к потерпевшему любое физическое насилие, когда такая угроза воспринималась потерпевшим как реальная [4]. Данное разъяснение применимо по аналогии и к превышению полномочий должностным лицом, поскольку признаки насилия в ст. 203 и в ст. 286 УК РФ конструируются законодателем однотипно.

Объем насилия, охватываемого п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, в судебной практике определяется через категории вреда здоровью. Устойчивый подход состоит в том, что насилие, не повлекшее причинения вреда здоровью, а равно насилие, причинившее легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается квалифицированным составом превышения полномочий и дополнительной квалификации по ст. 115 или 112 УК РФ не требует. Напротив, причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) либо смерти по неосторожности выходит за пределы состава п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и требует квалификации по совокупности преступлений. Это правило выводится, в частности, из законодательной конструкции ч. 4 ст. 286 УК РФ, которая выделяет причинение по неосторожности смерти потерпевшего или тяжкого вреда его здоровью в особо квалифицированный состав лишь применительно к пытке, оставляя иные случаи на разрешение по правилам совокупности [1]. Аналогичный подход Пленум Верховного Суда РФ демонстрирует и применительно к специальному субъекту — сотруднику, применившему насилие в отношении представителя власти: применение насилия, которым причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается составом преступления и дополнительной квалификации по ст. 115 или 112 УК РФ не требует [5].

Дискуссионным остается вопрос о нижней границе насилия: охватывается ли признаком п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ нанесение побоев, не причинивших вреда здоровью. Представляется, что ответ должен быть положительным, поскольку законодатель говорит о «применении насилия», а не о «причинении вреда здоровью», и тем самым охватывает любой объем физического воздействия, сопряженного с причинением физической боли. Ограничительное же толкование привело бы к необоснованному выведению из состава наиболее распространенных форм должностного насилия и к парадоксальному выводу о меньшей опасности ударного воздействия по сравнению с угрозой его применения.

В доктрине уголовного права отсутствует единство и в вопросе о том, насколько удачна сама конструкция ст. 286 УК РФ. Ряд исследователей рассматривает ее как «зонтичную» норму, объединяющую деяния, качественно различные по степени общественной опасности, что затрудняет их разграничение и создает конкуренцию со смежными составами; другие, напротив, указывают на необходимость сохранения единого состава превышения полномочий ввиду невозможности исчерпывающего перечисления всех форм выхода за пределы полномочий [12]. С учетом сравнительно-правового опыта отмечается, что в ряде зарубежных правопорядков (Германия, Испания, США, Эстония) ответственность за необоснованное применение насилия должностными лицами устанавливается специальными составами преступлений, тогда как в странах постсоветского пространства превышение полномочий выделено в самостоятельный состав [12]. В учебной литературе при раскрытии признаков превышения должностных полномочий подчеркивается, что деяние всегда связано с активным поведением должностного лица и осознанием выхода за пределы возложенных полномочий [13], что подтверждает вывод о решающей роли субъективной стороны для отграничения преступного поведения от правомерного.

Центральная практическая проблема квалификации насильственных действий сотрудников ОВД состоит в отграничении преступного деяния от правомерного применения принуждения. Законодательной основой здесь служат нормы Федерального закона «О полиции», определяющие основания, условия и пределы применения физической силы (ст. 20), специальных средств (ст. 21) и огнестрельного оружия (ст. 23) [2]. Сотрудник полиции обязан проходить специальную подготовку и периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям, связанным с применением физической силы, специальных средств и оружия, а превышение полномочий при их применении влечет ответствен-

ность, установленную законодательством [2].

Прямое разъяснение о необходимости учитывать основания и пределы применения силы содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ применительно к частным охранникам: при отграничении превышения полномочий, совершенного с применением насилия, использованием оружия или специальных средств (например, резиновой палки, наручников), от правомерных действий судам следует учитывать основания, условия и пределы применения физической силы, оружия или специальных средств, определенные соответствующим законом, а также условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне, крайней необходимости или задержании лица, совершившего преступление [4]. Аналогичные по существу критерии Пленум закрепил и для должностных лиц: при отграничении превышения должностных полномочий, совершенного с применением оружия или специальных средств, от правомерных действий должностных лиц судам надлежит учитывать основания, условия и пределы применения оружия или специальных средств, определенные в соответствующих нормативных правовых актах, в том числе в Федеральном законе «О полиции» [3].

Важное значение приобретает и институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ прямо указал, что деяние, содержащее признаки превышения должностных полномочий, совершенное должностным лицом для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, охраняемым законом интересам общества или государства, при невозможности ее устранения иными средствами, не может быть признано преступным, если не было допущено превышения пределов крайней необходимости [3]. Распространяется ли на сотрудника полиции состояние необходимой обороны и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, — вопрос, по которому Верховный Суд РФ высказался в обзоре практики применения главы 8 УК РФ [8].

В доктрине данный вопрос также получил освещение. А. М. Сильников и Д. О. Ляпин высказывают точку зрения, что «любой вред, причиняемый сотрудниками силовых ведомств, который соответствует условиям применения силы и оружия в соответствии со „специальным“ законодательством, должен признаваться правомерным; если же нарушаются порядок и основания применения силы и оружия, ответственность должна наступать за превышение должностных полномочий» [26, с. 54]. К аналогичным выводам приходят в своих исследованиях Д. В. Боев и А. Г. Блинов [27, с. 112].

Вместе с тем в доктрине отмечаются и существенные сложности практического применения института необходимой обороны к деятельности сотрудников полиции. Как справедливо указывается в литературе, «действующих норм Уголовного кодекса России, прежде всего норм главы 8, явно недостаточно, а их формулировки далеки от совершенства и позволяют переложить вину за причинение вреда на лиц, осуществляющих причинение вреда в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния» [22, с. 20]. А. И. Каплунов и С. Ф. Милюков отмечают, что «намерение о непосредственной угрозе начала посягательства может быть выражено в виде действий (например, в форме демонстрации оружия или заменяющих его средств с одновременным приближением к обороняющемуся, несмотря на предупреждение) или словесно, и у обороняющегося следует устанавливать лишь соответствующее субъективное восприятие этих действий» [18, с. 47]. При этом, как подчеркивают исследователи, «судебно-следственные работники иногда допускают серьезные ошибки, направляя все усилия на юридическую оценку действий обороняющегося, которые без соответствующих оснований объективно попадают под действие какой-либо статьи Особенной части УК РФ» [18, с. 49].

Наиболее убедительной иллюстрацией сложности такого разграничения служит пример из обзора судебной практики Верховного Суда РФ. Инспектор ДПС Н. был осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ за нанесение двух ударов ладонью по затылочной части головы задержанному, не оказывавшему сопротивления, что повлекло причинение легкого вреда здоровью. Однако судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда отменила обвинительный приговор и прекратила уголовное дело за отсутствием состава преступления, установив, что сотрудник действовал в условиях реально воспринимаемой угрозы, при недостаточном количестве спецсредств и при наличии оснований считать задержанных вооруженными, а его умысел не был направлен на превышение должностных полномочий [8]. Данный пример наглядно демонстрирует, что решающее значение приобретает оценка обстановки задержания и субъективного отношения сотрудника к своим действиям, а не формальная тяжесть причиненного вреда.

Вместе с тем следует признать, что действующие разъяснения не содержат единого алгоритма оценки правомерности применения силы сотрудниками ОВД. Пленум Верховного Суда РФ раскрыл критерии лишь применительно к частным охранникам и в общей форме — к должностным лицам, тогда как сотрудники полиции, наделенные наибольшим объемом полномочий по применению принуждения, специального регулирующего разъяснения не получили. Это порожда-

ет разнородную практику и обосновывает необходимость восполнения указанного пробела.

Как отмечалось, насилие, не повлекшее тяжкого вреда здоровью, охватывается п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Однако если насилие носило характер систематического нанесения побоев и причинило физические или психические страдания, не повлекшие последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК РФ, возникает конкуренция с составом истязания (ст. 117 УК РФ) [1]. Представляется, что при совершении сотрудником ОВД систематических насильственных действий в отношении задержанного содеянное должно квалифицироваться по совокупности п. «а» ч. 3 ст. 286 и соответствующей части ст. 117 УК РФ, поскольку объекты посягательства не совпадают, а истязание образует самостоятельное посягательство на здоровье и телесную неприкосновенность. При причинении тяжкого вреда здоровью либо при наступлении смерти по неосторожности требуемая квалификация по совокупности со ст. 111 УК РФ дополнительно осложняется необходимостью установления формы вины в отношении последствий.

Наиболее острой является конкуренция п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ст. 302 УК РФ, устанавливающей ответственность за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля к даче показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, а равно то же деяние, соединенное с применением насилия или издевательств [1]. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что к иным незаконным действиям, совершаемым в целях принуждения к даче показаний, могут быть отнесены оскорбление данных лиц, умышленное существенное нарушение установленных требований о продолжительности и об условиях проведения допроса, использование сфальсифицированных доказательств [6]. Соответственно, когда то же насилие совершается сотрудником ОВД с целью получения показаний, объект посягательства смещается в сторону интересов правосудия, и определяющим для квалификации становится установление специальной цели принуждения.

В доктрине по данному вопросу высказаны различные позиции. Б. В. Волженкин отмечал, что норма об ответственности за превышение должностных полномочий является специальной по отношению к норме о злоупотреблении должностными полномочиями, и приводил пример, когда следователь применяет насилие к подозреваемому, чтобы добиться признания в совершении преступления [15, с. 48]. При этом в литературе справедливо указывается, что принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ) является специальной нормой по отношению к превышению должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) [20, с. 56]. Как отмечается в доктрине, «при квалификации по ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ специальная цель и так подлежит обязательному установлению как признак субъективной стороны (например, цель принуждения к даче показаний)» [14, с. 6].

Представляется, что при наличии такой цели содеянное подлежит квалификации по ст. 302 УК РФ (как более специальной норме), а при отсутствии цели принуждения к даче показаний — по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Сложнее обстоит дело, когда насилие совершается как вне процессуальных целей, так и без признаков собственно розыскной необходимости: в таких случаях возможна идеальная совокупность, требующая отдельного обоснования.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний либо эксперта, специалиста к даче ложного заключения, совершенные лицом, не осуществляющим производство предварительного следствия или дознания и не действующим с ведома или молчаливого согласия следователя либо дознавателя, при наличии к тому оснований квалифицируются по частям 2–4 ст. 309 УК РФ [6]. Это разграничение существенно для дел, где насилие применяется оперативным сотрудником, формально не наделенным процессуальными полномочиями, что требует тщательного установления его процессуального статуса и характера выполняемых действий.

Конкуренция п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ст. 318 УК РФ возникает в зеркальной ситуации: когда потерпевшим от насилия выступает сотрудник ОВД как представитель власти. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что уголовная ответственность по ст. 318 УК РФ наступает за применение насилия либо угрозу его применения в отношении представителя власти в связи с законным исполнением им должностных обязанностей [5]. Очевидно, что ст. 318 УК РФ и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ являются нормами о разных субъектах и разных общественных отношениях и по общему правилу не конкурируют. Вместе с тем при оценке встречного насилия сотрудника важно учитывать разъяснение Пленума о том, что если насилие в отношении представителя власти было совершено в ответ на явно незаконные действия со стороны сотрудника, содеянное при наличии к тому оснований может быть квалифицировано как преступление против личности [5]. Это разъяснение имеет прямое значение и для оценки «перерастания» правомерного задержания в превышение полномочий.

В доктрине обращается внимание на сложности квалификации применения насилия в отношении представителей власти в случаях, когда сотрудники ОВД исполняют служебные обязанности в неофициальном порядке.

Е. И. Сулейманова достаточно подробно описала эту проблему, отмечая, что «понятие „в связи с исполнением служебных обязанностей“ включает в себя не только непосредственное исполнение представителем власти служебных обязанностей, но и их исполнение в неофициальном порядке или даже в прошлом» [28, с. 33]. При квалификации преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, необходимо учитывать законность применения силы самим представителем власти. В случае нарушения сотрудником полиции должностного регламента, в котором предписывается применение силы, его действия могут признаваться насилием, несовместимым с правилами задержания правонарушителя, а следовательно, не влекут уголовно-правовую защиту [28, с. 35].

Наконец, применительно к частным охранникам Пленум Верховного Суда РФ указал, что если виновное лицо при превышении полномочий умышленно причинило потерпевшему средней тяжести вред здоровью, содеянное следует дополнительно квалифицировать по соответствующей части ст. 112 УК РФ, а при сопряженности превышения полномочий с убийством или умышленным причинением тяжкого вреда здоровью — по совокупности с соответствующей статьей главы 16 УК РФ [4]. Данный подход к тяжкому вреду и убийству согласуется с выработанным для ст. 286 УК РФ правилом, согласно которому причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти выходит за пределы состава п. «а» ч. 3 ст. 286 и требует квалификации по совокупности. Вместе с тем в части средней тяжести вреда подходы к ст. 203 и ст. 286 УК РФ расходятся: применительно к частным охранникам Пленум предписывает дополнительно квалифицировать содеянное по ст. 112 УК РФ, тогда как применительно к должностным лицам насилие, причинившее средней тяжести вред, охватывается п. «а» ч. 3 ст. 286 без дополнительной квалификации. Это расхождение может быть обосновано различием общественной опасности субъектов, однако отсутствие специального разъяснения для сотрудников ОВД порождает неопределённость в правоприменении и подтверждает тезис о необходимости восполнения указанного пробела.

Превышение должностных полномочий — умышленное преступление. Пленум Верховного Суда РФ подчеркивает, что ответственность наступает, если должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий [3]. Именно установление этого интеллектуального момента составляет главную сложность при квалификации насильственных действий сотрудников ОВД, действующих в динамичной и опасной обстановке задержания.

В доктрине данный вопрос также получил освещение. Т. В. Колосовская отмечает, что «законодательная характеристика преступных действий как явно выходящих за пределы должностных полномочий создает условия для признания превышения должностных полномочий преступлением, совершаемым с прямым умыслом» [19, с. 26]. М. А. Любавина, как уже отмечалось, связывает признак «явности» выхода за пределы полномочий с характеристикой вины, подчеркивая, что «должностное лицо со всей очевидностью осознавало отсутствие у него соответствующих полномочий» [20, с. 24].

Судебной практике известны дела, в которых обвинительные приговоры отменялись вследствие недоказанности умысла на превышение полномочий. Так, по уже упоминавшемуся делу в отношении инспектора ДПС Н. судебная коллегия констатировала, что не установлено, будто при применении силы умысел сотрудника был направлен на превышение должностных полномочий либо на причинение потерпевшему физической боли или вреда здоровью, поскольку сотрудник стремился задержать лицо и не допустить совершения им противоправных деяний [8]. Следовательно, определяющим критерием разграничения преступного и правомерного поведения выступает направленность умысла, а не сам факт причинения вреда.

Особую сложность представляет квалификация насилия, совершенного сотрудником ОВД из ложно понятых интересов службы. В этом случае личная заинтересованность отсутствует, а мотив не является криминообразующим признаком превышения полномочий. Пленум Верховного Суда РФ прямо указал, что исходя из диспозиции ст. 286 УК РФ для квалификации содеянного как превышение должностных полномочий мотив преступления значения не имеет [3]. Это означает, что мотив может учитываться как обстоятельство, характеризующее личность и влияющее на назначение наказания, но не определяет наличие состава. Существенно, что личная заинтересованность является криминообразующим признаком злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) [1], [3], но не превышения, что разводит эти составы по субъективной стороне.

В доктрине высказана позиция о том, что «при предъявлении обвинения должен быть конкретно указан соответствующий мотив личного характера, которым руководствовалось должностное лицо, совершая злоупотребление» [21, с. 16]. Применительно к превышению полномочий, однако, мотив не имеет значения для квалификации, что подтверждается разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ.

С процессуальной точки зрения важным ориентиром служит разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о том, что если подсудимый объясняет изменение или отказ от полученных в

присутствии защитника показаний тем, что они были даны под принуждением в связи с применением недозволенных методов ведения расследования, суд обязан принять достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления, причем бремя опровержения доводов защиты лежит на государственном обвинителе [7]. Это правило имеет двойное значение: оно обеспечивает полноту установления фактических обстоятельств насилия и одновременно дисциплинирует правоприменителя, не позволяя использовать полученные под принуждением доказательства.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ статья 286 УК РФ была дополнена квалифицирующим признаком «с применением пытки» (ч. 4) и особо квалифицированным составом — причинение по неосторожности смерти потерпевшего или тяжкого вреда его здоровью в результате пытки (ч. 5), а в примечании дано легальное определение пытки [1]. Под пыткой понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо либо в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, либо по любой причине, основанной на дискриминации любого характера [1].

В доктрине данная новелла получила неоднозначную оценку. В. Н. Борков, выступая с основным докладом на заседании круглого стола в НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ, предложил комментарий новеллы — применения при превышении должностных полномочий пытки (ч. 4 ст. 286 УК РФ), а также рассмотрел вопросы разграничения этого деяния и применения при превышении должностных полномочий насилия и специальных средств (п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ) [14, с. 4]. Ученый обосновал вывод о том, что указанные квалифицированные составы превышения должностных полномочий отличаются используемыми виновным приемами и методами посягательства, причиняющими потерпевшему особые физические и нравственные страдания [14, с. 5]. По мнению В. Н. Боркова, можно выделить следующие критерии разграничения: «от „обычного“ насилия пытка отличается значительной продолжительностью и желанием виновного причинить сильную боль, физические страдания потерпевшему» [14, с. 7]. Кроме того, как отмечает ученый, ключевым критерием выступает не столько интенсивность насилия, сколько наличие специальной цели — принуждения к даче показаний, наказания или дискриминации [14, с. 8].

С. С. Гамаюнов в своем исследовании отмечает, что «законодательное смешение элементов объективной стороны (способ) и субъективной стороны (цель) в определении пытки порождает логические коллизии», и предлагает авторский подход к пониманию издевательства исключительно как формы психического насилия, а также выявляет обратную зависимость между интенсивностью и продолжительностью воздействия для квалификации деяния как пытки [16, с. 3]. Основные выводы исследователя состоят в том, что «пытка не должна противопоставляться насилию и издевательствам; для квалификации необходимо устанавливать специальную цель и специальный субъект» [16, с. 12].

Легальное определение пытки в примечании к ст. 286 УК РФ воспроизводит формулу, закрепленную и в ст. 302 УК РФ, что порождает коллизию при квалификации насильственных действий сотрудников ОВД, совершаемых в целях получения показаний. С одной стороны, такие действия прямо охватываются признаками пытки как квалифицирующего признака превышения полномочий (ч. 4 ст. 286 УК РФ); с другой — образуют состав принуждения к даче показаний с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ) [1]. Санкции указанных норм совпадают по размеру основного наказания (лишение свободы на срок от четырех до двенадцати лет) и дополнительного (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет), что не снимает, а, напротив, обостряет проблему конкуренции: при идентичных санкциях выбор нормы определяется не тяжестью возможного наказания, а исключительно объектом посягательства и специальной целью деяния, что требует чёткого разграничительного критерия на уровне разъяснений высшей судебной инстанции [1].

Представляется, что при конкуренции указанных норм приоритет должен отдаваться ст. 302 УК РФ как норме, специально направленной на охрану интересов правосудия и устанавливающей ответственность за посягательство на доказательственную деятельность. Однако при отсутствии цели получения показаний (например, когда насилие применяется в целях наказания задержанного или его запугивания) содеянное следует квалифицировать по ч. 4 ст. 286 УК РФ. Формально-юридическая неопределенность этого выбора, равно как и совпадение легальных дефиниций, требуют, на наш взгляд, разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

Дополнительную сложность создает оговорка примечания к ст. 286 УК РФ о том, что не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица либо неизбежно сопряжены с такими дей-

ствиями [1]. Эта оговорка концептуально близка к институту обстоятельств, исключающих преступность деяния, и должна применяться с учетом оснований, условий и пределов применения физической силы, закрепленных в Федеральном законе «О полиции» [2]. Однако ее оценочный характер («неизбежно сопряжены») создает риск необоснованного оправдания должностного насилия и потому нуждается в уточнении в разъяснениях высшей судебной инстанции.

Проблема разграничения п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ со смежными составами имеет системный характер и проявляется в трех плоскостях: разграничении с преступлениями против личности (определяется тяжестью вреда здоровью); разграничении с преступлениями против правосудия (определяется специальной целью принуждения к даче показаний); разграничении с правомерным применением принуждения (определяется соблюдением оснований, условий и пределов применения силы, а также содержанием умысла).

Установление совокупности преступлений должно подчиняться требованию о ее последовательном (реальном или идеальном) характере, при котором каждое из деяний влечет самостоятельные общественно опасные последствия. Это требование получило подтверждение применительно к совокупности злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога: Верховный Суд РФ указал, что совокупность таких преступлений возможна лишь при последовательном их совершении, когда служебный подлог не входит в объективную сторону злоупотребления и каждое из деяний повлекло самостоятельные последствия [9]. Данный подход по аналогии применим и к превышению должностных полномочий.

В доктрине подчеркивается, что «норма об ответственности за превышение должностных полномочий является специальной по отношению к норме о злоупотреблении лицом своими должностными полномочиями, так как представляет собой специальный случай такого злоупотребления. Если же превышение должностных полномочий образует специальный состав преступления, то ответственность согласно правилу ч. 3 ст. 17 УК РФ наступает только по специальной норме» [15, с. 47]. Как отмечается в научной литературе со ссылкой на судебную практику, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело об осуждении лица по п. п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 и по ч. 2 ст. 302 УК РФ, исключила из приговора общую норму (п. п. «а», «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ), указав, что если превышение должностным лицом своих полномочий было выражено в принуждении к даче показаний, соединенном с применением насилия или издевательств, содеянное надлежит квалифицировать только по ст. 302 УК РФ, поскольку одно действие, предусмотренное общей нормой (ст. 286 УК РФ) и специальной нормой (ст. 302 УК РФ), не может образовывать совокупность преступлений [20, с. 58]. После введения Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ самостоятельной части, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний, соединённое с применением пытки (ч. 3 ст. 302 УК РФ), приведённое правило сохраняет силу: квалификация осуществляется по соответствующей части ст. 302 УК РФ как специальной норме, а насилие или издевательства, не достигающие уровня пытки, охватываются ч. 2 данной статьи.

Обращает на себя внимание и правило о недопустимости двойного учета одного и того же обстоятельства. Так, совершение должностного преступления сотрудником органа внутренних дел может быть предусмотрено в качестве признака конкретного состава и, согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, не может повторно учитываться при назначении наказания; Верховный Суд РФ подтвердил это применительно к ст. 290 УК РФ [10]. Правило имеет практическое значение для назначения справедливого наказания по делам о насильственных действиях сотрудников ОВД.

Исходя из проведенного анализа, предлагается следующий комплекс мер по совершенствованию уголовного закона, разъяснений высшей судебной инстанции и правоприменительной практики.

Дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 специальным пунктом, посвященным квалификации превышения должностных полномочий, совершенного с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ) [3]. В таком пункте целесообразно: раскрыть понятие насилия, охватывающего нанесение ударов, побоев, иных действий, причиняющих физическую боль, удержание и связывание, а также угрозу применения любого физического насилия, воспринимаемую потерпевшим как реальная; указать, что насилие, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти, за пределами ч. 4 и 5 ст. 286 УК РФ требует квалификации по совокупности с соответствующими статьями главы 16 УК РФ; закрепить правило разграничения превышения полномочий с правомерным применением физической силы, специальных средств и оружия посредством анализа оснований, условий и пределов их применения, установленных Федеральным законом «О полиции» [2], а также условий правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и при задержании лица, совершившего преступление (ст. 37–39 УК РФ).

Разграничить п. «а» ч. 3 и ч. 4 ст. 286 УК РФ со ст. 302 УК РФ. Целесообразно исходить из

принципа приоритета специальной нормы (ст. 302 УК РФ) в случаях, когда насилие либо пытка применяются с целью принуждения к даче показаний или заключения, и квалифицировать содеянное по п. «а» ч. 3 либо ч. 4 ст. 286 УК РФ при отсутствии такой цели. Соответствующее разъяснение следует включить в постановление Пленума Верховного Суда РФ о преступлениях против правосудия [6].

Уточнить законодательное определение пытки. Оговорка примечания к ст. 286 УК РФ о страданиях, «неизбежно сопряженных» с правомерными действиями должностного лица, носит оценочный характер [1]. Представляется оправданным дополнить ее указанием на необходимость оценки соразмерности примененного принуждения характеру и степени общественной опасности посягательства, что снизит риск необоснованного освобождения от ответственности.

Проведённое исследование подтверждает, что превышение должностных полномочий, совершённое с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ), представляет собой двухобъектное посягательство, посягающее как на нормальную управленческую деятельность государственного аппарата, так и на телесную неприкосновенность, здоровье, а в отдельных случаях — на жизнь потерпевшего. Квалифицирующий признак «применение насилия» охватывает как физическое насилие (удары, побои, удержание, связывание и иные действия, причиняющие физическую боль), так и угрозу применения любого физического насилия, воспринимаемую потерпевшим как реальная [4]. При этом насилие, причинившее лёгкий или средней тяжести вред здоровью, охватывается квалифицированным составом, тогда как причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти требует квалификации по совокупности преступлений. Решающим критерием разграничения преступного и правомерного поведения сотрудника ОВД выступают направленность умысла и соблюдение оснований, условий и пределов применения физической силы, специальных средств и оружия, установленных Федеральным законом «О полиции», а также правил необходимой обороны, крайней необходимости и задержания лица, совершившего преступление [2], [3], [8]. Мотив при превышении должностных полномочий для квалификации значения не имеет [3].

Вместе с тем анализ доктрины и правоприменительной практики выявляет устойчивые квалификационные коллизии: конкуренцию п. «а» ч. 3 ст. 286 и ст. 302 УК РФ; конкуренцию ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ вследствие совпадения легальных дефиниций пытки; отсутствие в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ специальных правил квалификации насильственных действий сотрудников ОВД; оценочный характер оговорки примечания к ст. 286 УК РФ [1], [6]. В этой связи предложенные меры — дополнение постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 специальным пунктом, разграничение конкурирующих норм по признаку специальной цели принуждения к даче показаний, уточнение законодательного определения пытки, разработка методических рекомендаций для правоприменителя — направлены на обеспечение единообразия судебной практики и повышение эффективности уголовно-правовой охраны личности от должностного произвола.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

[2] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях» // СПС «Гарант».

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // СПС «Гарант».

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «Гарант».

[8] Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г.) // СПС «Гарант».

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 октября 2025 г.) // СПС «Гарант».

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря

2017 г.) // СПС «Гарант».

[11] Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. — М.: Юрлитинформ, 2010. — С. 466–467.

[12] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов и др.; под ред. А. И. Рарога. — М.: ТК Велби, Проспект, 2004. — 696 с.

[13] Борков В. Н. Отграничение пытки от применения насилия или специальных средств при превышении должностных полномочий // Уголовное право. — 2022. — № 12. — С. 3–10.

[14] Волженкин Б. В. Служебные преступления. — М.: Юристъ, 2000. — 368 с.

[15] Гамаюнов С. С. Издевательство и пытки как квалифицирующие признаки преступлений против государственной власти, аддитивно сопряженных с посягательствами на жизнь и здоровье личности // Юридические исследования. — 2026. — № 9. — С. 1–14.

[16] Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. — М.: Юридическая литература, 1974. — 167 с.

[17] Каплунов А. И., Милюков С. Ф. Правомерность необходимой обороны: учебное пособие. — Омск: Омская академия МВД России, 2018. — 120 с.

[18] Колосовская Т. В. Превышение должностных полномочий // Молодой ученый. — 2016. — № 9. — С. 25–29.

[19] Любавина М. А. Квалификация должностных преступлений: учебное пособие. — СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017. — 96 с.

[20] Яни П. С. Должностное злоупотребление — частный случай превышения полномочий // Законность. — 2011. — № 12. — С. 12–16.

[21] Щетинина Н. В., Пашнин А. Н. Пределы правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и (или) огнестрельного оружия // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 19–23.

[22] Есипов В. Превышение власти по русскому уголовному праву. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. — 312 с.

[23] Трайнин А. Н., Сахаров А. Б. Должностные преступления. — М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. — 78 с.

[24] Здравомыслов Б. В. Должностные преступления: понятие и квалификация. — М.: Юридическая литература, 1975. — 156 с.

[25] Сильников А. М., Ляпин Д. О. Правомерность причинения вреда сотрудниками силовых ведомств // Российский следователь. — 2015. — № 8. — С. 52–56.

[26] Боев Д. В., Блинов А. Г. Актуальные вопросы применения сотрудниками полиции физической силы и огнестрельного оружия // Общество и право. — 2014. — № 3. — С. 110–114.

[27] Сулейманова Е. И. Применение насилия в отношении представителя власти: проблемы квалификации // Уголовное право. — 2019. — № 5. — С. 32–37.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended) // SPS "Garant.".

[2] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ "On the Police" (as amended) // SPS "Garant.".

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office" (as amended and supplemented) // SPS "Garant".

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2021 No. 21 "On some issues of judicial practice in cases of crimes against the interests of service in commercial and other organizations" // SPS" Garant".

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023 No. 14 "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for by Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation" // SPS "Garant".

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2022 No. 20 "On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes against justice" // SPS "Garant".

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 55 "On the court verdict" // SPS" Garant".

[8] Review of the application by the courts of the provisions of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation on circumstances excluding the criminality of the act (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 22, 2019) // SPS "Garant".

[9] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2025) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 8, 2025) // SPS "Garant".

[10] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 (2017) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation December 27, 2017) // SPS "Garant".

[11] Comparative criminal law. Special part: monograph / under general. and scientific. ed. S.P. Shcherba. - M.: Yurlitinform, 2010. - S. 466-467.

[12] Russian criminal law. Parts General and

Special: textbook / M.P. Zhuravlev, A.V. Naumov and others; ed. A.I. Raroga. - M.: TC Welby, Prospect, 2004. - 696 s.

[13] Borkov V. N. Delimitation of torture from the use of violence or special means in excess of official powers // Criminal law. — 2022. — № 12. - S. 3-10.

[14] Volzhenkin B.V. Service crimes. - M.: Lawyer, 2000. - 368 p.

[15] Gamayunov S. S. Bullying and torture as qualifying signs of crimes against state power, additively associated with attacks on the life and health of the person // Legal research. — 2026. — № 9. - S. 1-14.

[16] Gauhman L.D. Violence as a means of committing a crime. - M.: Legal literature, 1974. - 167 s.

[17] Kaplunov A.I., Milyukov S.F. The legality of the necessary defense: a textbook. - Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. - 120 s.

[18] Kolosovskaya T.V. Abuse of office // Young scientist. — 2016. — № 9. - S. 25-29.

[19] Lyubavina M. A. Qualification of malfeasance: a textbook. - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2017. - 96 s.

[20] Jani P. S. Official abuse is a special case of abuse of authority // Legality. — 2011. — № 12. - S. 12-16.

[21] Shchetinina N.V., Pashnin A.N. Limits of the legality of the use of physical force, special means and (or) firearms by police officers // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2016. — № 4. - S. 19-23.

[22] Esipov V. Excess of power under Russian criminal law. - St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich, 1892. - 312 s.

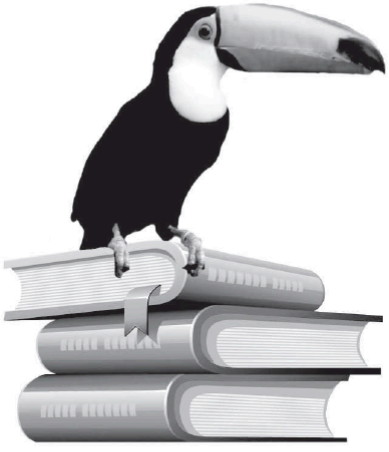
[23] Trainin A.N., Sakharov A.B. Malfeasance. - M.: Legal publishing house of the NKYU of the USSR, 1938. - 78 s.

[24] Zdravomyslov B.V. Malfeasance: concept and qualification. - M.: Legal literature, 1975. - 156 s.

[25] Silnikov A.M., Lyapin D.O. Lawfulness of harm by employees of law enforcement agencies // Russian investigator. — 2015. — № 8. - S. 52-56.

[26] Boev D.V., Blinov A.G. Topical issues of the use of physical force and firearms by police officers // Society and law. — 2014. — № 3. - S. 110-114.

[27] Suleymanova E.I. Use of violence against a government official: qualification problems // Criminal law. — 2019. — № 5. - S. 32-37.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-272-277

ПОПОВА Ольга Владимировна,
магистрант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Факультет «Плехановская школа бизнеса «Интеграл» Базовая кафедра «Экономические и правовые экспертизы» Союза судебных экспертов «Экспертный совет», Москва,
e-mail: study@izak.ru

КАВЕРИНА Элина Юрьевна,
к.э.н., доцент базовой кафедры «Экономические и правовые экспертизы» Союза судебных экспертов «Экспертный совет»,
e-mail: study@izak.ru

НАЛОГОВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ: ПОНЯТИЕ, МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ В СВЕТЕ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Аннотация. *Статья посвящена правовой природе налоговой реконструкции - института, не имеющего легального определения, но сформировавшегося в практике высших судов при применении ст. 54.1 Налогового кодекса РФ. Цель исследования - уточнить понятие налоговой реконструкции, систематизировать её методы и принципы и оценить возможность использования зарубежного опыта. Использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы; эмпирическую базу составили акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, арбитражных судов, разъяснения ФНС России и доктринальные работы 2020–2025 гг. Выделены пять доктринальных подходов к пониманию реконструкции и четыре её признака (целевой, методологический, результативный, процессуальный). Обоснована классификация методов реконструкции – метод прямых затрат, консолидационный и расчётный методы - с указанием условий применения каждого и результатов в судебной практике (снижение доначислений на 47–67 %). Сформулированы шесть принципов реконструкции и показано, что позиция Верховного Суда РФ по делу «Вокфорс» (2026) уточняет принцип влияния умысла только на размер штрафа. Предложено авторское определение налоговой реконструкции, охватывающее материально-правовой и процессуальный элементы.*

Ключевые слова: *налоговая реконструкция; действительные налоговые обязательства; ст. 54.1 НК РФ; расчётный метод; метод прямых затрат; консолидация; принцип экономического основания налога; substance over form; GAAR.*

POPOVA Olga,
Master's student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics», Faculty «Plekhanov Business School «Integral» Basic Department «Economic and Legal Expertise» of the Union of Forensic Experts «Expert Council», Moscow

KAVERINA Elina,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Basic Department "Economic and Legal Expertise" of the Union of Forensic Experts "Expert Council"

TAX RECONSTRUCTION: CONCEPT, METHODS AND PRINCIPLES IN THE LIGHT OF THE CASE LAW OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. *The article examines the legal nature of tax reconstruction, an institution that has no statutory definition but has developed in the case law of the highest courts applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation. The aim is to clarify the concept of tax reconstruction, systematise its methods and principles and assess the applicability of foreign experience. Formal legal, comparative and systemic methods were used; the empirical basis comprises acts of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, arbitration courts, guidance of the Federal Tax Service and doctrinal works of 2020–2025. Five doctrinal approaches and four features of reconstruction are identified. A classification of reconstruction methods (direct cost, consolidation and estimation methods) is substantiated, showing their conditions of application and results in court practice (a 47–67 % reduction of additional assessments). Six principles of reconstruction are formulated, and it is shown that the 2026 Supreme Court ruling in the Vokfors case refines the principle that intent affects only the amount of the penalty. An original definition of tax reconstruction covering both substantive and procedural elements is proposed.*

Key words: *tax reconstruction; actual tax liabilities; Article 54.1 of the Tax Code; estimation method; direct cost method; consolidation; economic basis of tax; substance over form; GAAR.*

Введение

Введение в 2017 г. статьи 54.1 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) [1] изменило подход к противодействию налоговым злоупотреблениям: оценочная категория «необоснованная налоговая выгода» уступила место формальным условиям признания расходов и вычетов. На практике это привело к тому, что налоговые органы при выявлении «технического» контрагента стали полностью исключать расходы и вычеты по сделке, даже если товар был реально получен и использован в деятельности. Подобный подход вступает в противоречие с конституционным требованием о законно установленном налоге (ст. 57 Конституции РФ [2]) и с принципом экономического основания налога (п. 3 ст. 3 НК РФ).

Реакцией судебной практики стал институт налоговой реконструкции – определение действительного размера налоговых обязательств исходя из подлинного экономического содержания операций. Несмотря на широкое применение, понятие реконструкции в законе не закреплено, её методы и принципы формулируются в отдельных судебных актах и разъяснениях ФНС России, а доктрина предлагает различающиеся подходы к её природе [3–9]. Отсутствие единого понимания порождает неопределённость и для налогоплательщиков, и для налоговых органов.

Цель статьи – уточнить понятие налоговой реконструкции, систематизировать её методы и принципы и оценить перспективы использования зарубежного опыта. Задачи исследования: проанализировать эволюцию понятия и доктринальные подходы; выделить признаки и уровни нормативной базы института; классифицировать методы реконструкции и сформулировать её принципы; сопоставить российский подход с зарубежными доктринами.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили: положения НК РФ и Конституции РФ; постановления и определения Конституционного Суда РФ (№ 5-П от 28.03.2000, № 5-П от 17.03.2009, № 10-П от 22.06.2009, № 329-О от 16.10.2003) [10–13]; постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 [14]; определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делам «Фирма Мэри», «Спецхимпром», «НБС-Групп», о консолидации при дроблении бизнеса и по делу «Вокфорс» [15–20]; акты арбитражных судов по делам «Понти Парфюм», «АВИС», «Тантал-2000» [21–23]; письма ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ и от 10.10.2022 № БВ-4-7/13450@ [24; 25]; научные публикации 2020–2025 гг.

Использованы формально-юридический метод (анализ норм и судебных актов), сравнительно-правовой метод (сопоставление российской практики с доктринами США, Германии и Великобритании), системный метод (выявление уровней нормативного регулирования), методы анализа и синтеза, обобщения и классификации. Количественные результаты реконструкции рассчитаны автором по данным судебных актов как отношение снижения доначислений к их первоначальной сумме.

Результаты

1. Эволюция понятия и доктринальные подходы

В развитии института выделяются три этапа. На первом этапе реконструкция отождествлялась с расчётным методом: Пленум ВАС РФ указал, что при признании сделок с «однодневками» реальный размер расходов определяется исходя из рыночных цен (п. 7 постановления № 53) [14]; Президиум ВАС РФ рассматривал её как способ определения реальной налоговой выгоды по ценам аналогичных сделок [26]. Второй этап начался с введением ст. 54.1 НК РФ, когда налоговые органы стали рассматривать нарушение условий п. 2 этой статьи как основание для полного отказа в расходах и вычетах. Третий этап связан с практикой Верховного Суда РФ 2021–2022 гг., утвердившей содержательный подход:

налоговая обязанность не может превышать действительные потери казны [16].

Анализ доктрины позволяет выделить пять подходов (табл. 1). Широкий подход рассматривает реконструкцию как особую процедуру налогового контроля, в ходе которой устанавливается, какую деятельность фактически вёл налогоплательщик [3; 4]. Инструментальный подход подчёркивает защитную функцию реконструкции, доступной в том числе лицам, непреднамеренно вовлечённым в схему [5]. Подход, понимающий реконструкцию как нормативный регулятор, связывает её с принципом «существо над формой» и конкуренцией гражданско-правовых и налоговых норм [6; 7]. Критический подход обращает внимание на профискальную направленность разъяснений ФНС России [8]. Наконец, в рамках правового реализма реконструкция рассматривается прежде всего как правовая квалификация отношений сторон [9].

Подход	Представители	Сущность реконструкции
Широкий (процедурный)	И.А. Цинделиани, Ж.Г. Попкова, Е.Г. Васильева; Е.А. Цветкова	Процедура установления фактически осуществлённой деятельности и вытекающих из неё обязательств
Инструментальный	И.Ю. Семухин	Инструмент снижения налоговых последствий, доступный в том числе лицам, случайно вовлечённым в схему
Нормативный регулятор	И.С. Евпрынцев	Проявление принципа «существо над формой», устанавливающее пределы воздействия публичных норм
Критический	Н.Д. Эриашвили, А.И. Григорьев	Реконструкция в трактовке ФНС России несёт профискальный характер и расширяет усмотрение инспекций
Правовой реализм	А.А. Кошина, Э.А. Гюльбасаров	Прежде всего правовая квалификация отношений сторон, а не расчётная процедура

Таблица 1 – Доктринальные подходы к понятию налоговой реконструкции

2. Признаки и нормативная база

Обобщение подходов позволяет выделить четыре признака налоговой реконструкции: целевой (установление действительного размера обязательств), методологический (опора на подлинное экономическое содержание операций), результативный (недопустимость налоговой обязанности, превышающей потери казны) и процессуальный (реализация как налоговыми органами, так и судами).

Нормативная база института имеет четыре уровня: конституционные принципы и правовые позиции Конституционного Суда РФ (ст. 57 Конституции РФ, запрет произвольного налогообложения, отсутствие ответственности налогоплательщика за действия всех участников многостадийного процесса уплаты налогов) [2; 10–13]; законодательные нормы (ст. 54.1, пп. 7 п. 1 ст. 31, ст. 122 НК РФ) [1]; разъяснения высших судов [14–20]; ведомственные акты ФНС России [24; 25]. Особенность института состоит в том, что ключевые правила его применения содержатся не в законе, а на третьем и четвёртом уровнях.

3. Классификация методов реконструкции

В судебной практике сложились три метода реконструкции, различающиеся условиями применения и доказательственной базой (табл. 2).

Метод прямых затрат применяется, когда реальный исполнитель установлен и его затраты подтверждены документами; необоснованной выгодой признаётся лишь наценка «технических» посредников. В деле «Спецхимпром» Верховный Суд РФ обязал учесть затраты производителя (129 млн руб.) и исключить только наценку посредников (162 млн руб.), что снизило доначисления на 47 % [16].

Консолидационный метод используется при дроблении бизнеса: консолидируются не только доходы группы, но и налоги, уплаченные её участниками на специальных режимах, как если бы проверяемое лицо уплачивало их за подконтрольных лиц [18]. Развивая эту позицию, Верховный Суд РФ указал на недопустимость консолидации доходов без учёта уплаченных налогов; при новом рассмотрении дела доначисление НДФЛ в сумме 736 251 руб. было признано недействительным [19].

Расчётный метод применяется, когда реальный поставщик не установлен, но факт приобретения не оспаривается; обязательства определяются по данным АСК НДС-2 о налоговых разрывах, по рыночным ценам либо по аналогичным операциям налогоплательщика (пп. 7 п. 1 ст. 31 НК РФ). В деле «Понти Парфюм» суд принял расчёт налогоплательщика по данным АСК НДС-2: разрывы составили 9,16 млн руб. (7 % оборота), и доначисление НДС было ограничено этой суммой вместо 27,9 млн руб., то есть снижено на 67 % [21].

Критерий	Метод прямых затрат	Консолидационный метод	Расчётный метод
Условие применения	Реальный исполнитель установлен, затраты подтверждены	Установлено дробление бизнеса	Исполнитель не установлен, расход реален
Доказательства	Первичные документы реального исполнителя	Документы группы, сведения об уплаченных налогах	Данные АСК НДС-2, рыночные цены, аналоги
Результат	Исключается только наценка посредников	Зачёт налогов участников группы	Доначисление ограничено налоговыми разрывами
Практика	Дело «Спецхимпром» (−47 %)	Определения ВС РФ № 301-ЭС22-4481, № 308-ЭС22-15224	Дело «Понти Парфюм» (−67 % по НДС)

Таблица 2 – Классификация методов налоговой реконструкции

4. Принципы налоговой реконструкции

На основе анализа практики сформулированы шесть принципов реконструкции: (1) экономического основания налога – налог взимается с реально полученной экономической выгоды (п. 3 ст. 3 НК РФ); (2) недопустимости «карательного» налогообложения – налоговая обязанность не может превышать потери бюджета [16]; (3) раздель-

ного определения последствий по НДС и налогу на прибыль – отсутствие источника для вычета НДС не исключает учёта реальных расходов [22]; (4) ограничения ответственности – налогоплательщик не отвечает за разрывы на дальних звеньях цепочки при недоказанности подконтрольности [13; 21]; (5) недопустимости формального подхода – формальность документооборота не может выводиться лишь из негативных характеристик контрагента [23]; (6) учёта формы вины при определении санкции, а не недоимки [22].

5. Зарубежный опыт

В США доктрины substance over form и business purpose развиваются судебной практикой с 1930-х гг., а налоговая служба активно использует административные процедуры определения действительных обязательств [27]. В Германии § 42 Налогового кодекса (Abgabenordnung) прямо предписывает определять налоговые последствия злоупотребления исходя из экономического содержания операции [27]. В Великобритании с 2013 г. действует общее правило против злоупотреблений (GAAR), позволяющее переквалифицировать операции, направленные исключительно на получение налоговой выгоды [28]. Общими для всех правопорядков являются приоритет экономического содержания и бремя доказывания на налоговом органе; различия касаются законодательного закрепления и роли административных процедур.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что расхождение доктринальных подходов во многом обусловлено тем, что налоговая реконструкция одновременно выполняет две функции. С материально-правовой стороны она определяет размер налоговой обязанности, с процессуальной – возлагает на налоговый орган и суд обязанность этот размер установить. Подходы, акцентирующие одну из сторон, не противоречат, а дополняют друг друга. С учётом этого предлагается следующее определение: налоговая реконструкция – это правовой механизм определения действительного размера налоговых обязательств исходя из подлинного экономического содержания хозяйственных операций, с учётом реально понесённых затрат и сформированного источника для вычета, реализуемый налоговым органом и судом в пределах, исключающих «карательное» налогообложение.

Дискуссионным остаётся соотношение реконструкции и умысла налогоплательщика. Позиция по делу «АВИС» исходит из того, что форма вины влияет лишь на размер штрафа [22]. Однако в определении от 31.03.2026 № 307-ЭС25-11805 по делу «Вокфорс» Верховный Суд РФ отказал в реконструкции налогоплательщику, умышленно использовавшему неоформленных работников и не представившему документов о реальных расходах [20]. Представляется, что эти позиции не исключают друг друга: умысел сам по себе не препятствует реконструкции, но в сочетании с нераскрытием реального исполнителя и использованием нелегальных ресурсов исключает её. Шестой принцип, таким образом, нуждается в уточнении.

Сопоставление с зарубежным опытом позволяет выделить три направления развития российского регулирования: законодательное закрепление понятия и порядка реконструкции (по примеру § 42 AO и GAAR); перенос реконструкции на стадию рассмотрения материалов проверки, что снизит нагрузку на суды; выработку единой методики расчёта действительных обязательств с использованием цифровых данных ФНС России. Ограничением исследования является то, что зарубежный опыт рассмотрен на уровне общих доктрин, без анализа конкретной правоприменительной практики.

Выводы

Налоговая реконструкция прошла путь от отождествления с расчётным методом до самостоятельного института определения действительных налоговых обязательств; в доктрине выделяются пять подходов к её пониманию.

Институт обладает четырьмя признаками (целевым, методологическим, результативным, процессуальным) и опирается на четырёхуровневую нормативную базу, ключевые правила которой содержатся в судебной практике и разъяснениях ФНС России.

Сложились три метода реконструкции – прямых затрат, консолидационный и расчётный; в рассмотренных делах их применение снизило доначисления на 47–67 %.

Сформулированы шесть принципов реконструкции; принцип учёта умысла только при определении санкции уточнён с учётом дела «Вокфорс».

Предложено авторское определение налоговой реконструкции, охватывающее материально-правовой и процессуальный элементы, и обоснована целесообразность её законодательного закрепления с учётом опыта Германии и Великобритании.

Список литературы:

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Цинделиани И.А., Попкова Ж.Г., Васильева Е.Г. Налоговая реконструкция как часть современной правовой реальности // Финансовое право. – 2023. – № 7. – С. 14–22.

[4] Цветкова Е.А. Трансформация защиты прав и законных интересов налогоплательщиков при налоговой реконструкции // Финансовое право. – 2021. – № 9. – С. 32–35.

[5] Семухин И.Ю. Применение механизма налоговой реконструкции для выявления и противодействия налоговым злоупотреблениям // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. – Симферополь : Ариал, 2024. – С. 997–1001.

[6] Евпрынцев И.С. Понятие и сущность термина «налоговая реконструкция» в налоговом праве Российской Федерации // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2023. – № 2-2. – С. 373–377.

[7] Евпрынцев И.С. Налоговая реконструкция: конкуренция гражданских и налоговых правовых норм // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 1А. – С. 123–129.

[8] Эриашвили Н.Д., Григорьев А.И. Парадигма «налоговой реконструкции» зашла в тупик или новое видение проблемы глазами ФНС России // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 333–338.

[9] Копина А.А. Налоговая реконструкция // Финансовое право. – 2022. – № 4. – С. 23–28.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2000 № 5-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2009 № 5-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2009 № 10-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 № 329-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[15] Определение СКЭС ВС РФ от 19.05.2021 № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] Определение СКЭС ВС РФ от 15.12.2021 № 305-ЭС21-18005 по делу № А40-131167/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Определение СКЭС ВС РФ от 12.04.2022 № 302-ЭС21-22323 по делу № А10-133/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] Определение СКЭС ВС РФ от 21.07.2022 № 301-ЭС22-4481 по делу № А29-2698/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] Определение ВС РФ от 23.12.2022 № 308-ЭС22-15224 по делу № А63-18516/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] Определение СКЭС ВС РФ от 31.03.2026 № 307-ЭС25-11805 по делу № А56-83561/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[21] Решение Арбитражного суда Московской области от 02.03.2023 по делу № А41-72722/2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[22] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.08.2025 № Ф09-2587/25 по делу № А76-20242/2023. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[23] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.10.2023 № Ф09-6422/23 по делу № А60-57973/2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[24] Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[25] Письмо ФНС России от 10.10.2022 № БВ-4-7/13450@ «Об обзоре судебной практики по вопросам установления действительных налоговых обязательств налогоплательщика по итогам налоговой проверки». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[26] Постановление Президиума ВАС РФ от 03.07.2012 № 2341/12 по делу № А71-13079/2010-А17. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[27] Lang M. Tax Avoidance and the Principle of Substance over Form // International Tax Law Review. – 2023. – Vol. 35, No. 2. – P. 145–162.

[28] OECD. Tax Administration 2025: Digital Transformation and Tax Compliance. – Paris : OECD Publishing, 2025. – 280 p.

References:

[1] Tax Code of the Russian Federation (part one): feder. Law No. 31.07.1998 of 146-FZ. - Access from ConsultantPlus legal system.

[2] Constitution of the Russian Federation: adopted by the Congress. by voting 12.12.1993: as amended, approved in the course of general growth. voting 01.07.2020. - Access from the ConsultantPlus legal system.

[3] Cindeliani I.A., Popkova J.G., Vasilyeva E.G. Tax reconstruction as part of modern legal

reality // Financial law. – 2023. – № 7. - S. 14-22.

[4] Tsvetkova E.A. Transformation of the protection of the rights and legitimate interests of taxpayers during tax reconstruction // Financial law. – 2021. – № 9. - S. 32-35.

[5] Semukhin I.Yu. Application of the tax reconstruction mechanism to identify and counteract tax abuse // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions. - Simferopol: Arial, 2024. - S. 997-1001.

[6] Evpryntsev I.S. The concept and essence of the term "tax reconstruction" in the tax law of the Russian Federation // Science of the XXI century: current directions of development. – 2023. – № 2-2. - S. 373-377.

[7] Evpryntsev I.S. Tax reconstruction: competition of civil and tax legal norms // Issues of Russian and international law. – 2025. - T. 15, No. 1A. - S. 123-129.

[8] Eriashvili N.D., Grigoriev A.I. The paradigm of "tax reconstruction" has reached a dead end or a new vision of the problem through the eyes of the Federal Tax Service of Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 1. - S. 333-338.

[9] Kopina A.A. Tax reconstruction // Financial law. – 2022. – № 4. - S. 23-28.

[10] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.03.2000 No. 5-P. - Access from ConsultantPlus legal system.

[11] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.03.2009 No. 5-P. - Access from ConsultantPlus legal system.

[12] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 22.06.2009 No. 10-P. - Access from ConsultantPlus legal system.

[13] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.10.2003 No. 329-O. - Access from ConsultantPlus legal system.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 12.10.2006 No. 53 "On the Assessment by Arbitration Courts of the Reasonableness of the Taxpayer Receiving Tax Benefits." - Access from ConsultantPlus legal system.

[15] Determination of the SKES of the RF Armed Forces dated 19.05.2021 No. 309-ES20-23981 in case No. A76-46624/2019. - Access from ConsultantPlus legal system.

[16] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 15.12.2021 No. 305-EC21-18005 in case No. A40-131167/2020. - Access from ConsultantPlus legal system.

[17] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 12.04.2022 No. 302-EC21-22323 in case No. A10-133/2020. - Access from ConsultantPlus legal system.

[18] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 21.07.2022 No. 301-EC22-4481 in case No. A29-2698/2020. - Access from ConsultantPlus legal system.

[19] Determination of the RF Armed Forces dated 23.12.2022 No. 308-EC22-15224 in case No. A63-18516/2020. - Access from ConsultantPlus legal system.

[20] Determination of the SCEC of the RF Armed Forces dated 31.03.2026 No. 307-EC25-11805 in case No. A56-83561/2023. - Access from ConsultantPlus legal system.

[21] Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated 02.03.2023 in case No. A41-72722/2022. - Access from ConsultantPlus legal system.

[22] Decision of the Arbitration Court of the Ural District of 12.08.2025 No. F09-2587/25 in case No. A76-20242/2023. - Access from ConsultantPlus legal system.

[23] Decision of the Arbitration Court of the Ural District of 26.10.2023 No. F09-6422/23 in case No. A60-57973/2022. - Access from ConsultantPlus legal system.

[24] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 10.03.2021 No. BV-4-7/3060@ "On the Practice of Applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation." - Access from ConsultantPlus legal system.

[25] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 10.10.2022 No. BV-4-7/13450@ "On the review of judicial practice on the establishment of valid tax obligations of a taxpayer based on the results of a tax audit." - Access from ConsultantPlus legal system.

[26] Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 03.07.2012 No. 2341/12 in case No. A71-13079/2010-A17. - Access from ConsultantPlus legal system.

[27] Lang M. Tax Avoidance and the Principle of Substance over Form // International Tax Law Review. – 2023. – Vol. 35, No. 2. – P. 145–162.

[28] OECD. Tax Administration 2025: Digital Transformation and Tax Compliance. – Paris : OECD Publishing, 2025. – 280 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-278-287

КУДРЯВЦЕВА Карина Романовна,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, аспирант 1 курса, Центр уголовного и уголовно-процессуального законодательства,
e-mail: study@izak.ru

Научный руководитель:
КАРАБАНОВА Елена Николаевна,
доктор юридических наук, главный научный сотрудник,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. *В статье исследуется социально-правовая природа незаконной миграции и ее значение для построения уголовно-правовой политики государств Латинской Америки. Обосновывается положение о том, что незаконная миграция не может быть сведена к факту нарушения миграционного режима: она формируется на пересечении структурных социально-экономических факторов, транснациональной мобильности и деятельности организованных преступных сетей. Предлагается трехуровневая характеристика ее природы: нормативная, социально-детерминационная и криминально-институциональная. На основе анализа Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Протокола против незаконного ввоза мигрантов, Американской конвенции о правах человека и практики Межамериканского суда по правам человека выявляются пределы допустимой криминализации миграционных отношений. Сравнивается уголовно-правовое регулирование Аргентины, Бразилии, Мексики, Колумбии, Перу и Чили. Делается вывод о региональной конвергенции законодательства вокруг уголовно-правового преследования организаторов и иных лиц, извлекающих материальную выгоду из незаконного перемещения мигрантов, при сохранении национальных различий в конструкции составов, квалифицирующих признаках и системе гарантий. Обосновывается перспективная модель регулирования, сочетающая принцип ultima ratio, адресное пресечение криминальной эксплуатации миграционных потоков, развитие легальных каналов миграции, межгосударственный обмен информацией и усиление процессуальных гарантий.*

Ключевые слова: *незаконная миграция, нелегальная миграция, контрабанда мигрантов, транснациональная организованная преступность, уголовно-правовая политика, Латинская Америка, криминализация, права мигрантов, миграционное право, международные стандарты.*

KUDRYAVTSEVA Karina Romanovna,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, 1st year postgraduate student, Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation

Supervisor:
KARABANOVA Elena Nikolaevna,
Doctor of Law, Chief Researcher

SOCIO-LEGAL NATURE OF ILLEGAL MIGRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS OF CRIMINAL-LAW REGULATION IN LATIN AMERICAN COUNTRIES

Annotation. *The article examines the socio-legal nature of irregular migration and its implications for criminal-law policy in Latin American states. It argues that irregular migration cannot be reduced to a mere breach of migration rules: it develops at the intersection of structural socio-economic factors, transnational mobility and organized criminal exploitation. A three-dimensional*

model of its nature is proposed: normative, socially determined and criminal-institutional. On the basis of the UN Convention against Transnational Organized Crime, the Protocol against the Smuggling of Migrants, the American Convention on Human Rights and the case law of the Inter-American Court of Human Rights, the article identifies the limits of permissible criminalization in the migration sphere. Criminal-law regulation in Argentina, Brazil, Mexico, Colombia, Peru and Chile is compared. The analysis reveals regional convergence around the prosecution of organizers and other persons who obtain material benefit from the irregular movement of migrants, while national differences remain in offense design, aggravating circumstances and procedural safeguards. The article substantiates a prospective model combining the ultima ratio principle, targeted suppression of criminal exploitation of migration flows, development of regular migration channels, interstate information exchange and strengthened procedural safeguards.

Key words: *irregular migration, illegal migration, migrant smuggling, transnational organized crime, criminal-law policy, Latin America, criminalization, migrants' rights, migration law, international standards.*

Миграционные процессы в XXI в. перестали быть исключительно объектом административного контроля за перемещением лиц через государственные границы. Трансграничная мобильность приобрела устойчивый сетевой характер, а ее интенсивность определяется не только решениями отдельных лиц, но и социально-экономическими различиями между территориями, состоянием рынков труда, политической нестабильностью, вооруженными конфликтами, гуманитарными кризисами и развитием транснациональных социальных связей. В социологии миграции данная тенденция раскрывается посредством концепции транснационализма и теории миграционных сетей, согласно которым перемещение поддерживается устойчивыми экономическими, семейными и институциональными связями между странами происхождения, транзита и назначения [1, с. 24–31; 2, с. 17–28; 4, с. 1492–1533].

В этой системе незаконная миграция занимает пограничное положение между нормативным нарушением и объективно детерминированным социальным процессом. Она возникает там, где фактическая мобильность сталкивается с ограничениями миграционного режима, причем степень противоправности и общественной опасности различных форм такого поведения неодинакова. Сведение всей совокупности подобных ситуаций к единому уголовно-правовому понятию создает риск либо необоснованного расширения уголовной репрессии, либо, напротив, недооценки организованной деятельности лиц, извлекающих прибыль из незаконного перемещения людей.

Для Латинской Америки указанная проблема имеет дополнительное измерение. Государства региона одновременно выступают странами происхождения, транзита и назначения мигрантов; отдельные маршруты проходят через несколько юрисдикций, а деятельность посредников сопряжена с иными сегментами транснациональной преступности. Одновременно в регионе существуют развитые механизмы региональной мобильности и легализации пребывания, что позволяет рассматривать доступность законных каналов перемещения как фактор, влияющий на масштабы нерегулируемой миграции. Разнообразие миграционных и беженских режимов региона подтверждается современной сравнительной литературой [34].

В международной и национальной правовой практике термин «незаконная миграция» используется неоднородно. Универсального международно-правового определения, охватывающего весь спектр нарушений миграционного режима, не сформировано. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. и дополняющий ее Протокол против незаконного ввоза мигрантов исходят из иной логики: предметом международной криминализации выступает не миграционный статус как таковой, а деятельность по незаконному ввозу лица с целью получения финансовой или иной материальной выгоды, а также ряд сопряженных деяний [8; 9, ст. 3, 6].

Отсюда следует принципиальное разграничение двух уровней. На первом находится незаконная миграция как широкая категория миграционной нерегулярности, включающая незаконный въезд, пребывание, транзит, выезд либо осуществление трудовой деятельности с нарушением требований национального режима. На втором — конкретные общественно опасные деяния третьих лиц, обеспечивающих или эксплуатирующих нерегулируемое перемещение: организация незаконного въезда, контрабанда мигрантов, подделка документов, коррупционное содействие, торговля людьми и иные преступления.

Такое разграничение имеет не только терминологическое, но и уголовно-политическое значение. Нарушение режима пребывания иностранца и организация прибыльного трансграничного канала перемещения обладают различным объектом, различной интенсивностью вреда и различной системой субъектов. Поэтому само по себе наличие у лица нерегулярного статуса не

может автоматически означать наличие преступления. Напротив, объектом уголовно-правового воздействия должны становиться действия, достигающие необходимого уровня общественной опасности и выходящие за рамки обычного миграционного деликта.

Социально-правовая природа рассматриваемого явления, на наш взгляд, может быть раскрыта через три взаимосвязанных измерения. Первое — нормативное. Незаконная миграция определяется существованием национального миграционного режима и фактом его нарушения. Второе — социально-детерминационное. Формирование нерегулируемых потоков связано с бедностью, неравномерностью развития, политической нестабильностью, вооруженными и гуманитарными кризисами, а также с отсутствием или недостаточной доступностью законных каналов мобильности [3; 4]. Третье — криминально-институциональное. Вокруг миграционных потоков могут формироваться устойчивые посреднические структуры, извлекающие прибыль из транспортировки, укрывательства, документарного обеспечения и эксплуатации уязвимого положения мигрантов [10].

Данное трехмерное понимание позволяет избежать двух методологических крайностей. Первая заключается в абсолютной юридизации проблемы, при которой любое отклонение от миграционного режима рассматривается как равнозначное противоправное деяние. Вторая — в чрезмерной социологизации, когда структура причин миграции вытесняет анализ конкретных составов преступлений и оснований уголовной ответственности. Для уголовно-правового исследования необходим баланс: социальные причины объясняют происхождение и устойчивость потока, но не заменяют установления элементов состава преступления.

Отдельного рассмотрения требует соотношение незаконной миграции и контрабанды мигрантов. Протокол 2000 г. определяет контрабанду мигрантов как обеспечение незаконного въезда лица в государство, гражданином которого оно не является, ради финансовой или иной материальной выгоды [9, ст. 3]. Следовательно, контрабанда мигрантов представляет собой не синоним незаконной миграции, а ее криминально-правовой сегмент. В свою очередь, торговля людьми имеет иной конструктивный признак — цель эксплуатации; поэтому механическое отождествление этих явлений методологически неверно [11, ст. 3].

Этическое измерение терминологии также требует учета. В международной доктрине все чаще употребляется понятие irregular migration, поскольку оно позволяет описывать нерегулярность статуса без характеристики самого человека как «незаконного». Для юридического анализа термин «незаконная миграция» может использоваться как устоявшаяся нормативная категория, однако недопустимо переносить его с поведения или статуса на личность мигранта. Такая дифференциация согласуется с современными стандартами защиты человеческого достоинства и недискриминации [12; 13].

К числу универсальных признаков незаконной миграции как социально-правового явления относятся нарушение установленных миграционных правил, отклонение от порядка пересечения границы и пребывания, посягательство на охраняемые миграционным законодательством общественные отношения, возможность причинения вреда публичным интересам и, в определенных случаях, связь с транснациональной преступностью. Однако последний признак не является обязательным для каждого случая нерегулярной миграции. Он характеризует качественно иной, криминальный уровень явления.

Именно по этой причине уголовное право в миграционной сфере должно основываться на дифференциации ответственности. Административно-правовые меры обеспечивают регулирование индивидуальных нарушений режима, тогда как уголовный закон выполняет функцию ultima ratio в отношении систематической, корыстной, организованной или сопряженной с существенным вредом деятельности. Подобное разграничение позволяет одновременно защищать публичные интересы государства и не превращать уголовное право в универсальный механизм управления миграционной мобильностью [5; 6].

Международный режим противодействия незаконной миграции сформировался прежде всего в рамках борьбы с транснациональной организованной преступностью. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и Палермский протокол 2000 г. задают минимальный уголовно-правовой стандарт: государства обязуются криминализировать, в частности, незаконный ввоз мигрантов с целью получения финансовой или иной материальной выгоды, а также содействие незаконному пребыванию при наличии установленного корыстного элемента [8; 9, ст. 6]. При этом международный договор не устанавливает обязанности сделать уголовно наказуемым сам факт нерегулярного статуса мигранта.

Статья 5 Протокола имеет для рассматриваемой проблематики особое значение: мигрант не должен становиться субъектом уголовного преследования только потому, что он был объектом контрабанды мигрантов. Из этого не следует абсолютная невозможность привлечения мигранта к ответственности за иные самостоятельные преступления, однако международный стандарт

исключает автоматическое отождествление положения жертвы или объекта преступной деятельности с уголовной виновностью [9, ст. 5].

Правозащитный уровень международного регулирования дополняет уголовно-криминализационный. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Американская конвенция о правах человека 1969 г. закрепляют гарантии, действующие независимо от миграционного статуса лица [12; 14; 15]. Поэтому имплементация уголовно-правовых обязательств требует учета презумпции невиновности, права на защиту, запрета дискриминации и иных процессуальных гарантий.

В Латинской Америке центральное значение приобрела практика Межамериканского суда по правам человека. В консультативном заключении ОС-18/03 Суд связал реализацию миграционного контроля с принципом недискриминации и подтвердил, что отсутствие документированного миграционного статуса само по себе не лишает человека основных прав [16, п. 101, 106]. Эта позиция имеет непосредственное значение для уголовной политики: незаконность статуса и преступность поведения не являются тождественными категориями.

В деле Vélez Loor v. Panama Суд дополнительно развил требования законности, необходимости и соразмерности мер государственного принуждения в отношении мигрантов, а также недопустимость их фактического приравнивания к лицам, совершившим общеуголовные преступления [17, п. 166–167]. В деле Dorzema and Others v. Dominican Republic внимание было уделено индивидуализации оценки поведения при осуществлении пограничного контроля [18, п. 171, 175]. Консультативное заключение ОС-21/14 сформировало особые стандарты в отношении детей в контексте миграции, усилив значение принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка [19].

Из совокупности этих источников следует, что международное право выполняет в данной сфере двойную функцию. С одной стороны, оно определяет направления уголовной криминализации наиболее опасных форм эксплуатации миграции; с другой — устанавливает внешние пределы государственного принуждения. Поэтому имплементация не должна пониматься как буквальное перенесение международной формулы преступления в национальный кодекс. Национальный законодатель самостоятельно определяет объект уголовно-правовой охраны, конструкцию состава, систему санкций и процессуальные механизмы при условии соблюдения международного минимума.

Региональные интеграционные механизмы дополняют универсальный режим. Соглашение о проживании граждан государств МЕРКОСУР, Боливии и Чили создает условия для упрощенного получения права проживания и тем самым расширяет легальные каналы мобильности [20]. В Андском сообществе аналогичную функцию выполняет Решение № 878 «Андский миграционный статус» [21]. Кито-процесс и Лос-Анджелесская декларация о миграции и защите 2022 г. ориентированы на координацию миграционной политики, обмен информацией, противодействие контрабанде мигрантов и торговле людьми при одновременной защите лиц, нуждающихся в международной защите [22].

Для уголовно-правовой политики из этого вытекает практический вывод: развитие законных каналов миграции является не заменой уголовной репрессии, а ее превентивным дополнением. Чем шире правомерные способы въезда, проживания и трудовой деятельности, тем меньше пространство, в котором экономически эффективно функционируют посредники, предлагающие нелегальные маршруты. При этом уголовный закон сохраняет значение в отношении тех субъектов, которые искусственно конструируют и эксплуатируют дефицит легальных возможностей.

Современная доктрина описывает сближение миграционного и уголовного права термином «crimmigration». Его аналитическая ценность заключается в указании на риск расширения уголовных механизмов для решения преимущественно административных задач [7]. Для Латинской Америки этот риск особенно заметен там, где противодействие незаконной миграции сочетается с задачами охраны границы и борьбы с организованной преступностью. В то же время сравнение законодательства показывает, что большинство исследованных государств не ограничиваются наказанием самого миграционного статуса, а выделяют специальные составы, ориентированные на организаторов и лиц, преследующих материальную выгоду.

Аргентина демонстрирует модель, в которой уголовно-правовая защита миграционного порядка сочетается с выраженной правозащитной направленностью миграционного законодательства. Закон № 25.871 «О миграции» предусматривает ответственность за незаконную переправку или содействие незаконному пребыванию при наличии цели получения выгоды; самостоятельные составы охватывают также использование подложных документов, а квалифицирующие признаки связаны с насилием, злоупотреблением беспомощностью, опасностью для жизни и здоровья, вовлечением несовершеннолетних и отдельными транснациональными связями [23, ст. 116–121]. Таким образом, законодательство последовательно проводит грань между наруше-

нием статуса и деятельностью, направленной на извлечение выгоды из нерегулируемого перемещения.

Бразилия после принятия Закона № 13.445 от 24 мая 2017 г. изменила общую концепцию миграционного регулирования, усилив гарантии прав мигрантов. Одновременно ст. 232-А Уголовного кодекса устанавливает ответственность за содействие незаконной миграции при наличии экономического преимущества, а квалифицированная ответственность предусмотрена при использовании насилия либо при создании бесчеловечных или унижающих достоинство условий [24; 25]. Такое построение особенно показательно: миграционная политика и уголовно-правовая охрана разграничиваются, но взаимодействуют внутри единой системы.

Мексиканская модель отличается более детальной уголовно-правовой регламентацией содействия незаконному перемещению. Статья 159 Закона о миграции предусматривает ответственность, в частности, за транспортировку или укрывательство иностранцев ради получения экономической выгоды либо с целью обхода миграционного контроля; одновременно законодатель устанавливает исключения для определенных гуманитарных действий [26]. Показательно, что в 2026 г. Верховный суд страны, рассматривая одну из конструкций ст. 159, не усмотрел нарушения принципа законности, что подтверждает значение точной законодательной конкретизации признаков деяния и целей уголовной ответственности [27].

Колумбия закрепляет состав tráfico de migrantes в ст. 188 Уголовного кодекса. Для уголовной ответственности значение имеет получение прямой или косвенной материальной выгоды либо соответствующего преимущества; санкция и квалификация зависят также от иных предусмотренных законом обстоятельств [28]. В отличие от общего запрета миграционной нерегулярности данная конструкция ориентирована на лицо, которое превращает незаконное перемещение в организуемую выгодную деятельность.

В Перу ст. 303-А Уголовного кодекса в действующей редакции связывает незаконный ввоз мигрантов с содействием незаконному въезду, повторному въезду или нерегулярному транзиту при наличии прямой или косвенной выгоды. Здесь, как и в Аргентине, Бразилии и Колумбии, корыстный элемент выполняет функцию уголовно-правового фильтра, отделяющего организованное преступное содействие от нейтральных или социально обусловленных контактов [29].

Уголовный кодекс Чили в ст. 411 bis устанавливает ответственность за содействие или организацию незаконного въезда лица, не являющегося гражданином или постоянным жителем, ради экономической выгоды. Усиленная ответственность предусмотрена, в частности, при создании опасности для жизни или наступлении смерти, а также в отношении несовершеннолетних; специальное регулирование распространяется и на публичных должностных лиц [30]. Конструкция показывает, что общественная опасность может повышаться не только в силу наличия корыстной цели, но и вследствие характера способа совершения и последствий.

Сопоставление шести законодательных моделей позволяет выявить несколько общих закономерностей. Во-первых, корыстная направленность либо получение экономической выгоды выступают наиболее устойчивыми признаками специальных составов. Во-вторых, повышенная ответственность связывается с насилием, созданием угрозы жизни и здоровью, бесчеловечными условиями перемещения, вовлечением детей, использованием служебного положения либо иными признаками организованной деятельности. В-третьих, законодательство разграничивает нарушение миграционного режима и преступное содействие ему. Наконец, наблюдается постепенная конвергенция национальных систем вокруг модели адресной криминализации организаторов, а не статуса мигранта.

При этом говорить о полной унификации нельзя. Государства различаются по расположению норм в системе уголовного законодательства, описанию объективной стороны состава, моменту окончания преступления, квалифицирующим обстоятельствам, размеру санкций и правилам освобождения или смягчения ответственности. Эти различия отражают суверенитет государств в сфере миграционного регулирования и подтверждают тезис о функциональном, а не субординационном взаимодействии международного и национального права.

Проблема пределов уголовно-правового регулирования возникает из самой природы незаконной миграции: государство вправе контролировать собственную территорию, но данный контроль не является основанием для неограниченного расширения уголовной ответственности. В теории уголовного права такие пределы традиционно связываются с законностью, виновной ответственностью, справедливостью, гуманизмом, пропорциональностью и принципом ultima ratio [5; 31; 32].

Принцип законности требует, чтобы запрет был сформулирован достаточно определенно. Для миграционных преступлений это особенно важно, поскольку широкие термины — «содействие», «организация», «незаконное перемещение» — могут создавать расширительное толкование, если законодатель не связывает их с конкретными действиями, целями и объективными

обстоятельствами. Поэтому уголовно-правовая норма должна позволять предвидеть границы запрещенного поведения и исключать ответственность, основанную исключительно на оценочном предположении о нежелательности помощи мигранту.

Принцип виновной ответственности требует доказывания психического отношения лица к совершенным действиям и их существенным признакам. В составах организации незаконной миграции это означает установление осведомленности лица о нерегулярном характере перемещения и, когда это предусмотрено законом, корыстной цели либо иной специальной мотивации. Нельзя выводить уголовную ответственность из факта родственных, бытовых или гуманитарных контактов с иностранцем без установления преступного умысла.

Принцип пропорциональности ограничивает как криминализацию, так и пенализацию. Если нарушение возможно эффективно пресечь административными, миграционными или организационными средствами, использование уголовной репрессии не отвечает назначению ultima ratio. Напротив, при систематической деятельности устойчивой группы, наличии корыстной мотивации, использовании насилия, создании угрозы жизни и здоровью либо связи с другими формами транснациональной преступности необходимость уголовно-правового вмешательства существенно повышается.

Из международных и региональных стандартов может быть выведен и отдельный принцип дифференциации статуса участника миграционного процесса. Мигрант может одновременно быть объектом преступного содействия, потерпевшим от торговли людьми либо эксплуатации и лицом, допустившим собственное миграционное нарушение. Эти юридические роли не совпадают. Соответственно, уголовная политика должна исключать презумпцию преступности лица, основанную лишь на его миграционном статусе [9, ст. 5; 16; 17].

Особого внимания заслуживает гуманитарное измерение. В практике национальных систем неизбежно возникают ситуации, когда помощь мигранту оказывается для предотвращения угрозы жизни, здоровью или достоинству и не сопровождается целью извлечения выгоды. Без надлежащих исключений такие действия теоретически могут попасть в сферу уголовно-правового запрета. Поэтому перспективной представляется нормативная техника, при которой законодатель прямо исключает из уголовной ответственности деяния, совершенные без предусмотренной законом преступной цели и в условиях реальной гуманитарной необходимости, не препятствуя при этом преследованию лиц, маскирующих коммерческую деятельность под благотворительную помощь.

Процессуальные гарантии образуют не внешнее дополнение, а часть механизма уголовно-правового регулирования. Иностранный участник процесса может не владеть языком судопроизводства, не знать национальные процедуры и находиться под риском депортации. В этих условиях особое значение имеют право на переводчика, защитника, доступ к эффективному средству правовой защиты и консульское уведомление. Статья 36 Венской конвенции о консульских сношениях устанавливает соответствующую консульскую гарантию; ее реализация важна и для фактического осуществления права на защиту [33].

Цифровизация криминальных миграционных каналов формирует новый комплекс правоприменительных задач. Вербовка мигрантов, координация маршрутов, передача платежей и распределение ролей могут осуществляться дистанционно; следы преступления распределяются между несколькими юрисдикциями. В ответ необходимы международная правовая помощь, совместные расследования, сопоставление финансовых потоков и допустимое процессуальное использование цифровых доказательств. При этом расширение возможностей уголовного преследования не должно сопровождаться снижением требований к судебному контролю, достоверности и допустимости доказательств.

С учетом изложенного предлагается использовать четырехуровневую модель оценки допустимости уголовно-правового воздействия на миграционные отношения. Материально-правовой уровень требует соответствия принципам законности, вины, справедливости, гуманизма и пропорциональности. Международно-правовой уровень означает соблюдение универсальных и региональных обязательств по противодействию транснациональной преступности и защите прав человека. Процессуальный уровень включает реальные гарантии защиты, перевода, консульской помощи и защиты уязвимых лиц. Наконец, уголовно-политический уровень требует оценки того, является ли уголовный закон действительно необходимым и эффективным инструментом по отношению к рассматриваемой форме поведения.

Данная модель позволяет сформулировать критерии криминального уровня общественной опасности незаконной миграции: организованный или систематический характер деятельности; материальная выгода как существенный элемент преступной модели; трансграничность и использование инфраструктуры нескольких государств; насилие или реальная угроза жизни и здоровью; эксплуатация уязвимого положения;

вовлечение несовершеннолетних; использование коррупционных механизмов; сопряженность с иными преступлениями. Не все критерии должны присутствовать одновременно: их совокупное значение определяется конкретной конструкцией национального состава. Предлагаемая система выступает именно методологическим фильтром криминализации.

Перспективы развития законодательства государств Латинской Америки видятся не в механическом расширении числа уголовно наказуемых миграционных нарушений, а в повышении адресности уголовной репрессии. Это предполагает более четкое разграничение статуса мигранта и поведения организатора; согласование определений контрабанды мигрантов и смежных преступлений; усиление ответственности за насилие и эксплуатацию; развитие механизмов конфискации доходов и финансового анализа; унификацию правил международной правовой помощи и обмена данными; а также регулярную оценку эффективности криминализации.

Не менее важное направление — расширение законных каналов миграции и процедур регуляризации. Региональные соглашения МЕРКОСУР и Андского сообщества показывают, что снижение транзакционных издержек законной мобильности способно выступать превентивным компонентом политики против незаконных каналов [20; 21]. Уголовная политика в этом случае дополняется миграционной политикой: первая пресекает эксплуатацию нерегулируемых потоков, вторая сокращает структурный спрос на криминальное посредничество.

Наконец, международное и региональное сотрудничество должно быть ориентировано не только на обмен сведениями о мигрантах, но прежде всего на пресечение финансовой инфраструктуры и организационных центров преступной деятельности. Именно такой сдвиг от идентификации статуса к установлению цепочек управления, выгодоприобретателей и способов финансирования наиболее последовательно соответствует современной конструкции международного противодействия незаконному ввозу мигрантов [9; 10].

Проведенное исследование позволяет определить незаконную миграцию как комплексное социально-правовое явление, которое нельзя адекватно описать только категориями миграционного нарушения или преступности. Ее социальная обусловленность проявляется в действии структурных факторов и транснациональных сетей, правовая составляющая — в нарушении установленных государством правил перемещения и пребывания, а криминологическая — в возможности формирования устойчивых структур, извлекающих экономическую выгоду из уязвимости и мобильности людей.

Для государств Латинской Америки характерна двойственная конфигурация данного явления. С одной стороны, нерегулируемые потоки формируются под воздействием социально-экономических и гуманитарных обстоятельств. С другой — они могут становиться объектом деятельности организованных преступных групп. Следовательно, уголовное право не должно криминализировать социальный факт миграционной нерегулярности; его предметом должны быть конкретные общественно опасные формы организации, содействия и эксплуатации миграционного перемещения.

Сравнение законодательства Аргентины, Бразилии, Мексики, Колумбии, Перу и Чили показывает наличие общей тенденции к адресной криминализации деятельности, совершаемой ради экономической выгоды и способной причинить существенный вред личности, обществу или государству. Различия в юридической технике и санкциях сохраняются, однако они могут сочетаться с общим международным стандартом, сформированным Палермским протоколом.

Перспективная модель уголовно-правового регулирования должна строиться на взаимосвязи четырех начал: дифференциации миграционных нарушений и преступлений; ориентации уголовного закона на организаторов и лиц, эксплуатирующих миграционные потоки; безусловного соблюдения международных и региональных правозащитных гарантий; развития легальных каналов мобильности как средства предупреждения спроса на криминальное посредничество. Такая модель позволяет согласовать публичный интерес в охране миграционного правопорядка с принципом ultima ratio и с признанием человеческого достоинства каждого лица независимо от его миграционного статуса.

Список литературы:

[1] Кастлс С., де Хаас Х., Миллер М. Дж. Эпоха миграции: международные перемещения населения в современном мире. 5-е изд. Бейзингсток: Palgrave Macmillan, 2014. 401 с.

[2] Масси Д. С., Аранго Х., Хьюго Г., Кууаси А., Пеллегрино А., Тейлор Дж. Э. Миры в движении: понимание международной миграции на исходе тысячелетия. Оксфорд: Clarendon Press, 1998. 376 с.

[3] Сассен С. Утрата контроля? Суверенитет в эпоху глобализации. Нью-Йорк: Columbia University Press, 1996. 148 с.

[4] Масси Д. С., Голдринг Л., Дюран Ж. Преемственность транснациональной миграции: анализ девятнадцати мексиканских общин // American Journal of Sociology. 1994. Т. 99, № 6. С. 1492–1533.

[5] Роксин К. Уголовное право. Общая часть. Т. I. 4-е изд. Мюнхен: C.H. Beck, 2006. 1136 с.

[6] Феррайоли Л. Гарантизм: дискуссия о праве и демократии. Мадрид: Trotta, 2006. 132 с.

[7] Штампф Дж. Кризис «криммиграции»: иммигранты, преступность и суверенная власть // American University Law Review. 2006. Т. 56, № 2. С. 367–419.

[8] Организация Объединенных Наций. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г. // United Nations Treaty Series. Т. 2225. С. 209.

[9] Организация Объединенных Наций. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г. // United Nations Treaty Series. Т. 2241. С. 507.

[10] Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Всемирное исследование незаконного ввоза мигрантов, 2023. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2023. 180 с.

[11] Организация Объединенных Наций. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми и наказании за нее, особенно женщинами и детьми, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г. // United Nations Treaty Series. Т. 2237. С. 319.

[12] Организация Объединенных Наций. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Нью-Йорк, 18 декабря 1990 г. // United Nations Treaty Series. Т. 2220. С. 3.

[13] Организация Объединенных Наций. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. Нью-Йорк, 2018.

[14] Организация Объединенных Наций. Международный пакт о гражданских и политических правах. Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г. // United Nations Treaty Series. Т. 999. С. 171.

[15] Организация американских государств. Американская конвенция о правах человека. Сан-Хосе, 22 ноября 1969 г.

[16] Межамериканский суд по правам человека. Консультативное заключение ОС-18/03 от 17 сентября 2003 г. «Правовое положение и права лиц, не имеющих документов».

[17] Межамериканский суд по правам человека. Дело «Велес Лоор против Панамы». Решение от 23 ноября 2010 г.

[18] Межамериканский суд по правам человека. Дело «Надеж Дорзема и другие против Доминиканской Республики». Решение от 24 октября 2012 г.

[19] Межамериканский суд по правам человека. Консультативное заключение ОС-21/14 от 19 августа 2014 г. «Права и гарантии детей в контексте миграции и/или в случае необходимости международной защиты».

[20] МЕРКОСУР. Соглашение о проживании для граждан государств — участников МЕРКОСУР, Боливии и Чили. Бразилиа, 6 декабря 2002 г.

[21] Андское сообщество. Решение № 878 «Андский миграционный статус». Лима, 12 мая 2021 г.

[22] Лос-Анджелесская декларация о миграции и защите. Лос-Анджелес, 10 июня 2022 г.

[23] Аргентина. Закон № 25.871 от 17 декабря 2003 г. «О миграции». Ст. 116–121.

[24] Бразилия. Закон № 13.445 от 24 мая 2017 г. «О миграции».

[25] Бразилия. Декрет-закон № 2.848 от 7 декабря 1940 г. «Уголовный кодекс» (в действующей редакции). Ст. 232-A.

[26] Мексика. Закон о миграции от 25 мая 2011 г. (в ред. от 15 января 2026 г.). Ст. 159.

[27] Верховный суд правосудия Нации (Мексика). Правовая позиция P./J. 4/2026 (12a.), цифровой регистрационный номер 2031792: «Убежище или перевозка иностранных граждан. Статья 159, часть III, Закона о миграции не нарушает принцип законности в его аспекте определенности (taxatividad)». 2026.

[28] Колумбия. Закон № 599 от 24 июля 2000 г. «Уголовный кодекс» (в действующей редакции). Ст. 188.

[29] Перу. Законодательный декрет № 1573 от 4 октября 2023 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс», в том числе в отношении ст. 303-A о незаконном обороте мигрантов. Ст. 303-A.

[30] Чили. Закон № 20.507 от 1 апреля 2011 г. «О квалификации преступлений незаконного оборота мигрантов и торговли людьми и установлении норм их предупреждения и более эффективного уголовного преследования»; Уголовный кодекс. Ст. 411 bis.

[31] Хусак Д. Чрезмерная криминализация: пределы уголовного права. Нью-Йорк: Oxford University Press, 2008. 248 с.

[32] Саффарони Э. Р., Алагия А., Слокар А. Уголовное право. Общая часть. 2-е изд. Буэнос-Айрес: Ediar, 2002. 1083 с.

[33] Организация Объединенных Наций. Венская конвенция о консульских сношениях. Вена, 24 апреля 1963 г. // United Nations Treaty Series. Т. 596. С. 261.

[34] Фернандес-Родригес Н., Фрайер

Л. Ф. Иммиграционная и беженская политика в Латинской Америке: критический обзор литературы // Comparative Migration Studies. 2024. Т. 12. Ст. 15.

References:

[1] Castles S, de Haas H, Miller MJ The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 5th ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 401 s.

[2] Massi DS, Arango H, Hugo G, Kuuausi A, Pellegrino A, Taylor JE Mira in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford: Clarendon Press, 1998. 376 pp.

[3] Sassen S. Loss of control? Sovereignty in the age of globalization. Нью-Йорк: Columbia University Press, 1996. 148 pp.

[4] Massi DS, Goldring L, Duran J. Succession of transnational migration: an analysis of nineteen Mexican communities // American Journal of Sociology. 1994. VOL. 99, NO. 6. S. 1492-1533.

[5] Roxyn K. Criminal law. General part. T. I. 4th ed. Munich: C.H. Beck, 2006. 1136 pp.

[6] Ferraioli L. Guarantism: A Debate on Law and Democracy. Madrid: Trotta, 2006. 132 s.

[7] Stampf J. The Crisis of "Crimeigration": Immigrants, Crime, and Sovereign Power // American University Law Review. 2006. VOL. 56, NO. 2. S. 367-419.

[8] United Nations. United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, November 15, 2000 // United Nations Treaty Series. T. 2225. S. 209.

[9] United Nations. Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, November 15, 2000 // United Nations Treaty Series. T. 2241. S. 507.

[10] United Nations Office on Drugs and Crime. World Migrant Smuggling Survey, 2023. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2023. 180 s.

[11] United Nations. Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. New York, November 15, 2000 // United Nations Treaty Series. T. 2237. S. 319.

[12] United Nations. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families. New York, December 18, 1990 // United Nations Treaty Series. T. 2220. S. 3.

[13] United Nations. Global Compact for Safe, Orderly and Legal Migration. New York, 2018.

[14] United Nations. International Covenant on Civil and Political Rights. New York, December 16, 1966 // United Nations Treaty Series. T. 999. S. 171.

[15] Organization of American States. American Convention on Human Rights. San Jose, November 22, 1969.

[16] Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-18/03 dated September 17, 2003 "Legal Status and Rights of Undocumented Persons".

[17] Inter-American Court of Human Rights. The case is "Velez Loor v. Panama." Decision of November 23, 2010.

[18] Inter-American Court of Human Rights. The case is "Nadezh Dorzema and Others v. Dominican Republic" Decision dated 24 October 2012.

[19] Inter-American Court of Human Rights. OC-21/14 Advisory Opinion of 19 August 2014, "Rights and Safeguards for Children in the Context of Migration and / or International Protection as Appropriate.".

[20] MERCOSUR. Residence agreement for nationals of Mercosur, Bolivia and Chile. Brasilia, December 6, 2002.

[21] Andean community. Decision No. 878 "Andean migration status." Lima, 12 May 2021.

[22] Los Angeles Declaration on Migration and Protection. Los Angeles, June 10, 2022.

[23] Argentina. Law No. 25.871 of December 17, 2003 "On Migration." Art. 116–121.

[24] Brazil. Law No. 13.445 of May 24, 2017 "On Migration.".

[25] Brazil. Decree-Law No. 2.848 of December 7, 1940 "Criminal Code" (as amended). Art. 232-A.

[26] Mexico. Migration Act of 25 May 2011 (as amended 15 January 2026). Art. 159.

[27] Supreme Court of Justice of the Nation (Mexico). Legal Position P.J. 4/2026 (12a.), digital registration number 2031792: "Asylum or transportation of foreign citizens. Article 159, Part III, of the Migration Act does not violate the principle of legality in its aspect of certainty (taxatividad). "2026.

[28] Colombia. Law No. 599 of July 24, 2000 "Criminal Code" (as amended). Art. 188.

[29] Peru. Legislative Decree No. 1573 of October 4, 2023 "On Amendments to the Criminal Code," including with respect to Art. 303-A on the illegal trafficking of migrants. Art. 303-A.

[30] Chile. Act No. 20.507 of 1 April 2011 "On the qualification of crimes of trafficking in migrants and trafficking in persons and the establishment of norms for their prevention and more effective criminal prosecution"; Penal Code. Art. 411 bis.

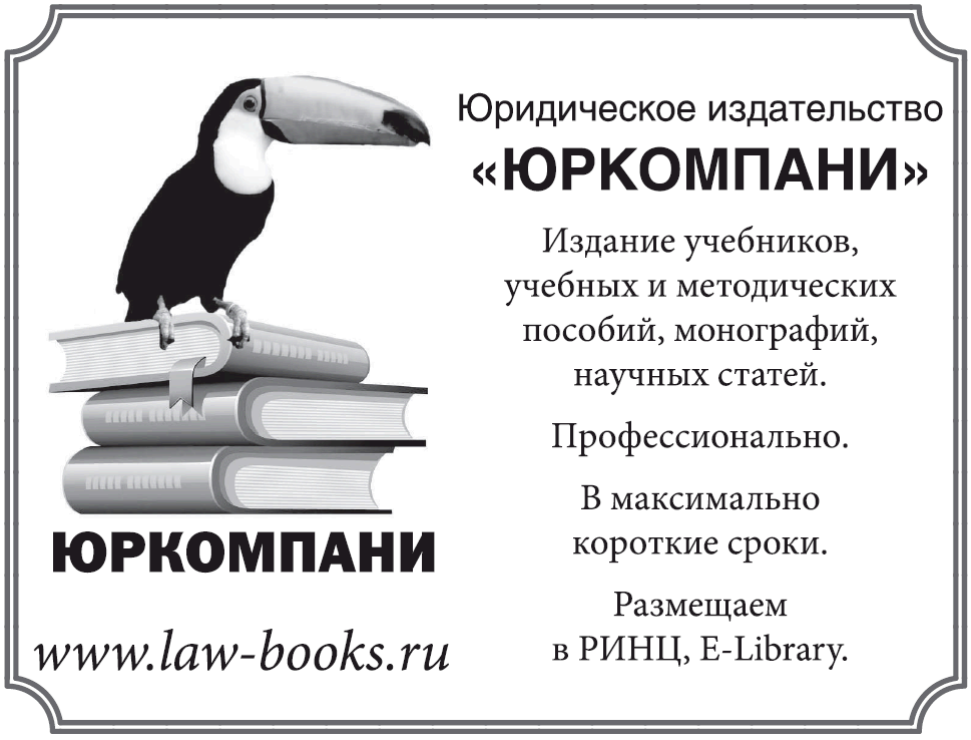
[31] Husak D. Over-criminalization: limits of criminal law. Нью-Йорк: Oxford University Press, 2008. 248 pp.

[32] Saffaroni ER, Alagiah A, Slocar A. Criminal law. General part. 2nd ed. Buenos Aires:

Ediar, 2002. 1083 s.

[33] United Nations. Vienna Convention on Consular Relations. Vienna, 24 April 1963 // United Nations Treaty Series. T. 596. P. 261.

[34] Fernandez-Rodriguez N, Fryer LF Immigration and Refugee Policy in Latin America: A Critical Review of the Literature // Comparative Migration Studies. 2024. VOL. 12. Art. 15.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-288-296

КУДРЯВЦЕВА Каролина Романовна,
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, аспирант 1 курса, Центр уголовного и уголовно-процессуального законодательства,
e-mail: study@izak.ru

Научный руководитель:
СЕМЫКИНА Ольга Ивановна,
ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Аннотация. *В статье исследуются исторические предпосылки формирования и современное состояние уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в государствах Латинской Америки. Рассматривается эволюция представлений о международных преступлениях от первых попыток нормативного закрепления ответственности за деяния, затрагивающие международное сообщество, до формирования современной системы международного уголовного права. Особое внимание уделяется влиянию Нюрнбергского и последующего международно-правового опыта на развитие национального уголовного законодательства государств региона. Анализируется специфика имплементации положений о геноциде, преступлениях против человечности, военных преступлениях и преступлениях агрессии в уголовное законодательство Чили, Уругвая, Колумбии и Эквадора. Отдельно рассматривается значение практики Межамериканского суда по правам человека в формировании региональных стандартов расследования и уголовного преследования лиц, ответственных за наиболее серьезные нарушения прав человека. Обосновывается положение о том, что современная латиноамериканская модель противодействия международным преступлениям складывается на основе взаимодействия универсального международного уголовного права, национальной уголовно-правовой имплементации и региональных механизмов защиты прав человека.*

Ключевые слова: *международные преступления, международное уголовное право, геноцид, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии, Латинская Америка, уголовное законодательство, имплементация, Межамериканский суд по правам человека.*

KUDRYAVTSEVA Karolina R.,
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, postgraduate student, Center for Criminal and Criminal Procedural Legislation

Supervisor:
SEMYKINA Olga Ivanovna,
Leading Researcher, Candidate of Law

HISTORICAL ASPECTS AND CURRENT STATE OF CRIMINAL LAW MECHANISMS FOR COUNTERING INTERNATIONAL CRIMES IN LATIN AMERICA

Annotation. *The article examines the historical prerequisites for the formation and the current state of criminal law mechanisms for countering international crimes in Latin American states. The study traces the evolution of the concept of international crimes from early attempts to establish international responsibility for acts affecting the international community to the development of the modern system of international criminal law. Particular attention is paid to the influence of the*

Nuremberg and subsequent international legal experience on the development of national criminal legislation in the region. The implementation of provisions concerning genocide, crimes against humanity, war crimes and crime of aggression in the criminal legislation of Chile, Uruguay, Colombia and Ecuador is analyzed. The article also considers the significance of the case law of the Inter-American Court of Human Rights in establishing regional standards concerning the investigation and prosecution of persons responsible for the most serious human rights violations. The author argues that the contemporary Latin American model of combating international crimes is based on the interaction of universal international criminal law, domestic criminal law implementation and regional human rights mechanisms.

Key words: *international crimes, international criminal law, genocide, crimes against humanity, war crimes, crime of aggression, Latin America, criminal legislation, implementation, Inter-American Court of Human Rights.*

Проблема уголовно-правового противодействия международным преступлениям занимает особое место в современной системе международного уголовного права. Ее специфика определяется тем, что соответствующие деяния одновременно затрагивают национальную систему уголовной юстиции и фундаментальные интересы международного сообщества. Вследствие этого эффективность противодействия геноциду, преступлениям против человечности, военным преступлениям и преступлению агрессии зависит не только от существования международно-правового запрета, но и от способности национальной правовой системы обеспечить его реальное действие.

Для государств Латинской Америки данная проблема имеет дополнительное историческое измерение. Значительная часть государств региона в XX в. столкнулась с военными диктатурами, масштабными политическими репрессиями, насильственными исчезновениями, внесудебными казнями и внутренними вооруженными конфликтами. В результате развитие национальных механизмов уголовной ответственности за наиболее тяжкие нарушения международного права происходило в тесной связи с необходимостью правового реагирования на преступления прошлого.

Историческая специфика региона обусловила своеобразное взаимодействие универсального и регионального уровней правового регулирования. С одной стороны, государства Латинской Америки постепенно восприняли основные положения современного международного уголовного права, включая стандарты, связанные с Римским статутом Международного уголовного суда. С другой стороны, значительное влияние на национальное законодательство и практику оказала Межамериканская система защиты прав человека, прежде всего практика Межамериканского суда по правам человека.

В связи с этим представляется необходимым рассматривать уголовно-правовые механизмы противодействия международным преступлениям в Латинской Америке не как простую совокупность имплементированных международных норм, а как результат длительного взаимодействия трех элементов: универсального международного уголовного права, национального уголовного законодательства и региональной системы защиты прав человека.

Современная категория международных преступлений сформировалась не одномоментно. Ее возникновение связано с постепенным изменением самой природы международно-правового регулирования. Классическое международное право исходило преимущественно из представления о государстве как основном субъекте международных отношений. Уголовная ответственность физических лиц при этом находилась преимущественно в сфере национальной юрисдикции, а наиболее тяжкие нарушения международного права рассматривались через призму международной ответственности государства.

Такое положение было обусловлено господствовавшим представлением о государственном суверенитете. Международное право традиционно регулировало отношения между государствами, тогда как индивид не рассматривался в качестве непосредственного носителя международной уголовной ответственности [1, с. 63–68].

Перелом в развитии данной концепции произошел после Второй мировой войны. Нюрнбергский и Токийский трибуналы продемонстрировали возможность непосредственного привлечения физических лиц к ответственности за преступления, имеющие международный характер. Принцип индивидуальной уголовной ответственности стал одним из фундаментальных оснований последующего формирования международного уголовного права.

Именно в этот период получила нормативное выражение идея о том, что международное право должно защищать не только интересы государств, но и фундаментальные ценности международного сообщества. В дальнейшем данная концепция получила развитие в доктрине международного уголовного права.

В отечественной науке существенное значение имела концепция А.Н. Трайнина, связывав-

шего международные преступления с посягательствами на основы существования государств и народов, мир и безопасность человечества [2, с. 43–58]. И.И. Лукашук впоследствии акцентировал внимание на нарушении основополагающих норм международного права, имеющих жизненно важное значение для международного сообщества [3, с. 49]. С.В. Черниченко связывал международные преступления с наиболее тяжкими нарушениями обязательств, имеющих значение для всего международного сообщества [4, с. 327–332].

В зарубежной доктрине аналогичная эволюция проявилась в развитии концепции «core crimes». А. Кассезе рассматривал международные преступления как серьезные нарушения международных норм, предусматривающих индивидуальную уголовную ответственность [5, p. 11–16]. К. Амбос использует категорию «core crimes under international law», объединяя в ней наиболее тяжкие преступления, ответственность за которые основывается непосредственно на международном праве [6, p. 56–61].

Таким образом, исторически международное преступление прошло путь от категории, связанной преимущественно с нарушением межгосударственных обязательств, к категории, центральным элементом которой является индивидуальная уголовная ответственность.

При этом изменение понимания международного преступления одновременно сопровождалось изменением объекта международно-правовой защиты. Если первоначально центральное значение имели мир, безопасность и суверенное равенство государств, то в дальнейшем все более существенную роль стала играть защита личности и отдельных человеческих групп.

Развитие международного уголовного права позволяет условно выделить несколько этапов, каждый из которых характеризуется особым подходом к определению круга международных преступлений.

Первый этап может быть обозначен как нюрнбергская модель. В ее рамках основными категориями выступали преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. Именно эта конструкция заложила основу последующего развития международной уголовной юстиции.

Второй этап связан с развитием конвенционного регулирования. Принятие Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него г. стало принципиальным шагом в направлении нормативного закрепления самостоятельного международного преступления геноцида [22]. Одновременно Женевские конвенции 1949 г. и последующее развитие международного гуманитарного права существенно расширили нормативную основу ответственности за военные преступления.

Третий этап связан с принятием Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. Статья 5 Статута закрепила четыре категории преступлений, находящихся в юрисдикции Суда: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии [24].

Для государств Латинской Америки Римский статут имеет особое значение. Большинство государств региона являются участниками Римского статута либо развивают национальное законодательство с учетом его положений. Однако восприятие международных преступлений в регионе не сводится к буквальному воспроизведению статутной модели.

Это обусловлено спецификой исторического опыта государств региона. В Латинской Америке международное уголовное право развивалось одновременно с региональным правом прав человека. Поэтому такие категории, как насильственное исчезновение, внесудебная казнь, пытка и систематическое политическое преследование, получили самостоятельное значение в региональной юридической практике.

Специфика Латинской Америки наиболее отчетливо проявилась в деятельности Межамериканского суда по правам человека.

Принципиальное значение имеет решение по делу Velásquez Rodríguez v. Honduras 1988 г. Суд рассматривал проблему насильственного исчезновения и пришел к выводу о существовании позитивных обязанностей государства по предотвращению и расследованию нарушений прав человека. Тем самым обязанность государства была поставлена в зависимость не только от непосредственного поведения его представителей, но и от эффективности последующего расследования.

Следующий этап связан с делом Barrios Altos v. Peru 2001 г. В данном деле Суд рассмотрел вопрос о совместимости амнистии с обязанностью государства расследовать наиболее тяжкие нарушения прав человека. Сформированная Судом позиция стала одним из ключевых элементов межамериканского подхода к борьбе с безнаказанностью.

Особое значение для уголовно-правовой проблематики имело дело Almonacid Arellano et al. v. Chile 2006 г. Суд связал преступления периода военной диктатуры с категорией преступлений против человечности и подтвердил необходимость обеспечения уголовного преследования виновных. Важным следствием этой практики стало развитие доктрины «convencionalidad», предполагающей обязанность национальных органов учитывать международно-правовые обязательства государства при применении внутренне-

го права.

Совокупность данной практики позволяет говорить не о формировании отдельной «системы международных преступлений» в формально-юридическом смысле, а о создании в регионе специфического правозащитного механизма, оказывающего непосредственное воздействие на уголовно-правовую политику государств.

Это различие имеет принципиальное значение. Межамериканский суд по правам человека не является международным уголовным судом, а его решения не заменяют национальное уголовное преследование. Вместе с тем сформулированные им правовые позиции оказывают существенное влияние на развитие национальных механизмов расследования и привлечения к ответственности за наиболее тяжкие нарушения прав человека, определяя пределы допустимого государственного регулирования в вопросах амнистии, давности и иных правовых средств, способных препятствовать установлению обстоятельств совершенного деяния и ответственности виновных лиц. Вследствие этого практика Межамериканского суда выступает важным дополнительным элементом той системы правовых гарантий, в рамках которой осуществляется противодействие наиболее тяжким преступлениям в государствах региона.

Именно взаимодействием указанных правовых механизмов во многом объясняется специфика латиноамериканского подхода: универсальные нормы международного уголовного права сочетаются с региональными стандартами защиты прав человека и получают дальнейшее развитие в национальном уголовном законодательстве. Вместе с тем данная взаимосвязь проявляется применительно к различным категориям международных преступлений неодинаково. Их формирование происходило исторически последовательно, а содержание отдельных составов существенно изменялось под воздействием развития международного права. В этой связи представляется необходимым обратиться к основным этапам становления отдельных видов международных преступлений, начиная с тех категорий, которые исторически одними из первых получили международно-правовое закрепление.

Одним из наиболее ранних элементов современной системы международных преступлений является преступление агрессии, развитие которого непосредственно связано с изменением подходов международного сообщества к применению вооруженной силы государствами и персональной ответственности лиц, принимающих решения о ее использовании.

Нюрнбергский трибунал рассматривал планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны как преступление, обладающее особой степенью общественной опасности. Именно в рамках Нюрнбергского процесса был сформирован один из основополагающих подходов к индивидуальной ответственности лиц, участвующих в подготовке и осуществлении агрессивной войны. В дальнейшем развитие международного права привело к постепенному уточнению содержания данной категории, что в конечном итоге обусловило ее самостоятельное закрепление в современной системе международных преступлений.

Современное понимание агрессии связано с положениями Устава ООН и последующим развитием Римского статута. В отличие от геноцида и преступлений против человечности, объектом посягательства здесь прежде всего выступает международный мир и безопасность.

Для государств Латинской Америки данный аспект имеет особое значение вследствие исторического развития региональной системы коллективной безопасности. Устав Организации американских государств (далее — ОАГ) закрепляет принцип, согласно которому агрессия против одного американского государства рассматривается как агрессия против других государств региона (ст. 3 п. g) [25].

При этом в национальном уголовном законодательстве государств региона преступление агрессии не получило столь же единообразной имплементации, как геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Это объясняется в том числе особенностями международного регулирования юрисдикции в отношении данного преступления и его тесной связью с ответственностью лиц, способных фактически контролировать политические или военные действия государства. Следовательно, развитие уголовно-правового регулирования агрессии демонстрирует сохранение классического измерения международных преступлений, связанного с защитой межгосударственного мира, тогда как последующее развитие международного уголовного права постепенно сместило акцент на защиту личности.

Геноцид занимает особое положение в системе международных преступлений вследствие наличия специальной цели уничтожения полностью или частично определенной группы. Исторически формирование данного понятия связано с исследованиями Р. Лемкина, который использовал термин «геноцид» для обозначения политики уничтожения национальных групп [7]. В дальнейшем Конвенция 1948 г. сформировала универсальную нормативную модель данного преступления.

Одновременно в доктрине возникла дискуссия относительно круга защищаемых групп. Конвенционная модель охватывает националь-

ные, этнические, расовые и религиозные группы. В научной литературе неоднократно высказывалась позиция о необходимости более широкого понимания групп, подвергающихся целенаправленному уничтожению [8, p. 17–20; 9, p. 31–35]. Латиноамериканский опыт представляет интерес именно в этой связи. Отдельные государства региона пошли по пути расширения уголовно-правовой защиты по сравнению с минимальным стандартом Конвенции 1948 г. Наиболее показателен пример Уругвая. Закон № 18.026 от 25 сентября 2006 г. предусматривает ответственность за геноцид в отношении не только национальных, этнических, расовых и религиозных групп, но также политических, профсоюзных и некоторых иных групп, обладающих самостоятельными признаками идентичности [31].

Такой подход демонстрирует влияние регионального исторического опыта на национальную уголовно-правовую политику. Расширение охраняемого круга групп связано с необходимостью учитывать формы массового политического и социального насилия, характерные для истории региона. Вместе с тем, чрезмерное расширение понятия геноцида создает риск утраты его отличительных признаков. В современной доктрине поэтому сохраняется аргумент в пользу разграничения геноцида и преступлений против человечности, поскольку именно специальная цель уничтожения группы позволяет сохранить самостоятельность состава геноцида [10, p. 117–120].

Военные преступления являются наиболее исторически устойчивой категорией международных преступлений. Их развитие связано с постепенной кодификацией законов и обычаев войны, Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., Женевскими конвенциями 1949 г. и дополнительными протоколами к ним.

Современное международное уголовное право существенно расширило значение категории военных преступлений применительно к немеждународным вооруженным конфликтам.

Данное обстоятельство имеет особое значение для Латинской Америки, поскольку многие наиболее продолжительные вооруженные конфликты в регионе имели именно немеждународный характер. Соответственно, национальное уголовное законодательство оказалось вынуждено учитывать нарушения международного гуманитарного права, совершаемые не только в отношениях между государствами, но и в рамках внутренних вооруженных конфликтов.

Особый интерес представляет законодательство Колумбии. Вследствие длительного внутреннего вооруженного конфликта в национальном уголовном законодательстве сформировалась детальная регламентация военных преступлений и посягательств на лиц и объекты, находящиеся под защитой международного гуманитарного права. Значение колумбийского опыта состоит не только в количестве соответствующих составов. Национальный законодатель стремится конкретизировать круг охраняемых объектов, включая гражданские объекты, культурные ценности, имущество, необходимое для выживания населения, элементы природной среды и объекты, содержащие опасные силы (ст. 154 Уголовного Кодекса Колумбии) [33].

Сходные тенденции прослеживаются в Эквадоре. Органический интегральный уголовный кодекс (ст. 111) содержит специальный комплекс норм о международных преступлениях, включая преступления против человечности, геноцид и военные преступления [32]. Таким образом, латиноамериканская модель военных преступлений характеризуется ориентацией не только на международные вооруженные конфликты, но и на защиту населения в условиях внутренних вооруженных конфликтов.

Наиболее тесная связь между международным уголовным правом и историческим опытом Латинской Америки проявляется в развитии категории преступлений против человечности. Современное содержание данной категории предполагает наличие широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население. В отличие от геноцида преступление против человечности не требует специальной цели уничтожения определенной группы.

Историческое значение данной категории заключается в переходе от защиты отдельных лиц от единичных актов насилия к защите населения от системной преступной политики. Именно этот аспект имеет особое значение для Латинской Америки. Политические репрессии периода военных диктатур, насильственные исчезновения, систематические пытки и внесудебные казни продемонстрировали недостаточность исключительно общеуголовных средств противодействия. Если каждое убийство, незаконное лишение свободы или пытка рассматривались бы исключительно как отдельное общеуголовное преступление, из правовой оценки выпадал бы контекст массовости, системности и организованности соответствующих деяний. Категория преступлений против человечности позволяет учитывать именно такой контекст.

В этом отношении существенную роль сыграли исследования Г. Лаутерпахта, А. Кассезе, К. Амбоса и других представителей международно-правовой доктрины. В латиноамериканской науке значительный вклад в развитие соответствующей проблематики внесли К. Нэш Рохас, А. Дулицки, Х. Мендес и другие исследователи.

Отдельное значение приобрел институт насильственного исчезновения. Его особенность

заключается в комплексном характере нарушения прав человека: одновременно затрагиваются право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, доступ к правосудию и право родственников знать судьбу исчезнувшего лица.

Поэтому именно борьба с насильственными исчезновениями стала одним из центральных направлений уголовно-правовой и правозащитной политики ряда государств региона.

Универсальные международно-правовые стандарты не обеспечивают автоматически эффективное уголовное преследование. Их практическое значение зависит от того, каким образом они имплементированы в национальное право.

В Латинской Америке сформировались различные модели такой имплементации.

Чили представляет пример достаточно детализированной законодательной имплементации. Закон № 20.357 от 2009 г. непосредственно регулирует преступления против человечности, геноцид, а также преступления и уголовные проступки войны [30]. При этом законодатель подробно определяет контекст совершения преступлений против человечности и устанавливает самостоятельные уголовно-правовые последствия.

Уругвай использует иной законодательный подход. Закон № 18.026 от 2006 г. системно регулирует международные преступления и одновременно содержит специальные нормы, учитывающие региональный опыт политических репрессий [31]. В частности, закон предусматривает отдельные положения о геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Особенность закона состоит также в установлении специальных правил применения уголовной юрисдикции и регулирования вопросов ответственности.

Эквадор включил международные преступления в структуру Органического интегрального уголовного кодекса. Такой подход позволяет рассматривать соответствующие составы как часть единой национальной системы уголовного права.

Колумбийская модель характеризуется значительной детализацией военных преступлений. Это закономерно связано с продолжительным внутренним вооруженным конфликтом и необходимостью применения международного гуманитарного права к различным формам насилия.

В Аргентине ситуация отличается отсутствием единого специализированного раздела, объединяющего все международные преступления. Национальная модель основывается на сочетании положений уголовного законодательства, конституционного регулирования и международно-правовых обязательств. Значительное влияние на практику оказали судебные процессы в отношении представителей военных режимов.

Наконец, в ряде государств региона имплементация международных преступлений остается фрагментарной. Отдельные составы закрепляются в специальных законах либо распределяются между различными разделами уголовного законодательства без формирования самостоятельного комплексного института.

Следовательно, даже при общем признании международно-правовых стандартов национальные механизмы их реализации существенно различаются.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько признаков современной латиноамериканской модели.

Во-первых, она имеет многоуровневый характер. Противодействие международным преступлениям осуществляется одновременно посредством универсального международного права, национального уголовного законодательства и регионального механизма защиты прав человека.

Во-вторых, для региона характерно существенное влияние исторического опыта. Национальные уголовно-правовые механизмы во многом формировались как правовая реакция на военные диктатуры, вооруженные конфликты и массовые нарушения прав человека.

В-третьих, наблюдается постепенное усиление значения личности как самостоятельного объекта международно-правовой защиты. Если классическая концепция международных преступлений была преимущественно связана с защитой мира и международной безопасности, то современная латиноамериканская практика уделяет значительное внимание защите гражданского населения от систематического насилия.

В-четвертых, существенное значение имеет принцип преодоления безнаказанности. В региональной практике вопросы уголовного преследования, амнистии, давности и расследования тяжких нарушений прав человека рассматриваются во взаимосвязи.

В-пятых, сохраняется значительная степень национального разнообразия. Государства региона не сформировали единой модели имплементации Римского статута и других международных стандартов. Различия касаются объема криминализации, структуры уголовного законодательства, определения отдельных составов и правил уголовной юрисдикции.

Вместе с тем именно это разнообразие позволяет выявить несколько основных направлений развития национального законодательства: прямое воспроизведение международных стандартов; расширение уголовно-правовой защиты с учетом регионального исторического опыта; включение международных преступлений

в общую структуру уголовного кодекса; принятие специальных законов; использование международного права и судебной практики в качестве непосредственного основания уголовно-правового преследования.

Представляется, что современное состояние уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в Латинской Америке нельзя оценить исключительно посредством определения того, насколько конкретное государство формально воспроизводит положения Римского статута.

Такой подход был бы недостаточным по двум причинам.

Во-первых, уголовно-правовая имплементация международных преступлений представляет собой не только технический процесс переноса международной нормы во внутреннее законодательство. Она предполагает определение места международных преступлений в системе национального уголовного права, установление правил юрисдикции, определение форм соучастия, оснований ответственности командиров и начальников, правил неприменения давности, а также процессуальных механизмов расследования и судебного рассмотрения.

Во-вторых, для Латинской Америки принципиальное значение имеет взаимодействие международного уголовного права и международного права прав человека.

Именно поэтому региональная модель не может быть сведена к перечню четырех категорий преступлений, закрепленных в Римском статуте. Важную роль играют стандарты расследования тяжких нарушений прав человека, недопустимость использования амнистии в качестве препятствия уголовному преследованию в соответствующих случаях, обязанность государства обеспечивать эффективное расследование и доступ потерпевших к правосудию.

В данном отношении латиноамериканский опыт представляет значительный научный интерес и для общей теории уголовного права. Он показывает, что международное уголовное право развивается не изолированно от национальных правовых систем. Напротив, именно национальное законодательство становится основным пространством практической реализации международно-правового запрета.

Это обстоятельство позволяет рассматривать имплементацию международных преступлений как самостоятельный объект сравнительно-правового исследования.

Итак, историческое развитие уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в Латинской Америке свидетельствует о последовательном переходе от преимущественно межгосударственной модели защиты международного правопорядка к многоуровневой системе индивидуальной уголовной ответственности.

Нюрнбергская модель заложила принцип индивидуальной ответственности за наиболее тяжкие нарушения международного права. Конвенционный этап обеспечил дальнейшую конкретизацию отдельных категорий преступлений, прежде всего геноцида и военных преступлений. Римский статут сформировал современную статутную модель, включающую геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессию.

Однако в Латинской Америке данные универсальные процессы развивались во взаимодействии с региональным правом прав человека. Исторический опыт обусловил формирование дополнительных механизмов борьбы с безнаказанностью.

Практика Межамериканского суда по правам человека способствовала закреплению стандартов эффективного расследования тяжких нарушений прав человека и уголовного преследования лиц, виновных в их совершении. В результате национальная уголовно-правовая политика государств региона оказалась тесно связана с международными стандартами защиты прав человека.

Сравнительный анализ национального законодательства показывает отсутствие единой латиноамериканской модели имплементации международных преступлений. Чили характеризуется детальной специальной криминализацией; Уругвай использует комплексный законодательный подход, дополненный региональной спецификой; Эквадор включил международные преступления в структуру Органического интегрального уголовного кодекса; Колумбия уделяет значительное внимание военным преступлениям и защите лиц и объектов в условиях вооруженного конфликта; Аргентина в значительной степени опирается на сочетание национального законодательства, конституционных положений и международного права.

Таким образом, современную модель уголовно-правового противодействия международным преступлениям в Латинской Америке целесообразно характеризовать как многоуровневую и дифференцированную. Ее основу составляют универсальные международно-правовые стандарты, национальная криминализация международных преступлений и региональные стандарты борьбы с безнаказанностью.

Научное значение латиноамериканского опыта состоит в том, что он демонстрирует взаимное влияние международного уголовного права и национальных уголовно-правовых систем. Международные нормы определяют минимальные стандарты уголовно-правовой защиты, тогда

как национальное законодательство конкретизирует их с учетом исторических и институциональных особенностей конкретного государства.

В связи с этим дальнейшее исследование уголовно-правовых механизмов противодействия международным преступлениям в государствах Латинской Америки должно быть направлено не только на сопоставление составов преступлений, но и на изучение вопросов юрисдикции, давности, амнистии, форм соучастия, ответственности руководителей, международной правовой помощи и взаимодействия национальных судов с международными и региональными органами правосудия.

Список литературы:

[1] Kelsen H. Principles of International Law. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 602 p.

[2] Трайнин А. Н. Защита мира и уголовный закон. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937. 214 с.

[3] Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М.: Спарк, 1999. 287 с.

[4] Черниченко С. В. Теория международного права: в 2 т. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М.: НИМП, 1999. 531 с.

[5] Cassese A. International Criminal Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. 472 p.

[6] Ambos K. Treatise on International Criminal Law. Vol. I: Foundations and General Part. Oxford: Oxford University Press, 2013. 420 p.

[7] Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.

[8] Horowitz I. L. Taking Lives: Genocide and State Power. 5th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. 312 p.

[9] Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven: Yale University Press, 1981. 315 p.

[10] Schabas W. A. Genocide in International Law. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 768 p.

[11] Werle G., Jessberger F. Principles of International Criminal Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.

[12] Бирюков П. Н. Международное уголовное право: учебник. М.: Юрайт, 2023. 413 с.

[13] Zaffaroni E. R. Crímenes de masa y derecho penal. Buenos Aires: Madres de Plaza de Mayo, 2010. 176 p.

[14] Nash Rojas C. Derecho Internacional de los Derechos Humanos en Chile. Santiago: Universidad de Chile, 2012. 394 p.

[15] Méndez J. E. Accountability for Past Abuses // Human Rights Quarterly. 1997. Vol. 19. No. 2. P. 255–282.

[16] Dulitzky A. The Latin-American Human Rights System and the Protection of Human Rights // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2005. Vol. 9. P. 259–308.

[17] Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / отв. ред. А. Я. Капустин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Норма; Инфра-М, 2023. 304 с.

[18] Хабриева Т. Я., Капустин А. Я. Международное право и санкции. Поиск границ допустимого // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 1. С. 3–9.

[19] Опалич Е.А. Ответственность за международные преступления по законодательству стран Латинской Америки. М.: Проспект, 2024. .

[20] Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г.

[21] Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г.

[22] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.

[23] Женевские конвенции от 12 августа 1949 г.

[24] Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.

[25] Устав Организации американских государств от 30 апреля 1948 г.

[26] Velásquez Rodríguez v. Honduras. Judgment of 29 July 1988. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 4.

[27] Barrios Altos v. Peru. Judgment of 14 March 2001. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 75.

[28] Almonacid Arellano et al. v. Chile. Judgment of 26 September 2006. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 154.

[29] Gelman v. Uruguay. Judgment of 24 February 2011. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 221.

[30] Ley № 20.357. Tipifica crímenes de lesa humanidad y genocidio y crímenes y delitos de guerra. Chile, 2009.

[31] Ley № 18.026. Modificación al Código Penal. Estatuto de Roma de la Corte Penal Internacional. Genocidio. Crímenes de lesa humanidad. Crímenes de guerra. Uruguay, 2006.

[32] Código Orgánico Integral Penal del Ecuador.

[33] Código Penal de Colombia. Ley No. 599 de 24 de julio de 2000.

References:

[1] Kelsen H. Principles of International Law. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 602 p.

[2] Trainin A. N. Peace protection and criminal law. M.: Legal publishing house of the NKYU of the USSR, 1937. 214 pp.

[3] Lukashuk I. I., Naumov A. V. International criminal law. M.: Spark, 1999. 287 pp.

[4] Chernichenko S.V. Theory of international law: in 2 vols. T. 2: Old and new theoretical problems. M.: NIMP, 1999. 531 pp.

[5] Cassese A. International Criminal Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. 472 p.

[6] Ambos K. Treatise on International Criminal Law. Vol. I: Foundations and General Part. Oxford: Oxford University Press, 2013. 420 p.

[7] Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.

[8] Horowitz I. L. Taking Lives: Genocide and State Power. 5th ed. New Brunswick: Transaction Publishers, 2002. 312 p.

[9] Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven: Yale University Press, 1981. 315 p.

[10] Schabas W. A. Genocide in International Law. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 768 p.

[11] Werle G., Jessberger F. Principles of International Criminal Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.

[12] Biryukov P.N. International criminal law: textbook. M.: Yurayt, 2023. 413 p.

[13] Zaffaroni E. R. Crímenes de masa y derecho penal. Buenos Aires: Madres de Plaza de Mayo, 2010. 176 p.

[14] Nash Rojas C. Derecho Internacional de los Derechos Humanos en Chile. Santiago: Universidad de Chile, 2012. 394 p.

[15] Méndez J. E. Accountability for Past Abuses // Human Rights Quarterly. 1997. Vol. 19. No. 2. P. 255–282.

[16] Dulitzky A. The Latin-American Human Rights System and the Protection of Human Rights // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2005. Vol. 9. P. 259–308.

[17] The modern concept of interaction between international and domestic law / resp. ed. A. Ya. Kapustin. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Norm; Infra-M, 2023. 304 pp.

[18] Khabrieva T. Ya., Kapustin A. Ya. International law and sanctions. Search for acceptable boundaries // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019. T. 89. № 1. S. 3-9.

[19] Opalich E.A. Responsibility for international crimes under Latin American law. M.: Prospect, 2024...

[20] United Nations Charter of 26 June 1945.

[21] Charter of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of the Main War Criminals of the European Axis Countries of August 8, 1945.

[22] Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide: adopted by UN General Assembly resolution 260 (III) of December 9, 1948.

[23] Geneva Conventions of August 12, 1949.

[24] Rome Statute of the International Criminal Court of 17 July 1998.

[25] Charter of the Organization of American States of April 30, 1948.

[26] Velásquez Rodríguez v. Honduras. Judgment of 29 July 1988. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 4.

[27] Barrios Altos v. Peru. Judgment of 14 March 2001. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 75.

[28] Almonacid Arellano et al. v. Chile. Judgment of 26 September 2006. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 154.

[29] Gelman v. Uruguay. Judgment of 24 February 2011. Inter-American Court of Human Rights. Series C No. 221.

[30] Ley № 20.357. Tipifica crímenes de lesa humanidad y genocidio y crímenes y delitos de guerra. Chile, 2009.

[31] Ley № 18.026. Modificación al Código Penal. Estatuto de Roma de la Corte Penal Internacional. Genocidio. Crímenes de lesa humanidad. Crímenes de guerra. Uruguay, 2006.

[32] Código Orgánico Integral Penal del Ecuador.

[33] Código Penal de Colombia. Ley No. 599 de 24 de julio de 2000.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-297-302

ГОРГИДЗЕ Георгий Мерабович,
аспирант кафедры международного права Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП),
e-mail: Borjomi48@mail.ru

Научный руководитель:
АШАВСКИЙ Борис Матвеевич,
кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП),
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВА И РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности образования норм международного экономического права с учетом общих закономерностей международного нормообразования. Анализируются договорный и обычный способы образования норм, их взаимодействие, а также формы участия международных межправительственных организаций в формировании и развитии международно-правового регулирования. Особое внимание уделяется обязательным и рекомендательным актам международных организаций, их значению для договорного и обычного нормообразования и специфике соответствующих процессов в международном экономическом праве. Обосновывается вывод о том, что специфика международного экономического нормообразования состоит не в появлении особой системы источников, а в более тесном взаимодействии договора, обычая и институциональных механизмов. Предлагается выделять организационно-процедурную, производно-нормативную и формирующую формы участия международных межправительственных организаций.*

Ключевые слова: *международное право; международное экономическое право; международные межправительственные организации; международно-правовая норма; нормообразование; международный договор; международный обычай; opinio juris; акты международных организаций; soft law.*

GORGIDZE Georgy Merabovich,
Postgraduate Student, Department of International Law Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL)

Academic Supervisor:
ASHAVSKY Boris Matveevich,
Candidate of Legal Sciences, Professor, Department of International Law Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

SPECIFIC FEATURES OF THE FORMATION OF INTERNATIONAL ECONOMIC LAW NORMS AND THE ROLE OF INTERNATIONAL INTERGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THIS PROCESS

Annotation. *The article examines the specific features of the formation of international economic law norms in the light of the general patterns of international law-making. It analyzes treaty-based and customary processes of norm formation, their interaction, as well as the forms of participation of international intergovernmental organizations in the formation and development of international legal regulation. Particular attention is paid to binding and recommendatory acts*

of international organizations, their significance for treaty-based and customary norm formation, and the specific features of these processes in international economic law. It is argued that the distinctive character of norm formation in international economic law lies not in the emergence of a separate system of sources, but in the closer interaction between treaties, custom, and institutional mechanisms. The article proposes distinguishing between organizational-procedural, derivative normative, and formative forms of participation of international intergovernmental organizations.

Key words: *international law; international economic law; international intergovernmental organizations; international legal norm; norm formation; international treaty; international custom; opinio juris; acts of international organizations; soft law.*

Исследование образования норм международного экономического права требует обращения к общим закономерностям международного нормообразования. Международно-правовая система не располагает единым «законодательным органом», который обладал бы общей компетенцией устанавливать обязательные правила для государств независимо от их воли. Поэтому исходным для международного права остается согласительный механизм, в рамках которого юридически обязательное правило возникает в результате взаимодействия его субъектов [10, с. 17; 12, с. 23].

В отечественной доктрине данное положение наиболее последовательно раскрыто в концепции согласования воль государств Г. И. Тункина. Ее значение состоит в том, что согласование охватывает не только содержание будущего правила поведения, но и признание его юридически обязательным. Тем самым совпадение политических интересов, повторяемость поведения или наличие общего стремления к определенному результату еще не означают возникновения международно-правовой нормы. Необходимо наличие юридического основания, придающего соответствующему правилу обязательный характер [15, с. 187–189].

Такой подход позволяет разграничить источник международного права, процесс образования нормы и субъектов либо механизмы, участвующие в этом процессе. Договор и обычай выступают формами существования международно-правовых норм, тогда как международные организации, международные конференции, судебные органы и иные институты способны участвовать в формировании, уточнении или развитии соответствующего правила [2, 5]. Как отмечал Б. М. Ашавский, понятие источника не следует расширять до такой степени, чтобы им охватывались все факторы, влияющие на возникновение и развитие норм [6, с. 12].

Одной из основных форм международного нормообразования остается международный договор. Его юридическое значение связано с выражением согласия участников на обязательность содержащихся в нем правил. При этом создание договорной нормы нельзя сводить только к моменту подписания текста. Выработка и согласование проекта, его принятие, установление аутентичности и выражение согласия на обязательность образуют последовательность юридически значимых действий. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. закрепляет различные формы такого согласия, включая подписание, ратификацию, принятие, утверждение и присоединение [12, с. 75–77; 2].

Уже на договорной стадии проявляется существенная роль международных межправительственных организаций. Их органы могут обеспечивать переговорный процесс, подготовку проекта, согласование позиций государств и принятие окончательного текста. Тем самым организация становится не только технической площадкой, но и постоянным механизмом, внутри которого формируется содержание будущего договорного регулирования. В пределах своей компетенции международная организация может также сама выступать участником договорных отношений [15, с. 88, 94].

Наряду с договором сохраняет значение международный обычай. Статут Международного Суда связывает его с всеобщей практикой, признанной в качестве правовой нормы. Современный подход, отраженный в Выводах Комиссии международного права ООН 2018 г., исходит из необходимости установления двух элементов: общей практики и ее принятия в качестве права, то есть opinio juris. Поэтому повторяемость поведения сама по себе не создает обычной нормы. Поведение государств может объясняться политической целесообразностью, экономическими интересами, дипломатическими соображениями либо иными неправовыми мотивами [1, ст. 38; 3, Вывод 2].

Договорное и обычное нормообразование находятся в постоянном взаимодействии. Договор способен закреплять уже сложившуюся обычную норму, содействовать кристаллизации формирующегося обычая либо становиться отправной точкой для новой практики. В свою очередь, последующая практика применения договора может приобретать значение для его толкования. Это свидетельствует о том, что процесс образования норм международного права представляет собой не совокупность изолированных форм, а систему взаимосвязанных юридических

механизмов [3, Вывод 11; 2, ст. 31, п. 3, подп. «b»].

На этом фоне роль международных организаций должна оцениваться шире, чем через традиционный вопрос о наличии у них самостоятельной «законодательной власти». Их участие в нормообразовании может проявляться в нескольких формах. Прежде всего организация создает постоянную институциональную среду, в которой государства ведут переговоры, формулируют позиции, сопоставляют интересы и вырабатывают тексты международных документов. В отличие от разовой дипломатической конференции такой механизм действует непрерывно и позволяет последовательно возвращаться к вопросам правового регулирования [7].

В отдельных случаях учредительный договор предоставляет органам международной организации полномочия принимать обязательные решения. Как отмечается в доктрине права международных организаций, такая компетенция может относиться как к индивидуальным решениям, так и к абстрактному нормативному регулированию. Однако юридическая сила таких актов имеет производный характер: ее основанием выступает предварительно выраженное государствами согласие с учредительным договором и установленным им механизмом принятия решений [13, с. 194; 15, с. 91].

Иное значение имеют рекомендательные акты. Резолюция или рекомендация не становится международно-правовой нормой только в силу ее принятия международным органом. Вместе с тем отсутствие обязательной силы не означает отсутствия влияния на нормообразование. Выводы Комиссии международного права допускают, что резолюции международных организаций способны служить доказательством существования или содержания обычной нормы либо содействовать ее развитию при наличии соответствующей практики и opinio juris [3, Вывод 12; 5, с. 27].

Следовательно, необходимо различать юридическую обязательность и нормативное влияние. Международная организация может не создавать обязательное правило непосредственно, но участвовать в формировании его содержания, фиксировать достигнутый уровень согласия, ориентировать последующее поведение государств и создавать условия для договорного или обычного закрепления соответствующих положений. Аналогичным образом проекты, подготовленные в рамках кодификационной деятельности международных органов, способны предшествовать возникновению окончательного договорного обязательства [4].

Отдельного внимания заслуживает влияние международных судебных органов и кодификационных механизмов. Судебные решения в силу Статута Международного Суда имеют вспомогательное значение для определения правовых норм и не образуют «общего международного законодательства». Вместе с тем сформулированные судами подходы могут влиять на последующую практику государств, толкование договоров и выявление существующих норм. Сходным образом деятельность Комиссии международного права показывает, что международный орган способен воздействовать на содержание будущего регулирования задолго до появления окончательного договора. Подготовленный проект еще не создает обязательства, но может стать основой дипломатической конференции, многосторонних переговоров и последующего договорного закрепления [1, ст. 38, 59; 6, с. 12; 4].

Эти общие закономерности в полной мере применимы к международному экономическому праву, однако в данной сфере они проявляются особенно интенсивно. Специфика международного экономического права не состоит в существовании обособленной системы источников. Г. М. Вельяминов исходил из того, что его источники имеют ту же природу, что и источники международного права в целом. Особенность заключается прежде всего в соотношении используемых форм, значении многостороннего регулирования и высокой степени институционализации экономического сотрудничества [8, с. 47].

Международные экономические отношения требуют согласования сложных и часто противоположных государственных интересов. Доступ к рынкам, движение товаров, услуг и капитала, инвестиционные режимы, финансовое сотрудничество и иные вопросы непосредственно затрагивают национальные экономические интересы. Поэтому многосторонний договор здесь нередко выполняет двойную функцию: устанавливает материальные обязательства и одновременно создает институт, внутри которого соответствующий режим получает дальнейшее развитие [9].

Учредительные договоры международных экономических организаций в этом смысле не завершают нормообразование, а создают его постоянную основу. Государства определяют компетенцию органов, процедуры принятия решений и пределы последующего регулирования. В дальнейшем договорное и институциональное развитие тесно взаимодействуют: организация становится пространством для продолжения переговоров, уточнения действующих правил, подготовки новых решений и накопления практики их применения [8, с. 51].

Еще одной особенностью международного экономического права является широкое использование необязательных документов: рекомендаций, деклараций, руководящих принципов, модельных правил и кодексов поведения.

Их распространенность связана с динамичностью экономических отношений и потребностью быстрее реагировать на изменения, чем это позволяет традиционный договорный процесс. При этом гибкость подобных инструментов достигается именно за счет отсутствия либо ограничения их обязательной силы [8, с. 48–49; 9, с. 326–327].

Поэтому понятие soft law требует осторожного применения. Само наименование документа или высокая степень конкретности его положений не определяют его юридическую природу. В отечественной литературе на это обращали внимание Б. М. Ашавский, Г. М. Вельяминов, М. В. Ксенофонтова, М. М. Богуславский и Е. Б. Ганюшкина. Необязательный акт способен служить моделью для национального законодательства, влиять на государственную практику, становиться основой последующих переговоров и участвовать в формировании содержания будущего договора, но такой эффект не тождествен возникновению международно-правовой нормы [5, с. 27; 8, с. 48–49; 11, с. 31, 37; 7, с. 63–64; 9, с. 326–327].

В международной экономической сфере особенно заметно и взаимодействие международного и национального регулирования. Национальное законодательство и практика государств могут воспринимать положения международных рекомендаций, а затем становиться фактическим материалом для последующей международной унификации. Однако это не означает смешения источников различных правовых систем. Национальный закон, частноправовая сделка или корпоративное правило не становятся нормами международного экономического права только вследствие трансграничного характера регулируемых отношений [14, с. 4, 25; 11, с. 37].

В международном экономическом праве институционализация приобретает дополнительное значение вследствие неодинаковых экономических возможностей государств. Формальное юридическое равенство не устраняет различий в переговорном потенциале, уровне развития и степени вовлеченности в международный экономический обмен. Поэтому многостороннее регулирование нередко предусматривает переходные периоды, преференциальные режимы, специальные условия и иные формы дифференциации. Такие механизмы не означают отказа от согласительного характера международного права, если различия в объеме прав и обязанностей закреплены в согласованной правовой форме.

В. М. Шумилов связывал процесс международного экономического нормообразования с государственным интересом, который направляет волю государства на выработку соответствующего правила. Для экономической сферы эта связь особенно существенна: нормативный результат обычно возникает как компромисс между различающимися интересами, а международная организация обеспечивает постоянную процедуру их сопоставления. Это позволяет рассматривать ее не как замену государству в международном правотворчестве, а как устойчивый механизм, посредством которого взаимодействие государств приобретает организованный и повторяющийся характер [16, с. 172].

Высокая степень институционализации влияет и на обычное нормообразование. Позиции государств выражаются в ходе заседаний международных органов, голосования, принятия совместных документов и исполнения решений. Такая деятельность создает значительный массив документированной практики. Вместе с тем поведение государства в органе организации и собственная практика международной организации не должны автоматически отождествляться: их значение для установления обычной нормы зависит от конкретных обстоятельств и наличия opinio juris [3, Вывод 4].

Таким образом, образование норм международного экономического права представляет собой особую по интенсивности форму общего международного нормообразования. Договор и обычай сохраняют основное юридическое значение, однако их развитие все чаще происходит в постоянной институциональной среде. Международные организации соединяют переговорный процесс, договорное регулирование, принятие последующих актов, накопление практики и использование рекомендательных инструментов.

Роль международных межправительственных организаций в этом процессе целесообразно рассматривать в трех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, они обеспечивают организационно-процедурные условия согласования воль государств. Во-вторых, в пределах компетенции, основанной на учредительном договоре, их органы могут принимать обязательные решения. В-третьих, рекомендации, резолюции, проекты и практика организаций способны оказывать формирующее воздействие на последующее договорное и обычное нормообразование.

Именно сочетание этих механизмов позволяет объяснить специфику международного экономического права без признания за международными организациями общей надгосударственной «законодательной власти». Возрастание роли международных организаций не отменяет согласительной природы международного права, а изменяет формы, в которых государственное согласие формируется, выражается и приобретает юридическое значение. Поэтому особенность международного экономического нормообразования состоит не в появлении принципиально новых источников, а в более тесном взаимодей-

ствии договора, обычая, актов международных организаций и иных инструментов, участвующих в движении от согласования интересов к юридически обязательному правилу.

Список литературы:

[1] Статут Международного Суда ООН (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/statute-of-the-international-court-of-justice (дата обращения: 20.09.2026).

[2] Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вене 23 мая 1969 г.) // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 20.09.2026).

[3] Доклад Комиссии международного права о работе ее семидесятой сессии. Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. Семьдесят третья сессия. Дополнение № 10 (A/73/10). 2018. Гл. V.

[4] International Law Commission. Law of Treaties // United Nations. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/1_1.shtml (дата обращения: 20.09.2026).

[5] Ашавский Б. М. Юридическое значение актов ООН относительно нового международного экономического порядка (НМЭП): международное экономическое мягкое право, международное экономическое «мягкое право» или… неправо? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4 (71). С. 26–31.

[6] Ашавский Б. М. Судебный прецедент — источник международного права? // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2018. № 3 (17). С. 11–14.

[7] Богуславский М. М. Международное экономическое право. М. : Международные отношения, 1986. 304 с.

[8] Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс) : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2004.

[9] Ганюшкина Е. Б. Кодексы поведения, оказывающие влияние на формирование международного экономического права // Московский журнал международного права. 2006. № 1 (61). С. 326–359.

[10] Гетьман-Павлова И. В. Международное право : учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. 709 с.

[11] Ксенофонтова М. В. Международная экономическая нормативная система: правовая и неправовая составляющие // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 2. С. 31–41.

[12] Международное право : учебник для бакалавров / отв. ред. Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. М. : Статут, 2017. 496 с.

[13] Международное право = Völkerrecht / В. Граф Витцтум [и др.] ; пер. с нем. 2-е изд. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 1072 с.

[14] Низамиев А. Ш. Правовое регулирование международных экономических отношений (концептуальные подходы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Казань, 2000. 28 с.

[15] Тункин Г. И. Теория международного права / под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М. : Зерцало-М, 2016. 416 с.

[16] Шумилов В. М. Международное экономическое право в эпоху глобализации // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 167–203.

References:

[1] Statute of the International Court of Justice (adopted in San Francisco on June 26, 1945) // United Nations: official website. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/statute-of-the-international-court-of-justice (дата обращения: 20.09.2026).

[2] Vienna Convention on the Law of Treaties (concluded in Vienna on May 23, 1969) // United Nations: official website. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 20.09.2026).

[3] Report of the International Law Commission on the work of its seventieth session. UN General Assembly. Official records. Seventy-third session. Supplement No. 10 (A/73/10). 2018. Ch. V.

[4] International Law Commission. Law of Treaties // United Nations. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/1_1.shtml (access date: 20.09.2026).

[5] Ashavsky B. M. The legal significance of UN acts regarding the new international economic order (NMEP): international economic soft law, international economic "soft law" or... wrong? // Eurasian Law Journal. 2014. № 4 (71). S. 26-31.

[6] Ashavsky B. M. Judicial precedent - a source of international law? // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2018. № 3 (17). S. 11-14.

[7] Boguslavsky M. M. International economic law. M.: International relations, 1986. 304 pp.

[8] Velyaminov G. M. International economic law and process (Academic course): textbook. M.: Wolters Kluver, 2004.

[9] Ganyushkina E. B. Codes of conduct influencing the formation of international economic law // Moscow Journal of International Law. 2006. № 1 (61). S. 326-359.

[10] Hetman-Pavlova I.V. International law: textbook for bachelors. 2nd ed., Revised and add. M.: Yurayt, 2013. 709 pp.

[11] Ksenofontova M.V. International economic regulatory system: legal and non-legal components // Bulletin of Orenburg State University. 2007. № 2. S. 31-41.

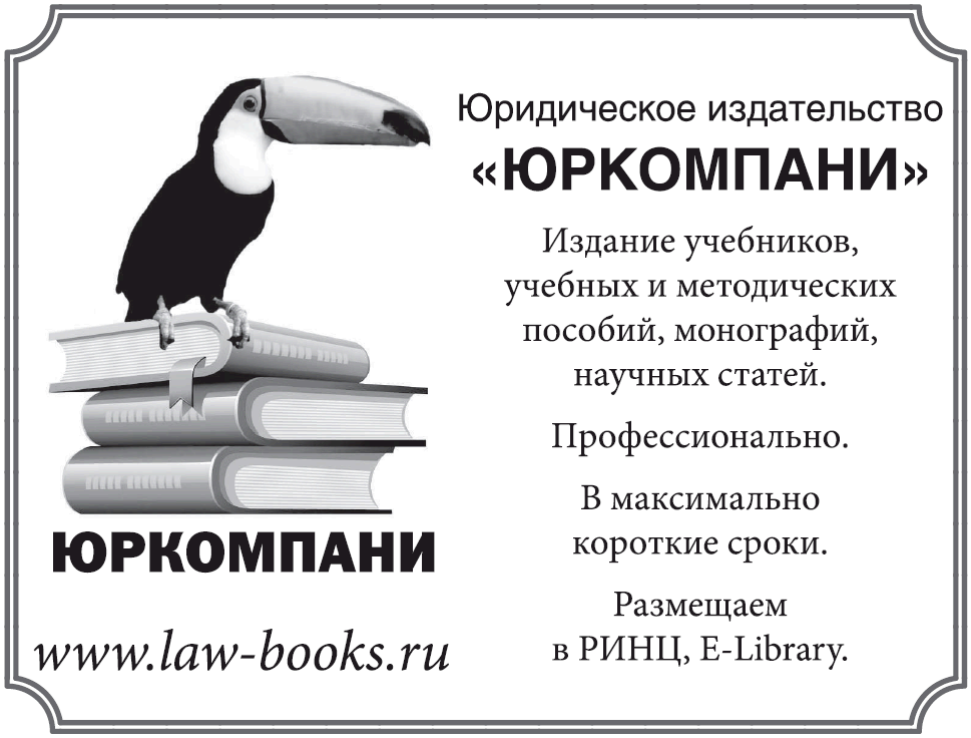
[12] International law: textbook for bachelors / rev. ed. R. M. Valeev, G. I. Kurdyukov. M.: Statute, 2017. 496 pp.

[13] International law = Völkerrecht / V. Graf Witztum [et al.]; per. With it. 2nd ed. M.: Infotropic Media, 2015. 1072 s.

[14] Nizamiev A. Sh. Legal regulation of international economic relations (conceptual approaches): abstract. dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.10. Kazan, 2000. 28 pp.

[15] Tunkin G. I. Theory of international law/under the general. ed. L. N. Shestakova. M.: Zerzalo-M, 2016. 416 p.

[16] Shumilov V. M. International Economic Law in the Era of Globalization // Moscow Journal of International Law. 2001. № 2. S. 167-203.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-303-311

БАТЫГОВ Заяудин Османович,
к.п.н. доцент кафедры «Теория и история государства и права», Ингушский государственный университет, г. Магас, e-mail: mail@law-books.ru

БАРАХОЕВА Елизавета Абубукаровна,
старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права» Ингушский государственный университет, г. Магас, e-mail: mail@law-books.ru

БАТЫГОВА Мадина Заяудиновна,
преподаватель кафедры «Теория и история государства и права» Ингушский государственный университет, г. Магас, e-mail: mail@law-books.ru

МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРАВА С ГРАЖДАНСКИМ ПРАВОМ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные направления межотраслевого взаимодействия образовательного и гражданского права. Анализируется соотношение норм Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и Гражданского кодекса Российской Федерации в регулировании образовательных отношений. Особое внимание уделяется договору об образовании и гражданско-правовым аспектам оказания образовательных услуг. Исследуется правовой режим имущества образовательных организаций, включая право собственности и право оперативного управления. Рассматриваются особенности предпринимательской деятельности образовательных организаций и возникающие при этом гражданско-правовые отношения. Отдельное внимание уделяется ответственности образовательной организации за нарушение договорных обязательств, причинение вреда жизни и здоровью обучающихся. Анализируется взаимодействие образовательного и гражданского законодательства в сфере создания, использования и распоряжения результатами интеллектуальной деятельности. Обосновывается необходимость разграничения общего и специального правового регулирования в данной сфере. Делается вывод о том, что гражданское право обеспечивает регулирование имущественных и договорных элементов образовательных отношений, тогда как образовательное законодательство учитывает их специальную публично-социальную природу.*

Ключевые слова: *образовательное право, гражданское право, межотраслевое взаимодействие, образовательные отношения, договор об образовании, право собственности, оперативное управление, предпринимательская деятельность, ответственность образовательной организации, результаты интеллектуальной деятельности, интеллектуальная собственность, имущественные отношения, гражданско-правовая ответственность, образовательная организация.*

BATYGOV Zayaudin Osmanovich,
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Ingush State University, Magas, Russia

BARAKHOEVA Elizaveta Abubukarovna,
Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law Ingush State University, Magas, Russia

BATYGOVA Madina Zayaudinovna,
Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Ingush State University, Magas, Russia

INTERDISCIPLINARY RELATIONSHIPS BETWEEN EDUCATIONAL LAW AND CIVIL LAW

Annotation. *The article examines the main areas of intersectoral interaction between educational law and civil law. It analyzes the relationship between the provisions of the Federal Law "On Education in the Russian Federation" and the Civil Code of the Russian Federation in regulating educational relations. Particular attention is paid to education contracts and the civil-law aspects of the provision of educational services. The legal regime of property owned or used by educational organizations, including the right of ownership and the right of operational management, is considered. The article also examines the entrepreneurial activities of educational organizations and the civil-law relations arising in this sphere. Special attention is given to the liability of educational organizations for breaches of contractual obligations and for harm caused to the life and health of students. The interaction between educational and civil legislation in the sphere of creation, use and disposal of intellectual property is analyzed. The article substantiates the need to distinguish between general and special legal regulation in this field. It concludes that civil law regulates the property and contractual elements of educational relations, while educational legislation takes into account their specific public and social nature.*

Key words: *educational law, civil law, intersectoral interaction, educational relations, education contract, property rights, operational management, entrepreneurial activity, liability of an educational organization, results of intellectual activity, intellectual property, property relations, civil liability, educational organization.*

Введение

Несмотря на наличие специального образовательного законодательства, значительная часть отношений в сфере образования регулируется или дополняется нормами гражданского права. При этом не всегда очевидно, где заканчивается образовательное правоотношение и начинается гражданско-правовое отношение.

Образовательное право и гражданское право находятся в состоянии тесного межотраслевого взаимодействия, которое проявляется прежде всего в договорных, имущественных и обязательственных отношениях, однако применение гражданско-правовых норм в сфере образования имеет определенные пределы, обусловленные публичной значимостью образовательной деятельности и специальным правовым регулированием.

Актуальность исследования обусловлена тем, что образовательная деятельность осуществляется не изолированно от иных отраслей права. Нормы гражданского законодательства обеспечивают регулирование значительного числа имущественных, договорных и обязательственных отношений, возникающих в процессе деятельности образовательных организаций. В связи с этим определение пределов и особенностей применения гражданско-правовых норм в сфере образования имеет существенное значение как для теоретического осмысления межотраслевых связей, так и для правоприменительной практики.

Степень научной разработанности рассматриваемой проблематики определяется наличием исследований, посвященных гражданско-правовым аспектам образовательной деятельности. В частности, вопросы гражданско-правового регулирования высшего профессионального образования рассматривались В. В. Кваниной; гражданско-правовые элементы в системе регулирования услуг в сфере образования исследовала В. С. Потапенко; особенности правового режима результатов интеллектуальной деятельности бюджетных учреждений в научной и образовательной сфере анализировались В. А. Савиных; вопросы прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в бюджетных учреждениях за счет средств федерального бюджета, исследовала Е. Н. Васильева. Вместе с тем сохраняет значение комплексное рассмотрение основных направлений взаимодействия образовательного и гражданского права с учетом особенностей специального правового статуса образовательных организаций.

В соответствии со статьей 4 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [5] законодательство об образовании основывается не только на положениях указанного Федерального закона, но и на Конституции Российской Федерации, федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является выявление основных направлений межотраслевого взаимодействия образовательного и гражданского права, определение особенностей применения гражданско-правовых норм в сфере образования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить основные сферы взаимодействия образовательного и гражданского законодательства; рассмот-

реть особенности регулирования договора об образовании; исследовать правовой режим имущества образовательных организаций; определить особенности осуществления образовательными организациями приносящей доход деятельности; проанализировать гражданско-правовые аспекты ответственности образовательных организаций; рассмотреть особенности правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых в образовательных организациях.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод использован при анализе положений Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Гражданского кодекса Российской Федерации. Системный метод позволил рассмотреть нормы образовательного и гражданского права во взаимосвязи. Сравнительно-правовой метод применен для выявления соотношения общего гражданско-правового регулирования и специального регулирования образовательных отношений.

Гражданское право и образовательное право тесно взаимодействуют в ряде важных сфер, связанных с деятельностью образовательных организаций. К ним относятся: заключение и исполнение договора об образовании; имущественные отношения образовательной организации; осуществление предпринимательской и иной приносящей доход деятельности; гражданско-правовая ответственность образовательной организации; отношения, возникающие в связи с созданием, использованием и защитой результатов интеллектуальной деятельности. Иными словами, нормы гражданского права регулируют имущественные и договорные аспекты образовательной деятельности, дополняя специальные положения законодательства об образовании.

Рассмотрим более подробно каждую из перечисленных сфер:

1.Договор об образовании:

ФЗ № 273 в 54 статье предусматривает заключение договора в простой письменной форме между:

организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и лицом, зачисляемым на обучение (родителями (законными представителями) несовершеннолетнего лица);

организацией, осуществляющей образовательную деятельность, лицом, зачисляемым на обучение, и физическим или юридическим лицом, обязующимся оплатить обучение лица, зачисляемого на обучение.

В договоре об образовании должны быть указаны основные характеристики образования, в том числе вид, уровень и (или) направленность образовательной программы (часть образовательной программы определенных уровня, вида и (или) направленности), форма обучения, срок освоения образовательной программы (продолжительность обучения).

В договоре об образовании, заключаемом при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица (далее - договор об оказании платных образовательных услуг), указываются полная стоимость платных образовательных услуг и порядок их оплаты. Увеличение стоимости платных образовательных услуг после заключения такого договора не допускается, за исключением увеличения стоимости указанных услуг с учетом уровня инфляции, предусмотренного основными характеристиками федерального бюджета на очередной финансовый год и плановый период.

При заключении договора применяются положения 420-434 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ).

Договор на оказание вузом образовательных услуг является консенсуальным, двусторонним, возмездным – со стороны вуза, платным или бесплатным – со стороны обучающегося и относится к категориям публичного договора и договора присоединения.

К существенным условиям договора на оказание вузом образовательных услуг следует отнести следующие: 1) предмет; 2) срок обучения; 3) размер оплаты за обучение и порядок осуществления расчетов 4) ступени и формы получения образования; 5) вид документа об образовании; 6) условия расторжения договора; 7) ответственность сторон [7, с. 78].

Предмет договора на оказание образовательных услуг складывается из двух компонентов: 1) учебные планы, предусмотренные федеральными государственными образовательными стандартами, в которые включаются проведение лекций, практических, семинарских занятий, консультаций, экзаменов и зачетов; форма реализации образовательной программы (очная, очно-заочная, заочная), сроки обучения и т. д. 2) полученные обучающимися знания, умения, навыки, выступающие в форме неовеществленного положительного результата образовательной деятельности.

Стоимость образовательных услуг в законодательном порядке не определена и устанавливается каждым учебным заведением самостоятельно, исходя из уровня и качества образовательных услуг [8, с. 136].

2.Отношения собственности

В соответствии со статьей 102 Федерального закона № 273-ФЗ образовательная организация обязана располагать имуществом, необходимым для осуществления образовательной дея-

тельности, на праве собственности либо на ином законном основании. Кроме того, такое имущество может использоваться для осуществления иных видов деятельности, предусмотренных уставом образовательной организации.

Общее содержание права собственности определяется статьей 209 ГК РФ, закрепляющей за собственником правомочия владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом. Собственник вправе по своему усмотрению осуществлять в отношении имущества любые действия, если они не противоречат законодательству и не нарушают права и законные интересы иных лиц. Применительно к образовательным организациям данное положение имеет существенное значение, поскольку при наличии имущества на праве собственности образовательная организация как юридическое лицо осуществляет предусмотренные гражданским законодательством правомочия собственника.

Вместе с тем реализация положений статьи 209 ГК РФ в образовательной сфере имеет определенную специфику и должна осуществляться с учетом специальных положений Закона об образовании. Это обусловлено тем, что имущество образовательной организации характеризуется не только его экономической и имущественной ценностью, но и целевым предназначением. Оно используется прежде всего для создания необходимых условий осуществления образовательной деятельности и реализации образовательных программ. В связи с этим осуществление образовательной организацией правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом не может рассматриваться исключительно в рамках общих норм гражданского законодательства и должно соответствовать установленным законодательством об образовании целям и ограничениям.

Таким образом, статья 209 ГК РФ устанавливает общую гражданско-правовую основу права собственности образовательной организации, определяя содержание принадлежащих ей правомочий в отношении имущества, тогда как статья 102 Закона об образовании закрепляет специальные требования к имущественному обеспечению образовательной деятельности и тем самым конкретизирует применение общих положений гражданского законодательства с учетом особенностей образовательных отношений.

В соответствии с уставом образовательной организации учредитель закрепляет за ней необходимое для осуществления ее деятельности имущество, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, а также иные объекты потребительского, социального, культурного и иного назначения. Такое имущество может принадлежать учредителю на праве собственности либо находиться у него на законном основании, в том числе на основании договора аренды с собственником. Закрепленное за образовательной организацией имущество передается ей на праве оперативного управления.

Особый правовой режим установлен в отношении земельных участков, предоставляемых государственным и муниципальным образовательным организациям. Такие земельные участки предоставляются им на праве постоянного (бессрочного) пользования, что обеспечивает возможность их использования для размещения объектов образовательной инфраструктуры и осуществления предусмотренной законом деятельности.

Образовательная организация, за которой закреплено имущество, обязана обеспечивать его сохранность и использовать его надлежащим и эффективным образом в соответствии с установленным назначением. Ответственность образовательной организации за состояние и использование имущества обусловливает возможность осуществления со стороны собственника соответствующего контроля. Такой контроль может осуществляться непосредственно учредителем либо иным юридическим лицом, наделенным собственником соответствующими полномочиями.

Государственное и муниципальное имущество, переданное образовательной организации на праве оперативного управления, не становится ее собственностью. Собственник сохраняет за собой соответствующие правомочия и вправе осуществлять отчуждение принадлежащего ему имущества в порядке и на условиях, установленных федеральным законодательством, законодательством субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами, принятыми в пределах компетенции соответствующих органов. При этом законодательством предусматриваются определенные гарантии для негосударственных образовательных организаций, в частности преимущественное право на приобретение ранее закрепленного за ними либо арендуемого ими государственного или муниципального имущества в случае его отчуждения.

Изъятие либо отчуждение имущества, закрепленного за образовательной организацией, осуществляется с учетом условий соответствующего договора между собственником и образовательной организацией либо между собственником и учредителем. Как правило, такие действия допускаются после окончания срока действия указанного договора, если самим договором не предусмотрено иное. Данное положение направлено на обеспечение стабильности имущественной основы деятельности образовательной организации.

Содержание права оперативного управления раскрывается в статье 296 ГК РФ. Согласно данной норме учреждение осуществляет в отношении закрепленного за ним имущества правомочия владения, пользования и распоряжения в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества. Следовательно, право оперативного управления по своему содержанию является более ограниченным по сравнению с правом собственности, поскольку образовательная организация не обладает полной свободой распоряжения закрепленным за ней имуществом.

Ограниченный характер данного вещного права проявляется также в полномочиях собственника. Он вправе изъять у учреждения излишнее, неиспользуемое либо используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению. Таким образом, собственник сохраняет возможность определять дальнейшую судьбу имущества, переданного образовательной организации, если его использование не соответствует установленным целям либо имущество фактически не используется.

Дополнительные ограничения в отношении распоряжения имуществом учреждения установлены статьей 298 ГК РФ. В частности, учреждение не вправе самостоятельно отчуждать либо иным способом распоряжаться имуществом, закрепленным за ним собственником, а также имуществом, приобретенным за счет денежных средств, выделенных ему по смете. Вместе с тем правовой режим имущества, полученного от приносящей доход деятельности, имеет определенную специфику. Если учредительными документами учреждению предоставлено право осуществлять такую деятельность, полученные в результате нее доходы, а также имущество, приобретенное за счет этих доходов, поступают в самостоятельное распоряжение учреждения и подлежат учету на отдельном балансе.

Момент возникновения права оперативного управления определяется статьей 299 ГК РФ. По общему правилу такое право возникает с момента фактической передачи имущества учреждению, если иное не предусмотрено законодательством, иными правовыми актами либо решением собственника. Данное положение имеет принципиальное значение для определения момента возникновения у образовательной организации соответствующих правомочий в отношении переданного ей имущества.

Прекращение права оперативного управления осуществляется по основаниям и в порядке, установленным Гражданским кодексом Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами для прекращения права собственности. Кроме того, указанное право может прекращаться в результате правомерного изъятия имущества собственником. Таким образом, правовой режим оперативного управления представляет собой особую форму осуществления имущественных прав образовательной организации, при которой она получает возможность владеть и пользоваться имуществом в целях реализации своей уставной деятельности, однако сохраняет существенные ограничения в части его распоряжения, обусловленные правами собственника и целевым назначением имущества [10, с. 242-243].

3.Предпринимательская деятельность образовательного учреждения – это самостоятельная деятельность, осуществляемая на свой риск.

Цель предпринимательской деятельности одна – получение прибыли, что позволяет восполнить недостаток материальных средств (которых не хватает каждому образовательному учреждению).

Образовательное учреждение вправе вести предпринимательскую деятельность, предусмотренную его уставом. К предпринимательской деятельности образовательного учреждения относятся:

реализация и сдача в аренду основных фондов и имущества образовательного учреждения;

торговля покупными товарами, оборудованием;

оказание посреднических услуг;

долевое участие в деятельности других учреждений (в том числе образовательных) и организаций;

приобретение акций, облигаций, иных ценных бумаг и получение доходов (дивидендов, процентов) по ним;

ведение иных приносящих доход операций;

реализация производимой продукции, работ, услуг предусмотренных уставом.

Последний вид деятельности относится к предпринимательской лишь в той части, в которой получаемый от нее доход не реинвестируется непосредственно в данное образовательное учреждение и (или) на непосредственные нужды обеспечения, развития и совершенствования образовательного процесса (в том числе на заработную плату).

В своей предпринимательской деятельности образовательное учреждение приравнивается к предприятию и подпадает под действие законодательства Российской Федерации, регулирующего данную сферу.

Учредитель или органы местного самоуправления вправе приостановить предпринимательскую деятельность образовательного учреждения, если она идет в ущерб образовательной

деятельности, предусмотренной уставом, до решения суда по этому вопросу. Образовательные учреждения нередко разрабатывают и принимают Положение о предпринимательской деятельности. В положении дается определение предпринимательской деятельности, ее цели, порядок распределения полученного дохода и т. д.

4.Ответственность образовательной организации представляет собой еще одно значимое направление взаимодействия образовательного и гражданского права, поскольку нарушение образовательной организацией установленных законом или договором обязанностей может одновременно затрагивать публичные интересы, права и законные интересы обучающихся, имущественные интересы иных участников образовательных отношений и порождать гражданско-правовые последствия. Особенность данного вида ответственности заключается в том, что Закон об образовании закрепляет специальный комплекс обязанностей и оснований ответственности образовательной организации, тогда как Гражданский кодекс Российской Федерации определяет общие механизмы имущественной ответственности за нарушение обязательств, причинение вреда и нарушение гражданских прав.

В связи с этим ответственность образовательной организации имеет комплексный характер и может реализовываться посредством различных отраслевых механизмов в зависимости от характера совершенного нарушения.

Основополагающее значение в системе специального регулирования имеет статья 28 Закона об образовании, определяющая компетенцию, права, обязанности и ответственность образовательной организации. В соответствии с данной статьей образовательная организация обладает самостоятельностью в осуществлении образовательной, административной, финансово-экономической деятельности, разработке и принятии локальных нормативных актов и иных вопросах в пределах, установленных законодательством Российской Федерации и уставом образовательной организации. Одновременно предоставление образовательной организации определенной самостоятельности предполагает возложение на нее соответствующей юридической ответственности.

В частности, образовательная организация несет ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение функций, отнесенных к ее компетенции, а также за реализацию не в полном объеме образовательных программ в соответствии с ФГОС, качество образования своих выпускников и жизнь и здоровье обучающихся и работников образовательной организации при осуществлении образовательной деятельности. Таким образом, статья 28 Закона об образовании формирует специальную нормативную основу ответственности образовательной организации и устанавливает непосредственную связь между предоставленной ей самостоятельностью и обязанностью обеспечивать надлежащее осуществление образовательного процесса.

В гражданско-правовом аспекте указанное положение непосредственно связано с пунктом 1 статьи 309 ГК РФ, устанавливающим общий принцип надлежащего исполнения обязательств. Согласно данной норме обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями. В случае заключения договора об образовании образовательная организация приобретает определенный комплекс обязательств перед обучающимся или иным заказчиком образовательных услуг. Следовательно, нарушение условий договора может одновременно рассматриваться как нарушение специального законодательства об образовании и как ненадлежащее исполнение гражданско-правового обязательства. Например, если образовательная организация не предоставляет предусмотренный договором объем образовательных услуг, нарушает согласованные условия обучения либо не исполняет иные договорные обязанности, возникает основание для применения как специальных норм Закона об образовании, так и общих положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств.

Непосредственная связь между образовательным и гражданским правом проявляется также через статью 393 ГК РФ, предусматривающую обязанность должника возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Если между обучающимся и образовательной организацией существует договорное обязательство и его нарушение повлекло имущественные потери, соответствующие последствия могут определяться с применением статьи 393 ГК РФ. При этом гражданско-правовая ответственность не возникает автоматически при любом нарушении образовательного законодательства. Необходимо установить наличие соответствующего гражданско-правового основания ответственности, самого нарушения обязательства, причинно-следственной связи между нарушением и возникшими убытками, а в предусмотренных законом случаях – вины должника. Таким образом, образовательное законодательство определяет содержание обязанности образовательной организации, а гражданское законодательство может определять имущественные последствия ее нарушения.

Особое значение в данном контексте име-

ет статья 401 ГК РФ, закрепляющая общие основания ответственности за нарушение обязательства. По общему правилу лицо, не исполнившее обязательство или исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины, если законом или договором не предусмотрены иные основания. Для образовательной организации данное положение приобретает особое значение при рассмотрении договорных отношений по оказанию платных образовательных услуг. Образовательная организация как юридическое лицо должна организовать свою деятельность таким образом, чтобы обеспечить исполнение принятых на себя обязательств. Например, недостатки организации образовательного процесса, возникшие вследствие ненадлежащего внутреннего управления, отсутствия необходимого материального обеспечения либо иных обстоятельств, зависящих от самой организации, могут иметь значение при оценке вопроса о наличии оснований гражданско-правовой ответственности.

Вместе с тем необходимо учитывать, что ответственность образовательной организации не ограничивается договорными отношениями. Значительная часть возможных нарушений связана с причинением вреда жизни или здоровью обучающихся. Здесь ключевое значение приобретает статья 28 Закона об образовании, устанавливающая ответственность образовательной организации за жизнь и здоровье обучающихся и работников образовательной организации при осуществлении образовательной деятельности. Данное положение непосредственно связано со статьей 41 Закона об образовании, которая регулирует охрану здоровья обучающихся и устанавливает комплекс обязанностей образовательной организации по обеспечению безопасных условий обучения и воспитания. Таким образом, законодательство об образовании формирует специальную обязанность образовательной организации обеспечить безопасность участников образовательных отношений, тогда как гражданское законодательство определяет имущественные последствия нарушения этой обязанности.

В случае причинения вреда здоровью обучающегося возникает необходимость применения статьи 1064 ГК РФ [3], закрепляющей общее правило о возмещении вреда. Согласно данной норме, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме, если законом не предусмотрено иное. В образовательных отношениях указанная гражданско-правовая норма приобретает особое содержание так как законодательство об образовании устанавливает специальную обязанность образовательной организации по обеспечению жизни и здоровья обучающихся, а гражданское законодательство предусматривает механизм возмещения имущественных последствий, возникших в результате нарушения этой обязанности. Поэтому в случае, когда обучающийся получает травму во время образовательного процесса вследствие ненадлежащего обеспечения безопасности, вопрос может рассматриваться одновременно через призму образовательного права и гражданско-правовой ответственности за причинение вреда.

5.Одним из самостоятельных направлений взаимодействия образовательного и гражданского права выступают отношения, связанные с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности (РИД) в образовательных организациях. В процессе образовательной и научной деятельности создаются произведения науки, учебные и методические материалы, программы для ЭВМ, базы данных, изобретения и иные объекты интеллектуальной собственности. Основной правовой режим таких объектов устанавливается частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, однако особенности статуса образовательной организации обусловливают необходимость учета положений законодательства об образовании.

Как отмечает В. А. Савиных, исключительные права образовательного или научного бюджетного учреждения могут возникать вследствие создания служебного результата интеллектуальной деятельности, выполнения работ по договору, создания результата по заказу, приобретения исключительных прав по договору, а также в результате правопреемства [9, с. 123]. Соответствующие отношения регулируются положениями статей 1234, 1295, 1296, 1297, 1298, 1370, 1371, 1372 и 1373 ГК РФ [4]. Таким образом, именно гражданское законодательство определяет основания возникновения и содержание исключительного права на РИД, тогда как образовательное законодательство определяет специальный правовой статус организации, в рамках деятельности которой такие результаты создаются.

Особое значение имеет вопрос о распоряжении образовательной организацией принадлежащими ей исключительными правами. В исследовании В. А. Савиных обращается внимание на изменение правового регулирования после введения пункта 3 статьи 1227 ГК РФ, согласно которому к интеллектуальным правам не применяются положения о праве собственности и других вещных правах, если иное не предусмотрено разделом VII ГК РФ. В связи с этим автор приходит к выводу о невозможности непосредственного применения к исключительным правам бюджетного учреждения ограничений, установленных статьями 296 и 298 ГК РФ для имущества, находящегося на праве оперативного управления [9].

Данный подход позволяет разграничить

два правовых режима. Имущество образовательной организации может находиться в режиме оперативного управления, тогда как исключительное право на результат интеллектуальной деятельности является самостоятельным интеллектуальным правом и не может автоматически рассматриваться как разновидность вещного права. Поэтому распространение на него ограничений, установленных для имущества учреждения, требует специального нормативного основания. Савиных также указывает на недопустимость применения по аналогии положений статей 296 и 298 ГК РФ, поскольку отсутствие специальных ограничений само по себе не свидетельствует о наличии законодательного пробела.

Вместе с тем рассматриваемая проблема демонстрирует наличие определенного противоречия между общими гражданско-правовыми принципами и специальным статусом образовательной организации. Результат интеллектуальной деятельности может создаваться работниками образовательной организации в процессе выполнения трудовых обязанностей, с использованием материальной базы и финансовых ресурсов учреждения. Поэтому возникает вопрос о необходимости обеспечения баланса между самостоятельностью образовательной организации в распоряжении исключительными правами и публичными интересами, связанными с использованием ресурсов образовательной организации. На эту проблему в научной литературе обращает внимание, в частности, Е. Н. Васильева, исследующая особенности прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в бюджетных учреждениях за счет средств федерального бюджета [6, с. 155].

Дополнительным проявлением связи образовательного и гражданского права является статья 103 Закона об образовании, предусматривающая возможность внесения образовательными и научными организациями исключительных прав на определенные результаты интеллектуальной деятельности в качестве вклада в уставный или складочный капитал хозяйственного общества либо товарищества, создаваемого для практического применения таких результатов. Данная норма непосредственно связывает специальное образовательное законодательство с гражданско-правовыми механизмами коммерциализации интеллектуальной собственности.

Представляется, что результаты интеллектуальной деятельности являются одной из наиболее наглядных сфер межотраслевого взаимодействия образовательного и гражданского права. При этом нельзя говорить о равнозначном регулировании одного и того же отношения двумя отраслями. Более обоснованным представляется разграничение их функций: гражданское право устанавливает общий правовой режим интеллектуальных прав, основания их возникновения, осуществления и распоряжения ими, тогда как образовательное законодательство формирует специальный правовой контекст деятельности образовательной организации и определяет особенности реализации ею соответствующих прав.

Заключение

Таким образом, межотраслевое взаимодействие образовательного и гражданского права целесообразно рассматривать как сочетание общего и специального правового регулирования. Гражданско-правовые нормы обеспечивают возможность регулирования имущественных и договорных элементов образовательных отношений, а нормы законодательства об образовании определяют специальные условия их реализации. Такое разграничение позволяет обеспечить согласованное применение норм двух отраслей права и учитывать специфику образовательной деятельности.

В обобщенном виде механизм взаимодействия можно представить следующим образом: образовательное право определяет специальный режим образовательных отношений; гражданское право применяется к имущественным и договорным элементам этих отношений; специальные нормы законодательства об образовании имеют приоритет в вопросах, непосредственно связанных с организацией и осуществлением образовательной деятельности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 5.10. 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 6 октября 2022 г. (дата обращения 21.09.2026 г.).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ (ред. от 10.06.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 5. - Ст. 411.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 10.06.2026 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

[5] Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.09.2026) // Собрание законодательства

Российской Федерации. – 2012 - № 53. – Ст. 7598.

[6] Васильева Е. Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в бюджетных учреждениях за счет средств федерального бюджета // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 3. – С. 150-164.

[7] Савиных В.А. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности бюджетных учреждений в научной сфере и сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). – С. 123-130.

[8] Шкатулла В.И. – Образовательное право России М.: Юстицинформ, 2015. – 774 с.

[9] Кванина В. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования: Монография. – Москва: Изд-во «Готика», 2005 – 432 с.

[10] Потапенко В.С. Гражданско-правовые элементы в системе регулирования услуг в сфере образования // Журнал российского права. 2008. № 11(143). – С.135-146.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments made by the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 5.10. 2022 // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru). October 6, 2022 (accessed October 21.09.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ dated November 30, 1994 (as amended on November 10.06.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1994. - № 32. - Art. 3301.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law No. 15-FZ dated January 26, 1996 (as amended on 10.06.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - № 5. - Art. 411.

[4] Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006 (as amended on December 10.06.2026) // Sobr. legislation of the Russian Federation. - 1994. - № 32. - Art. 3301.

[5] On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 29.12.2012 dated 273-FZ (as amended on 01.09.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012 - № 53. - Art. 7598.

[6] Vasilyeva E.N. Rights to the results of intellectual activity created in budgetary institutions at the expense of the federal budget // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 3. - S. 150-164.

[7] Savinykh V.A. Legal regime of the results of intellectual activity of budgetary institutions in the scientific and educational sphere // Actual problems of Russian law. 2018. № 12 (97). - S. 123-130.

[8] Shkatulla V.I. - Educational Law of Russia M.: Justicinform, 2015. - 774 s.

[9] Kvanina V. V. Civil regulation of relations in the field of higher professional education: Monograph. - Moscow: Publishing house "Gothic," 2005 - 432 p.

[10] Potapenko V.S. Civil law elements in the system of regulation of services in the field of education // Journal of Russian Law. 2008. № 11(143). - P.135-146.

ИННОВАЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-312-321

КЕРИМОВА Милана Магомедсадиковна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Россия,
e-mail: milana7887@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам квалификации преступлений, в которых цифровая валюта выступает средством их совершения. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, существенно опережающим формирование нормативной базы. Цифровая валюта может выступать одновременно в нескольких качествах: как объект посягательства, как средство совершения преступления, а также как имущество, подлежащее аресту и конфискации. На основе анализа доктринальных позиций, судебной практики и новелл уголовного законодательства 2025–2026 годов выявляются проблемные узлы квалификации: разграничение обычного расходования цифровой валюты и легализации, оценка операций на P2P-платформах, доказывание связи криптокошелька с обвиняемым, определение момента окончания преступления. Автором обосновывается необходимость выработки единых стандартов фиксации цифровых следов и унификации доказательственных стандартов, а также формулируются конкретные предложения по совершенствованию правоприменительной практики и уголовного законодательства.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, криптовалюта, средство совершения преступления, квалификация преступлений, взяточничество, легализация, мошенничество, цифровые следы, конфискация, уголовное право.*

KERIMOVA Milana Magomedsadikovna,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russia

DIGITAL CURRENCY AS A MEANS OF COMMITTING A CRIME: PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation. *The article is devoted to the problems of qualification of crimes in which digital currency acts as a means of their commission. The relevance of the topic is due to the rapid development of digital technologies, which significantly outstrips the formation of the regulatory framework. Digital currency can simultaneously act in several capacities: as an object of encroachment, as a means of committing a crime, and as property subject to arrest and confiscation. Based on the analysis of doctrinal positions, judicial practice and novelties of criminal legislation of 2025–2026, the problematic nodes of qualification are identified: the distinction between ordinary spending of digital currency and legalization, evaluation of operations on P2P platforms, proving the connection of a crypto wallet with the accused, determining the moment of completion of the crime. The author substantiates the need to develop uniform standards for fixing digital traces and unifying evidentiary standards, and also formulates specific proposals for improving law enforcement practice and criminal legislation.*

Key words: *digital currency, cryptocurrency, means of committing a crime, qualification of crimes, bribery, legalization, fraud, digital traces, confiscation, criminal law.*

Развитие цифровых технологий существенно опережает формирование нормативной базы — это объективная реальность, с которой сталкиваются все государства. Цифровая валюта стала не просто новым финансовым инструментом, но и фактором, влияющим на характер и структуру правонарушений [5; 9]. Особую остроту приобретает проблема квалификации преступлений, в которых цифровая валюта выступает не только предметом посягательства, но и средством совершения деяния.

Актуальность темы обусловлена, во-первых, масштабными законодательными изменениями 2025–2026 годов: Федеральным законом от 20.02.2026 № 38-ФЗ цифровая валюта признана имуществом для целей Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе для обеспечения возможности её конфискации [1]. Во-вторых, наблюдается устойчивый рост числа уголовных дел, в фабуле которых цифровая валюта фигурирует как вознаграждение за незаконный сбыт наркотических средств, как предмет взятки, как элемент мошеннических схем и как легализуемое имущество [6; 7]. В-третьих, в доктрине уголовного права отсутствует единство в понимании уголовно-правовой природы цифровой валюты, что порождает неоднородность правоприменения [10; 13].

Доктринальная дискуссия о правовой природе цифровой валюты для целей уголовного права развивается в нескольких направлениях. Первое направление — признание цифровой валюты «иным имуществом» — получило наиболее широкое распространение в судебной практике. Как отмечает старший следователь по особо важным делам ГСУ СК РФ по Северо-Кавказскому федеральному округу В. С. Мельник, «суды устойчиво воспринимают цифровую валюту как „иное имущество“ в смысле статей 174, 174.1 УК РФ, а также как предмет взятки и объект мошеннического посягательства» [6, с. 47]. Данная позиция базируется на том, что цифровая валюта обладает всеми признаками имущества: она имеет стоимость, может быть отчуждена, может выступать средством расчёта и хранения ценности.

Второе направление связано с признанием цифровой валюты предметом преступлений против собственности. Пленум Верховного Суда РФ в 2026 году разъяснил, что предметом хищения могут быть не только вещи, но и безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта. При этом хищение таких средств считается оконченным с момента их списания со счёта потерпевшего, поскольку одновременно с изъятием виновный фактически распоряжается похищенным имуществом [8]. Данная позиция имеет принципиальное значение, поскольку впервые на уровне высшей судебной инстанции закреплён подход к цифровой валюте как к потенциальному предмету хищения, что устраняет ранее существовавшую неопределённость [2].

Третье направление акцентирует внимание на дуалистической природе цифровой валюты, которая может выступать одновременно как предмет и как средство совершения преступления. В доктрине отмечается, что цифровая валюта активно используется в различных экономических преступлениях, а отсутствие чёткого правового статуса цифровых валют создаёт благоприятные условия для преступных посягательств [9]. Как справедливо указывает Э. Л. Сидоренко, «цифровая валюта не вписывается в традиционную триаду „вещь — деньги — ценные бумаги“, что требует выработки особой методологии квалификации преступлений, связанных с ней» [13]. Дуалистическая природа цифровой валюты обусловливает необходимость учёта как её экономических свойств (стоимость, обращаемость), так и технических характеристик (децентрализованность, анонимность, отсутствие материальной формы), что было подчеркнуто также в исследованиях Н. А. Лопашенко применительно к преступлениям в сфере экономики [15, с. 112].

Четвёртое направление, напротив, ставит под сомнение возможность признания цифровой валюты имуществом в традиционном смысле. М. А. Филатова аргументирует, что «криптовалюта не обладает признаками вещи в смысле ст. 128 ГК РФ, не является безналичными денежными средствами или ценными бумагами; отнесение её к „иному имуществу“ для целей УК РФ возможно лишь в рамках расширительного толкования» [10, с. 31]. Данная позиция, несмотря на её критику, заслуживает внимания, поскольку она обнажает фундаментальную проблему: уголовно-правовая квалификация опирается на гражданско-правовое понятие имущества, которое не всегда адекватно отражает специфику цифровых активов. Как отмечает О. А. Кузнецова, правовое регулирование оборота цифровых финансовых активов характеризуется существенными пробелами, что создаёт условия для использования этих активов в преступных целях [25, с. 14].

Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ внёс определённость в этот вопрос, признав цифровую валюту имуществом для целей УК РФ и установив порядок наложения на неё ареста и особенности изъятия при производстве следственных действий [1]. Однако, как справедливо отмечает сенатор О. Земцов, «даже при наличии нормативных ориентиров возникают сложности в доказывании, идентификации активов, их оценке и последующем обращении в доход государства» [5]. Данное наблюдение подтверждается и мате-

риалами круглого стола, проведённого на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 26 мая 2026 года, в ходе которого были выявлены существенные расхождения в подходах судов к квалификации преступлений с использованием цифровой валюты [4].

Представляется, что для целей уголовного права ключевое значение имеет не гражданско-правовая природа цифровой валюты, а её фактическая способность выполнять функции имущества: служить средством обмена, средством сохранения ценности и средством платежа. Именно эта фактическая, а не юридическая характеристика делает цифровую валюту пригодной для использования в преступных целях — в качестве предмета взятки, средства легализации, объекта хищения и средства расчёта при совершении иных преступлений [6; 9]. Данный подход согласуется с позициями, высказанными в литературе о необходимости функционального, а не формального подхода к определению предмета преступления при квалификации деяний с цифровыми активами [15; 17].

Анализ судебной практики 2024–2026 годов позволяет выявить несколько групп проблемных узлов, каждый из которых требует самостоятельного доктринального осмысления.

Первая группа проблем связана с квалификацией взяточничества, в котором цифровая валюта выступает предметом получения взятки. Как показывает исследование А. А. Узденова, криптовалюта рассматривается судами как имущественная ценность, способная выступать предметом получения взятки, однако практика остаётся редкой и неоднородной [7, с. 236]. Наиболее сложными остаются вопросы оценки курса цифровой валюты, определения момента окончания преступления, доказательств контроля над цифровым кошельком и последующей конфискации актива.

Показательны примеры из практики. В Республике Мордовия вынесен приговор по делу о взятке в 2 BTC, при этом суд оценил размер взятки исходя из курса криптовалюты на день фактического получения, что составило значительную сумму [7]. В Карачаево-Черкесии начальник отдела полиции обвиняется в вымогательстве взятки в особо крупном размере, при этом на счёте хранится криптовалюта, эквивалентная 1,8 млн рублей [7, с. 238]. В обоих случаях суды столкнулись с необходимостью установления момента, когда взяткополучатель получил реальную возможность распоряжаться активом [23].

Проблема определения момента окончания преступления при получении взятки в цифровой валюте имеет принципиальное значение для квалификации. В отличие от традиционных форм взятки, где момент окончания связан с фактическим получением денег или иного имущества, при использовании цифровой валюты требуется установить, когда именно взяткополучатель получил реальную возможность распоряжаться активом. В доктрине высказывается позиция, что получение электронных денег считается взяткой с момента поступления средств на электронный кошелёк [7]. Однако при использовании децентрализованных криптовалют, таких как Bitcoin или USDT, перевод на кошелёк может не означать фактического контроля над активом, если ключи находятся у третьего лица или если транзакция не подтверждена достаточным числом узлов сети. Э. Л. Сидоренко предлагает различать четыре уровня управляемости цифровым активом: 1) обладание приватным ключом; 2) способность инициировать транзакцию; 3) фактическое подтверждение транзакции в сети; 4) возможность конвертировать актив в фиатные деньги [14]. Только при достижении третьего уровня, по её мнению, можно говорить о реальном контроле над активом для целей квалификации получения взятки.

Вторая группа проблем связана с квалификацией легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174, 174.1 УК РФ). В доктрине отмечается, что предметом легализации могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретённых в результате совершения преступления [9, с. 29]. Однако ключевая проблема заключается в разграничении обычного расходования цифровой валюты, полученной преступным путём, и её легализации.

В. С. Мельник выделяет следующие проблемные узлы: разграничение обычного расходования цифровой валюты и легализации; оценка операций на P2P-платформах; доказывание связи криптокошелька с обвиняемым; процессуальное оформление цифровых следов [6, с. 51]. Судебная практика демонстрирует, что конвертация криптовалюты в рубли через анонимные кошельки и банковские карты третьих лиц квалифицируется как легализация. Например, по одному из дел цифровая валюта, полученная в результате торговли наркотиками, превращалась из биткоинов в рубли через анонимные кошельки и банковские карты третьих лиц, что было квалифицировано судом как легализация по ч. 1 ст. 174.1 УК РФ [6, с. 52].

Вместе с тем в судебной практике встречаются и иные подходы. Так, Железнодорожный суд г. Пензы вынес обвинительный приговор по ст. 174.1 УК РФ, квалифицировав конвертацию криптовалюты, полученной от незаконного сбыта наркотиков, через P2P-платформу как легализацию. Однако Верховный Суд Республики Крым по аналогичному делу пришёл к противополож-

ному выводу, указав, что перевод криптовалюты на собственный счёт без использования третьих лиц и без цели придания правомерного вида владению не образует состава легализации [12]. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции впоследствии отменил оправдательный приговор, указав на необходимость оценки совокупности действий, а не только формальной операции конвертации [22].

Проблема разграничения особенно остра в связи со спецификой цели легализации. Как отмечает А. Евсеев, «цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению должна быть доказана, а не презумптироваться; простое распоряжение преступным доходом без цели его отмывания не образует состава ст. 174.1 УК РФ» [11, с. 33]. Представляется, что разграничение должно проводиться с учётом не только содержания финансовых операций, но и их структуры, использования номинальных держателей и уровней анонимности. Использование нескольких уровней конвертации, привлечение дропперов, задействование смесителей (mixers) и анонимных бирж свидетельствуют о наличии цели легализации, тогда как единичная конвертация на легальной бирже может рассматриваться как распоряжение преступным доходом.

Особого внимания заслуживает проблема квалификации операций на P2P-платформах. P2P-обмен предполагает прямую конвертацию криптовалюты в фиатные деньги между пользователями без посредничества централизованной биржи. Такая форма конвертации создаёт дополнительные сложности для квалификации: с одной стороны, P2P-операции могут быть вполне легитимным способом распоряжения имуществом; с другой — они часто используются для обхода процедур KYC/AML и сокрытия происхождения средств. В доктрине отмечается, что «многоуровневые P2P-сделки с привлечением номинальных держателей (дропперов) свидетельствуют о наличии специальной цели легализации» [27, с. 102]. На практике распространена так называемая «схема треугольник», при которой преступные средства переводятся через кошелёк-посредник, что формально разрывает связь между источником и конечным получателем, — такие операции, как правило, квалифицируются как легализация [27, с. 104].

Третья группа проблем связана с квалификацией мошенничества, в котором цифровая валюта выступает средством обмана или предметом хищения. Ключевой критерий отграничения мошенничества от кражи, по мнению исследователей, заключается в наличии взаимодействия с потерпевшим на основе обмана или злоупотребления доверием, приводящего к добровольной передаче криптовалюты или ключей доступа [9]. Однако на практике возникают сложности с доказыванием субъективной стороны: если лицо, получившее доступ к криптокошельку, не осознавало, что активы добыты преступным путём, квалификация по ст. 159 УК РФ становится проблематичной.

Кроме того, возникает вопрос о соотношении ст. 159 (мошенничество), ст. 158 (кража) и ст. 172.2 (незаконная организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества) УК РФ. Если лицо путём обмана завладело приватным ключом от криптокошелька потерпевшего и перевело активы на свой кошелёк, содеянное может квалифицироваться как мошенничество (при добровольной передаче ключа) или как кража (при тайном хищении ключа). Если же лицо создало фальшивую криптобиржу или инвестиционный проект и привлекало средства потерпевших, содеянное дополнительно может быть квалифицировано по ст. 172.2 УК РФ [3; 9].

Четвёртая группа проблем связана с квалификацией преступлений, в которых цифровая валюта выступает средством совершения иных преступлений — например, незаконного сбыта наркотических средств, где криптовалюта используется как вознаграждение. Как отмечает В. С. Мельник, в делах о незаконном обороте наркотиков цифровая валюта фигурирует как вознаграждение за незаконный сбыт наркотических средств, впоследствии конвертируемое в рубли [6, с. 53]. В таких случаях цифровая валюта выступает средством расчёта, что не создаёт самостоятельных проблем квалификации основного состава, однако порождает проблемы доказывания и конфискации.

Практическим иллюстрацией может служить дело Тамбиева, осуждённого за незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, у которого было изъято 2718 BTC (на сумму более 7,3 млрд рублей). Ленинский районный суд г. Махачкалы вынес приговор, конфисковав цифровые активы, однако апелляционная инстанция указала на недостаточность доказательств связи между обвиняемым и конкретными криптокошельками [19; 20]. Кассационная инстанция вернула дело на новое рассмотрение, отметив необходимость более детальной фиксации цифровых следов [21]. Данное дело наглядно демонстрирует, что даже при наличии значительных цифровых активов у обвиняемого их конфискация затруднена без надлежащего процессуального оформления.

Отдельного упоминания заслуживают уголовно-правовые риски, связанные с оборотом цифровой валюты как таковым. Статья 171.7 УК РФ (вступающая в силу с 1 января 2027 года) устанавливает уголовную ответственность

за незаконную организацию выпуска и (или) обращения цифровой валюты, предусматривая наказание вплоть до 7 лет лишения свободы [24]. Данная норма создаёт новый пласт проблем квалификации: отграничение незаконной организации обращения от легальной деятельности с цифровыми финансовыми активами, определение момента окончания преступления, оценка размера «дохода» в цифровой валюте. Как отмечает В. С. Мельник, «введение ст. 171.7 УК РФ потребует от правоприменителя выработки критериев отграничения административного правонарушения от уголовно наказуемого деяния, что в условиях цифрового пространства представляет нетривиальную задачу» [6, с. 57].

Отдельного внимания заслуживают процессуальные аспекты, которые тесно связаны с проблемами квалификации. В. С. Мельник обозначил следующие проблемы: необходимость выработки единых стандартов фиксации цифровых следов (данных кошельков, истории операций, переписки в мессенджерах, информации от бирж и P2P-сервисов); требование более подробного описания технической стороны операций с цифровой валютой в мотивировочной части приговора, особенно когда выводы о легализации или взяточничестве опираются на цепочки конвертаций; задача разграничения обычного расходования дохода и легализации, требующая учёта не только содержания финансовых операций, но и их структуры, использования номинальных держателей и уровней анонимности [6, с. 54].

Проблема доказывания связи криптокошелька с обвиняемым является одной из наиболее острых. В отличие от традиционных банковских счетов, криптовалютные кошельки не привязаны к персональным данным владельца. Установление того, что именно обвиняемый контролировал конкретный кошелёк, требует комплексного анализа цифровых следов: IP-адресов, метаданных транзакций, переписки в мессенджерах, данных с бирж и P2P-платформ. В доктрине отмечается низкий уровень цифровых навыков следствия и отсутствие надлежащего уголовно-процессуального статуса криптовалют как причины латентности таких преступлений [9; 26].

Как отмечает Э. Л. Сидоренко, «цифровые следы носят эфемерный характер: данные о транзакциях сохраняются в блокчейне, но привязка к конкретному лицу требует совокупности доказательств, каждое из которых в отдельности может быть оспорено» [14]. Это особенно актуально в случаях, когда обвиняемый использует VPN, Tor-браузер или иные средства анонимизации. В таких обстоятельствах доказывание связи кошелька с обвиняемым превращается в сложную пазл-задачу, решение которой требует привлечения специалистов в области цифровой криминалистики и информационной безопасности.

Особую сложность представляет процессуальный статус данных, полученных от криптовалютных бирж и P2P-платформ. Информация о верификации личности, истории транзакций, IP-адресах входа в систему может быть получена лишь в порядке международного сотрудничества по уголовным делам, что существенно затягивает расследование. В случае с децентрализованными биржами (DEX) и некастодиальными кошельками получение таких данных вообще может быть невозможным. В связи с этим В. С. Мельник предлагает закрепить в УПК РФ контроль транзакций с цифровой валютой как самостоятельное следственное действие по аналогии с контролем и записью переговоров [28, с. 115].

Проблема оценки стоимости цифровой валюты также имеет существенное значение для квалификации. Старший прокурор второго отдела управления государственных обвинителей Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры РФ М. М. Долгиева отметила, что «ключевым и спорным вопросом остаётся стоимость данного актива» [12]. Волатильность криптовалют создаёт неопределённость при определении размера взятки, суммы легализованных средств и размера хищения. Стоимость биткоина может изменяться на десятки процентов в течение нескольких дней, что влечёт различные правовые последствия в зависимости от выбранного момента оценки. Данная проблема усугубляется отсутствием единого регулируемого рынка цифровой валюты в Российской Федерации, что было отмечено О. А. Кузнецовой при анализе правового режима цифровых финансовых активов [25, с. 16].

Представляется, что стоимость должна определяться на момент совершения преступления с учётом данных криптовалютных бирж, однако единый подход к выбору источника оценки до настоящего времени не выработан [12; 18]. Альтернативный подход, предлагаемый М. М. Долгиевой, заключается в том, чтобы при невозможности определения рыночной стоимости на момент совершения преступления исходить из сумм, фактически затраченных на приобретение цифровой валюты [12]. Данный подход имеет свои ограничения: он неприменим в случаях, когда цифровая валюта была получена не в результате покупки, а в результате совершения преступления (например, в качестве взятки или выручки от незаконного сбыта наркотиков).

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема процессуальной хрупкости цифровых доказательств. Данные о транзакциях в блокчейне, в отличие от традиционных документов, не существуют в материальной форме. Их фиксация в материалах уголовного дела производит-

ся путём изготовления скриншотов, распечаток, протоколов осмотра электронных носителей, — однако все эти формы фиксации могут быть оспорены защитой как ненадёжные. Как отмечает С. В. Кушнир, «скриншот блокчейн-эксплорера не является надёжным доказательством без подтверждения хэш-суммы и привлечения специалиста» [26, с. 74]. Это обуславливает необходимость разработки специального протокола фиксации цифровых доказательств, включающего верификацию хэш-сумм, привлечение специалистов в области блокчейн-технологий и использование сертифицированных программных средств.

Наконец, следует отметить проблему конфискации цифровой валюты. Несмотря на признание цифровой валюты имуществом для целей УК РФ [1], обращение её в доход государства на практике сталкивается с техническими и процедуральными сложностями. Для перевода изъятой криптовалюты требуется доступ к приватным ключам, который может быть утрачен (например, при отказе обвиняемого от их предоставления). Кроме того, отсутствует нормативно закреплённый порядок хранения и реализации изъятой цифровой валюты. По данным М. М. Долгиевой, в ряде случаев приговоры о конфискации цифровой валюты фактически не исполняются именно из-за невозможности доступа к активам [12; 18]. Данная проблема требует незамедлительного решения на уровне подзаконного регулирования. Как отмечает Л. В. Иногамова-Хегай, институт конфискации имущества в уголовном праве России нуждается в существенной модернизации с учётом специфики цифровых активов [17, с. 198].

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию правоприменительной практики и уголовного законодательства.

Первое. Необходима разработка единых стандартов фиксации цифровых следов в уголовном процессе. Такие стандарты должны включать требования к документированию данных кошельков, истории транзакций, переписки в мессенджерах, информации от бирж и P2P-сервисов [6; 26]. Представляется целесообразным закрепить указанные стандарты в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвящённом судебной практике по делам о преступлениях, связанных с цифровой валютой. Данное постановление должно содержать минимальные требования к протоколу осмотра электронных носителей, порядку верификации данных блокчейна и привлечению специалистов в области цифровой криминалистики. Кроме того, как обоснованно предлагает В. С. Мельник, целесообразно закрепить в УПК РФ контроль транзакций с цифровой валютой как самостоятельное следственное действие, что позволит процессуально оформлять данные о движении цифровых активов в режиме реального времени [28, с. 115].

Второе. Требуется унификация доказательственных стандартов при установлении связи криптокошелька с обвиняемым. В частности, необходимо определить минимальный набор доказательств, достаточный для вывода о контроле обвиняемого над кошельком. К таким доказательствам могут относиться: данные о доступе к кошельку с устройств, принадлежащих обвиняемому (IP-адреса, MAC-адреса, cookies браузера); переписка, в которой обсуждается управление кошельком; показания свидетелей; данные бирж о верификации личности (KYC); результаты криминалистического исследования электронных устройств. При этом следует учитывать концепцию четырёх уровней управляемости цифровым активом, предложенную Э. Л. Сидоренко [14]: ниже третьего уровня (фактическое подтверждение транзакции в сети) вывод о контроле над активом не может считаться обоснованным.

Третье. Целесообразно выработать методику оценки стоимости цифровой валюты для целей квалификации. Представляется, что стоимость должна определяться на момент совершения преступления на основе средневзвешенной цены на крупнейших криптовалютных биржах (Binance, Coinbase, Kraken). При этом в мотивировочной части приговора должно быть указано, каким именно источником руководствовался суд и по какому курсу произведён расчёт. Альтернативный подход, предложенный М. М. Долгиевой, — исходить из сумм, фактически затраченных на приобретение цифровой валюты [12], — может применяться как субсидиарный, когда определение рыночной стоимости на момент совершения преступления невозможно (например, в случае значительной давности или утраты данных бирж). Однако данный подход неприменим, когда цифровая валюта получена не в результате покупки, а в результате совершения преступления (взятка, выручка от сбыта наркотиков).

Четвёртое. Необходимо более подробное описание технической стороны операций с цифровой валютой в мотивировочной части приговора, особенно когда выводы о легализации или взяточничестве опираются на цепочки конвертаций. Суд должен указывать: адреса кошельков, использованных обвиняемым; хэш-суммы ключевых транзакций; биржи и P2P-платформы, через которые производились операции; временные рамки конвертаций; курс, по которому оценивался актив. Это позволит обеспечить проверяемость судебных актов и единообразие правоприменения [6; 22]. Как показывает дело Тамбиева [19; 21], отсутствие детального описания цифровых операций в приговоре может стать основани-

ем для отмены судебного решения.

Пятое. Представляется обоснованным предложение о необходимости дополнительных разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений, в которых цифровая валюта выступает средством совершения. Такие разъяснения должны затронуть, в частности: момент окончания взяточничества при получении цифровой валюты (с учётом уровней управляемости активом); критерии разграничения легализации и обычного расходования преступного дохода (с учётом структуры операций, использования номинальных держателей и уровней анонимности); особенности квалификации мошенничества с использованием цифровой валюты (отграничение от краж и от ст. 172.2 УК РФ); порядок определения размера хищения при волатильности криптовалют [8; 9; 14]. Принятие такого постановления Пленума обеспечит единообразие судебной практики, которое в настоящее время, как показал анализ, отсутствует.

Шестое. Требуется нормативное закрепление порядка хранения и реализации изъятой цифровой валюты. Несмотря на признание цифровой валюты имуществом для целей УК РФ [1], в действующем законодательстве не урегулирован механизм её фактического изъятия, хранения и обращения в доход государства. Необходимо разработать и утвердить на уровне постановления Правительства РФ: перечень уполномоченных организаций, осуществляющих хранение изъятой цифровой валюты; порядок передачи приватных ключей от обвиняемого к уполномоченному хранителю; порядок конвертации изъятой цифровой валюты в фиатные денежные средства для обращения в доход государства; порядок действий в случае отказа обвиняемого от предоставления приватных ключей [16; 18]. Без решения этой проблемы признание цифровой валюты имуществом для целей конфискации остаётся декларативной нормой. Данный вопрос тесно связан с более широкой проблемой модернизации института конфискации имущества, затронутой в работах Л. В. Иногамовой-Хегай [17, с. 201] и А. Р. Гарайшиной [16, с. 103].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Цифровая валюта является полифункциональным объектом в уголовно-правовом контексте: она может выступать одновременно как предмет преступления, как средство его совершения и как имущество, подлежащее конфискации. Это порождает комплекс проблем квалификации, связанных с определением момента окончания преступления, разграничением смежных составов и доказыванием субъективной стороны. Дуалистическая природа цифровой валюты требует учёта как её свойства имущества, так и её технической специфики — децентрализованности, анонимности, волатильности.

Судебная практика демонстрирует устойчивый подход к признанию цифровой валюты «иным имуществом» для целей статей 174, 174.1 УК РФ, а также предметом взятки и объектом мошеннического посягательства [6; 7; 8]. Однако практика остаётся неоднородной: по аналогичным делам суды приходят к противоположным выводам, что наглядно демонстрируется расхождениями между позициями Железнодорожного суда г. Пензы, Верховного Суда Республики Крым и Восьмого кассационного суда [12; 22]. Неоднородность обусловлена отсутствием единых стандартов фиксации цифровых следов и унифицированных доказательственных стандартов.

Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ, признавший цифровую валюту имуществом для целей УК РФ [1], создал необходимую нормативную основу для конфискации цифровых активов, однако не решил всех проблем квалификации и доказывания. Предстоит ещё работа по реализации этой нормы на уровне подзаконных актов и судебных разъяснений. Введение ст. 171.7 УК РФ с 1 января 2027 года [24] добавит новый пласт проблем квалификации, связанных с отграничением незаконной организации обращения цифровой валюты от легальной деятельности.

Предложенные в статье меры — разработка единых стандартов фиксации цифровых следов, унификация доказательственных стандартов, выработка методики оценки стоимости цифровой валюты, более подробное описание технической стороны операций в приговорах, принятие специального постановления Пленума Верховного Суда РФ и нормативное закрепление порядка хранения и реализации изъятой цифровой валюты — направлены на обеспечение единообразия правоприменения и повышение эффективности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием цифровой валюты. Реализация этих мер позволит приблизить правоприменительную практику к тому уровню технической адекватности, которого требует стремительное развитие цифровых технологий.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.09.2026).

[2] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (ч. I). — Ст. 5018.

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

[4] Круглый стол в НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза»: Цифровая валюта как предмет преступления и средство его совершения: проблемы квалификации и доказывания (по материалам судебной практики) // Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. — 26.05.2026. — URL: https://www.law.msu.ru/news/kruglyy_stol_v_noc_ugolovno-pravovaya_ekspertiza__2026-05-26_17_39-11280 (дата обращения: 21.09.2026).

[5] Земцов О. Цифровая валюта стала не просто новым финансовым инструментом, но и фактором, влияющим на характер и структуру правонарушений // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — 14.04.2026. — URL: http://www.council.gov.ru/events/news/174046/ (дата обращения: 21.09.2026).

[6] Мельник В.С. Цифровая валюта как предмет преступления и средство его совершения: проблемы квалификации и доказывания (по материалам судебной практики) // Уголовное право. — 2026. — № 7. — С. 45–58.

[7] Узденов А.А. Получение взятки в цифровой валюте: тенденции и проблемы судебной практики // Молодой учёный. — 2026. — № 14 (617). — С. 235–239.

[8] Пленум ВС России под председательством Игоря Краснова определил, когда цифровые права и валюта являются предметом хищения // Верховный Суд Российской Федерации. — 16.06.2026. — URL: https://www.vsrf.ru/news/36011 (дата обращения: 21.09.2026).

[9] Журавлёв М.В. Криптовалюта как предмет легализации преступных доходов // Уголовное право. — 2024. — № 12. — С. 28–35.

[10] Филатова М.А. Правовая природа криптовалюты в контексте уголовной ответственности // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 5. — С. 30–37.

[11] Евсеев А.В. Цель легализации как критерий отграничения отмывания от распоряжения преступным доходом // Уголовное право. — 2024. — № 12. — С. 32–35.

[12] Долгиева М.М. Проблемы квалификации и конфискации цифровой валюты по материалам судебной практики // Материалы круглого стола НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза» МГУ. — М.: МГУ, 2026. — С. 15–22.

[13] Сидоренко Э.Л. О необходимости выработки методики квалификации преступлений, связанных с цифровой валютой // РАПСИ. — 22.01.2026. — URL: https://www.rapsinews.ru (дата обращения: 21.09.2026).

[14] Сидоренко Э.Л. Цифровая валюта в уголовном праве: проблематика квалификации // Криминологический журнал. — 2026. — № 3. — С. 40–48.

[15] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: толкование и квалификация: монография. — М.: Юрлитинформ, 2025. — 432 с.

[16] Гарайшина А.Р. Конфискация цифровой валюты: проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский юридический журнал. — 2025. — № 4. — С. 98–106.

[17] Иногамова-Хегай Л.В. Конфискация имущества в уголовном праве России: монография. — М.: Проспект, 2024. — 256 с.

[18] Борисов В.А. Проблемы исполнения приговоров о конфискации криптовалюты // Российская юстиция. — 2026. — № 2. — С. 41–45.

[19] Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы по делу Тамбиева от 15.03.2024 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: https://sudact.ru (дата обращения: 21.09.2026).

[20] Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 12.07.2024 по делу № 22-1274/2024 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: https://sudact.ru (дата обращения: 21.09.2026).

[21] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.10.2024 по делу № 77-2835/2024 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: https://sudact.ru (дата обращения: 21.09.2026).

[22] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2025 по делу № 77-1451/2025 // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: https://sudact.ru (дата обращения: 21.09.2026).

[23] Проект Федерального закона № 647823-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за незаконную организацию выпуска и (или) обращения цифровой валюты)» // Государственная Дума ФС РФ. — URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 21.09.2026).

[24] Федеральный закон от 10.07.2026 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконную организацию выпуска и (или) обращения цифровой валюты)» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.09.2026).

[25] Кузнецова О.А. Проблемы правового регулирования оборота цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Гражданское

право. — 2025. — № 2. — С. 12–19.

[26] Кушнир С.В. Цифровые доказательства в уголовном процессе: проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. — 2026. — № 1. — С. 70–79.

[27] Рагулин А.В. P2P-сделки с цифровой валютой: уголовно-правовые риски // Уголовное право. — 2025. — № 9. — С. 100–108.

[28] Мельник В.С. Контроль транзакций с цифровой валютой как следственное действие: за и против // Материалы круглого стола НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза» МГУ. — М.: МГУ, 2026. — С. 115–119.

References:

[1] Federal Law of 20.02.2026 No. 38-FZ "On Amendments to Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: http://pravo.gov.ru (access date: 21.09.2026).

[2] Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. - No. 31 (part I). - Art. 5018.

[3] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (rev. of 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 25. - Art. 2954.

[4] Round table at the REC "Criminal Legal Expertise": Digital currency as the subject of a crime and the means of its commission: problems of qualification and evidence (based on materials of judicial practice) // Law Faculty of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. - 26.05.2026. - URL: https://www.law.msu.ru/news/kruglyy_stol_v_noc_ugolovno-pravovaya_ekspertiza__2026-05-26_17_39-11280 (access date: 21.09.2026).

[5] Zemtsov O. Digital currency has become not just a new financial instrument, but also a factor affecting the nature and structure of offenses // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. - 14.04.2026. - URL: http://www.council.gov.ru/events/news/174046/ (access date: 21.09.2026).

[6] Melnik V.S. Digital currency as the subject of a crime and the means of its commission: problems of qualification and evidence (based on judicial practice) // Criminal law. — 2026. — № 7. - S. 45-58.

[7] Uzdenov A.A. Taking a bribe in digital currency: trends and problems of judicial practice // Young scientist. — 2026. — № 14 (617). - S. 235-239.

[8] The Plenum of the Russian Armed Forces, chaired by Igor Krasnov, determined when digital rights and currency are the subject of theft // Supreme Court of the Russian Federation. - 16.06.2026. - URL: https://www.vsrf.ru/news/36011 (access date: 21.09.2026).

[9] Zhuravlev M.V. Cryptocurrency as a subject of money laundering // Criminal law. — 2024. — № 12. - S. 28-35.

[10] Filatova M.A. The legal nature of cryptocurrency in the context of criminal liability // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2024. — № 5. - S. 30-37.

[11] Evseev A.V. The purpose of legalization as a criterion for distinguishing laundering from the disposal of criminal income // Criminal law. — 2024. — № 12. - S. 32-35.

[12] Dolgieva M.M. Problems of qualification and confiscation of digital currency based on materials of judicial practice // Materials of the round table REC "Criminal legal expertise" of Moscow State University. - M.: MOSCOW STATE UNIVERSITY, 2026. - S. 15-22.

[13] Sidorenko E.L. On the need to develop a methodology for qualifying crimes related to digital currency // RAPSI. - 22.01.2026. - URL: https://www.rapsinews.ru (access date: 21.09.2026).

[14] Sidorenko E.L. Digital currency in criminal law: qualification issues // Criminological journal. — 2026. — № 3. - S. 40-48.

[15] Lopashenko N.A. Economic crimes: interpretation and qualification: monograph. - M.: Yurlitinform, 2025. - 432 s.

[16] Garayshina A.R. Confiscation of digital currency: problems of legal regulation and law enforcement // Russian Legal Journal. — 2025. — № 4. - S. 98-106.

[17] Inogamova-Khegai L.V. Confiscation of property in the criminal law of Russia: monograph. - M.: Prospect, 2024. - 256 s.

[18] Borisov V.A. Problems of execution of sentences on confiscation of cryptocurrency // Russian justice. — 2026. — № 2. - S. 41-45.

[19] Verdict of the Leninsky District Court of Makhachkala in the case of Tambiev from 15.03.2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://sudact.ru (access date: 21.09.2026).

[20] Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Dagestan dated 12.07.2024 in case No. 22-1274/2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://sudact.ru (access date: 21.09.2026).

[21] Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 18.10.2024 in case No. 77-2835/2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://sudact.ru (access date: 21.09.2026).

[22] Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction of 24.03.2025 in

case No. 77-1451/2025 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. - URL: https://sudact.ru (access date: 21.09.2026).

[23] Draft Federal Law No. 647823-8 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of criminalizing the illegal organization of the issue and (or) circulation of digital currency)" // State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. - URL: https://sozd.duma.gov.ru (access date: 21.09.2026).

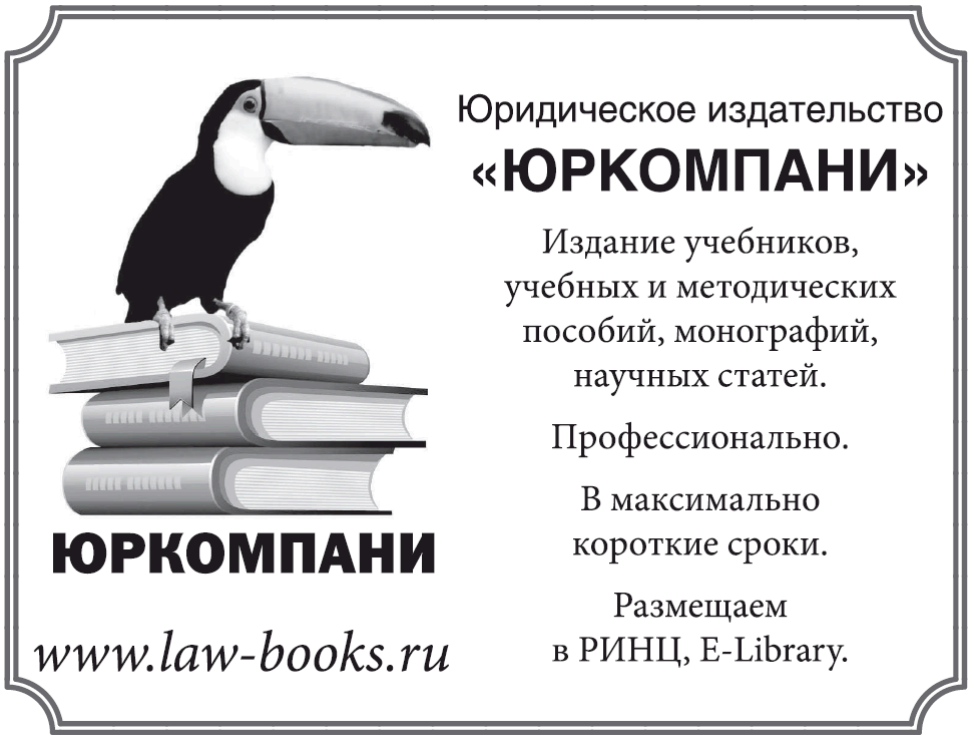
[24] Federal Law of 10.07.2026 No. 215-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of establishing liability for the illegal organization of the issue and (or) circulation of digital currency)" // Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru (access date: 21.09.2026).

[25] Kuznetsova O.A. Problems of legal regulation of the turnover of digital financial assets in the Russian Federation // Civil Law. — 2025. — № 2. - S. 12-19.

[26] Kushnir S.V. Digital Evidence in Criminal Proceedings: Problems and Prospects // Russian Law Journal. — 2026. — № 1. - S. 70-79.

[27] Ragulin A.V. P2P transactions with digital currency: criminal legal risks // Criminal law. — 2025. — № 9. - S. 100-108.

[28] Melnik V.S. Control of transactions with digital currency as an investigative action: for and against // Materials of the round table of the REC "Criminal Legal Expertise" of Moscow State University. - M.: Moscow State University, 2026. - S. 115-119.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-322-327

КАРПОВА Александра Владимировна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, канд. полит. наук,
e-mail: av_karpova@list.ru

КЛОЧКО Юлия Витальевна,
профессор кафедры психолого-педагогического и медицинского обеспечения деятельности ОВД Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, канд. психол. наук, доцент,
e-mail: Chenklo@mail.ru

СУХОРУКОВ Владимир Анатольевич,
профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России, канд. пед. наук, доцент,
e-mail: Pirogova-81@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ В СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема установления достоверности показаний участников уголовного судопроизводства средствами лингвистического и психолингвистического анализа. Актуальность исследования обусловлена ограниченностью традиционных методов визуальной диагностики лжи, не обеспечивающих надёжного распознавания обмана, а также процессуальными препятствиями для применения инструментальных психофизиологических методик. В условиях цифровой трансформации следственной деятельности, порождающей качественно новую форму противодействия расследованию — высокотехнологичную ложь, — единственным объективным ресурсом повышения качества следствия становится анализ собственно речевого продукта. Систематизируются языковые маркеры неискренности на пяти уровнях языковой системы: лексическом (снижение частоты местоимений первого лица, хеджирование, эвфемизация, дефицит сенсорно-перцептивной лексики), морфологическом (пассивные конструкции, частотность глаголов движения), синтаксическом (усложнение синтаксиса, нарушение логической связности), просодическом и фонетическом (паузация, оговорки, самокоррекции, темпоральные и мелодические сдвиги), прагматическом (гипертрофированная вежливость, манипуляция речевыми актами). Анализируются правовые ограничения использования лингвистического анализа в уголовном процессе, включая недопустимость постановки перед экспертом вопросов о достоверности показаний, вспомогательный характер экспертных заключений и требование оценки результатов в совокупности с другими доказательствами. Обосновываются перспективные направления интеграции лингвистических критериев в тактику допроса, включая применение когнитивно-ориентированных подходов и криминалистического профайлинга. Делается вывод о диагностической ценности комплексного применения лингвистических критериев и необходимости их сочетания с психологическими и криминалистическими методами.*

Ключевые слова: *достоверность показаний, лингвистические маркеры неискренности, психолингвистика, речевая неискренность, высокотехнологичная ложь, следственная практика, тактика допроса, лингвистическая экспертиза.*

KARPOVA Alexandra Vladimirovna,
Lecturer in the departments of special disciplines of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences

KLOCHKO Yulia Vitalievna,
Professor of the Department of Psychological, Pedagogical and Medical Support for Internal Affairs Activities All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

SUKHORUKOV Vladimir Anatolyevich,
Professor, Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

LINGUISTIC CRITERIA FOR ASSESSING THE CREDIBILITY OF TESTIMONY IN INVESTIGATIVE WORK

Annotation. *This article examines the issue of establishing the veracity of statements made by participants in criminal proceedings through linguistic and psycholinguistic analysis. The study's relevance stems from the limitations of traditional visual methods for detecting lies—which fail to ensure reliable deception recognition—and from procedural obstacles hindering the use of instrumental psychophysiological techniques. Amid the digital transformation of investigative work, which has spawned a qualitatively new form of obstruction—high-tech deception—the analysis of the actual verbal output has become the sole objective resource for enhancing the quality of investigations. The article systematizes linguistic markers of insincerity across five levels of the language system: lexical (reduced frequency of first-person pronouns, hedging, use of euphemisms, scarcity of sensory-perceptual vocabulary), morphological (passive constructions, frequency of verbs of motion), syntactic (syntactic complexity, disrupted logical coherence), prosodic and phonetic (pausing, slips of the tongue, self-correction, temporal and melodic shifts), and pragmatic (exaggerated politeness, manipulation of speech acts). It analyzes the legal constraints on using linguistic analysis in criminal proceedings, including the inadmissibility of asking experts directly about the veracity of statements, the auxiliary nature of expert opinions, and the requirement to evaluate results in conjunction with other evidence. The article substantiates promising avenues for integrating linguistic criteria into interrogation tactics, including the use of cognitively oriented approaches and forensic profiling. It concludes by highlighting the diagnostic value of a comprehensive application of linguistic criteria and the necessity of combining them with psychological and forensic methods.*

Key words: *credibility of statements, linguistic markers of insincerity, psycholinguistics, verbal insincerity, high-tech deception, investigative practice, interrogation tactics, linguistic forensic analysis.*

Проблема установления достоверности показаний участников уголовного судопроизводства традиционно относится к числу наиболее сложных и дискуссионных в криминалистическом знании, теории оперативно-розыскной деятельности и судебно-экспертной практике. В последние десятилетия следственная практика со всей очевидностью демонстрирует: недостаточно только опоры исключительно на визуальную диагностику при распознавания лжи. Как свидетельствуют эмпирические исследования, ни профессиональная деформация, ни стаж работы не обеспечивают безошибочного выявления обмана по невербальным проявлениям — микровыражениям лица, жестикуляции, взгляда, положению тела в пространстве. Процессуальный регламент, в свою очередь, существенно ограничивает возможности применения инструментальных методов психофизиологической диагностики, в частности полиграфа. В этих условиях единственным объективным ресурсом повышения качества следствия остаётся анализ собственно речевого продукта — текста показаний.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в контексте цифровой трансформации правоохранительной сферы. Развитие технических средств фиксации информации и внедрение цифровых баз данных безусловно видоизменяют парадигму следственной деятельности. Однако технологический сдвиг обостряет потребность глубокого лингвистического анализа вербальной информации, ведь до сих пор ключевым источником доказательственной информации остается вербальная и невербальная коммуникация между следователем и допрашиваемым лицом. Бинарность эффекта цифровой среды, в которую погружена современная следственная деятельность, проявляется в том, что, с одной стороны, в распоряжении следователя оказываются объективированные информационные массивы: видео-

записи городских камер наблюдения, банковские транзакции, биллинг абонентских соединений, геолокационные метки и серверные логи. В совокупности указанные данные формируют жёсткий каркас фактической основы расследования. С другой стороны, связующую функцию по отношению к разрозненным цифровым артефактам выполняют показания участников уголовного судопроизводства: именно они придают цифровой фактуре преступления процессуальное значение, выстраивая их в целостную доказательственную картину, в которой отражается субъективное восприятие события.

Тотальный цифровой контроль порождает качественно новую форму противодействия расследованию — высокотехнологичную ложь. Допрашиваемый, как правило, уже не отрицает ни факта своего пребывания в определённом месте, ни факта совершения транзакции, поскольку подобные утверждения легко опровергаются данными из информационных систем. Вместо этого он выстраивает развёрнутые объяснительные конструкции: «телефон оставил у знакомого», «картой пользовался сожитель», «действовал под угрозой, содержание которой не могу раскрыть, не подвергая опасности близких». В подобных ситуациях технические средства фиксируют лишь внешнюю сторону произошедшего, а вот понять, как сам допрашиваемый объясняет случившееся и не скрывает ли он настоящие причины своих поступков, можно только через анализ его слов — того, как он строит свои показания. Любой цифровой след требует текстологической верификации.

Следовательно, инструментом преодоления высокотехнологичной лжи может стать только системный анализ речевого продукта. Теоретической базой для такого анализа служит прикладная лингвистика, изучающая маркеры обмана. Толчком для изучения лингвистического аспекта ложных утверждений в отечественных и зарубежных исследованиях послужила работа Х. Вайнриха «Лингвистика лжи» (1966), в которой делается попытка «очертить понятие лжи как темы лингвистических исследований» [1]. В основе концепции автора лежит тезис о том, что язык не предназначен для обмана: ложь — лишь оборотная сторона его основной знаковой функции. По мысли исследователя, язык по своей природе ориентирован на истину, а коммуникация служит тому, чтобы делать мысли доступными для другого. Вайнрих не проблематизирует утверждение о том, что язык помогает лгать; напротив, он описывает, что именно происходит в структуре высказывания, когда истина превращается в свою противоположность. Центральным здесь становится положение о большей энергозатратности ложного высказывания по сравнению с истинным: говорящему приходится одновременно удерживать в сознании реальную картину событий и конструировать правдоподобный вымысел, контролируя при этом производимое впечатление. Такая двойная задача неизбежно оставляет следы на поверхностном уровне текста — в выборе слов, построении фраз, управлении темпом повествования.

Лингвистический анализ даёт возможность зафиксировать следы неискренности в тексте, однако не объясняет природы их происхождения и причин, по которым одни маркеры оказываются надёжными, а другие не выдерживают эмпирической проверки. Ответы на эти вопросы лежат в плоскости психолингвистики, рассматривающей ложь не как готовый текст, а как динамический процесс — от формирования замысла у говорящего до его интерпретации слушающим. Именно этот ракурс позволяет увидеть за поверхностными языковыми проявлениями глубинные когнитивные механизмы, лежащие в основе порождения и восприятия ложных высказываний.

Рассмотрение данных теоретических предпосылок позволяет выделить конкретные уровни языковой системы, на которых манифестируется установка на обман.

В лингвистике, психолингвистике и криминалистике принято выделять маркеры лжи, которые находят свое отражение в словарном составе (лексический уровень), в форме слов (морфологический уровень), в структуре предложение (синтаксический уровень), в интонации и темпе речи (просодический и фонетический уровни), в функционировании языка (прагматический уровень). Рассмотрим инструменты каждого из них подробнее:

1. Лексический уровень.

На лексическом уровне ложные высказывания проявляются в двух диаметрально противоположных тенденциях. С одной стороны, наблюдается обеднение и упрощение словаря, с другой — намеренное усложнение высказывания и искусственное наращивание деталей.

Одним из наиболее воспроизводимых в эмпирических исследованиях маркеров выступает снижение частоты местоимений первого лица единственного числа, субъект пытается таким образом дистанцироваться от содержания, ситуации. Анализ реальных случаев корпоративного мошенничества, проведённый Бёргуном и его коллегами [2], зафиксировал, что в ложных высказываниях слова «я», «мой», «меня» встречаются существенно реже, чем в правдивых. Психологический механизм здесь достаточно прозрачен: конструируя вымысел, говорящий стремится отстраниться от него и не принимать на себя личную ответственность за сообщаемое.

Стоит отметить, что ложные высказывания отличаются повышенной концентрацией

хеджирующих единиц — «возможно», «вероятно», «в некотором смысле», «насколько я помню». Подобные лексемы позволяют смягчить утверждение и сохранить пространство для отступления в случае разоблачения. Одновременно они формируют образ осторожной, взвешенной речи, что может ошибочно восприниматься как свидетельство честности. Осторожную речь может характеризовать использование ложных синонимов и эвфемизмов, в частности, происходит замена прямых терминов смягчёнными или нейтральными выражениями для маскировки негатива («ушёл в отставку» вместо «уволили», «экономические трудности» вместо «банкротство»).

Ряд исследований отмечает снижение доли эмоционально окрашенных слов в ложных высказываниях. Правдивая речь, особенно при описании значимых событий, закономерно насыщена оценками, чувствами и личностным отношением. Ложное высказывание, напротив, тяготеет к нейтральному, «протокольному» регистру, поскольку говорящему затруднительно одновременно выстраивать вымысел и поддерживать эмоциональную вовлечённость. Более того, отмечается отсутствие сенсорно-перцептивной лексики. Лжецы часто избегают слов, описывающих чувственный опыт: зрение, слух, осязание, вкус, обоняние. Пример: вместо «Я увидел кровь» → «Там была кровь», «Вижу» → «Заметил».

Вопреки интуитивному ожиданию, что ложь упрощает речь, высокомотивированные говорящие нередко прибегают к искусственному наращиванию деталей. Это обусловлено осознанием того, что подробный рассказ воспринимается аудиторией как более достоверный. Однако добавленные детали зачастую оказываются нерелевантными или непроверяемыми: они не несут смысловой нагрузки, а лишь создают видимость конкретности.

2. Морфологический уровень.

На морфологическом уровне неискренность проявляется в специфике использования грамматических категорий, прежде всего в характере залоговых конструкций и в распределении глагольных форм определённой семантики.

Одним из маркеров дистанцирования от содержания высказывания выступает повышенная частотность пассивного залога. Конструкции типа «деньги были переданы» вместо «я передал деньги» позволяют говорящему устранить указание на субъект действия и тем самым снизить меру личной ответственности за сообщаемое. Пассив, таким образом, выполняет функцию грамматического средства психологического отстранения от описываемого события.

В ложных высказываниях, описывающих события, связанные с перемещением во времени и пространстве, нередко наблюдается повышенная концентрация глаголов движения — «пошёл», «пришёл», «вышел», «вернулся». Это объясняется тем, что при конструировании вымысла говорящий стремится воссоздать внешнюю канву событий, однако лишён реального сенсорного опыта, который мог бы наполнить рассказ содержательными деталями. Глаголы движения в такой ситуации становятся наиболее доступным средством создания видимости динамичного, развёрнутого повествования.

3. Синтаксический уровень.

На синтаксическом уровне неискренность проявляется в структурной организации высказывания — как в усложнении отдельных предложений, так и в нарушении связности текста в целом.

Для ложных высказываний характерно наращивание синтаксической сложности: предложения становятся длиннее, перегружаются придаточными частями, вводными оборотами и повторами. Подобная структура выполняет двоякую функцию. С одной стороны, она отражает когнитивную нагрузку, связанную с необходимостью одновременно удерживать реальную картину событий и конструировать вымысел. С другой — создаёт дополнительную нагрузку на слушающего, затрудняя восприятие и критическую проверку сообщаемой информации. Перенасыщенность синтаксиса становится, таким образом, инструментом, отвлекающим внимание от содержательных противоречий.

Вторым устойчивым признаком выступает ослабление логических связей между элементами повествования. В ложном высказывании зачастую отсутствуют звенья, обеспечивающие естественный переход от одного события к другому: опускаются промежуточные этапы, происходит резкая смена темы без указания на причину такого перехода, не эксплицируются причинно-следственные отношения. Подобные разрывы отражают трудность одновременного выстраивания двух линий повествования достоверной и вымышленной. Говорящий, лишённый реального опыта описываемых событий, оказывается не в состоянии воспроизвести их естественную логику и последовательность.

4. Просодический и фонетический уровни.

На просодическом и фонетическом уровнях неискренность обнаруживается в темпоральных и мелодических характеристиках речи, а также в наличии разного рода сбоев, сопровождающих речепорождение.

Показательными признаками выступают незапланированная паузация, оговорки, самокоррекции и повторы отдельных лексем. Частые остановки, исправления сказанного, повторы слов («э-э... ну, я имею в виду...») традиционно интерпретируются как индикаторы повышенной когнитивной нагрузки: говорящему приходится

одновременно удерживать в сознании подлинную версию событий и выстраивать альтернативный нарратив, что неизбежно нарушает плавность речевого потока. Самокоррекции, в частности, свидетельствуют о том, что произнесённый вариант не соответствует заранее сконструированному замыслу и требует немедленной замены.

Вторую группу признаков образуют темпоральные и мелодические сдвиги. Ускорение темпа нередко наблюдается в моменты, когда говорящий отвечает на прямые вопросы, затрагивающие значимые для него обстоятельства. Такое ускорение может отражать стремление быстрее миновать «опасный» участок диалога. Повышение тона в завершающей части фразы также рассматривается как индикатор эмоционального напряжения, сопровождающего сообщение недостоверных сведений. Мелодический рисунок в подобных случаях утрачивает естественную вариативность, приобретая черты напряжённой, недостаточно модулированной интонации.

5. Прагматический уровень.

В сфере реализации фактической функции неискренность проявляется в гипертрофированной вежливости, использовании формальных приветствий и ритуализированных формул, не несущих содержательной нагрузки. Особого внимания заслуживает такой приём, как уход от прямого ответа посредством встречных уточняющих вопросов (техника перефразирования мыли) — «Что именно вас интересует?», «Не могли бы вы уточнить?». Подобные реплики выполняют двойную задачу: они создают видимость заинтересованного диалога и одновременно позволяют говорящему выиграть время, необходимое для конструирования ответа, а также переложить бремя конкретизации на собеседника.

На уровне речевых актов неискренность обнаруживается в намеренном смешении утверждений о фактах с предположениями и модальными конструкциями. Формулировки типа «Наверное, это был он» или «Мне кажется, я тогда не заходил» позволяют говорящему сохранить видимость правдоподобия, не принимая на себя ответственности за точность сообщаемого. В случае разоблачения такая реплика легко переквалифицируется в «мне так показалось», что выводит её из разряда заведомо ложных утверждений. Подобное смешение модальностей создаёт эффект уклончивости и одновременно затрудняет верификацию высказывания.

Применение лингвистического анализа в рамках уголовного судопроизводства сопряжено с рядом нормативных ограничений, игнорирование которых способно повлечь признание полученных результатов недопустимыми доказательствами.

Прежде всего, необходимо учитывать, что вопросы о достоверности или недостоверности показаний не могут ставиться перед экспертом-лингвистом. Установление истинности сообщаемых сведений относится к компетенции следователя и суда, но не эксперта, чья задача ограничивается исследованием языковых характеристик текста. Выход за пределы этой компетенции превращает заключение из доказательства в оценочное суждение, не имеющее процессуальной силы.

Далее, заключение эксперта-лингвиста носит вспомогательный, ориентирующий характер. Оно не устанавливает факт лжи и не может служить самостоятельным основанием для выводов о виновности или невиновности. Его назначение состоит в том, чтобы предоставить следователю дополнительную информацию, которая может быть использована при построении версий и планировании следственных действий.

Наконец, результаты лингвистического анализа подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами. Согласно статье 88 УПК РФ [3], каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а все собранные доказательства — в их совокупности. Это означает, что языковые маркеры неискренности не могут рассматриваться изолированно: они приобретают доказательственное значение лишь в системе с иными сведениями, полученными процессуальным путём.

Несмотря на указанные ограничения, лингвистический анализ обладает значительным тактическим потенциалом, который может быть реализован в ходе допроса.

Одно из перспективных направлений состоит в использовании результатов анализа для определения областей, требующих дополнительного уточнения. Выявленные в предварительном исследовании текста участки с повышенной концентрацией маркеров неискренности — изменения паузальной структуры, утрата логической связности, смешение модальностей — могут стать ориентирами для более детальной проработки соответствующих обстоятельств в ходе допроса.

Другим направлением является применение когнитивно-ориентированных подходов к организации допроса. К их числу относится, в частности, обратный порядок воспроизведения событий, при котором допрашиваемому предлагается описать произошедшее в хронологически обратной последовательности. Этот приём затрудняет конструирование вымысла, поскольку требует удержания в памяти нескольких линий повествования одновременно. Аналогичную функцию выполняют неожиданные вопросы, нарушающие заранее подготовленный сценарий ответа и вынуждающие говорящего конструировать реакцию в режиме реального времени.

Наконец, определённым вспомогательным инструментом выступает криминалистический профайлинг. Он не заменяет процессуальных средств доказывания и не даёт самостоятельного доказательственного результата, однако позволяет следователю более осознанно выстраивать коммуникативную тактику, учитывая индивидуальные особенности допрашиваемого и вероятные стратегии его поведения. В этом качестве профайлинг смыкается с лингвистическим анализом, образуя единый инструментарий тактического обеспечения допроса.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение как для теории лингвистического анализа речевой неискренности, так и для практики следственной работы. Ложь представляет собой не просто искажение фактов, а сложный когнитивный и коммуникативный процесс, оставляющий следы на всех уровнях языковой системы. В отличие от интуитивных представлений, согласно которым ложь проявляется преимущественно в невербальном поведении, данные современных исследований свидетельствуют: именно речевые характеристики обладают наибольшей диагностической ценностью. Лексические, морфологические, синтаксические и просодические маркеры неискренности, рассмотренные в настоящей работе, образуют систему взаимосвязанных признаков, каждый из которых в отдельности не является достаточным, но в совокупности позволяет приблизиться к объективной оценке достоверности высказывания. Комплексный подход, объединяющий достижения лингвистики, психолингвистики и криминалистики, представляет собой наиболее перспективный путь к созданию объективных и надёжных инструментов оценки достоверности показаний.

Список литературы:

[1] Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Х. Вайнрих. — Москва: Прогресс, 1987. — 464 с.

[2] Burgoon J., Mayew W. J., Giboney J. S., Elkins A. C., Moffitt K., Dorn B., Byrd M., Spitzley L. Which Spoken Language Markers Identify Deception in High-Stakes Settings? Evidence From Earnings Conference Calls // Journal of Language and Social Psychology. — 2016. — Vol. 35, № 2. — P. 123–157. — DOI: 10.1177/0261927X15586792.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

References:

[1] Weinrich H. Linguistics of Lies / H. Weinrich. - Moscow: Progress, 1987. — 464 c.

[2] Burgoon J., Mayew W. J., Giboney J. S., Elkins A. C., Moffitt K., Dorn B., Byrd M., Spitzley L. Which Spoken Language Markers Identify Deception in High-Stakes Settings? Evidence From Earnings Conference Calls // Journal of Language and Social Psychology. — 2016. — Vol. 35, № 2. — P. 123–157. — DOI: 10.1177/0261927X15586792.

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.10.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-10-328-333

ИГОШИН Владимир Геннадьевич,
Доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Самарский юридический институт ФСИН России, кандидат педагогических наук,
e-mail: salvajo@yandex.ru

ПАНТЕЛЕЕВ Виктор Александрович,
Доцент кафедры организации режима и надзора ФКОУ ВО Владимирский юридический институт ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации,
e-mail: panteleev_va@33.fsin.gov.ru

РАЧКОВ Леонид Вадимович,
Преподаватель кафедры пожарной безопасности и естественнонаучных дисциплин ФКОУ ВО Санкт-Петербургский Университет ФСИН России,
e-mail: leonidrachkov@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМАХ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. *Данная статья посвящается комплексному анализу технологических и правовых аспектов внедрения систем видеонаблюдения на базе искусственного интеллекта (далее-ИИ) в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации. Рассматривается эволюция от пассивного наблюдения к проактивным интеллектуальным системам, способным к анализу поведения, биометрической идентификации и прогнозированию инцидентов. Авторами в статьи делается акцент на выявлении правовых коллизий, возникающих на стыке целей обеспечения безопасности в исправительном учреждении, требований режима и фундаментальных прав человека и гражданина. Также анализируются пробелы в действующем законодательстве, в частности, в сфере защиты персональных данных, гарантий прав осужденных и определения ответственности за решения, принятые алгоритмами ИИ. В заключение предлагаются направления для совершенствования деятельности в работе систем видеонаблюдения на основе ИИ, включая разработку специализированных стандартов работы с ИИ, внедрение механизмов защиты персональных данных, а также обеспечения дополнительного контроля со стороны общества и государства за работой таких систем.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, видеоаналитика, пенитенциарная система, видеонаблюдение, безопасность, права человека, персональные данные, правовое регулирование, цифровизация*

IGOSHIN Vladimir Gennadievich,
Associate Professor of the Department of Organization of Regime, Protection and Escort of the Federal State Educational Institution of Higher Education Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences

PANTELEEV Victor Alexandrovich,
Associate Professor of the Department of Organization of Regime and Supervision of the Federal State Educational Institution of Higher Education Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

RACHKOV Leonid Vadimovich,
Lecturer at the Department of Fire Safety and Natural Sciences of the Federal State Educational Institution of Higher Education St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PENITENTIARY VIDEO SURVEILLANCE SYSTEMS: TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION AND LEGAL CHALLENGES

Annotation. *This article is devoted to a comprehensive analysis of the technological and legal aspects of the introduction of video surveillance systems based on artificial intelligence (hereinafter-AI) in penitentiary institutions of the Russian Federation. The evolution from passive surveillance to proactive intelligent systems capable of analyzing behavior, biometric identification, and incident prediction is considered. The focus is on identifying legal conflicts that arise at the intersection of security objectives, regime requirements, and fundamental human rights. The article also analyzes gaps in the current legislation, particularly in the areas of personal data protection, guarantees for the rights of convicts, and the definition of responsibility for decisions made by algorithms. In conclusion, the article proposes directions for improving the regulatory framework, including the development of specialized ethical and legal standards and the implementation of mechanisms for algorithmic accountability.*

Key words: *artificial intelligence, video analytics, penitentiary system, video surveillance, security, human rights, personal data, legal regulation, digitalization.*

Современная уголовно-исполнительная политика Российской Федерации находится в состоянии глубокой трансформации, движимой двумя взаимосвязанными векторами: гуманизация исполнения наказаний и их технологической модернизацией [1, с. 215]. Внедрение цифровых технологий рассматривается как ключевой инструмент для повышения эффективности, безопасности и прозрачности пенитенциарной системы. В этом контексте особую значимость приобретают системы видеонаблюдения, эволюционирующие от простой фиксации событий к сложным интеллектуальным комплексам на базе ИИ.

Традиционное видеонаблюдение, основанное на мониторинге оператором множества экранов, имеет ряд системных недостатков: человеческий фактор, усталость внимания, запоздалая реакция на инциденты и невозможность обработки огромных блоков архивных данных [2, с. 45]. Интеллектуальные системы видеоаналитики предлагают переход к проактивной модели безопасности, автоматически детектируя подозрительные активности, идентифицируя личности и прогнозируя потенциальные угрозы.

Однако стремительное технологическое развитие опережает формирование актуальной правовой среды, создавая предпосылки для законодательных пробелов в регламентации развивающейся системе правоотношений. Внедрение ИИ в замкнутую, пенитенциарную среду исправительного учреждения порождает комплекс нерешенных правовых, а также этических вопросов. С одной стороны, технологии способствуют предотвращению правонарушений (побегов, массовых беспорядков, групповых неповиновений), обеспечивают безопасность персонала и осужденных, а также объективизируют контроль за действиями сотрудников учреждений. С другой стороны, они создают предпосылки установления тотального цифрового контроля, скрытой дискриминации отдельных лиц, произвольного ограничения прав человека и возникновения алгоритмических решений, не поддающихся понятной правовой оценке.

Целью настоящего исследования является анализ технологических возможностей систем ИИ-видеонаблюдения в пенитенциарных учреждениях и выявление связанных с их применением правовых вызовов в контексте российского и международного права. Актуальность темы обусловлена направлением национальной политики направленной на технологическое совершенствование всех сфер жизни общества и цифрового суверенитета, который стимулирует активное развитие отечественных решений на базе ИИ.

Стремительное технологическое внедрение новых технологий, особенно в такой сфере, как места лишения свободы, опережает формирование правовых и этических требований которые бы регламентировали взаимоотношения субъектов внутри учреждений уголовно-исполнительной системы. Данное исследование актуально, поскольку оно направлено на анализ указанных проблем и выработку предложений по его преодолению.

Современные системы ИИ-видеонаблюдения представляют собой интеграционные платформы, сочетающие аппаратно-техническую часть (камеры видеонаблюдения, серверы) и программные алгоритмы машинного обучения[3, с. 4]. Их функционал выходит далеко за рамки детекции движения и включает несколь-

ко ключевых модулей, кардинально меняющих парадигму контроля в ИУ. Ниже попробуем проанализировать основные качественные характеристики вышеуказанной модели.

Биометрическая идентификация и контроль доступа. Модуль распознавания лиц позволяет в реальном времени сравнивать изображение человека с базой данных, автоматически идентифицируя осужденных, персонал и посетителей [4, с. 34]. Это решает задачи: контроля перемещений: фиксация несанкционированного проникновения в запретные зоны и изолированные участки учреждения (склады, медчасть, административный корпус); ведения автоматического учета: подсчет количества лиц в помещениях, на выходах с производственных объектов; поиска лиц: оперативное выявление разыскиваемых лиц среди вновь прибывших или в толпе.

Поведенческая аналитика и детекция событий. Алгоритмы компьютерного зрения, основанные на нейросетях, обучены распознавать не просто движение, а конкретные паттерны поведения и события:

Агрессивные взаимодействия: автоматическое определение драк, нападений, агрессивных жестов.

Нехарактерное поведение: падение человека, длительная неподвижность (возможный признак болезни или суицидальной попытки), скопление людей в неположенном месте.

Оставленные предметы: обнаружение подозрительных сумок или пакетов, что критично для борьбы с террористическими актами и попытками передачи запрещенных предметов на территорию учреждений.

Пересечение виртуальных линий: создание «электронных периметров» внутри помещений с мгновенным оповещением об их нарушении. [5, с. 1950]

Прогностическая (предиктивная) аналитика.

Наиболее сложный и спорный с практической точки зрения модуль. На основе анализа больших метаданных (история видеоархивов, данные о случившихся конфликтах, нарушениях установленного порядка отбывания наказания) система пытается вычислить вероятность наступления нежелательного события [6, с. 600]. Например, выявить конкретных осужденных или группу осужденных, между которыми наиболее высока вероятность конфликта, либо совершения любого из возможных инцидентов прописанных в алгоритме ИИ. Это позволяет администрации учреждения принять превентивные меры реагирования.

Также система позволяет по описательным признакам (одежда, походка, антропометрия) за секунды осуществлять поиск в архивах видеоданных за месяцы, восстанавливая маршруты перемещения человека или историю событий зарегистрированных в базе данных. Такая аналитика является необходимой при проверке законности и что самое главное действительности выявленных и составленных нарушений на конкретного осужденного. Данные обстоятельства могут быть актуальны при обжаловании или несогласие осужденного, либо его законного представителя на зарегистрированное нарушение установленного порядка отбывания наказания.

Оценивая различные аспекты функционирования средств видеоконтроля, нами проведен сравнительный анализ традиционного и интеллектуального видеонаблюдения по 5 основным критериям в рамках исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы. (См. Таблица 1)

№ п/п	Критерий	Традиционное наблюдение	Интеллектуальное наблюдение на базе ИИ
1.	Основная функция	Отображение в режиме реального времени и запись данных	Выявление, предупреждение и прогнозирование инцидентов, сбор и анализ данных текущей обстановки
2.	Роль оператора	Непрерывный визуальный контроль	Работа с приоритетными событиями, инициированные системой при поддержке оператора
3.	Анализ данных	Ручной, выборочный просмотр видеоархивов	Автоматический поиск по параметрам, поведенческий и прогностический анализ
4.	Обеспечение безопасности	Доказательство уже случившегося нарушения	Снижение количества нарушений, за счет их предотвращения
5.	Влияние на нагрузку персонала	Высокая нагрузка на оператора, низкая эффективность при осуществлении надзора	Снижение нагрузки, перераспределение ресурсов за счет анализа видеопотоков, выделение и предупреждение для оператора потенциальных либо реальных нарушений

Таблица 1. Сравнение традиционного и интеллектуального видеонаблюдения в ИУ.

Таким образом, технологическая трансформация ведет к созданию «цифрового двойника» исправительного учреждения, где каждый индивид и его действия могут быть непрерывно отслежены, проанализированы и оценены алгоритмом. Это создает принципиально новую правовую реальность. Внедрение столь мощных инструментов наблюдения в деятельность исправительных учреждений, где и без того существенно ограничены права и свободы человека, требует конкретного и понятного правового регулирования. Действующее законодательство РФ не содержит

целостного регулирования использования ИИ в правоохранительной и пенитенциарной сфере, что порождает комплекс нерешенных проблем.

Статья 23 Конституции РФ гарантирует право на неприкосновенность частной жизни. Осужденные, хотя и ограничены в правах, не теряют фундаментальных прав человека, включая достоинство личности. Тотальное постоянное наблюдение, усиленное анализом мимики, эмоций и социальных взаимодействий, может превратиться в форму психологического давления и унижающего достоинство обращения, что противоречит не только Конституции, но Минимальным стандартным правилам ООН по обращению с заключенными (Правилам Нельсона Манделы).

Правовым основанием для видеонаблюдения в ИУ служит ст.83 УИК РФ, обязывающая администрацию обеспечивать надзор, в том числе с помощью использования технических средств. Однако указанная норма сформулирована применительно к техническим средствам надзора и контроля в целом и не устанавливает требований к алгоритмической обработке получаемых данных, порядку проверки результатов работы ИИ, информированию осужденного о принятии автоматизированного решения либо возможности его оспаривания. Также закон не дифференцирует обычное и интеллектуальное наблюдение. ФЗ «О персональных данных» № 152-ФЗ относит биометрические данные (к которым относятся изображение лица и поведенческие паттерны) к особой категории, требующей явного согласия субъекта. Аналогичным образом, действующие Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, несмотря на актуализацию в 2025–2026 гг., не устанавливают специального порядка применения ИИ при наблюдении за поведением осужденных.

Решения, принимаемые нейросетями (например, классификация поведения как «агрессивного»), часто не имеют понятного для человека обоснования. Если на основе такого решения к осужденному применяются меры взыскания (водворение в ШИЗО, перевод на строгие условия), возникает вопрос: на чем основано это решение? На объективном факте или на ошибке алгоритма? Кто несет ответственность за ошибочное решение ИИ: разработчик, администрация ИУ, оператор. Действующее законодательство не предусматривает специальных норм, регламентирующих ответственность за допущенные нарушения, причиненные решениями автономных систем ИИ [7, с. 118].

Использование предиктивных алгоритмов для оценки «потенциальной опасности» осужденного создает риск «наказания за намерения». Осужденный, может быть, подвергнут дополнительным ограничениям не за совершенный проступок, а на основе вероятностной оценки, против которой он не может выдвинуть аргументированную защиту. Это противоречит базовым принципам, закрепленным в источниках российского законодательства: презумпции невиновности и наказание только за виновно совершенное деяние. Хотя ИИ позиционируется в рамках УИС как инструмент контроля за осужденными, он с равным успехом может использоваться для мониторинга действий сотрудников. Это создает потенциально возможное давления на персонал, опасение совершить любое «нестандартное» действие, которое система может трактовать как нарушение. С другой стороны, технология может выявить реальные злоупотребления, а также нарушения со стороны персонала учреждения. В этой связи, по нашему мнению, необходимо разработка механизма, регулирующего использование системы ИИ для контроля за персоналом, предусматривающего фиксацию определенных действий, являющихся нарушениями.

Для оптимизации технологического прогресса в области использования ИИ в процессе исполнения и отбывания наказания в исправительном учреждении необходима комплексная работа по созданию специализированной нормативно правовой базы. Нами предлагаются следующие ключевые позиции, направленные на совершенствование данной работы:

Принятие специализированного нормативного акта. Целесообразно разработать и принять ведомственный нормативный акт, утвержденный совместно с Роскомнадзором и Минюстом России, который бы детально регламентировал: цели и допустимые пределы использования, в том числе ИИ-видеонаблюдения в ИУ, перечень конкретных технологических операций, разрешенных к применению (идентификация личности, проведение контроля в камерных и запираемых помещениях), и тех, что требуют специального разрешения (например, предиктивная оценка личности на основе эмоций), порядок обработки биометрических данных осужденных с формализацией их письменного согласия и правом на обжалование, требования к созданию «зон приватности» в камерах (например, туалеты, кабинеты для свиданий с адвокатом, молельные комнаты).

Также, по нашему мнению, необходимо закрепление правовых гарантий для осужденных. Необходимо дополнить УИК РФ статьями, гарантирующими: право на информацию о факте, целях и параметрах наблюдения за ним с помощью ИИ; право на обжалование решений, принятых на основе автоматизированной обработки данных, включая право потребовать проверки решения комиссионно; право на юридическую и техническую экспертизу в случае взысканий, наложенных по результатам работы системы.

Создание института общественного и парламентского контроля, в рамках которого предусмотреть: включение представителей Общественной наблюдательной комиссии в процедуры оценки внедряемых систем ИИ в деятельность исправительных учреждений; публичную отчетность ФСИН об использовании ИИ-технологий, их эффективности и зафиксированных сбоях в работе.

Определение ответственности персонала, в рамках которого требуется внести изменения в законы и подзаконные нормативные акты РФ, установив: ответственность администрации ИУ за вред, причиненный осужденному вследствие применения системы, если не доказано, что вред возник из-за непреодолимой силы или умысла самого осужденного; солидарную ответственность разработчика/поставщика системы ИИ, если вред причинен из-за очевидного дефекта алгоритма или недостоверных программных решений, предоставленных разработчиком.

Подводя итог настоящего исследования, необходимо отметить, что внедрение искусственного интеллекта в системы видеонаблюдения пенитенциарных учреждений представляет собой неизбежный и в целом позитивный процесс технологической модернизации УИС. Оно обладает значительным потенциалом для повышения объективности контроля, профилактики правонарушений, оптимизации ресурсов и сил в обеспечение безопасности.

Однако в настоящее время данный инструмент сам по себе остается недостаточно проработанным. Ключевыми проблемами являются:

Отсутствие дифференциации между обычным и интеллектуальным наблюдением.

Риск алгоритмической предвзятости, а также непрозрачность алгоритмов ИИ,

Отсутствие законодательных норм, регламентирующих деятельность ИИ, в том числе, устанавливающих ответственность за допущенные нарушения при их использовании

Опасность превентивного ограничения прав осужденных на основе прогностических моделей алгоритма работы ИИ.

Устранение данных недостатков требует не запрета технологий, а их ответственного и детального правового регулирования, включая механизмы защиты от ошибок, (так называемых «галлюцинаций ИИ») и сбоев в работе системы. Предложенные направления совершенствования направлены в первую очередь на создание баланса между обеспечением безопасности (режима) в ИУ и соблюдением прав и законных интересов осужденных содержащихся в местах лишения свободы.

Только при условии опережающего развития институтов права над внедряемыми технологиями цифровая трансформация пенитенциарной системы сможет стать подлинным инструментом ее гуманизации, а не новой, более совершенной формой подавления человека и гражданина.

Список литературы:

[1] Саломатин С. В. Перспективы гуманизации современной российской пенитенциарной системы / С. В. Саломатин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 16(187). – С. 214-220.

[2] Аналитический обзор «Цифровизация уголовно-исполнительной системы: мировые тренды и российская практика». – М.: НИИ ФСИН России, 2023. – 156 с.

[3] Яковлева Е. О. Перспективы использования искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Е. О. Яковлева, К. А. Лунева, В. К. Тарыкин // Полицейская деятельность. – 2025. – № 2. – С. 1-14. – DOI 10.7256/2454-0692.2025.2.71931..

[4] Гатиятуллина Э. М. Защита персональных данных в условиях цифровизации: эволюция и современное состояние / Э. М. Гатиятуллина // Закон и власть. – 2023. – № 3. – С. 33-37.

[5] Ханнанов К. А. Искусственный интеллект и право: регулирование технологий и ответственность за решения / К. А. Ханнанов, О. А. Пырнова // Цифровые системы и модели: теория и практика проектирования, разработки и использования : Материалы международной научно-практической конференции, Казань, 10–11 апреля 2025 года. – Казань: Казанский государственный энергетический университет, 2025. – С. 1948-1951.

[6] Силионов И. Н. Применение нейронных сетей в области компьютерного зрения для создания систем умного наблюдения и безопасности / И. Н. Силионов // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 3(84). – С. 594-601.

[7] Денисенко О. И. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы / О. И. Денисенко, И. С. Жаров, Ж. А. Кадралеева // Вестник Самарского юридического института. – 2024. – № 4(60). – С. 113-119.

References:

[1] Salomatin S.V. Prospects for the humanization of the modern Russian penitentiary system / S.V. Salomatin // Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. – 2014. – № 16(187). - S. 214-220.

[2] Analytical review "Digitalization of the penal system: global trends and Russian practice." - M.: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. - 156 s.

[3] Yakovleva E. O. Prospects for the use of artificial intelligence in law enforcement / E. O. Yakovleva, K. A. Luneva, V. K. Tarykin // Police activities. – 2025. – № 2. - S. 1-14. – DOI 10.7256/2454-0692.2025.2.71931..

[4] Gatiyatullina E. M. Protection of personal data in the context of digitalization: evolution and the current state / E. M. Gatiyatullina // Law and power. – 2023. – № 3. - S. 33-37.

[5] Hannanov K.A. Artificial Intelligence and Law: Regulation of Technologies and Responsibility for Solutions / K.A. Hannanov, O.A. Pyrnova // Digital Systems and Models: Theory and Practice of Design, Development and Use: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, April 10-11, 2025. - Kazan: Kazan State Energy University, 2025. - S. 1948-1951.

[6] Silionov I. N. The use of neural networks in the field of computer vision to create smart surveillance and security systems / I. N. Silionov // Bulletin of Science. – 2025. - T. 3, NO. 3 (84). - S. 594-601.

[7] Denisenko O. I. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system / O. I. Denisenko, I. S. Zharov, J. A. Kadraleeva // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2024. – № 4(60). - S. 113-119.

